

NORDIC AND BALTIC STUDIES REVIEW

2021
Issue 6

**Междисциплинарный научно-образовательный центр FENNICA
Петрозаводского государственного университета**

Interdisciplinary Research and Educational Centre for Baltic and Finnish Studies 'FENNICA'
Petrozavodsk State University

**Междисциплинарный научно-образовательный центр NORDICA
Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН**

Interdisciplinary Research and Educational Centre for Northern European Studies 'NORDICA'
Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences

**АЛМАНАХ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКИХ И БАЛТИЙСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
NORDIC AND BAL TIC STUDIES REVIEW**

Вып. 6 / Issue 6

**Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2021**

УДК 94(48)+94(474)+94(47)

ББК 63.3(4)+63.3(2)

А

Международный научный электронный журнал <http://nbsr.petrso.ru>

Главный редактор — И. Р. Такала
Ответственный секретарь — А. В. Толстикова

Редакционный совет

Богатырёв Сергей, Великобритания
Валге Яак, Эстония
Валцак Войцех, Польша
Вишавайнен Тимо, Финляндия
Гиеровская-Каллаур Иоанна, Польша
Ерусалимский К. Ю., Россия
Карелин В. А., Россия
Котлярчук Андрей, Швеция
Кюнтг Эни, Эстония
Линдквист Уле, Исландия
Муллаонен И. И., Россия
Нымм Елена, Эстония
Пересветов-Мурат Александр, Швеция
Селин А. А., Россия
Суни А. В., Россия
Таннберг Тьну, Эстония
Янке Карстен, Дания

Редакционная коллегия

Брюггеман Карстен, Эстония
Голубев Алексей, Канада
Джаксон Т. Н., Россия
Илюха О. П., Россия
Котт Мэтью, Швеция
Кривоноженко А. Ф., Россия
Мюклебуст Кари Ага, Норвегия
Рупасов А. И., Россия
Ряйхя Антти, Финляндия
Соломещ И. М., Россия

Разработка и техническая поддержка РЦНИТ ПетрГУ

Адрес редакции: 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33, каб. 413

E-mail: nbs-ed@petrsu.ru

ISSN 2541-8165

© МНОЦ FENNICA ПетрГУ, 2021

© МНОЦ NORDICA ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2021

© Авторы, 2021

© Техническая поддержка — РЦНИТ ПетрГУ, 2021

International academic journal <http://nbsr.petsu.ru>

Editor-in-Chief — Irina Takala
Editorial Secretary — Alexander Tolstikov

Editorial Council

Sergei Bogatyrev, UK
Konstantin Erusalimskiy, Russia
Joanna Gierowska-Kallaur, Poland
Carsten Jahnke, Denmark
Vladimir Karelin, Russia
Andrej Kotljarchuk, Sweden
Enn Küng, Estonia
Ole Lindquist, Iceland
Irma Mullonen, Russia
Jelena Nõmm, Estonia
Alexander Pereswetoff-Morath, Sweden
Adrian Selin, Russia
Leo Suni, Russia
Tõnu Tannberg, Estonia
Jaak Valge, Estonia
Timo Vihavainen, Finland
Wojciech Walczak, Poland

Editorial Board

Karsten Brüggeman, Estonia
Alexey Golubev, Canada
Olga Ilyukha, Russia
Tatjana Jackson, Russia
Matthew Kott, Sweden
Kari Aga Myklebost, Norway
Alexander Rupasov, Russia
Antti Räihä, Finland

Technical support — PetrSU, RCNIT

Address of the editorial office: room 413, 33, Lenin Str., 185910, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia

E-mail: nbs-ed@petsu.ru

© PetrSU, Interdisciplinary Research and Educational Centre for Baltic and Finnish Studies 'FENNICA,' 2021

© Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Interdisciplinary Research and Educational Centre for Northern European Studies 'NORDICA,' 2021

© Authors, 2021

© Technical support — PetrSU, RCNIT, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ	8
EDITORS' FOREWORD.....	9

СТАТЬИ / ARTICLES

Юлия Закржевская / Iuliia Zakrzhevskaja

ФИНЛЯНДЦЫ В РУССКО-ШВЕДСКОЙ ДИПЛОМАТИИ, СЕРЕДИНА XV — СЕРЕДИНА XVI ВЕКА / FINNS IN RUSSO-SWEDISH DIPLOMACY, MID-FIFTEENTH TO MID-SIXTEENTH CENTURY.....	11
--	-----------

Игорь Лиман / Igor Liman

ФИНЛЯНДИЯ В ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНЕЙ РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЕ (1570–1595 гг.): ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ / FINLAND DURING THE TWENTY-FIVE YEARS' WAR BETWEEN SWEDEN AND RUSSIA (1570–1595): HISTORY AND MEMORY.....	27
--	-----------

Enn Küing / Энн Кюнг

TALLINN'S FINANCIAL RELATIONS WITH THE SWEDISH CENTRAL AUTHORITIES AT THE END OF THE SIXTEENTH CENTURY AND IN THE FIRST THIRD OF THE SEVENTEENTH CENTURY / ФИНАНСОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ТАЛЛИНА С ЦЕНТРАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ ШВЕЦИИ В КОНЦЕ XVI — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА	78
---	-----------

Vadim Svjatkovski / Вадим Святковский

RUSSIAN EMPIRE'S TIMBER TRADE POLICY IN NARVA DURING 1720s–1750s / ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ ЛЕСОМ В НАРВЕ В 1720–1750-е гг.	141
---	------------

Андрей Котлярчук, Турбьёрн Нильссон / Andrej Kotljarchuk, Torbjörn Nilsson

ФИНЛЯНДСКИЕ ШВЕДЫ, ШВЕДСКИЕ ФИННЫ И БОЛЬШОЙ ТЕРРОР В КАРЕЛИИ. ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОСТИ, ГРАЖДАНСТВА И ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ / FINLAND SWEDES, SWEDEN FINNS AND THE GREAT TERROR IN KARELIA. ISSUES OF NATIONALITY, CITIZENSHIP AND DIPLOMATIC ASSISTANCE	177
---	------------

Ольга Бурдакова, Елена Ньмм / Olga Burdakova, Jelena Nõmm

О ФОРМИРОВАНИИ СЮЖЕТОВ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ 1944 г. В ЛОКАЛЬНОМ ТЕКСТЕ г. НАРВЫ / DEVELOPMENT OF 1944 WAR HISTORY PLOTS IN THE LOCAL TEXT OF THE CITY OF NARVA	198
--	------------

Etta Niemi / Эмма Ниemi

THE IMAGE OF TROLLS IN THE GRAPHIC NOVEL SERIES <i>HILDAFOLK</i> / ОБРАЗ ТРОЛЛЕЙ В ГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ «ХИЛЬДАФОЛК».....	229
--	------------

ПУБЛИКАЦИИ / PUBLICATIONS

Павел Петров / Pavel Petrov

ДОКУМЕНТЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАЗВЕДКИ ВОЕННО-МОРСКОЙ БАЗЫ ПОРККАЛА-УДД В СЕНТЯБРЕ 1944 — СЕНТЯБРЕ 1945 ГОДОВ / DOCUMENTS ON THE INTELLIGENCE ACTIVITIES OF THE PORKKALA-UDD NAVAL BASE IN SEPTEMBER 1944 — SEPTEMBER 1945.....	260
---	------------

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ / PAPERS OF
THE ACADEMIC CONFERENCES**

**КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОБРАЗЫ КАРЕЛИИ: СОЗДАНИЕ,
ВОСПРИЯТИЕ, СУДЬБЫ» / ROUND TABLE IMAGES OF KARELIA:
EMERGENCE, PERCEPTION, OUTCOMES**

Ирина Такала / Irina Takala

ПРЕДИСЛОВИЕ / FOREWORD..... 283

Ольга Глюха / Olga Glukha

**«НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ»: ОБРАЗ КАРЕЛИИ В УЧЕБНИКАХ
ПО КРАЕВЕДЕНИЮ ДЛЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ (КОНЕЦ XIX —
НАЧАЛО XXI В.) / ‘THE BEGINNING OF ALL BEGINNINGS’: THE IMAGE OF
KARELIA IN TEXTBOOKS ON LOCAL HISTORY FOR YOUNGER
SCHOOLCHILDREN (LATE 19TH — EARLY 21ST CENTURY)..... 285**

Екатерина Захарова, Ирма Муллонен / Yekaterina Zakharova, Irma Mullonen

**ТОПОНИМИЧЕСКИЙ ОБЛИК СОВРЕМЕННОЙ КАРЕЛИИ / TOPONYMIC
LOOK OF MODERN KARELIA..... 298**

Юлия Литвин / Yulia Litvin

**«НАЙДИ ОТЛИЧИЯ»: РЕГИОНАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ В МАТЕРИАЛАХ ИНТЕРВЬЮ С КАРЕЛАМИ /
‘FIND DIFFERENCES’: REGIONAL AND ETHNIC IDENTITY IN THE MATERIALS
OF INTERVIEWS WITH KARELIANS 308**

Игорь Лиман, Екатерина Шестакова / Igor Liman, Yekaterina Shestakova

**ПРОЕКТ «100 СИМВОЛОВ КАРЕЛИИ» / PROJECT 100 SYMBOLS OF
KARELIA 316**

Денис Кузнецов / Denis Kuznetsov

КАРЕЛЬСКИЙ ДИЗАЙН / KARELIAN DESIGN 323

Елена Цумарова, Илья Соломеч, Алиса Круглова / Elena Tsumarova, Ilya Solomeshch, Alisa Kruglova

**КОНСТРУИРУЯ КАРЕЛИЮ: СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕГИОНА В
ИСТОРИЧЕСКОМ, ОФИЦИАЛЬНОМ И ПОВСЕДНЕВНОМ ДИСКУРСЕ /
CONSTRUCTING KARELIA: STRATEGIES FOR REPRESENTING THE REGION IN
HISTORICAL, OFFICIAL AND EVERYDAY DISCOURSE 333**

**ФИНЛЯНДСКО-РОССИЙСКИЙ СЕМИНАР МОЛОДЫХ ИСТОРИКОВ
«ФИНЛЯНДИЯ И РОССИЯ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ТРАДИЦИИ И
ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ» / FINNISH-RUSSIAN SEMINAR
OF YOUNG HISTORIANS FINLAND AND RUSSIA: HISTORY, CULTURE,
TRADITIONS AND ISSUES OF HISTORICAL MEMORY**

Дмитрий Фролов / Dmitri Frolov

ПРЕДИСЛОВИЕ / FOREWORD..... 350

Антон Этеляхо / Anton Eteläaho

**ИВАН ТИМИРЯЗЕВ — ОТ АДЪЮТАНТА ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА
ДО ФОТОГРАФА / IVAN TIMIRYAZEV — FROM AN ADJUTANT OF THE
GOVERNOR-GENERAL TO A PHOTOGRAPHER..... 356**

Ольга Шанина / Olga Shanina

У ИСТОКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА. ЯРОСЛАВЛЬ — ЮВЯСКЮЛЯ / AT THE ORIGINS OF INTERNATIONAL MUNICIPAL COOPERATION. YAROSLAVL — JYVÄSKYLÄ.... 370

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

Тимо Вихавайнен / Timo Vihavainen

ЧЕЛОВЕК СПРАВЕДЛИВОСТИ / A MAN OF RECTITUDE

РЕЦ. НА КН. / REVIEW OF: *Lehtinen, Lasse. Murhattu ministeri: Heikki Ritavuoren elämä ja kuolema. Helsinki: Otava, 2021. 509 s. (Лехтинен, Лассе. Убитый министр: Жизнь и смерть Хейкки Ритавуори. Хельсинки: Отава, 2021. 509 с.)..... 378*

Александр Рупасов / Alexander Rupasov

РЕЦ. НА КН. / REVIEW OF: *Мейнандер Х. Густав Маннергейм: Аристократ в суконном мундире / Пер. со швед. К. Мурадян. М.: Весь Мир, 2020. 321 с. 382*

Тимо Вихавайнен / Timo Vihavainen

ОДИН ИЗ ФРОНТОВ ВОЙНЫ / ONE OF THE FRONTS OF WAR

РЕЦ. НА КН. / REVIEW OF: *Kulba, Keijo K. Sotapropagandan valiojoukko 1941–1944. Helsinki: Minerva, 2021. 245 s. (Кулба, Кейо К. Элита военной пропаганды 1941–1944. Хельсинки: Минерва, 2021. 245 с.)..... 392*

Наталья Шарпаненкова / Natalia Sharapenkova

РЕЦ. НА КН. / REVIEW OF: *Лютстров М. Ю. Людвиг Хольберг и русско-скандинавские связи в XVIII веке. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 272 с. 396*

Илья Соломещ / Ilya Solomeshch

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И БЕЛОМОРСКИЕ КАРЕЛЫ: ЛЮДИ И СУДЬБЫ / CIVIL WAR AND WHITE SEA KARELIANS: PEOPLE AND DESTINIES

РЕЦ. НА КН. / REVIEW OF: *Усачева Е. В. Карельские беженцы: Дорога домой = Itä-Karjalan pakolaiset: Tie kotiin. Петрозаводск: Периодика, 2020. 224 с. 399*

Стелла Севандер / Stella Sevander

РЕЦ. НА КН. / REVIEW OF: *Злобина В. Растоптанные идеалы: Канадская девочка за железным занавесом / Пер. с англ. Марии Койвестойнен. Хельсинки: Nord Print Oy, 2019. 102 с. 403*

БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY

Наталья Чикина / Natalia Chikina

ЛЕТОПИСЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ КАРЕЛИИ 2004 / CHRONICLES OF THE LITERARY LIFE OF KARELIA 2004..... 413

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / ACADEMIC LIFE

Сергей Веригин / Sergei Verigin

ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИКА А. О. ЧУБАРЬЯНА / JUBILEE OF ACADEMICIAN A. O. CHUBARYAN 449

Светлана Нагурная / Svetlana Nagurnaja

НИНЕ ГРИГОРЬЕВНЕ ЗАЙЦЕВОЙ — 75 ЛЕТ / NINA GRIGORIEVNA ZAITSEVA IS 75 YEARS OLD 452

К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ ДЖАКСОН / JUBILEE OF TATJANA N. JACKSON 459

Ханну Итконен, Арто Невала / Hannu Itkonen, Arto Nevala

**ЭМЕРИТУС-ПРОФЕССОРУ УНИВЕРСИТЕТА ВОСТОЧНОЙ
ФИНЛЯНДИИ ТАПИО ХЯМЮНЕНУ — 70 ЛЕТ / THE SEVENTY YEARS
JUBILEE OF TARIIO HÄMYNEN, PROFESSOR EMERITUS OF THE
UNIVERSITY OF EASTERN FINLAND** 461

Юлия Михайлова, Людмила Садова / Yulia Mikhailova, Ludmila Sadova

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СКАНДИНАВИСТИКИ» / INTERNATIONAL ACADEMIC
CONFERENCE ON SCANDINAVIAN STUDIES DEVELOPMENT IN RUSSIA**..... 465

Natalia Lavrushina, Marja Malmi, Soile Tirri / Наталья Лаврушина, Марья Мальми, Соиле Тирри

**LET'S WRITE HISTORY OF TWINNING BETWEEN KARELIAN AND FINNISH
MUNICIPALITIES / ДАВАЙТЕ ПИСАТЬ ИСТОРИЮ ПОБРАТИМСТВА
КАРЕЛЬСКИХ И ФИНЛЯНДСКИХ ГОРОДОВ** 479

Валентина Миронова, Нина Шибанова / Valentina Mironova, Nina Shibanova

**СБОРНИК «НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ИНГЕРМАНЛАНДИИ»: К ИСТОРИИ
СОБИРАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ / THE FOLK SONGS OF INGERMANLAND:
ON THE HISTORY OF COLLECTION AND PUBLICATION**..... 483

Татьяна Исламаева / Tatjana Islamaeva

**НУЖЕН ЛИ РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ ФИНСКИЙ ЯЗЫК? /
DOES THE REPUBLIC OF KARELIA NEED FINNISH LANGUAGE?** 489

IN MEMORIAM

Светлана Яловицкая / Svetlana Yalovitsyna

**«САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ — ЭТО СОЗДАВАТЬ!» ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА
АЛЕКСЕЕВИЧА КОЖАНОВА (1.09.1949–29.05.2021) / 'THE MOST INTERESTING
THING IS TO CREATE!' IN MEMORY OF ALEXANDER ALEXEEVICH KOZHANOV
(1.09.1949–29.05.2021)** 494

Татьяна Базарова / Tatiana Bazarova

**ПАМЯТИ ЮРИЯ НИКОЛАЕВИЧА БЕСПЯТЫХ (1949–2021) / IN MEMORY OF
YURI NIKOLAEVICH BESPYATYKH (1949–2021)** 497

Наталья Плевако / Natalia Plevako

**ПАМЯТИ ОЛЬГИ ВАСИЛЬЕВНЫ ЧЕРНЫШЕВОЙ (1934–2021) / IN MEMORY OF
OLGA VASIL'EVNA CHERNYSHOVA (1934–2021)** 503

**ПАМЯТИ РОСТИСЛАВА НАУФАЛЬДОВИЧА ДУСАЕВА (1949–2021) /
IN MEMORY OF ROSTISLAV DUSAEV (1949–2021)**..... 506

**ПАМЯТИ ПЕККИ НЕВАЛАЙНЕНА (7.X.1959–3.XII.2021) / IN MEMORY OF
PEKKA NEVALAINEN (7.X.1959–3.XII.2021)** 509

Стелла Севандер / Stella Sevander

**ПАМЯТИ ВИЕНО ЗЛОБИНОЙ / VIENO АНОКАС 18.09.1919–27.12.2020 /
IN MEMORY OF VIENO ZLOBINA / VIENO ANOKAS 18.09.1919–27.12.2020** 510

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Дорогие читатели, представляем вашему вниманию шестой выпуск нашего Альманаха. Мир по-прежнему живёт в условиях глобальных угроз, пандемия продолжается, но науку ничто остановить не может! Научное сообщество адаптировалось к новым условиям работы, освоило новые форматы коммуникаций и активно апробирует и тиражирует результаты своих исследований при помощи интернет-технологий.

Конечно, все мы скучаем по поездкам, встречам с коллегами, по очному формату дискуссий и плодотворным разговорам в кулуарах конференций. Но во всём можно найти и свои плюсы. Онлайн-формат, не требующий особого финансирования, сделал более частыми рабочие встречи по совместным международным проектам, что плодотворно сказывается на работе. Мы можем принимать участие в самых разнообразных и удалённых конференциях, не заботясь о поиске средств для поездки. Наконец, новые формы распространения научного знания сделали науку ближе и доступнее для миллионов интернет-пользователей.

Наш Альманах изначально задумывался как электронное общедоступное международное научное издание. Ситуация с COVID-19 в мире не слишком повлияла на редакционную политику. Мы вернули рубрики «Материалы конференций» и «Библиография», расширили раздел «Рецензии». Наши трудности скорее связаны с другой проблемой — пандемией наукометрии. Требования чиновников от науки к учёным разных стран публиковаться только в высокорейтинговых журналах ставит издания, не включённые пока в такие базы данных как *Scopus* или *Web of Science*, в трудное положение с привлечением авторов. И мы очень благодарны друзьям нашего Альманаха, что пока нам удаётся соблюдать хороший баланс между материалами маститых учёных и начинающих исследователей.

Научная молодёжь должна иметь свою стартовую площадку для публикаций. В этом выпуске из 20 авторов основных материалов (рубрики «Статьи» и «Материалы конференций») половина — это молодые учёные: магистранты, аспиранты, соискатели PhD степени. Не все из них ещё обладают достаточным опытом написания научных текстов, но с приходом в науку новых сил расширяется тематика исследований по нордистике, укрепляются национальные школы.

Весьма важной нам представляется публикация материалов круглого стола «Образы Карелии: создание, восприятие, судьбы», а также продолжение разговора о судьбах отечественной нордистики и финской русистики и о значении финского языка для современной Республики Карелия.

Мы надеемся, что очередной выпуск «Альманаха североευропейских и балтийских исследований / *Nordic and Baltic Studies Review*» будет интересен многим, и желаем нашим читателям и авторам здоровья, творчества и благополучия.

Ирина Такала

Александр Толстик

Александр Кривоноженко

Петрозаводск, 24 декабря 2021 г.

EDITORS' FOREWORD

Dear readers,

We are happy to present the sixth issue of our Review. The world is still facing global threats, and the COVID-19 pandemic continues, yet the quest for knowledge cannot be stopped! The academic community has adapted to the new working conditions, mastered new forms of communication, and actively shares and communicates scholarship through online modes.

It cannot be denied that we all miss travel, meeting colleagues, face-to-face discussions, and casual conversations between and after conference panels. Yet there is a blessing in disguise. Virtual formats are less funding-dependent and allow for more frequent meetings in collaborative projects which has had a positive impact on scholarship. It is possible to participate in different conferences in faraway locations without a need to secure travel funds. Finally, new forms of public outreach have made academic scholarship more accessible for millions of interested readers.

Our Review has been originally designed as a digital open-source international scholarly platform. The COVID-19 pandemic has not changed much our editorial policy. We have re-introduced the sections *Conference Papers* and *Bibliography* and expanded the section *Reviews*. The difficulties that we have been facing have a somewhat different nature: the scientometrics pandemic. Science managers increasingly require scholars to publish only in highly ranked journals, a situation that creates difficulties to recruit new authors for the journals that are not yet indexed in Scopus or Web of Science. We are grateful to the friends of our Review that we have been so far able to keep a good balance of the materials written by well-established and emerging scholars.

Emerging scholars need their own place to start publishing, and half out of the twenty papers in the sections *Articles* and *Conference Papers* in this issue were written by young scholars including MA and PhD students. Writing a scholarly paper has been a novel experience for many of them, but the rejuvenation of the academic community expands research themes in the Nordic studies and revitalizes national traditions.

This issue includes important materials of the round table *Images of Karelia: Emergence, Perception, Outcomes*, as well as continued conversations about the history of the Nordic studies in Russia and Russian studies in Finland, as well as the importance of the Finnish language for today's Republic of Karelia.

We hope that many readers will find this issue of *The Nordic and Baltic Studies Review* interesting and wish you good health, productive work, and well-being.

Irina Takala

Alexander Tolstikov

Alexander Krivonozhenko

Petrozavodsk, December 24, 2021

СТАТЬИ
ARTICLES

ЗАКРЖЕВСКАЯ Юлия Петровна / ZAKRZHEVSKAIA Iuliia

Европейский университет в Санкт-Петербурге / European University in St. Petersburg

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

julietsokol@yandex.ru

ФИНЛЯНДЦЫ В РУССКО-ШВЕДСКОЙ ДИПЛОМАТИИ, СЕРЕДИНА XV — СЕРЕДИНА XVI ВЕКА

FINNS IN RUSSO-SWEDISH DIPLOMACY, MID-FIFTEENTH TO MID-SIXTEENTH CENTURY

Abstract: By the middle of the sixteenth century the organizational principle of Swedish embassies to Russia went through significant changes: more and more Swedish ambassadors replaced Finnish ones while the role of Viborg governors reduced. This article focuses on the question whether the shift was a result of natural development of Swedish diplomatic practice or not. Participation of Finnish diplomats and Viborg governors in the Russian-Swedish relationships over the previous century is also traced.

Ключевые слова / Keywords: Швеция, Россия, финляндское дворянство, дипломатия, XVI век / Sweden, Russia, Finland's nobility, diplomacy, the sixteenth century

В 1525 г. шведский король Густав I Васа написал Эрику Флемингу, своему доверенному лицу в Финляндии, письмо, в котором настаивал, чтобы послами в Россию выступили не шведы, а финляндцы, ибо они были опытнее в переговорах с русскими дипломатами¹. Эта, казалось бы, небольшая деталь, имеет особое значение для истории русско-шведских отношений раннего Нового времени. К моменту написания письма уже сложился определённый принцип организации сообщения с Россией. Несмотря на все потрясения как периода Кальмарской унии, так и последующих десятилетий, он менялся мало вплоть до 1560-х гг., когда почти на несколько лет прервался старый порядок.

Чтобы проследить эту метаморфозу, обратимся к первой половине XVI в. Историография русско-шведских дипломатических отношений часто опускает этот период, а имеющиеся работы весьма фрагментарны. Были попытки выстроить хронологию русско-шведских дипломатических контактов. В. В. Похлёбкин составил список всех войн и мирных договоров, заключённых в Средневековье и раннее Новое время². Совсем недавно датский историк К. Папе также систематизировал информацию обо всех русско-датских посольствах, часть из которых неизбежно касалась и русско-шведских отношений. Как справедливо

¹ Till Erik Fleming i Finland om underhandlingar med Ryssarne, m.m. // Konung Gustaf den förstes registratur / Utg. genom J. A. Almquist. Stockholm, 1864. Bd. II. S. 225–226.

² Похлёбкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах и фактах. М., 1995. Вып. II. Кн.1. С. 138–219.

заметил К. Папе, хотя в таких перечнях не ставят сложных проблем, подобные труды важны, поскольку они составляют фактологическую базу для дальнейших исследований³. Обзоры русско-шведских отношений на рубеже XV–XVI вв. можно встретить в общих работах по истории балтийского региона⁴. Одним из первых на участие наместника Выборга в заключении мира обратил внимание шведский историк Х. Йерне, опубликовавший древнейшие документы русско-шведских переговоров⁵. Он описал действия первых шведских послов в России и указал, что в XV в. власти Новгорода не пренебрегали заключением договоров со знатью Выборга. Так продолжалось некоторое время даже после присоединения Новгорода к Москве в 1478 г.⁶

С середины XV до конца XVI в. русско-шведские переговоры обычно подтверждали Ореховский мир 1323 г., заключённый между Новгородской землей и Швецией. Этот документ устанавливал «вечный мир», определял русско-шведскую границу, обеспечивал свободный проезд купцов по воде и по суше, не допускал строительства новых крепостей в Карельской земле по обе стороны границы, запрещал союз Швеции с Эстляндией и Ливонией против Новгорода⁷. Время от времени к нему подписывались новые протоколы. Так, в 1526 г. появилась статья о шведском торговом дворе в Новгороде, а в 1557 году — закрепили принцип ведения переговоров через новгородских наместников⁸. Ореховский договор формально действовал больше 270 лет — до 1595 г., когда был подписан Тявзинский мир. Необходимость его продления возникала каждый раз после смены правителя: в 1482-м (Лауренс Тотт стал новым наместником Выборга), 1513-м (регент Стен Стуре младший), 1524-м (шведский король Густав Васа), 1537-м (великий князь Московский и всяя Руси Иван IV), 1561-м (шведский король Эрик XIV) годах⁹. Иногда мир восстанавливали после войн (1497 и 1557 гг.).

Кандидатуры непосредственных участников переговоров были не менее важны, чем само содержание последних. Пример Густава Васы, желавшего, чтобы

³ *Pape C.* Comprehensive Register of Danish-Muscovite Diplomatic Missions 1493–1523 // Academia.edu [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/48965631/Comprehensive_Register_of_Danish_Muscovite_Diplomatic_Missions_1493_1523_final_version (22.12.2021).

⁴ К подобным работам относится, например, книга А. Л. Хорошкевич (*Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 145–169). Из более узких работ можно упомянуть статью В. Вестергора, который дал обзор первых посольств при Густаве Васе (*Westergaard W.* Gustavus Vasa's Russian Diplomacy // *Runer og rids: Festskrift til Lis Jacobsen* 29. januar 1952. 1952. S. 175–184). О попытках изменить принцип набора посольств и взаимодействия с восточным соседом писал финский историк К. Таркиайнен (*Tarkiainen K.* Moskoviten: Sverige och Ryssland 1478–1721. Helsingfors, 2017. S. 49–60.).

⁵ *Hjärne H.* De äldsta svensk-ryska legationsakterna. Uppsala, 1884.

⁶ *Idem.* Svensk-ryska förhandlingar, 1564–72: Erik XIV:s ryska förbundsplaner. Uppsala, 1897. S. 13–25.

⁷ *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987. С. 121–126.

⁸ *Пожлебкин В. В.* Внешняя политика Руси, России и СССР... С. 157–161.

⁹ *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. С. 103.

за переговоры с русскими отвечали именно представители Финляндии, очень показателен. Интенцию короля сложно объяснить однозначно, но можно разобрать его аргумент об «опытности» финляндских дипломатов. В раннее Новое время Финляндия представляла собой часть Шведского королевства и не обладала особым статусом в административной системе¹⁰. Её территория граничила с русскими землями на востоке. В связи с отдалённостью восточной границы Шведского королевства от столицы контролировать отношения с русскими соседями из центра было проблематично¹¹. Годами переговоры преимущественно велись через два приграничных города — Выборг и Новгород. Связи с Новгородом (а позднее и с Москвой) обычно возлагалась на плечи хёвитсмана¹² Выборга. В этом вопросе он проявлял большую самостоятельность. Помимо Новгорода он также часто отвечал за политику в отношении Немецкого ордена и регулировал отношения с Ганзой¹³.

Почему же в середине XVI в. вдруг решили отказаться от сложившейся системы, начав контролировать восточную политику и назначать послов непосредственно из Стокгольма? На первый взгляд кажется, что объяснение лежит на поверхности. При династии Васа всё заметнее стала проявляться тенденция к централизации. Институты местного самоуправления постепенно интегрировались в политическую систему, подконтрольную королю¹⁴. Появлялись новые органы государственной власти. Ещё в начале правления Густава Васы была создана королевская канцелярия, которая, помимо внутреннего управления, занималась вопросами дипломатии¹⁵. Со временем её структура усложнилась — при Эрике XIV, старшем сыне Густава Васы, учреждение разделилось на два отдела (шведский и немецкий)¹⁶. Один из них занимался внутренними делами страны, а второй специализировался на дипломатии. Однако при младшем брате Эрика XIV, Юхане III, нововведения постепенно исчезли из практики. Многие документы немецкой канцелярии сгорели в пожаре в Стокгольмском замке в 1697 г. Тогда же пострадала большая часть государственного архива¹⁷. Одновременно с развитием государственных учреждений повышался профессиональный уровень их служащих. Всё это могло бы привести на мысль, что тенденции к профессионализации и отказ

¹⁰ *Klinge M.* Очерк истории Финляндии. Хельсинки, 1995. С. 23.

¹¹ *Tarkiainen K.* Moskoviten. S. 49–72.

¹² Термин «хёвитсман» в Средневековье и раннее Новое время мог иметь разные значения. В данном контексте речь чаще всего идёт о наместнике замка.

¹³ *Edgren T., Törnblom L.* Finlands historia. [Esbo], 1993 Bd.1. S. 383., *Abnlund N.* Den svenska utrikespolitikens historia: Tiden före 1560. Stockholm, 1956. D.1.1. S. 69.

¹⁴ *Hallenberg M.* The Local Adaptation of Centralizing Politics: Hybrid Statebuilding in Sixteenth-Century Sweden // *New Agendas in Statebuilding: Hybridity, Contingency and History* / Ed. by R. Egnell, P. Haldén. London; New York, 2013. S. 122–142.

¹⁵ *Romefors Ö.* Utrikesförvaltningens källor 1520–2000. Stockholm, 2017. S. 17.

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Svalenius I.* Rikskasnljet i Sverige 1560–1592. Stockholm, 1991. S. 76–86.

от старой практики коснулись и русско-шведской дипломатии, но на деле этого не происходило.

При распределении власти в регионе, равно как и при организации крупных посольств не последнюю роль играли семейные связи. Во второй половине XV в. в Финляндии особенно заметным было нараставшее влияние аристократического рода Тоттов¹⁸. Тотты, происходившие из Дании, имели владения по обе стороны датско-шведской границы. В связи с этим их интересы редко совпадали с интересами лишь одного из скандинавских королевств. Деятельность Тоттов обычно характеризуют как «семейную политику», подразумевая, что они действовали исключительно во благо собственного рода¹⁹. Трое из знаменитых братьев Аксельссонов (Эрик, Лауренс и Ивар) имели большие пожалования в Финляндии. Каждый из них после смерти старшего брата становился наместником Выборга, главного города-участника в русско-шведской дипломатии. Первым Выборгским леном управлял Эрик Аксельссон. Он много сделал для обеспечения безопасности Выборга, в том числе — от нападений русских, окружив город крепостной стеной и основав крепость Улофсборг (*Olofsborg*, по-фински — *Olavinlinna*, другое название — Нюслотт, шв. *Nyslott*, т. е. «новый замок»)²⁰. Переговоры с Новгородом в это время отличались особой самостоятельностью со стороны выборгского наместника. Договоры хотя и заключали между новгородскими и шведскими землями, вместо правителя Швеции в них указывали наместника Выборга²¹. Кроме того, Эрик Аксельссон сам отправлял своих послов, которые вели переговоры на границе и составляли текст договора. После смерти Эрика в 1481 г. Выборг перешёл к его брату Лауренсу. Тот не изменил порядок. Так, например, в 1482 г. мир с Новгородом по-прежнему заключали от имени Лауренса Аксельссона (Тотта), а не регента Швеции²². Среди послов также были видные выходцы из Финляндии, включая Бьёрна Рагвальдссона, первого владельца поместья Суйтия (фин. *Suitia*, шв. *Svidja*) деда Эрика Флеминга. Последний в будущем станет активным участником русско-шведской дипломатии. После смерти Лауренса Выборг перешёл к его младшему брату Ивару. Но в дело вмешался его старый соперник Стен Стуре Старший. Уже после смерти короля Карла Кнутссона в 1470 г. между Иваром Аксельссоном (Тоттом) и Стеном Стуре разгорелась борьба за возможность править

¹⁸ Эту фамилию, *Tott*, представители рода стали использовать с XVI в.

¹⁹ *Андерссон II*. История Швеции. М., 1951. С. 110., *Huldén L. Tott, Erik Axelsson* // Biografiskt lexikon för Finland [Электронный ресурс]. URL: <https://www.blf.fi/artikel.php?id=43> (17.11.2021).

²⁰ *Edgren T., Törnblom L.* Finlands historia. Bd. 1. S. 390.

²¹ Fullmäktige för Sverige och Stora Novgorod ingå fördrag om fred under ett år från den 22 januari 1473 och utsätta ett möte vid Vuoksen om nyårsdag, då förefintliga tvister skola behandlas // Diplomatarium Fennicum [Электронный ресурс]. URL: <http://df.narc.fi/document/3541> (17.11.2021).

²² Fredsfördrag mellan Sverige och Ryssland på fyra år // Diplomatarium Fennicum [Электронный ресурс]. URL: <http://df.narc.fi/document/3900> (17.11.2021).

Шведским королевством, длившаяся больше десяти лет. Так как Карл Кнутссон завещал своему племяннику Стену Стуре ведать королевскими землями, могущество последнего значительно возросло, и его избрали регентом. Стен Стуре старался уменьшить власть Ивара Аксельссона и наконец вынудил его заключить соглашение, по которому Стен Стуре получал финские крепости Выборг, Улофсборг и Тавастехюс (шв. *Tavastehus*, фин. *Hämeenlinna*), а Аксельссоны — Расеборг (шв. *Raseborg*, совр. фин. *Raaseporin linna*)²³.

Период правления регентов Стуре с небольшими перерывами охватывает 1470–1520-е годы. За это время во главе Швеции побывали три члена рода Стуре, которые вошли в историю как Стен Стуре Старший (1470–1497, 1501–1503), Сванте Нильссон Стуре (1504—1512) и сын последнего Стен Стуре Младший (1512–1520). Как мы помним, в начале этого периода Тотты были вытеснены из Выборга. Лен перешёл в руки Стена Стуре Старшего, удерживавшего его до своего второго регентского срока. Он продолжил выполнять прежние обязанности выборгского наместника в области дипломатии. Русская сторона вела с ним переговоры именно как с наместником Выборга, несмотря на то, что он фактически управлял всем Шведским королевством²⁴. Однако город на восточной границе не всегда занимал внимание регента. Вскоре Стен Стуре Старший начал передавать управление Выборгом другим людям. С 1495 по 1496 г. в замке распоряжался его верный соратник Кнут Поссе, на чью долю выпало оборонять крепость в русско-шведскую войну. Кнут Поссе не имел прямого отношения к местным родам, но сумел расположить к себе Эрика Аксельссона, что обеспечило ему карьеру в Финляндии²⁵. Иная картина вырисовывается вокруг фигуры Эрика Турессона (Бьельке) (1499–1511). Он был следующим хёвитсманом Выборга и получил во владение замковый лен. Члены его семьи время от времени либо оказывались втянуты в судьбы выборгских наместников, либо сами получали замок в своё распоряжение. Начиная с Эрика Турессона (Бьельке), Выборгский лен передавался в пределах одной семьи. После смерти Эрика Турессона в 1511 г. управление Выборгом взяла на себя его вдова Гунилла Юхансдоттер (из рода Бесе — *Bese*). Но регент Стен Стуре Младший очень быстро передал полномочия её зятю Тённе Эрикссону (Тотту)²⁶. Таким образом, ответственность за замок снова перешла к старой финляндской аристократии.

²³ *Suvanto J.* Tott, Ivar Axelsson // Biografiskt lexikon för Finland [Электронный ресурс]. URL: <https://www.blf.fi/artikel.php?id=78> (17.11.2021).

²⁴ См. договор 1487 г.: *Fredsfördrag mellan Sverige och Ryssland på fem år* // *Diplomatarium Fennicum* [Электронный ресурс]. URL: <http://df.narc.fi/document/4148> (17.11.2021).

²⁵ *Gillingstam H.* Knut Posse // *Svenskt biografiskt lexikon* [Электронный ресурс]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/Sbl/Presentation.aspx?id=7380> (17.11.2021).

²⁶ *Carlsson G.* Erik Turesson (Bielke) // *Svenskt biografiskt lexikon* [Электронный ресурс]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/Sbl/Presentation.aspx?id=18162> (17.11.2021).

Действия хёвитсманов стали больше зависеть от центра. Если раньше Аксельссоны могли самостоятельно вести переговоры с русскими послами, то при регентах Стуре общение велось уже от имени шведских правителей. Это отразилось и в текстах договоров, которые теперь заключались от имени регентов и королей²⁷. Х. Йерне датировал перемену дипломатического этикета 1510 годом. С тех пор договоры заключались не между Выборгом и Новгородом, а между Новгородом и Швецией²⁸. Несмотря на изменения, наместник Выборга сохранил возможность отправлять своего посланника через границу. Подобные примеры можно наблюдать в деятельности Эрика Турессона (Бьельке), управлявшего Выборгом с 1499 по 1511 г. Так, в 1508 г. он посылал своих людей в Россию, чтобы поддержать мир на границе. Имена посланников не называются, но очевидно, что их выбирали среди населения Финляндии²⁹. Это правило действовало независимо от того, кто был наместником Выборга. Аналогичные обязанности возлагались и на единственную женщину, занимавшую эту должность, — Гунилу Юхансдоттер (Бесе). Она проявила хорошие способности к управлению и предотвратила угрожавшую войну с Россией. Чутко реагируя на все действия восточного соседа, она своевременно информировала шведских регентов³⁰.

События, последовавшие за Стокгольмской кровавой баней 1520 г., серьёзно изменили расстановку сил в Финляндии. В результате борьбы с датчанами погибли все Тотты, державшие там замки, в том числе наместник Выборга Тённе Эрикссон.

После войны за независимость избранный король Густав Васа формировал новый круг приближённых. Выборг и Нюслотт он пожаловал в качестве лена

²⁷ Förnyelse och stadfästelse af den år 1510 mellan Sverige och Ryssland slutna traktaten om stillestånd på sextio år, räknadt från den 25 mars 1510 // Diplomatarium Fennicum [Электронный ресурс]. URL: <http://df.narc.fi/document/5652> (17.11.2021).

²⁸ *Hjärne H.* Svensk- ryska förhandlingar, 1564–72. S. 19.

²⁹ Slottsfogden Josef Pedersson till herr Svante Nilsson att han för den nöd, som rådde i landet, ej kunnat af Åbo län utbekomma de 1000 mark penningar herr Svante befallt honom anskaffa, men lofvar i vår öfversända de penningar han från andra håll söker erhålla; meddelar att herr Erik Turesson haft sitt bud in i Ryssland och fått god förtröstan om fred // Diplomatarium Fennicum [Электронный ресурс]. URL: <http://df.narc.fi/document/5347> (17.11.2021).

³⁰ Klemet Hogenskild till herr Svante Nilsson, att dennes bref till herr Erik Turesson i Viborg blifvit behörigen framförda, men att herr Erik då varit svårt sjuk och nu förmodligen vore afliden; brefbäraren hade mött Tönne Eriksson, som skyndat till Viborg, och hade han lofvat skyndsamligen sända meddelande om tillståndet där; för öfrigt hade Ryssarne visat sig vid gränsen och hade fru Gunnild sändt folk dit att spörja vad deras mening vore // Diplomatarium Fennicum [Электронный ресурс]. URL: <http://df.narc.fi/document/5518> (17.11.2021); Fru Gunnild Johansdotter, tackar herr Sten Sture för hans vänliga bref och meddelar att Ryssarne, som fortfarande låge samlade vid gränsen, tillsvidare ej gjort något infall i landet; angående slotten (Viborg och Olofsborg), som adressaten förlänat åt Tönne Eriksson (Tott) kunde hon så sent på året ej hädan resa utan trodde hon sig med herr Stens tillstånd få besitta dem till första öppet vatten, m. m. // Diplomatarium Fennicum [Электронный ресурс]. URL: <http://df.narc.fi/document/5605> (17.11.2021); Biskop Arvid Kurck till herr Sten Sture med förord för Ivar Fleming att undfå någon annan förläning i stället för Kumogårds län, som herr Sten fråntagit honom; meddelar politiska nyheter, hvilka han lofvar delgifva också åt fru Gunnild Johansdotter för att tillställas sändebuden, som afgått till Ryssland. // Diplomatarium Fennicum [Электронный ресурс]. URL: <http://df.narc.fi/document/5649> (17.11.2021).

немецкому графу Иоганну Хойя, женившемуся на его сестре Маргарете Эриксдоттер (Васа)³¹. Будучи чужаком, Иоганн Хойя ещё мало разбирался в местном управлении. Только получив новый статус, он тут же столкнулся с необходимостью отправления посольства в Московское государство. Очевидно, подготовкой миссии занялись задолго до прибытия нового наместника. По этой причине Густав Васа поручил своему доверенному лицу в Финляндии Эрику Флемингу помогать графу советами и объяснять, как надо иметь дело с русскими дипломатами. Из королевской переписки видно, что большая часть организации посольства проходила не только через выборгского наместника, но и через Эрика Флеминга и местный совет³².

Уроки русско-шведской дипломатии мало пригодились Иоганну Хойе в дальнейшем. Вскоре раскрылся заговор против Густава Васы, в котором принимал участие королевский зять. В 1534 г. Иоганн Хойя сбежал в Ревель, а должность наместника занял Нильс Граббе³³. С тех пор прекратились пожалования Выборгского лена. Нильс Граббе отнюдь не владел леном, но управлял замком. На протяжении почти десяти лет он честно исполнял свои обязанности. Но ещё до своего назначения в Выборг он сыграл важную роль в истории Финляндии, в частности во время освободительной войны Густава Васы. В своё время его назначали хёвитсманом в Расеборгском лене, бывшем владении Тоттов. Он также входил в семью Курков, будучи женатым на дочери Кнута Эрикссона, лагмана Сатакунты и Остроботнии (шв. *Österbotten*, фин. *Pohjanmaa*). К моменту назначения в Выборг он был накрепко связан с Финляндией. Его задачи в Выборге мало отличались от тех, что выполняли предыдущие наместники. В 1540-х гг. обстановка на восточной границе становилась всё тревожнее. Русские войска несколько раз переходили рубеж и атаковали местное население. Нильс Граббе не получил поддержки со стороны короля в своих планах мщения и попросил отставку. Через год его освободили от должности³⁴.

Заметные перемены произошли с созданием герцогства Финляндского. Густав Васа заботился о благополучии своих наследников и постарался обеспечить их материальное существование. Король предоставил каждому из сыновей герцогство. Наследному принцу Эрику достались юго-восточные земли — Кальмар, Крунуберг и остров Эланд; Карлу — центральные провинции Сёдерманланд, Нэрке

³¹ *Gillingstam H.* Johan Hoya och Bruchhausen, greve av // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=13845> (17.11.2021).

³² Erik Fleming i Finland underrättas om sandebudens återkomst ifrån Lubeck, och uppmanas att dalgifva konungen sina råd för det stundande herremötet, samt att med råd och dåd biträda grefven af Hoya, som blifbit förordnad till höfvidsman, i fallfejd skulle uppstå med Ryssarne // Konung Gustaf den förstes registratur. Bd. II. S. 229-230.

³³ *Gillingstam H.* Johan Hoya och Bruchhausen, greve av.

³⁴ *Anthoni E.* Nils Grabbe // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=13118> (17.11.2021).

и Верmland; Магнусу — Дальсланд, часть Эстерьётланда и часть Вестерьётланда, а Юхану — Финляндия. Герцоги могли самостоятельно собирать налоги в своих владениях, чтобы потом передать их Короне. Единственное ограничение касалось внешней политики, которую они не могли свободно вести без согласования с королём. Единственным исключением были ситуации, требовавшие быстрого решения³⁵. На деле герцог Юхан часто действовал самостоятельно, чем вызывал старшего брата Эрика XIV подозрения, переросшие во вражду³⁶. Он начал вести независимую от короны политику в отношении Польши, которая на тот момент представляла реальную военную угрозу. Осенью 1562 г. Юхан женился на польской принцессе, а в 1563 г. его обвинили в государственной измене и заключили в замок Грипсхольм³⁷. В это же время участие наместников Выборга в русско-шведских переговорах исчезает из поля зрения.

Помимо выборгских наместников, важную роль играли послы. Как правило, ими тоже становились финляндцы. При регентах Стуре послов начали отправлять шведские правители. До того составом делегации больше занимались выборгские наместники. Наглядно эти тенденции демонстрирует посольство 1513 г., когда для подтверждения мира после смерти Сванте Нильссона Стуре в Россию были отправлены Нильс Эскильссон (Банер) и Хенрик Стенссон. Кого назначать послом, очевидно, решал сам Стен Стуре Младший. В одном из своих писем Хенрик Стенссон сообщал регенту, что получил его приказ, переданный Нильсом Эскильссоном, и что они прибыли в Выборг, чтобы затем отправиться в посольство. Оба побывали в качестве гостей в Выборгском замке у Гунниаллы Юхансдоттер (Бесе). Их визит совпал по времени с передачей замка Тённе Эрикссону³⁸. Сами наместники не отдавали послам никаких поручений. После своего возвращения Нильс Эскильссон отчитался об итогах переговоров перед Стеном Стуре Младшим³⁹.

Выбор дипломатов нельзя назвать случайным. Нильс Эскильссон, член риксрода (государственного совета, или совета королевства), по происхождению

³⁵ *Fagerlund R., Jern K., Villstrand N. E. Finlands historia. [Esbo], 1996. Bd. 2. S. 38–39.; Roberts M. The Early Vasas: A History of Sweden 1523–1611. Cambridge, 1968. P. 194–195.*

³⁶ *Roberts M. The Early Vasas. P. 209–210.*

³⁷ *Andersson I. Erik XIV: En biografi. Stockholm, 1935. S. 110–124.*

³⁸ *Lagman Henrik Stensson till herr Sten Sture att han nyligen jämte Nils Eskilsson (Banér) anländt till Viborg och att de nu vore redo att, sedan de undfått lejdebref från Ryssland, följande dag begifva sig dit; underrättar att Tönne Eriksson varit i Viborg och anammat slottslofven af fru Gunnild Johansdotter, och meddelar slutligen diverse politiska nyheter från Ryssland, Litauen och Polen // Diplomatarium Fennicum [Электронный ресурс]. URL: <http://df.narc.fi/document/5642> (17.11.2021).*

³⁹ *Nils Eskilsson (Banér) till herr Sten Sture, att han med de andre gode männen af Finland vore återkommen från beskickningen till Ryssland medförande godt svar, så att rågången blifvit uppskjuten på fem år; beder om besked huruvida han genast skall öfverkomma till adressaten samt meddelar nyheter om storfurstens nederlag mot Litauen m. m. äfvensom att dennes sändebud till Sverige vore att förvänta vid midsommartid // Diplomatarium Fennicum [Электронный ресурс]. URL: <http://df.narc.fi/document/5661> (17.11.2021).*

с Финляндией был связан мало. Однако он состоял в родстве с упомянутым ранее родом Тоттов через свою супругу Ингеборг Лауренсдоттер, дочь известного Лауренса Аксельссона. За несколько лет до посольства в Россию его назначили хёвистманом замка Кастельхольм, расположенного на Аландских островах. В административно-судебном отношении эта территория была частью Северной Финляндии, точнее Северофинляндского судебного округа — лагманства, или лагсаги (*Norfinne lagsaga*). Таким образом, Нильс Эскильссон, занимавший важную должность на Аландских островах, все ещё был финляндцем. Вскоре после своей поездки он занял высокую должность в Расеборге⁴⁰. Хотя Нильсу Эскильссону удалось закрепиться в Финляндии, принять участие в других переговорах с Россией он не успел. Следующее посольство состоялось после его смерти.

Несколько иная история складывалась вокруг Хенрика Стенссона. Он родился в Або, в семье родмана (члена городского совета), женился на дочери лагмана (судьи) Южной Финляндии (т. е. Южнофинляндской лагсаги — *Söderfinne lagsaga*). Соответственно, он уже давно входил в круг влиятельных людей Финляндии. В 1506 г. Сванте Нильссон Стуре назначил его лагманом Северной Финляндии. Решение регента выходило за рамки закона. Согласно установившемуся порядку, лагмана должны были выбирать среди трёх кандидатов, выдвинутых лагсагой. Однако Хенрик Стенссон в их число не входил. В 1511 г. это привело к конфликту, регента с риксродом, и в результате Сатакунта и Остроботния оказались на некоторое время выделены из Северофинляндской лагсаги в отдельную лагсагу под началом лагмана, который входил в число кандидатов в 1506 г. Между тем Хенрик Стенссон был одним из доверенных лиц регентов Стуре в Финляндии. В 1513 г. он стал хёвистманом в Расеборге, который на тот момент был леном Стена Стуре Младшего⁴¹. Таким образом, судьбы обоих дипломатов пересеклись в одном замке.

Война за независимость от Дании внесла коррективы и в состав дипломатов, «специализировавшихся» на восточной политике королевства. Погибли все известные люди, которых до этого отправляли на переговоры с русскими. Свою жизнь закончили на плахе Хенрик Стенссон и Нильс Эскильссон (Банер). Хотя последнему удалось избежать смерти во время Стокгольмской кровавой бани, он был казнён рядом с Расеборгом с позволения Рольфа Маттссона, будущего наместника Выборга и доверенного лица датского короля Кристиана II⁴². Людей с опытом русско-шведских переговоров в регионе почти не осталось. Взошедший на трон Густав Васа возвысил приближённых к себе людей. Среди аристократии Финляндии

⁴⁰ Carlsson G. Nils Eskilsson (Banér) // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=19046> (17.11.2021).

⁴¹ Anthoni E. Finlands medeltida frälse och 1500-talsadel. Helsingfors, 1970. S. 141.

⁴² Edgren T., Törnblom L. Finlands historia. Bd. 1. S. 405.

в риксрод вошли братья Эрик и Ивар Флеминги, а также Бьёрн Классон. Все они в дальнейшем составили новую силу шведской дипломатии на русском направлении.

После избрания Густава Васы королём Швеции первое посольство в Россию состоялось в 1524 г. для подтверждения старого договора. Среди подписавших грамоту были Бьёрн Классон, уже упомянутый член риксрода и финляндский дворянин, и Кнут Эрикссон Курк⁴³, лагман Сатакунты и Остроботнии. В отличие от своего коллеги Бьёрн Классон умел писать и лично поставил подпись под подтверждённым миром.

Следующее посольство возвращает нас к истории 1525 года, о которой шла речь в самом начале статьи. Напомним, Густав Васа тогда написал Эрику Флемингу, что было бы разумнее, если бы подготавливавшееся посольство состояло исключительно из финляндцев, поскольку те более опытные и сведущи в местных обычаях и законах⁴⁴. Как можно было убедиться, у короля имелись весомые основания для подобного утверждения. Однако сами финляндцы пытались оспорить сложившийся порядок. Причину такого поведения некоторые историки видят в недовольстве финляндцев, вынужденных покрывать все расходы на посольства, что было весьма обременительно⁴⁵.

После долгих споров посольство всё же возглавил Эрик Флеминг. Стоит оговориться, что его кандидатура не была приоритетной изначально. Сперва предполагалось, что руководить посольством будет архиепископ Иоанн Магнус, но затем планы короля изменились⁴⁶. Позднее именно братья Флеминги должны были встретить русского посла и проводить его в Стокгольм.

Новые лица в русско-шведской дипломатии отличались меньшей родовитостью, нежели их предшественники. Эрик Флеминг был вторым по значимости доверенным лицом короля в Финляндии после графа Иоанна Хойи⁴⁷. Его род нельзя назвать очень древним по сравнению с Бьельке или Тоттами, генеалогия которых уходит корнями в XIII век. Флеминги же вели свой род от датского рыцаря Петера Флеминга, обосновавшегося в Швеции в XIV столетии. В Финляндию переселилось только второе поколение, когда сына Петера Флеминга определили туда лагманом. Эрик Флеминг принадлежал к четвёртому поколению,

⁴³ Kurck, släkter // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=11871> (17.11.2021).

⁴⁴ Till Erik Fleming i Finland om underhandlingar med Ryssarne, m.m. // Konung Gustaf den förstes registratur. Bd. II. S. 225–226.

⁴⁵ *Tarkkainen* K. Moskoviten. S. 57.

⁴⁶ Подробнее об этих планах см.: *Толстиков А. В.* Католические и лютеранские клирики в составе шведских дипломатических миссий в Россию в XVI веке // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 4. С. 87–95. URL: https://uchzap.petrso.ru/files/redaktor_pdf/1622097753.pdf (24.12.2021).

⁴⁷ *Anthoni E.* Erik Fleming // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=14204> (17.11.2021).

проживавшему в Финляндии, но не был первым представителем своей семьи, связанным с русско-шведской дипломатией. Его дед Бьёрн Рагвальдссон заключал мир от имени Лауренса Аксельссона. Весной, незадолго до своей поездки в Россию, Эрик Флеминг уже принимал русских послов в Финляндии⁴⁸.

До конца своей жизни Эрик Флеминг продолжал вести переговоры с русскими дипломатами, начиная с уже упомянутого посольства 1525–1526 гг.⁴⁹ В Россию его отправляли дважды. Вторая поездка должна была состояться в 1545 г., но переговоры так и не начались. Отсутствие Эрика Флеминга на переговорах 1536–1537 гг. объяснялось очень просто — к тому времени его уже отправили в качестве дипломата к датскому королю Кристиану III. В его карьере это было единственное посольство, которое он совершил не в Россию.

В дипломатической миссии 1536–1537 гг., пропущенной Эриком Флемингом, участвовали два его родственника — Кнут Андерссон (Лилье) и Бьёрн Классон (Лепас). Оба, как и их предшественник, являлись членами риксрода. Бьёрн Классон был двоюродным братом Эрика Флеминга по матери. Всю свою жизнь он провёл в Финляндии. У него уже имелся небольшой опыт взаимодействия с русскими дипломатами: в 1524 г. Бьёрн Классон участвовал в подтверждении мирного договора 1510 г. в Новгороде. Посольство 1536–1537 гг. стало для него второй поездкой в Россию⁵⁰. Компанию ему составил свояк Кнут Андерссон (оба были женаты на сёстрах)⁵¹. Переговоры проходили отнюдь негладко. В России шведских дипломатов задержали на долгое время, что вызвало беспокойство в Стокгольме. Отсутствие вестей от послов воспринимали как плохой знак и готовились к возможной войне⁵². Однако война так и не состоялась. Кнут Андерссон и Бьёрн Классон сумели заключить мирный договор на шестьдесят лет. Последнему снова поручат принять участие в посольстве в 1545 г. Таким образом, карьера Бьёрна Классона в области русской дипломатии насчитывала больше 20 лет.

Если внешнеполитическая деятельность Бьёрна Классона была связана преимущественно с Россией, то дипломатическая карьера Кнута Андерссон ездил с посольствами по всей Европе. Сразу после переговоров в Новгороде он отправился на встречу с ливонским магистром, а затем посетил

⁴⁸ Utdrag af bref till electus i Åbo, Erik Fleming och Lars Månsson, att de uppehålla ryske storfustens sändebud i Finland, samt till Peder Hård, att han uppmanar embetsmännen i Finland att tracters nämnde sändebud på bästa sätt, m.m. // Konung Gustaf den förstes registratur. Bd. II. S. 163.

⁴⁹ *Anthoni E.* Erik Fleming.

⁵⁰ Lepasätten, släkt // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=11237> (17.11.2021).

⁵¹ *Gillingstam H.* Knut Andersson (Lillie) // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=10305> (17.11.2021).

⁵² Till Tord Pedersson om de svenska sändebudens qvardröjande i Ryssland, uppsigt öfver i Sverige varande Ryssar, m. m.; Till adeln i Finland, underrättelse om de svenska sändebudens qvarhållande i Ryssland, jemte befallning att hålla sig väl rustad, i händelse att fiendtligheter skulle uppstå // Konung Gustaf den förstes registratur. Stockholm, 1888. Bd. XI. S. 306–309.

с дипломатическими миссиями Данию и Францию. Во Францию он отправился вместе с Конрадом фон Пюхю и Стеном Эрикссоном (Лейонхювюдом), входившими в число наиболее высокопоставленных людей Шведского королевства. Конрад фон Пюхю возглавлял королевскую канцелярию. Он был немцем по происхождению, приехавшим в Швецию в 1538 г. Именно благодаря ему шведская канцелярия быстро адаптировала и развивала опыт аналогичных немецких организаций⁵³. Стен Эрикссон к тому времени стал свояком Густава Васы, женившись на сестре короля Маргарете⁵⁴. Исходя из этих обстоятельств, можно предположить, что Кнут Андерссон зарекомендовал себя как хороший дипломат и пользовался доверием и благосклонностью Густава Васы. Интересно, однако, что никаких пожалований в Финляндии он не имел.

В посольство 1545 г., последнее перед первой масштабной войной между Россией и Швецией (1554–1557), Эрик Флеминг, Бьёрн Классон и Кнут Андерссон должны были отправиться вместе. И хотя эти переговоры так и не состоялись, перед нами яркий случай, когда все три известных дипломата-родственника были отправлены к русско-шведской границе. Несмотря на разницу в опыте в области внешней политики, переговоры с Россией почти всегда доверяли одним и тем же людям.

Традиция ведения переговоров с Россией мало изменилась после войны Швеции за независимость от Дании в 1521–1523 гг. Переговоры по-прежнему вели люди, близкие к монарху и имевшие непосредственное отношение к Финляндии. Более того, все послы занимали высокие государственные должности и были связаны друг с другом родственными узами. При этом они не обязательно принадлежали к древним аристократическим родам, которые поддерживали русско-шведские отношения в предыдущие десятилетия.

Заметные изменения стали происходить с 1557 г. А.В. Толстикова, подробно рассмотревший участие духовенства в дипломатических миссиях в Россию, упоминает о том, что это посольство по своему составу вышло очень необычным в силу того, что в нём участвовали влиятельные шведские епископы, у которых, кроме того, не было никакого опыта в дипломатии. Помимо представителей духовенства необычно выглядит и главный посол — Стен Лейонхювюд, который не имел совершенно никакого отношения к Финляндии. Шурин короля и раньше участвовал в других крупных посольствах, но к русско-шведским отношениям прежде не имел никакого отношения. По-видимому, после поражения в войне с Россией этому посольству придавали огромное значение.

⁵³ Андерссон П. История Швеции. С. 146–155.

⁵⁴ Svalenius I. Sten Eriksson (Leijonhufvud) // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=11175> (17.11.2021).

В 1560-е гг., в период правления Эрика XIV, в переговорах с Россией финляндцев становилось всё меньше по сравнению с выходцами из собственно Швеции, и послы гораздо реже могли похвастаться тем, что их предки в течение многих поколений проживали на территории самой восточной провинции Шведского королевства. В 1561 г. при первом посольстве, отправленном от имени нового короля Эрика XIV, состоял Нильс Рюннинг. Несмотря на древность своего рода, к Финляндии он имел минимальное отношение. Нильс Рюннинг был первым членом своей семьи, кому доверили Выборгский замок в 1555 г.⁵⁵ Вероятно, этого факта было достаточно, чтобы посчитать его компетентным представителем Финляндии. Впрочем, не стоит исключать и его опыт на дипломатическом поприще. Ранее Нильс Рюннинг уже участвовал в миссии во Францию. Во время поездки в Россию компанию ему составили линчёпингский епископ Эрик Фальк и Нильс Крумме, член риксрода, двумя годами ранее определявший русско-шведскую границу⁵⁶.

Похожая ситуация относительно состава посольства сложилась и в 1567 г. Эти переговоры заслужили печальную известность, поскольку в ходе них шведские дипломаты согласились на выдачу Ивану Грозному Екатерины Ягеллонки, жены тогда ещё герцога Финляндского Юхана. Финляндцы тогда исполняли скорее роль толмачей. Руководить миссией было поручено Нильсу Юлленшерне⁵⁷. В данном случае во главе посольства оказался человек, за плечами которого был огромный опыт на дипломатическом поприще. Он уже вёл переговоры с Англией и немецкими землями, но непосредственно в русско-шведские отношения был вовлечён впервые.

Таким образом, за XV–XVI столетия можно проследить ряд закономерностей. По сравнению с XV в., когда восточная политика полностью зависела от воли влиятельных Аксельссонов, в XVI в. наместники Выборга потеряли самостоятельность во взаимодействиях с русскими дипломатами. Решения перешли в полную зависимость от шведских правителей. Соотношение финляндцев и выходцев из собственно Швеции к середине XVI в. сдвигалось в пользу последних. Если в XV в. и в начале следующего столетия дипломатические миссии состояли только из финляндцев, то к 1560-м гг., времени правления Эрика XIV, самые важные функции стали передавать шведам. При ближайшем рассмотрении оказывается, что такие сдвиги были связаны с экстраординарными ситуациями.

⁵⁵ *Gillingstam H.* Rynning (Rönning), släkt // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=6436> (17.11.2021).

⁵⁶ *Krumme, släkter* // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=11797> (17.11.2021).

⁵⁷ *Andersson I.* Nils Gyllenstierne // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=13414> (17.11.2021).

Такими, как, например, унижительное поражение в русско-шведской войне 1554–1557 гг. и конфликт герцога Юхана и Эрика XIV, когда доверие короля к финляндцам оказалось подорвано. Позднее с приходом в 1568 г. к власти Юхана III среди дипломатов снова стали появляться представители таких родов, как Флеминги, Тотты и Бьельке. В связи с этим можно заключить, что изменения в составах шведских посольств в Россию нельзя объяснить профессионализацией дипломатии. Всё продолжало держаться на личных отношениях короля со своими подданными.

Список литературы

Андерссон, И. История Швеции / И. Андерссон ; пер. с швед. Н. А. Каринцева. — Москва : Изд-во иностранной литературы, 1951. — 408 с.

Клинг, М. Очерк истории Финляндии / М. Клинг. — Хельсинки : Отава, 1995. — 176 с.

Похлебкин, В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах и фактах / В. В. Похлёбкин. — Москва : Международные отношения, 1995. — Вып. II, кн.1. — 784 с.

Толстикова, А. В. Католические и лютеранские клирики в составе шведских дипломатических миссий в Россию в XVI веке / А. В. Толстикова // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. — 2021. — Т. 43, № 4. — С. 87—95. — URL: https://uchzap.petrso.ru/files/redaktor_pdf/1622097753.pdf. — (24.12.2021).

Хорошкевич, А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. / А. Л. Хорошкевич. — Москва : Наука, 1980. — 293 с.

Шаскольский, И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке / И. П. Шаскольский. — Ленинград : Наука, 1987. — 176 с.

Ahnlund, N. Den svenska utrikespolitikens historia : tiden före 1560 / N. Ahnlund. — Stockholm : Norstedt, 1956. — D.1.1. — 116 с.

Andersson, I. Erik XIV : en biografi / I. Andersson. — Stockholm : Wahlström & Widstrand, 1935. — 343 s.

Andersson, I. Nils Gyllenstierne / I. Andersson // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. — URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=13414>. — (17.11.2021).

Anthoni, E. Erik Fleming / E. Anthoni // Svenskt biografiskt lexikon. — URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=14204>. — (17.11. 2021).

Anthoni, E. Finlands medeltida frälse och 1500-talsadel / E. Anthoni. — Helsingfors : Svenska litteratursällskapet i Finland, 1970. — 431 s.

Anthoni, E. Nils Grabbe / E. Anthoni // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. — URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=13118>. — (17.11.2021).

Carlsson, G. Erik Turesson (Bielke) / G. Carlsson // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. — URL: <https://sok.riksarkivet.se/Sbl/Presentation.aspx?id=18162>. — (17.11.2021).

Carlsson, G. Nils Eskilsson (Banér) / G. Carlsson // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. — URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=19046>. — (17.11.2021).

Edgren, T. Finlands historia / T. Edgren, L. Törnblom. — [Esbo]: Schildt, 1993. — Bd. 1. — 437 s.

Fagerlund, R. Finlands historia / R. Fagerlund, K. Jern, N. E. Villstrand. — [Esbo]: Schildts, 1996. — Bd. 2. — 442 s.

Gillingstam, H. Knut Andersson (Lillie) / H. Gillingstam // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. — URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=10305>. — (17.11.2021).

Gillingstam, H. Knut Posse / H. Gillingstam // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. — URL: <https://sok.riksarkivet.se/Sbl/Presentation.aspx?id=7380>. — (17.11.2021).

Gillingstam, H. Johan Hoya och Bruchhausen, greve av / H. Gillingstam // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. — URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=13845>. — (17.11.2021).

Gillingstam, H. Ryning (Rönning), släkt / H. Gillingstam // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. — URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=6436>. — (17.11.2021).

Hallenberg, M. The Local Adaptation of Centralizing Politics : Hybrid Statebuilding in Sixteenth-Century Sweden / M. Hallenberg // New Agendas in Statebuilding : Hybridity, Contingency and History / ed. by R. Egnell, P. Haldén. — London ; New York : Routledge, 2013. — S. 122–142.

Hjärne, H. De äldsta svensk-ryska legationsakterna / H. Hjärne. — Uppsala : R. Almqvist & J. Wiksells boktryckeri, 1884. — 119 s.

Hjärne, H. Svensk-ryska förhandlingar, 1564–72 : Erik XIV:s ryska förbundsplaner / H. Hjärne. — Uppsala : Almqvist & Wiksells Boktryckeri-Aktiebolag, 1897. — 141 s.

Huldén, L. Tott, Erik Axelsson / L. Huldén // Biografiskt lexikon för Finland [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.blf.fi/artikel.php?id=43>. — (17.11.2021).

Krumme, släkter // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. — URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=11797>. — (17.11.2021).

Kurck, släkter // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. — URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=11871>. — (17.11.2021).

Pape, C. Comprehensive Register of Danish-Muscovite Diplomatic Missions 1493–1523 / C. Pape // Academia.edu [Электронный ресурс]. — URL: https://www.academia.edu/48965631/Comprehensive_Register_of_Danish_Muscovite_Diplomatic_Missions_1493_1523_final_version. — (22.12.2021).

Roberts, M. The Early Vasas : A History of Sweden 1523–1611 / M. Roberts. — Cambridge : Cambridge University Press, 1968. — 509 p.

Romefors, Ö. Utrikesförvaltningens källor 1520–2000 / Ö. Romefors. — Stockholm : Riksarkivet, 2017. — 525 s.

Svalenius, I. Rikskasnljet i Sverige 1560–1592 / I. Svalenius. — Stockholm : Riksarkivet, 1991. — 290 s.

Svalenius, I. Sten Eriksson (Leijonhufvud) / I. Svalenius // Svenskt biografiskt lexikon [Электронный ресурс]. — URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=11175>. — (17.11.2021).

Suvanto, S. Tott, Ivar Axelsson / S. Suvanto // Biografiskt lexikon för Finland [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.blf.fi/artikel.php?id=78>. — (17.11.2021).

Tarkiainen, K. Moskoviten : Sverige och Ryssland 1478–1721 /K. Tarkianen. — Helsingfors : Svenska litteratursällskapet i Finland, 2017. — 484 s.

Westergaard, W. Gustavus Vasa's Russian Diplomacy / W. Westergaard // Runer og rids : festskrift til Lis Jacobsen 29. januar 1952. — København : Rosenkilde og Bagge, 1952. — S. 175—184.

ЛИМАН Игорь Геннадиевич / LIMAN Igor

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

igorlim@gmail.com

ФИНЛЯНДИЯ В ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНЕЙ РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЕ (1570–1595 гг.): ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

FINLAND DURING THE TWENTY-FIVE YEARS' WAR BETWEEN SWEDEN AND RUSSIA (1570–1595): HISTORY AND MEMORY

Abstract: The article researches the Finnish aspect of the Twenty-Five Years' War between Sweden and Russia (1570–1595), as well as the content and the significance of its image in the collective memory of the Finns. The relevance of the article is determined by the absence of a complete concept of the Twenty-Five Years' War in the Russian historiography. For this reason, many events of the confrontation between Sweden and Russia during the second half of the XVI century were seen as less significant ones, and the Finnish aspect of that war was almost excluded from the Russian historiography. It was concluded that the Finnish aspect of the Twenty-Five Years' War between Sweden and Russia is important for understanding the development not only of Finland in the second half of the XVI century, but also of the entire Baltic region. In addition, the historical experience of Finland during numerous wars between Sweden and Russia, including the period of *Pitkä viha*, was used in forming the Finnish national identity. In the symbolic meaning it possessed not only the powerful uniting force, but also incarnated the historical hostility between Russians and Finns. The times of remembrance and oblivion of the symbols of the past make it possible to describe the image of the Russian nation as 'the Other' for the Finnish identity.

Ключевые слова / Keywords: История Финляндии, Ливонская война, русско-шведские войны, *Pitkä viha*, Двадцатипятилетняя русско-шведская война, образ Другого, историческая память / History of Finland, Livonian War, Russo-Swedish wars, *Pitkä viha*, Twenty-Five Years' War between Sweden and Russia, the image of the Other, collective memory

Двадцатипятилетняя русско-шведская война (1570–1595 гг.) — период *Pitkä viha* — имеет особое значение в истории Финляндии, а произошедшие на её территории события оказали важное влияние на происходившую борьбу двух государств. В свою очередь, наблюдается практически полное отсутствие «финляндских» событий в русско-шведском противостоянии второй половины XVI века в тех концептах российской историографии, которые существуют в настоящее время. Обобщение и анализ материалов опубликованных источников, кратких сведений российской историографии и более значительных достижений финляндской историографии позволит создать основу для будущих исследований.

Значение событий периода *Pitkä viha* не ограничивается историей XVI века, и уже память о войне сыграла важную роль в конструировании финской

идентичности. Определение памяти как способа конструирования людьми своего прошлого подразумевает сохранение не его аутентичного состояния, а только определённой версии, которую признало сообщество — например, нация — в текущий момент¹. Данное прошлое имеет функциональное значение, и его задача заключается в том, чтобы определить границы сообщества, сформировать представление о себе по контрасту с «Другими»². В свою очередь, функциональность бесчисленного количества элементов образа «Другого» — Текста (интертекста) — определяется актуальным культурным кодом «читателя», а способ его дешифровки — исследование символов прошлого. Вполне вероятно, что период *Pitkä viha* — его образ — стал одним из таких символов, и его изучение позволит выявить новые особенности многогранного процесса формирования финской нации.

Финляндия в Двадцатипятилетней русско-шведской войне (1570–1595 гг.)

Географическое положение Финляндии и Карелии как пограничных областей двух сильных государств оказало значительное влияние на их историческое развитие. Данные территории стали полем битвы в череде многочисленных русско-шведских войн и предшествующих им сражений. Важным рубежом в ожесточённой борьбе стало заключение Ореховецкого мирного договора между Швецией и Новгородской республикой в 1323 году³, и он продолжал действовать после образования Русского государства. Его важное значение заключается в установлении первой известной границы — с учётом особенностей использования данного понятия — между двумя государствами. Установленная граница не подвергалась каким-либо изменениям вплоть до заключения Тязвинского мирного договора в 1595 году, соответственно, существовала 272 года.

В течение XIV–XVI веков условия договора часто нарушались, что являлось причиной возникновения вооружённых конфликтов. Одной из наиболее острых проблем стало распространение финских поселений за пределы определённых договором границ, что создавало условия для установления шведской власти на новых территориях⁴. В результате колонизации не стало известной из фольклора «дикой Саволакской украины, где преступник мог скрываться многие годы, пока само время не вымолит ему прощения»⁵. В свою очередь, произошедшие изменения могут быть связаны не с миграционными процессами, а с распространением

¹ Сафронова Ю. А. Историческая память: введение. СПб., 2019. С. 15.

² Там же. С. 33.

³ 1323 г. августа 12 — Договорная грамота Новгорода со Швецией о мире (Ореховецкий договор) // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 68.

⁴ Киркин Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 35.

⁵ Дялина М. А. Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала XX столетия. СПб., 1908. С. 45.

шведских административных механизмов на местных жителей не таких пустынных территорий, как предполагалось раньше, за пределами «ореховецкой» границы⁶. В данном случае представляется возможным учитывать оба фактора как свидетельства того, что восточная политика Швеции на протяжении XIV–XVI веков была весьма активной и успешной, направленной на постепенное (хотя происходящее не постоянно) перемещение её действительной — фактической — границы в восточном направлении.

Нарушение «ореховецкой» границы — прежде всего, в Саво (Саволаксе) — стало постоянной причиной вооружённых столкновений как небольшого масштаба между жителями приграничных территорий, так и полноценных войн между двумя государствами. Первые пограничные стычки отмечаются уже в конце XIV века, а с течением времени они развились во взаимные нападения. Данные конфликты обострили российско-шведские отношения во второй половине XV века и стали прологом полноценной войны (1495–1497 гг.), в результате которой ни одной из сторон не удалось достигнуть своих целей (*status quo ante bellum*)⁷. Заключённое между Россией и Швецией перемирие не решило проблему, но его продление в 1510 году (на 60 лет) и последующие случаи подтверждения⁸ смогли обеспечить относительно спокойную жизнь в Финляндии и Карелии на протяжении первой половины XVI века. Данное обстоятельство способствовало экономическому развитию территорий — это было время «настоящего Ренессанса как для шведской, так и для русской Карелии»⁹.

Период правления Густава I Васа (1523–1560 гг.), особенно его заключительная часть, представляется «золотым веком» в истории Швеции с точки зрения материального благополучия её жителей. Наступивший период процветания Э. Ф. Хекшер объясняет прекращением постоянной внутренней борьбы и созданием эффективного административного аппарата, а последующий в XVII веке упадок — значительным ростом населения в предыдущем столетии, а также многочисленными войнами. В свою очередь, шведский историк Г. Уттерстрём настаивает на сопутствующем благоприятном климатическом факторе, который оказал важное — даже решающее — влияние на произошедшие изменения¹⁰. В данном контексте он обращает внимание на потепление, которое наступило во второй

⁶ Толстиков А. В. Северо-западная граница Новгородской земли и Московской Руси в XIV–XVI вв.: от Ореховецкого мира до Тязвинского [Электронный ресурс]. Петрозаводск, 2019. С. 8. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?pid=31797> (15.12.2021).

⁷ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. С. 44–45.

⁸ Пожлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М., 1995. Вып. 2. Кн. 1. С. 155.

⁹ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. С. 45.

¹⁰ Utterström G. Climatic Fluctuations and Population Problems in Early Modern History // Scandinavian Economic History Review. 1955. Vol. 3. P. 21–22.

половине XV — первой половине XVI веков, а затем вновь сменилось периодом похолоданий.

В период мягкого климата наблюдается значительный рост населения во всех частях Европы, и климатический фактор мог стать решающим в произошедших демографических изменениях¹¹. Такой рост населения был и на севере Европы, в том числе в Карелии, что прослеживается на основе писцовых, переписных и дозорных книг XV–XVII веков. Например, численность населения Передней Корелы в период 1500–1568 годов увеличилась более чем вдвое, а число горожан Корелы возросло в 2,4 раза¹². В условиях распространённости экстенсивного промыслового типа хозяйства обозначенные демографические изменения могли стать причиной обострения межплеменных отношений и возникновения новых военных столкновений. Собственно, поиск «климатической первопричины» и антропоцентрические убеждения вызывали наибольшие сомнения у критиков Г. Уттерстрёма¹³, но не стоит однозначно игнорировать климатический фактор — пусть он даже и не самый важный — и его влияние на экономическое развитие. Следует учитывать, что чем более ранние события истории рассматриваются, тем больше внимания следует уделять климатическому фактору.

Широкое распространение разнообразных промыслов в Карелии было связано как с особенностями местности, так и с налоговой политикой правительства в Новгородской земле¹⁴. Если раньше ограниченность территорий для ведения промыслового хозяйства уравнивалась относительно малым количеством населения, то его бурный рост в конце XV — первой половине XVI веков нарушил существующий баланс. Данное обстоятельство побудило карелов к расширению зоны расположения своих промысловых угодий, а их перемещение в западном направлении вновь обострило вопрос о принадлежащих им территориях, которые к тому времени уже давно были заняты финнами. Таким образом, в конце XV — первой половине XVI веков климатический фактор стал одним из катализаторов ускоренного развития Карелии, но с течением времени косвенно способствовал возникновению новых конфликтов.

Становление Русского царства и Шведского королевства, а также произошедшие экономические и демографические изменения вновь обострили пограничный вопрос. К середине XVI века межплеменная борьба приобрела угрожающие масштабы, а в среде финляндского дворянства окрепло убеждение, что проблему границы следует решить силой оружия. Если ещё в 1540-е годы шведский король Густав I придерживался осторожной линии в отношении России и

¹¹ Ibid. P. 40.

¹² История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 136.

¹³ *De Ruя Ladюри Э.* История климата с 1000 года. Л., 1971. С. 14.

¹⁴ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 148.

отвергал подобные предложения, то в середине 1550-х годов он поддержал позицию дворянства. В свою очередь, к ограниченной войне с целью побудить шведов к демаркации границы стремился и русский царь Иван IV¹⁵. Территориальный спор, особенно из-за небольшого (98 квадратных километров) участка земли в верховьях реки Сестра — Риитамаа (фин. *Riitamaa* — спорная земля), стал основной причиной русско-шведской войны 1554–1557 годов (или 1555–1557 гг.). Она сопровождалась опустошительными набегами и привела к разорению приграничной местности, но произошедшая война не смогла решить существующие проблемы.

В результате войны было заключено перемирие сроком на 40 лет, а граница была подтверждена в соответствии с Ореховецким мирным договором¹⁶. К тому времени действительная граница между государствами уже значительно отличалась от её официального расположения, что было причиной постоянных военных столкновений. Предполагалось, что в будущем — 20 июля 1559 года — произойдёт созыв межевого съезда на реке Вуоксе для демаркации границы с разбором жалоб и претензий приграничного населения¹⁷. Заключённое перемирие, его последующая ратификация (изначально даже не была предусмотрена, но произошла по инициативе Ивана IV) создали благоприятные условия для России, чтобы начать войну с Ливонией в январе 1558 года¹⁸. В новых условиях интересы обоих государств — и России, и Швеции — оказались сосредоточены на ситуации в Прибалтике, поэтому межевой съезд так и не состоялся¹⁹, а вопрос о спорных территориях не был решён.

Если коренной причиной произошедшей русско-шведской войны 1554–1557 годов стала проблема постоянных нарушений «ореховецкой» границы, то поводом к войне послужило чувство оскорблённости у шведского короля Густава I иметь внешние сношения с Россией через Новгород²⁰. Если изначально — после подчинения Новгорода (1478 г.) — такая практика сохранялась как старинный обычай, то с течением времени она стала частью идеологических воззрений. В XVI веке сложился российский дипломатический этикет, согласно которому не все монархи считались равными русскому царю, что долгое время касалось и шведских королей из династии Васа²¹. В таком случае отсутствовали прямые дипломатические

¹⁵ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. С. 91–93.

¹⁶ 21 февраля — 24 марта 1557 года. Посольство полномочных послов короля Густава Адольфа — Стена Ериксона, Лаврентия, Архиепископа Упсальскаго, Михаила Агриколы, епископа Абоссакаго, «Бентелея Гультя» (Bängth Gyltta), Кнута Кнутсона и Олофа Лаврентсона для заключения мира с царем Иваном Васильевичем на сорок лет с 7065 по 7105 год // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1910. Т. 129. С. 42.

¹⁷ Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР ... С. 160.

¹⁸ Там же. С. 161.

¹⁹ Suomen historian pikkujättiläinen / Päätoim. S. Zetterberg. Helsinki, 1987. S. 138.

²⁰ Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР ... С. 158.

²¹ Коваленко Г. М. Русские и шведы от Рюрика до Ленина. Контакты и конфликты. М., 2010. С. 50.

отношения между Стокгольмом и Москвой, а проведение переговоров и заключение соглашений со Швецией осуществлялось от имени новгородского наместника (с последней трети XVI века — воеводы), что означало его равенство со шведским королём. Существующая дипломатическая практика оскорбляла шведских монархов, и они стремились ликвидировать унижающий их «посольский обычай»²².

Таким образом, накануне Двадцатипятилетней русско-шведской войны спор о «посольском обычае» представлял собой ещё одну острую проблему в отношениях двух государств. Обозначенную дипломатическую практику почти удалось ликвидировать в 1567 году, когда был заключён договор о дружбе, союзе, взаимопомощи и окончательном мире между Россией и Швецией²³. Его появление представляет собой — по оценке Г. В. Форстена — «решительный триумф московской дипломатии над шведской», а реализация договора на практике могла полностью изменить ситуацию в Балтийском регионе в пользу России²⁴. С целью ратификации договора в Стокгольм отправилось российское посольство во главе с боярином Иваном Михайловичем Воронцовым (1567–1569 гг.), которое прибыло к месту назначения 20 июля 1567 года²⁵.

Более года шведский король Эрик XIV не принимал их под разными предложениями²⁶, но действительной причиной задержки было начало его конфликта с братьями, а также частью шведской аристократии²⁷. Только в сентябре 1568 года послам удалось встретиться с Эриком XIV, и он уже не был готов отправить Катарину Ягеллонку в Россию. Шведский король утверждал, что о таком условии договорились его послы, которые думали, что Юхан III умер, а «от жива мужа жена не отлучаетца»²⁸. В свою очередь, одним из основных условий союзного договора была передача Ивану IV Катарину Ягеллонки — сестры польского короля Сигизмунда II Августа, а также жены Юхана III — брата шведского короля Эрика XIV.

29 сентября 1568 года в Стокгольме произошёл государственный переворот, в результате которого Эрик XIV был свергнут, а к власти пришёл его брат — Юхан III²⁹. Новый монарх аннулировал союзный договор ещё до его ратификации, а члены российского посольства оказались в заточении и были отпущены только

²² Там же. С. 51.

²³ Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР ... С. 163–164.

²⁴ Фролов Р. А. Русско-шведские отношения в 60-е гг. XVI в. // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. № 8 (76). С. 313.

²⁵ Статейный список И. М. Воронцова (Швеция) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 2008. С. 7.

²⁶ Там же. С. 37.

²⁷ Там же. С. 55–56.

²⁸ Там же. С. 57.

²⁹ Статейный список И. М. Воронцова (Швеция) ... С. 59–60.

4 июня 1569 года³⁰. Такое развитие событий способствовало резкому ухудшению отношений с Россией, и Иван IV даже пригрозил Швеции войной³¹. В свою очередь, Юхан III предпринимает попытку — скорее, формальную — установить «прочный мир» и с этой целью отправляет в Россию посольство во главе с финляндским епископом Павлом (Паавали) Юстеном³².

14 сентября 1569 года посольство прибыло в Новгород, а на следующий день его участники были приглашены к наместнику, но они отказались от беседы с ним³³. Такой ответ обосновывался тем, что беседа (или переговоры) с наместником не входят в число их задач, потому что их направили только к «Московскому Великому князю и царю», и ранее они не могут рассказывать кому-либо о делах, с которыми были посланы. Напротив, участники посольства заявили о своей готовности вернуться обратно в Швецию, если переговоры не смогут состояться в обозначенном формате³⁴. Их жёсткая позиция свидетельствует о том, что установление «прочного мира» было не единственной задачей посольства (возможно, даже не основной), но также предпринималась ультимативная попытка изменить существующую дипломатическую практику. Даже не столько изменить, сколько закрепить её на основе ранее аннулированного союзного договора, который создал прецедентный случай³⁵.

Только с появлением угрозы нападения «собранным царем войска на Финляндию и разорения ее огнем и мечом» послы посчитали, что представляется возможным изложить своё дело новгородскому наместнику³⁶. Подобная смена первоначальных установок о практике дипломатических отношений наблюдается и в ходе дальнейшего развития событий, что произошло не по решению самих послов, а в соответствии с инструкцией Юхана III³⁷. В таком случае их изначальная настойчивость представляется весьма странной, если рассматривать заключение «прочного мира» как основную цель посольства. Весьма вероятно, что в стратегических планах Юхана III действительная потребность в мире с Россией отсутствовала, но в условиях продолжающейся Северной семилетней войны (1563–1570 гг.) требовалось выиграть время перед наступлением неизбежной русско-шведской войны. Собственно, отправка послов как способ сохранить мирные отношения — пусть и на весьма короткий срок — оказалась успешной тактикой; в

³⁰ Там же. С. 62.

³¹ *Jutikkala E., Pirinen K. A History of Finland. Helsinki, 2003. P. 125.*

³² *Юстен П. Посольство в Московию 1569–1572 гг. = Matka Moskovaan 1569–1572. СПб., 2000. С. 95.*

³³ Там же. С. 101.

³⁴ Там же. С. 105.

³⁵ Там же. С. 123.

³⁶ Там же. С. 119.

³⁷ Там же. С. 133.

противном случае война могла начаться раньше, что подтверждают слова Ивана IV³⁸.

В свою очередь, судьба российского посольства во главе с И. М. Воронцовым (1567–1569 гг.) не была забыта, что стало одной из причин аналогичного отношения к послам из Швеции. Не только «месть», но также нарушение «посольского обычая» — по словам Ивана IV³⁹ — стало причиной неподобающего отношения к шведским послам, их последующего заключения под стражу и ссылки в Муром. Беспечное обращение с послами из Швеции объясняется не только обозначенными причинами, но и тем обстоятельством, что российская сторона не рассчитывала на продолжение мирных отношений, поэтому ей было «все равно, подтвердится ли мир или начнется война»⁴⁰. Даже условия подписания мирного договора, которые обозначили шведским послам в России, были крайне чрезмерными⁴¹.

В действительности мы наблюдаем «игру» двух монархов, где каждый осознавал неизбежность предстоящей войны, но им требовалось время для подготовки к ней. К тому моменту противоречия между Россией и Швецией обострились настолько, что стороны не были готовы к компромиссу. Ситуация была весьма сложной и потому, что конфликт развивался не только в отношениях государств, но и правителей. Между Юханом III и Иваном IV существовала личная вражда⁴²; оскорбительные послания, которыми обменялись монархи, возможно, не имеют аналогов в мировой истории⁴³. Таким образом, целая совокупность факторов предопределила неизбежность предстоящей русско-шведской войны, но решающее значение имело столкновение интересов двух держав в Прибалтике.

Ещё в январе 1558 года началась война России со слабой Ливонией⁴⁴, но небольшой конфликт послужил триггером для начала напряжённой борьбы между государствами Балтийского региона. В 1561 году Швеции удалось включить в состав своего государства Эстляндию (северную часть современной Эстонии) с городом Ревель (Таллин), что стало одним из первых шагов на пути к созданию великой державы⁴⁵. Новый порт был весьма важным стратегическим приобретением, а по характеристикам — экономическим и численности населения — превосходил

³⁸ Юстен П. Посольство в Московию ... С. 151.

³⁹ Там же. С. 149.

⁴⁰ Там же. С. 117.

⁴¹ Там же. С. 145–147.

⁴² Kirkinen H. Karjala taistelukenttä. Karjala idän ja lännen välissä II. Helsinki, 1976. S. 120. URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/170155> (15.12.2021).

⁴³ Jutikkala E., Pirinen K. A History of Finland. P. 125.

⁴⁴ Объявление войны царем Иваном Васильевичем городу Ревелю // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1886. Октябрь — декабрь. Кн. 4. С. 1.

⁴⁵ Кан А. С. История скандинавских стран. М., 1980. С. 60.

даже столичный Стокгольм⁴⁶. Обладание одним из крупнейших торговых городов на побережье Балтийского моря оказало весьма важное влияние на внешнеполитические планы шведских правящих кругов. В последующем было необходимо учитывать позицию сильного и богатого ревельского купечества, а также интересы города в своих планах, например, в «великой восточной программе»⁴⁷.

Активное участие Швеции в разделе ливонского наследства стало причиной появления новых разногласий в отношениях с Россией⁴⁸. Долгое время двум государствам удавалось избегать прямого столкновения, а в некоторые моменты их интересы даже совпадали, что позволило достигнуть предварительного согласия об установлении союзных отношений в 1567 году. В свою очередь, государственный переворот в Стокгольме — в 1568 году — значительно изменил ситуацию: не только обострились существующие разногласия в российско-шведских отношениях, но также последовало сближение Швеции с Польшей, что стало ещё одним фактором развития конфликта с Россией⁴⁹. Уже в августе 1570 года русская армия вторглась в шведскую Эстляндию и осадила Ревель (Галлин)⁵⁰. Данное событие стало началом Двадцатипятилетней русско-шведской войны (1570–1595 гг.), но в российской историографии его связывают с переходом к «шведскому» этапу Ливонской войны (1558–1583 гг.).

Искусственно сконструированный историографический концепт Ливонской войны стал более важной частью созданного нарратива, чем конкретное русско-шведское противостояние. Данное обстоятельство послужило причиной возникновения целого ряда проблем, которые ограничивают возможности основательного изучения рассматриваемых событий. Весьма продуктивным подходом представляется исследование не Ливонской войны как целостного конфликта, а каждого конкретного случая противостояния России с её противниками⁵¹. Обращение к уже существующему в зарубежной историографии концепту Двадцатипятилетней русско-шведской войны открывает более широкие возможности для исследования как генезиса конфликта, так и событий самого противостояния двух держав во второй половине XVI века, в том числе

⁴⁶ *Karonen P. Pohjoinen suurvalta: Ruotsi ja Suomi 1521–1809. Porvoo; Helsinki; Juva, 1999. S. 131.*

⁴⁷ *Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.; Л., 1964. С. 24.*

⁴⁸ *Протокол мирных переговоров, веденных на реке Сестре (Systerbäck) 3 июля 1575 г. Шведским посольством с послами Ивана Грозного // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1895. Кн. 2. С. 4.*

⁴⁹ *Karonen P. Pohjoinen suurvalta. S. 132.*

⁵⁰ *Suomen historian pikkujättiläinen. S. 154.*

⁵¹ *Лиман И. Г. Двадцатипятилетние войны XVI века в истории России и Финляндии // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 4. С. 96. URL: https://uchzap.petrstu.ru/files/redaktor_pdf/1622097707.pdf (15.12.2021).*

«финляндской» составляющей, которая оказалась практически исключённой из российской историографии. Произошедшие на её территории события оказали важное влияние на действия противоборствующих сторон, а в некоторые моменты имели решающее значение для войны в целом.

Ещё накануне войны наместник в Финляндии Ханну Лауринпойка Бьёрнрам (Ханс Ларссон Бьёрнрам) предупреждал Юхана III о том, что готовится вторжение русской армии в Финляндию, но шведский король полагал, что ситуация в Прибалтике не позволит Ивану IV предпринять какие-либо действия в этом направлении⁵². В свою очередь, некоторые меры на такой случай все-таки были приняты, но дальнейшие события покажут, что их нельзя считать достаточными. На рубеже 1570–1571 годов — в начале войны — численность армии в Финляндии составляла всего около двух тысяч человек, в оборонительных действиях принимали участие также финские крестьяне⁵³. Такие силы — первоначально ими руководил Ханну Лауринпойка Бьёрнрам — не могли противостоять русской армии, которая совершила несколько успешных вторжений на территорию Финляндии в 1570–1571 годах. Уже в результате трёх первых рейдов южное побережье — от реки Сестра и вплоть до Хельсинкского региона — подверглось значительным разрушениям⁵⁴. Прочный ледяной покров позволил совершить нападения и на внешние острова Финского залива — Сескар (*Seiskari*), Мощный (*Lavansaari*), Гогланд (*Suursaari*), Большой Тютерс (*Tytärsaari*), Хаапасаари (*Haapasaari*)⁵⁵. Действия русской армии нанесли крупный ущерб финским крестьянам, что отрицательно сказывалось на последующем обеспечении шведской армии, но их влияние на общий ход военных действий было весьма ограниченным.

Весной 1571 года умер Ханну Лауринпойка Бьёрнрам, а летом произошла смена командующего армией в Финляндии: Иивари Маунунпойка Сяркилахти (Ивар Монссон Шернкорс) покинул данный пост, а его место занял Густав Банер (1547–1600 гг.). Он был образованным человеком, но его опыт ведения военных действий был весьма скромным, и назначение на должность произошло, скорее, на основе фактора личной преданности Юхану III⁵⁶. Густав Банер получил инструкции от шведского короля, где — среди прочего — указывалось, что необходимо действовать на территории России, чтобы избежать разорения Финляндии⁵⁷. 26 ноября 1571 года шведская армия во главе с Густавом Банером выдвинулась из Турку в Выборг. Если начальная численность армии составляла около 3300 человек,

⁵² *Tavaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika.* Helsinki, 1918–1920. S. 38. URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/167604> (15.12.2021).

⁵³ Suomen historian pikkujättiläinen. S. 154.

⁵⁴ *Tavaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika.* S. 42–43.

⁵⁵ Ibid. S. 44.

⁵⁶ Ibid. S. 46.

⁵⁷ Ibid. S. 53.

то по ходу движения она увеличилась, и уже в Выборг прибыло около 9000–10000 человек⁵⁸, что является весьма большой цифрой в условиях того времени.

В конце января — начале февраля 1572 года русская армия начала наступление на финляндском театре военных действий. Её численность — по разным оценкам пленников и шпионов — составляла около 47 тысяч человек, но цифра является явно преувеличенной⁵⁹. Наступление русской армии, как и в предыдущих случаях, сопровождалось разорением территории, но финские крестьяне уже имели соответствующий опыт и заранее спрятали продовольственные запасы, скот и другие ценные вещи. В свою очередь, Густав Банер не предпринимал каких-либо активных действий по защите Финляндии, что в отчётах Юхану III он объяснял сложными погодными условиями в зимнее время, а также превосходящими силами противника⁶⁰. Скорее, истинной причиной бездействия стал недостаток опыта у молодого командующего, который не смог оправдать надежд шведского короля. Уже летом 1572 года Густав Банер получил приказ отправиться в Польшу и покинул Финляндию⁶¹.

6 августа 1572 года на должность командующего армией в Финляндии был назначен Герман Флеминг (1520–1583 гг.). Одной из его наиболее важных задач — по плану Юхана III — стало нападение на территории Корельского и Ореховского уездов в России⁶². Первый рейд шведской армии был совершён в Корельский уезд и продолжался с 29 декабря 1572 года до 8 января 1573 года, что сопровождалось разорением приграничной территории России. Вскоре был совершён ещё один рейд, но уже на территорию Ореховского уезда, который подвергся разрушениям вплоть до окрестностей реки Невы⁶³. В свою очередь, были и другие нападения Германа Флеминга на приграничные территории России, но его рейды не оказывали существенного влияния на общий ход военных действий, а причиняли ущерб только местному гражданскому населению. Такой ущерб в масштабах всего государства не сказывался на обеспечении русской армии, но разрушал прочный плацдарм для вторжений на территорию Финляндии.

После череды взаимных нападений стороны решили заключить перемирие на финляндском театре военных действий, которое продолжалось в 1573–1577 годах⁶⁴. В течение перемирия борьба в Прибалтике не прекращалась, поэтому постоянно

⁵⁸ Ibid. S. 55–56.

⁵⁹ Ibid. S. 58.

⁶⁰ Ibid. S. 58–59.

⁶¹ Ibid. S. 62.

⁶² Ibid. S. 64.

⁶³ Ibid. S. 68–69.

⁶⁴ Suomen historian pikkujättiläinen. S. 154.

существовала угроза возобновления военных действий в Финляндии⁶⁵. После заключения перемирия прибывшие в начале войны дополнительные формирования шведской армии покинули Финляндию, а оставшихся сил было недостаточно для её защиты. В 1576 году, когда появились слухи о предстоящем нападении русской армии, обороноспособность Финляндии была не в лучшем положении, чем в самом начале войны⁶⁶. Из-за активных действий в Прибалтике нападения не произошло, но были приняты меры для повышения обороноспособности Финляндии.

В начале 1577 года произошло весьма жестокое нападение татарской конницы Кутук-мурзы на область Уусимаа⁶⁷ — южную часть побережья Финляндии. Численность отряда, посланного по льду Финского залива при подходе русской армии к Таллину, составила 1200 человек⁶⁸. Герман Флеминг предпринял активные действия для защиты финского населения, но не смог помешать татарской коннице, которая разделилась на отдельные группы и подвергла значительным разрушениям одновременно разные территории Уусимаа — Порвоо, Сипоо, Хельсинки, Эспоо, Киркконумми, Сиунтио и Инкоо⁶⁹. Действия татар соответствовали их обычному способу добывать себе пропитание и одежду путём грабежа и захвата, и со стремлением обеспечить им привычный образ жизни — после присоединения Казанского и Астраханского ханств, а также Ногайской орды — связана одна из причин эскалации войны Россией⁷⁰.

Нападение на территорию Финляндии в условиях действующего там перемирия стало поводом для ответного рейда, который совершил Герман Флеминг в том же 1577 году. В результате его действий значительная часть территории Ингерманландии была подвергнута разорению⁷¹. Юхан III был недоволен результатами рейда, и в ноябре 1577 года Герман Флеминг потерял должность командующего армией в Финляндии, а его место занял Хенриikki Клаунпойка Горн (Хенрик Классон Горн) (1512–1595 гг.), который накануне назначения проявил себя во время осады Таллина русской армией⁷². В феврале 1578 года вновь возобновились вторжения на приграничные территории России с целью их разорения, а несколько

⁶⁵ 29 января — 31 июля 1575 года. — Съезд на реке Сестре шведских послов Клауса Флеминга с товарищи с русскими послами князем Василием Сицким с товарищи для заключения между обоими государствами перемирия на два года, начиная с 20 июля 1575 года // Сборник Русского исторического общества. Т. 129. С. 340.

⁶⁶ *Tavaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika.* S. 133.

⁶⁷ *Шкваров А. Г. Россия — Швеция. История военных конфликтов. 1142–1809 годы.* СПб., 2012. С. 72.

⁶⁸ *Tavaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika.* S. 167.

⁶⁹ *Ibid.* S. 168–169.

⁷⁰ *Хорошкевич А. А. Россия в системе международных отношений середины XVI века.* М., 2003. С. 204.

⁷¹ *Kirkinen H. Karjala taistelukenttä...* S. 129.

⁷² *Tavaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika.* S. 203.

позднее — осенью 1578 года — появилось указание Юхана III действовать на тех территориях, которые ранее оставались в стороне от военных действий⁷³. С этой целью ранней весной 1579 года шведская армия, которую возглавил Хенриikki Клаунпойка Горн, совершила поход через Ингерманландию вглубь Новгородской земли⁷⁴. Возможно, шведский король заметил, что такой способ ведения военных действий не мог оказать существенного влияния на исход войны, что стало причиной поиска новых подходов. Ещё летом 1578 года была предпринята первая неудачная попытка захвата крепости Корела⁷⁵, а в 1580 году произошли важные стратегические изменения, которые оказали значительное влияние на дальнейший ход войны и ознаменовали собой начало её нового этапа.

Таким образом, на первом этапе войны (1570–1580 гг.) обнаруживается отсутствие должной подготовки к оборонительным действиям в Финляндии: недостаток ощущался как в людских, так и материальных ресурсах. Данное обстоятельство связано не только с отсутствием внимания к проблеме, но и обнищанием Шведского государства⁷⁶. Трудности начального периода удалось быстро преодолеть, но появилась проблема обеспечения порядка и содержания большого количества солдат, прибывающих в Финляндию. Военные действия имели свирепый характер, а их сущность заключалась в тотальном разорении приграничных территорий и уничтожении гражданского населения, что должно было лишить противника возможности использовать ресурсы для ответных ударов⁷⁷. Обе стороны не уступали друг другу в проявлениях жестокости, а разрушения приграничной территории России были даже более масштабными, чем в Финляндии⁷⁸. Такие действия не могли оказать существенного влияния на исход войны, скорее, они являлись способом отвлечения внимания противника от основных событий в Прибалтике, чем пользовалась каждая противоборствующая сторона.

В 1580 году была впервые — её прообраз появился ещё в 1572 году⁷⁹ — разработана программа шведских территориальных захватов за счёт России, которая в зарубежной историографии получила название «великой восточной программы». Её задачи предполагали захват всего российского побережья Финского залива, а также Баренцева и Белого морей (вплоть до Холмогорского острога в устье Северной Двины)⁸⁰. Содержание обозначенной программы стало основой

⁷³ Ibid. S. 219.

⁷⁴ *Kirkinen X., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа. С. 96.

⁷⁵ *Kirkinen H.* Karjala taistelukenttä ... S. 131.

⁷⁶ *Шкваров А. Г.* Россия — Швеция ... С. 72.

⁷⁷ *Kirkinen H.* Karjala taistelukenttä ... S. 124.

⁷⁸ Ibid. S. 136.

⁷⁹ Ibid. S. 137.

⁸⁰ История Швеции / Отв. ред. А. С. Кан. М., 1974. С. 167–168.

для дальнейших завоевательных планов шведских правящих кругов рубежа XVI–XVII веков по отношению к России⁸¹. В результате её реализации Россия могла потерять не только выход к Балтийскому морю: с захватом Русского Севера исчезали и другие возможности для установления прямых торговых связей с государствами Западной Европы. Страна оказалась в ситуации, когда её действия определялись не только собственными мотивами, но и потребностью защищать свои исконные позиции в регионе.

После периода безуспешных действий и некоторых неудач сложилась весьма благоприятная ситуация для Швеции: активные действия Речи Посполитой в конце 1570-х — начале 1580-х годов, а также угроза на юге — крымские татары — отвлекли Россию от финляндского театра военных действий. В таких условиях предпринимаются первые шаги для выполнения задач «великой восточной программы». Действительный успех связан с именем лучшего полководца Швеции в то время — Понтуса Делагарди, который привнёс в военную практику искусство осады⁸². Он получил обширные полномочия и соответствующие наставления от шведского короля: уже не рутинное разорение территорий, а взятие крепостей (Корела, Орешек) должно было стать основной задачей нового командующего⁸³. В распоряжении Понтуса Делагарди находилась армия, численность которой составляла примерно 7000 человек⁸⁴. Шведские войска (как и польские) владели более совершенным вооружением и более передовыми методами ведения боя⁸⁵, что стало одним из факторов их успеха в сражениях с Россией.

2 октября 1580 года Понтус Делагарди прибыл в Выборг, а вскоре шведская армия выдвинулась в Россию и появилась у стен Корелы 26 октября 1580 года⁸⁶. Уже 5 ноября 1580 года была взята древняя крепость Корела⁸⁷ — политический, экономический и культурный центр Карелии; важный опорный пункт русской армии, который позволял начинать наступление сразу вглубь финляндской территории⁸⁸. Точная информация о количестве защитников крепости отсутствует, но вероятно, что их было не более 1000–2000 человек⁸⁹. Получив известие

⁸¹ Там же. С. 168.

⁸² Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. С. 96.

⁸³ *Tamaststjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. S. 279–280.

⁸⁴ Suomen historian pikkujättiläinen. S. 155.

⁸⁵ Казакова Н. А., Шаскольский П. П. Русь и Прибалтика (IX–XVII вв.). Л., 1945. С. 97.

⁸⁶ *Tamaststjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. S. 288–289.

⁸⁷ *Ibid.* S. 290.

⁸⁸ Шкваров А. Г. Россия — Швеция ... С. 74.

⁸⁹ *Kirkinen H.* Karjala taistelukenttä ... S. 139.

об успешном взятии крепости, Юхан III поблагодарил армию за преданность, а также отметил, что условия являются благоприятными для продолжения войны⁹⁰.

Взятие Корелы стало только началом череды побед шведской армии под руководством Понтуса Делагарди. 6 сентября 1581 года была взята Нарва, которая в то время принадлежала России — это означало реализацию одной из наиболее важных задач Швеции. После одержанной победы Понтус Делагарди публично объявил о своём разрешении грабить город в течение 24 часов, и такие действия предварительно одобрил Юхан III⁹¹. Нарвское поражение русской армии было неожиданным и дезориентировало её; в то же время значительные силы были отвлечены на оборону Пскова от польских войск во главе со Стефаном Баторием⁹². Шведский полководец Понтус Делагарди успешно воспользовался сложившейся ситуацией и быстро завоевал российские территории южной части Финского залива с крепостями Ивангород, Ям и Копорье⁹³. Его успех позволил Швеции установить сухопутную связь между её владениями в Прибалтике и Финляндией. Следующей целью стала борьба против единственной оставшейся угрозы — крепости Орешек.

В октябре 1582 года была предпринята неудачная попытка взятия крепости Орешек, и такой исход, отчасти, связан с отсутствием Понтуса Делагарди в момент начала осадных действий. Его последующее позднее прибытие не смогло что-либо изменить: шведская армия была подавлена отсутствием провизии и сопутствующими болезнями⁹⁴, а из Новгорода уже выдвинулся вспомогательный конный полк во главе с князем Андреем Шуйским⁹⁵. В свою очередь, сказывалось общее истощение людских, материальных и финансовых ресурсов Швеции, поэтому было решено временно отказаться от дальнейших планов завоевания новых территорий. Аналогичные проблемы — даже в большей степени — испытывала Россия⁹⁶, что стало благоприятной почвой для переговоров, во время которых стороны смогли договориться о заключении перемирия.

В 1582 году было подписано Ям-Запольское перемирие между Россией и Речью Посполитой, а затем — в 1583 году — последовало Плюсское перемирие со Швецией. С заключением двух обозначенных договоров связывают окончание Ливонской войны (1558–1583 гг.). Плюсское перемирие имело весьма тяжёлые последствия для России, которая потеряла свои территории на Карельском

⁹⁰ *Tavaststjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. S. 294.

⁹¹ *Ibid.* S. 320.

⁹² Шкваров А. Г. Россия — Швеция ... С. 77.

⁹³ Кочуркина С. П., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990. С. 57.

⁹⁴ *Tavaststjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. S. 370–371.

⁹⁵ Шкваров А. Г. Россия — Швеция ... С. 79.

⁹⁶ Шаскольский П. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950. С. 33.

перешейке и в Ингерманландии. В свою очередь, она смогла сохранить не только другие северные территории, но даже доступ к Балтийскому морю: оставался небольшой отрезок морского побережья с устьем Невы, где проходил важный торговый путь⁹⁷. Решительной победы не случилось, скорее, существующие противоречия между государствами обострились ещё в большей степени, потому что Россия не могла смириться с потерей своих исконных территорий, а Швеция лишь на время отказалась от осуществления больших захватнических планов⁹⁸. Таким образом, борьба между государствами не была окончена, а получила небольшую паузу, во время которой постоянно существовала угроза нарушения перемирия, а каждая сторона продолжала активную подготовку к возобновлению военных действий.

На захваченной территории Корельского уезда (Кексгольмского лена) шведы организовали управление в соответствии со своими порядками⁹⁹. Зона оккупации изначально была весьма небольшой, но с течением времени она увеличилась в размерах: если в 1581 году шведская власть распространялась только на Городенский (*Räisälän pogosta*), Кирьяжский (*Kurkijoen pogosta*) и Сердоловский (*Sortavalan pogosta*) погосты, то в 1585 году уже на всю южную часть Корельского уезда, а также на некоторые части северных погостов (в дополнение к обозначенным) — значительную часть Соломенского (*Salmin pogosta*) и южную часть Иломанского (*Ilomantsin pogosta*) погостов¹⁰⁰. Большая часть местного населения не подчинилась новой власти, покинула свои дома и ушла в пределы Русского государства¹⁰¹. Некоторые выбрали путь активных действий — карельские партизаны, которые боролись против шведских захватчиков, а также тех, кто решил остаться на территории противника. В свою очередь, были и «коллаборационисты» (и крестьяне, и бояре), которые вступили в сотрудничество с новой шведской властью и помогали ей. Особенно требовалось их участие в разведывательных действиях, что оплачивалось, и наиболее известным шпионом и проводником был Риико Репойнен¹⁰².

Двадцатипятилетняя русско-шведская война имела длительные периоды перемирий (1573–1577 гг.; 1583–1590 гг.), но если столкновения регулярных армий прекращались, то борьба иррегулярных формирований противостоящих сторон — партизан — продолжалась на всем протяжении войны. В свою очередь, интенсивность партизанских действий не была одинаковой на всем протяжении

⁹⁷ История Швеции. С. 168.

⁹⁸ Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии ... С. 38.

⁹⁹ Kirkinen H. Karjala taistelukenttä ... S. 150.

¹⁰⁰ Ibid. S. 151.

¹⁰¹ Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 39.

¹⁰² Kirkinen H. Karjala taistelukenttä ... S. 165.

войны: первоначально крестьяне не были готовы принимать активное участие в её событиях, но постепенно происходило вовлечение гражданского населения в партизанскую борьбу, а затем её усиление и ужесточение. Географические рамки партизанской войны весьма широки — территории от Северного Ледовитого океана до Ладожского озера¹⁰³.

Изначально карельские партизаны преследовали цель изгнания финнов с тех территорий, которые принадлежали России в соответствии с Ореховецким мирным договором, но их деятельность имела скромные масштабы. Шведская оккупация территории Корельского уезда стала мощным катализатором усиления борьбы карельских партизан, которые решили оказать сопротивление захватчику. Их действия в 1581–1583 годах помогли остановить продвижение шведов на восточные земли Карелии, чем оказали значительное влияние на общий ход войны в районе Ладожского озера¹⁰⁴. В свою очередь, карельские партизаны продолжали активно действовать и после заключения Плюсского перемирия в 1583 году, даже совершали рейды на территорию Финляндии — в Саво и Похьянмаа¹⁰⁵. В ходе борьбы обозначилось множество выдающихся представителей партизан — Кирилл Рогозин, Лука Рясянен и его брат Онитса Рясянен, Микко Ялкинен, а также Микитка, Робоница, Одина Саванов и Третьяк Колосник¹⁰⁶.

Наиболее известным лидером карельских партизан был крестьянин Кирилл Рогозин из Сердоболя (Сортавалы). Изначально он признал шведскую власть и остался жить на оккупированной территории в одной из деревень Соломенского погоста. Спустя некоторое время его ограбили, а «охранная грамота» — возможно, из-за темноты — не помогла сохранить имущество, которое не удалось вернуть даже после специального разбирательства¹⁰⁷. Кирилл Рогозин решил уйти в пределы Русского государства, где возглавил карельских партизан, которые совершали рейды в оккупированный шведами Корельский уезд с целью их изгнания. Численность отряда Кирилла Рогозина могла достигать 3000 человек. Вероятно, что цифра является преувеличенной¹⁰⁸, и она не была постоянной. В данном случае речь идёт об общей численности партизан, которые сконцентрировались в районе озера Тулмозеро, но они действовали небольшими по численности группами. В результате их действий значительное число крестьян покинуло оккупированную шведами территорию, а некоторые даже пополнили ряды партизан. В свою очередь,

¹⁰³ *Karonen P.* Pohjoinen suurvalta. S. 128.

¹⁰⁴ *Шкваров А. Г.* Россия — Швеция ... С. 78.

¹⁰⁵ *Tawaststjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. S. 542–543.

¹⁰⁶ Карелы Карельской АССР. С. 39.

¹⁰⁷ *Tawaststjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. S. 533.

¹⁰⁸ *Kirkkinen H.* Karjala taistelukenttänä ... S. 146.

крестьяне, которые решили сотрудничать со шведской властью, стали объектом для нападений¹⁰⁹.

На территории Финляндии особенно ожесточённая партизанская борьба развернулась в областях Саво (Саволакс) и Похьянмаа (Эстерботтен). Регулярная шведская армия была не в силах в полной мере защитить гражданское население от разорительных действий противника в Финляндии, что стало причиной включения финских крестьян в борьбу. Если в рядах саволакцев весьма быстро обнаружались лидеры, которые взяли на себя руководство военными действиями партизан, то среди жителей Похьянмаа долгое время отсутствовали выдающиеся люди с нужными навыками¹¹⁰. Только на заключительном этапе войны о себе заявил крестьянин из Похьянмаа — Пекка Весайнен, который стал наиболее известным лидером финских партизан. Военные действия финнов были обыкновенным проявлением партизанской борьбы против захватчика и не представляют собой исключительный случай. Более важным оказалось то, как данные события интерпретировали их потомки.

Способы ведения военных действий, которые использовали партизаны, были весьма жестокими: несколько десятков или сотен вооружённых людей внезапно появлялось из леса и нападало на одно из крестьянских поселений, которое подвергалось разорению и грабежу, что сопровождалось убийством — в некоторых случаях весьма зверскими способами — его жителей, в том числе стариков, женщин и детей¹¹¹. Важной составляющей разорительных рейдов партизан являлся грабёж, что могло быть некоторой компенсирующей составляющей активного участия в военных действиях, которые истощали их ресурсы. Разорительные рейды на территорию противника были типичными действиями партизан — и карельских, и финских — на всем протяжении войны, но они не ограничивались ими, а также принимали участие в действиях регулярной армии, совершали разведывательные походы и занимались обороной собственных поселений. После разорительного рейда партизан на территорию противника, как правило, следовал ответный поход, что только усиливало и ужесточало последующую борьбу.

Устремления финских партизан определялись только их собственной инициативой, но в условиях военного времени сформировалась ещё одна группа крестьян — кнапов (кнехтов), которые освобождались от уплаты налогов за вспомогательные действия в течение войны¹¹². Представителей данной группы весьма сложно охарактеризовать как партизан, потому что они имели прямое

¹⁰⁹ Ibid.

¹¹⁰ *Tamastjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. S. 479–480.

¹¹¹ Ibid. S. 480.

¹¹² *Киржинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа. С. 76.

отношение к командованию регулярной армии, но традиционное восприятие их деятельности все-таки не ограничивается формальными критериями. Наиболее известным кнапом стал Туомас Теппойнен, который сначала занимался шпионажем в пользу Швеции, а затем возглавил крестьянский кавалерийский отряд¹¹³. Сущность его деятельности практически не отличалась от занятий финских партизан, но он действовал в соответствии с получаемыми приказами, которые, впрочем, соответствовали его желанию защищать Финляндию.

В течение перемирия (1583–1590 гг.) обстановка на границе была весьма напряжённой, что было связано с продолжающейся партизанской борьбой. В свою очередь, ещё в 1586 году состоялись переговоры о мире между государствами, но шведские дипломаты выдвинули чрезмерные требования. По этой причине переговоры не имели успеха, и в январе 1590 года — после окончания перемирия — военные действия возобновились¹¹⁴. Наиболее значительным событием заключительного этапа войны стало наступление русской армии во главе с царём Фёдором Ивановичем. Её численность, по одним сведениям, составляла 180 тысяч человек¹¹⁵, по другим — около 30 тысяч человек¹¹⁶. Каарле Хенрикинпойка Горн (Карл Хенрикссон Горн) — наместник Нарвы — не смог противостоять русской армии и принял вынужденное решение заключить перемирие до 6 января 1591 года¹¹⁷. В результате масштабного похода России удалось вернуть ранее утраченные территории побережья Финского залива с крепостями Ивангород, Ям и Копорье¹¹⁸.

За проявленную слабость Каарле Хенрикинпойка Горн был приговорён к смертной казни, но помилован прямо на эшафоте. Обвинителем на его суде выступил Клаус Флеминг, который в 1591 году был назначен командующим армией в Финляндии¹¹⁹. На заключительном этапе войны её территория была важным опорным пунктом для нападений на сопредельные территории России, что проявилось в захватнических планах Юхана III. В свою очередь, шведской армии не удалось исполнить его замыслы по масштабному наступлению на территорию России сразу в нескольких направлениях¹²⁰, а отдельные походы небольших отрядов, в том числе на Кольский полуостров и к беломорскому побережью

¹¹³ *Virrankoski P.* Teppoinen, Tuomas // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. 2001. URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-003851> (15.12.2021).

¹¹⁴ *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). СПб., 1894. Т. 2. С. 49–50.

¹¹⁵ Там же. С. 51.

¹¹⁶ *Kirkinen H.* Karjala taistelukenttänä ... S. 184.

¹¹⁷ *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях ... С. 52.

¹¹⁸ *Кочуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н.* Письменные известия о карелах. С. 57.

¹¹⁹ *Tavaststjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Sotavuodet 1590–1595 ja Täysinän rauha. Helsinki, 1929. S. 143. URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/167596> (15.12.2021).

¹²⁰ *Kirkinen H.* Karjala taistelukenttänä ... S. 187.

Карелии, не смогли изменить ситуацию¹²¹. Один из захватнических походов был совершён Пиетари Багге (Пером Багге) с территории Похьянмаа. В сентябре 1591 года его войско, численность которого составляла не более 1500 человек, совершило разорительный рейд к беломорскому побережью Карелии, но инструкция Юхана III предполагала большее — захват, что не было осуществлено¹²², как и многие другие мероприятия.

Активные военные действия продолжались до второй половины 1592 года, но они уже не имели прежнего масштаба, а затем начался продолжительный период переговоров о заключении мира между государствами. В ноябре 1592 года умер шведский король Юхан III, а приход к власти его сына — Сигизмунда III, который ещё в 1587 году был избран королём Речи Посполитой, значительно укрепил позиции Швеции на переговорном процессе. Из-за опасности затяжной войны в случае возобновления военных действий стороны были вынуждены пойти на уступки, и им удалось достигнуть компромисса. После продолжительных и весьма трудных переговоров между Россией и Швецией был заключён Тявзинский мирный договор в мае 1595 года. После окончания войны и урегулирования спорных вопросов наступило время возвращения беженцев в родные места, энергичного возрождения разрушенных хозяйств и оживления торговли по обе стороны границы, но период мирной жизни оказался весьма коротким¹²³.

Таким образом, на втором этапе войны (1580–1595 гг.) действия на севере — в частности, в Финляндии — приобрели основательный и вполне самостоятельный характер, что связано с изменением первоначальных установок. Основной задачей военных действий стало не рутинное разорение территорий, а взятие крепостей. Успеху шведского оружия в 1580-е годы сопутствовала благоприятная конъюнктура, которая определялась как внутренней слабостью Русского государства, так и его борьбой сразу с несколькими противниками. В свою очередь, кратковременный период мира (1583–1590 гг.) изменил ситуацию: позволил восстановить силы для продолжения войны, а также оставил только одного противника на поле битвы — Швецию. На заключительном этапе русская армия действовала весьма успешно, но приход к власти Сигизмунда III значительно укрепил позиции Швеции на переговорном процессе, в результате которого был заключён Тявзинский мирный договор (1595 г.).

Двадцатипятилетняя русско-шведская война оказала значительное влияние на последующее развитие Финляндии, что было связано с целым рядом факторов, и один из них связан с её удалённостью от Стокгольма — главного места принятия

¹²¹ Ibid. S. 192.

¹²² О походе шведов к Белому морю в 1590–1591 гг. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1894. Кн. 3. С. 13–15.

¹²³ Киржинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. С. 99.

решений. Информация о ситуации на фронте поступала туда с большим временным лагом, особенно зимой¹²⁴, что стало причиной изменений в руководстве военными действиями, когда командиры на местах получили большее пространство для принятия самостоятельных решений. Более того, война послужила катализатором развития особого статуса Финляндии — увеличения её значения — в конце XVI века, когда на её территории было необходимо выполнять большое количество ранее неизвестных там административных функций, что требовали условия военного времени¹²⁵.

В 1581 году Финляндия получила статус Великого княжества, с обретением которого она перестала быть простой шведской провинцией и превратилась в отдельную область королевства¹²⁶. В перечне королевских титулов появился ещё один — «Великий князь Финляндии и Карелии», который сохранялся за всеми шведскими монархами вплоть до поражения в Великой Северной войне (1700–1721 гг.)¹²⁷. Вопрос титулатуры — поднятия собственного престижа до уровня царя Ивана IV — был только одной из причин присвоения Финляндии нового статуса. Другой причиной стала благодарность финнам за ту преданность, которую они продемонстрировали в ходе Двадцатипятилетней русско-шведской войны¹²⁸. Данная мысль имеет определённые основания: ещё Густав I выражал открытое недоверие к финнам и утверждал, что в случае победы русской армии над шведской Финляндия может быть потеряна¹²⁹, но упорное сопротивление финнов уже в текущей войне — наравне с регулярной армией — могло вызвать обратную реакцию со стороны другого шведского короля.

В том же 1581 году Юхан III утвердил собственный герб Великого княжества Финляндского, который существует и в настоящее время. На гербе изображён лев, держащий высоко занесённый прямой меч западного образца и попирающий восточную саблю, которая первоначально являлась символом Османской империи и ислама¹³⁰. В свою очередь, в римско-католической и протестантской традициях русских заклемили в качестве «врагов христианства», а в шведских официальных документах они часто фигурировали как «язычники»¹³¹. Соответственно, символическое значение герба, скорее, указывало на противостояние с Россией и одержанную над ней победу. В последующем — уже после обретения Финляндией

¹²⁴ *Tamastjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. S. 689.

¹²⁵ *Karonen P.* Pohjoinen suurvalta. S. 102.

¹²⁶ *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 2006. С. 36.

¹²⁷ *Jutikkala E., Pirinen K.* A History of Finland. P. 125.

¹²⁸ *Расила В.* История Финляндии. С. 36.

¹²⁹ *Бородкин М. М.* Краткая история Финляндии. СПб., 1911. С. 25.

¹³⁰ *Мейнандер Х.* История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М., 2017. С. 36.

¹³¹ *Jutikkala E., Pirinen K.* A History of Finland. P. 124–125.

независимости — с обозначенным изображением льва неразрывно связана история формирования и развития наградной системы страны¹³².

Прямым следствием военных действий, которые явились тяжёлым испытанием для жителей Финляндии, стала хозяйственная катастрофа. В течение войны исчезло каждое пятое крестьянское хозяйство: если в конце 1560-х годов насчитывалось около 35,5 тысячи крестьянских хозяйств, то в начале 1580-х годов их число составляло 31,6 тысячи, а уже в начале 1590-х годов — не больше 29 тысяч¹³³. Особенно сильно пострадали жители приграничных областей, что было следствием как действий регулярной русской армии, так и карельских партизанских формирований. В свою очередь, регулярная шведская армия была не в силах в полной мере защитить гражданское население от разорительных действий противника, а её содержание было весьма тяжёлой повинностью, которая истощала ограниченные ресурсы финского крестьянства. Дополнительным фактором усиления недовольства было своевольное поведение солдат шведской регулярной армии, особенно иностранных наёмников¹³⁴.

С началом войны значительно увеличилось налоговое бремя: если в обычных условиях доля Финляндии в сборах со всего государства составляла 20–30 %, то в конце XVI века достигала 60 %¹³⁵. Были введены дополнительные налоги: один из них — «серебряный налог» — появился уже в самом начале войны с Россией и был связан с подписанием Штеттинского мирного договора (1570 г.), одним из условий которого стала выплата 150 тысяч талеров датчанам за возвращение Швеции крепости Эльфсборг. Только в 1578 году выплаты были завершены¹³⁶, но ситуация не стала лучше, потому что война с Россией требовала новых дополнительных налоговых поступлений, и к 1590 году они уже в два раза превышали прежний «серебряный налог»¹³⁷. Тяжёлое налоговое бремя существовало на фоне циничных действий низшей администрации, представители которой не упускали случая устроить своё благополучие за счёт народа¹³⁸. Неоднократные жалобы финских крестьян на происходящий произвол не смогли изменить ситуацию¹³⁹. С течением времени социальная напряжённость только усиливалась, что послужило одной из основных причин крестьянского восстания — «Дубинной

¹³² Бурков В. Г. Изображение льва в государственной символике Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012. С. 356.

¹³³ Suomen historia 2: Keskiäika, valtaistuinriitojen ja uskonpuhdistuksen aika, kansankulttuurin juuret / Toim. Y. Blomstedt. Espoo, 1987. S. 277.

¹³⁴ Бородкин М. М. Краткая история Финляндии. С. 28.

¹³⁵ Suomen historian pikkujättiläinen. S. 138.

¹³⁶ *Tamastjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. S. 6.

¹³⁷ Suomen historia 2 ... S. 275.

¹³⁸ Бородкин М. М. Краткая история Финляндии. С. 29.

¹³⁹ *Yrjö-Koskinen Y. S.* Oppikirja Suomen kansan historiasta. Helsinki, 1869. S. 141.

войны» (1596–1597 гг.), которая стала одним из наиболее значимых событий в истории Финляндии.

Первые предвестники будущего крестьянского восстания появились ещё в течение русско-шведской войны и, отчасти, были её прямым следствием. Притеснения со стороны солдат шведской армии, рекрутчина и чрезмерные налоги поставили финнов в совершенно отчаянное положение уже в самом начале войны. В конце 1570-х появились «дубинные отряды», которые оказывали сопротивление «народным угнетателям», например, сборщикам налогов¹⁴⁰. Более того, в 1570–1590-е годы произошла целая серия локальных крестьянских волнений и восстаний, которые были вызваны разными причинами, но общим объяснением их происхождения является крайне тяжёлое положение финского крестьянства. Например, в 1574 году в приходе Марттила выступило примерно 260 крестьян, возмущённых размещением дополнительного конного отряда, который отбирал у них сено. В 1570–1580-е годы волнения распространялись по территории Финляндии, а в начале 1590-х годов значительно усилились¹⁴¹. После подписания двухлетнего перемирия между Россией и Швецией в январе 1593 года шведская армия — уже с целью решения внутренних политических проблем — продолжала находиться на территории Финляндии. Её содержание было весьма тяжёлой повинностью, и надежды финских крестьян на улучшение своего положения после окончания военных действий не оправдались, что стало основной причиной жестокого восстания в Рауталампи, которое, впрочем, было быстро подавлено¹⁴². В свою очередь, шведская армия не покинула Финляндию и после подписания Тявзинского мирного договора, что стало катализатором развития событий уже давно назревавшей «Дубинной войны».

В результате событий Двадцатипятилетней русско-шведской войны сильно пострадала не только Финляндия, но и приграничные территории севера России: Лопские погосты, поморские волости, Северное Приладожье и земли между Ладожским и Онежским озёрами¹⁴³. Возможно, территория Карелии подверглась разорениям даже в большей степени, чем Финляндия, что особенно характерно для первого этапа войны (1570–1580 гг.)¹⁴⁴, когда разорительные набеги были основным способом ведения военных действий на севере. Многочисленные свидетельства произошедших разрушений содержатся в писцовых, переписных и дозорных

¹⁴⁰ *Tamastjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. S. 213.

¹⁴¹ *Жербин А. С., Шаскольский П. П.* Крестьянская война в Финляндии в конце XVI в. // Вопросы истории. 1981. № 8. С. 84–85.

¹⁴² *Yrjö-Koskinen Y. S.* Nuijasota, sen syyt ja tapoukset // Projektі Lönnot [Электронный ресурс]. 1929. URL: <http://www.lonnrot.net/kirjat/0328.zip> (15.12.2021).

¹⁴³ *Пашиков А. М.* История Карелии с древнейших времен до 1917 года. Петрозаводск, 2013. Ч. 1. С. 40.

¹⁴⁴ *Kirkinen H.* Karjala taistelukenttänä ... S. 136.

книгах, материалы которых отражают масштабы произошедшей хозяйственной катастрофы. Например, в Лопских погостах наблюдалось повсеместное запустение многих крестьянских хозяйств¹⁴⁵ и состояние упадка в уцелевших¹⁴⁶, а также другие негативные последствия военных действий, что было характерно для многих приграничных территорий севера России¹⁴⁷. Основной причиной разорения данных территорий стали регулярно происходившие нападения противника, но были и другие — менее значимые — факторы (опричнина, природные катаклизмы и др.).

Столь разрушительная война между Россией и Швецией закончилась договором о «вечном мире», который был заключён 18 мая 1595 года в Тязвино (современная часть Ивангорода). Если ранее соглашения между государствами только подтверждали условия прежнего Ореховецкого мирного договора (1323 г.), то Тязвинский мирный договор (1595 г.) открыл новую страницу российско-шведских отношений. Данный документ является ценным историческим источником, но его русский текст, который сохранился лишь в позднейших списках, до сих пор остаётся неизданным. В свою очередь, ещё в 1868 году шведский оригинал был опубликован на русском языке А. А. Чумиковым, но его перевод устарел и не всегда исправен¹⁴⁸. Соответственно, при обращении к материалам опубликованного варианта договора следует учитывать оригинальный текст на шведском языке¹⁴⁹.

Тязвинский мирный договор предусматривал существенные изменения в территориальном составе двух государств. России — в обмен на уступки в Эстляндии (в том числе Нарвы) — шведы возвращали «замок Корелу (Кексгольм), со всею землею и местностью, которая изстари находилась под Великим Новгородом, в таком положении, как они взяты Королем Иоанном [Иоанном III]»¹⁵⁰. Сама передача крепости должна была состояться после того, «когда же Воеводы с обеих сторон назначат рубежи, как они были в старину»¹⁵¹. Российским подданным, которые к тому времени ещё проживали в Корельском уезде, «не должно чинить ни какого насилия посредством грабежа, или кого ни будь из них уводить... в Швецию, или Финляндию». Аналогичные условия гарантировались «и Шведскому и

¹⁴⁵ Книга сбора данных и оброчных денег с тяглового населения Лопских погостов (1587/88 г.) // *Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvulta* = История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Сост. Г. М. Коваленко, И. А. Чернякова. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987. С. 181.

¹⁴⁶ Там же. С. 184.

¹⁴⁷ О состоянии местностей Санктпетербургских в XVI веке // *Восточная литература* [Электронный ресурс]. 1836. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1560-1580/Obysk_knigi_1573/text1.htm (15.12.2021).

¹⁴⁸ Толстиков А. В. Северо-западная граница Новгородской земли ... С. 14.

¹⁴⁹ *Fredstraktat mellan Sverige och Ryssland. Vid Narova nedanför 15 Ivanogorod vid Teusina, 1595, maj 18* // *Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. Femte delens förra hälft 1572–1632* / Utg. af O. S. Rydberg, C. Hallendorff. Stockholm, 1903. Vol. 5. S. 79–91.

¹⁵⁰ Мирный договор между Швециею и Россиею, заключенный 10 мая, 1595 г., близ Нарвского озера, на стороне Иваньгорода, в Тязвине // *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*. М., 1868. Апрель — июнь. Кн. 2. С. 2.

¹⁵¹ Там же. С. 9.

Финскому народу, который теперь живет на Корельской (Кексгольмской) земле», и им «не должно препятствовать отсюда переселиться опять в Финляндию»¹⁵². Шведским подданным разрешалось забрать их имущество из Корелы, в том числе «орудия, цейхауз, военные снаряды, порох... и что бы там у них ни было, которые принадлежат к Шведскому Государству»¹⁵³. Обладание крепостью Корела было одним из наиболее принципиальных вопросов для России, и согласие шведов на её возвращение имело решающее значение для успешного завершения переговоров.

Кроме того, подтверждалось обладание Россией другими крепостями, которые были возвращены с помощью оружия на заключительном этапе войны — Ивангород, Ям и Копорье¹⁵⁴. В подтверждающем перечне оказались не только земли, которые изменяли свой статус, но и другие исконные территории России, на которые шведские правящие круги претендовали в «великой восточной программе». В свою очередь, были перечислены те территории, которыми обладала Швеция, где, среди прочего, присутствуют: «Нейшлоту [Олафсборг]... со всею Каянскою землею, со всеми местами которая лежат по морскому берегу и в Лапонии»¹⁵⁵. При решении вопроса регулирования сбора дани с саамского населения («лопарей») было указано, что шведы обладают таким правом «с Остроботнии до самага Варанга»¹⁵⁶. В данном случае обозначаются пределы Шведского государства, которые свидетельствуют об изменении государственной границы, что особенно важно в отношении Финляндии, где граница устанавливалась в соответствии с её фактическим — более выгодным для Швеции — положением.

Подготовка к предстоящему размежеванию границы началась ещё до окончания переговоров, о чем свидетельствует послание Клаусу Флемингу от герцога Карла, который уже в марте 1595 года указывал на необходимость поиска людей, обладающих знаниями о старинных рубежах¹⁵⁷. Основная работа по размежеванию границы была завершена в 1597 году, и в сентябре того же года крепость Корела была возвращена России. В свою очередь, на последнем участке — из деревни Реболы (на российской стороне) через Лапландию до Северного Ледовитого океана (до Варангерфьорда) — провести размежевание так и не удалось¹⁵⁸, что произошло из-за разногласий между уполномоченными

¹⁵² Там же. С. 10.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Мирный договор между Швециею и Россиею ... С. 2.

¹⁵⁵ Там же. С. 3.

¹⁵⁶ Там же. С. 6.

¹⁵⁷ *Tawaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Sotavuodet 1590–1595 ja Täysinän rauha.* S. 433.

¹⁵⁸ *Толстиков А. В. Северо-западная граница Новгородской земли ...* С. 16.

по проведению границы¹⁵⁹. Времени на их преодоление у ослабленной шведской стороны не было, и она стремилась быстрее закончить работу, чтобы избежать возможных каверз с востока в условиях крестьянского восстания в Финляндии¹⁶⁰.

В течение войны каждой противоборствующей стороне удалось взять в плен весьма большое количество людей, но после её окончания было необходимо решить их дальнейшую судьбу. Одно из положений Тявзинского мирного договора решало возникшую проблему: «все пленные, как Дворяне, так и простые люди... должны быть освобождены, без всякаго выкупа, или обмена, и никого отнюдь не принуждать оставаться, разве они по собственному добровольному согласию, пожелают остаться там, где находятся»¹⁶¹. Обозначенное условие касалось как России, так и Швеции; каждая сторона могла отправить своих представителей для поиска пленных с целью их последующего освобождения¹⁶². На деле ситуация складывалась не так легко, как было обозначено в договоре: если Швеция весьма быстро начала деятельность по возвращению пленников, то Россия задерживалась с полным выполнением данного условия. Шведы и финны, которые вернулись из плена, сообщали о случаях жестокого обращения с ними¹⁶³; об условиях содержания пленных русских какие-либо сведения отсутствуют.

Весьма важное значение имеет положение о том, что «если случится, что воры... сделают вторжение, или нанесут друг другу вред убийством, грабежом, пожаром, или другими худыми делами, то этом мир не должен быть нарушен и не должно из за того начинать войны»¹⁶⁴. В данном случае речь идёт не просто о «ворах», но, скорее, об иррегулярных военных формированиях, которые состояли из жителей приграничных территорий¹⁶⁵. Ранее постоянно случались их столкновения друг с другом из-за нарушений установленной границы, а в военное время борьба между ними происходила на всем протяжении войны. Весьма вероятно, что после её окончания некоторые авантюристы могли продолжить разорительные походы в форме частных предприятий с целью собственного обогащения. Данное положение договора не только ограничивало действия банд, но и предупреждало возможность возобновления межплеменных войн, которые ранее становились поводом к началу военных действий между государствами. В заключённом договоре содержался механизм урегулирования подобных происшествий, что в будущем исключало

¹⁵⁹ Кирккинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. С. 98–99.

¹⁶⁰ Жуков А. Ю. Карелия в русско-шведских отношениях XIV–XVI вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2010. С. 63.

¹⁶¹ Мирный договор между Швециею и Россиею ... С. 6.

¹⁶² Там же. С. 6–7.

¹⁶³ *Tavaststjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Sotavuodet 1590–1595 ja Täysinän rauha. S. 428–429.

¹⁶⁴ Мирный договор между Швециею и Россиею ... С. 7.

¹⁶⁵ Fredstraktat mellan Sverige och Ryssland ... S. 85.

возможность возникновения обозначенных проблем в российско-шведских отношениях.

Одной из наиболее острых проблем в отношениях двух государств накануне войны была существующая дипломатическая практика внешних сношений со Швецией от имени новгородского наместника (с последней трети XVI века — воеводы). Данный «посольский обычай» официально утратил значение именно с заключением Тявзинского мирного договора, в одном из положений которого излагались правила осуществления дипломатических контактов между государствами. В договоре указывалось, что «наш Великий Государь, Король Сигизмунд, будет посылать своих Великих Послов, гонцов и почту к Великому Государю, Царю и Великому Князю, Феодору Иоанновичу, всяя Руси Самодержцу»¹⁶⁶. Данный порядок контактов действовал и в обратную сторону, что свидетельствует об установлении прямых дипломатических отношений между Стокгольмом и Москвой. Собственно, и сам Тявзинский мирный договор был заключён от имени «Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Феодора Иоанновича, всяя Руси Самодержца»¹⁶⁷.

Рассмотренные положения не исчерпывают обширного перечня вопросов, которые регулировались Тявзинским мирным договором, и совсем не затрагивают его крайне важных положений о торговых отношениях¹⁶⁸. Заключённый договор заслуживает отдельного исследования, в котором его содержание следует рассматривать не только в контексте истории отношений России и Швеции, но в рамках истории международных отношений. Внимания заслуживает уже то обстоятельство, что успеху переговоров способствовало посредничество императора Священной Римской империи — Рудольфа II, который был связан родственными узами с женой шведского короля Сигизмунда III — Анной Австрийской. Заключение брака (1592 г.) стало причиной напряжённости в отношениях с Россией, и император стремился восстановить её доверие с целью последующего вовлечения в союз, направленный против Османской империи¹⁶⁹. Действия Эренфрида фон Минквица — посланника Рудольфа II — сыграли важную роль в достижении мира между Россией и Швецией, но имели более глубокий смысл, чем только решение конфликта двух государств.

В данном случае обращается внимание на те составляющие Тявзинского мирного договора, которые оказали значительное влияние на последующее развитие Финляндии, в том числе проблемы, которые ранее становились поводом к началу

¹⁶⁶ Мирный договор между Швециею и Россиею ... С. 7.

¹⁶⁷ Там же. С. 1.

¹⁶⁸ *Шаскольский И. П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения ... С. 25–27.

¹⁶⁹ *Tawaststjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Sotavuodet 1590–1595 ja Täysinän rauha. S. 415–416.

русско-шведских войн. Урегулирование конфликтных вопросов в отношениях двух государств могло иметь благоприятные последствия для Финляндии как территории их столкновения, но значение данного фактора так и осталось «на бумаге» в условиях активизации завоевательной политики Швеции. В свою очередь, для России договор не был выгодным, и некоторые историки определяют его заключение как грубый просчёт российских дипломатов¹⁷⁰ или даже предпочитают не вспоминать о его существовании. Вероятно, что в сложившейся ситуации отсутствовала возможность добиться большего посредством переговоров, а в случае возобновления военных действий возникала опасность затяжной войны с непредсказуемым исходом. Последующее изменение обстановки открыло новые возможности, и тогда Борис Годунов воспользовался ситуацией с формальной неопределённостью в вопросе о власти в Швеции и отказал герцогу Карлу в ратификации договора¹⁷¹.

Анализ вышесказанного позволяет сделать вывод о том, что военные действия в Финляндии во время Двадцатипятилетней русско-шведской войны (1570–1595 гг.) имели два этапа, точкой раздела между которыми стало провозглашение «великой восточной программы» (1580 г.) — программы шведских территориальных захватов за счёт России. Если на первом этапе (1570–1580 гг.) в условиях отсутствия конкретных целей военные действия в Финляндии имели разрозненный характер и преследовали, скорее, цель отвлечения внимания противника от действий в Прибалтике, то на втором этапе (1580–1595 гг.) они приобрели основательный и вполне самостоятельный характер. Произшедшая война оказала значительное влияние на последующее развитие противоборствующих государств, особенно их составных частей — Финляндии и всего Русского Севера. Более того, рассмотренные события не ограничиваются историей XVI века, и уже память о войне сыграла важную роль в конструировании финской идентичности. Исторический опыт многочисленных русско-шведских войн на территории Финляндии, в том числе периода *Pitkä viha*, был использован в процессе формирования финской нации и стал одним из элементов образа «Другого».

Образ периода *Pitkä viha* в исторической памяти финнов

Двадцатипятилетняя русско-шведская война (1570–1595 гг.) стала первым крупным конфликтом на территории Финляндии в XVI веке. Представители старшего поколения финнов ещё знали относительно спокойную жизнь предшествующего времени, и они были вынуждены приспособиться к новым

¹⁷⁰ Широкопад А. Б. Швеция. Гроза с Балтики. М., 2008. С. 59.

¹⁷¹ Толстиков А. В. Северо-западная граница Новгородской земли ... С. 16.

условиям, смириться с утратой своего прежнего мира¹⁷². Соответственно, в их памяти война оставила особенно глубокие раны как событие, которое полностью изменило их жизнь. Данное обстоятельство могло стать причиной, по которой отрывки действительных воспоминаний об этом трагическом времени (не образ) сохранились в народной среде вплоть до XIX века¹⁷³. На их основе профессиональные историки и национальные писатели создали образ, который сыграл важную роль в процессе формирования финской нации, а коммеморативные практики 1920–1940-х годов способствовали его утверждению.

Арттури Хейкки Снельман (Вирккунен) одним из первых в финляндской историографии обратил внимание на Двадцатипятилетнюю русско-шведскую войну как период *Vanha viha* (дословно «Старая ненависть»)¹⁷⁴, что было не его изобретением, а развитием уже существующих представлений финского народа о своём прошлом. Первые упоминания появились в 1880-х годах¹⁷⁵, и они получили развитие в его работах начала XX века¹⁷⁶. Даже с появлением названия — концептуальной основы — не произошло значительных изменений: его использование долгое время было исключительным случаем. Вплоть до 1920-х годов финские историки (в том числе Ирвё Сакари Ирвё-Коскинен) воспроизводили «шведскую» точку зрения на рассматриваемые события. Ситуация изменилась только с появлением фундаментального двухтомника Вернера Тавастшерна¹⁷⁷, который начал конструирование финской точки зрения на события Двадцатипятилетней русско-шведской войны, но и в его трудах присутствует «шведское» влияние предшественников.

Если обратиться к классическим работам И. С. Ирвё-Коскинена по истории Финляндии¹⁷⁸, то можно представить характеристику того, что подразумевается под «шведской» точкой зрения. В коротком повествовании о событиях продолжительной русско-шведской войны Финляндия помещалась исключительно в положение объекта, который находился в полной зависимости от политики Стокгольма. Событийная история рассматривалась в контексте развития всего Шведского государства, но подчёркивалось, что его общие устремления не всегда совпадали с действительными интересами отдельных частей. И. С. Ирвё-Коскинен указывал на

¹⁷² Jutikkala E., Pirinen K. A History of Finland. P. 129.

¹⁷³ Snellman A. H. Oulun kihlakunta: muinaistieteellisiä ja historiallisia lehtiä. Helsinki, 1887. S. 180.

¹⁷⁴ В настоящее время название *Vanha viha* используется как обозначение другой — более ранней — русско-шведской войны (1495–1497 гг.).

¹⁷⁵ Snellman A. H. Oulun kihlakunta ... S. 180.

¹⁷⁶ Virkkunen A. H. Vanhan vihan aika ja Nuijasota (Kainuunmaan oloista 1500–luvun lopulla) // Oma maa. 1907. Vol. 1. S. 686–697.

¹⁷⁷ Tavaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika; *Idem*. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Sotavuodet 1590–1595 ja Täysinän rauha.

¹⁷⁸ Yrjö-Koskinen Y. S. Oppikirja Suomen kansan historiasta. S. 135–148.; *Idem*. Suomen kansan historia. Helsinki, 1881. S. 158–172.

тяжёлую участь финского крестьянства, что объяснялось не только происходящей войной, но и более глубокими социальными причинами¹⁷⁹. Соответственно, война с Россией не образовывала единой связи с внутренним состоянием Финляндии, скорее, она воспринималась как пролог к другому — более значимому — событию её истории, которым стала «Дубинная война» (*Nuijasota*).

На данном этапе развития финляндской историографии рассматриваемая русско-шведская война изначально не приобрела статуса решающего события для Финляндии. Она была «чужим» сражением для финнов, и борьба с внешним врагом оказалась не главным сюжетом данного исторического отрезка. Крестьянское восстание конца XVI века — «Дубинная война» — оказалось более важным событием для потомков, и современные финские историки отмечают его символическое значение¹⁸⁰. Дело в том, что именно финны выступили активной движущей силой в данном событии, а не стандартные акторы истории Финляндии — Россия и Швеция¹⁸¹, что характерно для периода *Pitkä viha*. Только в последующем — с началом конструирования действительной финской точки зрения на рассматриваемые события — финский народ как самостоятельное действующее лицо будет постепенно занимать более важное место в повествовании о русско-шведской войне. В свою очередь, направление для развития данного сюжета было обозначено уже в трудах И. С. Ирjö-Коскинена, который одним из первых обратил внимание на действия лидеров финских партизан — Туомаса Теппойнена¹⁸² и Пекки Весайнена (Юхо Весайнена)¹⁸³.

Подобная интерпретация тех событий представлена в работах других историков на данном этапе развития финляндской историографии, например, Карла Улофа Линдеквиста, который после обретения Финляндией независимости создал первую обобщающую работу по её истории¹⁸⁴. Обращение к данному примеру не является случайным, потому что тема его диссертации посвящена исследованию периода *Isoviha*¹⁸⁵, который занимает важное место в последующих работах историка¹⁸⁶. Его труды сыграли важную роль в процессе конструирования образа периода *Isoviha*: К. У. Линдеквист обозначил его как одно из наиболее важных событий в истории Финляндии и раскрыл содержание данного периода с использованием чувственных оттенков¹⁸⁷, чем актуализировал «существующую»

¹⁷⁹ *Idem*. Oppikirja Suomen kansan historiasta. S. 140–141.

¹⁸⁰ *Katajala K.* Miksi nuijasota syttyi Pohjanmaalla? // *Tieteessä tapahtuu*. 2003. № 21 (3). S. 12.

¹⁸¹ *Жербин А. С., Шскольский И. П.* Крестьянская война в Финляндии ... С. 76.

¹⁸² *Yrjö-Koskinen Y. S.* Oppikirja Suomen kansan historiasta. S. 138.

¹⁸³ *Ibid.* S. 145–147.

¹⁸⁴ *Tommila P.* Suomen historiankirjoitus: tutkimuksen historia. Porvoo; Helsinki; Juva, 1989. S. 195.

¹⁸⁵ *Lindeqvist K. O.* Suomen oloista ison vihan aikana: Akatemiallinen väitöskirja. Helsinki, 1886.

¹⁸⁶ *Idem.* Suomen historia. Porvoo, 1926.

¹⁸⁷ *Ibid.* S. 339.

эмоциональную связь с современным ему временем. В свою очередь, аналогичные действия вовсе не коснулись более ранней русско-шведской войны — периода *Pitkä viha*, который представляется как рутинное событие обезличенного прошлого.

Соответственно, на данном этапе развития финляндской историографии о периоде *Pitkä viha* исследования имели нейтральное значение по отношению к процессу формирования идентичности. Финские историки даже не обозначили собственного — национального — названия русско-шведской войны, а использовали только общие характеристики: например, *hävitysota* (разрушительная война)¹⁸⁸, *pitkällinen sota* (продолжительная война)¹⁸⁹. Тем не менее они заложили фундамент для национальных писателей, которые на основе их работ и с привлечением фольклорного материала сконструировали героический образ финских партизан, а также обратили внимание на произошедшие трагические события на территории Финляндии. В этом деле особенно важной оказалась роль И. С. Ирjö-Коскинена, которого заслуженно называют основателем национальной исторической науки в Финляндии¹⁹⁰. Более того, если функциональность бесчисленного количества элементов образа «Другого» — Текста (интертекста) — определяется культурным кодом «читателя», то в моменты актуализации «русской угрозы» даже ранее нейтральный образ периода *Pitkä viha* приобретал особый смысл для финнов.

Только в 1920–1930-х годах название *Vanha viha* и соответствующая ему характеристика русско-шведской войны получили широкое распространение в финляндской историографии, а также появилось другое — более известное в настоящее время — *Pitkä viha*, или *Pitkäviha* (дословно «Долгая ненависть»). Тогда же стало использоваться ещё одно название произошедшей войны — *rappasota*, которое происходит от обозначения карельских иррегулярных формирований (*rappari* — грабитель, насильник, разрушитель). Название *rappasota* не было изобретением историков, но они развили его на основе существующего воспоминания: именно так называли Двадцатипятилетнюю русско-шведскую войну во многих частях Восточной Финляндии и Похьянмаа, что служило отражением варварского способа ведения военных действий карельскими партизанами¹⁹¹. Именно в межвоенный период предпринимаются первые настоящие попытки представить финскую точку зрения на данные события, но в то время влияние политической ситуации на сочинения историков было чрезмерным.

¹⁸⁸ *Yrjö-Koskinen Y. S.* Oppikirja Suomen kansan historiasta. S. 137.

¹⁸⁹ *Lindeqvist K. O.* Suomen historia. S. 201.

¹⁹⁰ *Sainio V.* Георг Захарияс Юрьё-Коскинен // Сто замечательных финнов [Электронный ресурс]. 2004. URL: https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf (15.12.2021).

¹⁹¹ *Karonen P.* Pohjoinen suurvalta. S. 128.

После обретения Финляндией независимости усилился конфронтационный вектор развития в отношениях с её восточным соседом, и тогда появилась идея, что ненависть сможет придать дополнительные силы финнам, когда возникнет «угроза нападения с мерзкого Востока»¹⁹². Решающую роль в генезисе обозначенной идеи сыграл травмирующий опыт Гражданской войны (или Освободительной войны), а постоянно нараставшее ощущение внешней угрозы в межвоенный период только способствовало её развитию. Общественно-политические условия предопределили радикализацию взглядов в освещении событий русско-шведских войн на территории Финляндии, в том числе периода *Pitkä viha*. Данное обстоятельство в наибольшей степени проявилось в военное время, когда потребовалось подчеркнуть «русскую угрозу» и её существование на всем протяжении истории Финляндии. Если финские историки второй половины XIX — начала XX веков обозначали, как правило, только периоды *Isoviha* и *Pikkuviha*, то в работе Ялмари Яккола (Яккола) появился более широкий перечень *vihat*, куда — в дополнение к обозначенным — был добавлен ещё период *Vanha viha*¹⁹³.

Я. Яккола отмечал, что в существующих работах по истории Финляндии некоторые события, особенно периода Средних веков и раннего Нового времени, ещё имеют следы «шведской» точки зрения. В своих трудах он стремился устранить данный недостаток, который не соответствовал статусу независимого государства¹⁹⁴. Одним из таких событий был период *Vanha viha*, но данный сюжет не получил подробного изложения в его работе. В свою очередь, можно заметить, что данная русско-шведская война была признана «своей», где указывалось на решающее значение действий финнов в общих успехах государства Швеция-Финляндия на том историческом отрезке¹⁹⁵. В военное время появились и другие работы пропагандистского характера, посвящённые многовековой борьбе финнов против их восточного соседа¹⁹⁶, но период *Pitkä viha* (*Vanha viha*) никогда не был предметом прямых манипуляций со стороны историков.

Наблюдается проявление историографии как продукта социальных групп, который всегда находится во власти своего времени, интересов пишущего и заказчика¹⁹⁷. Исторический опыт периода *Pitkä viha* получил символическое

¹⁹² Вихавайнен Т. Столетия соседства: Размышления о финско-русской границе / Пер. А. И. Рупасова. СПб., 2017. С. 147–148.

¹⁹³ Jaakkola J. Suomen idänkysymys. Porvoo; Helsinki, 1942. S. 11.

¹⁹⁴ Tommila P. Suomen historiankirjoitus ... S. 186.

¹⁹⁵ Jaakkola J. Suomen idänkysymys. S. 21–22.

¹⁹⁶ Jaakkola J. Suomen historian ääriäivät. Porvoo; Helsinki, 1945; Juva E. W. Suomen taistelu itää vastaan. Helsinki, 1942.

¹⁹⁷ Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 18.

значение и стал частью мифа — обосновывающей истории¹⁹⁸, которая может передаваться из поколения в поколение. Протяжённость цепочки зависит от востребованности рассказа: его соответствия целям сообщества и представлениям о себе¹⁹⁹. Финские историки обозначили период *Pitkä viha* как особенное событие прошлого, а их исследования стали одним из инструментов формирования национального мифа. В свою очередь, миф — это не искажение прошлого, а культурная конструкция — взгляд на историческое событие через призму идентичности, когда происходит повышено-эмоциональное усвоение собственной истории²⁰⁰. В таком случае из обращения к событиям прошлого извлекаются элементы представлений о сегодняшнем дне, происходит их актуализация и инструментализация ради потребностей настоящего²⁰¹.

Поражение Финляндии во Второй мировой войне оказало значительное влияние на содержание национального нарратива, что стало причиной изменения образа «Другого». Символы с компонентами «ненависти» (*viha*) были подвергнуты забвению, а свойство амбивалентности идентичности²⁰² стало причиной актуализации других — прямо противоположных. Ещё одной — не менее важной — причиной произошедших изменений стало распространённое скептическое отношение к идее национального спасения, которая состояла в «ненависти к русью» (*Ryssäviha*)²⁰³. Таким образом, память о русско-шведских войнах потеряла символическое значение для финнов, что нашло отражение в освещении событий периода *Pitkä viha*. Особенно заметны произошедшие изменения в трудах профессиональных историков, и в отношении рассматриваемого периода *Pitkä viha* Хейкки Киркинен одним из первых обратил внимание на сложность ситуации.

Если труд В. Тавастшерны был первым специальным исследованием по истории периода *Pitkä viha* — первым шагом в конструировании финской точки зрения, то работа Х. Киркинена стала логичным окончанием проделанного пути. Он значительно дополнил достижения предшественников посредством включения в повествование российского взгляда на события периода *Pitkä viha*²⁰⁴. Произошедшие изменения весьма заметны: например, Х. Киркинен впервые обратил внимание на то, что обе стороны не уступали друг другу в проявлениях

¹⁹⁸ Асман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 80.

¹⁹⁹ Асман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 38.

²⁰⁰ Там же. С. 39.

²⁰¹ Асман Я. Культурная память ... С. 83.

²⁰² Нойманн П. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 153.

²⁰³ Вихавайнен Т. Столетия соседства ... С. 152.

²⁰⁴ Katajala K., Kujala A., Mäkinen A. Viipurin läänin historia III. Suomenlahdelta Laatokalle. Lappeenranta, 2010. S. 166.

жестокости, а разрушения приграничной территории России были даже более масштабными, чем в Финляндии²⁰⁵. Более того, указывалось, что оценка карельских партизан — «преступников» — не должна быть так однозначна, и их действия имели вполне разумные основания²⁰⁶, как и то, что превращение финских партизан — в частности, Пекки Весайнена — в национальных героев, которые стали предметом чрезмерного восхищения, не должно стать поводом оценивать их поступки только в положительных тонах. Х. Киркинен даже оставил «личный комментарий» об отношении к партизанским лидерам, где подчеркнул, что они не заслуживают восхищения²⁰⁷. Таким образом, сомнению были подвергнуты прежние символические элементы периода *Pitkä viha*, что наиболее чётко свидетельствует о произошедших изменениях в национальном нарративе. Важно учитывать, что в обозначенных примерах Х. Киркинен использует особый приём в утверждении тезисов, когда не просто декларирует свою точку зрения, но призывает других исследователей признать её тождественность действительным обстоятельствам войны.

В исторических исследованиях конца XX века обозначилась тенденция обращать внимание не только на события прошлого, но также на их роль в событиях настоящего, что происходит, как правило, в контексте проблем восприятия народами друг друга, значения формируемых образов прошлого на окружающую действительность и её обратного влияния на их содержание. Наступление времени рефлексии позволяет выделить следующий этап в развитии финляндской историографии, что в отношении периода *Pitkä viha* — прямо или косвенно — обнаруживается в достаточно большом количестве современных работ. Кари Таркиайнен²⁰⁸, Матти Сармела²⁰⁹, Матти Энбуске²¹⁰, коллектив авторов третьего тома «Истории Выборгского лена» (Киммо Катаяла, Антти Куяла, Ансси Мякинен)²¹¹ — это только небольшой, но репрезентативный перечень. Подходы историков менялись с развитием методологического аппарата научных исследований: если изначально анализ «существующей» в Финляндии ненависти к русским происходил на основе поисков её действительных оснований в прошлом, то с течением времени внимание переместилось на способы повествования о прошлом, его образы. Соответственно, было начато изучение традиции,

²⁰⁵ *Kirkinen H.* Karjala taistelukenttä ... S. 136.

²⁰⁶ *Ibid.* S. 142.

²⁰⁷ *Ibid.* S. 183.

²⁰⁸ *Tarkiainen K.* Se vanha vainooja: käsitykset itäisestä naapurista Iivana Julmasta Pietari Suureen. Helsinki, 1986. URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/170169> (15.12.2021).

²⁰⁹ *Sarmela M.* Suomen perinneatlas. Suomen kansankulttuurin kartasto 2. Helsinki, 2007. S. 443–444.

²¹⁰ *Enbuske M.* Pekka Vesaisen historia: myyttinen sissipäällikkö, kovaluonteinen talonpoika 1500-luvulta // *Faravid*. 2013. № 37. S. 35–57.

²¹¹ *Katajala K., Kujala A., Mäkinen A.* Viipurin läänin historia III ... S. 166.

что свидетельствует об отсутствии способности однозначно распознать её носителей²¹². Если их предшественник — Х. Киркинен — «боролся» за признание новой интерпретации тех событий, то в настоящее время сам образ периода *Pitkä viha* как части финской идентичности уже не является актуальным для современников.

В свою очередь, появление данного направления в исследованиях о периоде *Pitkä viha* не означает, что события самой войны перестали интересовать историков. В настоящее время появляются работы, посвящённые отдельным сюжетам, но большие нарративы с представлением новой интерпретации событий периода *Pitkä viha* отсутствуют уже весьма продолжительное время. Более того, происходит постепенное исчезновение периода *Pitkä viha* из обобщающих трудов по истории Финляндии, где уже часто встречаются только краткие упоминания, но не анализ произошедших событий²¹³. Данная тенденция наблюдается и в отношении других русско-шведских войн, которые теряют своё значение на фоне исключительно «финских» событий истории. Следует отметить, что забвение события является не менее важным проявлением политики памяти, чем его актуализация²¹⁴.

Забвение — это собирательное понятие, и в случае периода *Pitkä viha* наблюдаются его разные проявления. В определённом смысле забвение данного события произошло вскоре после поражения Финляндии во Второй мировой войне. В работе Х. Киркинена отмечается «отрицание» как одна из форм забвения, когда событие ещё сохраняется в памяти социальной группы, но приобретает негативное значение. Данное обстоятельство подтверждается стремлением Х. Киркинена оспорить интерпретацию предшественников, которые обозначили финских партизан как национальных героев, а военные события рассматривали исключительно как трагедию только с одной стороны границы. Текущей формой забвения периода *Pitkä viha* стала «нейтрализация» — понижение значимости события, что сопряжено с существенным изменением интерпретативных и ценностных рамок, которые утверждают победу новых взглядов в обществе. В таком случае прежние символы прошлого утрачивают функциональное значение как актуальные феномены настоящего; происходит их историзация, что и означает начало изучения традиции (М. Энбуске и др.)²¹⁵.

Таким образом, в финляндской историографии о периоде *Pitkä viha* прослеживается, по крайней мере, три основных этапа её развития. Первый этап обозначается как «шведский» (вторая половина XIX века — 1917 год), который

²¹² Франция-память. СПб., 1999. С. 23.

²¹³ Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 2006. С. 35–36.; Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М., 2017. С. 32–33.

²¹⁴ Миллер А. П. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4 (46). С. 7.

²¹⁵ Асман А. Забвение истории — одержимость историей. М., 2019. С. 19–24.

характеризуется не отсутствием Финляндии в повествовании, но в акцентах на значении события. Финские историки не признали данную русско-шведскую войну частью «своей» истории, где борьба с внешним врагом имела решающее значение для финнов; она интерпретировалась как «чужое» сражение. Только после обретения Финляндией независимости события столь отдалённого прошлого начали рассматриваться с финской точки зрения, что стало началом нового этапа в развитии историографии о периоде *Pitkää viha*, который обозначается как конструктивистский «финский» период (1918 год — 1944 год — вторая половина XX века). Работы предшественников первоначально оказывали важное влияние, но постепенно более значительным фактором стала общественно-политическая ситуация. В течение конструктивистского «финского» периода появилось сразу несколько «финских» интерпретаций произошедшей русско-шведской войны — и нейтральная, и представление как части национального мифа, и отрицание такого значения; их появление было связано с политическими перипетиями истории Финляндии. В свою очередь, в настоящее время обозначилась тенденция обращать внимание не только на события прошлого, но также на их роль в событиях настоящего, на способы повествования о них. Данное обстоятельство позволяет выделить ещё один этап в развитии историографии о периоде *Pitkää viha* — постконструктивистский «финский» период (с конца XX века). Основным критерием классификации стало отношение к формированию национальной идентичности помнящей группы — финнов, но представленные хронологические границы следует считать условными. В обозначенной периодизации практически не происходило резких разрывов между отдельными этапами, а наблюдается континуитет в развитии историографии.

Вновь обратимся к событиям конца XIX — первой половины XX веков, когда переход финской нации к этапу политической борьбы предопределил необходимость вовлечения широких масс в национальное движение. Если профессиональные историки выступили в роли инженеров-конструкторов нарратива, то усилиями национальных писателей широкие массы оказались «приглашены в историю», что произошло с помощью исторического романа — одной из форм репрезентирования того вида воображаемого сообщества, которым является нация²¹⁶. В момент начала решающей борьбы финны не остались безучастными, потому что идентифицировали себя с определённой нацией и оказались готовы защищать её интересы. Обозначенный национальными писателями исторический опыт общего прошлого получил символическое значение, а его функциональной задачей стала передача ценностей, которые

²¹⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 46.

определяли специфику идентификации и поведенческие нормы²¹⁷. Таким образом, важно обратить внимание на содержание сформированных в финляндской художественной литературе образов прошлого и определить их значение.

Одной из наиболее важных особенностей финляндской художественной литературы второй половины XIX — начала XX веков стал особый интерес к событиям национальной истории, в которых обнаруживается историческая инициатива народа, стремление изменить его угнетённое положение²¹⁸. В данном контексте писатели обратились к событиям русско-шведских войн на территории Финляндии, в том числе к периоду *Pitkä viha*. Исторический опыт оказался оформлен миллионами печатных слов, а с течением времени из них сформировалась определённая модель²¹⁹, которая должна была воспроизводиться в моменты её актуализации. В отношении рассматриваемого периода *Pitkä viha* наиболее интересным представляется литературное наследие Сантери Ивало (*Santeri Ivalo*) и Кюэсти Вилкунны (*Kyösti Wilkuna*). Их произведения оказали значительное влияние на представления финнов о собственном прошлом.

Сантери Ивало (Ингман) (1866–1937 гг.) придерживался младофинских политических взглядов и выступил одним из основателей партийной газеты «Пяйвялехти» (*Päivälehti*) (1889–1904 гг.), в которой работал на всем протяжении её существования и некоторое время занимал должность главного редактора (1901–1904 гг.). Его крайне интересовала общественно-политическая деятельность, и он неоднократно избирался в городской совет Хельсинки, а также в течение одного срока (1904–1906 гг.) был представителем младофинской партии в финляндском сейме. Путь писателя С. Ивало начал с реалистичных сюжетов студенческой жизни Хельсинки и тех радикальных идей, которые были распространены в той среде. Впоследствии он обратился к течению неоромантизма, в рамках которого написал целую серию произведений о драматических и поворотных событиях истории Финляндии. Важным образцом для начинающего писателя стало творчество Сакари Топелиуса, особенно его наиболее известные «Рассказы фельдшера»²²⁰.

Фигура С. Ивало в истории финляндской художественной литературы крайне важна, потому что он является основателем исторического романа на финском языке. В свою очередь, процесс написания работ проходил весьма быстро, и критики отмечали отсутствие оригинальности и языковое однообразие в его произведениях, которые часто имели большее отношение к исторической,

²¹⁷ Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти ... С. 17.

²¹⁸ Карху Э. Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века. Л., 1979. С. 216.

²¹⁹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества ... С. 103.

²²⁰ Kalemaa K. Ivalo, Santeri // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. 2004. URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-002819> (15.12.2021).

а не художественной литературе. Подчёркивали, что С. Ивало интересовали не чувства героев, а их действия, но в описании исторических событий он часто допускал умышленные искажения²²¹. Тем не менее основное значение его работ состоит не в их художественных изысках или фактической точности, а в формировании финского национального идентитета.

Первым историческим романом С. Ивало стал «Юхо Весайнен»²²² (1894 г.), который получил всеобщее признание и имел коммерческий успех. В последующем автор переработал его и представил в виде пьесы в четырёх действиях²²³. Обращение к данному сюжету не было случайным, потому что первая диссертация С. Ивало была посвящена истории северной Финляндии в 1595–1635 годах²²⁴, а вторая — арктической политике Карла IX²²⁵. Данное обстоятельство свидетельствует о его основательных знаниях истории Финляндии конца XVI века, которые использовались в процессе написания исторического романа, где были подчёркнуты особенно важные для финнов элементы прошлого. Одним из них является история Пекки Весайнена (Юхо Весайнена) — финского партизана, который возглавил поход в «Кандалашскую волость» в июне 1589 года, а по сведениям легендарного характера²²⁶, возможно, принимал участие ещё и в нападении на Печенгский монастырь в декабре того же года²²⁷. Данные походы были частью ожесточённой партизанской борьбы, которая продолжалась на всем протяжении русско-шведской войны.

Исторический роман С. Ивало является развёрнутым описанием борьбы между беломорскими карелами и финнами из Похьянмаа. В произошедших опустошительных походах трудно найти положительные моменты, но автору, отчасти, удалось решить данную проблему. В повествовании обращается внимание на то, что финны постепенно отказались от прежних воинственных настроений в пользу более мирной жизни, но внезапное нападение карельских партизан стало поводом для возобновления борьбы на почве мести. Личная трагедия Юхо Весайнена — убийство отца, который завещал совершить «возмездие» — сподвигла его на совершение «июньского» похода 1589 года. В соответствии с историческими

²²¹ Ibid.

²²² Ivalo S. Juho Vesainen // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. 1894. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/44207/pg44207.html> (15.12.2021).

²²³ Ivalo S. Juho Vesainen: 4-näytöksinen näytelmä. Porvoo, 1923.

²²⁴ Ingman S. Tutkimuksia Pohjoissuomen historiassa vuosilta 1595–1635: Akatemiallinen väitöskirja. Helsinki, 1890.

²²⁵ Ingman S. Kaarlo IX:n Jäämerenpolitiikka: Akatemiallinen väitöskirja. Helsinki, 1894.

²²⁶ Virrankoski P. Vesainen, Pekka // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. 2007. URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-000435> (15.12.2021).

²²⁷ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. М., 1951. Т. 7. С. 229–230.; Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. М., 1981. С. 241–242.; Новикова О. А. О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 254.

источниками, однако, данный поход был первым в череде взаимных нападений противостоящих сторон. В свою очередь, по замыслу автора финны стали жертвой нападения, которое сопровождалось крупными разрушениями и гибелью мирных жителей, что указывало на справедливый характер «ответного похода» Юхо Весайнена. Финский партизан представляется «храбрым и сообразительным лидером» — истинным защитником, потому что его поход был не только мстью, но и способом предотвратить будущие вторжения²²⁸. Таким образом, уже обозначаются истоки дихотомии «наши славные воины (финские партизаны) — их преступники и грабители (карельские партизаны)», акцентируется внимание на жестоких событиях того времени (*viiha*), что станет важной частью масштабного образа агрессивного соседа на востоке.

Совместное произведение С. Ивало и К. Вилкуны «Финские герои I–II», которое было опубликовано в двух частях (1915 г., 1921 г.)²²⁹, представляет наиболее репрезентативный ряд тех личностей, которые были обозначены в первой половине XX века — и не без влияния событий того времени — частью героического прошлого финнов, и партизанские представители занимают весьма заметное место. Авторы прямо указывали на своё стремление показать примеры для подражания (=образцы для идентификации): герои прошлого не сдавались даже в моменты, когда национальное существование оказывалось под угрозой, а их потомки не должны сдаваться «сейчас», должны быть готовы пожертвовать собой ради благополучия Родины²³⁰. Сформированные образы имели особый смысл в контексте наступления на автономию Великого княжества Финляндского, в последующей борьбе финнов за достижение независимости и её защите. Данное обстоятельство понимали и сами национальные писатели, которые осознанно использовали творчество как орудие борьбы против России.

Кюэсти Вилкуна (1879–1922 гг.) не только стремился сформировать боевой дух в характере финской молодёжи, но и сам был активным участником борьбы. Он имел прямое отношение к егерскому движению, в рамках которого занимался вербовкой новых участников для их отправки в Германию с целью получения военной подготовки на тот случай, если в результате Первой мировой войны появится возможность вернуть автономию Финляндии или отделить её от России²³¹. В 1916 году из-за данной деятельности К. Вилкуна был заключён в Шпалерную

²²⁸ *Ivalo S.*, Juho Vesainen.

²²⁹ *Ivalo S.*, *Wilkuna K.* Suomalaisia sankareita I // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. 1917. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/56193/pg56193.html> (15.12.2021).; *Ivalo S.*, *Wilkuna K.* Suomalaisia sankareita II // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. 1921. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/56194/pg56194.html> (15.12.2021).

²³⁰ *Ivalo S.*, *Wilkuna K.* Suomalaisia sankareita I.

²³¹ Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2010. С. 117.

тюрьму в Петрограде, где находился восемь месяцев — до Февральской революции, произошедшей в России. После освобождения он сражался на стороне белых в Гражданской войне 1918 года в Финляндии, затем принимал участие в Олонецком походе²³². После обозначенных событий ему не удалось вернуться к мирной жизни: разочарование в произошедших политических изменениях, творческие неудачи, тяжёлое материальное положение, а также другие проблемы личного характера привели к печальному исходу. К. Вилкуна застрелился у себя дома в Лапуа 12 декабря 1922 года²³³.

Его литературное наследие — важный исторический источник по истории Финляндии начала XX века, где особый интерес представляют не только художественные произведения, но и его воспоминания о поворотных событиях жизни²³⁴. Сочинения писателя отличаются лёгкостью повествования, что связано с его профессиональной деятельностью. В начале своего пути К. Вилкуна некоторое время работал в газетах на разных должностях — от рядового сотрудника до редактора. Соответственно, его первые художественные работы были уже весьма зрелыми произведениями, которые встретили положительную реакцию²³⁵. Наибольшую известность получил исторический роман «Приключения Тапани Лёвинга I–II» (1911 г., 1912 г.)²³⁶, который повествует об одном из финских партизан периода *Isoviha*. В отношении рассматриваемой русско-шведской войны — периода *Pitkä viha* — необходимо обратить внимание на созданный К. Вилкуной образ Туомаса Теппойнена, который оказался увековечен на страницах «Финских героев»²³⁷.

Туомас Теппойнен был одним из наиболее известных представителей группы кнапов (кнехтов) — крестьян, которые освобождались от уплаты налогов за вспомогательные действия в ходе войны²³⁸. Он был родом из деревни Валкеаматка (совр. Светлое) на Карельском перешейке, но уже в начале войны — в 1571 году — русская армия сожгла его дом в одном из первых разорительных походов на территорию Финляндии, что стало причиной активного включения в партизанскую борьбу. Его знание географических особенностей Ингерманландии пригодилось в разведывательной деятельности, а успешное выполнение поставленных заданий

²³² Herlin I. Wilkuna, Kyösti // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. 2007. URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sk:skb-004487> (15.12.2021).

²³³ Railo E. Kyösti Wilkuna: ihmisenä, kirjailijana, itsenäisyysmiehenä // Projekt Lönnrot [Электронный ресурс]. 1930. URL: <http://www.lonnrot.net/kirjat/2138.zip> (15.12.2021).

²³⁴ Wilkuna K. Kahdeksan kuukautta Shpalernajassa // Project Gutenberg [Электронный ресурс]. 1918. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/37026/pg37026.html> (15.12.2021); *Idem*. Kun kansa nousee: muistelmia ja kokemuksia Suomen vapaussodasta. Helsinki, 1918. 312 s.

²³⁵ Herlin I. Wilkuna, Kyösti.

²³⁶ Wilkuna K. Tapani Löfvingin seikkailut I–II // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. 1918. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/13171/pg13171.html> (15.12.2021).

²³⁷ Ivalo S., Wilkuna K. Suomalaisia sankareita I.

²³⁸ Каржинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. С. 76.

позволило уже в 1573 году получить пожизненное освобождение от уплаты налогов. Затем — в 1576 году — из крестьян был сформирован кавалерийский отряд, который возглавил Туомас Теппойнен. В 1578 году они получили собственный флаг (красный, синий, жёлтый). Численность отряда составляла примерно 100 человек, но она не была постоянной и в конце войны — в 1594 году — даже достигала 390 человек. Они занимались обороной Финляндии, участвовали в разорительных походах на территорию России, а также действовали совместно с частями регулярной шведской армии, например, помогали Понтусу Делагарди во время взятия Корелы (1580 г.) и неудачной осады Орешка (1582 г.)²³⁹. Сущность деятельности Туомаса Теппойнена практически не отличалась от занятий финских партизан, но он действовал в соответствии с получаемыми приказами, которые, впрочем, соответствовали его желанию защищать Финляндию.

В рассказе К. Вилкуны о Туомасе Теппойнене подчёркивается разрушительность и бессмысленность происходящей войны, а разорительные походы — как русской регулярной армии, так и карельских иррегулярных формирований (используется слово «*rappati*») — представляются её основным содержанием в отношении Финляндии. Акцентируется внимание на подробностях содержания ужасов войны, которые стали причиной всеобщего страха из-за постоянного ощущения внешней угрозы, но финны не сдавались в то страшное время, когда «снова и снова дома возрождались из пепла, а их снова и снова сравнивали с землей»²⁴⁰. Трагические события войны образовывали тот самый компонент злости (гнева) — *viha*, и его актуализация обеспечивала прочные эмоциональные основы нации. Сохранение в исторической памяти народа информации о преодолении им трудных времён — это один из ключевых факторов его единения в настоящем. Данное обстоятельство заметил ещё Эрнест Ренан, который утверждал, что страдания и траур консолидируют сильнее, чем триумф и успех²⁴¹.

В ситуации, когда шведская регулярная армия была не в силах защитить гражданское население, на первый план повествования выходят действия храбрых финнов, которые вступили в борьбу с целью обороны собственных поселений. «Спокойный, уверенный и сильный» крестьянин Туомас Теппойнен уже одним присутствием внушал чувство безопасности окружающим людям. Он обладал не только желанием защищать Финляндию, но и необходимыми навыками военного искусства, а также знаниями русского языка и географических особенностей приграничных территорий. Когда шведской регулярной армии потребовался

²³⁹ *Virrankoski P.* Teppoinen, Tuomas.

²⁴⁰ *Ivalo S., Wilkuna K.* Suomalaisia sankareita I.

²⁴¹ *Асман А.* Длинная тень прошлого ... С. 41.

разведчик, то лучшим кандидатом оказался именно Туомас Теппойнен. Последующий «карьерный рост» до главы кавалерийского отряда не стал поводом для чрезмерного восхищения собой и развития нарциссизма, потому что защитника финнов больше беспокоили практические вопросы новых возможностей его деятельности. Автор называет его одним из наиболее уважаемых людей военного времени в Финляндии, который получил широкую известность и за её пределами, в том числе среди врагов, которые одновременно и боялись его, и стремились расправиться с ним. Когда Финляндия — за заслуги финнов — получила статус Великого княжества, то в народной среде быстро распространился слух о том, что Туомас Теппойнен займёт место Великого князя, а его репутация была настолько безупречной, что ни у кого не возникло сомнений²⁴². Таким образом, К. Вилкуна крайне высоко оценил деятельность Туомаса Теппойнена, которого обозначил как одного из наиболее важных представителей героического прошлого финского народа.

Национальные писатели были сосредоточены на заслугах партизан в военных событиях и их действия характеризовали только в положительных тонах. Подчёркивалось, что их вступление в борьбу — собственная инициатива. Они не стали безропотно ожидать помощи шведской регулярной армии, а решили самостоятельно бороться за своё благополучие. Сформированный образ финских партизан демонстрировал пример — образец для идентификации — для читателей, которые должны были составить представление об исторических героях своей нации и их лучших качествах, чтобы следовать данному примеру уже в собственной борьбе. Таким образом, художественная литература сыграла важную роль в осознании финнами себя как единой и самостоятельной нации, независимой от других и имеющей своих национальных героев. Ценностно-смысловые ориентиры, обозначенные в работах национальных писателей, помогли финнам в борьбе за собственную независимость.

Избранные произведения финляндской художественной литературы о периоде *Pitkä viha* являются наиболее репрезентативными для исследования содержания сформированного образа и определения его значения, но они не исчерпывают крайне обширного перечня. Например, в творчестве Юлиуса Крона присутствуют некоторые детали похода Пекки Весайнена²⁴³, а его постоянному антагонисту — лидеру карельских партизан Ахма (Росомаха) — посвящён исторический роман Августа Вильгельма Эрваста²⁴⁴. Упоминание особенностей партизанской войны (*rappari*) встречается в одной из наиболее известных провинциальных песен

²⁴² Ivalo S., Wilkuna K. Suomalaisia sankareita I.

²⁴³ Krohn J. Kuun tarinoita // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. 1889. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/42470/pg42470.html> (15.12.2021).

²⁴⁴ Ervasti A. V. Ahma. Helsinki, 2013.

Финляндии — *Nälkämaan laulu* («Песня голодного края»), созданной Илмари Кианто по заказу земледельческого общества Каяни в 1911 году²⁴⁵. Особое значение имеет легендарный Лаурукайнен, который выступает в роли финского «Ивана Сусанина»²⁴⁶; он встречается не только в событиях периода *Pitkä viha*, но и периода *Isoviba*²⁴⁷. Данный перечень представляется практически безграничным, но обращение к каждому случаю будет только подтверждать уже достигнутые результаты.

Важным инструментом утверждения памяти о событиях периода *Pitkä viha* стали коммеморативные практики, которые получили наибольшее распространение в 1920–1940-х годах, что указывает на существование определённого государственного дискурса. В отношении периода *Pitkä viha* наиболее распространённой формой стало сооружение памятников, и она же является самой действенной формой. В свою очередь, обращение к коммеморативным практикам, которые утверждали в памяти однотипный образ других периодов русско-шведских войн на территории Финляндии, позволяет выявить их большую вариативность. Например, создание специальных музеев²⁴⁸ и организация тематических выставок²⁴⁹, проведение юбилейных торжеств и появление «именных» мероприятий — это только небольшой перечень, но он свидетельствует о том, что происходило сознательное закрепление в памяти определённого исторического опыта, который играл важную роль в «воображении» нации.

Таким образом, в создании образа периода *Pitkä viha* участвовали профессиональные историки, национальные писатели, а также само государство, которое утверждало его с помощью коммеморативных практик. Углублённое изучение сформированного образа подводит нас к заключению, что период *Pitkä viha* как целостное событие не стал одним из символов прошлого для финской нации, но его отдельные элементы получили символическое значение. Сюжеты трагических событий военного времени и героических действий финских партизан в период *Pitkä viha* дополняют и усиливают действительный символ-выражение памяти о русско-шведских войнах в Финляндии — *Isoviba* — период русской оккупации Финляндии во время Великой Северной войны (1714–1721 гг.). В свою очередь, позднее появление периода *Pitkä viha* в национальном нарративе объясняется не стремлением сделать из него олицетворение «существующей» вражды, а желанием продемонстрировать многовековой характер борьбы финнов

²⁴⁵ Nälkämaan laulu // Kainuun liitto [Электронный ресурс]. URL: <https://kainuunliitto.fi/yhteistyö/viestintä-maakuntakuva-ja-mainetyö/nalkamaan-laulu/> (15.12.2021).

²⁴⁶ Кастрен М. А. Сочинения: в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 1. С. 25.

²⁴⁷ *Läivamaa* K. Laurukainen, Simojoen sissi I–II. Kemi, 2016.

²⁴⁸ *Ruohonen* M. Sissipäällikkö Tapani Löfving ja Karuna // Karunan Kynttilä. 2016. № 18. S. 8.

²⁴⁹ *Rokkonen* H. Sankareita kaikki — Herpmanin poikien tarina // DIGI — Yleisten kirjastojen digitoimaa aineistoa [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://digi.kirjastot.fi/items/show/121297> (15.12.2021).

с «закалятым историческим врагом». Данное обстоятельство подтверждает первоначальное название периода в финляндской историографии — *Vanha viha* («Старая ненависть»).

Сформированный во второй половине XIX — первой половине XX веков образ русско-шведских войн на территории Финляндии обладал общими конструктивными элементами, которые имели определённые функциональные задачи. Компонент «ненависти» (*viha*) обладал мощной объединительной силой, а также утверждал восприятие русских в качестве исторического врага и основного источника опасности. В свою очередь, финские партизаны (Пекка Весайнен, Туомас Теппойнен и др.) были обозначены как собственные национальные герои, а их образ задал критерии для определения своей принадлежности к одному сообществу — финской нации; они стали образцами для идентификации. В первой половине XX века данный исторический опыт стал актуальным элементом образа «Другого», широко эксплуатировавшегося для решения как внутренних, так и внешних задач Финляндии.

Поражение Финляндии во Второй мировой войне в сочетании с некоторыми другими факторами оказало значительное влияние на содержание национального нарратива, что стало причиной изменения образа «Другого». Символы с компонентами «ненависти» (*viha*) были подвергнуты забвению, а свойство амбивалентности идентичности стало причиной актуализации других — прямо противоположных. Тогда же был частично пересмотрен образ финских партизан: их храбрость и самоотверженность до сих пор являются конституирующим элементом финской нации, но образ врага, с которым они боролись, утратил своё значение. Данная ситуация сохраняется и в настоящее время, но забвение — это не исчезновение, поэтому необходимо наблюдать за актуальностью символов прошлого, которые являются важным маркером состояния образа «Другого».

Заключение

Углублённое изучение «финляндской» составляющей Двадцатипятилетней русско-шведской войны (1570–1595 гг.) — периода *Pitkä viha* — подводит нас к заключению, что исследование конкретного случая противостояния является более продуктивным подходом, чем Ливонской войны (1558–1583 гг.) — историографического концепта, который объединяет конгломерат войн (или их частей) между Россией и её противниками. В данном случае конкретизация русско-шведской войны продемонстрировала более широкие возможности для исследования как событий военного конфликта, так и его генезиса. Соответственно, Двадцатипятилетняя русско-шведская война была обусловлена

не только столкновением интересов государств в Прибалтике, но и целым рядом других причин: вопросом об «ореховецкой» границе, межплеменными войнами, климатическим фактором, экономическими и демографическими изменениями, спором о «посольском обычае», личной враждой между Юханом III и Иваном IV. Более того, с конкретизацией противостояния появился широкий контекст для того, чтобы обратить внимание на слабо изученные в отечественной историографии события в Финляндии и на Русском Севере, которые оказали важное влияние на происходившую борьбу двух государств.

Военные действия в Финляндии во время Двадцатипятилетней русско-шведской войны (1570–1595 гг.) имели два этапа, точкой раздела между которыми стало провозглашение «великой восточной программы» (1580 г.) — программы шведских территориальных захватов за счёт России. Если на первом этапе (1570–1580 гг.) в условиях отсутствия конкретных целей военные действия в Финляндии имели разрозненный характер и преследовали скорее цель отвлечения внимания противника от действий в Прибалтике, то на втором этапе (1580–1595 гг.) они приобрели основательный и вполне самостоятельный характер. Произошедшая война оказала значительное влияние на последующее развитие противоборствующих государств, особенно их составных частей — Финляндии и всего Русского Севера. Более того, рассмотренные события не ограничиваются историей XVI века, и уже память о войне сыграла важную роль в конструировании финской идентичности. Исторический опыт многочисленных русско-шведских войн на территории Финляндии, в том числе периода *Pitkä viha*, был использован в процессе формирования финской нации и стал одним из элементов образа «Другого».

В создании образа периода *Pitkä viha* участвовали профессиональные историки, национальные писатели, а также само государство, которое утверждало его с помощью коммеморативных практик. Углублённое изучение сформированного образа подводит нас к заключению, что период *Pitkä viha* как целостное событие не стал одним из символов прошлого для финской нации, но его отдельные элементы получили символическое значение. Сюжеты трагических событий военного времени и героических действий финских партизан в период *Pitkä viha* дополняют и усиливают действительный символ-выражение памяти о русско-шведских войнах в Финляндии — *Isoviha* — период русской оккупации Финляндии во время Великой Северной войны (1714–1721 гг.). В свою очередь, позднее появление периода *Pitkä viha* в национальном нарративе объясняется не стремлением сделать из него олицетворение «существующей» вражды, а желанием продемонстрировать многовековой характер борьбы финнов с «заклятым историческим врагом».

Сформированный во второй половине XIX — первой половине XX веков образ русско-шведских войн на территории Финляндии обладал общими конструктивными элементами, которые имели определённые функциональные задачи. Компонент «ненависти» (*vihha*) обладал мощной объединительной силой, а также утверждал восприятие русских в качестве исторического врага и основного источника опасности. В свою очередь, финские партизаны (Пекка Весайнен, Туомас Теппойнен и др.) были обозначены как собственные национальные герои, а их образ задавал критерии для определения своей принадлежности к одному сообществу — финской нации; они стали образцами для идентификации. В первой половине XX века данный исторический опыт стал актуальным элементом образа «Другого», широко эксплуатировавшегося для решения как внутренних, так и внешних задач Финляндии.

Поражение Финляндии во Второй мировой войне в сочетании с некоторыми другими факторами оказало значительное влияние на содержание национального нарратива, что стало причиной изменения образа «Другого». Символы с компонентами «ненависти» (*vihha*) были подвергнуты забвению, а свойство амбивалентности идентичности стало причиной актуализации других — прямо противоположных. Тогда же был частично пересмотрен образ финских партизан: их храбрость и самоотверженность до сих пор являются конституирующим элементом финской нации, но образ врага, с которым они боролись, утратил своё значение. Данная ситуация сохраняется и в настоящее время, но забвение — это не исчезновение, поэтому необходимо наблюдать за актуальностью символов прошлого, которые являются важным маркером состояния образа «Другого».

Список литературы

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма // Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Г. Николаева. — Москва : «КАНОН-пресс-Ц» ; «Кучково поле», 2001. — 288 с.

Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.

Ассман, А. Забвение истории — одержимость историей / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — 552 с.

Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.

Бородкин, М. М. Краткая история Финляндии / М. М. Бородкин. — Санкт-Петербург : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. — 200 с.

Бурков, В. Г. Изображение льва в государственной символике Финляндии / В. Г. Бурков // Санкт-Петербург и страны Северной Европы / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. — Санкт-Петербург : РХГА, 2012. — С. 355–361.

Вихавайнен, Т. Столетия соседства : размышления о финско-русской границе / Т. Вихавайнен ; пер. с фин. А. И. Рупасова. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. — 248 с.

Жербин, А. С. Крестьянская война в Финляндии в конце XVI в. / А. С. Жербин, И. П. Шаскольский // Вопросы истории. — 1981. — № 8. — С. 76–90.

Жуков, А. Ю. Карелия в русско-шведских отношениях XIV–XVI вв. / А. Ю. Жуков // Санкт-Петербург и страны Северной Европы / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. — Санкт-Петербург : РХГА, 2010. — С. 62–75.

История Карелии с древнейших времен до наших дней / А. И. Афанасьева [и др.] ; под ред. Н. А. Кораблева [и др.]. — Петрозаводск : Периодика, 2001. — 943 с.

История Швеции / отв. ред. А. С. Кан. — Москва : Наука, 1974. — 719 с.

Казакова, Н. А. Русь и Прибалтика (IX–XVII вв.) / Н. А. Казакова, И. П. Шаскольский. — Ленинград : Госполитиздат, 1945. — 125 с.

Кан, А. С. История скандинавских стран / А. С. Кан. — Изд. 2-е, доп. и испр. — Москва : Высшая школа, 1980. — 311 с.

Карелы Карельской АССР / А. С. Жербин [и др.]. — Петрозаводск : Карелия, 1983. — 288 с.

Карху, Э. Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века / Э. Г. Карху. — Ленинград : Наука, 1979. — 509 с.

Киркинен, Х. История карельского народа / Х. Киркинен, П. Невалайнен, Х. Сихво ; пер. с фин. Л. В. Суни ; отв. ред. И. А. Чернякова. — Петрозаводск, 1998. — 322 с.

Коваленко, Г. М. Русские и шведы от Рюрика до Ленина. Контакты и конфликты / Г. М. Коваленко. — Москва : Ломоносовъ, 2010. — 256 с.

Ле Руа Ладюри, Э. История климата с 1000 года / Э. Ле Руа Ладюри ; пер. с фр. А. С. Чаплыгиной ; под ред. Т. В. Покровской. — Ленинград : Гидрометеоздат, 1971. — 280 с.

Лиман, И. Г. Двадцатипятилетние войны XVI века в истории России и Финляндии / И. Г. Лиман // Учёные записки Петрозаводского государственного

Финляндия в Двадцатипятилетней русско-шведской войне (1570–1595 гг.): история и память 74
университета. — 2021. — Т. 43, № 4. — С. 96–102. — URL:
https://uchzap.petrstu.ru/files/redaktor_pdf/1622097707.pdf. — (15.12.2021).

Лялина, М. А. Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала
XX столетия / М. А. Лялина. — Санкт-Петербург : Изд. В. Березовский, 1908. —
302 с.

Мейнандер, Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты /
Х. Мейнандер ; пер. со швед. З. Линден, С. Машкова. — Изд. 2-е, доп. и испр. —
Москва : Изд-во «Весь Мир», 2017. — 256 с.

Миллер, А. И. Россия: власть и история / А. И. Миллер // Pro et Contra. —
2009. — № 3–4 (46). — С. 6–23.

Нойманн, И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании
европейских идентичностей / И. Нойманн ; пер. с англ. В. Б. Литвиновой,
И. А. Пильщикова. — Москва : Новое издательство, 2004. — 336 с.

Пашков, А. М. История Карелии с древнейших времен до 1917 года /
А. М. Пашков. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. — Ч. 1. — 76 с.

Похлебкин, В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет
в именах, датах, фактах : в 3-х вып. / В. В. Похлебкин. — Москва : Международные
отношения, 1995. — Вып. 2, кн. 1. — 781 с.

Расила, В. История Финляндии / В. Расила ; пер. с фин. Л. В. Суни. — Изд. 2-
е, доп. и испр. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. — 360 с.

Сайнио, В. Георг Захариас Юрьё-Коскинен / В. Сайнио // Сто
замечательных финнов [Электронный ресурс]. — 2004. — URL:
https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf. — (15.12.2021).

Сафронова, Ю. А. Историческая память: введение / Ю. А. Сафронова. —
Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. —
220 с.

Толстикова, А. В. Северо-западная граница Новгородской земли и Московской
Руси в XIV–XVI вв.: от Ореховецкого мира до Тявзинского / А. В. Толстикова
[Электронный ресурс]. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2019. — 25 с. — URL:
<http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?pid=31797>. — (15.12.2021).

Форстен, Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648) /
Г. В. Форстен. — Санкт-Петербург : Тип. В. С. Балашева, 1894. — Т. 2. — 630 с.

Франция-память / П. Нора [и др. ; пер. с фр. Д. Хапаевой]. — Санкт-Петербург
: Изд-во СПбГУ, 1999. — 328 с.

Фролов, Р. А. Русско-шведские отношения в 60-е гг. XVI в. / Р. А. Фролов // Вестник
Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2009. —
№ 8 (76). — С. 309–313.

Хорошкевич, А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века / А. Л. Хорошкевич. — Москва : Древлехранилище, 2003. — 620 с.

Шаскольский, И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. / И. П. Шаскольский. — Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1950. — 164 с.

Шаскольский, И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством / И. П. Шаскольский. — Москва ; Ленинград : Наука, 1964. — 218 с.

Шенк, Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Ф. Б. Шенк ; пер. с нем. Е. Земсковой, М. Лавринович. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 592 с.

Широкоград, А. Б. Швеция. Гроза с Балтики / А. Б. Широкоград. — Москва : Вече, 2008. — 432 с.

Шкваров, А. Г. Россия — Швеция. История военных конфликтов. 1142–1809 годы / А. Г. Шкваров. — Санкт-Петербург : RME Group Oy ; Алетея, 2012. — 576 с.

Юссила, О. Политическая история Финляндии 1809–2009 / О. Юссила, С. Хентия, Ю. Невакиви ; пер. с фин. Т. В. Андросовой, Ю. С. Дерябина. — Изд. 2-е, доп. и испр. — Москва : Весь Мир, 2010. — 472 с.

Enbuske, M. Pekka Vesaisen historia: myyttinen sissipäällikkö, kovaluonteinen talonpoika 1500-luvulta / M. Enbuske // Faravid. — 2013. — № 37. — S. 35–57.

Herlin, I. Wilkuna, Kyösti / I. Herlin // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. — 2007. — URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-004487>. — (15.12.2021).

Ingman, S. Kaarlo IX:nen Jäämerenpolitiikka : akatemiallinen väitöskirja / S. Ingman. — Helsinki, 1894. — 110 s.

Ingman, S. Tutkimuksia Pohjoissuomen historiassa vuosilta 1595–1635 : akatemiallinen väitöskirja / S. Ingman. — Helsinki, 1890. — 149 s.

Jaakkola, J. Suomen idänkysymys / J. Jaakkola. — Porvoo ; Helsinki : WSOY, 1942. — 103 s.

Jaakkola, J. Suomen historian ääriiviat / J. Jaakkola. — Porvoo ; Helsinki : WSOY, 1945. — 202 s.

Jutikkala, E. A History of Finland / E. Jutikkala, K. Pirinen. — Helsinki : WSOY, 2003. — 491 p.

Juva, E. W. Suomen taistelu itää vastaan / E. W. Juva. — Helsinki : Otava, 1942. — 336 s.

Kalemaa, K. Ivalo, Santeri / K. Kalemaa // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. — 2004. — URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-002819>. — (15.12.2021).

Karonen, P. Pohjoinen suurvalta : Ruotsi ja Suomi 1521–1809 / P. Karonen. — Porvoo ; Helsinki ; Juva : WSOY, 1999. — 533 s.

Katajala, K. Miksi nuijasota syttyi Pohjanmaalla? / K. Katajala // Tieteessä tapahtuu. — 2003. — № 21 (3). — S. 12–17.

Katajala, K. Viipurin läänin historia III. Suomenlahdelta Laatokalle / K. Katajala, A. Kujala, A. Mäkinen. — Lappeenranta : Karjalan Kirjapaino Oy, 2010. — 528 s.

Kirkinen, H. Karjala taistelukenttänä. Karjala idän ja lännen välissä II / H. Kirkinen. — Helsinki : Kirjayhtymä, 1976. — 376 s. — URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/170155>. — (15.12.2021).

Lindeqvist, K. O. Suomen oloista ison vihan aikana : akatemiallinen väitöskirja / K. O. Lindeqvist. — Helsinki, 1886. — 171 s.

Lindeqvist, K. O. Suomen historia / K. O. Lindeqvist. — Porvoo : WSOY, 1926. — 558 s.

Railo, E. Kyösti Wilkuna: ihmisenä, kirjailijana, itsenäisyysmiehenä / E. Railo // Projektі Lönnot [Электронный ресурс]. — 1930. — URL: <http://www.lonnrot.net/kirjat/2138.zip>. — (15.12.2021).

Rokkonen, H. Sankareita kaikki — Herpmanin poikien tarina / H. Rokkonen // DIGI — Yleisten kirjastojen digitoimaa aineistoa [Электронный ресурс]. — 2015. — URL: <http://digi.kirjastot.fi/items/show/121297>. — (15.12.2021).

Ruohonen, M. Sissipäällikkö Tapani Löfving ja Karuna / M. Ruohonen // Karunan Kynttilä. — 2016. — № 18. — S. 7–8.

Sarmela, M. Suomen perinneatlas. Suomen kansankulttuurin kartasto 2 / M. Sarmela. — Helsinki, 2007. — 598 s.

Snellman, A. H. Oulun kihlakunta: muinaistieteellisiä ja historiallisia lehtiä / A. H. Snellman. — Helsinki, 1887. — 287 s.

Suomen historia 2: Keskiaika, valtaistuinriitojen ja uskonpuhdistuksen aika, kansankulttuurin juuret / toim. Y. Blomstedt. — Espoo : Weilin+Göös, 1987. — Vol. 2. — 414 s.

Suomen historian pikkujättiläinen / päätoim. S. Zetterberg. — Helsinki : WSOY, 1987. — 963 s.

Tarkiainen, K. Se vanha vainooja: käsitykset itäisestä naapurista Iivana Julmasta Pietari Suureen / K. Tarkiainen. — Helsinki : Suomen Historiallinen Seura, 1986. — 349 s. — URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/170169>. — (15.12.2021).

Tawaststjerna, W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: vuosien 1570 ja 1590 välinen aika / W. Tawaststjerna. — Helsinki : Suomen Historiallinen Seura, 1918–1920. — 784 s. — URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/167604>. — (15.12.2021).

Tawaststjerna, W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: sotavuodet 1590–1595 ja Täysinän rauha / W. Tawaststjerna. — Helsinki : Suomen Historiallinen Seura, 1929. — 574 s. — URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/167596>. — (15.12.2021).

Tommila, P. Suomen historiankirjoitus: tutkimuksen historia / P. Tommila. — Porvoo ; Helsinki ; Juva : WSOY, 1989. — 331 s.

Utterström, G. Climatic Fluctuations and Population Problems in Early Modern History / G. Utterström // Scandinavian Economic History Review. — 1955. — Vol. 3. — P. 3–47.

Virkkunen, A. H. Vanhan vihan aika ja Nuijasota (Kainuunmaan oloista 1500-luvun lopulla) / A. H. Virkkunen // Oma maa. — Vol. 1. — 1907. — S. 686–697.

Virrankoski, P. Teppoinen, Tuomas / P. Virrankoski // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. — 2001. — URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-003851>. — (15.12.2021).

Virrankoski, P. Vesainen, Pekka / P. Virrankoski // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. — 2007. — URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-000435>. — (15.12.2021).

Yrjö-Koskinen, Y. S. Oppikirja Suomen kansan historiasta / Y. S. Yrjö-Koskinen. — Helsinki, 1869. — 577 s.

Yrjö-Koskinen, Y. S. Suomen kansan historia / Y. S. Yrjö-Koskinen. — Helsinki, 1881. — 621 s.

Yrjö-Koskinen, Y. S. Nuijasota, sen syyt ja tapoukset / Y. S. Yrjö-Koskinen // Projektі Lönnot [Электронный ресурс]. — 1929. — URL: <http://www.lonnrot.net/kirjat/0328.zip>. — (15.12.2021).

KÜNG Enn / КЮНГ Энн
University of Tartu / Университет Тарту
Estonia, Tartu/ Эстония, Тарту
enn.kung@ut.ee

**TALLINN'S FINANCIAL RELATIONS WITH THE SWEDISH CENTRAL
AUTHORITIES AT THE END OF THE SIXTEENTH CENTURY AND
IN THE FIRST THIRD OF THE SEVENTEENTH CENTURY***

**ФИНАНСОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ТАЛЛИНА С ЦЕНТРАЛЬНОЙ ШВЕДСКОЙ
АДМИНИСТРАЦИЕЙ В КОНЦЕ XVI — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА**

Аннотация: В статье анализируется финансовый и материальный вклад Таллина (Ревеля) в шведскую военную экономику во второй половине XVI — первой трети XVII в. После присоединения Таллина к Швеции государство финансировало гражданские и военные расходы провинции. Так как государственные земли в Эстонии не покрывали растущих расходов, то возникла необходимость ввозить почти всё снаряжение из Швеции и Финляндии. Однако поскольку нередко снаряжение за море отправить было невозможно, с целью покрытия потребностей армии, шведским властям пришлось обратиться к жителям провинции, у которых во второй половине XVI в. власти занимали деньги, провиант и даже боеприпасы. В 1623–1629 годах фунтовый сбор был отдан в аренду Таллину за 12 000 талеров. Первую безвозвратную финансовую помощь государству Таллин оказал в 1614 г., выделив деньги на уплату Эльвсборгского выкупа в размере 4 000 талеров. В 1622 г. город предоставил государству безвозвратный заём на сумму в 3 000 талеров, а в 1623 г. ещё на 2 000 талеров. В середине 1620-х гг. государство требовало от города уплаты контрибуции, которая достигала 10 000 талеров в год. Но с поступлением контрибуций были большие сложности, и город отказался выделять деньги в требуемом размере. Поэтому в 1628 г. король обложил торговлю города новой морской пошлиной — лицензом.

Keywords / Ключевые слова: Sweden, Estonia, Estland, Tallinn, Reval, History, Early Modern Age, war economics, overseas policy, state finances, military taxes, customs, licent toll / Швеция, Эстония, Эстляндия, Таллин, Ревель, история, раннее Новое время, публичные финансы, военная экономика, провинциальная политика, военные налоги, таможня, лиценз

The city of Tallinn and its surrounding area were incorporated into the Swedish realm by way of negotiations in June of 1561. In the process, King Erik XIV intervened in the struggle for the inheritance of the Livonian *Ordensstaat* (the State of the Livonian Order). With a few intervals, warfare lasted until 1629, when in addition to Estland, Sweden took almost all of historical Livonia under its control. Waging war and the administration of the conquered territories required vast amounts of material, financial and human resources from the state. The vast majority of financial and material means and of

* This paper was supported by the Estonian Research Council grant PRG318.

armed forces were brought from Sweden-Finland to the realm's overseas possessions. The financial contribution of Estland and Livland, which had been devastated in the course of warfare, to Sweden's military budget was minimal and random. Sweden's kings, primarily Johan III, Charles IX and Gustav II Adolf, repeatedly reproached their overseas subjects that the maintenance of the provinces was a great burden for the state treasury and demanded that the local estates — the town burghers and the nobility — participate in the governance of the region by providing money and provisions, and contributing to the upkeep of the army. Hence the province already had to start providing financial and other assistance to the state in the last decades of the sixteenth century. Over time the state's demands grew.

This paper examines the financial relations between Sweden's central authorities and Tallinn and its burghers at the end of the sixteenth century and in the first third of the seventeenth century, that is from the ascent of Erik XIV to the throne until the end of the reign of Gustav II Adolf. The financial demands that the Swedish crown imposed on the old Hanseatic town, the gradual increase in those demands, which regular and extraordinary taxes were imposed on Tallinners, and how and under what conditions these obligations were met are at the centre of the research interest of this paper. This is an interesting research problem already from the aspect that with its loans, tolls and contributions, Tallinn took its place in the broader process of the development of Sweden's financial and tax state, where the state's former revenues from royal demesnes and regalia (royal rights and privileges) were no longer sufficient for implementing the state's expansionist policy. At the same time, this article does not consider the military and administrative expenditures borne by the central authorities themselves in the realm's overseas possessions, nor the revenues received from the local crown land holdings in the overseas possessions.

The financial relations between Tallinn and the Swedish state have previously been studied primarily from the aspect of the state's toll policy. Artur Attman has investigated the toll rates and norms that were in effect, and the toll revenues received in Tallinn, as well as in Narva, Vyborg and elsewhere in the latter half of the sixteenth century.¹

Kurt Reinhold Melander² and Evald Blumfeldt³ were the first to examine the background of the rental of toll duties that was implemented in Tallinn in 1623–1629

¹ Artur Attman, *Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik 1558–1595* (Lund: A.-B. Ph. Lindstedts Univ.-Bokhandel, 1944); Artur Attman, *The Russian and Polish Markets in International Trade 1500–1650* (Göteborg: Ekonomisk-historiska institutionen vid Göteborgs universitet, 1973); Artur Attman, *The Struggle for Baltic Markets. Powers in Conflict 1558–1618* (Göteborg: Vetenskaps- och vitterhets-samhället, 1979).

² Kurt Reinhold Melander, "Ruotsin hallituksen ja Tallinnalaisten kauppatuumat Venäjän suhteen ynnä niistä johtuvat riidat Lübeckin kanssa vuosina 1614–43" [The trade plans of the Swedish government and

and its effect on the city's economy. There is additional information on the rental of toll duties in the study conducted by Jarmo T. Kotilainen.⁴ Wolf-Rüdiger Rühle⁵ and Ernst Gierlich provide information on pound toll revenues over a shorter period.⁶ Wilhelm Greiffenhagen has provided a general overview of the financial assistance and war contributions demanded from Tallinn by Duke Charles / Charles IX and Gustav II Adolf.⁷ Ragnar Liljedahl has examined in detail the introduction of the licent toll and the collection of contributions in the latter half of the 1620s.⁸ Gierlich has also considered this same question in general.⁹ The author of the current paper has traced Tallinn's toll receipts and the state's toll policy, as well as the licent toll, war contributions and the city's other obligations to the state.¹⁰

Datum lines have been sought for Tallinn from towns in Southern Finland. Veikko Kerkkonen has published a comprehensive study of the state taxes paid by these towns in 1614–1650. In the context of the current paper, an article written by him on the state finances of Sweden-Finland at the start of the seventeenth century is also important.¹¹ Studies on Stockholm's economic activity at the start of the seventeenth century have

Tallinn burghers regarding Russia] *Historiallinen arkisto* 16 (1899): 22–62; Kurt Reinhold Melander, “Die Beziehungen Lübecks zu Schweden und Verhandlungen dieser beiden Staaten wegen des russischen Handels über Reval und Narva während der Jahre 1643–53” *Historiallinen arkisto* 18 (1903): 1–81; Kurt Reinhold Melander, “Die Revaler Zollarrende 1623–1629 und die dadurch zwischen Schweden und Lübeck hervorgerufenen Mißhelligkeiten” *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde* 14 (1912): 237–272.

³ Evald Blumfeldt, “Statistilisi lisandeid Tallinna kaubaliikluse ja meresõidu ajaloole” [Statistical Additions to the History of Trade and Shipping in Tallinn] *Ajalooline Ajakiri* 1 (1935): 1–18; 2 (1935): 49–63.

⁴ Jarmo T. Kotilaine, “Noch mal über die Revaler Zollarrende: der fiktive Aufschwung?” *Vana Tallinn* 12 (16) (2002): 51–72.

⁵ Tallinn's pound toll revenues for 1617–1623: Wolf-Rüdiger Rühle, “Revals Seehandel 1617–1624” *Zeitschrift für Ostforschung* 38 (1989): 246–248.

⁶ Tallinn's pound toll revenues for 1620–1645: Ernst Gierlich, *Reval 1621 bis 1645. Von der Eroberung Livlands durch Gustav Adolf bis zum Frieden von Brömsebro* (Bonn: Kulturstiftung der deutschen Vertriebenen, 1991), 137.

⁷ Wilhelm Greiffenhagen, “Heimische Konflikte mit Gustav Adolf” *Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands*, vol. 3, no. 2 (1882): 1–30. Wilhelm Greiffenhagen, “Karl IX in Reval” *Baltische Monatschrift* 35 (1888): 567–601.

⁸ Ragnar Liljedahl, *Svensk förvaltning i Livland 1617–1634* (Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1933).

⁹ Gierlich, *Reval 1621 bis 1645*, 84–91, 135–145, 157–161.

¹⁰ Enn Küng, “Die staatlichen Zölle — Portorium und Lizent — in den Städten der schwedischen Ostseeprovinzen” *Hansische Geschichtsblätter* 133 (2015): 126–134, <https://doi.org/10.21248/hgbll.2015.75> (accessed December 17, 2021); Enn Küng, “‘See tubli linn muutub tühjaks ja lagedaks.’ Tallinna majanduslik olukord 1620.–1630. aastatel,” [‘This fine city will become deserted and destitute.’ Tallinn's economic situation in the 1620s–1630s] I–III, *Tuna* 4 (2017): 25–37; 1 (2018): 4–19; 2 (2018): 14–34; Enn Küng, “Naelatoll Tallinna linna ja Rootsi riigi finantsuhetes 16. sajandi teisel poolel ja 17. sajandil” [Pound toll in the fiscal relations between the city of Tallinn and Swedish state government in the late 16th century and 17th century] *Vana Tallinn* 30 (34) (2020): 9–90.

¹¹ Veikko Kerkkonen, *Etelä-Suomen kaupunkien kruununverot 1614–1650 [State taxes in the cities of Southern Finland 1614–1650]* (Helsinki: SHS, 1945); Veikko Kerkkonen, “Ruotsi-Suomen finanseista 1600-luvun alkupuolella” [On the finances of Sweden-Finland in the first half of the 17th century] *Historiallinen arkisto* 52 (1947): 141–212.

similarly examined state toll policy and the tolls, excise duties and other taxes that were imposed on the town's burghers.¹² The war taxes collected from Riga and Livland have been studied in regard to the neighbouring towns that were closest to Tallinn.¹³

Correspondence between the central and local authorities, including Tallinn's town council, orders sent from Stockholm, town council records, and various toll books and other accounts books have been used in the writing of this article. These sources are deposited in the Swedish National Archives (*Riksarkivet*) in Stockholm (= SRA), Tallinn's City Archives (*Tallinna Linnaarhiiv* = TLA) and the Estonian National Archives in Tartu (*Rahvusarhiiv* = RA).

The new subjects are costly

As Sweden intervened in the fight for the inheritance of the *Ordensstaat*, Erik XIV first and foremost stressed the motives of the state's security and defence policy, and economic needs to a lesser extent.¹⁴ The financial obligations or other tax obligations of Sweden's new subjects to the state were not mentioned in the confirmation letters of 6 June from Sweden's negotiators outlining the subjugation conditions that assured extensive privileges and prerogatives to Tallinn's town council and burghers, nor were they included in the ratification document issued by Erik XIV on 2 August 1561. There were no such obligations. On the contrary, considering trade, which was the basis of Tallinn's economic existence, Tallinners were promised that 'there are no plans to burden foreign German merchants with any extraordinary toll or other obligation.'¹⁵

¹² Lars Ericson, *Borgare och byråkrater : omvandlingen av Stockholms stadsförvaltning 1599–1637* (Stockholm: Stockholms stad, 1988); Åke Sandström, *Mellan Torneå och Amsterdam. En undersökning av Stockholms roll som förmedlare av varor i regional- och utrikeshandel 1600–1650* (Stockholm: Stockholms stad, 1990); Robert Sandberg, *I slottets skugga. Stockholm och kronan 1599–1620* (Stockholm: Komm. för Stockholmsforskning, 1991).

¹³ Edgars Dunsdorfs, "Vidzemes zviedru laiku finanses" [Finances of Livonia in the Swedish period], in *Veltijums izglītības ministram un professoram Dr. h. c. Augustam Tentelim 23. XI 1876 — 29. XI 1936*, ed. Teodors Zeids (Riga: Ramaves apgāds, 1936), 75–80; Liljedahl, *Svensk förvaltning i Livland 1617–1634*.

¹⁴ Gunnar Annell, *Erik XIV:s etiska föreställningar och deras inflytande på hans politik* (Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1945), 120–148. Stefan Troebst has summed up the debate on the motives for King Erik XIV and the Swedish crown to intervene in the war in old Livonia: Stefan Troebst, "Debating the Mercantile Background to Early Modern Swedish Empire-Building: Michael Roberts versus Artur Attman" *European History Quarterly* 24 (1994): 485–509; and Kari Tarkiainen has written more recently on the same subject: Kari Tarkiainen, *Moskoviten. Sverige och Ryssland 1478–1721* (Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2017), 275–278. Margus Laidre has stressed the need to increase the state's prestige as the primary factor: Margus Laidre, *Domus belli. Põhjamaade Saja-aastane sõda Liivimaal 1554–1661 [Domus belli. The Hundred Years' War of the Nordic Countries in Livonia 1554–1661]* (Tallinn: Argo, 2015), 14–16.

¹⁵ '[D]en Frembden Teutzschen Kauffmhan mith keinen ungewentlichenn Zollen oder andern Auflagen ... beschweren...' — confirmation letter from Sweden's envoys to the city of Tallinn, in Tallinn on 6 June 1561, and the letter from King Erik XIV ratifying Tallinn's subjugation, in Norrköping on 2 August 1561. Johan III affirmed the rights and privileges granted to Tallinn under the same conditions: letter from Johan III affirming Tallinn's privileges, in Stockholm on 11 February 1570: Friedrich Georg von Bunge, ed., *Die Quellen des Revaler Stadtrechts*, vol. 2 (Dorpat: Franz Kluge, 1847), 159, 162, 173–174.

Even more so, Tallinners were given numerous loans and gifts during the negotiations and when Tallinn's envoys were in audience with Erik XIV. At the start of March, 1561, the Swedish negotiators headed by Klas Kristersson (Horn) brought a sum of money when they arrived in Tallinn, and the first Swedish ships bearing soldiers, provisions and 10,000 dalers arrived on 19 May. It is not possible to ascertain how much of that money the negotiators themselves used and how much of it was placed at the disposal of Tallinners and others. Yet in the final phase of the negotiations, Tallinn's town council was promised a loan of 40,000 dalers, 16,000 marks of which was paid as an advance at the start of June. The 7,000 guilder paid to the Order of Livonia on St. John's Day for handing over the little Toompea fortress was a separate expenditure.¹⁶ Erik XIV gave Tallinn's representatives yet another gift on 20 August while they were staying in Stockholm: unrefined Bergslagen silver, or silver coins minted out of that silver, valued at 43,000 dalers.¹⁷ Money was minted in Tallinn out of the silver that was received.¹⁸

It is difficult to say exactly how large the loan was that was given to Tallinn's town council in the summer of 1561. Yet the crown wanted the loan to be paid back. Hence three years later, Erik XIV demanded that 20,000 dalers (that is 80,000 Swedish marks) of the loan be returned at the rate of 10,000 marks per year. Tallinners requested more time for repaying the loan.¹⁹ The debt was still on the books in 1576, when King Johan III reminded Tallinners of it,²⁰ and also in 1596, when Duke Charles wanted the loan given by his brother Erik to be quickly repaid.²¹ Finally, Charles IX reminded Tallinn's town council of that old debt in 1608, but then the city assured the king that it had already mortgaged Keila Manor, which was located near Tallinn, to the state at the time of the reign of Erik XIV in order to pay back the loan.²²

The extension of Swedish rule to Tallinn did not add revenue to Sweden's treasury. The new territory was unable to cover the necessary expenses for its defence on its own.

¹⁶ Clas Annerstedt, *Grundläggningen af Svenska väldet i Livland 1558–1563 samt deraf alstrade strider inom Vasahuset* (Uppsala: Edquist & Berglund, 1868), 38–39; Sture Arnell, *Die Auflösung des livländischen Ordensstaates: das schwedische Eingreifen und die Heirat Herzog Johans von Finnland, 1558–1562* (Lund: Lindstedts univ.-bokh., 1937), 164, 170–171, 174. One daler corresponded to approximately four Swedish marks.

¹⁷ SRA, Kungliga arkiv, Handlingar rörande svenska konungar; konung Erik XIV, vol. 13. By comparison, the nobles of Estland received 4,000 dalers as a gift.

¹⁸ Ivar Leimus, *Das Münzwesen Livlands im 16. Jahrhundert (1515–1581/94)* (Stockholm: Stockholm Numismatic Institute, 1995), 45.

¹⁹ Reply from Erik XIV to Tallinn's envoys, near Hölö on 1 July 1564, § 2: *Die Quellen des Revaler Stadtrechts*, 166.

²⁰ Johan III to Tallinn's envoys, in Svartsjö on 14 June 1576, § 4: *Die Quellen des Revaler Stadtrechts*, 176.

²¹ Duke Charles to Tallinn's town council, from Örebro on 5 April 1596: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 26, fol. 63.

²² Resolution of Tallinn's town council in response to Commissar Adam Schrapfer's oral clauses, in Tallinn on 18 August 1608 and to King Charles IX, in Tallinn on 30 August 1608: SRA, Livonica II, vol. 43. Johan Axel Almquist also mentions the fact that the city of Tallinn placed the fief of Keila at the disposal of Erik XIV in return for cash: Johan Axel Almquist, *Den civila lokalförvaltningen i Sverige 1523–1630*, part 2 (Stockholm: Norstedt, 1919–1922), 546.

Instead, a continuous need emerged for money and foodstuffs from Sweden-Finland.²³ Birgitta Odén, who among other things has examined the financing of war in Estland, has pointed out the fact that over 400,000 marks were already sent from Sweden-Finland to Tallinn in the latter half of 1561 because it was not possible to get anything from the city and its surroundings. In the following year of 1562, when the territory under Swedish rule extended to Pärnu, expenditures had risen over a million marks, of which only a fraction was covered by income obtained locally. A calculation made in the autumn of 1564 indicates that by that time, waging war in Estland had cost 2½ million marks, not including the foodstuffs that were similarly brought across the sea. The governance of the state's finances faced large new expenditures in connection with the Seven Years' War of the Nordic Countries that had broken out. The situation was so critical in April of 1567 that the king considered giving up Estland.²⁴

The situation did not change during the first decade of the reign of Johan III. War broke out with Russia in 1570. The territory ruled by Sweden in Estland dwindled over the following years to such an extent that it was once again limited to the city of Tallinn and its closest surroundings. Starting in 1573, Sweden paid Denmark the first Älvsborg Ransom. The difficulties were so great that Swedish rule was in danger of ending in Estland. Sweden's Council of State opposed the king and found that the price of the king's expansion policy was too high. As it was in the reign of Erik XIV, the state's revenues from the province were negligible during the reign of Johan III as well.²⁵

While Tallinn and Estland's nobility were exempt from taxes for the first couple of decades of the period of Swedish rule, the source from which the crown could at least theoretically obtain revenue for financing the army and the provincial civil administration was the local royal landholdings, which were divided up into castle fiefs and manor fiefs. Thus, Tallinn's castle fief territory was already established in 1561 together with manorial estates near the city, the profits of which were meant for the upkeep of Toompea Castle and its staff. Yet the existence of crown landholdings depended on the extent of Sweden's conquests and on the economic capacity of one or another area, meaning that a given area could have been looted to such an extent that it was not possible to make payments. On this topic it should be pointed out that although the account books of the castle bailiffs have largely survived intact, they have not been studied from the standpoint of revenues.²⁶

²³ Ingvar Andersson, *Erik XIV*, 4th ed. (Stockholm: Wahlström & Widstrand, 1951), 114.

²⁴ Birgitta Odén, *Kronohandel och finanspolitik 1560–1595* (Lund: Berling, 1966), 66–68, 71, 78.

²⁵ Odén, *Kronohandel och finanspolitik 1560–1595*, 203, 219–220.

²⁶ The account books of Estland's castle fiefs and manor fiefs are deposited in the Swedish National Archives collection, including Tallinn's invoices from 1561–1621: SRA, Baltiska fogderäkenskaper, vol. 1–19. Estland's castle fiefs and bailiwicks have been studied chiefly from institutional and administrative aspects, providing an overview of castle fiefs, their size, the usage of their land, the tax burdens imposed on the peasants, as well as the enfeoffment of crown land into private hands: Almquist. *Den civila lokalförvaltningen i Sverige 1523–1630*, 546–618.

By the turn of the year from 1581 to 1582, Sweden brought the conquest of Estland and Ingria to completion. A three-year truce was signed with Russia on 10 August 1583 near Narva at the mouth of the Plussa River. It was later extended to the start of 1590. The land that had been devastated by war had the chance to recover. Although the political situation was unstable and the threat of war was great, Johan III decided to use the peacetime that had arrived to establish civil authority in the captured territories and to solve topical economic and domestic political problems. The king considered making the province of Estland independent of Swedish aid to be one of the main tasks. When he met with Tallinn's envoys in Uppsala in the summer of 1582, the king issued a memorial in which he responded to the city's numerous complaints. Namely, the Tallinners had complained to the king about the long and debilitating war, the two sieges that the Russian forces had subjected the city to (in 1570/1571 and 1577), the difficult economic situation, the suspension of foreign trade, the poverty of the city's merchants, competition in trade from neighbouring towns, first and foremost Narva, and other such complaints. The king disagreed with the envoys and claimed that the Swedish state had borne a great military burden and shed blood while defending the city in the past long war yet, as Johan III said, 'His Royal Majesty until that time had not even received a penny from that country.'²⁷

After the signing of the Plussa Truce, the king was even more specific, announcing in October of 1583 that he could no longer burden the inhabitants of Sweden and Finland with additional taxes in order to feed Estland's fortresses.²⁸ At the same time, this claim was to a great extent declarative. The province's opportunities for managing on the strength of its own means — to maintain fortresses, the army, the civilian administration, churches, and other such matters — were slender. Assistance from Sweden-Finland continued over the course of many decades. The guidelines issued in 1588 to Gustaf Banér, the Statthalter (viceroys) of Estland, Livland and Ingria, regarding the fulfilment of his official duties are evidence of this. According to these guidelines, the maintenance of the army was to come from Finland as before.²⁹ Duke Charles also arrived at the demand that every province should maintain its fortresses on its own after signing the peace treaty with Russia at Teusina. Thereafter the supply of means from Sweden decreased considerably, but not the supply from Finland.³⁰

²⁷ Memorial from Johan III to Tallinn's envoys, in Uppsala on 2 August 1582, § 2: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 5, fol. 66v–67v.

²⁸ Berndt Federley, *Konung, ståtbållare och korporationer: studier i Estlands förvaltning 1581–1600* (Helsinki: Societas scientiarum Fennica, 1962), 46; Order from Johan III to Villiam Vallas in Ivangorod, in Stockholm on 15 October 1583: SRA, riksregistraturet, vol. 68, fol. 296.

²⁹ Federley, *Konung, ståtbållare och korporationer*, 46; Johan III's guidelines to Gustaf Banér for the discharge of his official duties, in Uppsala on 5 October 1588: SRA, Riksregistraturet, vol. 75, fol. 215.

³⁰ Federley, *Konung, ståtbållare och korporationer*, 88–89.

The establishment of the pound toll in Tallinn

Although royal authority had tied its own hands in 1561 by granting extensive privileges and prerogatives to Estland's estates and had allowed Tallinn's town council to retain the right to contest the state's demands, Stockholm did not helplessly look on at what was taking place on the other side of the Baltic Sea. Royal authority constantly sought opportunities for getting around the freedoms promised in the privileges. One opportunity to add extra money to the provincial budget was to tax trade by way of tolls, as had been done in Swedish and Finnish towns since the times of Gustav Vasa and his sons when they in turn became king,³¹ and in Narva after its capture in 1581.³² Moreover, it was possible to bring cash into circulation in this way.

As a rule, the import and export of goods was not taxed in Hanseatic League towns in the Middle Ages. Yet the League did from time to time request financial and military support from its members in order to implement a unified military policy. A tax of four pennies per pound on all goods and ships that departed from or arrived at a Hanseatic port was established for the first time as one measure in the war against Waldemar IV in 1361. A tax was imposed in 1367 using the term *pundgheld* (pound money) for the first time. The pound toll was collected on ten occasions in 1361–1400, and even more frequently in the fifteenth century.³³ Tallinn also participated in these Hanseatic League pound toll campaigns.³⁴ The pound toll was already being collected in Tallinn relatively regularly in the fifteenth century, and that money was transferred to the Hanseatic League when necessary.³⁵ The city's previous rulers — the king of Denmark and the master of the Livonian Order — had not restricted the movement of goods in Tallinn's port for their own benefit by imposing tolls.³⁶ Hence, similarly to the state's previous rulers, Sweden's royal authorities refrained from taxing Tallinn's trade in 1561 and 1570. The state did not touch the right of the city of Tallinn itself to tax foreign trade with some tolls. This leaves the impression that the city did not collect tolls in its port in the first years of the Russian-Livonian War. Yet since the city had found itself in financial difficulties due to the war, Tallinn's town council decided in 1568 with the approval of the city's burghers to establish an 'irregular little toll' (*ein liederlicher geringer Zoll*), the revenues of which remained at the

³¹ Birgitta Odén, *Rikets uppbörd och utgift. Statsfinanser och finansförvaltning under senare 1500-talet* (Lund: Gleerup, 1955), 98–103, 296–305.

³² Attman, *Den ryska marknaden*, 301–304.

³³ Philippe Dollinger, *Die Hanse*, 2nd ed. (Stuttgart: Kröner, 1976), 99, 111, 276; Johannes Schildhauer, Konrad Fritze, Walter Stark, *Die Hanse* (Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1982), 102. Reinhard Vogelsang, ed., *Revaler Schiffslisten 1425–1471 und 1479–1496* (Köln — Weimar — Wien: Böhlau, 1992), XVI–XVII.

³⁴ Alfred Ritscher, *Reval an der Schwelle zur Neuzeit 1. Vom Vorabend der Reformation bis zum Tode Wolters von Plettenberg (1510–1535)* (Bonn: Kulturstiftung der Deutschen Vertriebenen, 1998), 187–189.

³⁵ Reinhard Vogelsang, ed., *Kämmereibuch der Stadt Reval 1432–1463* (Köln — Wien: Böhlau, 1976), p. 7; Vogelsang, *Revaler Schiffslisten*, XVIII–XXIII.

³⁶ Paul Johansen, Heinz von zur Mühlen, *Deutsch und Undeutsch im mittelalterlichen und frühneuzeitlichen Reval* (Köln — Wien: Böhlau, 1973), 70, 74.

disposal of the city, to cover the large debts that the city had incurred.³⁷ The new toll once again started being called the pound toll. As the invoices and other contemporary documents of the accounting office (*Kemmerer*) of Tallinn's town council demonstrate, the city had started receiving pound toll revenue³⁸ by taxing the export of goods at the rate of 2% of the value of the goods.³⁹ The toll revenue received remained at the disposal of Tallinn's town council.

The opportunity to tax Tallinn's foreign trade arose after Johan III decided on 7 September 1583 to designate Narva as the centre for trade between Sweden and Russia after signing a truce with the Muscovite state. The king wished to earn profit from transit trade with Russia in the form of toll revenue. The tsar's decision to route Russia's foreign trade through Pskov, however, prevented this wish from being fulfilled. At the same time, Tallinn agitated vigorously against Narva. The city's good port and warehouse facilities, the high quality of the sortation of goods, favourable prices, the fortification of the city and its capacity to better control the shipment of military materials to Russia were highlighted in a letter sent to the king on 13 September 1583 as reasons why Tallinn itself should be the staple town for transit goods instead of Narva. Tallinn considered trade with Russia to be the foundation for the city's well-being. Small shops were sufficient to meet the trade needs of Narva, Vyborg and Helsinki in the opinion of Tallinners. Tallinn's town council sent a delegation to the king in June of 1584 to request that Tallinn be designated as the staple town for transit trade.⁴⁰

It is evident from Tallinn's later rhetoric that at its audience with the king, the city was prepared to relinquish some part of its toll revenues to the crown in the name of regaining its status as the staple town for foreign trade, initially having in mind the idea of splitting the revenues in half.⁴¹ The town council's offer was to a great extent inevitable because it realised that if Narva's trade was to be halted and the state was to be deprived of toll revenues from that town,⁴² Tallinn would have to offer something in return. Seeing that the overwhelming majority of foreigners, except for the Lübeckers, were not interested in trading in Narva under the terms set by the Swedish authorities and preferred

³⁷ Letter from Tallinn's town council to the royal commissars Axel Oxenstierna and others when they were staying in the city, in Tallinn on 23 August 1609: TLA, f. 230, op. 1, d. Ba 16, fol. 90–90v.

³⁸ Fragments of the accounting office books from 1540–1585: TLA, f. 230, op. 1, d. Ad 52/II; and from 1582–1612: TLA, f. 230, op. 1, d. Ad 66.

³⁹ Tallinn's town council transcript from 27 April 1574: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 14, fol. 561.

⁴⁰ Attman, *Den ryska marknaden*, 297–300, 307–309, 315–317; Attman, *The Struggle for Baltic Markets*, 125–127. Tallinn's envoys were in Uppsala at an audience with Johan III on 4 August 1584: TLA, f. 230, op. 1, d. Bh 62/I, fol. 367.

⁴¹ See for instance Tallinn's town council to Charles IX, in Tallinn on 15 May 1604: SRA, Livonica II, vol. 43 or to the royal commissars Axel Oxenstierna and others, in Tallinn on 23 August 1609: TLA, f. 230, op. 1, d. Ba 16, fol. 90–90v.

⁴² The Swedish authorities had taxed Narva's trade immediately after capturing the town. Starting from the first half of 1584, a 1.5% toll was collected from both imports and exports: Attman, *Den ryska marknaden*, 303.

trade routes that passed through Poland, Riga or Archangelsk, the crown accommodated the request of the Tallinners. On 25 August 1584, Johan III issued a resolution according to which ship voyages of foreigners, so to speak, would henceforth no longer be permitted to extend further east past Tallinn, while at the same time, Swedish subjects retained the right to sail to Narva and to trade there. The king made two decisions regarding the toll: firstly, one third of the received toll was left to Tallinn's town council for the upkeep of buildings and to cover other expenses; secondly, the state was begin receiving toll revenues from Tallinn starting in 1586.⁴³ The state took $\frac{2}{3}$ of the pound toll for itself in 1586–1593 and 1618–1621. Toll revenues were split in half with the city in the interval 1594–1617 and from 1622 to the end of the period of Swedish rule. The toll was collected at the rate of 1.5% of the value of the goods that were being transported until the summer of 1623, and thereafter at the rate of 3%. The toll revenues from Tallinn that started being received by Sweden's state treasury were the first regular tax that the state received from Estland and which remained in place until 1710. At the same time, it is important at this point to note that the nobility, which starting in 1584 formed the unified Knighthood of Estland, started discharging their traditional cavalry service obligation to the state,⁴⁴ which substantively was also a tax.⁴⁵

Since Tallinn's trade had declined during the wars, the amounts that the state received from the pound toll at the end of the sixteenth century and in the first two decades of the seventeenth century remained in the range of 2,000, and slightly more, riksdalers. The period from St. Bartholomew's Day of 1623 to St. Bartholomew's Day of 1629 is an exception, when the portoriums of Tallinn, Helsinki, Porvoo and Narva were rented to the city of Tallinn, and Tallinn took on the obligation to pay 12,000 Swedish dalers, or 6,857 riksdalers, to the state every year.⁴⁶

⁴³ Johan III's resolution to Tallinn's envoys, in Uppsala on 25 August 1584, § 4: *Die Quellen des Revaler Stadtrechts*, 181; TLA, f. 230, op. 1, d. Bh 62/I, fol. 208. The first of the city's toll books in Tallinn's City Archives and Sweden's National Archives is from the years 1586–1587: TLA, f. 230, op. 1, d. Ag:a 5; SRA, Östersjöprovinsernas tull- och licenträkenskaper, vol. 1: Revals pundtull 1586–1587.

⁴⁴ During the period of rule by the Livonian Order, the Knighthood of Harju-Viru, which was the predecessor of the Knighthood of Estland, had formed a troop of nobles in the service of the master of the order. This troop was lost after the province came under Swedish rule since the greater portion of the troop's recruiting area was in the hands of the enemy. It was only after Northern Estonia conclusively became part of the Swedish state that a new troop of nobles from Estland was formed in 1584 at the initiative of Pontus De la Gardie with the obligation of providing one armed cavalryman for every 20 (later 15) populated or unpopulated *adramaa* units (the *adramaa* is a measure of land that is somewhat similar to the English *ploughland*): Federley, *Konung, ståthållare och korporationer*, 37, 85–96.

⁴⁵ Klaus-Richard Böhme, "Schwedische Finanzbürokratie und Kriegführung 1611 bis 1721," in *Europe and Scandinavia. Aspects of the Process of Integration in the 17th Century*, ed. Göran Rystad (Solna: Esselte Studium, 1983), 53.

⁴⁶ For further information on Tallinn's toll rental, see: Melander, "Die Revaler Zollrende 1623–1629," 237–272; Küng, "See tubli linn muutub tühjaks ja lagedaks", I, 33–37; II, 4–10. Swedish dalers as units of account, which were locally called master dalers (*Herrentaler*) and had a fixed value of 32 öre, were in use in Tallinn in parallel with riksdalers in the first third of the seventeenth century. The value of the riksdaler, according to Tallinn's pound chamber, was 36 öre in 1586–1595, 40 in 1596–1613, 48 in 1614–1623, and 56

Table 1. Collection of pound toll in Tallinn in riksdalers

Year	Total amount	State's share	City's share	Year	Total amount	State's share	City's share
1586	2,806	1,871	935	1618	2,289	1,526	763
1587	2,639	1,759	880	1620	2,560	1,707	853
1605	3,077	1,539	1,555	1621	2,827	1,885	942
1606	3,740	1,870	1,870	1622	3,954	1,977	1,977
1607	4,861	2,430	2,398	January — August 1623	3,240	1,620 + 6,857	1,620
1608	3,948	1,973	1,973	August 1623 — August 1624	9,981	1,562 + 6,857	1,562
1609	3,891	1,976	1,913	August 1625 — August 1626	9,677	1,586 + 6,857	1,582
1610	3,204	1,602	1,602	August 1626 — August 1627	11,028	2,085 + 6,857	2,085
1611	2,787	1,394	1,393	August 1627 — August 1628	8,457	800 + 6,857	800
1612	3,010	1,505	1,505	August 1628 — August 1629	10,176	1,660 + 6,857	1,660
1613	3,200	1,600	1,920	August — December 1629	1,884	942	942
1614	2,667	1,333	1,446	1630	5,220	2,610	2,610
1615	3,117	1,559	1,558	1631	4,700	2,363	2,350
1617	2,736	1,463	1,342	1632	4,959	2,480	2,479

Sources: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 764–771; SRA, Östersjöprovinsernas tull- och licenträkenskaper, vol. 2–6; TLA f. 230, op. 1, d. Ag 2, 3, 7–9, Ba 16, 17, Ba 35/IV

in 1623/1624–1632. The general term daler is used in this paper to refer to the Swedish, or master, daler: Enn Küng, “On the Use of Money in Tallinn in the First Half of the 17th Century,” in *Numismatics in the Centenary Year of the Baltic States*, ed. Frida Ehrnsten, *Numismatica Baltica* 2 (Tallinn: , 2019), 101, 112–113, <https://www.researchgate.net/publication/354403198> *On the Use of Money in Tallinn in the First Half of the 17th Century* (accessed December 17, 2021).

Tallinn's loan assistance in the latter half of the sixteenth century

One possibility for obtaining money and equipment for fortresses and military units located in Estland was to take loans from residents of the province, including Tallinners. This approach was employed primarily in those times when the state budget was tight and when maritime transport from Sweden-Finland to Tallinn stopped in the winter months or when the threat of a new war emerged. The state took on the obligation of paying back loans. As long as the crown had landed property in Estland, one possibility was to mortgage hamlets, parts of hamlets and farms, and also mills. According to the database drawn up by Jakob Koit on the basis of materials in the *Livländska donationskontorets arkiv* (Livland Donations Office Archive),⁴⁷ crown lands were periodically mortgaged to Tallinners. While this had not yet been done in the reign of Erik XIV, Johan III and Sigismund mortgaged lands to Tallinners on at least 19 occasions (see Table 2). Crown lands in Sweden were also not mortgaged in Erik XIV's reign, yet Johan III did so from the very start of his reign.⁴⁸

The state received money as well as 'various things that are indispensable for the castle' from Tallinn's burghers. For instance, the burgher Arent von Lohn gave the state 15 lasts of Aalborg herring and 5 lasts in Tallinn measure of rye with a total value of 6,180 marks, in return for which a hamlet consisting of five farms situated near the city was mortgaged to him (mortgage dated 23 April 1574). Three periods take shape in mortgaging lands at the end of the sixteenth century: 1572–1574, 1581–1582 and 1594. The first of these periods was the years following the Northern Seven Years War, when the finances of the Swedish state were in serious difficulties due to the payment of the first Älvsborg Ransom. At the same time, battles were being fought in Northern Estonia with the aim of capturing Narva. Even Tallinn's town council was one of the lenders in November and December of 1573. The first time, it received three hamlets in Harju County as collateral for a loan of 2,478½ dalers, 1½ marks and 1 shilling.⁴⁹ Thereafter it was given Järveküla Manor together with all its hamlets as collateral for 1,870½ dalers and 4 marks.⁵⁰ The king referred in a letter to Tallinn's town council in 1576 to the crown's debt, which had by that time grown to 4,000 dalers, in return for which 'a few manors' had been

⁴⁷ Jakob Koit has compiled a database of the enfeoffments carried out by the Swedish authorities in Estland. The author of this paper possesses a copy of that database. A card file with Koit's database is also available in the Estonian National Archives collection of digitised archival sources: <http://www.ra.ee/dgs/explorer.php?tid=934&tbn=1&lev=yes&hash=924c5d7bfad9b15af877c5f59fddfbf5> ().

⁴⁸ Odén, *Kronohandel och finanspolitik 1560–1595*, 65, 204. A substantial number of loans was taken out from abroad — from Danzig, Antwerp, London and elsewhere — during Erik XIV's reign, paying high interest rates for them as well as giving Swedish goods in return. It was no longer so easy for Johan III to obtain foreign loans: *ibid*, 84, 138–141, 148, 219.

⁴⁹ Estland's Statthalter Clas Åkesson's (Tott) mortgage, in Tallinn on 12 November 1573: Jakob Koit's database.

⁵⁰ Claes Åkesson and Pontus De la Gardie to Tallinn's town council on 24 December 1573: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 4, fol. 71–71v.

mortgaged to the city as collateral.⁵¹ Arnt Reier, for instance, emerged as a 'small lender' in 1574. In return for 320 dalers, he was able to continue his mortgage relationship regarding three hamlets that had already been at his disposal earlier.⁵² Yet in 1581–1582, the conquest of Estland was completed, when Tallinners once again loaned money and other items to the state. The year 1592 can be set apart from the third period. In that year, Hinrich von Lohn took over one of the crown's earlier debts amounting to 1,235 dalers, receiving in return mortgages of manors in Padise fief (mortgage dated 4 November of that year), and with three mortgages to cover a debt amount of 3,537.5 dalers in total (mortgages dated 14 May, 13 and 21 July of that year) in the summer of 1594.

Clearly, the data provided in Table no. 2 reflects minimum amounts. The state guaranteed the repayment of its debt to the lender by way of mortgaged manors. In the longer-term perspective, it was not profitable for the state to mortgage crown lands because mortgaged land holdings no longer contributed to state revenues.

Table 2. Mortgaging of crown lands to Tallinn's burghers in the last third of the sixteenth century

Period	Mortgages	Marks	Dalers	Amount not noted
1572–1574	8	13,184.5	4,669	2
1581–1582	5	1,000	4,750	1
1586–1597	6	3,000	4,954.5	1
Total:	19	17,184.5	14,373.5	4

The crown could also pay off its debt by offering goods in return. For instance, Burgomaster Hinrich von Lohn gave the state money and goods valued in total at 6,404 dalers for supplying and supporting German *Hofleute*.⁵³ It had been agreed that half of his loan was to be reimbursed from Tallinn's toll revenues and half in goods from Sweden. According to an inquiry that Tallinn's town council sent to Duke Charles in August of 1597, Lohn had not yet received money or goods to cover his loan.⁵⁴ It is difficult to say how this particular loan case was resolved due to the scarcity of

⁵¹ Johan III to Tallinn's envoys, in Svartsjö on 14 June 1576, §§ 5: *Die Quellen des Revaler Stadtrechts*, 176.

⁵² Johan III to Tallinn's town council, in Stockholm on 26 June 1574: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 4, fol. 84–85.

⁵³ Members of territorial defence forces from the local nobility who fought on the sides of different countries in Livonia during the Russian-Livonian War were referred to as *Hofleute*.

⁵⁴ Tallinn's town council to Duke Charles, rough draft, 10 August 1597: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 31, fol. 23.

relevant sources, yet as we will subsequently see, Hinrich von Lohn encountered further difficulties five years later in getting money back that he had loaned to the state.

Birgitta Odén has demonstrated that in 1576, grain, broadcloth, salt and other such materials were purchased for 11,000 dalers to meet the needs of Tallinn's fortress and soldiers. Of this amount, 2,000 dalers (about 18.2%) were borrowed from Tallinn's burghers at interest. The following year, the corresponding amounts were 12,000 and 8,600 dalers, which makes the proportion that was borrowed altogether 71.7%. Odén also notes that the goods were paid for primarily with Russian goods that had been seized by privateers on the Narva waterway, and that merchants had been given notably large quantities of copper from Stockholm.⁵⁵ It was quite common that repayments of debts tended to drag on over longer periods of time.

The state did not even end up paying back all the financial claims of Tallinn's town council. Hence Tallinn's envoys requested from Erik XIV in 1564 that money be paid back that had been given as an advance to *Hofleute* who had been in the king's service, without specifying the amount in question. The king thereupon found that he was not aware that he was in debt to the city. Yet if the city had given anything to his soldiers, Erik XIV promised to reimburse the expenses incurred upon the presentation of a verified invoice.⁵⁶ Similarly, Johan III refused in 1576 to pay the city his debt arising from his *Hofleute*, justifying this with the circumstance that most of the men had fled, meaning that they had switched sides, for which reason the king refused to take responsibility for them.⁵⁷

The most noteworthy assistance of that period from Tallinn for the Swedish Army was 10 lasts of gunpowder, a quantity of rye, and 'other supplies' that were loaned during the siege of Narva in August of 1581. A year later, Johan III assured Tallinn's town council that Commander-in-Chief Pontus De la Gardie was to pay back the loan in accordance with the applicable receipt,⁵⁸ yet the repayment of the aid dragged on. King Sigismund promised the reimbursement of the loan in April of 1594,⁵⁹ as did Duke Charles in the summer of 1602. The duke promised to send one last of gunpowder and sulphur from Sweden to Tallinn, and grain or butter from Finland in the autumn,⁶⁰ but by the spring of 1604 nothing other than one last of gunpowder had been delivered to Tallinn.⁶¹ Although Charles IX, who had ascended to the throne, affirmed in the summer of 1604 that he had

⁵⁵ Odén, *Kronohandel och finanspolitik 1560–1595*, 255, 342.

⁵⁶ Erik XIV's reply to Tallinn's envoys, near Hölö on 1 July 1564, § 2: *Die Quellen des Revaler Stadtrechts*, 166.

⁵⁷ Johan III to Tallinn's envoys, in Svartsjö on 14 June 1576, § 3: *Die Quellen des Revaler Stadtrechts*, 176.

⁵⁸ Johan III's memorial to Tallinn's envoys, in Uppsala on 2 August 1582, § 2: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 5, fol. 67v.

⁵⁹ Sigismund's resolution to Tallinn, in Stockholm on 22 April 1594: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 30, fol. 40v.

⁶⁰ Resolution from Duke Charles to Tallinn's envoys, in Stockholm on 8 July 1602: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 44, fol. 68–68v.

⁶¹ Tallinn's town council to Duke Charles on 12 October 1602: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 30, fol. 147; and on 15 May 1604: SRA, *Livonica II*, vol. 43.

sent gunpowder, saltpetre and sulphur to Tallinn in quite large quantities,⁶² the town council noted a baker's dozen years later that of the 10 lasts of gunpowder that had been promised, 'a considerable portion remained outstanding.'⁶³ Gustav II Adolf similarly promised in the spring of 1618 to send the gunpowder that was owed to Tallinn as soon as the navigation season began.⁶⁴ Hence the reimbursement of this particular loan assistance dragged on for almost forty years.

It is clear that the loans and assistance that the Swedish authorities requested from Tallinn's town council and burghers in the latter half of the sixteenth century were paltry compared to the expenditures that the state made to support and maintain the soldiers and civil servants stationed in Estland, to supply and maintain fortresses, as well as to run the administration of church life. At the same time, Tallinners were not the only ones from whom loan assistance was requested. Hence for instance, Stockholm's burghers also loaned large sums to Erik XIV, Johan III and Duke Charles. The debts that were owed to them were paid in furs, Swedish copper, and other such goods.⁶⁵

Financial relations between Tallinn and Duke Charles / Charles IX

The power struggle between King Sigismund and Duke Charles culminated in 1599/1600 with the duke's victory, when Sweden's estates swore an oath of loyalty to him as king. In July of 1600, Duke Charles succeeded in convincing Sweden's estates to allot extensive means for taking armed forces to Estland: a total of 10,000–12,000 men were sent across the sea. The Swedish-Polish War broke out in September of that year.⁶⁶ Duke Charles tried to acquire as much financial means as possible for waging war. Additional tolls were imposed on foreign trade in Sweden-Finland, toll rates were raised, and irregular taxes were announced.⁶⁷ Tallinn's toll rates were not changed. They remained at 1.5% of the value of the goods in question. As before, Estland relied on Swedish and Finnish finances, the province's crown land holdings, revenues from Tallinn's pound toll, and loans.

Duke Charles conveyed his first requests for assistance, which did not yet include specific amounts, in a letter to Tallinn's town council on 11 October 1600, when he asked the town council to influence its burghers to send all manner of necessities to his

⁶² Charles IX's resolution to Tallinn's town council, in Stockholm on 31 July 1604: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 30, fol. 164v.

⁶³ Instruction from Tallinn's town council to its envoy Bugislaus Rosen on his trip to Sweden on 6 August 1617: SRA, Livonica II, vol. 44.

⁶⁴ Gustav II Adolf to Tallinn's town council, in Stockholm on 7 March 1618: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 55, fol. 93–94v.

⁶⁵ Ericson, *Borgare och byråkrater*, 321; Odén, *Kronohandel och finanspolitik 1560–1595*, 65, 338–341.

⁶⁶ Lars-Folke Landgrén, *Tvekampen 1521–1611, Krigen kring Östersjön 2* (Helsingfors: Schildts, 2008), 189–191.

⁶⁷ Jan Lindegren, "Den svenska militärstaten 1560–1720" *Magtstaten i Norden i 1600-tallet og dens sociale konsekvenser. Rapporter til den XIX Nordiske historikerkongres*, ed. Erling Ladewig Petersen, vol. 1 (Odense: Odense Universitetsforl., 1984), 110; Sandberg, *I slottets skugga*, 68, 73, 74, 78, 104–105.

soldiers — beer, bread, salt, shoes, and other items — promising to pay for those goods. On 26 October of that same year, with reference to his plan to unify Livonia into a complete whole, the duke wanted soldiers and/or money from the city.⁶⁸ The duke was already more specific at the end of November, asking the city for a loan of at least 15,000 dalers. The duke justified his request by the circumstance that winter had unexpectedly arrived, which limited the possibility to bring money and other supplies from Sweden to Estland. The duke promised to pay the loan back with money received from Tallinn's toll.⁶⁹ Tallinn complied with the duke's request and promised to lend an amount, the size of which is not mentioned in sources. Additionally, the duke wished to borrow 3,000 dalers of Tallinn's toll revenues. Although the town council did not give him this amount,⁷⁰ a few private persons expressed their willingness to give loans to the state. For instance, Burgomaster Hinrich von Lohn was prepared to lend 1,000 dalers,⁷¹ and at about the turn of the year, the burgher Valentyn Kruse contributed 'a considerable sum' of money as a loan.⁷²

The war did not stop in the winter of 1600/1601. Duke Charles launched preparations in Paide for capturing Tartu: the city capitulated on 27 December. In addition to the money that had been given as a loan, Tallinn agreed at the end of 1600 to send a troop of soldiers for two months to help in besieging Tartu. Their upkeep remained the responsibility of the city, for which the town council allocated its share of toll revenues.⁷³

The duke's need of money was permanent, for which reason he offered to rent the state's share of the city's pound toll to the town council at the start of May, 1601 when he was in Tallinn. The town council deliberated the offer and informed the duke that it could pay 3,500 riksdalers per year as rent on the condition that voyages to Narva by foreigners be discontinued, Tallinn be designated as the staple town, no other toll be introduced alongside the pound toll, and nobody be exempted from paying toll. These conditions were accepted and on that very same day, the town council had to hand over the first

⁶⁸ Duke Charles to Tallinn's town council, from Uus-Pärnu on 11 October: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 43, 44; and from Viljandi on 26 October 1600: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 44, fol. 22.

⁶⁹ Duke Charles to Tallinn's town council, from Paide on 24 and 26 November 1600: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 44, fol. 26–27. In addition to money, the duke wanted a number of soldiers from the city to come to his aid.

⁷⁰ Tallinn's town council to Duke Charles, on 20 December 1600: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 30, fol. 99–101.

⁷¹ Duke Charles to Tallinn's town council, from Paide on 6, 8 and 14 December 1600: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 44, fol. 32, 36, 40. As emerges from the duke's letter dated 8 December, a sum of money had also arrived in Tallinn by that time from Sweden-Finland, along with a large quantity of soldiers' footwear and fulled homespun from Finland. Tallinners were to forward these to Paide along with the borrowed money.

⁷² On 13 November 1601, Duke Charles decided to pay 3,500 dalers of the loan back to V. Kruse from Tallinn's toll revenues: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 31, fol. 28.

⁷³ Tallinn's town council to Duke Charles, on 20 and 30 December 1600 and 3 January 1601: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 30, fol. 100–100v, 102, 104v–105; Estland's Statthalter Mauritz Stensson Leijonhufvud to Duke Charles, on 21 December 1600: SRA, *Livonica II*, vol. 3. These sources do not indicate whether Tallinn actually sent men to the battlefield and if so, how many.

600 riksdalers to the duke's treasury.⁷⁴ On 14 May, Duke Charles sent a letter to Tallinn's town council affirming that he had rented the pound chamber to the city for two years, that is until 14 May 1603, for the amount of 7,000 riksdalers, of which half had to be paid in the first year and the other half of the amount in the following year. For his part, Duke Charles promised to maintain the ban on voyages to Narva by foreigners.⁷⁵

Tallinn signed a two-year toll rental agreement in a situation where Duke Charles was successful on the battlefield in Livland. By the spring of 1601, in addition to Koknese and the city of Riga, almost all of historical Livonia was in the hands of the Swedes. Yet the fortune of war already turned in favour of the Poles in the summer of that same year of 1601 and their success continued in the subsequent years as well. On top of that, the crop failure of the preceding summer made itself felt in the winter of 1601–1602. Famine accompanied crop failure in 1602 and 1603, followed by the plague.⁷⁶ The export of grain also came to a halt.⁷⁷ Polish forces launched an intense offensive on the Livland front in March of 1602. They succeeded in capturing Viljandi, Rakvere and Paide: they were at the very walls of Tallinn in mid-June. Tartu capitulated to the Poles in April of 1603.⁷⁸ Tallinn's economic situation worsened sharply, the city's debt burden grew, and there was a shortage of means for the functioning of everyday life. At the same time, the city had to contribute to the upkeep of the Swedish Army⁷⁹ and to supply fortresses as before. In the situation that had taken shape, Tallinn's town council informed the duke on 7 March 1603 that after the first year of toll rental, it had terminated the agreement and transferred the collection of tolls to the burgher Valentyn Kruse.⁸⁰ In turn, Kruse's loan to the state was reimbursed in this way.

In this difficult economic situation, Duke Charles was also forced to mortgage crown lands to cover the loans he had taken out from Tallinners. Four mortgages made by Tallinn's castle authorities in the duke's name date from the first four months of 1602. A total of 3,547 dalers (1 daler = 32 öre) and 600 riksdalers (1 riksdaler = 36 öre)

⁷⁴ Report from Tallinn's town council on negotiations with Duke Charles' advisor Lubbert Kavier and secretary Per Nielsson, in Tallinn on 9 May 1601: TLA, f. 230, op. 1, d. Ba 16, fol. 58–58v.

⁷⁵ Duke Charles to Tallinn's town council, in Tallinn on 14 May 1601: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 49, fol. 3–3v.

⁷⁶ Marten Seppel, "1601.–1603. aasta näljahäda Eestimaal. I. Kronoloogia, ikalduse ulatus ja sissetulekute langus" [The famine of 1601–1603 in Estland I. Chronology, the scope of the crop failure, and the decrease in incomes] *Tuna. Ajalookultuuri Ajakiri* 2 (2014), 33–49; Marten Seppel, "1601.–1603. aasta näljahäda Eestimaal. II. Asustuse vähenemine, näljaabi ja kannibalism" [The famine of 1601–1603 in Estland II. Decline in settlement, famine relief and cannibalism] *Tuna. Ajalookultuuri Ajakiri* 3 (2014), 25–43; Marten Seppel, "1603. aasta katk Tallinnas Georg Mülleri tuluraamatu põhjal" [The plague of 1603 in Tallinn on the basis of Georg Müller's revenue book] *Tuna. Ajalookultuuri Ajakiri* 3 (2017), 30–44.

⁷⁷ See for instance the rough draft of the letter from Tallinn's town council to Narva's Statthalter Samuel Nielsson dated 17 February 1602, according to which the export of grain from Tallinn was halted. A large increase in grain prices is also mentioned: TLA, f. 230, op. 1, d. BA 6, fol. 43–43v.

⁷⁸ Landgrén, *Trekampen 1521–1611*, 193; Laidre, *Domus belli*, 676–686.

⁷⁹ For instance, the city agreed on 1 April 1602 to provide for 70 soldiers in the service of the duke with 300 riksdalers for two months: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 30, fol. 282.

⁸⁰ Tallinn's town council to Duke Charles, in Tallinn on 7 March 1603: SRA, Livonica II, vol. 43.

was obtained from four Tallinn burghers. Of these burghers, Eberhardt Möller provided a noteworthy loan to the extent of 3,147 dalers, receiving Kiviloo Manor with 37 German ploughlands (mortgage dated 2 March 1602) as collateral until the repayment of the loan.⁸¹ In the subsequent period, Tallinners did not receive mortgaged crown lands to cover loans through to the end of the reign of Duke Charles/Charles IX.

When envoys from Tallinn's town council were visiting Duke Charles in Stockholm in the summer of 1602, the question of providing financial loans arose, whereas the duke found that Tallinners wanted him to halt Narva's trade and to channel foreigners to Tallinn, but that Tallinners themselves had not complied with the crown's wish for contributions, additional taxes and loans.⁸² In the course of negotiations, the duke presented the city with yet another request for a loan of 2,000 dalers, promising Finnish butter in return. The town council rejected the loan request, referring to the city's large debt burden resulting from the long war. At the same time, it was claimed that when Paide was under siege by the Poles, Tallinn had already provided a loan of 23 lasts of rye and more than 4 lasts of barrel salt. The envoys further stated that in order to obtain these goods, the city had been forced to pawn off its silver objects.⁸³

Based on the account books of Tallinn's castle fief from 1601–1603, consignments of money and foodstuffs from Tallinn's town council and burghers to the city garrison catch the eye. While monetary calculation was used in contemporary correspondence, calculation in kind prevails in the account books. Hence the town council sent at least 1,000 riksdalers and 515 bushels of rye to the castle in those years, while in total, Tallinn's burghers gave on loan at least 40 riksdalers, 418 bushels of rye, 30 bushels of barley, 90 bushels of malt, 5 barrels of herring, and 6 casks of wine, with other goods in smaller quantities. A noteworthy lender was once again Hinrich von Lohn, who gave the castle one last of rye, 24 bushels of malt, 45 oxen, 7 steers, 33 cows, 14 calves, 36 sheep, 16 lambs, 2 rams, 13 goats and 18 chickens in the 1602/1603 accounting year. The same account books also indicate repayments that took place in different types of grain. Specific loans and repayments are difficult to correlate.⁸⁴

Alongside local market produce, the state also once again offered Swedish and Finnish goods as collateral for loans. Taking Hinrich von Lohn as an example, at the request of the duke he had already given 8,000 dalers to the Swedish Army at some

⁸¹ Estland's Governor Duke Johann Adolf's mortgages from 27 January, 2 March and 25 April 1602, and Statthalter Mauritz Stensson Leijonhufvud's mortgage from 30 March 1602. Kiviloo Manor was still mortgaged and in the possession of Eberhardt Möller on 12 August 1614 because according to the mortgage approved by Axel Oxenstierna, Möller had lent 4,104 dalers to the crown 'in past years for paying soldiers.' The mortgage was set to end on 26 September 1614: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 42, fol. 305; Jakob Koit's database.

⁸² Resolution from Duke Charles to Tallinn's envoys, in Stockholm on 8 July 1602: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 44, fol. 67–69v.

⁸³ Tallinn's town council to Duke Charles, on 5 August 1602: SRA, Livonica II, vol. 43.

⁸⁴ SRA, Baltiska fogderäkenskaper, vol. 16, vol. 17.

point around 1600/1601. In the winter of 1601, at the request of Statthalter Mauritz Stensson Leijonhufvud, he gave an additional 225 dalers to the cavalry, and 423 dalers to the castle for the purchase of livestock, for a grand total of 8,648 dalers in loans.⁸⁵ The duke had 'with his hand and seal' promised Lohn that this loan as well as the one that he would in the future lend to the crown would be paid in Stockholm in the summer of 1602 either by way of a bill of exchange from Lübeck or by Swedish copper and iron. Lohn sent his employee to Stockholm in the summer of 1602 to receive the repayment of the loan, but that employee left Stockholm emptyhanded. Regardless of the amount that was owed, Lohn was the one that was prepared to lend cash and grain valued at the above-mentioned 2,000 dalers to the state because, as the Governor of Estland Andreas Lindersson (Anders Lennartsson) noted, '*...the fortress here is in great need of money under the country's current conditions, yet very little of this money can be expected from Finland due to the lateness of the year.*' Yet Lohn tied the giving of the new loan to the repayment of the old debt. The governor recommended that the burgomaster's offer be accepted. That would have increased the state's debt to 10,648 dalers.⁸⁶ Lohn ultimately did not lend that 2,000 dalers to the crown.

The employees that Hinrich von Lohn sent to Stockholm in the subsequent years as well did not bring back repayments of his loans. Instead, when they were in the capital, they increased the burgomaster's expenses even further. As can be seen from Lohn's letter to King Charles IX from the summer of 1606, the king had at some point issued an order to pay the Tallinner back the debt, which was already valued at 9,060 dalers, from Finland. Lohn had waited for a year and a half and had received goods valued at a total of 3,600 dalers. Yet when Lohn deducted all the expenses associated with giving the loan, and the fact that the commodities had been given to him at a price that was higher than their market value, he had not received even 2,000 dalers back according to his own estimation. Lohn sent his employee back to Stockholm to have the goods that had been allotted from Finland reassessed, and also to have reimbursed the part of the loan that was yet to be repaid either in Stockholm in the form of copper and other goods, or as a bill of exchange from Lübeck.⁸⁷ Hinrich von Lohn presumably waited for his loan to be paid back for a few more years. Hence in 1607, Charles IX prescribed the reimbursement to Lohn of 'money that had already been given as a loan years ago' in the amount of

⁸⁵ These loans are not recorded in the accounts book of Tallinn's castle fief.

⁸⁶ Andreas Lindersson to Duke Charles, in Tallinn on 3 November 1602: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 39, fol. 247, 250–251; Tallinn's town council to Duke Charles, on 19 February 1603: SRA, Livonica II, vol. 43; certificate from Tallinn's town council to Hinrich von Lohn, in connection with the trip to Stockholm by the burgher Thomas Eicke, his business partner whom Lohn authorised to represent him, on 18 February 1603: TLA, f. 230, op. 1, d. BA 6, fol. 65–65v.

⁸⁷ Burgomaster Hinrich von Lohn to Charles IX from Tallinn, on 1 August 1606: SRA, Livonica II, vol. 43.

1,000 dalers from Vyborg toll revenues, although that money was not to be found in Vyborg.⁸⁸

A new method for obtaining money from Tallinn's burghers emerged at the start of the seventeenth century in financial relations between the state and the city, namely by way of payment orders-bonds issued in Stockholm, which contemporaries called bills of exchange. This meant that the issuer of the bill of exchange in Stockholm, in other words the royal authority, addressed the bill of exchange to the drawee, that is Tallinn's town council and the city's burghers, with the wish that the city transfer the amount indicated on the bill of exchange to the castle authorities in Toompea. The issuer of the bill of exchange thus assumed a debt obligation to the city. Hence Duke Charles concluded an agreement with Stockholm's town council in October of 1602 that the town council would send a bill of exchange for 2,000 dalers to Tallinn's town council. The Tallinners had to accept the bill of exchange and give the amount indicated on it to Andreas Lindersson, the Commander-in-Chief of the armed forces in Livland. This money was meant for the acquisition of provisions, broadcloth and other such supplies for the army. Stockholm's town council assumed the obligation to pay this bill of exchange back to the Tallinners later in goods or cash either in Sweden or Lübeck. In essence, this was a loan from Stockholm's town council to the duke, which it was not possible to bring across the sea in the form of necessary goods due to the late season of the year.⁸⁹

At the turn of 1602/1603, Duke Charles forwarded a bill of exchange for 5,000 dalers to finance the defence of Pärnu from Lorentz Krause (Crause) to Tallinn to Andreas Lindersson, who had risen to the position of governor, and to the headman Adam Schrapfer. Lindersson and Schrapfer, in turn, worked out an agreement with the Tallinn alderman Johan Möller that he would give 200 bushels of rye worth 458½ riksdalers to cover part of the amount of the bill of exchange. It was agreed that Möller's loan would be covered using money from Lübeck. It is not apparent from the notice issued by the castle authorities whether Tallinners accepted the remaining amount of the bill of exchange as well.⁹⁰ It is likely that the full amount of the bill of exchange was not accepted because Tallinn's town council sent the duke an apologetic letter in mid-February noting that the burghers were unable to pay the bill of exchange from Lorentz Krause (the amount of which was indicated as 7,000 dalers in the letter). The excuse offered by the town council was that even the upkeep of the city's own soldiers alone cost the town council a great deal more than a thousand dalers per month.⁹¹

⁸⁸ Notice issued by Tallinn's town council on 12 August 1608: TLA, f. 230, op. 1, d. BA 10/I, fol. 97.

⁸⁹ Duke Charles to Tallinn's town council, in Stockholm on 12 October and 2 November 1602: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 44, fol. 71–71v, 76–77.

⁹⁰ Notice from the Governor of Estland Andreas Lindersson and headman Adam Schrapfer, in Tallinn on 27 January 1603: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 39, fol. 296–296v.

⁹¹ Tallinn's town council to Duke Charles, on 19 February 1603: TLA, f. 230, op. 1, d. BA 6, fol. 67.

Alongside the loans requested from the city, Duke Charles attempted to get Tallinn's town council to finance one of his military units. Hence the duke demanded in the summer of 1603 that arising from its privileges, the city accept the obligation for the upkeep of a troop of soldiers (400 men), paying 1,089 dalers per month. Understandably, the city did not agree to this, finding that it did not have such an obligation arising from its privileges. Furthermore, the city found that since the start of the war, Tallinn had shouldered the upkeep of more soldiers than the city's resources would have allowed, and thus the city had incurred large debts.⁹² As we shall see, the same demand arose again in the reign of King Gustav II Adolf.

As can be seen, the Swedish state sought money from the city of Tallinn in several different ways in the first couple of years of the seventeenth century — mortgaging lands, taking out loans and issuing bills of exchange. The town council and the community complied with the crown's requests as best they could, although grudgingly, and gave money and provisions. Yet due to intense warfare, the suspension of trade, and the extensive crop failures and plague that struck the land, Tallinn was economically ruined to such an extent at the end of 1602 that the state authorities did not request direct aid or loans from Tallinners from the summer of 1603 until the autumn of 1606, although the city nevertheless still had to make various expenditures in connection with ongoing warfare (see tables 3a and 3b). At the same time, on 3 June 1604, Charles IX once more offered the city the entire pound toll revenue for two years, but in return for this, the city had to maintain a 200-man troop of soldiers on the battlefield for a year.⁹³ In order to make Tallinn more attractive to foreigners as a trading centre than its neighbouring city Narva, Narva's import and export tolls were raised to 10% while Tallinn's toll tariffs remained unchanged.⁹⁴ Nevertheless, Tallin's town council did not want to accept the offer from Charles IX regarding the upkeep of soldiers, for which reason the king became angry and abandoned his plan, yet nevertheless left Tallinners with half of the toll revenue as before.⁹⁵ In the spring of 1604, the king succeeded in obtaining means at the Riksdag in Norrköping for continuing the war in Livland, yet the campaign ended with a severe defeat at Kirkholm on 17 September 1605. Sweden's estates once again approved the allocation of money at the 1606 Riksdag in Örebro, and thereafter war was waged with varying degrees of success until 1609.⁹⁶

In the autumn of 1606, Joachim Friedrich, the Count of Mansfeld who had been appointed commander-in-chief of the forces in Livland, launched a campaign in Livland.

⁹² Tallinn's town council to Duke Charles in response to his letter written on 15 July in Älvsånabben, on 20 August 1603: SRA, Livonica II, vol. 43.

⁹³ Charles IX to Tallinn's town council, in Nyköping on 3 June 1604: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 44, fol. 104.

⁹⁴ Charles IX to Tallinn's town council, in Nyköping on 15 May 1604: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 44, fol. 100.

⁹⁵ Charles IX's resolution to Tallinn, in Stockholm on 31 July 1604: *Die Quellen des Revaler Stadtrechts*, 191.

⁹⁶ Landgrén, *Trekampen 1521–1611*, 195–197.

Charles IX sent Tallinn's town council two letters in November of that year stating that he wanted 2,000 bushels of grain and 30 lasts of herring from the city to supply Livland's fortresses, and promising to repay these supplies. The king also wanted Tallinn to provide 2,000 dalers, like Stockholm had already done. Charles IX treated this sum of money as a non-repayable contribution. Here it is interesting to note that the king used a new rhetorical tactic in demanding this contribution, accentuating his view that the crown had protected Tallinners against both Russia and Poland, and while his Swedish subjects had parted with contributions and surcharges to finance waging war in Livland, Tallinn, which was the most directly affected by the war, had not contributed anything at all. According to Charles IX, a few barrels of gold and grain had been sent in cash every year across the sea from Sweden. Now Charles IX wanted Tallinn as well to contribute to the war effort.⁹⁷

The demand for contributions, in other words non-repayable financial aid, was a new phenomenon in the financial relations between the royal authorities and Tallinn. Tallinn's town council was unmoved by the king's rhetoric, instead already notifying the king at the start of December that Tallinners had contributed to the city's defence and had also given loans, and even now would gladly support Estland's fortresses with the requested quantity of grain and herring, but due to economic decline, especially in trade, the city's merchants had been ruined and lacked reserves. Furthermore, Tallinners had recently with great difficulty given 1,200 bushels of grain to support the fortress in Narva at the request of Narva's Statthalter, and had given large quantities of herring, broadcloth, money and gunpowder as a loan to supply Valmiera Castle.⁹⁸ The subject of contributions was taken up for deliberation at a session of Tallinn's town council on 5 January 1607, where it was rejected on the grounds that unlike Stockholm, Tallinn was not obliged to pay contributions since it was found that Tallinn was a free German town and that it had already sufficiently maintained soldiers and looked after guards, while also keeping walls and earthworks in order. Tallinners did not have money; its merchants had no income. According to information that the town council was privy to, Stockholm had not yet paid the contribution demanded of it either.⁹⁹

It is hardly likely that the town council's internal deliberation reached the king, but at the start of February, he reacted quite offendedly, vowing to open a new port at Pirita near

⁹⁷ Charles IX to Tallinn's town council from Stockholm, on 8 and 27 November: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 31, fol. 35–35v; TLA, f. 230, op. 1, d. BF 44, fol. 150–150v.

⁹⁸ Tallinn's town council to Charles IX, on 4 December 1606: SRA, Livonica II, vol. 43. There are two rough drafts of this same letter dated 4 and 6 December, which differ from the original letter that was sent to the king: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 30, fol. 182–184v; TLA, f. 230, op. 1, d. BF 46, fol. 70–73.

⁹⁹ Transcript of Tallinn's town council meeting from 5 January 1607: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 33, fol. 26.

Tallinn, where the town council would not be able prevent the crown from imposing tolls on goods however it wished, if the city refused to provide any aid.¹⁰⁰ In its reply sent to Charles IX on 11 April, Tallinn's town council remained steadfast at its previous positions regarding providing grain and herring as well as giving the requested contribution, stressing the city's great expenditures on the upkeep of the city's soldiers, the repair of cannons, and of earthwork and fortification walls. These expenditures were assessed as having been larger than the contribution that Stockholm had promised to the crown.¹⁰¹ Yet the king relented and changed the demand for a contribution to loan assistance, promising to repay the 2,000 dalers that the city would give for the upkeep of the cavalry with butter from Finland.¹⁰²

Yet Charles IX did not abandon the idea that Tallinn should pay contribution to the crown, rather he presented the town council with a proposal on 19 August 1607 stating that if the city wanted to permanently gain possession of half of the pound toll and the conclusive prohibition of voyages by foreigners to Narva, the city would have to accept several conditions. One of them was the payment of contributions in times when Sweden was at war.¹⁰³ The city rejected the king's proposals in December of that same year, requesting that irregular taxes not be demanded from the city.¹⁰⁴ When Tallinn's town council discussed the topic of contributions with Commissar of War Adam Schrapfer in August of 1608, it was noted that kings Erik XIV and Johan III had already demanded this irregular war tax from Tallinn but the city had refused to pay this money since it was in contradiction with the rights and customs that those same kings had affirmed for the city. Similarly, rhetorical complaining about the city's deplorable economic condition was part of the objections of Tallinners, along with complaints that the city's burghers had with great difficulties provided the upkeep for soldiers in wartime, while performing sentry duty day at night and bearing other burdens.¹⁰⁵ Discussion on the topic of paying contributions continued in 1609, when Privy Councillor Axel Oxenstierna and Chancellor Nils Chesnecopherus were in Tallinn as representatives of Charles IX.¹⁰⁶

¹⁰⁰ Charles IX to Tallinn's town council from Stockholm, on 3 February 1607: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 44, fol. 157.

¹⁰¹ Tallinn's town council to Charles IX, on 11 April 1607: SRA, Livonica II, vol 43.

¹⁰² Charles IX to Tallinn's town council from Stockholm, on 14 June 1607: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 44, fol. 162–162v.

¹⁰³ Charles IX's proposals to Tallinn, in Stockholm on 19 August 1607: *Die Quellen des Revaler Stadtrechts*, 197–198.

¹⁰⁴ Tallinn's town council to Charles IX, on 22 December 1607: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 44, fol. 36–38.

¹⁰⁵ Resolution from Tallinn's town council in response to Commissar Adam Schrapfer's oral inquiry, on 18 August 1608: SRA, Livonica II, vol. 43.

¹⁰⁶ Reply from Tallinn's town council to the royal commissars Privy Councillor Axel Oxenstierna and others, on 12 August 1609: SRA, Livonica II, vol 43; reply from the royal commissars to Tallinn's town council on 15 August 1609: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 52, fol. 7–11v.

Tallinn's town council firmly stuck to its guns and refused to give 6,000 dalers in loan assistance to the crown in the summer and autumn of 1608, affirming that it had conferred with the city's guilds, but the community was not prepared to lend money. The town council recommended that Commissar of War Schrapfer himself should speak with the merchants.¹⁰⁷ According to one of the more recent calculations made by the town council, the city itself had spent over 6,000 dalers per year on defence.¹⁰⁸ Nevertheless the town council and the city's burghers gave monetary loans to the state in 1608/1609. For instance, Joachim Friedrich, the Count of Mansfeld, approved the invoice for 2,931 riksdalers (at the rate of 40 öre per riksdaler) that had been received from the burgher Bugislaus Rosen. The count promised to have this amount paid in Lübeck by the coming Easter holiday.¹⁰⁹ At the start of 1609, the town council approved a 400-daler loan in connection with combat activity around the fortress at Daugavgrīva,¹¹⁰ and a loan of 2,000 dalers at the end of that same year.¹¹¹ It is somewhat surprising that the central authorities did not approach Tallinn with requests for aid and loans in the last two years of the reign of Charles IX.

The requests for contribution and loans coincided with the previously mentioned question raised by Charles IX on whether Tallinn had paid back the loan it received from Erik XIV in 1561. When Tallinn's envoy Berendt von Gertten was in Stockholm at the start of 1609, the intoxicated king blurted out the claim that the city had owed the crown altogether 85,000 dalers since the reigns of Erik XIV and Johan III.¹¹² The envoy's report does not specify what that amount consisted of.

Yet Tallinn's town council kept track of the city's expenditures as well. At some point in 1613, the town council had drawn up quite a detailed report on the city's monetary and other expenditures, starting from the arrival of Duke Charles in Tallinn on 9 August 1600 (in Tables 3a and 3b), and sent the report to Stockholm.¹¹³

¹⁰⁷ Resolution from Tallinn's town council in response to Commissar Adam Schrapfer's oral inquiry, on 18 August 1608; Tallinn's town council to Charles IX, on 30 August 1608: SRA, Livonica II, vol. 43.

¹⁰⁸ Tallinn's town council to Charles IX, on 12 August 1609: SRA, Livonica II, vol 43.

¹⁰⁹ 11 November 1608, the Count of Mansfeld Joachim Friedrich's notice, on 11 November 1608: TLA, f. 230, op. 1, d. BA 10/I, fol. 110. It is possible that Gustav II Adolf donated Kuksema hamlet with 16 ploughlands and Kagavere hamlet with 8 ploughlands, both in Järva-Jaani Parish in Järva County, to Bugislaus Rosen on 20 September 1613 due to the delay in paying back this loan, on the basis of Harju-Viru law, in return for which Rosen waived the debt of 1,200 dalers that he had lent to Charles IX: Jakob Koit's database.

¹¹⁰ Tallinn's town council transcript from 9 January 1609: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 34, fol. 18.

¹¹¹ Resolution of Tallinn's town council in response to the claim from the Count of Mansfeld Joachim Friedrich and Tallinn's Statthalter Andreas Larsson, on 20 October 1609: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 41/V, fol. 20–20v.

¹¹² Berendt von Gertten's letter to Tallinn's town council on his audience with King Charles IX on 6 January, in Stockholm on 10 January 1609: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 49, fol. 62–63.

¹¹³ SRA, Livonica II, vol. 239.

Table 3a. Tallinn's expenditures on warfare in 1600–1605 (riksdalers : öre)

Cash	6,147:25
656 bushels of bread	984:00
100 casks of beer	250:00
31 lasts and 18 bushels of rye	1,587:13
4 lasts and 2 barrels of salt	?
Total:	9,299:05

Table 3b. Tallinn's expenditures on the upkeep of soldiers and loans given by the city's burghers to the crown in 1600–1607/1613 (riksdalers)

1601	For the siege of Tartu, 100 soldiers for 3 months, at 1,800:00 per month	5,400:00
1602	For the defence of Paide, 60 German soldiers for 3 months, at 1,080:00 per month	3,240:00
1603	At Rakvere, 100 German soldiers for 3 months, at 1,800:00 per month	5,400:00
1605	At Paide, 50 Tallinn soldiers for 2 months, at 650:00 per month	1,300:00
1606	At Tartu, 60 soldiers for 3 months, at 1,080:00 per month	3,240:00
1608	At Pärnu, 100 soldiers for 3 months, at 1,080:00 per month	5,400:00
1600–1613	For the upkeep of 100–200 soldiers per year at 7,224:00 per year	93,912:00
1600–1613	For 53 artillerymen per year at 4,060:00 per year	52,780:00
1600–1613	Per year for supplying the artillery at 1,000:00 per year	13,000:00
	Unmarked expenditures	?
Total:		185,300:00
1600–1607	58 loans from Tallinn's burghers	94,000:00
Total:		279,300:00

The report of Tallinn's town council lists expenditures that went to the crown — provisions and money for the army, and the participation of the city's soldiers in the defence and siege of various fortresses. Yet there are also other expenditures like the upkeep and supply of local garrison soldiers. It does not emerge from the report to what extent the central authorities compensated the expenditures that had been made or dispensed concessions. The castle's account books for those years have not survived. At this point it can be added that according to a letter from Tallinn's town council to Gustav II Adolf in 1616, the city had given Charles IX a loan of 60,000 dalers in 1607

in response to an ordinance. The Tallinners complained in this letter that this was a heavy burden for them because at the same time, the city paid for the upkeep of a troop of German soldiers.¹¹⁴ At the same time, Tallinners who owned land holdings or had land at their disposal had to fulfil cavalry service obligations similarly to landowner nobles. As of 1608, 378 ploughlands of land were in the hands of Tallinners and according to the orders of Charles IX, they had to provide one fully armed and equipped cavalryman for every 10 ploughlands.¹¹⁵

Financial relations between Tallinn and Gustav II Adolf

The death of Charles IX and the ascension of Gustav II Adolf to the throne at the turn of the year 1611/1612 initially did not bring changes in financial relations between the state and the city. At the time of the transfer of power, Sweden was at war with three neighbouring countries — Poland, Russia and Denmark. Waging war required additional resources, but Gustav II Adolf did not turn to the city regarding the question of loans in the first year of his reign. The new king officially announced his ascension to the throne to Tallinn's town council on 20 June 1612.¹¹⁶ It was only in October of that same year that the king noted in a letter to the town council that he had ordered the Statthalter of Estland Gabriel Bengtsson Oxenstierna and a few war commissars to procure a sum of money from Tallinners¹¹⁷ without mentioning the size of that amount. On 29 December 1612, the king's letter was deliberated at a session of Tallinn's town council, where the size of the requested loan — 100,000 dalers — and the method of payment emerged — the city was instructed to pawn money from the pound chamber with 5% interest per year.¹¹⁸ Such a sum was clearly beyond the means of Tallinn's burghers, for which reason Statthalter Oxenstierna informed the king that it was not possible for the city to pay any more than 10,000 dalers. Furthermore, the city did not want to take the money from its toll revenues.¹¹⁹ The town council itself also informed the king of its inability to give financial aid to the crown in the late winter/early spring of 1613. Describing its extreme poverty and

¹¹⁴ Tallinn's town council to Gustav II Adolf, on 27 January 1616: SRA, Livonica II, vol. 44.

¹¹⁵ Charles IX to Tallinn's town council, in Örebro on 31 March 1608: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 31, fol. 40. For the sake of comparison, Tallinners provided 23.5 fully armed horses in 1639: Gierlich, *Reval 1621 bis 1645*, 258. In June of 1601, Duke Charles had already demanded the fulfilment of cavalry service obligations for the manors that had been mortgaged to the city, but this did not lead to results at that time: Greiffenhagen, "*Karl IX in Reval*," 593–595.

¹¹⁶ Gustav II Adolf to Tallinn's town council, in Vestergötland on 20 June 1612: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 55, fol. 2.

¹¹⁷ Gustav II Adolf to Tallinn's town council, in Stockholm on 21 October 1612: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 55, fol. 4.

¹¹⁸ Tallinn's town council transcript from 29 December 1612: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 36, fol. 753.

¹¹⁹ Gabriel Bengtsson Oxenstierna to Gustav II Adolf, in Tallinn on 12 February 1613: SRA, Livonica II, vol. 6.

large debts, the city instead asked for aid and support from the monarch to restore the city's economic life.¹²⁰

At the same time, the city of Tallinn gave aid to Tallinn's garrison in the late autumn of 1612. Namely, when Gabriel Bengtsson Oxenstierna arrived in Estland on 2 October to take office, he essentially found a complete lack of supplies, including munitions, gunpowder, lead, cannons, provisions, and other such necessities. According to Oxenstierna, the cavalrymen also had not been paid their wages — for 116 horses at 20 dalers each, which according to the governor's calculations made 2,324 dalers (actually 2,320 dalers). Oxenstierna acquired the necessary amount from the city in cash and goods.¹²¹

Gustav II Adolf nevertheless implemented one small change in the organisation of Tallinn's tolls in 1612, when he decided to start taxing goods arriving in Tallinn from Finland in order to finance the war. Goods that arrived in Tallinn from Sweden-Finland as a rule had hitherto been duty-free. When Tallinn's envoys complained about this in Stockholm, the king promised that 'as soon as God grants us peace', he would issue the opposite order.¹²² In turn, Tallinn's town council found that this irregular toll had redirected Finnish goods from Tallinn to Riga, Courland and Germany.¹²³ As Tallinn's castle fief's account books and pound toll books indicate, toll was collected from Finnish goods in 1612–1618, but the amounts received were insignificant.¹²⁴

Tallinn's envoys were visiting the king in Stockholm in the late summer of 1613 in connection with Gustav II Adolf's ascension to the throne, and this visit culminated in the affirmation of the city's privileges.¹²⁵ At his audience with the envoys, Gustav II Adolf informed them of the peace treaty that had been signed in Knäred on 20 January 1613, which included the condition that Sweden had to redeem Älvsborg fortress back from Denmark for already the second time for one million riksdalers over the course of six years. The state collected this money in Sweden-Finland in many ways — it sold and rented lands, new tolls and taxes were imposed on trade, trading in metals was turned into

¹²⁰ Tallinn's town council to Gustav II Adolf, on 11 March 1613: SRA, Livonica II, vol. 44.

¹²¹ Gabriel Oxenstierna to Gustav II Adolf, in Tallinn on 1 November 1612: SRA, Livonica II, vol. 6.

¹²² Gustav II Adolf's resolution to Tallinn, in Stockholm on 24 September 1613, § 2: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 55, fol. 22. From time to time, tolls had previously been collected for goods received from Finland and this was practiced later as well. For instance, commissars appointed by King Charles IX to Livland imposed a toll on 23 October 1605 in Tallinn's port on goods arriving from Sweden or Finland. RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 40, fol. 358; TLA, f. 230, op. 1, d. BF 49, fol. 14v.

¹²³ Tallinn's town council to Gustav II Adolf, in Tallinn on 26 July 1614: TLA, f. 230, op. 1, d. Ba 16, fol. 94–95; the same in BF 55, fol. 46–47.

¹²⁴ 1612 — 91, 1613 — 36, 1614 — 104, 1617 — 55 and 1618 — 37: SRA, Baltiska fogderäkenskaper, vol. 18; SRA, Östersjöprovinsernas tull- och licenträkenskaper, vol. 4, 5; TLA, f. 230, op. 1, d. Ag 1, Ag 2.

¹²⁵ Affirmation of Tallinn's privileges by Gustav II Adolf on 22 September 1613: *Die Quellen des Revaler Stadtrechts*, 200–201.

a state monopoly, and many other such measures.¹²⁶ The king wanted Tallinn to participate in paying the ransom as well, yet the city's envoys informed him that they were not authorised to discuss the question of the ransom. Next, Gustav II Adolf appealed directly to the town council. Without naming a specific amount, the king reminded the town council that like he himself had done, his forefathers had made unspeakable expenditures in defending Tallinn against the Russians and other enemies, and this had impoverished the state. Now the time had come for Tallinn to show its gratitude.¹²⁷ Tallinn's town council probably did not react to His Royal Majesty's letter because half a year later, Gustav II Adolf reminded Tallinners of the need to participate in paying the Älvsborg Ransom similarly to other Swedish subjects, now noting that the peace treaty signed with Denmark was very beneficial to Tallinn's revenues and trade as well.¹²⁸ Even though Tallinners did not consent to bear this financial burden (the term 'contribution' is used in the town council's letter),¹²⁹ Tallinn's town council allotted 4,000 dalers from the joint treasury that coordinated the city's finances 'for His Royal Majesty's treasury' in 1614, whereas it is not noted what this amount was for.¹³⁰ The king did not pay this financial aid back to the city. For the sake of comparison, it can be pointed out that payment of the Älvsborg Ransom was a heavy burden for Stockholm as well. Of the 27,000 dalers that Stockholm was supposed to contribute, 10,300 dalers were still missing as late as 1619.¹³¹ At the Örebro Riksdag held in January and February of 1617, Gustav II Adolf and Axel Oxenstierna found that the contribution of the realm's cities to paying the Älvsborg Ransom had been meagre.¹³²

¹²⁶ Göran Behre, Lars-Olof Larsson, Eva Österberg, *Sveriges historia, 1521–1809. Stormaktsdöm och småstatsrealiteter* (Solna: Almqvist & Wiksell läromedel, 1991), 70–71.

¹²⁷ Gustav II Adolf to Tallinn's town council, in Stockholm on 22 September 1613: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 55, fol. 16–16v. Representatives of the Knighthood of Estland were also in Stockholm at the same time as Tallinn's envoys. Gustav II Adolf wanted them to participate in paying the Älvsborg Ransom as well and employed the same arguments, but the Knighthood refused: Gustav II Adolf to the Knighthood of Estland, in Stockholm on 17 September 1613: RA, EAA, f. 858, op. 1, d. 220, fol. 98. Knighthood of Estland to Gustav II Adolf, in Tallinn on 22 March 1614: RA, EAA, f. 858, op. 1, d. 220, fol. 99–101.

¹²⁸ Gustav II Adolf to Tallinn's town council, from Turku on 5 April 1614: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 55, fol. 18–18v.

¹²⁹ Tallinn's town council to Gustav II Adolf, in Tallinn on 28 November 1613 and 29 April 1614: SRA, Livonica II, vol. 44. Tallinn's town council to Privy Councillor Axel Oxenstierna, in Tallinn on 28 April 1614: SRA, Oxenstiernas brevväxling, E 787.

¹³⁰ Tallinn's joint treasury report for 1614: TLA, f. 230, op. 1, d. Ba 25, fol. 29. It is noted in Tallinn's town council transcript from 8 January 1623 that Tallinn had given a contribution of 6,000 dalers for buying back Nylös fortress: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 41, fol. 538. The 2,000 dalers given in addition to the 4,000 dalers is most likely a loan that Tallinn's town council approved at the start of 1616.

¹³¹ Ericson, *Borgare och byråkrater*, 317. For further details on the payment of the Älvsborg Ransom by towns in southwest Finland, see: Kerkkonen, *Etelä-Suomen kaupunkien kruununverot 1614–1650*, 66–101.

¹³² Sandberg, *I slottets skugga*, p. 163.

Gustav II Adolf presented Tallinn with a new, extensive measure in the late autumn of 1615. Swedish forces had tried to capture Pskov in the summer and autumn of that same year, but the campaign failed, and peace negotiations between Sweden and Russia began in the late autumn.¹³³ Since combat had ceased but it was not possible to disband the military units, and the areas of Russia that were occupied did not have the means for supporting the soldiers, units were billeted in Estland in October. Tallinn was responsible for the upkeep of two companies of those soldiers.¹³⁴ In December, the king justified his wish to the town council by the interruption of the connection to Sweden by sea due to the early arrival of winter in that year. It was not possible to bring over additional foodstuffs. Tallinn had to lend 600 dalers every month for five months.¹³⁵ Once again using as pretexts the city's extreme poverty, the absence of revenues, its large debt burden, and the fact that the city had in previous times maintained a few hundred German soldiers, Tallinn's town council instead asked the king to save them from the impending decline.¹³⁶

At the start of January, 1616, Governor of Estland Gabriel Bengtsson Oxenstierna and Commissar Adam Schrapfer tried to influence the city to participate in the upkeep of the soldiers, but Tallinners were willing to contribute only a one-time allotment of 500 dalers worth of grain for the upkeep of the army. Oxenstierna and Schrapfer set Estland's nobles, who had already been on the battlefield for several months as a troop, as an example for the city. They found that the economic situation of Tallinners was not so bad that they could not lend a significantly larger amount — at least 400 dalers per month — at the same time as the upkeep of one troop cost roughly 1,100 dalers per month.¹³⁷ Tallinn's town council disagreed with the arguments of Oxenstierna and Schrapfer, and in turn found that the city had approved the 500 dalers in question under conditions of poverty and extreme hardship, and furthermore that the city was 'in such decline that has never been seen before in the days of our forefathers and during military sieges.' Thereat the city had continuously fulfilled its regular obligations, supported both laymen and clergymen, carried out renovation work, and procured military equipment.

¹³³ Igor' Shaskol'skii, *Stolbovskii mir 1617 g. i torgovye otnosheniia Rossii so Shvedskim gosudarstvom* (Moscow — Leningrad: Nauka, 1964), 38–42; Laidre, *Domus belli*, 740–741.

¹³⁴ Gustav II Adolf to Tallinn's town council, in Narva on 14 November 1615: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 55, fol. 33–33v.

¹³⁵ Gustav II Adolf to Tallinn's town council, in Kaporje on 16 December 1615: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 55, fol. 38.

¹³⁶ Tallinn's town council to Gustav II Adolf, on 27 January 1616: SRA, Livonica II, vol. 44.

¹³⁷ Gabriel Bengtsson Oxenstierna and Adam Schrapfer to Tallinn's town council, in Tallinn on 22 January 1616: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 12, fol. 89–90.

At the same time, the city reminded the crown of its payment of the Älvsborg Ransom to the extent of 4,000 dalers, separately stressing that the knighthood had not done so.¹³⁸

The king continued trying to influence Tallinners, reminding them of the large expenditures that the Swedish state had made since the reign of King Erik for the defence of the city and the province, as a result of which Tallinn had not been destroyed nor had it been captured by foreigners. The king claimed to understand the city's difficult economic situation, but it was not possible to disband those armed forces since the threat of war remained, and if they did not receive support, the soldiers could start rebelling and deserting. Hence, he asked Tallinn to reconsider the matter and to lend even a few thousand dalers for the soldiers. Gustav II Adolf promised to seek possible ways out of the predicament so that the economic life of Tallinners would start improving.¹³⁹ Seizing upon the king's promise aimed at the future, Tallinn's town council approved a loan of 2,000 dalers on 23 February 1616, but the Governor of Estland had to approve its repayment. Yet when the town council informed Governor Gabriel Bengtsson Oxenstierna of its decision, he replied that the soldiers actually needed 7,000 dalers, 5,000 of it in cash and 2,000 in grain. The town council did not budge from 2,000 dalers.¹⁴⁰ As the town council noted in its letter of 29 February to Gustav II Adolf, the city had 'in great difficulty and poverty' taken this amount at interest from funds for the upkeep of underage children. The pay-out of 2,000 dalers also emerges from the city's joint treasury report.¹⁴¹ Relying on the king's promises to help the city to return to its earlier prosperity, the town council requested that Finnish ports that were competing with Tallinn be closed.¹⁴²

In addition to the upkeep of soldiers billeted in Estland, Tallinn's garrison was also experiencing supply difficulties. According to Governor Oxenstierna, the fortress had been 'bled dry' and 'soldiers suffered hunger and distress', for which reason he was forced to seek financial and food aid from the city. Hence for instance, Bugislaus Rosen had promised to give 2,000 dalers and grain, even though he had still not delivered the aid at the end of February. Jürgen von Wangersen consented to give 1,500 dalers, but at interest. Governor Oxenstierna was also forced to pawn his own silver, receiving

¹³⁸ Tallinn's town council to Gabriel Bengtsson Oxenstierna and Adam Schrapfer, in Tallinn on 27 January 1616: SRA, Livonica II, vol. 44; *ibid.*: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 12, fol. 91–92v.

¹³⁹ Gustav II Adolf to Tallinn's town council, in Helsinki on 4 and 7 February 1616: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 55, fol. 40–40v, 44–44v, 49–49v.

¹⁴⁰ Tallinn's town council transcripts from 23, 24 and 26 February and 1 March 1616: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 38, fol. 61–62; Gabriel Bengtsson Oxenstierna to Gustav II Adolf, in Tallinn on 28 February 1616: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 43, fol. 18,

¹⁴¹ Tallinn's joint treasury report for 1616: TLA, f. 230, op. 1, d. Ba 27/I, fol. 68v.

¹⁴² Tallinn's town council to Gustav II Adolf, on 29 February 1616: SRA, Livonica II, vol. 44.

125 dalers at 8% interest. The money was used to pay the monthly wages of soldiers and the castle staff.¹⁴³

Yet the situation had not improved by the summer. Less grain than expected was received from Bugislaus Rosen, only 300 bushels, while at the same time other burghers who had promised to lend grain had not sent any at all. Although Tallinn's town council had promised to give 2,000 dalers, it had actually given 1,000. The problem that according to Governor Oxenstierna was a cause for concern and which the authorities had not taken into consideration was the high rates of interest on loans. Since there was a severe shortage of money in Tallinn, interest rates had risen to a high level.¹⁴⁴ In such a situation, Oxenstierna took an unprecedented step and pawned a few cannons of Tallinn's fortress as collateral for loans. Since there was no money on its way from Sweden for paying off loans because of the early onset of winter, but the cannons could not be left in the hands of strangers, the governor decided to impose a small auxiliary tax on the peasants, collecting 10 dalers from every settled ploughland. At the same time, the peasants were exempted from the obligation to billet soldiers.¹⁴⁵ Oxenstierna nevertheless managed to redeem the above-mentioned cannons shortly and got them back with the help of Bugislaus Rosen.¹⁴⁶

Tallinn's castle fief account books from the start of 1612 to the start of 1617 vividly show the aid from Tallinners to Toompea Castle and its garrison. In those years, a total of 1,767 bushels of rye, 635 bushels of barley, 182 bushels of malt, 70 barrels of herring and 30 barrels of salt and other foodstuffs were provided. The largest lender was Bugislaus Rosen (see Table 4). According to one calculation by the crown, grain and other goods with a total value of 2,657 dalers were received from Tallinn's burghers in 1613–1614.¹⁴⁷ Comparing the account books to other sources, it is clear that they record minimum data.

¹⁴³ 28 February 1616 Gabriel Bengtsson Oxenstierna to Bugislaus Rosen, in Tallinn on 28 February 1616; Gabriel Bengtsson Oxenstierna to Axel Oxenstierna, in Tallinn at the turn of February and March; Tallinn's castle bailiff Lorens Bilefelt to Gustav II Adolf, in Tallinn on 19 March 1616: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 43, fol. 20, 22–24, 30. At this point it can be noted that J. von Wangersen had loaned money to Tallinn's fortress before as well, for instance 492 dalers in November of 1614 for clothing for the castle's residents, and 43 dalers for purchasing roofing tiles for the castle. Governor Oxenstierna promised to pay back the loan by Pentecost from the annual rent that came from Finland: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 42, fol. 333.

¹⁴⁴ Gabriel Bengtsson Oxenstierna to Gustav II Adolf, in Tallinn on 19 July 1616: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 43, fol. 85–85v.

¹⁴⁵ Gabriel Bengtsson Oxenstierna's notice from 6 October 1616: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 43, fol. 100.

¹⁴⁶ On 3 December 1616, Oxenstierna wrote to Gustav II Adolf that Bugislaus Rosen had paid 3,000 dalers for the cannons in question and thereby redeemed them. At the same time, another debt, which had been incurred for the army from foreigners and Swedish subjects during the past year and in the current year of 1616, remained unpaid: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 43, fol. 131–132.

¹⁴⁷ SRA, Baltiska fogderäkenskaper, vol. 17–19. Source-critically, it has to be taken into consideration that entries made in account books were rarely precisely dated and for this reason, they can fluctuate within any given financial year, which as a rule ran from St. John's Day to St. John's Day.

Table 4. Bugislaus Rosen's loans to Toompea Castle and its garrison:

Year	Rye bushels	Barley bushels	Malt bushels	Value in dalers
1612	660	200	–	–
1613	158	12	7	Types of clothing for 3,175.5 dalers
1614	–	–	–	60 dalers
1615	140	200	48	–
1617	100	28	72	–
Total:	1,058	440	127	3,245.5

The difficulties in maintaining Tallinn's fortress and the so-called castle folk became even more serious in 1617. As Governor Gabriel Bengtsson Oxenstierna realised, the shortage of provisions was so great that he 'was forced every day to see and hear what kind of distress and complaining is here among the castle folk, many died of hunger or were ill.' Yet that year and in the next couple of years, loans and other aid are not known to have been requested from Tallinn's town council, which demonstrates the city's exceedingly difficult economic situation. The governor pinned all his hopes on the fiefs of Raseborg and Porvoo. They were obligated since the reign of Charles IX to send their annual rent to Tallinn,¹⁴⁸ yet foodstuffs and other supplies were sent across the sea from Finland in insufficient quantities in 1617.¹⁴⁹ Thereat it is noteworthy that Gustav II Adolf decided to send even a part of the money for the Älvsborg Ransom that had been collected in Finland to Tallinn.¹⁵⁰ Payment of the ransom to Denmark, warfare in Russia and against Poland in Livland placed a heavy financial burden on the Swedish realm. These were priority expenditures, for which reason the financing of rear area garrisons could not have been in the forefront of the state's plans.

¹⁴⁸ Since 5 May 1605, the fiefs of Porvoo and Raseborg were under the jurisdiction of Tallinn's castle: Almquist. *Den civila lokalförvaltningen i Sverige 1523–1630*, 563.

¹⁴⁹ Gabriel Bengtsson Oxenstierna to Knut Claesson in Finland, from Tallinn on 25 April 1617; Gabriel Bengtsson Oxenstierna to Gustav II Adolf, in Tallinn on 6 June 1617: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 43, fol. 181–181v, 204–204v. According to the accounts book of Tallinn's castle fief for 1616/1617, the fiefs of Raseborg and Porvoo sent funds to Estland, and the fiefs of Helsinki and Turku joined them in sending funds in 1617/1618: SRA, Baltiska fogderäkenskaper, vol. 19.

¹⁵⁰ Gabriel Bengtsson Oxenstierna to Gustav II Adolf, in Tallinn on 9 July and ? October 1617: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 43, fol. 224, 250–251.

Loan assistance given by Tallinn's burghers during Sweden's Russian campaign went either directly or indirectly for the service of the army. For instance, the Commander-in-Chief of the Swedish forces, Jakob De la Gardie, together with the Governor of Estland, Gabriel Bengtsson Oxenstierna, approved the lien of the Tallinner Herman Timmermann for two settled and four unsettled ploughlands in Lehola hamlet in connection with 800 dalers that were loaned during the Novgorod campaign (mortgage dated 28 October 1614). Ruila Manor in Hageri Parish was similarly mortgaged to the Tallinner Herman Wöstman in 1618 because he had provided for the room and board of a Dutch deputation that stayed in Tallinn in September of 1615 and/or April of 1616 and loaned foodstuffs worth 4,000 dalers to the army (mortgage dated 20 October 1618). In 1619, the city alderman Johan Koch was awarded the right to use Vaali Manor and its mill in Koeru Parish for life in return for loans that he had given at various times to the crown for the upkeep of Livland's fortresses (confirmation letter dated 20 July 1619).¹⁵¹

The year 1617 was once again a year of intense combat action in Estland and Livland. Sweden signed the Stolbovo Peace Treaty with Russia in February and in the summer, Gustav II Adolf turned Sweden's weapons against Poland. In August of 1617, Pärnu capitulated to the Swedes. The seacoast between Pärnu and Riga fell into Swedish possession. The Poles responded in 1617 and 1618 with looting expeditions that extended to Western and Central Estonian territory, whereas the actual threat of war was felt in Tallinn as well. It was not until the late autumn of 1618 that a two-year truce was signed that lasted until 11 November 1620. In the summer of 1621, Gustav II Adolf undertook an attack on Riga, capturing the city on 15/16 September.¹⁵² The reason why the royal authorities did not directly present Tallinn's town council with financial demands starting in the spring of 1616 could have arisen from the city's exceedingly poor economic condition and the uncertain military-political situation. While Tallinn was expecting changes from the king in the field of trade, the king needed the city's political support in the war against Poland that had broken out. Hence for instance, in a letter sent to Tallinn's town council in March of 1618, Gustav II Adolf discussed Poland's attack on Livland and Estland, thereat vowing that by sending military supplies to Tallinn, the royal authorities would do everything possible to ensure that authority there would not be broken (*Macht nicht gebrechen solle*). Thereat the king promised to have his commissars deal with economic questions that were important for the city — staple town status, ship navigation, and tolls.¹⁵³ The occupied area was sustained there using revenues from manorial estates that were placed at the disposal of the crown.

¹⁵¹ Jakob Koit's database.

¹⁵² Liljedahl, *Svensk förvaltning i Livland*, 30–32, 36, 72–73.

¹⁵³ Gustav II Adolf to Tallinn's town council, in Stockholm on 7 March 1618: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 55, fol. 92–94.

The crown nevertheless had one opportunity for obtaining additional money to a small extent from Tallinn for the military budget. Namely, the city's right to take half of the revenues from the pound toll funds for itself that had been granted to it in 1594 ended in the spring of 1617. Now Gustav II Adolf left only one third of the revenues to the city.¹⁵⁴ Considering the data from Table 1, the additional revenue that the state gained from Tallinn's pound toll was not noteworthy.

It was not until the summer of 1621, when Gustav II Adolf launched the campaign to capture Riga, that he once again asked Tallinn for loans. About a week before departing from Sweden for Livland, the king ordered Schrapfer, the Commissar of War, to ask Tallinn's burghers for loans for a couple of years, promising to rent land holdings in Finland to the lenders or to pay interest of 6, 8, and even 9 percent. Tallinners also had to help to transport the king in return for remuneration.¹⁵⁵ The sources do not indicate how Tallinn reacted to particular requests for loans. Yet in addition to money, Gustav II Adolf also wanted to obtain 50 lasts of rye from Tallinn. Referring to the poverty of the city's burghers, the town council was prepared to provide 1,000 bushels (41 2/3 lasts), which, however, was an insufficient quantity in the crown's estimation.¹⁵⁶ Thereupon, Tallinn's town council decided to use the request for grain in the city's interests and sent Burgomaster Johann Derenthal and alderman Jürgen von Wangersen to see the king in Narva. There Tallinn's envoys¹⁵⁷ offered the king 3,000 dalers instead of the requested grain. In terms of value, this offer exceeded the market price of the requested grain, yet in return for this, the Tallinners wanted to discuss with the king bringing Russian trade back to Tallinn, the shutting down of competing neighbouring ports, and increasing the revenue received by the city from the pound toll to half of the total collected amount. On 16 January 1622, the king agreed to increase the one third portion of the toll once again to half.¹⁵⁸ In order to obtain 3,000 dalers, each inhabitant of the city had to give two *simple riksdalers* (*ein jeder einwohner 2 enckeke reichsthaler*). The town council agreed to lend the amount by which the collected sum fell short of the target from the city's joint treasury.

¹⁵⁴ Gustav II Adolf's resolution to Tallinn, in Stockholm on 30 April 1617, § 2: *Die Quellen des Revaler Stadtrechts*, 205. The same document in its original form: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 55, fol. 64.

¹⁵⁵ Gustav II Adolf's memorial to Adam Schrapfer, in Älvsnabben on 16 July 1621: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 56, fol. 15v–16v.

¹⁵⁶ Tallinn's town council to Gustav II Adolf, on 12 October 1621: SRA, Livonica II, vol. 44; Tallinn's town council transcripts from 11 and 13 October 1621: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 40, fol. 909, 911; and from 3 January 1622: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 41, fol. 454–457; Gustav II Adolf to Tallinn's town council, in Alliš (*Allis*) Manor on 5 December 1621: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 56, fol. 70. The document in Tallinn's City Archive is dated 5 December 1622. The same document in Sweden's National Registry, however, bears the date 6 December 1621: SRA, Riksregistraturet, vol. 138, 697–698.

¹⁵⁷ Instruction from Tallinn's town council to J. Derenthal and J. von Wangersen for their trip to Narva, in Tallinn on 6 January 1622: TLA, f. 230, op. 1, d. Aa 21:b, fol. 331–332v.

¹⁵⁸ Report from Tallinn's envoys on their trip to visit Gustav II Adolf in Narva on 3–25 January 1622: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 60, fol. 12; Tallinn's town council transcripts from 2, 5, 12, 16, 17 and 25 January 1622: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 41, fol. 454, 458–469; Greiffenhagen, "*Heimische Konflikte mit Gustav Adolf*," 6; Gierlich, *Reval 1621 bis 1645*, 85, 136; Küng, "See tubli linn muutub tühjaks ja lagedaks," I, 32.

The town council wanted to pay the loan that was just taken out as well as the previous loans back to the city's burghers using funds from the pound chamber and excise chamber.¹⁵⁹ In mid-April, the Commissar of War Måns Mårtensson Palm issued a receipt to the city for the remission of 3,000 dalers.¹⁶⁰ This amount was treated like a gift to the state.

In the late autumn of 1622 as well, Gustav II Adolf wanted contributions from Tallinn, Riga, Narva and the inhabitants of Ivangorod, and to obtain a sum of money as a loan (*till försträknings; någott contribuera och förstreckia ville*) for the upkeep of the army and for the defence of Livland's fortresses. The king authorised Lord High Chancellor Axel Oxenstierna to hold negotiations.¹⁶¹ On 2 January 1623, he met in Toompea Castle with Burgomaster Derenthal, who represented Tallinn's town council. To begin with, the Lord High Chancellor recalled the large expenditures that the king had used for the defence of Livland, the blood that the Swedish estates had shed, the lives they had lost and the money they had paid, for which reason he proposed to the town council to help the crown with a contribution of 6,000 dalers. Oxenstierna additionally brought to mind the obligation arising from the city's privileges to maintain a troop of German soldiers. Derenthal replied that although the city wanted to give money, it was not possible because that way the city would sink into even greater debt. The city had already suffered irreparable damage arising from the prohibition of trading in grain,¹⁶² and even though the king had repeatedly promised to save the city from decline, nothing had been done to accomplish this.¹⁶³ As a result of these negotiations, on 7 January 1623, the Lord High Chancellor provided the king with a drastic characterisation of Tallinn's situation as well as its mentality, finding that under conditions of economic downturn, there was nothing to be had from Tallinners.¹⁶⁴

¹⁵⁹ Tallinn's town council transcripts from 1 February and 12 March 1622: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 41, fol. 31, 53–54.

¹⁶⁰ Måns Mårtensson Palm's receipt issued to Tallinn's town council on 17 April 1622: Gierlich, *Reval 1621 bis 1645*, 85.

¹⁶¹ Gustav II Adolf to Axel Oxenstierna, in Riga on 23 August, from Stockholm on 17 October and from Falun on 15 December 1622: Rikskanslern Axel Oxenstiernas skrifter och brevväxling. Avdelning 2, band 1, Stockholm 1888, 198, 201–202; Gustav II Adolf to Tallinn's town council, in a field camp near Riga in *Borenslytte* Manor on 15 December 1622: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 56, fol. 73; *ibid.* SRA, Riksregistraturet, vol. 141, 294.

¹⁶² In connection with the presence of the Swedish Army in Livland and in order to prevent excessive increases in the prices of goods, Tallinn's town council decided on 30 October 1621 to halt the export of meat, butter, rye and wheat: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 40, fol. 945. According to Gustav II Adolf's order of 27 April 1622, export of grain to foreign countries was prohibited in 1622. Grain could only continue to be shipped to Riga and other Swedish cities. On 16 July of that same year, the king nevertheless allowed 1/3 of the grain that had been brought to Tallinn to be exported and at least 2,000 lasts of grain had to remain in reserve in the city: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 56, fol. 32, 56–56v.

¹⁶³ Tallinn's town council transcript from 2 January 1623: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 41, fol. 531–534.

¹⁶⁴ Axel Oxenstierna to Gustav II Adolf, in Tallinn on 7 January 1623: Rikskanslern Axel Oxenstiernas skrifter och brevväxling. Avdelning 1, band 2, Stockholm 1896, 562–563. See also: Liljedahl, *Svenske förvaltning i Livland*, 180.

Negotiations continued on 8 January, when Derenthal on the one hand once again provided an overview of the difficult economic situation of the city and its burghers, and Oxenstierna on the other hand found that it was not possible for Tallinn to refuse to make such a small contribution and that they had to lend at least 4,000 dalers. At the same time, the city was obligated to provide 200 soldiers for every military campaign of the king and to maintain one troop of soldiers for the sum of 2,000 Hungarian guilders, neither of which had been done for the last 20 years. Derenthal, on the contrary, found that Tallinn had given contributions to the state to the best of its abilities and recalled the payment of the Älvsborg Ransom. Regarding the 2,000 Hungarian guilders, Duke Charles had already demanded this sum from the city in 1600 but the situation was ultimately not resolved at that time. At the discussion held on 10 January, Derenthal requested that the contribution demand be postponed, stressing the city's poverty. Oxenstierna repeated the idea that the town council should give at least 2,000 dalers either itself or procure it from propertied burghers.¹⁶⁵ Although the amount had decreased by two thirds over the course of the negotiations, the town council and the Lord High Chancellor did not arrive at an agreement. It was only in February, when Commissar of War Måns Mårtensson Palm and Commander-in-Chief Jakob De la Gardie resumed negotiations with the city, that the town council offered 2,000 dalers as a gift, which was admittedly a smaller sum compared to what the king had proposed. Palm accepted the gift.¹⁶⁶ The royal authorities undoubtedly considered such an allotment of money to be insufficient. As has been previously mentioned, alongside Tallinn, loans and contributions were also demanded from the city of Riga,¹⁶⁷ the Knighthood of Estland, and cities and private individuals starting in 1621. Gustav II Adolf borrowed large sums from Stockholm's merchants engaged in large-scale trading.¹⁶⁸

It is difficult to separately assess the contribution of Tallinn's propertied burghers in the form of loans to the war finances of the Swedish crown because taking out loans and giving loans took place through agreements between Tallinn's castle authorities and burghers. Such agreements were not entered in Toompea Castle's accounts in that period.

¹⁶⁵ Tallinn's town council transcripts from 8 and 10 January 1623: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 41, fol. 535–541.

¹⁶⁶ Måns Mårtensson Palm to Axel Oxenstierna, in Tallinn on 7 and 15 February 1623: SRA, Oxenstiernas brevväxling, E 681.

¹⁶⁷ As under Polish rule, a tribute of 1,000 florins per year was required from the city of Riga since its surrender in 1621. Additionally, Riga allotted 7,000 dalers for the repair of fortifications that had been destroyed in the course of the siege of the city. Riga also had to give 12,000 florins every year. The crown promised to pay this money back by giving the city the half of the portorium revenue that belonged to the crown along with a consignment of grain. An agreement was signed with Riga in the autumn of 1622, according to which the city had to give 24,000 dalers, part in cash and part in grain. This loan was paid back using rents in Finland, where it was allowed to buy up grain and other goods. Propertied Riga burghers were also asked for loans. It soon became apparent that it was difficult for the Swedish crown to obtain money from post-conquest Riga: Liljedahl, *Svenske förvaltning i Livland*, 75, 99–100, 139–141.

¹⁶⁸ Ericson, *Borgare och byråkrater*, 321.

According to the assessment found in a letter from one of Sweden's treasury councillors to Estland's Statthalter Per Banér, the loan campaign intended for the upkeep of Tallinn's garrison had not raised sufficient cash in 1622 and 1623: only 683 dalers and 25 öre had been collected. Unfortunately, the letter does not specify who the lenders were, whether they were Tallinners or representatives of Estland's other estates.¹⁶⁹

A truce prevailed on Livland's battlefields starting in November of 1622, which lasted until 1 March 1625. Gustav II Adolf launched a new military campaign in Livland in June. Koknese, on the Daugava River waterway, was captured in mid-July, and Tartu capitulated on 16 August. Requests for loans and other aid gained momentum in 1625, whereas attempts were made to secure loans by way of campaigns. Hence Lord High Chancellor Axel Oxenstierna, treasury councillors Johan Skytte and others wrote at the start of 1625 to Estland's Statthalter Per Banér that they considered it necessary to come to the crown's aid with a sum of money to maintain and feed the soldiers who were engaged in defending the realm in Livland and Sweden because if everyone would participate in the loan, it would be possible to collect a larger sum of money, and that way nobody would have to bear too large of a burden. The Lord High Chancellor and the treasury councillors promised to set an example personally, and Per Banér had to follow suit. Loan assistance had to be requested from Estland's nobles, civil servants and city burghers as well. Everyone should give 1,000, 2,000 or 3,000 dalers in accordance with his resources and occupation. The loan was to be paid back using revenues from Sweden's little toll, excises and a new mill toll.¹⁷⁰ The end result of this campaign is not known.

There are more notices of requests for loans and aid from 1625. In two letters on 22 June, Gustav II Adolf asked Tallinn's town council to provide a loan of 2,700 dalers, part of the pound toll from the preceding year, and also hemp, horses and carts for his forces that were arriving in Livland in order to transport the army to the outskirts of Tartu.¹⁷¹ The obligation to provide transportation was also presented to Estland's nobility¹⁷² and the city of Riga.¹⁷³ When Privy Councillor Gabriel Bengtsson Oxenstierna disembarked with two ships and three galleys in Tallinn's harbour in mid-July, he presented the town council with a demand for a loan of 2,000–3,000 dalers. The town council decided that any Tallinner who was able to give a loan would do so.¹⁷⁴ In the last days of

¹⁶⁹ The treasury councillors Johan Skytte and others to Per Banér, in Stockholm on 22 February 1625: SRA, Livonica II, vol. 241.

¹⁷⁰ Lord High Chancellor Axel Oxenstierna and the treasury councillors Johan Skytte and others to Per Banér, in Stockholm on 5 and 18 January 1625: SRA, Livonica II, vol. 241.

¹⁷¹ Gustav II Adolf's two letters to Tallinn's town council, in Stockholm on 22 June 1625: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 56, fol. 128, 130; the same SRA, Riksregistraturet, vol. 149, fol. 295–296.

¹⁷² Gustav II Adolf to Tallinn's town council and the Knighthood of Estland, in Stockholm on 22 June 1625: SRA, Riksregistraturet, vol. 149, fol. 295–296.

¹⁷³ The city of Riga had to provide 100 wagons and 200 horses to meet the needs of the army: Liljedahl, *Svenske förvaltning i Livland*, 110.

¹⁷⁴ Tallinn's town council transcripts from 14 and 16 July 1625: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 43, fol. 117, 119.

July, a reminder was sent from Toompea Castle to the town council to provide 80 carts and a 3,000-daler loan to the army for transportation. At the same time, Gabriel Oxenstierna accused the town council of procrastinating regarding providing the 2,700 dalers that the king had requested.¹⁷⁵ It can be assumed that the town council ultimately did not give this particular loan because in September of that same year, when Gustav II Adolf was already planning a demand for an extensive contribution, the king wrote to Tallinn's town council that he had not burdened Tallinners with any particular request for aid for quite some time.¹⁷⁶ Yet this did not mean that private individuals had not given loans to the king. For instance, Jost Dunte placed 300 Hungarian florins at the king's disposal in the summer of 1625.¹⁷⁷ Dunte figures as almost the only lender in the account book for 1626–1628 of the Province of Estland (see Table 5).¹⁷⁸ Tallinn's Statthalter Evert Bremen complained to the king in the spring of 1629 that 'Jost Dunte, who has hitherto given a few thousand dalers in loans, is not prepared to give any more loans.' In the latter half of the 1620s, land was no longer mortgaged to Tallinners or enfeoffed to them for a certain period to cover loans.¹⁷⁹

Table 5. Jost Dunte's loans to Toompea Castle and its garrison (in dalers):

Period:	Dalers
28 July 1625 — 1 September 1626	12,366:14
September 1626 — September 1627	30,822:10
September 1627 — September 1628	26,112:20
Total:	69,301:12

In the summer of 1626, Governor of Riga Jakob De la Gardie wanted to obtain 100 horses and 50 soldiers for the artillery from Tallinn's town council in the name of His Royal Majesty, calculating that the upkeep of one soldier and two good horses would cost 12 dalers per month.¹⁸⁰ Tallinn's town council was not prepared to provide horses, referring to the opinion of the city's waggons indicating that weak horses were unable to undertake long trips, and even less so for such remuneration.¹⁸¹ The sources do not indicate whether horses and soldiers were sent from Tallinn to De la Gardie and if so, how many and for what price.

¹⁷⁵ Tallinn's town council transcripts from 28 and 30 July 1625: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 43, fol. 122v, 123v.

¹⁷⁶ Gustav II Adolf to Tallinn's town council, in the Biržai field camp on 12 September 1625: TLA, f. 230, op. 1, d. BF, 56, fol. 134–134v.

¹⁷⁷ Tallinn's town council transcript from 26 July 1625: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab. 43, fol. 122.

¹⁷⁸ RA, EAA, f. 278, op. 1, d. XXV/142, fol. 63v–65.

¹⁷⁹ Evert Bremen to Gustav II Adolf, in Tallinn on 9 April 1629: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 49, fol. 16–16v.

¹⁸⁰ Governor of Riga Jakob De la Gardie to Tallinn's town council, in Riga on 2 June 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 58, fol. 67.

¹⁸¹ Tallinn's town council to Jakob De la Gardie on 21 July 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. BA 12, fol. 14–14v.

Tallinn's toll rental agreement 1623–1629

Ever since Tallinn was incorporated into the Swedish realm in 1561, one of the city's central demands was that Tallinn become the staple town for transit trade with Russia and that Narva be excluded from the competition. Regardless of the Swedish crown's repeated promises to prohibit voyages to Narva by foreigners, Tallinn did not achieve success in these demands. Realising that the Swedish crown needed permanent financial aid for waging war and also for maintaining its army, Tallinn's town council decided to tie the state's interests to its own interests. The city understood that anti-Narva rhetoric was not enough. Something real had to be offered to the state. This tactic had been adopted in 1584 when the city offered part of its toll revenues to Johan III. Using Gustav II Adolf's promise to restore the city's economic prosperity, Tallinners arrived at the idea of renting the tolls of the trading towns along the coast of the Gulf of Finland from the state for a certain period. This idea was presented for the first time at the start of 1622. The vigorous activity of the Tallinners in Stockholm was crowned by success — on 26 June 1623, Axel Oxenstierna and Johan Skytte signed a resolution in the king's name in Nääs,¹⁸² according to which: 1) the tolls from Tallinn's own port and those of Narva, Helsinki and Porvoo were rented to Tallinn for six years starting from St. Bartholomew's Day (24 August) of 1623 to St. Bartholomew's Day of 1629; 2) foreigners were forbidden to sail farther east from Tallinn or Vyborg and to visit Narva, Nyen, Koporje, Helsinki and Porvoo. The same ban applied to Swedish subjects if they used ships belonging to foreigners; 3) burghers from Narva, Helsinki and Porvoo were allowed to depart from and return to their home ports with their own ships, but they had to pay Tallinn's toll representative 6% of the value of their goods; 4) ships arriving at and departing from Tallinn paid 3% toll instead of the former 1.5%; 5) Swedish subjects travelling on Swedish vessels to or from Tallinn paid the same 3% toll and after payment they could freely sail onward. If Swedes sailed directly to Narva, Nyen, Helsinki and Porvoo, they were subject to a toll rate of 6%. Tallinn paid its toll rental fee — 12,000 Swedish dalers in 'good money,' in other words in silver — to the royal rental chamber twice a year — by 1 February and by St. Bartholomew's Day. If more than 12,000 dalers had been received in tolls, the city gave half of the surplus to the state, but if less than the agreed sum was received, the city had to make up the difference.¹⁸³

¹⁸² See further on the establishment of Tallinn's toll rental: Melander, "*Ruotsin hallituksen ja Tallinnalaisten kauppatuumat Venäjän subteen ynnä*," 36–37; Evald Blumfeldt, "*Statistilisi lisandeid Tallinna kaubaliikluse ja meresõidu ajaloole*," 4–5; Kung, "See tubli linn muutub tühjaks ja lagedaks," I, 33–36.

¹⁸³ Tallinn's toll rental conditions signed by Axel Oxenstierna and Johan Skytte, in Nääs on 26 June 1623: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 61, fol. 6–8. Gustav II Adolf's toll rental ratification document, in Stockholm on 1 September 1624: *Die Quellen des Revaler Stadtrechts*, 207–208; original document: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 56, fol. 107–107v.

Viewed in a longer-term perspective, the toll rental stimulated Tallinn's economic activity, but above all, it was beneficial for the state. In accordance with the conditions of the toll rental agreement, the state received 15,000 dalers, or about 8,500 riksdalers, per year on average from Tallinn's tolls in 1623–1629. Looking at the data on the pound toll revenue that was left to Tallinners, it is clear that the city's own fiscal benefit was essentially non-existent compared to 1622, for instance (see Table 1). The Swedish state used the toll rental money it received principally for financing the provincial civil service administration and the army deployed in Estland and Livland (see Table 6).¹⁸⁴ Although Tallinn was supposed to transfer the rental amount to the royal finance office (revenue administration) twice a year, the crown almost immediately started demanding the money from the city, that is already before the arrival of the first payment deadline. Thus, Johan Skytte forwarded Gustav II Adolf's demand to Tallinn at the start of September, 1623 requiring the town council to send 7,000 dalers as quickly as possible to Narva's Statthalter Anders Eriksson Hästehufvud for the upkeep of the garrison there. Hästehufvud himself repeated that demand one month later. A shortage of money prevailed in Narva.¹⁸⁵ Tallinn delayed sending the money and Hästehufvud was only able to confirm the delivery of the money to Narva as late as March of 1624, when 4,200 dalers were received, and in September, when the last instalment of the money for 1623 was received.¹⁸⁶ Tallinn had to send Narva 3,000 dalers for 1624 as well as for 1625,¹⁸⁷ but did not have to send any more money in the subsequent years. Throughout the toll rental period, Tallinners were also required to pay monies to an evangelical pastor in Ivangorod, the salary of Tallinn's toll administrator to Daniel Lien, and money to Narva's town council.

Of the toll revenue from the latter half of 1623 and the first half of 1624, only 600 dalers were left to the disposal of Estland's governor.¹⁸⁸ Similarly, the loan given by the alderman Johann Müller in cash and in kind to the state in 1610–1622 with a total value of 8,236 dalers was paid back to Müller from toll rental revenues. These sums were paid to

¹⁸⁴ A cursory overview of how the state used toll revenues is provided in: Gierlich, *Reval 1621 bis 1645*, 160.

¹⁸⁵ Johan Skytte and Sweden's other treasury councillors and privy councillors to Tallinn's town council, in Gripsholm on 6 September 1623: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 61, fol. 40. Anders Eriksson Hästehufvud to Tallinn's town council, from Narva on 4 October 1623: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 23, fol. 1.

¹⁸⁶ Anders Eriksson Hästehufvud to Tallinn's town council, from Narva on 28 October 1623, 18 March, 2 April and 18 September 1624: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 23, fol. 8, 10, 18.

¹⁸⁷ Johan Skytte and other treasury councillors and privy councillors to Tallinn's town council, from Stockholm on 17 August 1624: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 28, fol. 13. Anders Eriksson Hästehufvud to Tallinn's town council, from Narva on 9 and 28 October, 26 December 1624, 22 March, 30 June, 10 September and 19 November 1625: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 23, fol. 22–30, 33–35. Johan Skytte and other treasury councillors and privy councillors to Tallinn's town council, from Stockholm on 13 September 1625: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 61, fol. 42.

¹⁸⁸ Gustav II Adolf assigned a salary of 600 dalers for Governor of Estland and Tallinn's Statthalter Per Banér to be paid from the toll rental revenues, in Gripsholm on 7 August 1623: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 56, fol. 7.

him in 1621 and 1622 using the toll revenues from Helsinki and Porvoo, and thereafter until 1627 out of Tallinn's rental revenues.¹⁸⁹

On 17 August 1624, Johan Skytte, together with other treasury councillors and privy councillors, forwarded Gustav II Adolf's order to Tallinn's town council to place 9,000 dalers at the disposal of Governor of Estland Per Banér.¹⁹⁰ Money in the same order of magnitude had to be given to Livland's fortresses in 1625/1626.¹⁹¹ The entire rental amount, in other words 12,000 dalers per year, was placed at the disposal of the Governor of Estland in the fourth (1626/1627) and fifth (1627/1628) years of toll rental. The entire amount nevertheless did not remain only in Estland, instead part of it went to Livland as well. In 1625 for instance, in accordance with 'His Royal Majesty's order', a pay-out of 2,700 dalers was made to Privy Councillor Gabriel Bengtsson Oxenstierna¹⁹² and Tallinn's town council had to place 2,288 dalers at the disposal of Governor of Riga Jakob De la Gardie to cover the needs of the garrison there.¹⁹³

Numerous interested parties wanted to access a share of the toll rental revenues in 1626. Namely, referring to the will of His Royal Majesty, Livland's Commissar of War Måns Mårtensson Palm demanded from Johan De la Gardie, who had been appointed Governor of Estland, that the rental revenue be sent in full, that is 12,000 dalers, to the Riga finance office by September of 1626. Additionally, Tallinn was required to lend 5,000 bushels of grain and pay a contribution of 10,000 dalers to the military authorities in Riga. According to Palm's explanation, the Riga garrison was in financial difficulties and short of provisions, and the necessary money was not being sent from Sweden.¹⁹⁴ On 12 December 1626, Gustav II Adolf personally demanded that the toll rental money be sent to Riga in full for the upkeep of the army.¹⁹⁵ Tallinn's town council found itself in a quandary since the rental money for 1626 had already been paid, but 4,500 dalers for Candlemas of 1627

¹⁸⁹ Tallinn's pound chamber report on the first year of toll rental, in other words 1623/1624: TLA, f. 230, op. 1, d. Ba 17, fol. 202, 241.

¹⁹⁰ Johan Skytte and other treasury councillors and privy councillors to Tallinn's town council, from Stockholm on 17 August 1624: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 28, fol. 13.

¹⁹¹ Johan Skytte and other treasury councillors and privy councillors to Tallinn's town council, from Stockholm on 13 September 1625: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 61, fol. 42. To Per Banér, in Stockholm on 13 October 1625: SRA, Livonica II, vol. 241. Johan Skytte and other treasury councillors and privy councillors to Tallinn's town council, from Stockholm on 14 October 1625: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 56, fol. 135.

¹⁹² Gabriel Bengtsson Oxenstierna's statement concerning receiving money from Tallinn's pound chamber on 31 July 1625: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 69, fol. 6.

¹⁹³ Jakob De la Gardie to Tallinn's town council, from Tartu on 19 August 1625: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 58, fol. 62.

¹⁹⁴ Måns Mårtensson Palm to Governor of Estland Johan De la Gardie, from Riga on 17 October 1626: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 166, fol. 114–115v.

¹⁹⁵ Gustav II Adolf to Tallinn's town council, in Stockholm on 12 December 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 57/I, fol. 36.

had been paid as an advance to Governor De la Gardie for the upkeep of Tallinn's garrison; the outstanding remainder, so to speak, was 1,500 dalers. The town council hoped to get 4,500 dalers back in order to then send that money to Riga but De la Gardie did not consider that possible.¹⁹⁶

Tallinn's town council sources do not indicate how Johan De la Gardie used those 12,000 dalers together with the state's share of the pound toll, whether it was used only for the upkeep of local garrisons, or if some portion of the money was channelled to Riga. For instance, De la Gardie similarly presented a demand for 4,500 dalers of the toll rental revenues in October of 1626 because he wanted to pay off the state's debt to Tallinn's burgher Jost Dunte with that money.¹⁹⁷ In the autumn of 1627, De la Gardie had the town council pay another 6,000 dalers to Dunte, whereas the governor's request was that this money was not to be given to anybody else.¹⁹⁸ And additionally in 1628, the subsequent 6,000 dalers had to be paid to Dunte from the pound chamber on De la Gardie's orders.¹⁹⁹ See Table 5 for comparison.

According to the toll rental report for the latter half of 1626, the wages of Tallinn's Statthalter Evert Bremen started being paid with money taken from portorium revenues.²⁰⁰ Similarly, on the orders of the king and of treasury councillors, one-time payments were made to various officials, their widows, the skippers of ships that had been chartered in the interests of the state for voyages to Narva and Riga, and other such expenses.²⁰¹ The king had money taken from toll rental revenues to pay Commissar of War Erik Andersson Trana a one-time remuneration of 1,000 dalers in 1628.²⁰² Starting in 1627, the crown's purchases of grain were paid for using money from toll revenues. These amounts were initially modest, but on 22 August 1629, for instance, 5,383:24 dalers were paid for grain.

¹⁹⁶ Tallinn's town council transcripts from 17 and 19 January 1627: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 44, fol. 15v, 16–17. Tallinn's town council to Johan De la Gardie, on 1 February 1627: TLA, f. 230, op. 1, d. BA 12, fol. 53–53v. Tallinn's town council to treasury councillors, on 7 February 1627: TLA, f. 230, op. 1, d. BA 12, fol. 56–56v.

¹⁹⁷ Johan De la Gardie to Tallinn's town council, at Raasiku on 20 October 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 63, fol. 5.

¹⁹⁸ Johan De la Gardie to Tallinn's town council, at Raasiku on 15 October 1627: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 63, fol. 11.

¹⁹⁹ Johan De la Gardie to Tallinn's town council, at Raasiku on 27 June and in Tallinn on 24 July 1628: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 63, fol. 24.

²⁰⁰ Gustav II Adolf awarded a 600-daler remuneration for Evert Bremen to be paid from the portorium toll while on the royal warship on 20 June 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 57.

²⁰¹ Toll rental report: TLA, f. 230, op. 1, d. Ba 25. Johan Skytte and other treasury councillors and privy councillors to Tallinn's town council, from Stockholm on 5 June 1626. That same letter refers to King Gustav II Adolf's corresponding orders from 21 October 1625: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 61, fol. 45.

²⁰² Gustav II Adolf to Tallinn's town council, from Stockholm on 6 March 1628: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 57.

Table 6. Pay-outs made from the pound toll treasury during the toll rental period (in dalers)

	August 1623 — August 1624	August 1624 — August 1625	August 1625 — August 1626	August 1626 — August 1627	August 1627 — August 1628	August 1628 — August 1629
To Narva's Statthalter	7,000	3,000	3,000	—	—	—
To the Governor of Estland	600	9,000	9,000	12,943.5	12,000	—
<i>On the orders of the king and treasury councillors</i>	—	2,700	1,250	200	743.66	801
To Estland's Statthalter E. Bremen	—	—	600	600	600	1,000
To Tallinn's toll administrator D. Lien	300	300	300	300	300	300
To Ivangorod's pastor J. Vluyk	220	220	220	220	220	—
To Narva's town council for beer and wine	—	—	480*	177.5	177.5	177.5
For grain purchased on behalf of the king	—	—	—	—	323:33	8,384
Payment of debts	2,400	1,500	—	780	—	4,343
Other expenditures	—	—	6	16.25	—	9
Total expenditures:	10,520	16,720	14,856	15,237.25	14,364.5	14,714.5
The state's revenues from toll rental:	14,733.5	14,696.75	14,769.37	15,648.75	13,400	14,905
Balance	+4,213.5	−2,023.25	−86.63	+411.5	−964.5	+190.5

* Total amount for three years.

Source: TLA f. 230, op. 1, d. Ba 17; Ba 25

Considering the Swedish state as a whole, the rental of tolls was a phenomenon that was characteristic of that era, which was practiced starting from the period of the reign of Gustav II Adolf and Axel Oxenstierna through to the 18th century.²⁰³ Stockholm's Great Sea Toll was also rented out in 1622–1634.²⁰⁴

²⁰³ William Smith, *Studier i svensk tulladministration*, vol. 1 (Sölvesborg: s. n., 1950), 71; Odén, *Rikets uppbörd och utgift*, 98; Stellan Dahlgren, "Skattesystemet som exploateringsform under 1600- och 1700-talen" *Historisk tidskrift* 102, no. 4 (1982): 446; Lindegren, *Den svenska militärstaten 1560–1720*, 111.

²⁰⁴ Sandström, *Mellan Torneå och Amsterdam*, 79.

War contributions in 1625–1628

Tallinn's toll rental was doubtless a beneficial undertaking for the state because it was possible to use those funds to further finance local garrisons, pay debts and subsidies, purchase grain for the army, and other such uses. Regardless of this, toll rental was not extended when it ended; first of all, for economic and political reasons, since Tallinn's turnover in trade did not directly increase during the rental years, secondly toll rental had an inhibitory effect on the trade of neighbouring towns, primarily Narva, thirdly the royal authorities found sources of financing that could be demanded from the inhabitants of the province, including inhabitants of Tallinn. As combat activity intensified in Livland in 1625, it was clear that the existing money was not sufficient to cover all expenses. Gustav II Adolf repeatedly expressed the wish that the province would contribute to the state's finances alongside Sweden-Finland.

In August-September of 1625, the king decided to go the way of collecting a regular annual war contribution. This was no longer a loan in cash or in kind, but rather a nonrepayable demand for cash. Gustav II Adolf first presented Riga with a demand for contribution on 23 August 1625. Referring to the fact that Sweden's conquests gave Riga free trade throughout Livland, the king demanded 36,000 dalers from the city to cover the upkeep of soldiers over the course of one year. Riga found that a contribution of such an extent was beyond their means because the city's trade and toll receipts had declined. Riga was prepared to give 14,000 dalers. The sides ultimately agreed on the sum of 25,000 and then even on 16,000 dalers.²⁰⁵

Regarding Tallinn, the king sent a letter on 12 September to Gabriel Bengtsson Oxenstierna and Per Banér, who at a meeting with representatives of Tallinn's town council and guilds were supposed to refer to Sweden's military success in Livland, as a result of which Tallinners gained the opportunity to trade throughout the country and also with Pskov, and could hope for the restoration of their former prosperity. Since the city already had not provided aid to the army for some time, even though it was obligated to provide the king with two cannons and 200 soldiers (*Heeresfolge*) for the battlefield,²⁰⁶ the king wanted to receive a significant sum of money — 24,000 dalers per year. Additionally, the king wanted to receive 1,000, 2,000, 3,000 or more dalers per person as loans (*till försträckning*) from the more propertied Tallinners,²⁰⁷ of whom he named

²⁰⁵ Liljedahl, *Svensk förvaltning i Livland*, 111.

²⁰⁶ See further on this obligation: Gierlich, *Reval 1621 bis 1645*, 86.

²⁰⁷ Gustav II Adolf to Gabriel Oxenstierna and Per Banér, at the Biržai field camp on 12 September 1625: SRA, *Livonica II*, vol. 241.

six by name.²⁰⁸ On that same day, Tallinn's town council also received a letter requesting a contribution of 24,000 dalers and a loan of 3,000–4,000 dalers.²⁰⁹ Two months later, while still awaiting the opinions of Tallinn's town council and the Knighthood of Estland,²¹⁰ Gustav II Adolf announced his decision to reduce the size of the contribution amounts in a new letter to Oxenstierna and Banér, assuming that the provincial estates would make an offer that would be of little use to the crown. Hence the king required at least 20,000 dalers from the nobility and 10,000 from Tallinn, which had to be paid by Christmas of that same year (*emot Jul contribuerar och erlegge*). Thereat the king brought up an interesting nuance, that if the estates were to once again refer to their privileges and reject the contribution, the crown would then, although reluctantly, have to draw back in its activities in Estland, from which larger obligations would arise for the land than the contribution would be.²¹¹

The town council understandably tried to avoid paying such a large demand. Amounts of different orders of magnitude, which the city would be able to bear, were proposed at the town council deliberation — 3,000–3,500, 4,000–5,000, 5,000–6,000 dalers — ultimately deciding on 6,000 dalers. Tallinners considered any larger amount to be beyond their means.²¹² The town council secretary Bernard zur Bech was sent to see Lord High Chancellor Axel Oxenstierna in Valmiera on 8 December 1625, and from there onward to see the king in order to inform them of the city's willingness to give 6,000 dalers as a contribution. The size of the amount had to be justified with the fact that toll rental had not restored trade in Tallinn and the city was still in an economic slump. The city's financial difficulties also had to be explained by the enormous fire that had engulfed St. Olaf's Church on 29 June 1625.²¹³

Gabriel Bengtsson Oxenstierna and Per Banér had already informed the king in advance of Tallinn's decision. Gustav II Adolf did not find the proposed amount acceptable and demanded that 4,000 dalers be added because in his estimation, that was

²⁰⁸ [?] Skarenbergh, Evert Bremen, Hinrich von Lohn, Bernt von Garten, Johann Müller and Carsten Rode, whom the king claimed to have known.

²⁰⁹ Gustav II Adolf to Tallinn's town council, at the Biržai field camp on 12 September 1625: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 56, fol. 134–134v.

²¹⁰ The king demanded a contribution from the Knighthood of Estland for the first time on 5 March 1625. The amount requested was 15,000 dalers and the nobility rejected the request: Liljedahl, *Svenske förvaltning i Livland*, 177. The knighthood was again asked for a contribution to the defence of the province in the autumn of 1625, this time for 30,000 or 40,000 dalers: Gustav II Adolf to Gabriel Oxenstierna and Per Banér, at the Biržai field camp on 12 September 1625: SRA, Livonica II, vol. 241.

²¹¹ Gustav II Adolf to Gabriel Oxenstierna and Per Banér, from Koknes on 12 November 1625: SRA, Livonica II, vol. 241.

²¹² Tallinn's town council transcripts from 7 and 29 November 1625: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 43, fol. 197, 212.

²¹³ Instruction from Tallinn's town council to envoy Bernard zur Bech, on 8 December 1625: TLA, f. 230, op. 1, d. Aa 21:b, fol. 399–401.

the only way 200 soldiers could be maintained together with two cannons. The money was to be sent to Riga.²¹⁴ The king repeated his wish to obtain an additional 4,000 dalers from Tallinn in one of his letters from the end of 1625, pointing to Riga, and some other places that had already paid their contributions to the state, as an example for Tallinners.²¹⁵ Alongside Tallinn, Riga and the Knighthood of Estland, Pärnu and Narva had to give contributions in 1625/1626, and Tartu starting in 1628. The size of the contribution for each was 500 dalers.²¹⁶

When Gustav II Adolf was in Tallinn at the start of 1626, the topic of the size of the contribution was also raised. The king still wanted 10,000 dalers from the city, while the town council was prepared to allot 6,000 dalers.²¹⁷ Nevertheless, the question of the contribution was not the central theme at those negotiations because it was more important for the king to introduce the little toll in Tallinn. Hence immediately before leaving Tallinn, the king was willing to reduce ‘this’ year’s (*dieses Jahres*) contribution by 4,000 dalers. The city’s extraordinarily large expenditures and the burning of St. Olaf’s Church were brought up as pretexts.²¹⁸ According to the report for 1626 of Tallinn’s joint treasury, a contribution of 6,000 dalers was paid to the royal finance office in mid-February.²¹⁹ Ernst Gierlich had found that when he was in Tallinn and conducted negotiations with the city, the king abandoned his demand for a contribution for 1625, and the sum of 10,000 dalers, from which the king deducted 4,000 dalers, was agreed upon with the city for 1626.²²⁰ That is how the city understood the agreement, but it was not how the state saw it.

²¹⁴ Gustav II Adolf to Gabriel Oxenstierna and Per Banér, replying to their letter from 15 November at Biržai field camp on 29 November 1625: SRA, Livonica II, vol. 241. Together with 10,000 dalers, 5,000 dalers that had been sent from Sweden to Tallinn had to be sent from Tallinn to Riga, along with furs, shoes and other goods: Gustav II Adolf to Per Banér, in Koknes on 23 and 29 November 1625: SRA, Livonica II, vol. 241. It should be noted at this point that the Knighthood of Estland decided to surrender 14,000 dalers of the 20,000 dalers that had been requested to the king as a contribution: Governor of Estland Johan De la Gardie to Jakob De la Gardie, in Tallinn on 12 December 1625: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 45, fol. 227–227v. See also Johan De la Gardie’s letter to Joachim von Alpen, in Tallinn on 14 December 1625: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 45, fol. 229.

²¹⁵ Gustav II Adolf to Tallinn’s town council, at Biržai field camp on 28 December 1625: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 56.

²¹⁶ Liljedahl, *Svenske förvaltning i Livland*, 35, 67. According to the accounts book of the Province of Estland, contributions were required in 1627 even from Toompea (107:16) and the suburb of Tõnismäe (44:16), and from residents of the village of Lihula (40:00) and of Paide (23:16 dalers): RA, EAA, f. 278, op. 1, d. XXV/142, fol. 23v.

²¹⁷ Tallinn’s town council transcripts from 24 and 25 January 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 43, fol. 239, 243.

²¹⁸ Tallinn’s town council transcript from 24 February 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 43, fol. 272. Money for the king’s upkeep (*Hofhaltung*) was also requested while the king was in Tallinn: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 43, fol. 255, 257v.

²¹⁹ Tallinn’s joint treasury report for 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. Ba 25, fol. 72.

²²⁰ Gierlich, *Reval 1621 bis 1645*, 86.

In the autumn of 1626, the king demanded contributions of 20,000 dalers from the Knighthood of Estland, 10,000 from Tallinn,²²¹ and 500 from the city of Pärnu by Christmas.²²² According to orders from Riga's Commissar of War Måns Mårtensson Palm, the money already had to be sent to the Riga finance office by November of that same year (*das die 10 000 Thaler kunftigen Monat hie auch gewiß erlegt werden*).²²³ The three local governments were admittedly not expressly against paying a contribution, but they found that they were unable to give the required sums.²²⁴ On 27 November, Tallinn's town council informed Governor of Riga Svante Banér and Måns Mårtensson Palm of its decision to give 4,000 dalers. Governor of Estland Johan De la Gardie received notification with the same content on 1 December.²²⁵ The authorities of Tallinn's castle and the military authorities in Riga did not agree to accept a partial contribution. Johan De la Gardie demanded the addition of at least a thousand dalers, which the town council agreed to do yet set the payment deadline at the coming Shrovetide instead of Christmas,²²⁶ meaning that the fulfilment of the contribution for 1626 was postponed to 1627. Subsequently, Tallinn's town council had to get the burghers to agree to collect the necessary amount. The town council's position was that one daler had to be reckoned for every man, woman, journeyman merchant and journeyman artisan, ½ a daler for every child, and a ¼ daler for every apprentice, servant and maid.²²⁷ Tallinn's guilds did not consent to the town council's decision to collect poll tax. The town council proposed

²²¹ Gustav II Adolf to Johan De la Gardie, from *Lissow* at *Werder* on 24 October 1626: SRA, Livonica II, vol. 242. Gustav II Adolf to Tallinn's town council, from *Lissow* at *Werder* on 24 October 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 57/I, fol. 28–28r. In both of these letters, Gustav II Adolf notes that Tallinners have to pay a thousand dalers (*ettusend daler*) by Christmas, not 10,000 dalers. Elsewhere in relevant documents, this amount is pervasively 10,000 dalers.

²²² Liljedahl, Ragnar. *Svenske förvaltning i Livland*, 193.

²²³ Måns Mårtensson Palm to Tallinn's town council, in Riga on 28 October 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 57/I, fol. 30–30v. See also: Måns Mårtensson Palm to Governor of Estland Johan De la Gardie, in Riga on 17 October and 1 November 1626. In this same letter, Palm noted that the Knighthood of Estland had a previous outstanding debt to Riga's financial office of 529 dalers, and Pärnu's debt was 500 dalers: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 166, fol. 114–115, 128–128v. Governor of Riga Svante Banér and Måns Mårtensson Palm to Tallinn's town council, in Riga on 6 November 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 28, fol. 15–15v; Jakob De la Gardie to Tallinn's town council, in Riga on 7 November 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 58, fol. 68; and to Governor of Estland Johan De la Gardie, in Riga on 8 November 1626: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 166, fol. 139–140.

²²⁴ Liljedahl, *Svenske förvaltning i Livland*, 193.

²²⁵ The 10,000-daler contribution was deliberated in Tallinn's town council, to which was added a demand for toll rental money and 4,000 bushels of grain, on 21, 22 and 25 November 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 43, fol. 434, 435, 436v, 439v, 440v–441. Tallinn's town council to Svante Banér and Måns Mårtensson Palm, on 27 November 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. BA 12, fol. 41–42. Tallinn's town council to Governor of Estland Johan De la Gardie, on 1 December 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. BA 12, fol. 43–44.

²²⁶ Tallinn's town council transcripts from 30 November and 1 December 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 43, fol. 442v–450.

²²⁷ Tallinn's town council transcripts from 1 and 13 December 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 43, fol. 447–452.

a new solution to the guilds to loan money. The town council proposed to pay back the loan by collecting 8 öre from each barrel of salt at Tallinn's port instead of the current 2 öre.²²⁸

Hence Governor of Estland Johan De la Gardie had to affirm to Svante Banér and Måns Mårtensson Palm at the start of 1627 that Tallinn's difficult economic situation did not allow it to allot more than 5,000 dalers.²²⁹ Yet the city encountered difficulties in scraping together even this sum because at the end of February, half of the 5,000 dalers was still missing. Jürgen von Wangersen was prepared to lend 1,000 dalers to the town council; it was decided to take 1,500 dalers from toll rental revenues that had previously been placed at the disposal of Narva's governor.²³⁰ As Tallinn notified the commander-in-chief on 1 June, the city had already allotted 2,500 dalers as a contribution to the state by that time.²³¹ That fact is repeated several more times in the town council transcripts. Yet there is a contradiction in the sources. Namely, according to the joint treasury's report for 1627, the town council had allotted 4,000 dalers to Johan De la Gardie on 10 March; 1,000 dalers was scraped together in two stages on 26 May and 25 June as a loan from Ebert von Hausen.²³² As we shall see below, the state treated the contribution money that it received as payment for 1626.

At this point it is interesting to note that without yet having received the 5,000 dalers that Tallinn had promised and the 10,000 dalers promised by the Knighthood of Estland, Johan De la Gardie took out loans *in spe*, keeping in mind the money that was to be received, from several individuals at the start of 1627, totalling 13,517 1/8 dalers. He forwarded these loans to Riga together with nine bills of exchange. The individuals that gave the loans were local civil servants of Estland and Livland as well as burghers from Tallinn. For instance, from among the authorities, Måns Mårtensson gave a loan of 1,500 dalers, and from among Tallinners, Ebert von Hausen gave a loan of 1,500, Jost Dunte 3,914 dalers, and Hans Ketheler 5,000 dalers.²³³

²²⁸ Tallinn's town council transcript from 30 January 1627: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 44, fol. 27v, 28v.

²²⁹ Johan De la Gardie to Svante Banér and Måns Mårtensson Palm, in Tallinn on 8 February 1627: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 48, fol. 136.

²³⁰ Tallinn's town council transcripts from 27 February and 16 June 1627: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 44, fol. 49v, 115.

²³¹ Tallinn's town council to Jakob De la Gardie, on 1 June 1627: TLA, f. 230, op. 1, d. BA 12, fol. 87–88, 91–91v.

²³² Tallinn's joint treasury report for 1627: TLA, f. 230, op. 1, d. Ba 25, fol. 83, 84–84v.

²³³ Governor Johan De la Gardie's report from 1 February 1627: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 48, fol. 137.

In the spring of 1627, the town council was prepared to send a deputation to the king to ask to reduce the contribution demand.²³⁴ On 8 June 1627, Johan De la Gardie described the province's difficult situation in his letter to Lord High Chancellor Axel Oxenstierna. The king demanded payment of the contribution in full, for which reason the governor had repeatedly summoned the provincial estates to come before him and conveyed His Majesty's will to them. De la Gardie had even threatened the nobles and Tallinners that he would billet army units in their manors, but that did not help. De la Gardie himself feared ending up in His Majesty's disfavour. At the same time, he conceded that there was great poverty and an unfavourable situation in the land, for which reason he asked the chancellor to inform the king of this. The fact that according to the governor, he himself had not received any remuneration whatsoever throughout the two years that he had spent in Estland, is an interesting detail.²³⁵

Field Marshal Gustav Horn arrived from Sweden in Tallinn as a royal commissar at the start of July. On 2 July, he categorically demanded the immediate payment of the remaining 5,000 dalers from the town council, otherwise he as well vowed to billet the army, which was still on the ships, in the town council's manors. The town council deliberated the matter and assured Horn that the city did not have that kind of money to give due to great poverty and the fire that had befallen the city. Furthermore, half of the promised 5,000 dalers was still owed. Horn found that the town council could borrow the necessary money from toll revenues.²³⁶ A deputation of the town council met with De la Gardie and Horn at Toompea Castle on 9 July and thoroughly explained to them the city's poverty, which arose from the war, and also from the restoration of the church. The town council promised to turn to the king once again for assistance, but both Horn and the governor discouraged such a course of action, explaining that the king would not waive his demand and that it would be a better idea to pay the money.²³⁷

A couple of days later, the town council discussed the situation that had taken shape with the elders of the guilds. They were prepared to add another 5,000 dalers to the 5,000 that was owed because otherwise, so many soldiers and cavalrymen would be billeted in the city's manors until the money was paid. Horn had rejected all the town

²³⁴ Tallinn's town council to Royal Secretary Paulus Spandkovius, on 14 April 1627: TLA, f. 230, op. 1, d. BA 12, fol. 66–67v; Tallinn's town council to Jakob De la Gardie, on 1 June 1627: TLA, f. 230, op. 1, d. BA 12, fol. 87–88, 91–91v.

²³⁵ Johan De la Gardie to Axel Oxenstierna, in Tallinn on 8 June 1627: SRA, Oxenstiernas brevväxling, E 585.

²³⁶ Tallinn's town council transcript from 2 July 1627: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 44, fol. 120–121.

²³⁷ Tallinn's town council transcript from 9 July 1627: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 44, fol. 121v–122.

council's counterarguments and reminded the council that they were His Majesty's subjects and had to follow his orders.²³⁸ The town council nevertheless did not allow itself to be frightened and indicated that such an ultimatum was in contradiction to their privileges. The crown did not actually carry out its threat, not then or later.²³⁹

Royal commissars headed by Philipp Scheiding arrived in Tallinn in mid-July. His primary task was admittedly to carry out reforms in Estland, yet beyond that the commissars were assigned to extract contributions from the city and the knighthood, and to implement the little toll. They failed in both tasks — as long as the war continued, Estland's estates consented only to a partial contribution.²⁴⁰ In July of 1627, Governor of Livland Jakob De la Gardie undertook an attempt to get Tallinn to pay off its previous debt when he ordered Tallinn's town council to redeem a 2,000-daler bill of exchange for the loan that he had obtained from the Riga burgher Hans Dunte. Tallinners would have had to pay the remaining 3,000 dalers to the royal commissars, according to De la Gardie.²⁴¹

The situation of the summer did not change by late autumn. On 9 November 1627, Gustav II Adolf reminded Estland's estates by way of Johan De la Gardie that referring to difficulties and historical privileges would not defend the land against the enemy. The king also accused the governor himself that he had not related seriously enough to the payment of contributions, but rather had overlooked the matter either for his own convenience or for that of someone else. The king demanded the payment of the contribution for the current year and of the missing amount from the previous year. Otherwise the king also threatened to billet the army in the city's manors.²⁴²

The town council once again debated the city's possibilities for adding 5,000 dalers to the required 5,000 dalers. Additional money was nowhere to be found, and it was decided to postpone the payment of this claim until 1628.²⁴³ On 14 November, the town council also informed Governor Johan De la Gardie of its inability to pay additional money.²⁴⁴ De la Gardie informed the king of the town council's decision on 22 December.²⁴⁵

²³⁸ Tallinn's town council transcript from 11 July 1627: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 44, fol. 125–126v, 129v.

²³⁹ Gierlich, *Reval 1621 bis 1645*, 86–87.

²⁴⁰ Liljedahl, *Svenske förvaltning i Livland*, 211–214.

²⁴¹ Jakob De la Gardie to Tallinn's town council, in Riga on 13 July 1627: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 58, fol. 71.

²⁴² Two letters from Gustav II Adolf to Johan De la Gardie, in Stockholm on 9 November 1627: SRA, Livonica II, vol. 242; *ibid.* TLA, f. 230, op. 1, d. BF 57/I, fol. 45.

²⁴³ Tallinn's town council transcripts from 12 and 13 November 1627: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 44, fol. 249, 251.

²⁴⁴ Tallinn's town council transcripts from 14 November 1627: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 44, l. 251–251v.

²⁴⁵ Johan De la Gardie to Gustav II Adolf, in Tallinn on 22 December 1627: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 48, fol. 255

In a letter dated 5 March 1628 to the town council, Gustav II Adolf noted that Estland's nobility and the cities of Tallinn and Pärnu, all three together, still had yet to pay their total contribution for 1627, in other words 30,500 dalers: '*...at efter vij förnimme, det de tiugtusende daler Contribution som våre trogne undersåter landsåterne i Estland, så väl som de tijotusend daler vår stadh Räjfle, och de femhundrade Pernov erleggia borde för förledne åbr 1627, ännu emot all förhoppning äre outlagde...*'²⁴⁶ The king authorised Estland's new governor Philipp Scheiding and its Commissar of War Erik Andersson Trana to demand the missing amounts. The king's representatives were also expected to request additional loans for the state from various individuals.²⁴⁷

Hence, while according to the crown's calculations the state had received 6,000 dalers in 1625, 5,000 in 1626, and the city still owed money for 1627, the town council's calculation was different, since it found that the city had given the state 6,000 dalers in 1626, and the entire 5,000 dalers that had been demanded in 1627. As we shall see below, the town council gave 8,000 dalers for 1628. See also Table 7.

Governor of Estland Johan De la Gardie's situation in 1627 was doubtlessly not easy. He was being pressured by the king, his brother Jakob De la Gardie, Governor of Livland Svante Banér, Commissar of War Måns Mårtersson Palm, and Field Marshal Gustav Horn, who had in the meantime arrived in Tallinn. It was difficult for him to influence the cities of Tallinn and Pärnu, and the Knighthood of Estland. As Johan De la Gardie affirmed, threats were of no avail, and neither were good-willed admonitions. The situation became even more complicated because sufficient means were not being sent to Estland and Livland from Sweden either. Even more so, Johan De la Gardie himself was expected to give 8,000 dalers of his own money. He did not have that kind of money, and to support this claim he referred to his salary that had not been paid out to him, and to Raasiku Manor in Estland, which had been allotted to him but which did not earn anything. The governor had also directly informed the king of his insolvency. Furthermore, De la Gardie had already given the king 3,000 dalers and 1,000 bushels of grain three years ago, none of which had yet been paid back. Alongside Johan De la Gardie, a proposal was also made to his sister Brita to lend money.²⁴⁸

²⁴⁶ Gustav II Adolf to Tallinn's town council, in Stockholm on 5 March 1628: SRA, Livonica II, vol. 242.

²⁴⁷ Gustav II Adolf's authorisation to Philipp Scheiding, in Stockholm on 6 March 1628: SRA, Livonica II, vol. 242. Johan De la Gardie, his sister Brita De la Gardie, and Commissar of War Adam Schrapfer were among the individuals who in the opinion of the king had to give loans to the state. As Gustav II Adolf noted, the above-mentioned individuals had already lent money, but since according to him they were sufficiently wealthy, they could give loans without impairing themselves.

²⁴⁸ Johan De la Gardie to Svante Banér and Måns Mårtersson Palm, in Tallinn on 8 July 1627: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 48, fol. 200–201.

The king's letter from 9 November with a new demand for a contribution — once again 10,000 dalers — was read out at the town council's session on 8 December 1627.²⁴⁹ The town council started thoroughly deliberating the question of the contribution at its sessions in the first half of February, when the question was the size of the amount, either 4,000 or 6,000 dalers. Considering the crown's large war expenses, the town council was prepared to give 6,000 dalers, half of it in the coming spring and the other half in the autumn, yet on the condition that the city itself would not end up getting directly involved in warfare. The guilds opposed the town council's decision, finding that this amount was beyond their means. The town council decided to remain at 6,000 dalers, referring to the willingness of Estland's nobility to pay 15,000 dalers instead of the 20,000 dalers that had been requested. Yet when the town council informed Johan De la Gardie of its decision, he considered the amount being offered to be insufficient and demanded that the contribution be paid in full. Thereafter the town council increased the amount to 8,000 dalers.²⁵⁰ On 19 February 1628, De la Gardie was once again informed of this as the town council's final decision. The town council set two conditions: it was prepared to give the state 4,000 dalers in the summer and 4,000 dalers in the autumn under the condition that grain could be freely exported, and under the condition that the city itself would not need the collected money for its port, fortifying the city's earthwork and walls, and recruiting soldiers.²⁵¹ On 1 March, De la Gardie forwarded the decisions of Tallinn's town council and the Knighthood of Estland to Gustav II Adolf.²⁵²

On 6 March 1628, Gustav II Adolf sent Tallinn's town council a letter written in a friendly tone, in which he justified the state's need to take out contributions and explained that the money would go towards the defence of Livland, including Tallinners. The king noted that Tallinn was quite near to the theatre of war and that his wish was that the war would be fought in enemy territory. Moreover, the king's subjects in Sweden, for whom the threat was not at their doorstep, had borne a much heavier burden and consented to their taxes. Therefore the king appealed to Tallinners to pay the money as soon as possible and to deliver it to his representatives, and not to waste time on futile

²⁴⁹ Tallinn's town council transcript from 8 December 1627: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 44, fol. 271v–272. Alongside Tallinn, the king again demanded 20,000 dalers from Estland's nobility and 500 each from Pärnu and Paide: Gustav II Adolf to Johan De la Gardie, in Stockholm on 9 November 1627: SRA, Livonica II, vol. 242; *ibid.* TLA, f. 230, op. 1, d. BF 57/I, fol. 44.

²⁵⁰ Tallinn's town council transcripts from 4, 5, 12, 16 and 19 February 1628: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 44, fol. 308–309v, 312–315.

²⁵¹ Tallinn's town council to Johan De la Gardie, on 19 February 1628: TLA, f. 230, op. 1, d. BA 12, fol. 148–149.

²⁵² Johan De la Gardie to Gustav II Adolf, in Tallinn on 1 March 1628: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 48, fol. 289.

arguments.²⁵³ Yet the king's tone changed when he found out about the city's willingness to once again pay its contribution only partially. In his letter to Estland's new governor Philipp Scheiding, the king demanded the payment of the contribution for 1628 on time and in full. The king had been particularly angered by the request of the Tallinners to tie the payment of the contribution to the freedom to export grain. At the same time, the king allowed Scheiding to wait for a more appropriate time to demand the payment of the city's previous contribution debts.²⁵⁴

The former governor Johan De la Gardie had already demanded the allotment of the first part of the contribution, that is 4,000 dalers, from the town council at the end of March, 1628, justifying this by the great shortages prevailing in the land.²⁵⁵ In April, Scheiding also asked the town council when the city would hand over the first part of the promised money. The town council found that it would do so by Pentecost, that is 11 June.²⁵⁶ The city's expenditures recorded in the joint treasury report for 1628 show that the town council had transferred a total of 4,000 dalers in five instalments from 15 May to 23 August, and another 4,000 dalers was paid all at once at the end of the year on 16 December.²⁵⁷ The last allotment of money was not easy for the city because as we shall see below, licent toll started being collected from ships in Tallinn's roads in the summer of that same year. This was a new tax burden for Tallinn's burghers and it similarly required funds. The promised contribution money was nevertheless scraped together and sent by way of a bill of exchange to Riga and placed at the disposal of Field Marshal Gustav Horn.²⁵⁸ The city ended up with a debt of 2,000 dalers to the crown for 1628.²⁵⁹ With that the contribution saga ended for Tallinn. Since the king started collecting licent toll, Gustav II Adolf relieved Tallinners from other war obligations.²⁶⁰ And although local government officials in Estland and Livland wanted both the city and

²⁵³ Gustav II Adolf to Tallinn's town council, in Stockholm on 6 March 1628: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 57, fol. 50.

²⁵⁴ Gustav II Adolf to Philipp Scheiding, in Stockholm on 17 April 1628: SRA, Livonica II, vol. 242. Interestingly, the king noted in this letter 6,000 dalers as the contribution sum that Tallinn's town council had agreed to.

²⁵⁵ Tallinn's town council transcript from 27 March 1628: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 44. fol. 345.

²⁵⁶ Tallinn's town council transcript from 19 April 1628: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 44. fol. 367. Based on town council transcripts, see how 8,000 dalers were gathered together from burghers in 1628 by borrowing at interest: Gierlich, *Reval 1621 bis 1645*, 87–88.

²⁵⁷ Tallinn's joint treasury report for 1628: TLA, f. 230, op. 1, d. Ba 25, fol. 92–93, 95v.

²⁵⁸ Tallinn's town council to Gustav Horn in Riga, on 7 October 1628: TLA, f. 230, op. 1, d. BA 12, fol. 198–199v. Tallinn's town council transcripts from 7 and 17 October, 11, 14, 21 and 28 November and 8 December: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 44. fol. 490, 495–496, 514, 514v, 524, 529v, 538v.

²⁵⁹ In April of 1629, Erik Andersson Trana assessed the size of the total contribution debt of the city of Tallinn and the Knighthood of Estland for 1628 at 10,829 dalers: Erik Andersson Trana to Evert Bremen, in Riga on 22 April 1629: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 164, fol. 223–223v.

²⁶⁰ Gustav Adolf's declaration to Tallinn, in Stockholm on 5 May 1629: *Die Quellen des Revaler Stadtrechts*, 212. Original of the same document: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 57/I, fol. 91–91v.

the knighthood to pay their contribution debts for 1628 and the preceding years,²⁶¹ the town council refused to do so, referring to the king's decision.²⁶²

Table 7. Tallinn's contribution payments to the Swedish crown in 1625–1628 (in dalers):

Year	Demanded amount	State's calculation	City's calculation	According to joint treasury
1625	10,000	6,000	–	–
1626	10,000	5,000	6,000	6,000
1627	10,000	–	5,000	5,000
1628	10,000	8,000	8,000	8,000

Stockholm can be considered for the sake of comparison. It had to pay 4,750 dalers in contribution per year in 1625–1635. The city managed to do so in 1625 but the following year was 1,750 dalers in debt. Its debt was 1,314 dalers in 1627. These debts were paid in 1628 together with the contribution for that same year, 7,814 dalers in total. There was either no shortfall in 1629–1632 or the deficits were insignificant, yet the city ended up owing half the required amount in 1633–1635.²⁶³ A total of 52,151 dalers was collected in Sweden and 7,219 in Finland in 1629.²⁶⁴ The contribution money required from Stockholm is not comparable to that which was required from Tallinn. Nevertheless, the contribution amounts required in Sweden-Finland and in the provinces in the 1620s are not comparable to the amounts that were collected in Germany starting in 1630.²⁶⁵

The little toll and the licent toll in Tallinn

Gustav II Adolf arrived in Tallinn on 22 January 1626. The reform-oriented king's clear message to the city as well as the Knighthood of Estland was that in a situation where the theatre of war had been pushed back to the other side of the Daugava River and burghers could once again work in their livelihoods, the land itself had to start pulling

²⁶¹ See for instance: Evert Bremen to Governor of Livland Anders Eriksson Hästehufvud, in Tallinn on 9 December 1628: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 48, fol. 349v. Evert Bremen to Governor of Livland Anders Eriksson Hästehufvud, in Tallinn on 22 March and 27 April 1629: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 49, fol. 11, 21.

²⁶² Tallinn's town council to Gustav Horn, on 13 July 1629: TLA, f. 230, op. 1, d. BA 12, fol. 247–248v.

²⁶³ Ericson, *Borgare och byråkrater*, p. 317.

²⁶⁴ Kerkkonen, "Ruotsi-Suomen finanseista 1600-luvun alkupuoliskolla," 195; Sven-Erik Åström, "Finlands roll i stormaktstidens svenska riks- och krigsekonomi," in *Magtstaten i Norden i 1600-tallet og dens sociale konsekvenser. Rapporter til den XIX Nordiske historikerkongres*, ed. Erling Ladewig Petersen, vol. 1 (Odense: Odense Universitetsforl., 1984), 41–60. For further details on contribution obligations imposed on towns in Southern Finland, see: Kerkkonen. *Etelä-Suomen kaupunkien kruununverot*, 135–146, 263–266.

²⁶⁵ Lars Ekholm, *Svenske krigsfinansiering 1630–1631*. Uppsala, 1974, 17–21.

its own weight (*das das Landt seine eigene Last tragen müege*), to participate in payments and to maintain fortresses and garrisons. In order to achieve this, a toll and excise had to be imposed on edibles (*consumptible Waren*). As the king stressed, 'this was the custom among all peoples.'²⁶⁶ The 'edibles toll' in the expression of the king meant a victual toll, in other words the little toll that was collected from edibles arriving at the city market by land and by sea.²⁶⁷ Tallinners and the nobility would have had to pay this in parallel with their contributions. Gustav II Adolf presented the corresponding demand to the city on 4 February.²⁶⁸

Tallinn did not consent to the little toll, finding that it was in contradiction to the city's privileges. It was seen as a tax burden that the land that had been devastated by war was unable to bear. It was pointed out that since the little toll was already being collected in Finland, double taxation would halt the import of goods from there to Tallinn.²⁶⁹ As Burgomaster Johann Derenthal notified the king, the little toll would mean ruination for the city. Numerous burghers had already made it known that they would leave the city if the toll was introduced.²⁷⁰ Gustav II Adolf pointed out that the prices of goods would rise only to a small extent, but that he needed money with which to wage war. A few days later, a decision rejecting the proposal, in which the town council relied on its privileges, was presented to the king.²⁷¹ Gustav II Adolf is known to have become angry and on 9 February 1626, he snapped at Tallinn's town council that he could 'hang the breadbasket [of Tallinners] so high that they could not reach it' and open up all the ports along Estland's coast — Narva, Haapsalu, Toolse. The king found that he 'would rather own one little settlement that he would profit from than a city providing no profit.' The monarch assessed the expenses for maintaining Tallinn's garrison as being 60,000 dalers per year. The king no longer wished to send this money from Sweden.²⁷² The city was forced to consent to the little toll yet seized upon the king's promise that if it became evident that the little toll was harmful for the city and the land, it would be annulled.²⁷³ The little toll was nevertheless not imposed in Tallinn in 1626. A commission

²⁶⁶ Gustav II Adolf to Tallinn's town council, in Tallinn on 30 January 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 57/I, fol. 3–4.

²⁶⁷ The little toll was introduced in Swedish-Finnish towns by decision of the Riksdag in May of 1622 but it started being collected in 1623: Sandström, *Mellan Torneå och Amsterdam*, 75. For the little toll in Finnish towns see: Kerkkonen. *Etelä-Suomen kaupunkien kruununverot*, 163–191.

²⁶⁸ Gustav II Adolf to Tallinn's town council, in Tallinn on 4 February 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. Bh 42/II, fol. 4–7.

²⁶⁹ Liljedahl, *Svenske förvaltning i Livland*, 182.

²⁷⁰ In the latter half of the 1620s, the state collected some sort of little toll (*den Lilla Tollen*) at Tallinn's port, from which 128:20 dalers were received in 1625/1626, 125:08 in 1626/1627, 34:16 in 1627/1628 and 60:03 in 1628/1629: RA, EAA, f. 278, op.1 d. XXV/141, fol. 2v; RA, EAA, f. 278, op.1 d. XXV/142, fol. 2v, 23v, 45.

²⁷¹ Greiffenhagen, *Heimische Konflikte mit Gustav Adolf*, 17–18; Gierlich, *Reval 1621 bis 1645*, 138.

²⁷² Tallinn's town council transcript from 9 February 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 43, fol. 258v–259v.

²⁷³ Tallinn's town council to Gustav II Adolf on 15 February 1626: TLA, f. 230, op. 1, d. Bh 42/II, fol. 9–10.

headed by Philipp Scheiding continued negotiations with the city in 1627. Collection of the little toll was discussed with representatives of the knighthood as well as of the city without arriving at a solution. Now the city stuck to its guns and declared that the little toll was harmful to both the city and the peasants. The city claimed that residents would leave the country if the toll was introduced. There were other counterarguments as well.²⁷⁴ The question went back to Gustav II Adolf, who found, however, that the time did not make it possible to hold continuing negotiations with Estland's estates on the topic of the little toll. The little toll was ultimately not imposed in Tallinn.²⁷⁵

Gustav II Adolf abandoned discussions with Tallinners. There was no time to lose regarding the question of financing the war. The king found a simple solution. Namely, on 20 July 1628 he sent a letter to Governor of Estland Philipp Scheiding, in which he noted that the current time did not make it possible to spare his subjects from providing aid and contributions. At the same time, ways and means that seemed reasonable to the monarch could not be pushed through quickly. Now he had heard that both Estland's nobility and Tallinn wanted the export of grain to be freed up. Using grain exports²⁷⁶ as a pretext, the king decided to send a ship to Tallinn's roads and to appoint the toll collector Aert Spieringk to the ship, with the task of collecting a new sea toll, the licent toll, from goods being brought to Tallinn from abroad and from goods being exported from Tallinn. Goods that were brought from Russia were exempted from the licent toll.²⁷⁷ Revenues from the licent toll²⁷⁸ went to the state treasury in full.

The royal licent ordinance²⁷⁹ was read out in Tallinn's town hall in the presence of representatives of the burghers on 23 and 26 August 1628. In the discussions that followed, the recognition was arrived at that the licent was admittedly against the city's privileges and concealed within it the city's ruin, but the town council did not see in itself either the strength or the competence to start discussing the collection of the new toll with the king. It was decided to send two envoys to Gustav II Adolf to 'win the monarch's

²⁷⁴ Written correspondence between Tallinn's town council and the royal commission headed by Philipp Scheiding can be followed from 11 October to 24 December 1627: TLA, f. 230, op. 1, d. Bh 42/II, fol. 13–60.

²⁷⁵ Liljedahl, *Svenske förvaltning i Livland*, 182–184, 207–213; Gierlich, *Reval 1621 bis 1645*, 138–140.

²⁷⁶ Referring to allowing grain exports was probably a demagogical device because according to the king's own ordinances, it was prohibited in 1628 as well as in subsequent years. The state itself bought up the topic of grain in Tallinn in 1629 and 1630: Küng, "See tubli linn muutub tühjaks ja lagedaks," III, 24–25.

²⁷⁷ Gustav II Adolf to Governor of Estland Philipp Scheiding, at the field camp near Dirschau on 20 July 1628: SRA, *Livonica II*, vol. 242; TLA, f. 230, op. 1, d. Ba 57:1, fol. 52–52v.

²⁷⁸ Gustav II Adolf introduced the licent toll in 1627 in Prussia and Courland according to the example set by Holland. Starting in 1629, it became a general sea toll in the Baltic Sea provinces extending from Riga to the mouth of the Neva River. On the licent toll, see: Einar Wendt, *Det svenska licentväsendet i Preussen 1627–1635* (Uppsala: Lundequistska bokh., 1933); Dunsdorfs, "Vidzemes zvidru laiku finances," 75–85; Küng, "Die staatlichen Zölle — Portorium und Licent," 148–150.

²⁷⁹ Gustav II Adolf's licent ordinance to Tallinn, at the field camp near Dirschau on 16 July 1628: TLA, f. 230, op. 1, d. Bh 12/I.

heart with obedience' and to ask for the licent decision to be annulled.²⁸⁰ Aert Spiering arrived in Tallinn on 29 August. He met with the castle authorities and the town council. On 8 September, when three Dutch ships and one ship from Lübeck were in the harbour, he stationed a bojort in Tallinn's roads, which started collecting tolls from ships. The first collected amount was about 610 dalers.²⁸¹ At the start of October, Spiering brought 8,000 Dutch guilders, which corresponded to 5,000 dalers, to Toompea Castle and already by the end of the month, licent revenue totalled 10,800 dalers.²⁸² When a summary was drawn up of the licent revenues received over the preceding year in the spring of 1629, Spiering was able to inform the king that 23,000 copper dalers (about 4,381 dalers) had been received, of which 16,250 copper dalers were sent to Commissar of War Erik Andersson Trana in Riga, 3,000 dalers were given for the upkeep of Tallinn's garrison, and the remaining money was left in reserve.²⁸³ At least 23,901 copper dalers (about 4,553 dalers) in licent revenues were received in 1629. Continuous notifications regarding the licent toll in Tallinn were recorded starting in 1634. Hence the Swedish state received 16,573 riksdalers (about 24,860 dalers) in 1634, 11,321 (about 16,982) in 1635, 14,455 (about 21,683) in 1637, 13,480 (about 20,220) in 1638, 11,305 (about 16,958) in 1639, etc.²⁸⁴ The amounts listed clearly indicate the growth of the state's revenues compared to contributions. Estland's nobility also escaped the obligation of paying contributions at more or less the same time. It was replaced by a regular state tax to be collected from each ploughland — the mill toll (*quarntull*), which later was also called toll grain (*tullkorn*). The size of the mill toll fluctuated in the range of 10,000–11,000 silver dalers in 1631–1633.²⁸⁵

As of the autumn of 1628, Tallinn's town council faced three financial obligations to the state, two of which were actually in force — contributions and the licent toll — and the question of the little toll had not yet been conclusively resolved. On New Year's Eve of 1628, the town council, together with representatives of the guilds, considered three alternatives, finding that the little toll would utterly weaken the city's freedom; contributions of 14,000–20,000 dalers per year were impossible for the city to come up with, yet the community was prepared to consent to the licent toll, however the toll should

²⁸⁰ Tallinn's town council transcripts from 23 and 26 August 1628: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 44. fol. 441–441v, 443–444. Additionally, ship mast, last, anchor, oar, sail and writing taxes started being collected in Tallinn: Gierlich, *Reval 1621 bis 1645*, 140.

²⁸¹ Aert Spiering to Axel Oxenstierna, in Tallinn on 9 September 1628: SRA, Oxenstiernas brevväxling, E 725.

²⁸² RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 48, fol. 338, 345a.

²⁸³ Tallinn's Statthalter Evert Bremen to Gustav II Adolf, in Tallinn on 9 April 1629: RA, EAA, f. 1, op. 2, d. 49, fol. 16–16v. See also Bremen's receipt, in Tallinn on 30 December 1628: SRA, Östersjöprovinsernas tull- och licenträkenskaper, vol. 22.

²⁸⁴ RA, EAA, f. 278, op.1 d. XXII/139, XXII/140; SRA, Östersjöprovinsernas tull- och licenträkenskaper: vol. 25, 26, 29. See also: Küng, 'Die staatlichen Zölle — *Portorium und Licent*, 156.

²⁸⁵ Liljedahl, *Svenske förvaltning i Livland*, 228; Helmut Piirimäe, *Rootsi riigimajandus Eesti- ja Liivimaal XVII sajandil* (Tartu: Kirjastus, 2009), 68–69, 310, Table 25.

be reduced by half or a third, it should not be collected continuously, and the city wanted to participate in collecting the toll. The hitherto existing pound toll, however, should be rolled back to its original 1.5% of the value of the goods.²⁸⁶ A thoroughly argued opinion on the licent toll was given to Tallinn's envoys to take to Stockholm. On the one hand, the envoys had to ask for the annulment of the licent toll and they even expressed willingness to pay a contribution of 10,000 dalers per year until the end of the war, but if they had to choose between the licent toll, the little toll or contributions, they had to choose the licent toll.²⁸⁷ Gustav II Adolf issued a declaration to the envoys on 5 May 1629 in which he justified the introduction of the licent toll with the Swedish crown's indescribable expenditures and stated that those expenditures would even to some extent be paid using Estland's own financial means. His Majesty exempted Tallinners from other war obligations with that same document.²⁸⁸ Even though Tallinners wanted the licent toll to be collected only in wartime, it remained in effect until the end of Swedish rule in 1710.

In summary

Starting from Sweden's incorporation of Tallinn and Estland, the state had to bear the local civil and military expenditures. Since the land holdings in Estland that fell into the hands of the crown were incapable of covering the province's growing expenditures, almost all necessary money, provisions, munitions and military provisions were initially obtained from Sweden and Finland. At the same time, the motherland's capabilities to maintain its overseas possessions were limited in the state's overall strenuous military situation. Hence the state had to turn to the province's inhabitants, Tallinners within the framework of this article, to obtain additional financial and material means.

The royal authority did not like the situation where Estland's estates — the nobility and the city burghers — did not participate in financing the province. The royal authority pointed out the situation where the Swedish crown and its subjects had financially contributed to waging war in Livland, while Tallinn had not financially supported the state. The first step in obtaining additional means was to tax trade, by which either two thirds or half of Tallinn's toll revenues were given to the state. This was the first continuous state tax obligation that was imposed on Tallinn. The Swedish state additionally received toll rental money from Tallinn in 1623–1629 — 12,000 dalers per year. The state also asked

²⁸⁶ Tallinn's town council transcript from 31 December 1628: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 44, fol. 546–546v. The town council also arrived at the same position at its session on 2 January 1629: TLA, f. 230, op. 1, d. Ab 45, fol. 2–2v.

²⁸⁷ Instruction given to Tallinn's envoys — Burgomaster and Syndic Johan Derenthal, Alderman Thomas Luhr, Oldermann [chief officer of a guild] Casper Mühseler and the elder of the Great Guild Hans Stempel — to take to Gustav II Adolf in Stockholm, 14 January 1629: TLA, f. 230, op. 1, d. Aa 21:b, fol. 428–432v.

²⁸⁸ Gustav Adolf's declaration to Tallinn, in Stockholm on 5 May 1629: *Die Quellen des Revaler Stadtrechts*, 212. Original of the same document: TLA, f. 230, op. 1, d. BF 57/I, fol. 91–91v.

Tallinners for foodstuffs and money for the upkeep of soldiers, who often suffered from shortages. On the one hand, Tallinners were reprimanded for their unwillingness to render assistance. On the other hand, the state encountered difficulties in paying back its loans. Loans and other aid were reimbursed by mortgaging crown lands and with goods from Sweden-Finland (metals, grain, butter, and other such products).

Tallinn's first non-repayable financial aid to the state was the payment of 4,000 dalers of the Älvsborg Ransom in 1614. In 1622, the city allotted 3,000 dalers to the king as non-repayable money, and in 1623, 2,000 dalers 'as a gift.' The city's wish to secure economic concessions from the crown, for instance in trade competition with neighbouring towns, especially Narva, was behind all allotments of money. In the mid-1620s, the obligation to pay extraordinary war tax — contribution — which similarly was not repayable, was extended to Tallinn, but also to other class-based local governments in Estland. Since there were great difficulties with the receipt of contributions, and Estland's estates refused to pay them in the amounts that were announced, the king imposed a new sea toll — the licent toll — on Tallinn's trade in 1628, which went into the state's revenues in full. The crown's attempt to introduce a victual tax, in other words the little toll, in Tallinn failed.

The financial relationship that took shape between the city of Tallinn and the Swedish crown in the mid-1580s is part of a broader process of development of the financial and tax state. The demands made by the royal authorities for financial means thoroughly reshaped Tallinn's financial and economic foundations; state control over the state increased. The tax burden of Tallinners increased. In addition to the ordinary obligations to the city, money and goods also had to be given to the state. Although Tallinners tried to escape financial obligations to the state by referring to historical privileges and the difficult economic situation, Stockholm paid no attention to their rhetoric. At the same time, in the current state of research, it is not possible to say how large the contribution of Tallinn, and more broadly of the province of Estland, was to Sweden's war finances.

Translated from Estonian into English by Peeter Tammisto

List of secondary sources

Шаскольский, И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со ШВЕДСКИМ ГОСУДАРСТВОМ / И. П. Шаскольский. — Москва ; Ленинград : Наука, 1964. — 220 с.

Almquist, J. A. Den civila lokalförvaltningen i Sverige 1523–1630 : med särskild hänsyn till den kamerala indelningen / J. A. Almquist. — Stockholm : Norstedt, 1919–1922. — D. 2. — 688 s.

Andersson, I. Erik XIV / I. Andersson. — 4. uppl., utvidg. — Stockholm : Wahlström & Widstrand, 1951. — 319 s.

Annell, G. Erik XIV:s etiska föreställningar och deras inflytande på hans politik / G. Annell. — Uppsala : Almqvist & Wiksell, 1945. — 261 s. — (Lychnos-bibliotek 9).

Annerstedt, C. Grundläggningen af Svenska väldet i Livland 1558–1563 samt deraf alstrade strider inom Vasahuset / C. Annerstedt. — Uppsala : Edquist & Berglund, 1868. — X, 143 s.

Arnell, S. Die Auflösung des livländischen Ordensstaates : das schwedische Eingreifen und die Heirat Herzog Johans von Finnland, 1558–1562 / S. Arnell. — Lund : Lindstedts univ.-bokh., 1937. — XXV, 278 s.

Attman, A. Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik 1558–1595 / A. Attman. — Lund : A.-B. Ph. Lindstedts Univ.-Bokhandel, 1944. — 466 s.

Attman, A. The Russian and Polish Markets in International Trade 1500–1650 / A. Attman. — Göteborg : Ekonomisk-historiska institutionen vid Göteborgs universitet, 1973. — 232 p. — (Meddelanden från Ekonomisk-historiska institutionen vid Göteborgs universitet 26).

Attman, A. The Struggle for Baltic Markets : Powers in Conflict 1558–1618 / A. Attman. — Göteborg : Vetenskaps- och vitterhets-samhället, 1979. — 231 p.

Behre, G. Sveriges historia, 1521–1809 : stormaktsdöm och småstatsrealiteter / G. Behre, L.-O. Larsson, E. Österberg — Solna : Almqvist & Wiksell läromedel, 1991. — 301 s. — (Scandinavian university books 9).

Blumfeldt, E. Statistilisi lisandeid Tallinna kaubaliikluse ja meresõidu ajaloole / E. Blumfeldt // Ajalooline Ajakiri. — 1935. — No. 1. — Lk. 1–18; No. 2. — Lk. 49–63.

Böhme, K.-R. Schwedische Finanzbürokratie und Kriegführung 1611 bis 1721 / K.-R. Böhme // Europe and Scandinavia : Aspects of the Process of Integration in the 17th Century / ed. by G. Rystad. — Solna : Esselte Studium, 1983. — S. 51–58. — (Lund studies in international history 18).

Dahlgren, S. Skattesystemet som exploateringsform under 1600- och 1700-talen / S. Dahlgren // Historisk tidskrift. — Stockholm, 1982. — Vol. 102, no. 4. — S. 437–455.

Dollinger, Ph. Die Hanse / Ph. Dollinger. — 2. Aufl., überarb. — Stuttgart: Kröner, 1976. — 605 s.

Dunsdorfs, E. Vidzemes zviedru laiku finanses / E. Dunsdorfs // Veltījums izglītības ministram un professoram Dr. h. c. Augustam Tentelim 23. XI 1876 — 29. XI 1936 / red. T. Zeids. — Riga : Ramaves apgāds, 1936. — Lp. 62–104.

Ericson, L. Borgare och byråkrater : omvandlingen av Stockholms stadsförvaltning 1599–1637 / L. Ericson. — Stockholm : Stockholms stad, 1988. — 447 s.

Federley, B. Konung, ståthållare och korporationer : studier i Estlands förvaltning 1581–1600 / B. Federley. — Helsinki: Societas scientiarum Fennica, 1962. — 138 s. — (Commentationes humanarum litterarum 30:1).

Gierlich, E. Reval 1621 bis 1645 : von der Eroberung Livlands durch Gustav Adolf bis zum Frieden von Brömsebro / E. Gierlich. — Bonn : Kulturstiftung der deutschen Vertriebenen, 1991. — 404 s.

Greiffenhagen, W. Heimische Konflikte mit Gustav Adolf / W. Grieffenhagen // Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands. — Reval: Ehstländische literarische Gesellschaft, 1882. — Bd. 3, Heft 2. — S. 1–30.

Greiffenhagen, W. Karl IX in Reval / W. Grieffenhagen // Baltische Monatschrift. — 1888. — Bd. XXXV. — S. 567–601.

Johansen, P. Deutsch und Undeutsch im mittelalterlichen und frühneuzeitlichen Reval / Johansen P., H. von zur Mühlen. — Köln; Wien: Böhlau, 1973. — 555 s.

Kerkkonen, V. Etelä-Suomen kaupunkien kruununverot 1614–1650 / V. Kerkkonen. — Helsinki: SHS, 1945. — (Historiallisia tutkimuksia 30).

Kerkkonen, V. Ruotsi-Suomen finansseista 1600-luvun alkupuolella / V. Kerkkonen // Historiallinen arkisto. — 1947. — Vol. 52. — S. 141–212.

Kotilaine, J. T. Noch mal über die Revaler Zollarrende: der fiktive Aufschwung? / J. T. Kotilaine // Vana Tallinn. — Tallinn: Estopol; Tallinna linnavalitsus, 2002. — Vol. 12 (16). — Lk. 51–72.

Küng, E. Die staatlichen Zölle — Portorium und Lizent — in den Städten der schwedischen Ostseeprovinzen / E. Küng // Hansische Geschichtsblätter. — 2015. — Bd. 133. — S. 115–162. — URL: <https://doi.org/10.21248/hgbll.2015.75>. — (17.12.2021).

Küng, E. „See tubli linn muutub tühjaks ja lagedaks”: Tallinna majanduslik olukord 1620.–1630. Aastatel I–III / E. Küng // Tuna: Ajalookultuuri Ajakiri. — 2017. — No. 4. — Lk. 25–37; 2018. — No. 1. — Lk. 4–19; No. 2. — Lk. 14–34.

Küng, E. On the Use of Money in Tallinn in the First Half of the 17th Century / E. Küng // Numismatics in the Centenary Year of the Baltic States / ed. F. Ehrnsten. — Tallinn: Association of Baltic Numismatic, 2019. — P. 101–115. — (Numismatica Baltica 2). — URL: https://www.researchgate.net/publication/354403198_On_the_Use_of_Money_in_Tallinn_in_the_First_Half_of_the_17th_Century. — (17.12.2021).

Küng, E. Naelatoll Tallinna linna ja Rootsi riigi finantssuhetes 16. sajandi teisel poolel ja 17. Sajandil / E. Küng // Vana Tallinn. — Tallinn: Tallinna Linnaarhiiv, 2020. — Vol. 30 (34). — Lk. 9–90.

Laidre, M. Domus belli: Põhjamaade Saja-aastane sõda Liivimaal 1554–1661 / M. Laidre. — Tallinn: Argo, 2015. — 910 lk.

Landgrén, L.-F. Tvekampen 1521–1611 / L.-F. Landgrén. — Helsingfors: Schildts, 2008. — 263 s. — (Kriegen kring Östersjön 2).

Leimus, I. Das Münzwesen Livlands im 16. Jahrhundert (1515–1581/94) / I. Leimus. — Stockholm: Stockholm Numismatic Institute, 1995. — 103 s.

Liljedahl, R. Svensk förvaltning i Livland 1617–1634 / R. Liljedahl. — Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1933. — 557 s.

Lindgren, J. Den svenska militärstaten 1560–1720 / J. Lindgren // Magtstaten i Norden i 1600-tallet og dens sociale konsekvenser: rapporter til den XIX Nordiske historikerkongres / red. E. L. Petersen. — Odense: Odense Universitetsforl., 1984. — Bd. 1. — S. 99–130. — (Odense University studies in history and social sciences 85).

Melander, K. R. Ruotsin hallituksen ja Tallinnalaisten kauppatuumat Venäjän suhteen ynnä niistä johtuvat riidat Lübeckin kanssa vuosina 1614–43 / K. R. Melander // Historiallinen arkisto. — 1899. — Vol. 16. — S. 22–62

Melander, K. R. Die Beziehungen Lübeck's zu Schweden und Verhandlungen dieser beiden Staaten wegen des russischen Handels über Reval und Narva während der Jahre 1643–53 / K. R. Melander // Historiallinen arkisto. — 1903. — Vol. 18. — S. 1–81.

Melander, K. R. Die Revaler Zollarende 1623–1629 und die dadurch zwischen Schweden und Lübeck hervorgerufenen Mißhelligkeiten / K. R. Melander // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. — 1912. — Bd. 14. — S. 237–272.

Odén, B. Rikets uppbörd och utgift : statsfinanser och finansförvaltning under senare 1500-talet / B. Odén. — Lund: Gleerup, 1955. — XII, 448. — Bibliotheca historica Lundensis 1).

Odén, B. Kronohandel och finanspolitik 1560–1595 / B. Odén. — Lund : Berling, 1966. — 436 s. — (Skrifter utgivna av Vetenskaps societeten i Lund 56).

Piirimäe, H. Rootsi riigimajandus Eesti- ja Liivimaal XVII sajandil / H. Piirimäe. — Tartu : Kirjastus, 2009. — 426 s.

Ritscher, A. Reval an der Schwelle zur Neuzeit 1 : vom Vorabend der Reformation bis zum Tode Wolters von Plettenberg (1510–1535) / A. Ritscher. — Bonn : Kulturstiftung der Deutschen Vertriebenen, 1998. — 232 s.

Rühe, W.-R. Revals Seehandel 1617–1624 / W.-R. Ruhe // Zeitschrift für Ostforschung. — 1989. — Bd. 38. — S. 246–248.

Sandberg, R. I slottets skugga : Stockholm och kronan 1599–1620 / R. Sandberg. — Stockholm : Komm. för Stockholmsforskning, 1991. — 529 s.

Sandström, Å. Mellan Torneå och Amsterdam : en undersökning av Stockholms roll som förmedlare av varor i regional- och utrikeshandel 1600–1650 / Å. Sandström. — Stockholm : Stockholms stad, 1990. — 453 s.

Schildhauer, J. Die Hanse / J. Schildhauer, K. Fritze, W. Stark. — 5. Aufl. — Berlin : Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1982. — 252 s.

Seppel, M. 1601.–1603. aasta näljahäda Eestimaal : I. Kronoloogia, ikalduse ulatus ja sissetulekute langus / M. Seppel // Tuna : Ajalookultuuri Ajakiri. — 2014. — No. 2. — Lk. 33–49.

Seppel, M. 1601.–1603. aasta näljahäda Eestimaal : II. Asustuse vähenemine, näljaabi ja kannibalism / M. Seppel // Tuna : Ajalookultuuri Ajakiri. — 2014. — No. 3. — Lk. 25–43.

Seppel, M. 1603. aasta katk Tallinnas Georg Mülleri tuluraamatu põhjal / M. Seppel // Tuna : Ajalookultuuri Ajakiri. — 2017. — No. 3. — Lk. 30–44.

Smith, W. Studier i svensk tulladministration / W. Smith. — Sölvesborg : s. n., 1950. — D. 1. Från äldsta tid till omkring 1718. — 310 s. — (Sveriges allmänna tulltjänstemannaförenings skriftserie 3).

Tarkiainen, K. *Moskoviten : Sverige och Ryssland 1478–1721* / K. Tarkiainen. — Helsingfors : Svenska litteratursällskapet i Finland, 2017. — 484 s. — (Skrifter utgivna av Svenska litteratursällskapet i Finland 818).

Troebst, S. *Debating the Mercantile Background to Early Modern Swedish Empire-Building : Michael Roberts versus Artur Attman* / S. Troebst // *European History Quarterly*. — 1994. — Vol. 24. — P. 485–509.

Wendt, E. *Det svenska licentväsendet i Preussen 1627–1635* / E. Wendt. — Uppsala : Lundequistska bokh., 1933. — 268 s.

Åström, S.-E. *Finlands roll i stormaktstidens svenska riks- och krigsekonomi* / S.-E. Åström // *Magtstaten i Norden i 1600-tallet og dens sociale konsekvenser : rapporter til den XIX Nordiske historikerkongres* / red. E. L. Petersen. — Odense : Odense Universitetsforl., 1984. — Bd. 1. — S. 41–60. — (Odense University studies in history and social sciences 85).

SVJATKOVSKI Vadim / СВЯТКОВСКИЙ Вади́м

University of Tartu / Тартуский Университет

Estonia, Tartu/ Эстония, Тарту

wadim.swiatkowski@gmail.com

RUSSIAN EMPIRE'S TIMBER TRADE POLICY IN NARVA DURING 1720s–1750s

**ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ ЛЕСОМ
В НАРВЕ В 1720–1750-е гг.**

Аннотация: В статье анализируется политика российского правительства в первой половине XVIII в. относительно рубки и экспорта леса, в частности, в связи с торговлей в Нарве. Кроме того, мы рассматриваем, кто конкретно из нарвских купцов занимался торговлей лесом и каков был вклад каждого из них. После того, как в начале XVIII в. территория современной Эстонии была завоевана российским государством, власти стремились развивать торговлю Санкт-Петербурга. С целью исключить конкуренцию других городов был издан указ «О трактах» (1721), который ограничил «хинтерланд» портовых городов, в том числе и эстонских. Доставлять товары для экспорта в Нарву можно было только из Псковской провинции. Власти разрешили нарвским купцам рубить росший по берегам р. Луги и её притоков сосновый и еловый лес и вывозить его за границу. Поскольку «хинтерланд» Нарвы был сильно ограничен, торговля лесом в Нарве достигла обширных масштабов. Поэтому в 1736 г. был введён лимит на рубку и экспорт леса (с целью сохранения лесов, пригодных для кораблестроения). Однако интенсивность вырубki осталась довольно высокой, и через десять лет нарвляне вырубili почти все леса, росшие вдоль берегов Луги. Поэтому в 1745 г. сенат аннулировал разрешение на рубку леса в этом районе, заменив его разрешением на рубку в Самерской волости. Тем не менее нарвские купцы продолжили превышать установленные нормы и рубить лес в запрещённых местах. В итоге власти в 1754 г. наложили запрет на экспорт леса из Нарвы.

Keywords / Ключевые слова: Estonia, Russia, Narva, Saint Petersburg, Novgorodskaja guberniia, the Narva river, the Luga river, forests, felling of trees, timber, trade, timber traders, sawmills, forest protection, government institutions, magistrates / Эстония, Россия, Нарва, Санкт-Петербург, Новгородская губерния, река Нарва, река Луга, лес, рубка, торговля, торговцы лесом, лесопильные мельницы, охрана лесов, органы государственной власти, магистраты

The founding of Russian Empire's new capital Saint Petersburg in 1703 and the conquering of Narva in 1704 led to the change of the importance of Narva in the trade between Russia and Western Europe. By founding Saint Petersburg, Peter I aimed to direct Russian foreign trade from the White Sea to the Baltic Sea. A number of ukases¹ were issued to divert traders from Arkhangelsk to Saint Petersburg and to forbid the transport of certain goods to Arkhangelsk. At the same time, the advantages of Saint Petersburg and the Baltic Sea in general were shorter routes and better climatic conditions. Travelling to

¹ English equivalents are edicts and decrees.

Arkhangelsk and back may have taken up to four months. Ships from Western Europe may have visited Saint Petersburg two times a year and ships from ports on the shores of Baltic Sea even three times a year. At the same time, Arkhangelsk could be visited only once a year.²

The new authorities wanted to develop trade in Saint Petersburg and, therefore, a number of ukases were issued to limit the trading activities of other towns, including Narva. The hinterland of Narva was reduced and only traders from Pskov were allowed to travel there. Nevertheless, trading in Narva was kept afloat as ships from Western Europe continued to travel there. Trading in Narva continued to develop and by the end of the 1730s, it achieved fourth place in Russian foreign trade after Saint Petersburg, Riga and Arkhangelsk.³ The middle of the century saw a sharp decline of ships sailing to Narva. This was especially the case for ships departing beyond the Sound. When in 1755, 170 ships set sail from Narva and sailed through the Sound, the corresponding numbers in 1756 and 1757 were 27 and 20 respectively.⁴ Such a decline was related to the export prohibition of an important trade article of the town — timber materials.

The timber trade under Swedish rule was addressed in the works of Arnold Soom,⁵ Helmut Piirimäe⁶ and Enn Küng.⁷ Alexei Semionov⁸ also touched upon the timber trade topic of eighteenth-century Narva, but he mostly focused on Saint Petersburg and Arkhangelsk and the timber trade in Narva remained in the background in his work. Pavel Kosakevich has published excerpts of ukases related to the timber trade in his study and has discussed the prohibition of timber export.⁹ At the same time, he does not present

² Georgii Nekrasov, *Vneshniaia torgovlia Rossii cherez Revel'skii port v 1721–1756 gg.* [The international trade of Russia through the port of Revel] (Moscow: Nauka, 1984), 38,70; Viktor Zakharov, *Zapadnoevropeiskie kuptsy v Rossiiskoi torgovle XVIII veka* [West-European merchants in Russian trade of the eighteenth century] (Moscow: ROSSPEN, 1996), 104.

³ Andrei Shipilov, *Torgovlia, transport i sviaz' v Rossii v pervoi poloviny XVIII veka* [Trade, transport, and communication in Russia in the first half of the eighteenth century] (Voronezh, VGPU, 2008), 15.

⁴ Nina Ellinger Bang and Knud Korst, eds., *Tabeller over Skibsfart og Varetransport Gennem Øresund 1661–1783 og gennem Storrebælt 1701–1748* [The tables on maritime shipping and transport of goods via the Øresund in 1661–1783 and via Storrebælt 1701–1748], vol. 1, *Tabeller over Skibsfarten* [Tables on maritime shipping] (København: Gyldendalske Boghandel Nordisk Forlag — Leipzig: Otto Harrassowitz, 1930), 150–195 and 95–105.

⁵ Arnold Soom, “Narva metsakaubandus ja metsatööstus XVII sajandi lõpul” [„The timber trade and timber industry of Narva at the end of the seventeenth century“], *Ajalooline Ajakiri*, no. 2 (1940): 57–72.

⁶ Helmut Piirimäe, “Sostav, ob”em i raspredelenie russkogo vyvoza v 1661-1700 godakh cherez Shvedskie vladeniia v Pribaltike na primere torgovli g. Narvy” [„Specification, volume, and distribution of Russian export during Swedish rule in the Baltic in 1661-1700 on the example of the trade of Narva“], in *Skandinavskii sbornik*, vol. V, ed. G. Mosberg (Tallinn: Ëstonskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1962), 34–93.

⁷ Enn Küng, “Manufaktuuriettevõtlastest ja veskitest Narva jõel 17. saj. II poolel” [“Plants and mills in the Narva-Luuga watershed in the second half of the seventeenth century”], *Tuna*, no. 3 (2009): 12–33; Enn Küng, „Russkaia torgovlia lesom v Narve v kontse 17 veka“ [“The Russian timber trade in Narva at the end of the seventeenth century”], in *Sudby slavianstva i ekbo Griunvalda. Vybor puti russkimi zemliami i narodami Vostochnoi Evropy v Srednie veka i rannee Novoe vremia (k 600-letiiu bitvy pri Griunvalde / Tannenberge)*, ed. Alexander Filiushkin (St. Petersburg: Liubavich, 2010), 161–166.

⁸ Alexei Semionov, *Izuchenie istoricheskikh svedenii o rossiiskoi torgovle i promyshlennosti* [The study of historical data on Russian trade and industry] (St. Petersburg: Tipografia I. Glazunova i Ko, 1859).

⁹ Pavel Kozakevich, *Gorod Narva s morskim ego reidom i rekoiu Narovoiu* [The City of Narva with its marine road and the river Narva] (St. Petersburg: Tipografia Morskogo ministerstva v Glavnom Admiralteistve, 1878).

statistical data on the timber trade in Narva nor on the receipt of customs duties. Jake Knoppers¹⁰ has studied the export of timber from Narva to the towns of the Netherlands and has presented plenty of statistical data and has analysed it in an international context; however, his work lacks data on ship transport between Narva and other Russian-owned trading towns and the towns in the Netherlands. Among contemporary Estonian authors, Mati Laur¹¹ and the author of this article¹² have somewhat discussed the timber trade in Narva.

The purpose of this article is to analyse the policy of the Russian government concerning timber felling and export of timber and its implementation in Narva in greater detail. Furthermore, the article will scrutinize who were the Narva traders involved in the timber trade, what were their shares in the timber trade and how large were the customs duties received from timber export. The study focuses on the period from year 1720 to the middle of the 1750s.

The sources include the archival fonds of Narva Magistrate and Narva Customs Office in the National Archives of Estonia (Tartu).¹³ The archival fond of Narva Magistrate is used for storing various ukases issued by the central government to the Narva Town Council concerning not only the timber trade, but also materials on the town's income arising from the timber trade. The materials of Narva Customs Office include ukases issued by the Czar, Senate, Collegium of Commerce and Admiralty Board concerning the timber trade and correspondence of the garrison office to the customs office. The ukases of the Czar and the Senate concerning the timber trade and timber export tariffs have also been published in the complete collection of the laws of the Russian Empire.¹⁴ In addition, Mikhail Chulkov has published ukases of the Russian Collegium of Commerce concerning the Narva timber trade.¹⁵ The majority of timber exported from Narva was sent to Western Europe, *i.e.*, through the Danish straits. Therefore, the materials of the customs office at the Sound published by Nina Ellinger Bang and Knud Korst are also important for this article.¹⁶ The materials of the Sound toll

¹⁰ Jake Knoppers, *Dutch Trade with Russia from the Time of Peter I to Alexander I. A Quantitative Study in Eighteenth Century Shipping*, 3 vols. (Montreal: Interuniversity Centre for European Studies, 1976).

¹¹ Mati Laur, *Eesti ala valitsemine 18. sajandil (1710–1783)* [*The governance of the territory of Estonia in the eighteenth century (1710–1783)*] (Tartu: Eesti Ajalooarhiiv, 2000); Mati Laur, Tõnu Tannberg and Helmut Piirimäe, *Eesti Ajalugu IV: Põhjasõjast pärisorjuse kaotamiseni* [*History of Estonia IV: from the Great Northern War to the abolition of serfdom*] (Tartu: Ilmamaa, 2003).

¹² Vadim Svjatkovski, “Vene tsaaririigi seadusandlus Narva kaubanduse küsimuses 1704–1766” [Legislation of the Tsardom of Russia in the Narva Trade Question 1704–1766] (Master thesis, Tallinna Ülikool, 2016).

¹³ National Archives of Estonia — *Rahvusarhiiv* (Tartu) (RA, EAA), fund (fond) 1646; RA, EAA, f. 644.

¹⁴ *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe: s 1649 po 12 dekabria 1825 g.* [*Complete collection of laws of the Russian Empire. The first collection: since 1649 to December 12, 1825*] (PSZ), 45 vols. (St. Petersburg: Tipografiia II Otd. Ego Imp. Vel. Kantseliarii, 1830).

¹⁵ Mikhail Chulkov, *Istoricheskoe opisanie rossiiskoi kommertsii pri vsekh portakh i granitsakh ot drevnikh vremen do nyne nastoiashchago i vsekh preimushchestvennykh uzakonenii po onoi gosudaria imperatora Petra Velikago i nyne blagopoluchno tsarstvuiushchei gosudaryni imperatritsy Ekateriny Velikiia* [*Historical description of Russian commerce Historical description of Russian commerce at all ports and borders...*], vol. 5, book 2 (Moscow: Universitetskaiia tipografiia, u N. Novikova, 1786).

¹⁶ Bang og Korst, *Tabeller over Skibsfart og Varetransport...* [*The tables on maritime shipping and transport...*], 150–195.

were thoroughly studied under the supervision of Jan Willem Veluwenkamp and Siem van der Woude from 2009 to 2017. As a result of several years of work a digital data base “Sonttolregisters online” (short: STR online) was compiled. The data base includes practically all data, which are in the books of Sound toll taking.¹⁷

Attitude of the Russian authorities to timber felling and its regulation in the first half of the eighteenth century

The first attempts to export timber from Russia were performed in the first half of the seventeenth century when the Russian authorities issued a timber export permit in 1631 to the Dutch. Later, the Dutch were given also other felling permits.¹⁸ This felling permit was issued for them only for Arkhangelsk, but timber felled in Russia was also exported from Swedish-owned Narva at the end of the seventeenth century. By the second half of seventeenth century, the exports from Narva included timber and products obtained by the treatment of timber: potash and tar. With regards to timber materials, the export of larger amounts of timber started only during the 1670s and the majority of the materials was sent to the Netherlands, amounting to 71% of the timber export of Narva. 15% of the timber was exported to England and Lübeck. The majority of the exported timber originated from Russia; whereby its export increased in spite of the prohibition to export it to Swedish territory. At the same time, ship-building accelerated in Western Europe at the end of the seventeenth century and this increased the demand for larger amounts of timber imported from Russia.¹⁹ Due to the Great Northern War (1700–1721), the timber trade in Narva halted for more than a decade and was restored only at the end of the second decade of the eighteenth century.

Although the Great Northern War stopped the timber export from Narva; the timber trade and export from Russia were still partially permitted during the first years of the eighteenth century as this allowed customs revenue to enter the state treasury. The authorities even issued special ukases which prohibited local authorities from hindering the export of timber products and materials. For example, Peter the Great ordered on 16th March 1717 the governor of Riga, Mikhail Golitsyn, to allow the Riga traders to export potash, tar and spars originating from Poland and elsewhere and to act just like what had been allowed during the Swedish rule.²⁰ Export duties of timber and timber materials were collected in Russia according to the new commercial regulations of

¹⁷ Sound toll registers online, <http://www.soundtoll.nl/index.php/nl/welkom> (accessed April 20, 2021).

¹⁸ *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obschtschestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society] (RIO), vol. 116 (St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1902), 244; Mikhail Belov, “Rossiia i Gollandiia v poslednei chetverti XVII veka” [“Russian and the Netherlands in the last quarter of the seventeenth century”], in *Mezhdunarodnye sviazi Rossii v XVII–XVIII vekakh. (Ekonomika, poliitika i kul'tura)*, ed. Liubomir Beskrovnyi (Moscow: Nauka, 1966), 72.

¹⁹ Piirimäe, “Sostav, ob’em i raspredelenie russkogo vyvoza...” [“Specification, volume, and distribution of Russian export”], 74–78; Soom, “Narva metsakaubandus ja metsatööstus...” [“The timber trade and timber Industry”], 61–63; Kung, “Manufaktuuriettevõtlustest ja veskitest” [“Manufactory enterprises and mills”], 20–21, 33.

²⁰ *Sbornik materialov i statei po istorii Pribaltiiskogo kraia* [The collection of materials and articles on the history of the Baltic region], vol. 3, no. 96, ed. Evgraf Cheshikhin (Riga: A. Lipinskii, 1880), 435–436.

1667.²¹ Already in 1719, the export duties of spars were raised by adding an additional customs duty (*pribavochnuiu poshlinu*) based on the diameter of the spar with 1/8 of a thaler for the thinnest up to 35 thalers for the thickest. However, these duties applied to inland Russian towns and did not apply to areas conquered from Sweden, including Narva, where previous customs tariffs were valid.²²

In spite of the permission to export timber, the authorities took a number of steps to limit timber felling quotas and to prohibit the felling of timber suitable for ship-building. The ukase from 1703 ordered to record all forests which were positioned 50 versts²³ from the banks of major rivers and 20 versts from tributaries. The same ukase prohibited the felling of oaks, pines, elms, and larches which were thicker than 12 vershoks²⁴ at felling height. Illegal felling of oak and larger amounts of forest wood was a capital offence; the illegal felling of other trees resulted in a fine of 10 roubles per each felled tree.²⁵ In 1705, the sanctions were relieved: capital punishment now only applied to felling of trees under protection. Forced labour followed the felling of an oak. The fine for felling a tree elsewhere was still 10 roubles.²⁶ However, violations of ukases continued, and the authorities continued to issue ukases prohibiting the felling of trees suitable for ship-building. The ukase from 1715 prohibited the felling of oaks, elms, pines, ashes and lindens in Ingria. A violation of the ukase was to be punished by a fine and corporal punishment. In addition, it became the task of the Ingrian District Administrator (*landrat*) to oblige the landlords to record all the forests they owned.²⁷ The ukase issued on 17th June 1719 repeated the prohibition of felling of trees suitable for ship-building which were thicker than 12 vershoks and were located 50 versts from major rivers and 20 versts from tributaries.²⁸ The fine for illegal felling was 15 roubles for an oak and 10 roubles for other tree species. The punishments for large-scale felling were the tearing of nostrils²⁹ and forced labour. If someone wanted to fell the trees for their own livelihood, then the Admiralty Board should be approached for permission. Only those trees not suitable for ship-building, could be felled within the limits of the permit. It becomes evident from the ukase that the supervision of forests and their maintenance was the task of the Admiralty. The latter was obliged to assign forest supervisors whose task was to mark the trees for

²¹ *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khraniashchikhsia v Gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del* [Collection of state certificates and treaties, stored in the state collegium of foreign affairs], part 4, ed. Nikolai Rumiantsev and Alexei Malinovskii (Moscow: Tipografiia Selivanovskogo, 1826), no. 55 (07.05.1667), 192, 198; PSZ, vol. 3, no. 1583 (12.05.1697).

²² PSZ, vol. 5, no. 3428 (01.10.1719).

²³ One verst equalled about 1.06 kilometres. 50 and 20 versts corresponded to 53.34 and 21.34 kilometres, respectively.

²⁴ One vershok equalled about 4.44 centimetres. 12 vershoks corresponded to 53.34 centimetres.

²⁵ PSZ, vol. 4, no. 1950 (19.11.1703).

²⁶ In addition to the peasants' right to fell trees required for the making of sledges, carriages and their axes, they were allowed to fell trees suitable for ship-building in dedicated forests. PSZ, vol.4, no. 2017 (19.01.1705).

²⁷ PSZ, vol. 5, no. 2895 (25.03.1715).

²⁸ Oak, pine, maple and elm.

²⁹ *'Vyrezav nozdri ssylat' na katorgu.'*

falling.³⁰ The abovementioned ukases show that the government's attitude towards forest felling changed in less than 20 years. The initial strict regulations, which almost completely forbade the felling of trees suitable for ship-building by threats of capital punishment, were replaced with less strict regulations, which permitted to fell trees for ship-building under certain special conditions. Under wartime conditions, when ship-building developed quickly in Russia, including the Baltic Sea region, the authorities considered it necessary to maintain the trees needed for the battle fleet. Nevertheless, the ukases were continuously violated as the same timber species were needed in households. Soon it was discovered that not all trees under protection were suitable for ship-building. These reasons together with numerous petitions led to gradual concessions by the authorities.

Although the felling of oak trees became again forbidden in areas near Saint Petersburg in 1720, lindens could be felled all over the country from the beginning of the following year. The ukase from 23rd February 1721 permitted Russian and foreign traders to fell spars in dedicated areas in the Novgorod province and to export them through the ports on the Baltic Sea (excluding Riga) and to pay customs using thalers. The dimensions of the spars needed to be the following: length up to 65 feet,³¹ at the height of 3 fathoms³² the width up to 20 inches³³ and the width of the upper part up to 12 inches. Every tenth tree was to be given to the Admiralty.³⁴ During the next few years, the authorities collected spars from ports on the Baltic Sea and sent them to the Admiralty. The traders in Riga were paid a certain amount for them, but this did not apply to Narva.³⁵ At the same time, additional measures were taken to protect the forests. The inscribed ukase from 17th January 1722 obliged the Admiralty Board to assign forest supervisors to all areas with forests suitable for ship-building. To fulfil the Czar's ukase, the Admiralty Board issued instructions to forest supervisors, based on previous ukases, on 14th April 1722. Its first and second clause ordered all governors and voivodes to write down all forests under protection and to forward the prepared documents to the Admiralty Board. The appointed persons—preferably noblemen—were to be issued a stamp which was for marking all trees which could be felled. The sixth clause obliged the supervisors to monitor the illegal felling of trees in forests under state protection and to inform the Admiralty Board immediately of illegal felling. The seventh clause confirmed yet again the areas in which the felling of trees was prohibited. The eighth, ninth and tenth clause explained the conditions for felling trees under protection. The last or the twelfth clause stipulated the punishments for illegal felling. These were the same as stipulated by the ukase from 17th June 1719.³⁶ Parallel to the establishing of forest supervisors, the positions

³⁰ RA, EAA, f. 1646, inventory (nimistu) 1, file (säilik) 40, folio (lehed) 61–62.

³¹ One foot equalled about 0.30 metres. 65 feet corresponded to 19.81 metres.

³² One fathom equalled about 2.13 metres and three fathoms corresponded to about 6.40 metres.

³³ One inch equalled 2.54 centimetres. 20 inches corresponded to 50.8 centimetres.

³⁴ PSZ, vol. 6, no. 3646 (22.09.1720), no. 3719 (26.01.1721), and no. 3744 (23.02.1721).

³⁵ Evgeniia M. Lupanova, "Èkonomicheskaia politika v sfere ekspluatatsii lesov v Pribaltike v pervoi polovine XVIII v." ["Economic policy in the field of forest exploitation in the Baltic States of the first half of the eighteenth century"], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 21(3) (2019): 616.

³⁶ PSZ, vol. 6, no. 3905 (09.02.1722) and no. 3967 (14.04.1722).

of forest managers (*val'dmeister*) and inferior forest managers (*unterval'dmeister*) were created in Saint Petersburg, Novgorod, Moscow and other cities on 6th April 1722. Forest managers were subordinate to higher forest managers (*oberval'dmeister*) and the whole institution was subordinated to the Admiralty Board.³⁷

Timber Felling Permits of Narvians

Forest export from Narva began in the first years after the inhabitants returned to their hometown in 1714. A query by Narva's Commandant (*komendant*) Mikhail Sukhotin reveals that in 1718³⁸ a peasant named Grigorii Mikhailov from the Lozhgolovo village in the Samro district (*Samerskaia volost'*) rafted 114 logs with lengths of four and a half fathoms³⁹ from the Luga River headwaters to Narva and sold them to the Narva citizen William Kettlewell. In spring of the same year, G. Mikhailov together with his co-villagers and peasant Vasilii Lavrent'ev from the Porkhovo village (*derevni Porkhova*) in Iamburg uezd brought from the headwaters of Luga River and Narva River to the mouth of the Narva River a total of 1,500 logs four to five fathoms long,⁴⁰ 10,000 battens, 100 rough-hewn boards, 100 stumps and 24 thick spars with a diameter of 12 vershoks and 7 vershoks at the top.⁴¹ They sold the goods to the Narva tradesman Jürgen Steffens. In June, the abovementioned peasants delivered to J. Steffens various timber materials from the districts of Novgorod uezd as well as from the Samro district with the total value of 198 roubles.⁴² About a month later, V. Lavrent'ev delivered to J. Steffens one hundred hewn boards with lengths of four and five fathoms. According to the agreement, J. Steffens was to pay the customs duty for the material. Therefore, the peasants did not declare the goods to the customs, which led to their arrest and interrogation. Commandant Sukhotin wanted to know whether J. Steffens had paid the prescribed customs duties.⁴³

As it becomes evident from Sukhotin's letter to the Narva Magistrate on the 5th November 1720, the Narvians asked for felling permits. In his letter, Sukhotin drew the attention of the Magistrate to the ukases of 1719 and 20th July 1720, which prohibited felling.⁴⁴ However, in 1721, the opinion of the authorities changed and, proceeding from the interest of the state treasury and aiming to stimulate trading in Narva, the citizens of Narva were allowed to export timber starting from 26th January 1721. The dimensions of the approved trees were the following: length 18–30 feet and thickness 8–10 vershoks. The felling area for Narvians were the counties of Staraiia Russa, Novgorod

³⁷ PSZ, vol. 6, no. 3941 (06.04.1722).

³⁸ In Russian text the year was 1716.

³⁹ 8.53 and 12.8 meters, respectively.

⁴⁰ 8.53 and 10.67 metres, respectively.

⁴¹ 53.34 and 31.11 centimetres, respectively.

⁴² 1000 beams, 4000 battens and 100 square cords of timber.

⁴³ RA, EAA, f. 1646, inv. 1, file 40, fol. 20–21.

⁴⁴ RA, EAA, f. 1646, inv. 1, file 40, fol. 89.

and Iamburg. Narvians were prohibited to fell spars with lengths between 65–96 feet, diameter of 20–25 inches and diameter of 12–14 inches in the upper part.⁴⁵ In spite of the prohibition from 13th March 1722 on the felling of trees which could be used as spars, the citizens of Narva were confirmed to be granted a timber felling permit. Whereby the dimensions of trees remained the same.⁴⁶ The felled trees were rafted to the mouth of the Narva River via the Pliussa (spelled *Pljussa* in Estonian, *Плюсса* in Russian) River or Luga and Rosson' River.⁴⁷ On 26th November 1722, the Admiralty Board forbade the felling of forest seven versts from the shore between Narva and Saint Petersburg.⁴⁸

Map 1. The mouth of the Narva River. The trees felled along the banks of the Luga River was rafted to the mouth of the Narva River via Rosson' River, where it was loaded onto ships. (RA, EAA, f. 1646, inv. 1, file 2664)

In order to stimulate the town's trade, the ukase from 1723 allowed the felling of spars which grew on the banks of the Luga River and Pliussa River and which were

⁴⁵ 5.48–9.14 metres and 35.56 and 44.45 centimetres, respectively.

⁴⁶ PSZ, vol. 6, no. 3918 (13.03.1722).

⁴⁷ Kozakevich, *Gorod Narva s morskim ego reidom...* [The City of Narva with its marine road...], 32.

⁴⁸ Chulkov, *Istoricheskoe opisanie rossijskoi kommertsii...* [The historical description of Russian commerce...], vol. 4, book 1, 527–528.

higher than 65 feet, had a diameter of 20 inches at three feet high and had a diameter of up to 12 inches in the upper part.⁴⁹ The tariffs from 31st January 1724 prescribed higher export duties for the export of spars with a diameter of 20–30 inches. Narva timber traders led by Andreas Arps referred to the abovementioned measures and asked also for permission to export spars with diameter 20–30 inches. The Senate's ukase from 13th July 1731 gave Narva traders the right to export such spars on the condition that every tenth spar was given to the Collegium of Commerce and customs duties paid according to the tariff of 1724. This became evident from the ukase sent to the Narva customs administrator Lucas Hermann Willers and inspector Stepan Korovin on 19th July 1731.⁵⁰

As J. Knoppers claims, forest was one of the main export articles of the Russian state and the whole Baltic Sea region. Up to 50% of the timber materials exported from the Russian ports on the Baltic Sea (excluding Vyborg and Fredrikshamn) until the middle of the eighteenth century were exported from Narva through the Danish straits. The share of trade through Narva was at a peak during the 1720s, when it amounted to 94%. The following years saw the persistent decline of Narva's share. While during the 1740s, Narva exported 77.62% of timber, in 1755 it fell to 55.61% due to prohibition of timber export. During the 1760s, when export was allowed once again, Narva's share did not reach even 40%. In comparison with Narva, the figures of Saint Petersburg, Riga and other ports in Estonia and Livonia were minimal; however, their share increased over time while the share of Narva decreased.⁵¹

Limitations on Timber Export

The timber trade in Narva soared so fast that the government establishments started setting limitations in the middle of the 1730s. On the one hand, the authorities wanted to sustain forests suitable for ship-building, on the other hand, the timber export increased the price of timber materials in Narva and this hindered the provision of building materials. As can be seen from Table 1, timber export from Narva increased 66% at least during 1728–1731.⁵²

⁴⁹ PSZ, vol. 7, no. 4242 (05.05.1723) and no. 4315 (30.09.1723).

⁵⁰ RA, EAA, f. 644, inv.1, file 2. fol. 367–368.

⁵¹ Knoppers, *Dutch trade with Russia...*, 175–176 (Knoppers used the Sound Toll registers. However, these group Vyborg and Fredrikshamn into the same group with Finnish ports. The share of Vyborg and Fredrikshamn was 25% of the timber export during the 1720s and it increased in time. If these towns would have been grouped into the same group with other Russian ports on the Baltic Sea, the share of Narva would have been lower).

⁵² PSZ, vol. 8, no. 6029 (20.04.1732).

Table 1. Timber export 1728–1731

Year	Quantity of logs	Quantity of battens
1728	113,021	164,433
1729	87,329	122,412
1730	128,643	129,358
1731	169,511	248,144

Source: PSZ, vol. 8, no. 6029 (20.04.1732)

The motive for the limitations was a complaint by sawmill owners Anna Regina Cramer and Carl Peter Rieck that Narva traders felled trees on the banks of the Pliussa River in Novgorod province in spite of the fact that the forest was meant for Narva's fortification and construction works and for sawmills. The matter was investigated and on 20th July 1734, the Senate obliged the Collegium of Commerce to examine the amounts of timber exported from Narva during 1721–1734. The Admiralty Board sent Lieutenant Koshelev to investigate which forests grew on the banks of the Pliussa and Luga Rivers and how much had been felled. All felling was forbidden while the investigation was in progress. According to investigation reports prepared by the Collegium of Commerce and office of the Narva garrison, a total of 1,020,994 beams and spars were exported abroad during the years 1728–1734 and a total of 1,126,183 trees were felled during 1722–1734. Whereas the number of trees felled on the banks of the Luga River and Pliussa River and prepared for rafting to Narva was 3,566,000. The number of unfelled trees according to Koshelev was 3,708,768.⁵³ Only in 1731, 235,211 timber items and 2,666 square cords of firewood were rafted on the Luga River and Rosson' River to the mouth of Narva River (see Table 2).⁵⁴

Table 2. Timber rafted to the mouth of the Narva River via Luga River and Rosson' River in 1731

Type of forest and timber	Pieces
Spars	684
Yard	1,919
Pine beams	107,786
Fir beams	8,810
Battens	102,970
Different types of pine and fir (mixed timber)	13,042
Total	235,211
Firewood	2,666 square cords

Source: RA, EAA, f. 644, inv.1, file 6, fol. 97–98

⁵³ At the same time, it becomes evident from the report by the Narva commandant Alexander Golenishchev-Kutuzov that forests had been felled up to 100 versts from Narva. (Chulkov, *Istoricheskoe opisanie rossiiskoi komertsii...* [The historical description of Russian commerce...], vol. 5, book 2, 147–148, 161).

⁵⁴ RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 6, fol. 97–98.

Proceeding from the manifest of the preservation of forests from 11th March 1732⁵⁵, the War Collegium recommended the Senate to prohibit the citizens of Narva from felling forest on the Pliussa River in Novgorod Province. The recommendation was implemented on 28th August 1735. An ukase by Anna of Russia forbade the forest felling on the Pliussa River without the permission of the Admiralty Board. An exception was made to the owners of sawmills; however, they were allowed to fell only as much timber as they could saw in a year.⁵⁶

The Senate's ukase from 12th February 1736 allowed the sawmill owners to fell 10,000 trees that year. In order to avoid overfelling, the Admiralty Board and Collegium of Commerce were to perform a test to show how much timber each sawmill could saw.⁵⁷ Empress Anne of Russia ukase from 14th May of the same year and Senate's ukase from 21st May allowed Anna Regina Cramer to fell 27,000 trees a year on the banks of the Narva River and Pliussa River. Export of unsawn timber was prohibited to her and other sawmill owners. The same ukase gave Narva timber traders, whose number was limited to 29 persons by reference to an alleged regulation from 1687, the right to fell 72,000 pines and 50,000 firs in a year on the banks of the Luga River and its tributaries. Spars could not be felled. As there was no timber-sawing in the sawmill of Anna Cramer from June 1735 to May 1736, she was exempted from the rent for the year 1735.⁵⁸

Despite the fact that the forest growing on the banks of the Narva River and Pliussa River was given over for felling to the owners of sawmills, Narva timber traders continued felling on the banks of the Narva River. Forest felling and sales were allowed to the landlords of the Governorate of Estland during the Swedish rule in 1664. They were allowed to raft felled trees on the Narva River. By taking advantage of the abovementioned allowance, Narva traders began felling forest on the Estonian side of the Narva River again in 1736. Under the lead of Carl Georg Schwartz, trees were bought from the forests belonging to the landlords in the Governorate of Estland. The Senate issued an ukase on 2nd April 1736 to Narva Garrison Office which gave permission for the rafting of the abovementioned timber on the Narva River. Such a decision was opposed by the owners of the sawmills. With reference to the resolution from 14th May 1736, Anna Cramer submitted a petition to the Narva Garrison Office and asked to prohibit felling to timber traders for the purposes of export from the Governorate of Estland. Schwartz and partners explained to the office that no trees have been felled in prohibited areas and asked for permission to continue rafting them in the year 1737. The Garrison Office sent

⁵⁵ The first clause of the manifest confirmed that trees suitable for ship-building could be felled on the Luga and Pliussa rivers only upon the permit of the Admiralty Board, the governors, the voivodes and forest supervisors: PSZ, vol. 8, no. 6049 (11.03.1732).

⁵⁶ Chulkov, *Istoricheskoe opisanie rossijskoi kommertsii...* [*The historical description of Russian commerce...*], vol. 5, book 5, 144–149, 156.

⁵⁷ Chulkov, *Istoricheskoe opisanie rossijskoi kommertsii...* [*The historical description of Russian commerce...*], vol. 5, book 2, 192.

⁵⁸ PSZ, vol. 9, no. 6967 (21.05.1736); Chulkov, *Istoricheskoe opisanie rossijskoi kommertsii...* [*The historical description of Russian commerce...*], vol. 5, book 2, 197; Pavel Kozakevich, "Gorod Narva s morskim ego reidom i rekoju Narvoiu" ["The City of Narva with its marine road and the river Narva"], *Morskoi sbornik*, vol. 167, no. 7 (1878): 65–98 (93).

Lieutenant Harlamov to inspect the trees and Harlamov reported that 8,000 trees had been felled and prepared on the banks of Lake Peipus and 6,310 trees had been prepared on the banks of the Narva River for rafting on the Narva River. Harlamov failed to identify the number of trees felled. The Garrison Office asked for a Senate resolution whether to allow rafting of timber on the Narva River in the year 1737. Burgomaster of justice (*instits-biurgermeister*) Ernst Friedrich Krompein, who supported the Narva timber traders, explained in the Senate that ships came to pick up the timber and export prohibition would have caused great losses to the traders. The Senate's ukase from 11th May 1737 allowed rafting the trees that had already been felled on the Narva River. Henceforward the felling of forest was forbidden for Narva traders in the Governorate of Estland.⁵⁹ As the Narva traders did not succeed in transporting trees bought from the landlords of the Governorate of Estland during 1737, the landlords asked for permission to raft the trees on the Narva River during 1738 to deliver them to Narva traders. The matter was discussed in the Senate, from where it was sent to the Empress's office on 7th July 1738. Based on the Empress's resolution, the Senate sent an ukase on 27th July 1738 to Narva Garrison Office with the order to deliver the trees to the traders. The trees were to be included in the limit of the year 1738. If the permitted number of trees had already been felled during 1738, then the trees felled in the Governorate of Estland were to be counted towards the limit of the year 1739.⁶⁰ In spite of the prohibition, the landlords of the Governorate of Estland continued to sell forest to the Narva traders. The felled trees were rafted from Narva waterfalls to the mouth of the river for loading onto ships. Narva Garrison Office's reply to the Narva port customs authority shows that also this time the timber purchase was organised by Carl Georg Schwartz.⁶¹ (See Table 3.)

Table 3. Pine beams felled on the banks of the Narva River and sold to Narva timber traders in 1738

Trader	Pieces
Carl Georg Schwartz and Joachim Johann Sutthoff	7,963
Hans Otto Sutthoff	524
Lorenz Cramer	617
Total	9,104

Source: RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 7, fol. 86

The ukases of 1737 and 1738 reduced significantly the privileges given to the landlords in 1664 and confirmed by the Russian authorities. Now they were allowed to sell forest timber only to the owners of sawmills or traders originating from the Governorate of Estland. By reserving the forest growing in the Narva River's basin for the construction

⁵⁹ PSZ, vol. 10, no. 7247 (11.05.1737).

⁶⁰ RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 6, fol. 136. Naturally, the office was asked to inspect the trees, to count them and to measure their diameter at felling height.

⁶¹ RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 7, fol. 86.

and fortification works of Narva, the Narva timber traders were not allowed to fell trees in the Narva River basin. This resulted in an oligopolistic situation in which the sawmill owners dictated the price to the forest owners. Certainly, the landlords wanted to escape such a situation and to determine the price themselves. This was also the reason why the landlords continuously violated the prohibiting ukases issued by the Senate.

The number of timber traders was limited to 29 persons in the middle of the 1730s, which was again confirmed in 1740.⁶² Four traders were included in the number of timber traders in 1739–1740 by the Senate's ukase. The Senate's ukase gave them permission to trade with timber and a part of what was already allocated to Narva traders had to be re-allocated to them. Two of them had already started felling trees for export. The ukase ordered the Narva Garrison Office to allow the forwarding of these trees from the forest and to export them to prevent becoming unsuitable for use. The exported timber was to be included within the limit of year 1740. The Office was to monitor together with the port customs authority that the traders would not exceed the annual limit. If someone was to exceed the limit, then the Narva Commandant was to investigate the matter and to send the materials to the Admiralty Board and Senate for decision-making.⁶³

Table 4. Narva timber traders and limits assigned to them in 1739

	Pine, psc	Fir, psc
Annual limit	72,000	50,000
Gerhard Hinrich Arps	3,983	2,767
Carl Georg Schwartz	3,688	2,562
Sebastian Wibbelmann	3,688	2,562
Hans Otto Sutthoff	3,688	2,562
Hermann Johann Strahlborn	3,688	2,562
Hermann Peter Knoop	3,393	2,357
Lorenz Cramer	3,393	2,357
Friedrich Cramer	3 393	2,357
Carl Rautell	3,393	2,357
Joachim Johann Sutthoff	3,393	2,357
Carl Törne	3,393	2,357
Peter Götte	3,393	2,357
Jürgen Heinrich Arps	2,610	1,815
Johann Hermann Königfels	2,610	1,815
Carl Danckwardt	4,383	3,047

⁶² PSZ, vol. 10, no. 7613 (05. 07. 1738); RA, EAA, f. 1646. inv. 1, file 847, fol. 20.

⁶³ RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 7, fol. 100–101; RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 8, no. 39.

Peter Johann Nath	2,030	1,400
Peter Wilhelm Sutthoff	2,030	1,400
Johann Hinrich Holst	3,794	2,636
Christoph Friedrich Lesnau	2,613	1,817
Johann Plomann's widow ⁶⁴	2,361	1,639
Jonas Kiölberg's widow ⁶⁵	2,361	1,639
Thomas Mönning's widow ⁶⁶	2,361	1,639
Samuel Bernhard Linberg's widow ⁶⁷	2,361	1,639
Total	72,000	50,000

Source: RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 7, fol. 82–83

Table 5. Narva timber traders and limits assigned to them in 1740

Traders	Pine, psc	Fir, psc
Gerhard Hinrich Arps, Peter Götte, Jürgen Heinrich Arps, Thomas Mönning's widow (Anna Helena Arps)	9,000	9,000
Carl Georg Schwartz, Joachim Johann Sutthoff	2,700	6,600
Sebastian Wibbelmann, Samuel Bernhard Linberg's widow (Friedericka Wolff)	1,800	6,200
Hans Otto Sutthoff	1,000	1,900
Hermann Johann Strahlborn	1,600	3,000
Hermann Peter Knoop	2,350	3,200
Lorenz Cramer	1,000	2,900
Friedrich Cramer	1,000	1,900
Carl Rautell	1,800	2,100
Johann Plomann's widow (Anna Wichmuth Gnospelius) and Carl Törne	3,052	5,913
Johann Hermann Königfels	1,050	2,850
Jacob Johann Götte, Carl Danckwardt, Peter Johann Nath, Peter Wilhelm Sutthoff, Johann Hinrich Holst, Christoph Friedrich Lesnau, Jacob Seideler, Jean Nicolaus Brasch, Heinrich Benedict Balemann, Johann Balthasar Mende (*each)	1,800*	2,100*
Carl Friedrich Wolff	1,400	1,600
Jonas Kiölberg's widow (Anna Regina Reyer)	1,800	2,000
Total	47,552	70,163
Primarily foreseen annual limit	72,000	50,000

Source: RA, EAA, f. 644, inv.1, file 8, no. 33

⁶⁴ 'Vdovõ Plomanovoi.' According to Erpenbeck it was Anna Wichmuth Gnospelius (1683–1755). (Dirk-Gerd Erpenbeck, *Narvaer Bürger- und Einwohnerbuch. 1704–1840* [The book of citizens and residents of Narva 1704–1840], Quellen und Darstellungen zur Personengeschichte des östlichen Europa 3 (Herne: AGoFF, 2014), 66).

⁶⁵ 'Vdovy Kälberkhovoi.' According to Erpenbeck it was Anna Regina Reyer: Erpenbeck, *Narvaer Bürger...* [The book of citizens...], 65.

⁶⁶ 'Vdovy Meningovoi.' According to Erpenbeck it was Anna Helena Arps: Erpenbeck, *Narvaer Bürger...* [The book of citizens...], 56.

⁶⁷ 'Vdovy Limberkhovoi.' According to Erpenbeck it was Friedericka Wolff: Erpenbeck, *Narvaer Bürger...* [The book of citizens...], 88.

Table 5 shows that Narva forest traders operated both individually and in cooperation. Some of them operated even within family circles.⁶⁸ As of 1740, the largest alliance of traders was formed by Jacob Johann Götte and traders allied with him. 18,000 pine and 21,000 fir trees and materials made thereof were rafted to Jacob Johann Götte and his companions. Their share in the export of timber and timber materials from Narva amounted to 37.85% of the total of pine forests and 29.93% of fir forests. The share of traders who allied with Gerhard Hinrich Arps remained more modest and amounted to 18,000 trees, 18.92% and 12.82% respectively. The share of Johann Plomann's widow and Carl Törne was even smaller. The 3,052 pine and 5,913 fir trees sent to them amounted to 6.41% and 8.42%, respectively. Traders Carl Georg Schwartz and Joachim Johann Sutthoff succeeded in passing the control point with 2,700 pine and 6,600 fir trees which amounted to 5.67 and 9.40%. The share of Sebastian Wibbelmann and Samuel Bernhard Linberg's widow was 3.78% and 8.83%, respectively.

The companies of the forest traders accounted for 72.66% of all pine and 69.42% of all fir trees passing through the control point during the year 1740. The most powerful forest trader operating individually in 1740 was Hermann Peter Knoop, whose share amounted to 4.94% and 4.56%, respectively, of pine and fir trees passing the control point. The share of other timber traders remained lower, and the share of no other individual exceeded 4%. However, when we look at Tables 4 and 5, it becomes evident that the limits of traders were not identical every year. The limits were changed annually depending on the amounts of trees felled and exported during the previous year. For example, the limit of Carl Rautel in 1739 was 3,393 pine and 2,357 fir logs,⁶⁹ in 1740, he was allowed only 1,800 pine and 2,100 fir trees.⁷⁰

When the customs records of 1737 prepared by Narva port customs authority were checked and analysed, the Collegium of Commerce suspected that the Narva timber traders and sawmill owners had exceeded the export limits.⁷¹ When considering that each log can be cut into four boards, it was discovered that 36,466 logs were used for cutting boards, which exceeds the limit by 27,033 trees.

⁶⁸ Gerhard Hinrich Arps was the father of Jürgen Heinrich Arps, Anna Helena Arps and Hedwig Medea Arps, the wife of Peter Götte: Erpenbeck, *Narvaer Bürger...* [*The book of citizens...*], 90.

⁶⁹ See Table 4.

⁷⁰ See Table 5.

⁷¹ See Table 6.

Table 6. Timber export from Narva in 1737

Timber type	Pieces
Beams	139 587
Boards	145 787
Number of logs used for sawing boards	36 446
Thus total exported (in beams)	176 033
Annual export limit (in beams and boards)	149 000
Timber norm excess for the year 1737	27 033
Battens	155 779
Spars	95

Source: RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 7, fol. 112

The Collegium of Commerce asked for notices (*izvestie*) from the customs authority on whether the number of trees used for sawing boards and beams had complied with the limits or were the limits exceeded and, if so, then by how much were the limits exceeded.⁷²

The authorities continued to suspect the exceeding of annual limits in Narva during the following years. The expedition of shipyards and constructions⁷³ established at the Admiralty Board analysed the 1738 reports presented by Narva port. It was discovered that on that year, 190⁷⁴ Dutch ships (*Fleits*) with ballast arrived in Narva port and they were loaded with beams and battens. According to the Board's calculations, each of these ships, regardless of their size, was capable of holding 1,200–1,400 beams, not taking into account the battens and firewood. When the calculations were based on the minimum number of 1,200 beams, it was concluded that more than 228,000 beams were transported abroad. The Board suspected that the export of timber from Narva exceeded the limits stipulated by the ukases was at least threefold. In a regulation from 16th April 1739 sent to the lance-corporal of the naval regiments (*morskikh polkov*) Elesar Chulkov, the Admiralty Board ordered the Narva Garrison Office to inform about the amounts of timber rafted to Narva port and how many pine and fir beams and battens were loaded on each ship.⁷⁵ The Admiralty Board ordered shipwright (*korabel'nyi master*) Ivan Ramburch to Narva with the task to check the compliance of timber export to limits. When the latter contacted Narva customs authority, he demanded a report about the number, type, size and capacity

⁷² RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 7, fol. 112.

⁷³ *Ekspeditsiia nad verfiami i stroeniiami*. Another name for the Sarvaierskaia expedition. The institution was established in 1732 and was responsible for shipyards and ship-building, also forest protection and felling. Also, the office of the forest supervisors was subordinate to the expedition. (Nikolai Petrukhintsev, *Tsarstvovanie Anny Ioannovny. Formirovanie vnutripoliticheskogo kursa i sud'by armii i flota 1730–1735 g.* [The reign of Anna of Russia. Forming a domestic policy course and the fate of the army and the naval fleet in 1730–1735] (St. Petersburg: Aleteiia, 2001), 259–260.

⁷⁴ A total of 192 ships left Narva in 1738: Bang og Korst, *Tabeller over Skibsfart...* [The tables on maritime shipping...], 44–110.

⁷⁵ RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 7, fol. 84.

of ships arriving to Narva during 1739. Furthermore, Ramburch inquired about the number and dimensions of logs and battens loaded on ships according to their types. In addition, he asked how the annual limit had been calculated: either at passing through the control point or at the loading of ships.⁷⁶

In addition, the Admiralty Board informed the Senate on 17th May 1739 about the exceeding of the limits of Narva timber traders and sawmill owners Simon Brunberch⁷⁷ and Friedrich Cramer. The Senate ordered a special commission to be formed to investigate the matter. The members of the commission should have been the Commandant of Narva brigadier Taras Shatilov (foreman), advisor to expedition of shipyards and constructions shipwright major Ivan Ramburch and a Captain of the Ingrian regiment Abram (?) Artsybushev. The Collegium of Commerce appointed Afanasii Ershov, the Narva port customs manager, as a member of the commission and ordered him to issue necessary information, documents and books to the investigating Commandant. Ramburch was obliged to monitor compliance with the export limit set to the Narva timber traders; however, he was not allowed to hinder forest export. The materials of the investigation were to be sent to the Admiralty Board for decision-making and the results of the work should have been reported to the Senate. On 21st September 1739, Ershov was withdrawn from the commission and inspector of the port customs authority, Friedrich Otto Ladau, was appointed to his place.⁷⁸

The commission investigating the excessive felling of timber by Narva traders, or timber commission, was established as part of the expedition of shipyards and constructions under the jurisdiction of the Admiralty Board. According to the first clause of the instructions given to Captain Artsybushev and order of the Admiralty Board issued on 22nd June, the timber commission received the right to demand necessary information (*vedomosti*) from the Narva Garrison Office and Narva port customs authority. On 25th June, the timber commission requested information from the customs authority: what were the amounts of pine and fir trees, firewood and battens rafted during 1737–1739; what were the dimensions of the trees and whether the rafted amount exceeded the limitations. In addition, the customs authority was to inform how much of the abovementioned timber was exported (by species), and how much sawn timber and with

⁷⁶ In order to check the Narva timber export more thoroughly, Ramburch wanted to know how many fir and pine trees had been prepared for export by species and what were the dimensions of the trees. He also wanted to know the proportion of windfalls and dead trees: RA, EAA, f. 644, inv.1, file 7, fol. 102.

⁷⁷ Simon Jacob Richard Brumberg, timber trader from Saint Petersburg and the co-owner of the sawmill on the island of Kreenholm. See Erpenbeck, *Narvaer Bürger... [The book of citizens...]*, 107.

⁷⁸ RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 7, fol. 121, 184.

what dimensions were exported and by whom.⁷⁹ The timber commission requested detailed information about the export of July already in August. The customs authority was to send information each month.⁸⁰

In conjunction with the activities of Ramburch and Artsybushev, the representatives of Narva timber traders Hermann Johann Strahlborn and Hermann Peter Knoop sent an application to Narva Garrison Office, requesting permission to export timber and timber materials prepared for the year 1739. Narvians had ordered ships from the Netherlands and these were already arriving in Narva. The office turned to the Admiralty Board for instructions, who in turn reported to the Senate, asking for a respective ukase. The traders were backed by the Narva Town Council who also submitted a report to the Senate. The Senate ordered the Narva Garrison Office in an ukase sent on 25th August to allow the Narva traders to export the timber they had in their possession. Additionally, this time the Senate decided that all the timber and timber materials which had passed the control point in untreated form during 1739, was to be counted towards the limit. When the fulfilment of the annual norm was being checked, the port customs authority was to proceed according to the notes made in the control points. Timber which had already passed the control points and had been treated at the moment of issuing the ukase, was not to be counted towards the limit. Dead forest timber and windfalls (*valezshnik*) also did not count towards the limit. It was allowed to export the trees left unexported during the previous years, if these trees had passed the control points within the annual limits. Naturally, the port customs authority had to report to the timber commission about the amounts of timber exported with ships from the Netherlands, who from among the Narvians sold the timber and what were the amounts. Further, the customs authority had to monitor the fulfilling of the annual limit and to prevent the export of raw timber labelled as dead timber or windfall.⁸¹ Dead timber and windfalls were to be marked separately. The Senate's ukase also declared that henceforth all the timber that had passed the control point had to be counted towards the annual limit.⁸²

On 11th September 1739, the timber commission presented to the Admiralty Board a report based on the information from the port customs authority. It was learned from the report⁸³ that during 1737–1739, the control points on the Luga River and Rosson' River saw the passing of 249,446 pine trees. Therefore, 33, 446 pine trees above the limit

⁷⁹ The timber commission also investigated how much each sawmill owner received for export and for board-making according to timber: RA, EAA, f. 644, inv.1, file 7, fol. 129, 143.

⁸⁰ RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 7, fol. 154.

⁸¹ 'Pod vidom sukbogo i valezshnika.'

⁸² RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 7, fol. 165–166 and 168.

⁸³ See Table 7.

were rafted to the mouth of the Narva River. This led to the timber commission's conclusion that the traders had exceeded the felling limit. The report's copy was sent from the Admiralty Board to the Senate.

Table 7. Commission's data on excess felling on the banks of the Luga River

Timber type	Pieces	Excess
Pine	249,446	33,446
Fir	112,276	
Included into the timber norm for the year 1740: timber, felled by Heinrich Benedict Balemann and Johann Balthasar Mende	8,617	

Source: RA, EAA, f. 644, inv. 1, file7, fol. 189–190

The Senate, in turn, sent a notification (*spravka*) about the exceeding of felling limits to the Collegium of Commerce. Thereafter, the Collegium of Commerce ordered the port customs authority to proceed from the ukase of 1736 in matters of timber export and to prevent excessive timber export and requested information on who had given permission to pass the excessive 33,446 pine trees through the control points. The Collegium threatened to fine the customs managers if they allowed the export of anything above the annual limit.⁸⁴ The timber commission continued to request reports on timber export from the port customs authority, Garrison Office, Magistrate and the traders. This rendered the work of officials and traders difficult, wasting time and hindered trading activities. In addition, the timber commission started threatening the officials. For example, on 15th November 1739, the timber commission requested information from Narva port customs authority about the amount of timber left unexported on the banks of the Rosson' River, to whom the timber belonged and what were the dimensions. Port customs authority recommended the timber commission to ask for the information from the Narva timber traders and the Town Council. On 20th November, the timber commission requested information and on 22nd November, threatened to arrest all officials of the customs authority until the necessary information had been presented.⁸⁵

Representatives of the Narva traders, Peter Götte and Joachim Jochann Sutthoff submitted an appeal to the Senate, accusing the timber commission of hindering trading activities. The Senate asked for a report about the activities of the timber commission from

⁸⁴ RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 7, fol. 189–190.

⁸⁵ RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 7, fol. 193.

the Admiralty Board. The Senate heard both parties on 16th October 1739, but made a decision only in November. On 12th November, the Senate sent an ukase to the Collegium of Commerce informing that the Admiralty Board was ordered to recall the timber commission members shipwright Ivan Ramburch and Captain Abram (?) Artsybushev back to Saint Petersburg and the timber commission was prohibited to demand reports from the Town Council about the export of each timber trader as it rendered work difficult and wasted time. The Senate referred to the notifications sent by Artsybushev and Ramburch to the Admiralty Board, from where they were sent to the Senate. When analysing a copy of the timber commission's report to the Admiralty Board, the Senate came to the conclusion that the Narva timber traders had not felled more timber than allowed by the ukases; they had even felled 4,332 trees less. Instead of fir trees, 38,185 pine trees were felled and exported during the three years. The Narva tradesman were not guilty as the trees were felled by employees on plots specified by forest-supervisors.⁸⁶ These 38,185 pine trees were to be counted towards the limit of the year 1740 and they were ordered to fell 38,185 pine trees less during the year 1740. However, additional fir trees could be felled, but the forest-supervisors were to monitor that no excessive felling took place; the Narva Garrison Office and port customs authority were to check compliance with export limits. The Admiralty Board was obliged to investigate why the forest-supervisors allowed the felling of excessive number of pine trees. The culprits were to be fined. In an order sent to the Narva port customs authority on 20th November 1739, the Collegium of Commerce notified the customs authority about the Senate's decision and order to the Narva Garrison Office and port customs authority to prepare an overview about the amounts of untreated and dead forest felled and windfall collected⁸⁷ and exported abroad during the years 1737–1739 and to send such an overview to the Senate. The Collegium of Commerce did order the customs authority to fulfil such an order.⁸⁸

The representatives of the Narva timber traders, Hermann Johann Strahlborn and Hermann Peter Knoop submitted an application in which they requested to export the abovementioned 38,185 pine trees. On 29th February 1740, the Senate issued an ukase which confirmed the ukase from November 1739. The Narva Garrison Office was ordered to allow the export of the abovementioned trees by the traders. The Senate specified that these 38,185 pine trees shall be counted towards the limits of the years 1740 and 1741.⁸⁹

⁸⁶ *'Po otvodu lesnykh nadzirately.'*

⁸⁷ *'Iz lesu vybrano.'*

⁸⁸ RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 7, fol. 195–196.

⁸⁹ *'Zachest' v dva goda.'*

In addition, the Senate reduced the fir export limit according to the number of pines.⁹⁰ The Narva Garrison Office shared the annual limit between the traders by sending the ukase to the Narva port customs authority.⁹¹

The Timber Trade during the 1740s

Forest felling on the banks of the Luga River had been intensive; this led the government to take new steps to protect the forests in the middle of the 1740s. Table 8 shows that according to the data of the Collegium of Commerce, Narva was used to exporting large amounts of timber materials. The number of only logs and beams exported abroad was 1,059,244, *i.e.*, 132,406 each year, which refers to the exceeding of the export limits.

Table 8. Timber export from Narva. 1736–1744

Timber type	Pieces
Logs and beams	1,059,244
Windfall	75,422
Clean and semi-clean boards and planks	696,231
Saw beams and saw fine beams	66,409
Spars	324
Battens	1,897,196
Firewood (in square cords)	29,378

Source: Chulkov, *Istoricheskoe opisanie rossiiskoi kommertsii...* [*The historical description of Russian commerce...*], vol. 5, book 2, 211

Due to extensive timber felling, the Admiralty Board and Collegium of Commerce were given the task to prepare proposals for the re-arrangement of the Narva timber trade. By referring to a written statement by the head forest manager, the Board and the Collegium claimed that a total of 2,396,000 trees grew on the banks of the Luga River and Pliussa River at the beginning of the year 1740, which was to be reduced by felling to 1,471,000 trees at the end of 1744. In order to preserve the forest, the felling limit had to be reduced so that the trees would last for 30 years. According to the calculations by the Board and the Collegium, only 49,313 trees could be felled on the banks of both rivers each year. Even this was possible only in the region of the Pliussa River as the

⁹⁰ 'Takogo chisla elovogo lesu poka tot zachet ne ispolnitsa za more ne vypuskat.' RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 8, no. 28 (copy).

⁹¹ RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 8, no. 28 (copy) and no. 33.

forest on the banks of the Luga River had already been felled. The Board and the Collegium made a proposition to the Senate to prohibit forest felling on the Luga River and to allow the felling of trees in the district of Samro. Likewise, the Board and the Collegium suggested to lower the annual limit of sawmill owners by one third on the Pliussa River by allowing them to fell forest in the district of Samro. In addition, the Board and the Collegium recommended to limit the export of battens and firewood by allowing up to 50 battens and 5 square cords of firewood per ship. To prevent excessive felling of trees, the timber traders and sawmill owners had to be given an order to request for felling permit early from the forest supervisors. The head forest managers had to issue felling tickets to the traders or their representatives and to monitor the adherence to the felling limit. The Senate agreed with the propositions of the Admiralty Board and the Collegium of Commerce and by an ukase of 27th August 1745, annulled the felling permit of Narva traders on the Luga River by replacing it with a felling permit in the district of Samro on the banks of Lake Peipus and Lake Pskov and rivers discharging into them. The Narva River was to be used for rafting the felled trees.⁹² However, the felling limit of the timber traders remained the same as given by the ukase by Anna of Russia in 1736: 122,000 trees per year. However, the Admiralty Board reported to the Senate during the next year that if felling continued with the same speed, the forest of the district of Samro would be destroyed within 18 years. For the first time in 25 years, the governmental establishments came to the idea to replace timber with some other trade article for the Narvians. The Collegium of Commerce was given an order to investigate its feasibility in February 1746. The same order was given to the Collegium of Commerce again in March 1749.⁹³

In an ukase sent to the Narva Garrison Office on 28th October 1745, the Senate specified the ukase from 27th August. The owners of the sawmills were given the right to fell 21,000 trees per year in the uezd of Gdov between the Zhelcha River and Lake Pskov. The timber traders were also to fell in same uezd, to which the district of Samro had been probably added by this time.⁹⁴ Henceforth, dead forest and windfalls were to be counted towards the annual limit and, as a result, the annual felling amounts had to decrease.⁹⁵ Moreover, the previous decision to establish a control point on the Narva

⁹² Chulkov, *Istoricheskoe opisaniie rossiiskoi kommersii...* [*The historical description of Russian commerce...*], vol. 5, book 2, 210–222; The ukases from 13th December 1745 and 10th January 1746 allowed the traders to raft timber on the Pliussa River, not to fell timber. Therefore, the timber traders were not allowed to fell timber on the banks of this river: RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 16, no. 48; PSZ, vol. 13, no. 9955 (12.03.1752).

⁹³ Chulkov, *Istoricheskoe opisaniie rossiiskoi kommersii...* [*The historical description of Russian commerce...*], vol. 5, book 2, 222; PSZ, vol. 13, no. 9584, 10.03.1749.

⁹⁴ RA, EAA, f. 644, inv.1, file 16, no. 47, paragraphs 1–2.

⁹⁵ RA, EAA, f. 644, inv.1, file 16, no. 47, paragraph 8.

River at the mouth of the Pliussa River was approved. Naval Regiment's ensign Lazar' Beleutov was appointed to the control point. Felling tickets or passes had to include the timber amounts and felling sites and copies of the tickets sent to the officer in the control point.⁹⁶

The felling tickets had to be presented at control points while rafting and the representatives of the Narva Garrison Office serving in the final control point had to collect the felling tickets. On 20th March 1749, the Novgorod Governorate Office requested the Narva Garrison Office to collect⁹⁷ all timber felling tickets⁹⁸ issued by the Novgorod uezd forest supervisor Tyrkov to Narva timber traders and contractors and to investigate together with Narva port customs authority how much timber was permitted to Narva and how many trees had been left unrafted on the banks of the rivers. The Garrison Office requested responding information from the customs authority.⁹⁹ Narva port customs authority forwarded the Garrison Office's request to the internal customs officials on the 4th April 1749. On 8th April 1749, a customs official replied that he did not have the felling tickets as these were collected from the timber traders at the Pliussa River control point by Lazar' Beleutov appointed by the Admiralty. An internal customs official¹⁰⁰ added a table, which included amounts of timber that were allowed to be rafted and for whom the timber was rafted during 1748.¹⁰¹ It is evident from Table 9 that similar to year 1740, the Narvians operated both independently and in cooperation with other traders. The majority of the trees passing the control point went to the associations of traders. The largest portion was held by the association consisting of the traders Gerhard Hinrich Arps, Peter Götte, Jürgen Heinrich Arps and Jean Nicolaus Brasch, *i.e.*, 14,200 pine and fir trees which amounted to 19.03% of the rafted trees. Joachim Johann Sutthoff and Anna Regina Reyer, the widow of Jonas Kiölberg, total amounted to 10,874 trees, 14.56%. In the year 1748, 11.89% of the trees were rafted through the control point under the names of Hans Otto Sutthoff and Carl Rautell, while sawmill owners Simon Brumberg and Werner Wulffert total amounted to 30,327 trees or 42.60%. The share of other sawmill owners was smaller.

⁹⁶ RA, EAA, f. 644, inv.1, file 16, no. 47, paragraph 9.

⁹⁷ 'Otoبرات'.

⁹⁸ 'O rubke lesov bilety.'

⁹⁹ RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 19, no. 24.

¹⁰⁰ 'Vnutrennii sbor.'

¹⁰¹ RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 19, no. 24.

Table 9. Timber rafted to the timber traders of Narva in 1748

Timber trader	For sawmills					For sawmills from Gdov county					
	Pine				Fir	Pine					
	3 and 3,5 fathoms	5 fathoms	4 fathoms	Total	3 and 3,5 fathoms	3 fathoms	2 fathoms	Total			
Simon Jacob Richard Brumberg and Werner Wulfert	13 893	3000	3000	19 893	8 729	1 245	460	1 705			
Joala sawmill of countess Anna Devier	16 135	502	1 128	17 765	—	—	—	—	—	—	
Friedrich Cramer	16 250	—	750	17 000	1 101	—	—	—	—	—	
Sawwindmill of Peter Götte	1 800	500	500	2 800	—	—	—	—	—	—	
Carl Peter Rieck	2 200	—	—	2 200	—	—	—	—	—	—	
Total sum	50 278	4 002	5 378	59 658	9 830	1 245	460	1 705			
Timber permitted to Narva for export from Samerski district											
	Pine					Fire					
	6 fathoms	5 fathoms	4 fathoms	3 fathoms	Total	6 fathoms	5 fathoms	4 fathoms	3 fathoms	total	
Friedrich Cramer	150	171	569	1 392	2 282						
Johann Hermann Königfels	600	262	789	1 865	3 576		140	420	1 470	2 030	
Hans Otto Suthoff and Carl Rautell	1 234	406	1 189	3 598	6 427	246	80	240	1 867	2 453	
Gerhard Hinrich Arps, Peter Götte, Jürgen Heinrich Arps and Jean Nicolaus Brasch	2 975	725	2 175	6 825	12 700	300	70	210	920	1 500	
Peter Wilhelm Suthoff and Johann Hinrich Holst	400	300	900	3 730	5 330		50	150	750	950	
Johann Balthasar Mende		180	540	1 080	1 800						
Joachim Johann Suthoff and Jonas Kjölbjerg lesk	950	245	735	4 044	6 874	—	—	—	4 000	4 000	
Sebastian Wibbelmann and Carl Friedrich Wolff	330	160	480	3 163	4 133	—	—	—	1 380	1 380	
Peter Johann Nath	182	75	225	820	1 362	—	—	—	300	300	
Jacob Seideler		200	600	3 200	4 000	—	—	—	3 300	3 300	
Carl Törne	775	125	375	1 625	2 900	—	—	—	500	500	
Lorenz Cramer	500	100	300	2 100	3 000	—	—	—	—	—	
Heinrich Benedict Balemann	500	65	195	890	1 650	—	—	—	—	—	
Hermann Peter Knoop	810	150	450	900	2 310	—	—	—	—	—	
Total sum	9 406	3 164	9 522	36 132	58 224	546	340	1 020	14 487	16 393	
	Timber permitted to Narva for export from Samerski district (dead timber and windfall)				was rafted on behalf of the crown	Firewood					
	5 fathoms	3 fathoms	Total	9 fathoms	in fathoms						
Johann Hermann Königfels	16	258	274								
Pimen Belousov kroonuhangele	—	—	—	96	—	—	—	—	—	—	
Peter Wilhelm Suthoff and Johann Hinrich Holst	—	—	—		30	—	—	—	—	—	
Total sum	16	258	274	96	30	—	—	—	—	—	

Source: RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 19, no. 24

The traders and landlords continuously violated the prohibition and felled timber for export on the banks of the Pliussa River. Sawmill owners, led by Simon Jacob Richard Brumberg and Grigorii Oslopov, submitted a complaint to the Admiralty Board in 1751, accusing the Narva traders of felling 100,000 trees in the Pliussa River basin. In addition, the sawmill owners complained that landlord Vasiliï Tatishchev's enforcer stole logs meant for the sawmills and hewed them into beams, when the sawmill owners had already paid the peasants for the logs. By using his felling right, V. Tatishchev felled trees on the banks of the Pliussa River and sold them to the timber traders. Moreover, other landlords of the Novgorod uezd followed the example of Tatishchev, thus damaging the sawmill owners. The landlords replied to the forest supervisors that the trees had been felled for the sawmills, but actually they had been hewn into beams on the banks of the Pliussa River

and then exported. On 12th April 1751, the Narva Garrison Office sent Captain Adam (?) Brill to the Pliussa River to investigate the matter; according to Brill's report, V. Tatishchev stole at night the timber felled for sawmills and sold it to traders. In addition, he found a total of 94,500 felled trees near the headwaters of the Pliussa River and its tributary Liuta in the possession of V. Tatishchev, Flor Nepliuev and other landlords.¹⁰²

Table 10. Forest felled by Narva traders on the banks of the Pliussa river in 1751

Timber type	Pieces
Timber felled on the premises of Vassili Tatishchev, Flor Nepliuev and others	94,500
Timber felled by Flor Nepliuev on the banks of the river Luga	Ca 30,000
Battens	Ca 400,000
Quantity of allowed battens (per ship)	50
Firewood (in square cords)	Ca 4,000
Quantity of firewood allowed per ship (in square cords)	5
Beams	Up to 400,000

Source: Chulkov, *Istoricheskoe opisanie rossiiskoi kommertsii...* [*The historical description of Russian commerce...*], vol. 5, book 2, 260–264.

The latter also set the forest on fire to damage it and to export it later as dead forest. Flor Nepliuev had also felled trees on the banks of the Luga River, thus violating the ukase from 27th August 1745, which prohibited timber felling there. Furthermore, the timber traders had exceeded the limit of felling as the number of battens prepared for export amounted to 400,000, notwithstanding logs and other timber. Brumberg and Oslopov asked the Senate to prohibit timber felling on the banks of the Pliussa River for the Narva traders and to prohibit the rafting of trees felled in the district of Samro on the Pliussa River. Representative of the Narva traders, Jakob Heinrich Lidars,¹⁰³ filed an objection and asked for a copy of the Brumberg and Oslopov complaint to answer the accusations. Therefore, the Senate granted the complaint of the sawmill owners only partially. In order to stop large-scale forest felling, the Senate issued an ukase on 18th June 1751, prohibiting the felling of forest on the rivers of Pliussa and Luga and selling it to Narva timber traders with the threat of a large fine and confiscation of the timber. The Admiralty Board was

¹⁰² See Table 10.

¹⁰³ Jakob Gindrich Lidars.

obliged to send to Narva a field officer whose task was to investigate who had hewed the trees and, if necessary, to confiscate the timber held by Narva timber traders.¹⁰⁴

The Admiralty Board appointed admiralty Captain Kostomarov to fulfil this task. When the latter arrived in Narva, the sawmill owners led by Brumberg and Oslopov turned to him with the request to ride quickly to the forests to inspect the trees illegally felled by the traders. In addition, the sawmill owners asked in a request sent to the Admiralty Board to prohibit the rafting of trees felled in the district of Samro on the Pliussa river. Kostomarov demanded from the Narva port customs authority the notices necessary for performing the inspection several times and requested a representative of the customs authority to take part in the inspections. The customs authority refused to meet the demands as there was no order from the Collegium of Commerce. At the same time, part of the timber belonging to the timber traders located at the mouth of the Narva River and Rosson' River was loaded on ships and exported abroad. When Kostomarov together with the Town Council, customs authority and representatives of the timber traders reached the coast to mark down all the goods located there, the sawmill owners refused to participate. According to their words, the traders had removed the majority of the illegally felled trees out of the forests and it was impossible to prove that the materials that had been on the coast, had been felled in the Pliussa River basin. At the beginning of 1752, sawmill owners Oslopov and Brumberg informed Kostomarov of illegal felling in the Pliussa River basin. In his report to the Admiralty Board, Kostomarov informed about a ride to the uezd of Gdov where he marked down 391 freshly hewn beams on the banks of the Troia River (one of the Pliussa's tributaries). In addition, Kostomarov's report referred to the notifications by Lazar' Beletov and Narva port customs authority about the exceeding of felling limits.¹⁰⁵ According to the limits,¹⁰⁶ 177 ships could have been used to export 8,850 battens and 885 square cords of timber. Table 11 shows that the traders exceeded the limit set for battens almost tenfold. In addition, 4,952 square cords of timber and 224,021 battens had been stored for export during 1752, which would have lasted for 25 years, when limits are taken into account. 73,633 additional beams originated from the Pliussa River basin. Landlords Flor Nepliev and V. Tatishchev had felled dried and burned trees in the Novgorod Governorate and sold them to the Narva traders.

¹⁰⁴ Chulkov, *Istoricheskoe opisaniie rossiiskoi kommertsii...* [The historical description of Russian commerce...], vol. 5, book 2, 252–270.

¹⁰⁵ See Table 11.

¹⁰⁶ The limit allowed to load 50 beams and 5 square cord of timber on one boat.

Table 11. Exported timber materials exceeding the limits in 1751

Type	Prepared in 1751 (pieces)	Exported in 1751 (pieces)	Remaining pieces from stored in 1752
Beams	191,530 (incl. 73,633 burnt)	140,703	—
Beams marked by Kostomarov on the banks of the river Troja	391	—	—
Logs (for sawmills)	26,297	—	—
Battens	Data of Beleutov	—	75,756
	Data of customs office	—	69,640
Firewood (in square cords)	—	1,828	4,952

Source: RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 21, no. 25

The timber traders led by Arps and Königsfels submitted an opposing request to the Collegium by asking not to satisfy the request of the sawmill owners. Landlords Nepliev and Tatishchev also submitted their requests to the Senate. This shows that the landlords were not content with the low prices of timber offered by the sawmill owners. The landlords also asked for permission to sell the forest they had in possession to the Narva timber traders or to oblige the sawmill owners to pay the correct price. In essence, landlords Nepliev and Tatishchev wanted to free themselves from the monopolistic right of sawmill owners to fell trees in the Pliussa River basin or to dictate a price to the sawmill owners. An ukase sent by the Senate to the Narva Garrison Office on 13th March confirmed the timber felling prohibition on the Pliussa River and Narva River to the traders. This time, the rafting of timber felled in the district of Samro was prohibited on the Pliussa River. The ukase stipulated confiscation and a fine for illegal felling of trees. The Senate did not satisfy the request of the landlords and obliged them to keep alert not to sell their forest at a low price.¹⁰⁷ The Senate also prohibited felling of battens until already felled items had been exported.¹⁰⁸

The timber traders led by Johann Balthasar Mende protested and claimed that in the winter of 1751–1752, they transported timber felled in the district of Samro on the tributaries of the Pliussa River. To perform it, they had received a loan from Western Europe and ordered ships from there. They had concluded contracts with contractors for

¹⁰⁷ RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 21, no. 25; PSZ, vol. 13, no. 9955 (12.03.1752).

¹⁰⁸ RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 21, no. 35.

felling trees according to felling tickets and paid for the work with money. In his request, Mende asked for permission for the Narva traders to raft the trees felled during the winter on the Pliussa River and added that if it was not allowed, the ships would have to return empty and they would sustain great damage and go bankrupt.¹⁰⁹ The Senate gave in and ordered on 24th March 1752 the Narva Garrison Office to send an officer to check the origin of the mentioned timber and, if it had been felled in the district of Samro, then to give the Narva traders the one-time right to raft the wood on the Pliussa River, prohibiting them from doing so after. If it became evident that the trees had been felled on the banks of the Pliussa River, then the officer was to confiscate the timber and to raft it to Narva, where the customs authority was to sell the timber for export on behalf of the crown.¹¹⁰

Even after the ukase of 12th March 1752, the timber traders continued to fell trees on the banks of the Pliussa river. For example, the Narva Garrison Office received a report on 11th June 1753 from Matvei Hvostov from the Narva Garrison Regiment who was sent to search,¹¹¹ check¹¹² and overlook the trees felled by Narva traders on the banks of the Pliussa River. Hvostov notified that in addition to the trees confiscated earlier and sold to Wilhelm Lorentz Sutthoff, he found another 187 trees, which were located 8 versts from the Pliussa River in the Belskii pogost of Novgorod uezd¹¹³ in forests belonging to various landlords. According to Hvostov's report, the trees had been felled and hewn into beams the previous year, but their condition still allowed them to be exported. Hvostov did not succeed in finding out who had felled the trees and on whose order it was done. The Garrison Office decided on 12th June 1753 to confiscate the abovementioned beams and to sell them to the Narva traders for export. On 12th June 1753, the Garrison Office informed the Narva customs authority about it and obliged the latter to inform to whom the beams would be sold and at what price.¹¹⁴ Thereupon the Narva customs authority demanded in a report sent to the Narva Garrison Office on 22nd June 1753 that the Garrison Office should inform the customs authority about the dimensions (length and diameter) of the confiscated beams. The Garrison Office ordered Hvostov to inform the dimensions of the timber. In their reply, the port Garrison Office again demanded information from the port customs authority about who would buy the timber and at what price. Only after receiving the report from the port customs authority, the Office could

¹⁰⁹ He also claimed that the timber traders have not violated the ukases and asked for permission to raft trees on the Pliussa River: RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 21, no. 32.

¹¹⁰ On 30th March, the Garrison Office informed the Narva port authority that lieutenant of the Narva Garrison Regiment Matvei Hvostov had been sent to inspect the origin of the trees: RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 21, no. 32.

¹¹¹ 'Obyskat'.

¹¹² 'Osvidetel'stvovat'.

¹¹³ 'V Novgorodskom uezde v Bel'skom pogoste.'

¹¹⁴ RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 22, no. 61.

order Hvostov to issue these beams to the trader who bought them.¹¹⁵ On 4th March on the same year, the Narva Garrison Office informed the Narva customs authority that Hvostov had been ordered to hand over to trader Wilhelm Lorentz Sutthoff or his representative 450 trees¹¹⁶ that had been confiscated earlier and which were meant for hewing into beams and which were located on the frozen Pliussa River and in forests on the banks of the river. After fulfilling the order, Hvostov submitted a report to the Garrison Office. According to the report, he had given the confiscated trees, which were to be hewn into beams and which had been felled in the uezd of Novgorod, to Sutthoff's employee Grigorii Samuilov, who accepted 420 trees, but rejected 30 trees as unsatisfactory. The Garrison Office sent the Narva customs authority an order to collect the prescribed customs duty for the trees.¹¹⁷

The exceeding of limits, violation of prohibition and the government's aim to preserve forests for national construction works lead in 1754 to the decision to prohibit the export of timber in the Russian Empire from Narva, Vyborg, Pärnu and Riga starting from the year 1755. It was only allowed to export timber necessary for cooking for the ship's crew and the repair of ships. It was also allowed for each ship to take along 50 three to four fathoms long and two inches thick boards and 30 battens. The customs officials were ordered to monitor that the timber was not exported under the guise of repairs. It became evident from the ukase that the traders and sawmills owners had entered into agreements with traders from Western Europe and with peasants and landlords to export timber. Therefore, they were still allowed to export timber within the limits stipulated by previous ukases or 120,000 unsawn logs and 63,000 boards and thin beams. They were also allowed to export during 1755 and the following years the amount they did not succeed in exporting in 1754, but the amount of timber could not exceed the annual limit. From then onwards, the Narva traders were to deliver timber for local use or to the construction works of the ports of Saint Petersburg, Kronstadt, Tallinn and Paldiski, but not for export.¹¹⁸ Thereby, the Senate did not allow the traders to enter into new timber agreements with partners in Western Europe and the traders were not allowed to fell trees for export. Already concluded agreements had to be annulled.¹¹⁹ The fourth clause of the ukase from 1754 allowed the rafting of timber felled in Polish-owned Belarus on the

¹¹⁵ On 30th September, Hvostov informed that the dimensions were the following: 18 of the beams had the length of four (Dutch) fathoms, 69 beams had the length of three fathoms and three fathoms and one ell (6.82 metres) and 100 beams had the length of three fathoms. The diameter of the trees at felling height was seven to nine verzhoks (about 40 centimeter): RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 22, no. 98.

¹¹⁶ *'Brusovye lesa.'*

¹¹⁷ The trees were measured with Dutch units: 3 six fathoms, 23 five fathoms, 50 four fathoms, 105 three fathoms and one ell and 239 three fathoms: RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 22, no. 90.

¹¹⁸ PSZ, vol. 14, no. 10292 (7.09.1754). Here it should be noted the Admiralty Board made a proposition to the Senate to allow timber export from Pärnu within the limits: up to 10,000 trees, out of which 7,000 were sawn and 3,000 were not sawn, but the proposition was not favoured by the Senate and timber export from Pärnu was also prohibited: PSZ, vol. 14, no. 10292 (7.09.1754).

¹¹⁹ PSZ, vol. 14, no. 10248 (22.06.1754).

Velikaia River and on Lake Pskov and Lake Peipus to Narva for exporting. Here, the customs authority was to monitor if the forest timber felled in the Russian Empire was not exported under the guise of Polish forest.¹²⁰

As the exceeding of felling limits was one of the reasons for the prohibition of timber export, the question arises to what extent were the limits exceeded. According to the Senate's decision from 1739, the timber and timber materials that had been allowed through the control points was to be counted towards the annual limit.¹²¹ When checking compliance with the annual limit, the port customs authority was to proceed from the notes made in the control points. The statistical data on the annual timber export in the archival fond of Narva Magistrate is incomplete, as some years are missing. The gaps can partially be filled using the register's database from the Sound toll. Despite expressing only the timber materials exported through the Danish straits, these can be used to evaluate the extent of the export from Narva as the majority of timber exported from Narva was transported to Western Europe.

Tables 12 and 13 show that the Narva traders generally exceeded the export limits. For example, in 1739, 163,720 timber logs were exported from Narva, 60% of which was transported westward through the Sound. But in 1740, the number of timber logs exported was already 112,269. The limit was exceeded also in 1742, when more than 135,000 timber logs were exported. Table 13 shows that the export limit may have been exceeded also in 1743 and 1745. In these years, 218,898 and 158,906 timber logs, respectively, were exported through the Sound. Both tables show that the limits were exceeded also during the first half of the 1750s. Table 12 shows that in 1750 and 1754, the number of timber logs exported from Narva was 153,967 and 147,641, respectively. The second half of the 1740s saw a decline in the export of timber logs. This is the result of the storms of 1747 and 1748. A total of 23 English and Dutch ships cast to the shore were destroyed in the storm on 24th August 1747 and were washed ashore. In 1748, a similar storm happened again.¹²² When comparing Tables 12 and 13, it becomes evident that according to the customs authority of the Sound, the number of logs and beams transported through the Sound was greater than the export according to the data from Narva. Here it must be kept in mind that in the accounting of the Sound, the final port visited for export counted as the port of export, while ships collected goods from several ports. The Sound toll registers do not make it clear whether the ship visited other ports while travelling to the Sound. The greater the distance of the original port from the Sound, the greater the chance of an error.¹²³

¹²⁰ PSZ, vol. 14, no. 10292 (7.09.1754).

¹²¹ RA, EAA, f. 644, inv. 1, file 7, fol. 165–166.

¹²² RA, EAA f. 644, inv. 1, file 18, no. 13; Heinrich Johann Hansen, *Geschichte der Stadt Narva [The history of the city Narva]* (Dorpat: H. Laakmann, 1858), 300.

¹²³ Artur Attman, *Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik 1558–1595 [The Russian market in the Baltic politics in the sixteenth century]* (Lund: Lindstedt, 1944), 48–49; Werner Schjeltjens, “De invloed van ruimtelijke verandering op operationele strategieën in de vroeg-moderne Nederlandse scheepvaart: een case-study over

Table 12. Timber exported through Narva

year	18-24 foot	30 foot	total
1730	125,274	9,757	135,031 ¹²⁴
1731	159,189	10,427	169,616 ¹²⁵
1733	207,820	13,610	221,430
1736	80,190	4,411	84,601
1739	150,824	12,896	163,720
1740	101,826	10,443	112,269
1742	124,482	11,288	135,770
1746	99,229	6,147	105,376
1747	96,981	13,244	110,225
1748	45,047	3,327	48,374
1750	140,424	13,543	153,967
1754	136,191	11,450	147,641
1755	98,107	8,051	106,158

Source: RA, EAA, f. 1646, inv. 1, files 1123, 1125, 1127, 1134, 1137, 1140, 1144, 1146, 1148, 1149, 1150, 1153, 1155

Table 13. Timber exported from Narva through the Sound

year	timber items	year	timber items	year	timber items
1718	671	1731	155,951	1744	117,816
1719	6,075 (1580 ¹²⁶)	1732	214,758	1745	158,906
1720	16,397 (1797)	1733	213,186	1746	104,439
1721	57,840 (6,349) [400 ¹²⁷]	1734	208,664	1747	98,992
1722	49,988 (3,359)	1735	136,265	1748	60,139
1723	24,378 (13,080)	1736	81,412 (13,546)	1749	129,948 (492)
1724	67,655 (27,915)	1737	125,205 (2,035)	1750	154,264
1725	103,510 (40,023)	1738	178,764 (24,118)	1751	140,551
1726	84,559 (588).	1739	100,552 (149)	1752	161,707
1727	98,858	1740	83,313	1753	148,022
1728	111,241	1741	112,537 (35)	1754	142,834
1729	84,483	1742	136,521	1755	106,782
1730	128,344	1743	218,898		

Source: Soundtoll registers online, <http://www.soundtoll.nl/index.php/nl/welkom> (accessed April 20, 2021)

de Nederlandse scheepvaart in de Finse Golf en op Archangel, 1703–1740” [„The influence of spatial change on operational strategies in early-modern Dutch maritime shipping: a case-study on Dutch maritime shipping in the Gulf of Finland and on Archangel, 1703–1740”] (Proefschrift ter verkrijging van het doctoraat, Rijksuniversiteit Groningen, 2009), 94.

¹²⁴ 128 643, according to the Table 1.

¹²⁵ 169 511, according to the Table 1.

¹²⁶ ‘Füürebilcker’ (pine logs).

¹²⁷ ‘Smaa bilcker.’

According to the privileges of Narva, which the Russian authorities confirmed, the town had the right to one half of the portorium tax collected in the port, also the right for a pole, barrel and pier tax. But starting from 1724, the town was allocated half portorium tax not from all goods, but only from timber, salt, tobacco and French wine.¹²⁸ Thus, Narva was granted portorium from the export of timber and precisely from logs and beams. Table 14 shows that the portorium income from logs and beams exceeded the 50% of income granted to Narva by privileges. For example, in 1730, it was 57.74% and 55.64% in 1736. In 1746 it amounted to 68.14%. At the time of writing this article, the data for the years 1730, 1731, 1733, 1736, 1739, 1740, 1742, 1746–1748, 1750 and 1754 was available. There is no data for the other years. Therefore, the figures presented have been obtained by calculations, based on the assumption that the portorium tax for logs and beams was about 55 %.

Table 14. Town's income from timber export 1730–1754 in roubles

Year	Portorium tax received from timber	Portorium money with pile, barrel and pier tax
1730	4,525.39 (57.74%)	7836.74
1731	5,133.54 (52.10 %)	9853.18
1732	7,022 (?) (55%)	12,766.73
1733	7,486 (58.87%)	12,714.94
1734	6,589 (?) (55%)	11,980.63 ½
1735	4,483 (?) (55%)	8,150.85
1736	2,935.75 (55.64 %)	5,275.43 ¾
1737	4,349.75 (55%)	7,908.65-
1738	6,213 (?) (55%)	11,296.09
1739	5,825.66 (65,05%)	8,959.31
1740	4,009.9 (60.57%)	6,619.21 ½
1741	3,766 (?) (55%)	6,847.55
1742	4,933.56 (61.35%)	8,040.84
1743	6,868 (?) (55%)	12,487.06
1744	3,501 (?) (55%)	6,365.25 ½
1745	4,579 (?) (55%)	8,324.82 ½
1746	3,548.53 ½ (68.14%)	5,207.59 ½
1747	4,042.81 ½ (63.96%)	6,320.49 ½
1748	1,654.69 (55.33%)	2,990.25 ½
1749	3,998 (?) (55%)	7,269.85 ½
1750	5,401 (59.33 %)	9,112.33
1751	4,399 (?) (55%)	7,997.39 ½
1752	4,694 (?) (55%)	8,533.79
1753	4,509 (?) (55%)	8,199.02 ½
1754	4,770.73 ½ (58.88%)	8,101.19 ½
1755	3,652.97 ½ (56.13%)	6,507.49 ¼

Sources: years: 1730, 1731, 1736, 1739, 1740, 1742, 1746-1748, 1750, 1754 and 1755: RA, EAA, f. 1646, inv. 1, files 1123, 1125, 1127, 1134, 1137, 1140, 1144, 1146, 1148, 1149, 1150, 1153, 1155; year: 1737: RA, EAA, f. 1646, inv. 1 file, fol. 70, 87, 98, 110, 135; year: 1738: RA, EAA, f. 1646, inv. 1 file 158, fol. 37, 60, 64, 89, 95; years: 1732, 1734, 1735, 1741, 1743-1745, 1749 and 1751-1753: Svjatkovski, "Vene valitsuse tollipoliitika...", 56–57

¹²⁸ See more about the Russian customs policy in Vadim Svjatkovski, "Vene valitsuse tollipoliitika 18. sajandi esimesel poolel ja selle rakendamise Narvas" ["Customs policies of the Russian government in the first half of the eighteenth century and their implementation in Narva"], *Ajalooline Ajakiri*, no. 1 (167) (2019): 37–68.

Summary

The endeavours of the Russian government to preserve its forests during the observed period were not very consistent. The governing circles wanted to preserve the forests for the navy and various national constructions; thus, various felling limitations were enforced. During the Great Northern War, strict limitations were set to the felling of forest and trading. Timber export offered great income to the state treasury as customs duties; therefore, the authorities allowed traders to get involved in it. In the case of Narva, timber export was especially important as the town's commercial hinterland was limited by the ukases of the rulers. The government held consistently the course of supporting trade in Saint Petersburg and limiting that of Narva. This resulted in a controversial policy. The government continuously made exceptions when setting limitations or prohibitions or abandoned exceptions. The failure to make exceptions may have caused great financial harm to the traders and may have caused them to go bankrupt, which, in turn, had a negative effect on the inflow of customs duty. Likewise, the authorities were interested in maintaining good relations with the foreign traders.

Not every trader living in Narva could have been involved in the timber trade. The number of traders involved in the timber trade increased during the 1730s and in the middle of 1730s and in 1740, only 29 traders were allowed to participate in the timber trade. The traders operated individually or in cooperation. In 1736, a limit was set on the Narva timber traders, who were allowed to export up to 122,000 trees per year. The annual limit was allocated between the traders. The annual limit fluctuated based on the number of trees felled and exported by the trader during the previous year.

By the middle of 1740s, timber felling had become so wide-scale that large areas on the banks of the Luga river and its tributaries had been cleared of forest. The Senate wished to preserve the remaining forest in the area, therefore tasking the Admiralty Board and Collegium of Commerce with submitting proposals for the re-arrangement of the Narva timber trade. In turn, the Admiralty Board and Collegium of Commerce made a proposition to the Senate to annul the felling permit on the Luga River and replace it with a felling permit in the district of Samro. The Senate agreed: in the summer of 1745, felling of trees on the Luga River was prohibited and instead, Narva timber traders got the permit to fell the trees in the district of Samro and raft them to the mouth of the river Narva. However, the felling limit of the timber traders remained the same as given by the ukase issued in 1736, that is 122 000 trees per year.

Sawmill owners retained the permit to fell trees on Pliussa river; however their annual limit was lowered by one third in the area. As a compensation, they were allowed to fell

this amount in the district of Samro as well. Narva traders got a permit to raft their timber to Narva, however felling trees on the Pliussa river was severely prohibited for them. Nevertheless, they were continuously violating this prohibition and cut down trees on the Pliussa river. Likewise, they frequently exceeded the felling limits, gathering timber stock for several years in advance.

Despite these rearrangements, the Admiralty Board reported to the Senate already next year that the forest in the district of Samro would be destroyed within 18 years, were the felling to be continued in the same pace. Government establishments wanted to preserve the forest suitable for shipbuilding near Saint-Petersburg and in the governorates near the Baltic sea. In addition to shipbuilding, the forest was also necessary for fortification works and civilian building activities. The intensive felling of trees and export by the timber traders of Narva came into collision with the government's wishes and intentions. In addition to this, Narva timber traders continuously exceeded their limits and cut down trees in forbidden territories. Due to these reasons, the government reached a conclusion that felling trees for export by Narva timber traders should be completely forbidden. Timber export from Narva was prohibited by an ukase issued in September 1754, entering into force the next year. From 1755, the timber traders were only allowed to cut trees for local needs and for export to other Russian cities.

List of secondary sources

Белов, М. И. Россия и Голландия в последней четверти XVII века / М. И. Белов // Международные связи России в XVII–XVIII в.: (экономика, политика и культура) / отв. ред. Л. Г. Бескровный. — Москва : Наука, 1966. — С. 58–83.

Захаров, В. Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века / В. Н. Захаров. — Москва : Наука, 2005. — 716 с.

Кюнг, Э. Русская торговля лесом в Нарве в конце 17 века / Э. Кюнг // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда : выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в средние века и раннее новое время (к 600-летию при битве Грюнвальде / Танненберге) : международная научная конференция (к 600-летию битвы при Грюнвальде / Танненберге) (Санкт-Петербургский государственный университет, 22-24 октября 2010 г.) / под ред. А. И. Филюшкина. — Санкт-Петербург : Любавич, 2010. — С. 161–166.

Козакевич, П. В. Город Нарва с морским его рейдом и рекою Наровою / П. В. Козакевич. — СПб.: Типография Морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1878. — 82 с.

Козакевич, П. В. Город Нарва с морским его рейдом и рекою Нарвою / П. В. Козакевич // Морской сборник. — 1878. — Т. CLXVII, № 7. — С. 65–98.

Лупанова, Е. М. Экономическая политика в сфере эксплуатации лесов в Прибалтике первой половины XVIII в. / Е. М. Лупанова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2019. — Т. 21, № 3. — С. 614–625.

Некрасов, Г. А. Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721–1756 гг. / Г. А. Некрасов. — Москва : Наука, 1984. — 272 с.

Петрухинцев, Н. Н. Царствование Анны Иоанновны : формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. / Н. Н. Петрухинцев. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. — 349 с.

Пийримяэ, Х. Состав, объем и распределение русского вывоза в 1661–1700 годах через шведские владения в Прибалтике на примере торговли г. Нарвы / Х. Пийримяэ // Скандинавский сборник. — Таллин : Эстонское государственное издательство, 1962. — Вып. V. — С. 34–93.

Семенов, А. В. Изучение исторических сведений о российской торговле и промышленности / А. В. Семенов. — Санкт-Петербург : Типография И. Глазунова и Ко, 1859. — Ч. 1. — 295 с.

Шишилов, А. В. Торговля, транспорт и связь в России первой половины XVIII века / А. В. Шишилов. — Воронеж: ВГПУ, 2008. — 335 с.

Attman, A. Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik, 1558–1595 / A. Attman. — Lund : Lindstedt, 1944. — 466, [9] s.

Erpenbeck, D.-G. Narvaer Bürger- und Einwohnerbuch: 1704-1840 / D.-G. Erpenbeck.. — Herne : AGoFF, 2014. — 460 s. — (Quellen und Darstellungen zur Personengeschichte des östlichen Europa 3).

Küing, E. Manufaktuuriettevõtlusest ja veskitest Narva jõel 17. saj. II poolel / E. Küing // Tuna. — 2009. — No. 3. — Lk. 12–33.

Knoppers, J. Dutch Trade with Russia from the Time of Peter I to Alexander I : a Quantitative Study in Eighteenth Century Shipping / J. Knoppers. — Montreal : Interuniversity Centre for European Studies, 1976. — Vol. I–III. — 867 p.

Laur, M. Eesti ala valitsemine 18. sajandil (1710–1783) / M. Laur. — Tartu : Eesti Ajalooarhiiv, 2000. — 287 lk.

Laur, M. Eesti Ajalugu IV: Põhjasõjast pärisorjuse kaotamiseni / M. Laur, T. Tannberg, H. Piirimäe. — Tartu : Ilmamaa, 2003. — 311 lk.

Soom, A. Narva metsakaubandus ja metsatööstus XVII sajandi lõpul / A. Soom // Ajalooline Ajakiri. — 1940. — No. 2. — Lk. 57–72.

Schjeltjens, W. De invloed van ruimtelijke verandering op operationele strategieën in de vroeg-moderne Nederlandse scheepvaart: een case-study over de Nederlandse

scheepvaart in de Finse Golf en op Archangel, 1703–1740 : proefschrift ter verkrijging van het doctoraat / Werner Schjeltjens. — Rijksuniversiteit Groningen, 2009. — 228, [92] p.

Svjatkovski, V. Vene tsaaririigi seadusandlus Narva kaubanduse küsimuses 1704–1766 : magistritöö / V. Svjatkovski. — Tallinna Ülikool, 2016. — 177 lk.

Svjatkovski, V. Vene valitsuse tollipoliitika 18. sajandi esimesel poolel ja selle rakendamine Narvas / V. Svjatkovski // *Ajalooline Ajakiri*. — 2019. — No. 1 (167). — Lk. 37–68.

КОТЛЯРЧУК Андрей / KOTLJARCHUK Andrej

Университет Сёдертёрн / Södertörn University

Швеция, Стокгольм / Sweden, Stockholm

andrej.kotljarchuk@sh.se

НИЛЬССОН Турбьёрн / NILSSON Torbjörn

Университет Сёдертёрн / Södertörn University

Швеция, Стокгольм / Sweden, Stockholm

torbjorn.nilsson@sh.se

**ФИНЛЯНДСКИЕ ШВЕДЫ, ШВЕДСКИЕ ФИННЫ И БОЛЬШОЙ
ТЕРРОР В КАРЕЛИИ. ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОСТИ,
ГРАЖДАНСТВА И ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ***

FINLAND SWEDES, SWEDEN FINNS AND THE GREAT TERROR IN KARELIA.
ISSUES OF NATIONALITY, CITIZENSHIP AND DIPLOMATIC ASSISTANCE

Abstract: The Great Terror in the Soviet Union 1937–38 was to a high degree accomplished on ethnic grounds. Citizens of German, Finnish and Polish and other descent became victims for the ‘national operations’ of the NKVD. In 1926 approximately 2,500 Swedes were residing in the Soviet Union. In April 1937 an NKVD-directive declared ‘to detect and remove from the USSR all foreign nationals, who in one way or another were suspected of espionage.’ Paradoxically the authorities tried to purge the country from ‘dangerous elements,’ but in the totalitarian communist system, returning home was still nearly impossible. The Embassy of Sweden in Moscow initiated a rescue operation, never before professionally studied. Hundreds of Swedish citizens in various regions of the country contacted the embassy in order to escape the threats from the NKVD. Many of them were from Karelia. Many were rescued, but in many cases the efforts failed. This unknown event gives a new perspective of Swedish diplomatic operations before World War II. But it also contributes to the wider issue of Western rescue operations in the USSR. Our paper is focused on the rescue operations of Sweden. How were they carried out? How did the Soviet concept of nationality affect the identification and misidentification of Swedes and Finns by the NKVD? Did the Embassy of Sweden in Moscow try to define ‘Swedish connection’ as broadly as possible? How important were the emotional reaction for the diplomats? The empirical results of this study open up for theoretical discussion on the relevance of moral and humanistic contents, as well as the principle of legal state in international conflicts and zones of insecurity. The source material is based on the collection of the Foreign Office discovered by the authors in the National Archives of Sweden, which contains various materials regarding the Swedish rescue operation.

Ключевые слова / Keywords: Большой террор, шведские граждане, Советская Карелия, советская концепция национальности, национальные операции НКВД, дипломатическая помощь / The Great Terror, Swedish citizens, Soviet Karelia, Soviet concept of nationality, national operations of the NKVD, diplomatic assistance

* Финансирование исследовательской работы: Фонд Балтийских и Восточноевропейских исследований Швеции / *The Foundation for Baltic and East European Studies* (грант на исследовательский проект: *Swedes, emotions and moral diplomacy in the Great Terror. Foreign Office’s rescue operation in the Soviet Union, 1937–38*).

Введение

Большой террор в СССР осуществлялся в том числе по национальному признаку. Жертвами «национальных операций НКВД», одного из центральных направлений массовых репрессий, стали граждане немецкого, финского, польского, латышского и другого происхождения¹. Согласно переписи 1926 года в СССР проживало 2 495 шведа². Их число выросло в 1930-е годы за счёт эмиграции в СССР шведских левых активистов и рабочих, так называемых *Kirunasvenskar*³. Согласно директиве наркома НКВД Николая Ежова (апрель 1937 г.), служба безопасности должна была выявлять и удалять из СССР всех иностранных граждан, за исключением тех, на кого имелся конкретный материал или подозрение в шпионаже. Как это ни парадоксально, в ходе Большого террора власти пытались очистить страну от «опасных элементов» не только с помощью прямых политических репрессий, но и через административную высылку. Тем не менее возвращение на родину в условиях тоталитарной системы было крайне затруднено. Сотни шведских граждан в различных регионах страны обратились в шведские дипломатические представительства, с просьбой о помощи. В использованных нами архивных материалах (см. о них ниже) встречаются письма граждан Швеции, проживавших в Центральной Азии (Фрунзе, Ташкент, Алма-Ата, Гурьев), в Сибири и на Дальнем Востоке (Новосибирск, Томск и Владивосток), на Урале (Челябинск, Аша, Свердловск, Ирбит), Украине (Харьков, Одесса), Кавказе (Баку), севере России (Ярославль, Архангельск, Мурманск, Кировск), в Казани и Воронеже, Москве и Ленинграде, а также в Петрозаводске и других городах и посёлках Карелии. Большинство просило о помощи в выезде из страны, сообщая, что получили прямое предписание НКВД покинуть пределы СССР. Многие шведы рассказывали, что на вопрос о том, как избежать высылки, сотрудники правоохранительных органов отвечали предложением принять советское гражданство и отказаться от гражданства Швеции.

Объём возникших задач был чрезвычайным, поэтому посольство Швеции в Москве и консульство в Ленинграде вынуждено было приступить осенью 1937 г. к спасательной операции по вывозу шведских граждан из страны. Большинство были вывезены, но во многих случаях дипломатические усилия не увенчались

¹ Историографию и результаты новейших исследований см., например: *Ethnic and Religious Minorities in Stalin's Soviet Union: New Dimensions of Research* / Ed. by A. Kotljarchuk and O. Sundström. Huddinge, 2017.

² Всесоюзная перепись населения 1926 года: Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php (30.11.2021).

³ Буквально «кирунские шведы», известны также как «кирунские рабочие» — *Kirunaarbetare*. Так в документах МИД Швеции и научной литературе называют эмигрантов из Швеции в СССР в 1920–1930-е гг. Многие из них (но не все) прибыли из северной Швеции, из шахтерского заполярного города Кируна и его региона, где была популярна коммунистическая партия Швеции. См.: *Eneberg K. Tvingade till tystnad: En okänd historia om några svenska familjeöden*. Stockholm, 2003; *Gustafson A. Svenska sovjetemigranter: Om de svenska kommunisterna och emigrationen till Sovjetunionen på 1920- och 1930-talen*. Linköping, 2006.

успехом. Эта ранее не исследовавшаяся тема открывает, на наш взгляд, новые перспективы для изучения сталинских репрессий. Нас интересуют следующие вопросы. Как осуществлялся вывоз шведских граждан из СССР в 1937–1938 гг.? Как советская концепция национальности влияла на выявление «шведов» органами НКВД? Как шведские дипломаты определяли круг граждан, которым должна была быть оказана помощь? Пытались ли шведские дипломаты помочь максимальному кругу обратившихся к ним за помощью людей на основании широкого толкования принципа наличия «связи со Швецией»? Или нет? Насколько важной была эмоциональная составляющая в действиях дипломатов?

Эмпирические результаты исследования открывают возможности для теоретической дискуссии о значимости общечеловеческой морали и принципов правового государства в действиях демократических стран по спасению своих граждан за рубежом, из зон конфликтов и с территорий, контролируемых диктаторскими режимами. Аналитическое понятие «моральная дипломатия» использовалось для исследований в различных областях: международной экономической помощи, гуманитарной помощи беженцам, международных операциях в зоне стихийных бедствий, боевых действий и геноцида. Более конкретное значение для нашего исследования имеет концепция «стратегической моральной дипломатии» — так озаглавлена книга Лин Бойд-Джудсон, которая является одним из ведущих исследователей в этой области. Центральный тезис автора заключается в том, что в международных конфликтах моральные вопросы часто принимают противоречивый характер и по-разному воспринимаются сторонами, задействованными в конфликте. Термин «стратегический» означает, что главная цель по-прежнему состоит в том, чтобы добиться нужного результата, несмотря на все культурные, нравственные и идеологические противоречия с противной стороной⁴.

Настоящая статья основана на не введенных в научный оборот источниках из архива министерства иностранных дел Швеции, прежде всего коллекций документов посольства в Москве и консульства в Ленинграде и фонда по делам высланных шведских граждан⁵. Изучение этого материала продолжается, поэтому важно подчеркнуть, что наша статья представляет первые результаты проекта.

Шведское дипломатическое представительство в СССР в годы Большого террора

Швеция была представлена в СССР четырьмя дипломатическими миссиями: посольством в Москве, консульствами в Ленинграде и Владивостоке, а также вице-консульством в Архангельске, которое закрылось в 1935 г. На начало 1937 г. шведские граждане, проживавшие на северо-западе РСФСР, обращались

⁴ *Boyd-Judson L. Strategic Moral Diplomacy: Understanding the Enemy's Moral Universe. Bloomfield, 2011.*

⁵ В настоящее время эти материалы архива МИД (*Utrikesdepartementets arkiv*, далее — *UD: arkiv*) хранятся в Государственном архиве Швеции (*Riksarkivet*, далее — *RA*).

по консульским вопросам в Ленинград и в представлявшее интересы Швеции генеральное консульство Норвегии в Архангельске. Однако летом 1937 г. УНКВД по Архангельской области провело операцию «по изъятию лиц», связанных с норвежским консульством, которое было объявлено «гнездом шпионажа». В ходе операции были арестованы 54 человека, консульство было закрыто, а выросший в России консул Арнольд Викалюнд (*Arnold Wiklund*) вынужден был покинуть СССР⁶.

Отметим, что дипломатическое присутствие Швеции в СССР было малочисленным. Так, в московском посольстве на конец 1937 г. служило шесть профессиональных дипломатов. Среди них чрезвычайный и полномочный посол Вильгельм Винтер (*Otto Wilhelm Winther*), советник и пресс-атташе Нильс Линд (*Nils Lindh*), первый секретарь посольства Стен фон Ойлер-Хельпин (*Sten Hansson von Euler-Chelpin*), второй секретарь Брюнольф Энг (*Carl Julius Brynolf Eng*), военный атташе майор Карл Вранг (*Carl Vilhelm Birger Vrang*) и глава канцелерии Георг Нюстрём (*Georg Ernst Bernhard Nyström*). Нильс Линд работал в СССР с 1924 г. и прекрасно знал русский язык⁷.

Визит министра иностранных дел Рикарда Сандлера в Москву в июле 1937 г. ставил своей целью улучшение шведско-советских отношений. Этого не произошло. Сталин, несмотря на просьбу шведской стороны, не принял Сандлера в Москве. Выдача шведского кредита была сорвана⁸. Курс сталинского правительства на внешнею изоляцию страны отразился на деятельности шведского посольства. Осенью 1937 г. советское правительство потребовало закрытия шведского консульства в Ленинграде. После подготовительной работы и вывоза имущества 13 января 1938 г. консульство в Ленинграде (как и консульство Финляндии) прекратило свое существование⁹. Это старейшее представительство Швеции в России возобновило свою работу только в 1972 г. Таким образом, с 1938 г. далёкая Москва стала единственным местом, куда могли обратиться за помощью шведские граждане из Карелии. Географический фактор негативно влиял на эффективность оказания помощи. Тем более что основным механизмом контактов по причине страха ареста за так называемые «консульские связи» стала переписка, а не посещение дипломатической миссии¹⁰.

⁶ Репрессии в Архангельске 1937–1938 гг.: Документы и материалы / Ред. В. А. Митин. Архангельск. 1999. С. 47.

⁷ *Westlund P.* "Sanningen" om Sovjetunionen: Rysslandskännaren Nils Lindhs möte med öst åren 1917–1938 // *Jag har sett framtiden... och den fungerar inte: Journalisterna och främlingarna i öst* / Red. T. Olsson & P. Åker. Stockholm, 2002. S. 20–55.

⁸ *Sandler S.* Strömväxlingar och lärdomar: Utrikespolitiska anföranden 1937–39. Stockholm, 1939. S. 16.

⁹ *Комлячук А.* «В кузнице Сталина»: Шведские колонисты Украины в тоталитарных экспериментах XX века. М., 2012. С. 141–142.

¹⁰ 28 октября 1937 г. в разгар массовых арестов вышел приказ НКВД СССР № 00698 «О пресечении контрреволюционной, шпионской, террористической, диверсионной деятельности личным составом посольств и консульств Германии, Японии, Италии и Польши». С этим приказом в советском репрессивном словаре появилось новое понятие — «консульские связи». На практике их «пресечение» означало прерывание любых контактов советских граждан с зарубежными представительствами. Приказ не оговаривал меру наказания и особую ситуацию граждан, пытавшихся восстановить утраченное гражданство страны происхождения или получить новый

В это же время шведские дипломаты столкнулись с беспрецедентным давлением со стороны советских властей. Практиковался отказ в предоставлении виз вновь назначенным дипломатам, нарушался принцип неприкосновенности дипломатической почты, подвергались арестам советские граждане, занимавшие в шведских представительствах должности технического персонала. Наконец, НКВД осуществлял негласный взлом помещений и квартир дипломатов с целью установки прослушивающей аппаратуры¹¹. Шокирующие шаги советского правительства активно обсуждались дипломатическим корпусом Москвы. В ходе неформальных встреч дипломаты Швеции, Великобритании Греции, Ирана, Латвии, Литвы, Германии, Польши, Чехословакии, Франции и Японии в Москве обсуждали возможные меры противодействия. Посол Польши предлагал руководствоваться принципом взаимности и высылать в ответ советских граждан из западных стран¹². Однако эта мера вряд ли могла быть эффективной в случае Швеции, поскольку число советских граждан на её территории было минимальным. 26 мая 1938 г. посол Швеции Вильгельм Винтер отправил на имя министра иностранных дел Рикарда Сандлера депешу, название которой можно перевести как «Враждебность к другим народам в Советском Союзе». В ней сообщалось об иранской, латышской и немецкой операциях НКВД. Особо подчёркивалось, что среди арестованных есть представители «дружественных» СССР стран. По сведениям дипломата, одной из крупнейших операций НКВД была греческая: «...многие деревни опустошены так, что в них не осталось ни одного грека»¹³. 8 июня 1938 г. крупнейшая газеты страны *Dagens Nyheter* сообщала, что «среди многочисленных репрессий, которые сейчас осуществляются в СССР, кампания против инонациональностей является наиболее массовой, при этом протесты дипломатических представительств игнорируются». Не вдаваясь в подробности, газета отмечала, что среди арестованных есть и шведские граждане¹⁴.

Шведские финны, финляндские шведы. Советская концепция национальности и Большой террор в Карелии

Как подчёркивают Алексей Голубев и Ирина Такала, географический фактор и этнический состав местного населения играл ключевую роль в направлении национальных операций. В Советской Карелии главное направление национальных операций определялась близостью Финляндии к Советскому Союзу и значительным

паспорт, что открывало широкие возможности для толкования приказа сотрудниками НКВД. Приказом № 00698 также предписывалось «усилить наблюдение» и за другими представительствами, в том числе скандинавских стран. См.: Котлярчук А. «В кузнице Сталина». С. 143.

¹¹ Кен О. Н., Рунасов А. П., Самуэльсон А. Швеция в политике Москвы 1930–1950-е годы. М., 2005. С. 114 (примечание 87).

¹² Котлярчук А. «В кузнице Сталина». С. 143–144.

¹³ Den främlingsfientliga rörelsen i Sovjetunionen. Wilhelm Winther till Hans Excellens Herr Ministern för Utrikes Ärendena Rickard Sandler. Den 26 maj 1938: RA. UD: arkiv. Avdelning HP 514. Grupp 1. Mål: Er. Politisk allmänt. Ryssland. Vol. LXII. 1938.

¹⁴ Utlänningarna i Sovjetunionen // Dagens Nyheter. 8.06.1938. S. 6.

количеством финских иммигрантов в Карельской АССР¹⁵. Финны, доля которых в Советской Карелии в середине 1930-х гг. едва превышала 3 %, составили 41 % всех жертв Большого террора в республике¹⁶. Кроме финнов ряд карелов и вепсов (представителей финно-угорских народов), а также этнических русских были арестованы и казнены и во время финской операции¹⁷. Вопрос корреляции этнической принадлежности, гражданства и связи со «страной капиталистического окружения» при определении сотрудниками НКВД списка потенциальных жертв требует дальнейшего изучения. Однако очевидно, что среди жертв финской операции НКВД в Карелии были граждане Швеции, прежде всего те, у кого финский язык был родным. Главной целью национальных операций в Карелии были так называемые финские перебежчики и политэмигранты. Под «финнами» власти понимали не только тех, у кого было собственно гражданство Финляндии. НКВД зачищало карельское общество от носителей финской культуры и языка, а эти люди иммигрировали в Советский Союз из Финляндии, Швеции, Норвегии, США и Канады. Подвергались арестам и те, кто родился в упомянутых странах, но вырос в Советском Союзе. Около 800 североамериканских финнов были арестованы в ходе финской операции в Карелии. Основной удар репрессий в этой группе пришёлся на мужчин в возрастной группе 40–50 лет¹⁸. Последний факт можно объяснить тем, что в воображении сотрудников НКВД именно зрелые мужчины (выходцы из западных стран) наиболее подходили под критерий потенциальных шпионов.

Понятие «национальность» использовалось в советском политическом лексиконе 1930-х гг. как синоним этничности. В 1939 г. «Большая советская энциклопедия» (БСЭ) определяла понятие «национальность» как принадлежность лица к той или иной нации¹⁹. В свою очередь, понятие «нация» определялось через «исторически устойчивую общность языка и психического склада»²⁰. Таким образом, национальность рассматривалась в культурно-языковой и психологической плоскости, а не в рамках политического гражданства (как известно, во многих западных языках слово «национальность» обозначает гражданство — ср., например, английское *nationality*). В качестве авторитетного источника советской концепции национальности БСЭ называла работу Сталина «Марксизм и национально-колониальный вопрос». В ней Сталин подчёркивал, что нация это «исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и

¹⁵ Голубев А. В., Такала И. Р. В поисках социалистического Эльдорадо: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов. СПб., 2019. С. 234–235.

¹⁶ Такала И. Большой террор в Карелии // Альманах североамериканских и балтийских исследований [Электронный ресурс]. 2018. Вып. 3. С. 180. URL: <https://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=1066> (22.12.2021).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Голубев А. В., Такала И. Р. В поисках социалистического Эльдорадо. С. 276–282.

¹⁹ Национальность // Большая советская энциклопедия / Под ред. О. Ю. Шмидта. М., 1939. Т. 41. С. 372–373. БСЭ сообщала своим читателям, что в международном праве понятие «национальность» также означает гражданство.

²⁰ Нация // Там же. С. 402–404.

психического склада, проявляющегося в общности культуры»²¹. Таким образом, в советской терминологии политические границы нации как общности, проживающей в рамках одного государства и имеющего единое гражданство, отходили на второй план. Главным критерием определения национальности выступал «родной язык». На наш взгляд, специфика советской концепции национальности привела к тому, что часть финноязычных эмигрантов из Швеции советские власти считали «финнами». В то же время представители шведского меньшинства Финляндии проходили в документации НКВД как «шведы». Сравнительный анализ шведских и советских источников позволяет сделать вывод, что многие граждане Швеции воспринимались советскими карательными органами как «финны».

23 марта 1938 года НКВД Карельской АССР арестовало гражданина Эйно Петровича Хейккинена, лесоруба Лососинского лесопункта посёлка Пай (по-фински *Rajusuo*) в Прионежском районе республике. Эйно Хейккинен был осуждён без суда и адвоката особой тройкой НКВД Карельской АССР от 21.09.1938 г. по ст. 58-6-11. Он был расстрелян 28 сентября 1938 г. в окрестностях Петрозаводска. Во всех базах жертв политических репрессий, созданных на основе справки НКВД, он проходит как финн из Финляндии²². Однако согласно источникам МИД Швеции, Эйно Хейккинен (*Eino Heikkinen*) был гражданином Швеции. Он неоднократно обращался в консульство Швеции в Ленинграде по вопросу выезда из СССР²³. В начале 1938 г. его документы на выезд были готовы, однако вскоре Эйно Хейккинен был арестован НКВД и расстрелян.

Свою лепту в запутанность ситуации с гражданством и этническим происхождением внесли сложные траектории биографии и перипетии судьбы многих шведских иммигрантов в советской Карелии. В качестве примера приведём судьбу Сигне Каскела (*Signe Kaskela*, также известна как *Signe Hyvönen* и *Signe Nurmi*) — автора интереснейших мемуаров о жизни шведских эмигрантов в Петрозаводске 1930-х гг.²⁴ Финноязычная Сигне Каскела родилась в 1913 г. в Аргентине, в семье шведских эмигрантов. В Петрозаводске она вышла замуж вторым браком за Эйно Нурми (*Eino Nurmi*). Финн из Финляндии Эйно Нурми родился в 1907 г. в Хельсинки. Он и его сестра Эльза (*Elsa Nurmi*) приняли советское гражданство и работали в Петрозаводской типографии имени Анохина. Сигне, Эйно и Эльза активно участвовали в финской культурной жизни столицы Карелии. Брак Сигне

²¹ Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1934. С. 4. Обосновывая свой тезис, Сталин в частности приводил пример евреев, которые, не имея своего государства, тем не менее принадлежат к единой нации и являются евреями по национальности: Там же. С. 27–31. О специфике советского понимания категорий «нация» и «национальность» см., например: Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / [Пер. с англ. О. Р. Шёлоковой]. М., 2011.

²² Жертвы политического террора в СССР // Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://lists.memo.ru/d35/f19.htm> (30.11.2021).

²³ RA. UD:s arkiv. Beskickningen i Moskva. Konsulatarkiv Leningrad 1937; Avgående diarium 1938.

²⁴ Kaskela S. Under Stalins diktatur. Göteborg, 1990. URL: <https://www.kirunasvenskar.com> (30.11.2021).

и Эйно оказался трагически коротким. Через пятьдесят дней после свадьбы Эйно был арестован и расстрелян в сентябре 1938 г. в Петрозаводске. НКВД также арестовало его сестру. В 1937–1938 гг. Сигне активно переписывалась с консульством и посольством Швеции по вопросу выезда из СССР²⁵.

Оскар Корган (*Oscar Corgan*) был одним из примерно 6500 американских финнов эмигрировавших в советскую Карелию в начале 1930-х годов. До эмиграции Оскар Корган был одним из видных деятелей левого движения в США, главным редактором финно-язычной газеты *Tuömie* («Рабочий»). В Карелии он продолжал активное участие в политической и культурной жизни советских финнов, работал в издательстве *Kirja* («Книга») ²⁶. В ноябре 1937 г. он был арестован органами НКВД и расстрелян в 1938 г. в урочище Сандормах. Трагическая судьба Оскара Коргана описана в книге «Они забрали у меня отца», написанной его дочерью Мейми Севандер в соавторстве с Лори Хертцель²⁷. Оскар Корган имел финское происхождение, но вырос на шведской стороне земли Турнедален (*Tornedalen*) в поселке Никкала (*Nikkala*). Его официальным шведским именем было Оскар Карлссон. Также он был известен под финским именем Оскари Куркинен. Как приграничный житель, Оскар свободно владел обоими языками. В возрасте двадцати лет он эмигрировал в Соединенные Штаты в 1907 г. и сменил фамилию на Корган²⁸.

Хельмина Яако (*Helmina Jaako*) родилась в 1887 году в провинции Норботтен на севере Швеции, регионе традиционного проживания финского меньшинства. В начале XX в. она вместе со своей семьёй эмигрировала в Бразилию. Через несколько лет Хельмина вместе с мужем Карлом Оскаром вернулась в Европу и поселилась в Норвегии. Октябрьская революция в России вселила надежды на строительство первого в мире пролетарского государства. Оба супруга были активными участниками коммунистического движения, поэтому в 1932 г. они переехали — вероятно, одновременно с другими шведами — в Петрозаводск. Владея финским языком, они принимали активное участие в политической жизни карело-финской автономии. Однако в отличие от многих других политэмигрантов Хельмина и Карл Оскар сохранили шведское гражданство, что, вероятно, и спасло их во время Большого террора. После оформления новых шведских паспортов они смогли в 1940 г. вернуться на родину²⁹. С другой стороны, многие «шведы» в базах данных жертв политического террора в СССР не являлись гражданами Швеции,

²⁵ RA. UD:s arkiv. Avgående diarium 1938. Hemsändning 1938.

²⁶ *Takala I.* Taistelua ja kuolemaa: Neuvosto-Karjalan suomalaiset 1920–30-luvuilla. Helsinki, 2021. S. 51, 53–54.

²⁷ *Севандер М., Хертцель А.* Они забрали у меня отца : Американские финны в сталинской России. Петрозаводск, 2010.

²⁸ *Mårald E.* Från Nikkala via Nordamerika till det sovjetiska Karelen: En transkulturell analys av den finska identitetens betydelse speglad i Katri och Oscar Corgans livsöden // När språk och kulturer möts: Festskrift till Tuuli Forsgren / Red. H. Hansson. Umeå, 2002. S. 192–200.

²⁹ *Jaako H.* Faran var min följeslagare: En blind mors memoarer. Stockholm, 1954; RA. UD:s arkiv. Avgående diarium. Hemsändning 1938.

а чаще всего были выходцами из шведского меньшинства Финляндии и России. Расстрелянный в январе 1938 г. в Ленинграде «швед» Карл Петерсон, один из руководителей треста «Мурманрыба», был финляндцем (шведоязычным жителем Финляндии). «Шведка» Виктория Вильгельмсон, редактор Издательства иностранных рабочих в СССР, расстрелянная в Москве в ноябре 1937 г., родилась и выросла в Санкт-Петербурге. Её имя не встречается в просмотренных нами шведских источниках. Таким образом, специфика советской концепции национальности требует особо тщательного источниковедческого анализа гражданства выходцев из северных стран. На наш взгляд, это обстоятельство должно учитываться в ходе нового проекта «Финляндцы в России 1917–1964 гг.», осуществляемого на базе Национального архива Финляндии³⁰.

Большой террор и административная высылка шведских граждан из СССР

В апреле 1937 г. нарком Николай Ежов в своей директиве № 26 поставил перед чекистами задачу по «удалению из пределов СССР всех иностранных подданных, в той или иной мере подозреваемых по шпионажу и контрреволюционной работе». Административная высылка, как инструмент сохранялась и в ходе национальных операций. Циркуляр НКВД № 68 «Об иностранцах» от 22 августа 1937 г. существенно расширял список стран, граждане которых подлежали высылке из страны. Кроме таких традиционно «враждебных» стран, как Германия, Польша, Япония и Финляндия, в приказе упоминалась мирная Дания. Одновременно те иностранные граждане, на которых имелся «материал» местных отделов НКВД, подлежали не высылке, а аресту. Швеция не упоминалась в циркуляре № 68, однако как мы увидим далее, положения данного циркуляра применялись сотрудниками НКВД и к гражданам Швеции³¹.

Технология и реализация административной высылки иностранных граждан в годы Большого террора является малоизученной темой в научной литературе. Исключением является лишь деятельность посольства нацистской Германии. Новаторским исследованием стала монография немецкого историка Ханса Шафранека об административной экстрадиции немецких и австрийских (после 1938 г.) политэмигрантов из СССР в Германию. Многие эмигранты приняли советское подданство и оказались вне поля дипломатической помощи. Другие, справедливо рассчитывали в условиях террора на помощь немецкого посольства. Шафранек обсуждает противоречия между правовыми и этическими нормами в дипломатической деятельности нацистской Германии. Он показывает, что судьба

³⁰ Finländare i Ryssland 1917–1964 // Kansallisarkisto [Электронный ресурс]. URL: <https://arkisto.fi/sv/riksarkivet-2/projekt-2/finl%C3%A4ndare-i-ryssland-19171964> (30.11.2021).

³¹ Котлярчук А. «В кузнице Сталина». С. 144.

обратившихся за дипломатической помощью немецких и австрийских (после аншлюса — немецких) граждан в Советском Союзе зависела от их политической принадлежности и этнического происхождения. Важную роль играл государственный антисемитизм нацистского руководства и общее состояние отношений между Москвой и Берлином³². Карола Тиспер обратила внимание на заинтересованность НКВД в административной высылке немецких подданных. Перед отъездом из СССР многие граждане Германии вынуждены были подписать обязательство работать на советскую разведку. Таким образом, стратегия НКВД была двоякой: во-первых, очистить общество от потенциальных «враждебных» элементов, во-вторых, расширить сеть своих секретных агентов в Западной Европе³³.

Александр Ватлин существенно дополнил исследования немецких коллег анализом советского архивного материала. Нацистские дипломаты не были заинтересованы в оказании помощи немецким гражданам еврейского происхождения и коммунистам. Исследователь также показал, что высылка немецких граждан была сложным процессом взаимодействия между посольством Германии, НКВД и НКВД. Многие немцы оказались в СССР нелегально, после революции 1917 г. Таким образом, идентификация лиц и получение доказательств немецкого гражданства было невозможно без взаимодействия дипломатической миссии Германии с советскими органами власти. Отказ нацистского посольства в Москве в помощи немецким коммунистам и лишение их германского гражданства рассматривался НКВД в пользу обвиняемого. Активная помощь посольства некоторым эмигрантам наоборот усиливала подозрения НКВД в шпионаже³⁴.

Конечно, действия шведских дипломатов в отношении лиц, подлежащих высылке из СССР, не вполне корректно сравнивать с действиями дипломатов тоталитарной Германии. Однако, увы, пока специальных исследований об этой стороне деятельности дипломатических миссий таких стран, как, например, Дания или Норвегия, у нас нет.

Источники архива МИД Швеции позволяют ответить на вопросы о том, как осуществлялась административная высылка иностранных граждан на практике и как обстановка массовых репрессий заставляла посольство Швеции предпринимать нестандартные шаги по вывозу своих граждан из СССР. Спустя месяц после развертывания национальных операций посольство в Москве в отчёте за второй квартал 1937 г. сообщало об «ужасной шпиомании» охватившей СССР.

³² *Schafranek, H.* Zwischen NKWD und Gestapo: Die Auslieferung deutscher und osterreichischer Antifaschisten aus der Sowietunion und Nazideutschland 1937–1941. Frankfurt/Main, 1990.

³³ *Tischer C.* Flucht in die Verfolgung: Deutsche Emigranten im sowjetischen Exil 1933 bis 1945. Münster, 1996. S. 128.

³⁴ Ватлин А. «Ну и нечисть»: Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области. М., 2012. С. 175–184.

По собранным дипломатами сведениям (операция по высылке иностранцев не освещалась в советской прессе), целью компании было удаление всех иностранных граждан (кроме дипломатов и их семей) из страны. Сообщалось, что параллельно с массовой высылкой органы НКВД практиковали аресты иностранных граждан, особенно коммунистов. Подчёркивалось, что многих иностранных граждан вынуждают сделать выбор между высылкой из СССР и принятием советского гражданства³⁵.

В период лета 1937 — осени 1938 г. сотрудники НКВД проводили операцию по вызову граждан Швеции на местах, сообщая им, что их вид на жительство аннулирован и они высылаются из СССР. При этом, как правило, давался предельно короткий, трёхнедельный срок на то, чтобы покинуть страну³⁶. Данное требование властей было как незаконным, так и нереалистичным. В СССР в то время действовало два транспортных маршрута, связывавших страну со Швецией. Самолёт шведской компании *Vikingaland* летал по маршруту Москва-Рига-Стокгольм. Другим транспортным средством был прямой международный поезд Ленинград — Хельсинки. Тем не менее высылаемые граждане Швеции не могли купить билеты самостоятельно. Билеты на международные авиарейсы и поезда продавались в СССР исключительно за валюту. В то же время легальных пунктов обмена валюты не существовало. Поэтому даже те граждане Швеции, у которых были в порядке паспорта, вынуждены были обращаться в посольство за помощью в приобретении дорожных билетов³⁷. Многие семьи брали деньги на дорогу у шведского государства в долг. В результате договорённости посольства Швеции с МИД Финляндии нуждающиеся пассажиры получали денежную помощь в финских марках от властей Финляндии после прохождения пограничного контроля. Кроме организации транспорта из СССР дипломатам приходилось решать ряд других неотложных задач. У многих советских шведов были просрочены паспорта. Некоторые утратили шведское гражданство и обращались за его восстановлением. В этом случае шведские дипломаты проводили процедуру идентификации личности и его «связи» (*anknytning*) со Швецией, запрашивая местные власти и собирая поручительства шведских родственников. В этой работе посольству помогали две организации в самой Швеции: *Kommittén för Utlandssvenskar* (Комитет по делам зарубежных шведов) и *Understödnämnden för Rysslandssvenskar* (Бюро поддержки русских шведов, образованное после революции 1917 г. для поддержки шведов, которые покинули Россию). Эта процедура требовала значительных дипломатических усилий. В ответ

³⁵ Beskickningens rapport 2:a kvartalet 1937. 21 september 1937. Diariennr. 20/371: RA. UD:s arkiv. Sovjet (Er) HP 01. Politik allmänt. HP 514. LXI juni 1937 — sep 1937.

³⁶ RA. UD:s arkiv. Utvisningar från Ryssland I. 1938.

³⁷ См. например архивное дело: Svenska medborgarna i Leningrad Fredrik Peter Erik Lund och hans fru Ekaterina född Ipacheva: RA. UD:s arkiv. Utvisningar från Ryssland I. 1938.

на поданную просьбу посольство Швеции отправляло соискателю «Формуляр на восстановление шведского гражданства». Прежде чем выдать шведский паспорт, дипломаты переписывались с НКВД по поводу отказа от советского гражданства и только после положительного решения советских властей выдавали соискателю шведский паспорт.

Многие адресаты поколениями жили в России. Ряд дел сопровождается стандартными отметками дипломатов о том, что обратившийся за помощью гражданин Швеции «утратил связь» с исторической родиной, «не владеет шведским языком» и «никогда не был в Швеции»³⁸. Были и те, кто перешёл в российское (после 1922 г. — советское) гражданство и теперь просил о восстановлении шведского гражданства. В группе риска были также «русские» жёны и взрослые дети шведских граждан. Всем им перед высылкой из СССР посольством в срочном порядке оформлялось шведское гражданство. Однако перед тем такие граждане должны были выйти из советского гражданства. Этот вопрос неоднократно поднимался посольством Швеции в ходе переписки с НКВД. Кроме всего прочего, немногочисленный штат шведского посольства вынужден был решать ряд других неожиданных задач. Шведы, проживавшие в отдалённых от Москвы городах (например, Баку), не имели возможности остановиться в столице. Поэтому было принято решение об их временном заселении по пути из СССР в служебных помещениях посольства. Из-за страха репрессий люди отказывались самостоятельно покидать здание посольства и ехать на Ленинградский вокзал. В итоге шведские дипломаты вынуждены были доставлять граждан в служебных автомобилях непосредственно на платформу отправления поезда. В результате практически весь аппарат посольства был задействован в операции по вывозу шведских граждан. По причине максимальной загруженности посол Швеции Вильгельм Винтер попросил МИД Швеции отложить отправку ежегодного отчёта за 1938 год — случай, невиданный в шведской дипломатической практике!³⁹

Значительная часть адресатов, которым была оказана помощь, проживала в Карельской АССР. В основном в городах Петрозаводске и Кондопоге, а также в посёлках Ухта, Пай, Ладва и других. Точное число проживавших в Карелии шведских граждан неизвестно. В 1937–1938 гг. с консульством в Ленинграде и посольством в Москве переписывалось примерно 35–45 шведов из Карелии.

В исследованных нами на сегодня архивных источниках речь часто идёт о других людях (помимо самого отправителя), нуждающихся в помощи. Среди них — жёны шведских граждан, их дети и родители. Кто-то сообщал об арестах

³⁸ Например, дело Георга Карла Свенссона (*Georg Karl Svensson*), родившегося в Санкт-Петербурге в 1883 г.: RA. UD:s arkiv. Utvisningar från Ryssland I. 1938.

³⁹ Wilhelm Winther till Hans Beck-Friis. 12 januari 1939: RA. UD:s arkiv. Avdelning HP 514. Grupp 1. M I: Er. Politisk allm nt. Ryssland. Vol. LXII. 1938.

родственников и знакомых. Таким образом, круг нуждающихся был шире круга адресатов. В 1937 г. посольство Швеции в Москве получило 92 письма с просьбой о консульской помощи. После закрытия консульства в Ленинграде количество поступивших писем возросло и составило, по нашим подсчётам, 232 письма за 1938 г. Наряду с вызовом в НКВД на стремление выехать из страны влияла общая обстановка массовых арестов. 10 сентября 1937 г. главная партийная газеты страны «Правда» в статье специального корреспондента по Карелии Бориса Золотова сообщала о подрывной деятельности агентов Финляндии на Кондопожской бумажной фабрике⁴⁰. В конце 1937 — начале 1938 г. в дипломатическую миссию Швеции обратились по вопросу выезда из СССР сразу семь шведских граждан — жителей Кондопоги.

Что произошло со шведами в Карелии, которые на протяжении долгих 14 месяцев государственного террора обращались за помощью в дипломатические представительства Швеции? Проведённый нами сравнительный анализ документов МИД Швеции и доступных баз жертв политического террора в СССР позволил ответить на этот вопрос. Большинству шведов удалось покинуть СССР. Некоторым, несмотря на контакты с посольством, не удалось выехать. Впоследствии многие из них были арестованы НКВД. Также нами установлены имена нескольких граждан Швеции, которые обращались за помощью, но не выехали из страны и не пострадали в ходе Большого террора. Наконец, судьба ещё одной группы шведских граждан остаётся неизвестной и требует дальнейшего изучения. В эту группу входят пожилые дамы (чаще всего русского происхождения), вдовы шведских офицеров русской императорской армии, которым в 1920–1930-х гг. Швеция оказывала постоянную материальную поддержку. На начало 1930-х гг. несколько таких женщин проживали в Ленинграде, Москве, Киеве и Харькове.

Приведём конкретные примеры. В своих мемуарах Сигне Каскела вспоминает о шведском кружке политической грамоты в Петрозаводске 1930-х гг. Она называет имена 12 участников кружка под руководством коммуниста Густава Русенгрена (*Gustav Rosengren*) — сапожника из Стокгольма. Сигне подчёркивает, что массовые репрессии привели к ликвидации петрозаводского кружка в 1938 г. Нам удалось проследить судьбу многих его членов. Большинство сумели вернуться в Швецию. Трое членов кружка, будучи гражданами Швеции, оказались арестованы НКВД. Это были Биргер Сеппяля (*Birger Seppälä*, рабочий Петрозаводской лыжной фабрики, в русскоязычных документах — Бергер Вильямович Сеппяля), Ханс Крикорц (*Hans Krikortz*, в русскоязычных документах — Ганс Густавович Крикорц, инженер

⁴⁰ *Kotljarchuk A. Norden och nordiska minoriteter i den sovjetiska pressen // Propaganda — en antologi om påverkan / Red. O. Österberg. Stockholm, 2020. S. 59. URL: https://www.levandehistoria.se/sites/default/files/material_file/20200518_antologi_om_propaganda_0.pdf (22.12.2021).*

со шведским дипломом, который работал слесарем той же самой фабрики) и Аксель Миллер (*Axel Miller*). Судя по источникам МИД Швеции, Ханс Крикорц и Аксель Миллер пытались выехать из СССР в Швецию, однако их усилия не увенчались успехом⁴¹. После ареста Ханса Крикорца его жена Свеа (*Svea Krikortz*) обратилась в 1938 г. в посольство Швеции с просьбой помочь ей выехать вместе с сыном из СССР. Свеа Крикорц (урождённая Хольмстрём — *Holmström*) была гражданкой Швеции. Родители-коммунисты привезли её в СССР в девятилетнем возрасте. По неустановленным причинам, она и её сын не смогли выехать из СССР. Последнее её письмо в МИД Швеции с просьбой о восстановлении шведского гражданства и выезда на родину датируется 1975 г. Биргер Сеппяля прибыл в СССР в начале 1930-х гг. вместе со своим другом Карлом Ниemi (*Karl Niemi*) как сотрудник шведской электротехнической компании *ASEA* (*Allmänna Svenska Elektriska AB*). Оба шведа работали на строительстве электротехнической фабрики в Ярославле⁴². В 1937 г. оба проживали в Карелии. Карл Ниemi активно переписывался со шведским консульством по вопросу выезда на родину, но был арестован НКВД и расстрелян 22 апреля 1938 г. в урочище Сандармох⁴³. Его товарищ Биргер Сеппяля был арестован 10 июля 1938 г. и расстрелян 14 октября 1938 г. в окрестностях Петрозаводска (по всей видимости, одновременно с Хансом Крикорцем)⁴⁴. Просмотренные нами источники архива МИД Швеции не содержат упоминаний о Биргере Сеппяля. Возможно, он, чтобы избежать административной высылки из СССР, принял советское гражданство и оказался без дипломатической помощи.

Большинство из тех, кто сохранил гражданство Швеции, благополучно возвратились на родину. Среди них были коммунисты, возглавлявшие в начале 1930-х гг. Колхоз имени шведской компартии в Херсонской области УССР. Назовём имена некоторых из них: Эдвин Блум (*Edvin Bloom*, в русскоязычных документах того периода — Блюм), Карл Туре Грес (*Ture Gräs*), Каспер и Хильдур Густафссоны (*Kasper* и *Hildur Gustafsson*), Сигфрид Хольмстрём (*Karl Sigfrid Holmström*). До партийной командировки на Украину Эдвин Блум, Карл Туре Грес и Сигфрид Хольмстрём жили и работали в Петрозаводске. Здесь в 1923 г. по инициативе Артура Усениуса была создана первая в СССР шведская коммунистическая партийная ячейка⁴⁵.

⁴¹ «Ганс Густавович Крикорц» был расстрелян 14 октября 1938 г. и захоронен в окрестностях Петрозаводска, см. в базе данных «Мемориала»: Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/d18/f253.htm#n60> (22.12.2021).

⁴² *Eneberg K.* Recruitment of Swedish Immigrants to Soviet Karelia // *Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era* / Ed. by R. Harpelle, V. Lindström and A. Pogorelskin. Beaverton (ON, Canada), 2004. P. 189–200.

⁴³ См. в базе данных «Мемориала»: Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/d24/f281.htm> (31.11.2021).

⁴⁴ Там же. URL: <http://lists.memo.ru/d30/f7.htm#n76> (22.12.2021).

⁴⁵ Артур Усениус (1888–1937) — выходец из шведской семьи Финляндии, финский и советский политик, депутат финляндского сейма от социал-демократической партии. Проживал в США,

Известно, что её членами были Эдвин Блум, Карл Туре Грес и Сигфрид Хольмстрём⁴⁶. В 1931 г. по заданию Коминтерна они выехали вместе со своими семьями на Украину, чтобы возглавить Колхоз имени шведской компартии⁴⁷. Однако после массового голода 1933 г. все шведские коммунисты покинули шведский колхоз в Херсонской области. Двое из них — Карл Андерс(с)он (*Karl Andersson*) и Хуго (Гюго) Альберт Лауенштайн (*Hugo Albert Lauenstein*) — были арестованы ГПУ, однако после дипломатического вмешательства Швеции были отпущены на родину⁴⁸. Эдвин Блум и Сигфрид Хольмстрём решили остаться в СССР и переехали вместе с семьями обратно в Карелию. Блуму удалось благополучно вернуться в 1937 г. в Швецию. До своей смерти в 1953 г. он оставался активным членом партии и убеждённым сталинистом. Судьба Сигфрида Хольмстрёма сложилась иначе. Он и его дочери Свеа (*Svea*) и Ёта (*Göta*) работали на Петрозаводской слюдяной фабрике. Сигфрид Хольмстрём представлял собой классического пролетария-марксиста. Работу на фабрике он совмещал с публикациями в шведской коммунистической прессе статей, посвящённых успехам профсоюзного и женского движения в Карелии и кампании по ликвидации безграмотности⁴⁹. По сведениям его дочери Ёты, в 1938 г. он был арестован НКВД и «пропал» (возможно, умер в следственном изоляторе). Его имя не упоминается в доступных нам базах жертв политического террора в СССР. Прожившая всю взрослую жизнь в России Ёта начиная с 1990-х гг. вела активные поиски отца. Ещё в 2007 г. она, в девяностолетнем возрасте, направила из карельского города Лахденпохья обращение к депутатам шведского риксдага с просьбой установить обстоятельства «исчезновения» её отца⁵⁰. Таким образом, действительный паспорт Королевства Швеция зачастую имел в годы Большого террора высшую для его владельца ценность — ценность человеческой жизни.

Швеции, Финляндии. В 1917 г. на квартире Усениуса в Хельсинки нелегально жил и работал над книгой «Государство и революция» В. И. Ленин. С 1920 г. жил в СССР. В 1929–1930 гг. был управляющим трестом «Карелэлектро». Расстрелян НКВД 27 ноября 1937 г.

⁴⁶ *Gustafson A. Svenska sovjetemigranter. S. 47–50.*

⁴⁷ *Kotljarchuk A. Little Red Sweden in Ukraine: the 1930s Comintern project in Gammalsvenskby // The Lost Swedish Tribe: Reapproaching the History of Gammalsvenskby in Ukraine. Huddinge, 2014. S. 111–149.* Стоит отметить, что у многих шведов два или три «паспортных» имени и не всегда первое из них является основным. Например, Карл Сигфрид Хольмстрём пользовался именем Сигфрид.

⁴⁸ См. их личные дела в Российском государственном архиве социально-политической истории: РГАСПИ. Ф. 495. Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ) (1919–1943). Оп. 275. ИККИ. Компартия Швеции. Личные дела. Д. 99. Андерсон Карл (Karl Andersson); Д. 341. Лауенштайн Гюго Альберт (Hugo Albert Lauenstein).

⁴⁹ *Gustafson A. Svenska sovjetemigranter. S. 47–50.*

⁵⁰ См. запрос депутата от Народной партии Гуннара Андрéна в архиве шведского риксдага: Riksdagens arkiv och registratur. Kirunasvenskarna. Motion till Riksdagen. 2010/11:FP1186. Gunnar Andrén (FP).

Наконец, в поле нашего зрения попали шведы, которые не смогли в 1937–1938 гг. выехать в Швецию и остались на новой родине. Среди них упомянутые выше Свеа и Ёта Хольмстрём. 8 июля 1937 г. с просьбой о восстановлении шведского гражданства обратился из Петрозаводска Рудольф Ниemi. Его отец Карл Ниemi родился в 1874 г. в шведском поселке Паяла (*Pajala*) в финноязычной семье и в начале 1930-х гг. переехал в СССР⁵¹. Он, как мы упоминали выше, был расстрелян в апреле 1938 г. в урочище Сандармох. Его сын Рудольф Карлович Ниemi, по неизвестным причинам, не выехал в Швецию и остался в Советском Союзе. Он пережил сталинские репрессии и работал после Второй мировой войны преподавателем Петрозаводской детской музыкальной школы № 1 им. Г. Синисало. Сигне Каскела из Петрозаводска оформила в 1938 г. все необходимые документы для выезда из СССР, но не покинула страну. В своих мемуарах, изданных в Швеции, она не упоминает об активной переписке с посольством в 1937–1938 гг. Сигне смогла переехать в Швецию только в 1953 г.

Шведские граждане — жертвы Большого террора

В результате проведённой работы нам удалось установить фамилии около 40 шведских граждан, арестованных НКВД, несмотря на их обращения в посольство⁵². Сравнительное изучение архивных источников МИД Швеции, базы данных «Жертвы политического террора в СССР» и описи персональных дел членов компартии Швеции в архиве Коминтерна⁵³ позволило сделать ещё несколько интересных выводов. Среди тех, кто обратился в шведское консульство за помощью, было минимум 20 членов шведской компартии — как политэмигрантов, так и находившихся в СССР по линии партийной работы или учёбе. Среди них были коммунисты из Карелии и Ленинградской области. Как удалось выяснить, большинство из них смогло с помощью посольства выехать в Швецию⁵⁴. Некоторые, несмотря на обращение за помощью в представительства Швеции, были арестованы⁵⁵. Судьба многих на данный момент неизвестна⁵⁶.

⁵¹ В базе данных «Мемориала» «Жертвы политического террора в СССР» вместо шведского приводится (с искажением) финское название места рождения Карла Ниemi: Поялан-Кюля (ср. фин. *Pajalan kylä*): Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/d24/f281.htm> (30.11.2021).

⁵² Поисковая работа была затруднена по нескольким причинам. Русифицированные и транслитерированные кириллицей фамилии, а также имена арестованных шведов не всегда совпадали с шведским написанием. Многие шведы из Швеции проходят в советских источниках как «финны» и не выявляются через систему поиска.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 495. Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ) (1919–1943). Оп. 275. ИККИ. Компартия Швеции. Личные дела. (См. выше сноску 48.)

⁵⁴ Среди членов шведской компартии, которым с помощью посольства удалось вернуться на родину, были: R. Lindberg, Axel Karlsson, Wagner Hansson, Elin Lehtonen, Gösta Keskitala, Wagner Hansson, Bertil Johansson, Konrad Sinclair Söderberg, Einar Holm, Karl Georg Nilsson.

⁵⁵ Среди них: Эйно Хейккинен (*Eino Heikkinen*), «Берль Ангонович Терн» — Бертиль Тёрн (*Bertil Thörn*) и Карл Карлс(с)он (*Karl Karlsson*).

Членство в иностранной компартии и шведский паспорт не служили препятствием для ареста НКВД, скорее наоборот, были отягчающими пунктами биографии. Разгром объявленной чекистами «гнездом шпионажа» штаб-квартиры Коминтерна в Москве привёл на местах к арестам лиц, которые были связаны с функционерами Коминтерна, попавшими под каток репрессий в столице⁵⁷. Многие из них приняли советские гражданство и не могли рассчитывать на эффективную помощь посольства. Хорошо известно, что массовые аресты политэмигрантов были одной из составляющих национальных операций НКВД. По всей видимости, аресты шведских коммунистов были побочной линией. Сыграло свою роль небольшое количество шведских коммунистов в СССР (особенно в сравнении с выходцами из Финляндии), а также тот факт, что коммунисты из Швеции не были представлены в руководящих структурах международного коммунистического движения. В отличие, например от финляндцев, среди которых были такие известные деятели, как Эдвард Гюллинг, Отто и Айна Куусинены, Аллан Валениус (финляндский швед, руководитель скандинавской секции Коммунистического университета национальных меньшинств Запада и директор библиотеки Коминтерна)⁵⁸. В отличие от шведоязычных финляндцев (Гюллинга, Артура Уселиуса и других) шведские коммунисты не были представлены в руководстве Карельской АССР.

Переехавшие в СССР члены шведской компартии во время их жизни в Швеции находились под негласным надзором политической полиции (*Statspolisen*) и считались неблагонадежными гражданами. Возникает вопрос: влияло ли такое отношение полиции на особый подход чиновников МИД Швеции к этой группе граждан?⁵⁹ Тем более что в рассматриваемое нами время большинство дипломатов были выходцами из богатых семей. Изученные нами на сегодня источники позволяют ответить на этот вопрос. В своих действиях дипломаты исходили исключительно из норм правового государства, основанных на равенстве всех граждан перед законом. Партийная активность отдельных граждан не обсуждалась,

⁵⁶ Например, проживавших в Карелии членов шведской компартии Нильса Эрика Юханссона (*Nils Erik Johansson*) и Сигфрида Хольмстрёма (*Sigfrid Holmström*).

⁵⁷ Пантелеев М. М. Репрессии в Коминтерне (1937–1938 гг.) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 161–168; Chase W. J. Enemies Within the Gates? The Comintern and the Stalinist Repression, 1934–1939. New Haven, 2001.

⁵⁸ О нём: *Mustelin O.* Allan Wallenius — biblioteksman, publicist och revolutionär // Svenska litteratursällskapet i Finland. Helsingfors, 1984. Vol. 59. S. 269–389.

⁵⁹ В Швеции в результате раскола 1929 г. существовали две коммунистические партии. Первая, под названием Шведская коммунистическая партия (*Sveriges kommunistiska parti*) под руководством Хуго Силлэна (*Hugo Sillén*) находилась под крылом Коминтерна. Вторая партия, Социалистическая партия Швеции (*Socialistiska partiet*) под руководством Карла Чильбума (*Karl Kilbom*), разорвала отношения с Коминтерном и осудила сталинизм. В конце 1930-х гг. Социалистическая партия Швеции перешла на позиции национал-социализма. Именно представители шведской коммунистической партии (известные в шведской историографии как *sillénare*) активно выезжали в 1930-х гг. на работу и учёбу в СССР. См.: *Kennerström B.* Sprängningen av Sveriges Kommunistiska Parti 1929 // Från SKP till VPK: En antologi / Red. S. E. Olsson. Lund, 1976. S. 82–105.

и дипломаты прилагали максимум усилий для оказания помощи всем гражданам Швеции, вне зависимости от их политических взглядов.

Важно подчеркнуть, что среди жертв советского террора были шведские граждане различной культуры и языка: шведского, финского, еврейского, немецкого и саамского. Это означает, что круг арестованных НКВД «шведов» может быть расширен в ходе дальнейших исследований с помощью шведских источников. Например, в 1938 г. в МИД Швеции обратилась жительница Стокгольма Ребекка Вольф. Она просила узнать, что случилось в СССР с её родным братом Соломоном Вольфом (*Salomon Wolf*), гражданином Швеции, родившимся в Стокгольме в 1911 г. В шведских источниках Соломон Вольф, естественно, фигурирует как швед⁶⁰. Однако в советских источниках из-за особенностей сталинской концепции национальности он проходит как «еврей». Санитар второй станции скорой помощи г. Ленинграда Соломон Самуилович Вольф, «еврей, беспартийный, 1911 года рождения, уроженец г. Стокгольм» был арестован сотрудниками НКВД 20 октября 1937 г. и расстрелян в Ленинграде 20 апреля 1938 г.⁶¹ Его старшая сестра Ребекка умерла в Стокгольме в 2009 г. Возможно, она так никогда и не узнала о трагической судьбе брата. Эрнст Эрикссон, мастер 89-го участка пути Октябрьской железной дороги, проживавший в поселке Ухта был арестован 19 июля 1938 г. и расстрелян 30 сентября 1938 г. в г. Кемь. Согласно материалам НКВД он родился в 1902 г. в «Руотси». Его имя значится в базах данных финских жертв сталинского террора⁶². Однако, Эрнст Эрикссон (*Ernst Eriksson*) был гражданином Швеции и обращался в 1938 г. за помощью в посольство Швеции. Как известно, *Ruotsi* это название Швеции на финском языке. Вероятнее всего, именно Швеция была указана Эрнст Эриксоном как место рождения во время допросов (на финском языке?) в НКВД.

Заключение

Как видим, Швеция последовательно оказывала помощь всем своим гражданам в СССР, независимо от их политической принадлежности и этнического происхождения. Шведская практика взаимодействия с советскими органами власти отличалась от нацистской (и, вероятно, финляндской), так как лишь незначительное количество шведов прибыло в СССР нелегальным путём. Изученный нами на сегодня архивный материал не содержит каких-либо свидетельств об особом рассмотрении дел членов коммунистической партии Швеции.

⁶⁰ UD:s arkiv. Beskickningen i Moskva. Avgående diarium 1938. Riksarkivet.

⁶¹ Вольф Соломон Самуилович (1911) // Открытый список [Электронный ресурс]. URL: [\(https://ru.openlist.wiki/%D0%92%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%84_%D0%A1%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%BD_%D0%A1%D0%B0%D0%BC%D1%83%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_\(1911\)\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%92%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%84_%D0%A1%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%BD_%D0%A1%D0%B0%D0%BC%D1%83%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_(1911)) (31.11.2011).

⁶² Эрикссон Эрнст Карлович (1902) // Инкери. Портал ингерманландских финнов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inkeri.ru/rep/peoples/?id=13263> (31.11.2011).

Наиболее важный вывод нашего исследования заключается в эмоциональной, моральной составляющей действий шведских дипломатов. В условиях массовых репрессий они сделали гораздо больше, чем предполагали должностные обязанности и инструкции. Всем, кто имел хоть какие-то основания для получения или восстановления гражданства, была оказана помощь. Дипломаты активно отвечали на все запросы, вне зависимости от языка переписки (многие шведы, утратившие связь с родной культурой, вели переписку на русском языке). Сотрудники посольства встречали граждан, прибывших в Москву на вокзале, заселяли их в служебные помещения, сопровождали во время их пребывания в столицах. В этой связи можно говорить о том, что перед нами ранний исторический пример приоритета общечеловеческих норм перед буквой закона, в ситуациях, когда речь идет о защите человеческой жизни. Достаточно вспомнить шведскую миссию под руководством Рауля Валленберга в Будапеште в годы Второй мировой войны. Напомним, что выдача временного паспорта была одним из главных инструментов шведских миссии по спасению евреев из охваченной Холокостом Венгрии. Стратегическая моральная дипломатия Швеции заключается сегодня в приоритете прав человека и спасению не только граждан, но и неграждан, особенно в зонах боевых конфликтов и политического кризиса. Часто — несмотря на ухудшение двусторонних дипломатических и торговых отношений. Так, например, на территории шведского посольства в Минске, несмотря на всю юридическую сложность дела, нашли убежище и находятся уже больше года двое граждан Беларуси, укрывшиеся от политических преследований в сентябре 2020 г.⁶³

Интерес для дальнейшего исследования представляют, на наш взгляд, вопрос о целях, преследовавшихся НКВД в ходе административной высылки шведских граждан из Советского Союза, а также вопрос о взаимодействии друг с другом дипломатических представительств североевропейских государств в СССР в конце 1930-х гг.

Список литературы

Ватлин, А. «Ну и нечисть»: немецкая операция НКВД в Москве и Московской области / А. Ваилин. — Москва : РОССПЭН, 2012. — 341 с.

Голубев, А. В. В поисках социалистического Эльдорадо: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / А. В. Голубев, И. Р. Такала. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. — 352 с.

Жертвы политического террора в СССР // Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» [Электронный ресурс]. — URL: <http://lists.memo.ru>. — (30.11.2021).

Кен, О. Н. Швеция в политике Москвы : 1930–1950-е годы / О. Н. Кен, А. И. Рупасов, Л. Самуэльсон. — Москва : РОССПЭН, 2005. — 448 с.

⁶³ *Халип II*. Кузнечики в розыске // Новая газета. 6.11.2020.

Котлярчук, А. «В кузнице Сталина»: шведские колонисты Украины в тоталитарных экспериментах XX века / А. Котлярчук. — Москва : РОССПЭН. 2012. — 221 с.

Мартин, Т. Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин. — Москва : РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. — 663 с. — (История сталинизма).

Национальность // Большая советская энциклопедия / под ред. О. Ю. Шмидта. — Москва : ОГИЗ, 1939. — Т. 41. — С. 372–373.

Нация // Большая советская энциклопедия / под ред. О. Ю. Шмидта. — Москва : ОГИЗ, 1939. — С. 402–404.

Открытый список [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.openlist.wiki>. — (30.11.2021).

Пантелеев, М. М. Репрессии в Коминтерне (1937–1938 гг.) / М. М. Пантелеев // Отечественная история. — 1996. — № 6. — С. 161–168.

Севандер, М. Они забрали у меня отца : американские финны в сталинской России / М. Севандер, Л. Хертцель. — Петрозаводск : Издательство КГПА. 2010. — 222 с.

Сталин, И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос / И. В. Сталин. — Москва : Политиздат, 1934. — 232 с.

Такала, И. Р. Большой террор в Карелии / И. Р. Такала // Альманах североевропейских и балтийских исследований [Электронный ресурс]. — 2018. — Вып. 3. — С. 143–207. — URL: <https://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=1066> (22.12.2021).

Халип И. Кузнечики в розыске / И. Халип // Новая газета. — 6.11.2020.

Boyd-Judson, L. Strategic Moral Diplomacy: Understanding the Enemy's Moral Universe / L. Boyd-Judson. — Bloomfield : Kumarian Press, 2011. — 198 p.

Chase, W. J. Enemies within the Gates? The Comintern and the Stalinist Repression, 1934–1939 / W. J. Chase. — New Haven : Yale University Press, 2001. — 474 p.

Gustafson, A. Svenska sovjetemigranter : om de svenska kommunisterna och emigrationen till Sovjetunionen på 1920- och 1930-talen / A. Gustafson. — Linköping : Nixon, 2006. — 150 s.

Eneberg, K. Tvingade till tystnad : en okänd historia om några svenska familjeöden / K. Eneberg. — Stockholm : Hjalmarson & Högberg, 2003. — 186 s.

Eneberg, K. Recruitment of Swedish Immigrants to Soviet Karelia / K. Eneberg // Karelian Exodus : Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era / ed. by R. Harpelle, V. Lindström and A. Pogorelskin. — Beaverton (ON, Canada) : Aspasia Books, 2004. — P. 189–200.

Ethnic and Religious Minorities in Stalin's Soviet Union : New Dimensions of Research / ed. by A. Kotljarchuk & O. Sundström. — Huddinge : Södertörn Academic Studies, 2017. — 283 p.

Kennerström, B. Sprängningen av Sveriges Kommunistiska Parti 1929 / B. Kennerström // Från SKP till VPK : en antologi / red. S. E. Olsson. — Lund : Zenit, 1976. — S. 82–105.

Kotljarchuk, A. Little Red Sweden in Ukraine : the 1930s Comintern Project in Gammalsvenskby / A. Kotljarchuk // The Lost Swedish Tribe : Reapproaching the History of Gammalsvenskby in Ukraine. — Huddinge : Södertörn Academic Studies, 2014. — S. 111–149.

Kotljarchuk, A. Norden och nordiska minoriteter i den sovjetiska pressen / A. Kotljarchuk // Propaganda : en antologi om påverkan / red. O. Österberg. — Stockholm : Forum för levande historia, 2020. — S. 50–77. — URL: https://www.levandehistoria.se/sites/default/files/material_file/20200518_antologi_om_propaganda_0.pdf. — (22.12.2021).

Mustelin, O. Allan Wallenius — biblioteksman, publicist och revolutionär / O. Mustelin // Historiska och litteraturhistoriska studier. — Helsingfors : Svenska litteratursällskapet i Finland, 1984. — Vol. 59. — S. 269–389.

Mårald, E. Från Nikkala via Nordamerika till det sovjetiska Karelen : en transkulturell analys av den finska identitetens betydelse speglad i Katri och Oscar Corgans livsöden / E. Mårald // När språk och kulturer möts : festskrift till Tuuli Forsgren / red. H. Hansson. — Umeå : Institutionen för nordiska språk, 2002. — S. 192–200.

Takala, I. Taistelua ja kuolemaa : Neuvosto-Karjalan suomalaiset 1920–30-luvuilla / I. Takala. — Helsinki : Libris Media, 2021. — 342 s.

Schafranek, H. Zwischen NKWD und Gestapo : die Auslieferung deutscher und österreichischer Antifaschisten aus der Sowietunion und Nazideutschland 1937–1941 / H. Schafranek. — Frankfurt/Main : ISP-Verlag, 1990. — 220 s.

Tischer, C. Flucht in die Verfolgung : Deutsche Emigranten im sowjetischen Exil 1933 bis 1945 / C. Tischer. — Münster : LIT, 1996. — 277 s.

Westlund, P. ”Sanningen” om Sovjetunionen: Rysslandskännaren Nils Lindhs möte med öst åren 1917–1938 / P. Westlund // Jag har sett framtiden... och den fungerar inte : journalisterna och främlingarna i öst / red. T. Olsson & P. Åker. — Stockholm : Carlsson, 2002. — S. 20–55.

БУРДАКОВА Ольга Николаевна / BURDAKOVA Olga

Нарвский колледж Университета Тарту / Narva College of the University of Tartu
Эстония, Нарва / Estonia, Narva

Olga.Burdakova@ut.ee

НЫММ Елена Юрьевна / NÕMM Jelena

Нарвский колледж Университета Тарту / Narva College of the University of Tartu
Эстония, Нарва / Estonia, Narva

Jelena.Nomm@ut.ee

О ФОРМИРОВАНИИ СЮЖЕТОВ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ 1944 г. В ЛОКАЛЬНОМ ТЕКСТЕ г. НАРВЫ

DEVELOPMENT OF 1944 WAR HISTORY PLOTS IN THE LOCAL TEXT OF THE CITY OF NARVA

Abstract: Written in the context of the work on the *Encyclopaedia of the Local Text of the City of Narva*, the article considers three plots of the war history of Narva in 1944 developed based on typical stories told by today city dwellers. The first plot of such stories is about the disastrous vanishing of the baroque city caused by military actions on the territory of Narva in 1944. The second plot narrates the prophesy of John of Kronstadt, who predicted the city destruction and the survival of the Resurrection of Christ Cathedral. The third plot depicts events related to the entrance of Soviet Army's troops in the ruined Narva. Origins of each of the plots and their narration in the contemporary local text and culture are discussed based on historical and publicist sources. The plot of Narva city destruction in 1944 exists in some variants: 1) a story about the heavy bombardment of Narva by Soviet Army troops and the destruction of the city (a local, mostly Estonian, population's narrative); 2) a story about the Old City destruction by the Nazi (a newcomers' narrative). The origins of these plot variants were formed already during the wartime in publicist writing and oral narratives, with the plots being different from the very beginning in their emotional charge and subjective interpretation of the historical events. The status of the two narratives changed in official culture in line with changes in ideological priorities and re-evaluation of historical events. Any status change of the narrative leads to discussion and arguments against the official history story and reveals new motives in the plot.

Ключевые слова / Keywords: Городская антропология, локальный текст, г. Нарва, устная история, военная история / City anthropology, local text, Narva city, oral history, military history

Введение

Вторая мировая война и предшествовавшие ей политические события сыграли трагическую роль в судьбах многих европейских городов: не только перекроили карту Европы, но и привели к изменениям в составе населения ряда городов. Можно вспомнить историю Выборга, Сортавалы и Кенигсберга/Калининграда. В этот ряд городов, переживших серьезные

демографические изменения, входит и эстонская Нарва. Довоенная Нарва являлась частью Эстонской независимой республики и была многонациональным городом, в котором проживали эстонцы (62 %), русские (33 %), немцы (1,5 %), финны (около 1 %)¹ и др. национальности. В 1940 г. Эстония была включена в состав СССР, в 1941 г. советские власти провели массовую депортацию коренного населения города, в результате чего численность населения сократилась. В 1941 г. Нарва попадает в сферу военных действий, советские войска покидают город, начинается период немецкой оккупации. Осенью 1943 г. — зимой 1944 г. в связи с наступлением Советской Армии и активизацией действий на Нарвском перешейке немецкие власти провели эвакуацию городского населения: к началу марта почти всё гражданское население покинуло Нарву, большинство коренных нарвитян уже не вернулось в город никогда.

После войны реализуется государственный план развития Нарвы как промышленного центра ЭССР; восстановление и расширение Кренгольмской мануфактуры, строительство Нарвской ГЭС (1950–1955 гг.), Прибалтийской ГРЭС (1955–1965 гг.), Эстонской ГРЭС (1964–1973 гг.) и др. предприятий приводят к массовому притоку рабочей силы из республик СССР. К 1970 г.² по сравнению с довоенной Нарвой³ численность городского населения увеличивается почти в три раза, при этом полностью меняется этнический состав: формируется новая многонациональная русскоязычная городская община, эстонцы в которой составляют всего 2 %⁴. После восстановления независимости Эстонской Республики в 1991 г. Нарва оказалась на границе Эстонии и Российской Федерации. За последние три десятилетия численность городского населения неуклонно сокращалась, однако национальный состав населения Нарвы не претерпел существенных изменений (по данным Нарвского городского департамента развития и экономики, на 1 января 2021 г. русские составили 86 % от общего числа жителей города, эстонцы — 4 %, украинцы — 2 %, белорусы — 2 %⁵).

Современная Нарва — провинциальный постсоветский город, городская память которого хранит сюжеты местной истории, составляющие т. н. локальный

¹ Смолочуров А. Народонаселение Нарвы. Демографический обзор истории города // Сборник Нарвского музея. Нарва, 2000. С. 65.

² Vseviõv D. Nõukogudeaegne Narva elanikkonna kujunemine 1944–1970. Tartu, 2001. Lk. 58.

³ Смолочуров А. Народонаселение Нарвы.

⁴ Vseviõv D. Nõukogudeaegne Narva... Lk. 4.

⁵ Narva arvudes 2020 // Narva Linna Arenduse ja Õkoonoomika Amet. URL: <https://www.narva.ee/documents/29877749/31137183/Narva+arvudes+2020+RUS.docx/4e3e7434-6c28-4a1b-a50f-11db2fec6afa> (09.12.2021)

текст⁶. По нашему предположению, локальный текст имеет многополярную структуру: состоит из ядра (устойчивые, передающиеся от поколения к поколению, актуальные для горожан сюжеты) и периферийных микрополей (стереотипные образы, сюжеты, актуальные для определенных групп городского населения)⁷. Сюжеты, имеющие хождение среди отдельных социальных (профессиональных, этнических, языковых, возрастных и др.) групп горожан, можно условно назвать «субтекстами» в локальном тексте. Локальный текст дискретен и неоднороден. В Нарве, пережившей в середине XX в. смену демографического состава населения и связанный с этим слом городской памяти, неоднородность локального текста проявляется в том числе в существовании локальных субтекстов среди жителей и потомков коренного населения (довоенной) Нарвы и поколений горожан, поселившихся или родившихся в Нарве после войны.

Первые записи локального текста Нарвы относятся ко времени проведения полевой экспедиции 2011 г.⁸ (записано 71 интервью). Основной круг информантов формировался по принципу случайной выборки — на улицах города, в результате в выборку попали и нарвитяне, проживающие в городе не в первом поколении, и переселенцы послевоенного и нового времени (после 1991 г.).

Анализ интервью выявил т. н. «типовые» рассказы. «Под «типовым» рассказом мы понимаем нарратив, который повторяется в интервью людей, не связанных

⁶ В городской антропологии под локальным текстом понимается система «ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых сюжетов и поведенческих практик, связанных с местом и актуальных для общего знания сообщества, идентифицирующего себя с этим местом. Локальный текст репрезентируется в спонтанных и институционализированных коммуникативных практиках, местном фольклоре, художественном, публицистическом и исследовательском творчестве и т. д.» (см.: *Алексеевский М., Лурье М., Сенькина А.* Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 277. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/22/1259000524/11_06_alekseevsky_lurie_senkina.pdf (19.07.2021)). С 2011 г. ведется изучение локального текста г. Нарвы в антропологическом ключе. См. *Бурдакова О., Нымм Е.* Из опыта составления словарей локального текста городов постсоветского культурного пространства // Альманах североевропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2017. Вып. 2. С. 116–138. URL: <http://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=750> (19.07.2021); *Бурдакова О., Нымм Е.* Нарвские «свадебные достопримечательности» как компоненты локального текста // Альманах североевропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2019. Вып. 4. С. 64–95. URL: <https://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=1341> (19.07.2021); *Nõmm, J., Burdakova, O.* Pulmapäeva külastuspaigad Narvas: pulmasõidu kujunemise ajaloost // Mäetagised. 2019. № 73. Lk. 47–68. URL: http://www.folklore.ee/tagused/nr73/nomm_burdakova.pdf (19.07.2021).

⁷ См. *Бурдакова О., Нымм Е.* Из опыта составления словарей локального текста городов постсоветского культурного пространства // Альманах североевропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2017. Вып. 2. С. 118–119. URL: <http://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=750> (19.07.2021)

⁸ Экспедиция проводилась на базе Нарвского колледжа Тартуского университета в рамках Научной летней школы «Между Россией и Эстонией: граница, культура, люди (Ивангород — Нарва)» при поддержке фонда «Русский мир» (ходатайство № 2010/II-352). Руководитель Научной летней школы: М. А. Лурье (Европейский университет, г. Санкт-Петербург).

родственными отношениями, и обладает устойчивым набором мотивов»⁹. Выявление и изучение типовых рассказов в интервью 2011 г. потребовало дополнительных интервью, связанных с уточнением отдельных сюжетов. Записи интервью с горожанами были возобновлены в 2014 г. и продолжают по сей день (на данный момент в нашем банке имеется 130 аудиозаписей). С 2017 г. ведется целенаправленный поиск жителей города (эстонцев и русских), детство и юность которых прошли в довоенной и военной Нарве. Интервью с ними пополняют общую базу данных.

В интервью с горожанами обнаруживается несколько типовых рассказов, связанных с событиями истории Нарвы в 1944 г. и отражающих представления об этих событиях у разных групп городского населения.

1. Типовые рассказы нарвитян о событиях 1944 г.

В интервью нарвитян типовыми оказываются три сюжета, относящиеся к истории военной Нарвы 1944 г.

Первый сюжет — о катастрофическом разрушении старого (барочного) города в результате военных действий на территории Нарвы в 1944 г.¹⁰ Сюжет о разрушении Нарвы в городских субтекстах представлен в разных вариантах. Среди русскоязычных нарвитян (преимущественно) бытует рассказ о том, как старый город разрушили немцы, отступая в июле 1944 г. под натиском советских войск. Среди эстонского населения и части русскоязычных жителей

⁹ Бурдакова О., Нымм Е. Из опыта составления словарей локального текста городов... С. 125.

¹⁰ В историографической литературе и локальном тексте можно обнаружить не только сюжет о разрушении барочного города, но и оценки объёма разрушений, а также рассказы о возможности или невозможности восстановления старого города. Ср.: «Огромные разрушения постигли Нарву во время второй мировой войны: к концу 1944 года в городе невозможно было найти ни одного полностью сохранившегося здания. Добавив к этому печальному перечню снесение в 50-х и начале 60-х годов остатков Старого города, которые не спасло Постановление Совета Министров ЭССР от 21 июня 1947 г. о взятии под государственную охрану города Нарвы как архитектурно-исторического заповедника, можно, казалось бы, прийти к безрадостному выводу, что Нарва, некогда называемая “жемчужиной Прибалтики”, “городом порталов”, канула в лету» (Эфендиев Э. Нарва: Путеводитель. Таллинн, 1990. С. 5); «В ходе Второй мировой войны Нарва сильно пострадала — это был очередной поворот непростой судьбы приграничного города. В результате взрывов, произведенных немецкой армией, и советских артобстрелов в 1944 г. было разрушено свыше 90 процентов застройки в историческом центре города. При этом война не сравняла старую Нарву с землей. На фотографиях 1944 г. видно, что многие здания Старого города или, по крайней мере, их остовы удивительным образом уцелели. Город можно было восстановить в большом объёме, и эстонские архитекторы начали активную работу в этом направлении. На плане Старого города, составленном в 1945 г., 80 с лишним зданий значились в качестве подлежащих восстановлению. Из них примерно половина — по причине архитектурной ценности, остальные — просто по причине хорошей сохранности для восстановления» (Vanamõlder K. Uus maja vanal kohal. Tartu Ülikooli Narva Kolledži õppehoone lugu. Narvas, 2012. Lk. 88). Сюжет о масштабах разрушений и планах восстановления старого города в контексте настоящей статьи подробно не рассматривается.

Нарвы — нарратив о советских бомбардировках города в марте — июле 1944 г., уничтоживших старый барочный центр.

Второй сюжет — рассказ о пророчестве Иоанна Кронштадтского, который до войны посещал Нарву и предсказал, что город будет стерт с лица земли, а Воскресенский собор уцелеет.

Третий сюжет — о том, как советские войска входят в Нарву в июле 1944 г. и их встречают только две жительницы, которые не покинули город (т. н. «легенда о двух старухах»).

Рассмотрим истоки формирования каждого из этих трёх сюжетов и покажем, как сюжет «живет» в современном локальном тексте и культуре.

2. Разрушение старой Нарвы в 1944 г.

2.1. Реконструкция исторических событий

Нарва была оккупирована немцами 17 августа 1941 г.¹¹. Воздушные налеты советских бомбардировщиков на город начинаются с осени-зимы 1941 г., и, по подсчётам А. Тооде в вышедшей в 2011 г. статье «Кто разрушил Нарву?», до 1944 г. Нарву уже бомбили свыше 30 раз¹². Как указывает Х. Ояло, до января 1944 г. (до начала активных наступательных действий советских войск) в Нарве было уничтожено свыше 200 домов¹³.

Перенесемся из 1941 г. в 1944 г. и попробуем вслед за Х. Ояло и другими эстонскими и советскими историками реконструировать с февраля по конец июля 1944 г. календарь важнейших воздушных бомбардировок и артобстрелов города советскими войсками и подрывных работ немецких саперов, которые нанесли ущерб городским строениям:

февраль — март 1944 г.

- 1 февраля 1944 г. — воздушная атака (советские войска)¹⁴;
- февраль 1944 г. — артиллерийские обстрелы Нарвы (советские войска)¹⁵;
- в ночь с 6 на 7 марта, с 7 на 8 марта 1944 г. — массированные воздушные бомбардировки (советские войска)¹⁶;

¹¹ Ojalo H. Narva Teises Maailmasõjas: 1939–1945. Tallinn, 2019. Lk. 67.

¹² Toode A. Kes lõhkus Narva? // Narva Muuseumi toimetised. № 16. Sõda ja sõjajärgne Narva linnamaastikus. Sõda ja sõjajärgne Narva linnamaastikus. Narva: Sihtasutus Narva Muuseum, 2015. (Narva Muuseumi toimetised; 16). Lk. 112.

¹³ Ojalo H. Narva Teises Maailmasõjas. Lk. 95.

¹⁴ Ibid. Lk. 96.

¹⁵ Ibid. Lk. С. 118; Курчатов И. Освобождение Советской Эстонии. Таллин, 1945. С. 15.

¹⁶ Ojalo H. Narva Teises Maailmasõjas. Lk. 110.

- 8 марта (утро) 1944 г. — массированный артобстрел (советские войска)¹⁷;
- 17–19 марта 1944 г. — воздушные бомбардировки (советские войска)¹⁸;

конец июля 1944 г.

- 24 июля — подрыв деревянного моста, Ивангородской крепости (немецкие войска)¹⁹;
- 25 июля (утро) — 80-минутная артиллерийская атака (советские войска)²⁰;
- 25 июля — последняя воздушная бомбардировка (советские войска)²¹;
- 25 июля (14.00) — артиллерийская атака (советские войска)²²;
- 25 июля — подрыв текстильной фабрики, Ратуши, нескольких церквей, висячего моста (немецкие войска)²³;
- 25 июля (вечер) — подрыв замка Германа, двух церквей, подземелья, кинотеатра (немецкие войска)²⁴;
- 25 июля 1944 г. — завершение отступления немецких войск²⁵;
- 26 июля (раннее утро) — Красная Армия входит в оставленный немцами город²⁶.

Понятно, что в военном городе, покинутом мирным населением (а к началу февраля 1944 г. эвакуация гражданского населения по большей части уже завершилась²⁷), никто не производил точных подсчётов нанесённого городу военными действиями ущерба (см. **Фото 1–4**). А поэтому ответ на вопрос «Кто разрушил?» или «Кто больше/меньше виноват в разрушении старого города?» невозможен.

¹⁷ Ibid. Lk. 110.

¹⁸ Ibid. Lk. 96.

¹⁹ Курчавов И. Освобождение Советской Эстонии. С. 42.

²⁰ Паульман Ф. Освобождение Советской Эстонии. Таллин, 1979. С. 10; *Ojalo, H. Narva Teises Maailmasõjas*. Lk. 136; *Toode A. Kes lõhkus Narva?* Lk. 123.

²¹ *Ojalo, H. Narva Teises Maailmasõjas*. Lk. 96; Паульман Ф. Освобождение Советской Эстонии. С. 10; Паульман Ф. II. От Нарвы до Сырве. Таллин, 1980. С. 101.

²² *Toode A. Kes lõhkus Narva?* Lk. 123.

²³ Ibid. Lk. 42; Паульман Ф. II. От Нарвы... С. 102.

²⁴ Ibid. Lk. 102; Курчавов И. Освобождение Советской Эстонии. С. 43.

²⁵ *Toode A. Kes lõhkus Narva?* Lk. 121.

²⁶ Паульман Ф. II. От Нарвы... С. 104; *Кривошеев Е., Костин Н.* Битва за Нарву. Февраль — сентябрь 1944 года. Таллин, 1984. С. 102.

²⁷ *Toode A. Kes lõhkus Narva?* Lk. 119; *Ojalo H. Narva Teises Maailmasõjas*. Lk. 102.

Фото 1. Нарвская Ратуша (1930–1939).

Источник фотографии: RM F 1383:8, Вирумааские музеи
(<https://www.muis.ee/museaalview/1356685>)

Фото 2. Военные разрушения в Нарве. Ратуша (1944–1946).

Источник фотографии: AM N 7085, Эстонский исторический музей
(<https://www.muis.ee/museaalview/2765394>)

Фото 3. Нарва. Ратушная площадь (1920–1940).
Источник фотографии: NLM F 13:13, Нарвский музей
(<https://www.muis.ee/museaalview/2460801>)

Фото 4. Разрушенная Нарва. Ратушная площадь (1944).
Источник фотографии: NLM F 202:19, Нарвский музей
(<https://www.muis.ee/museaalview/2483084>)

В военной, послевоенной публицистике (как эстонской времен немецкой оккупации, так и советской) и мемуарной литературе обнаруживаются свидетельства о разрушении города и отдельных городских строений, но эти факты и оценки оказываются противоречивыми или даже прямо противоположными. Именно эта противоречивость оценок в разных источниках и создает почву для возникновения в локальном тексте двух нарративов, прямо отвечающих на вопрос «Кто разрушил старую Нарву?». Эти нарративы отсылают нас к двум разделенным во времени периодам военных действий под Нарвой.

2.2. Нарратив о разрушении Нарвы советскими войсками

Источники нарратива: эстоноязычная публицистика времен немецкой оккупации (немецкая пропаганда)

Попробуем найти источники первого нарратива (о том, что Нарва была разрушена войсками Красной Армии). Кульминацией сюжета о разрушении Нарвы советскими войсками в этом нарративе становятся мартовские бомбардировки. Источником нарратива стала немецкая пропаганда, которая по свежим следам информировала читателей о событиях марта 1944 г.

Во время немецкой оккупации Эстонии события, происходящие в 1944 г. на Нарвском фронте, регулярно освещались в двух газетах, выходивших на эстонском языке: *Eesti Sõna*²⁸ и *Põhja Kodu*²⁹. В них находят отражение информация о бомбежках и артобстрелах, есть косвенные данные, позволяющие делать предположения о нанесенном городу ущербе.

После массированной воздушной бомбардировки города в ночь с 6 марта на 7 марта в газете *Eesti Sõna* (от 9 марта 1944 г.) на первой полосе появляются две заметки под заголовками «Разрушенная Нарва» (в оригинале: *Purustatud Narva*)³⁰ и «Нарва в руинах» (в оригинале: *Narva linn rusudes*)³¹. Автор первой анонимной заметки сетует на то, что в результате 8-часовой воздушной бомбежки уникальный исторический город, который восхищал своей красотой всех образованных людей, ценителей архитектуры, разрушен «вандалами-большевиками», и успокаивает себя и читателей мыслью о том, что вовремя была произведена эвакуация мирного населения и люди не погибли вместе с городом. Автор при этом не теряет надежды на то, что город возродится из пепла, как птица Феникс³². Во второй заметке военный корреспондент Вальтер Кальвейт уже в «шапке» статьи дает очень эмоциональную оценку бомбежке: «Покинутый жителями город, — пишет он, —

²⁸ Eesti Sõna. Tallinn, Berlin, 1941–1945.

²⁹ Põhja Kodu. Narva, 1919–1944.

³⁰ Purustatud Narva // Eesti Sõna. 09.03.1944. № 57. Lk. 1.

³¹ Kalweit W. Narva linn rusudes // Eesti Sõna. 09.03.1944. № 57. Lk. 1.

³² Purustatud... Lk. 1.

разрушен советскими бомбардировщиками³³. Новое свидетельство звериной страсти большевиков к разрушению»³⁴. Эта заметка повторяет уже известные читателю из первого сообщения факты (длительность бомбежки и заблаговременная эвакуация мирного населения). В дополнение к этому В. Кальвейт уточняет, что бомбежка состоялась ночью 6 марта и в результате нее были разрушены «замок Германа, Ивангород, многочисленные невосполнимые культурные памятники и церкви»³⁵.

Газета *Eesti Sõna* в 1944 г. выходила шесть раз в неделю, распространялась в розницу и по подписке и, надо полагать, была читаемой. Эвакуированные из города нарвитяне могли узнавать из нее о событиях, происходящих в военном городе и разрушениях.

Современная эстонская историография

Этот нарратив поддерживается и закрепляется в современной эстонской историографии. Например, в научно-популярной брошюре, рассчитанной на массового читателя и дающей оценки предвоенным, военным и послевоенным событиям, М. Лаар пишет: «Частью крупного наступления были воздушные налеты на города Эстонии. 6 марта 1944 года под огнем бомбежки была разрушена историческая часть Нарвы»³⁶.

Эта версия стала общепризнанной настолько, что вошла в современные учебники истории Эстонии (в которых, как известно, представляется только официальное, проверенное временем, не оставляющее сомнений знание): «Чтобы сломить сопротивление эстонских частей, которые несли основные тяготы на передовой, советская авиация в марте начала налеты на эстонские города. Сначала сравнивали с землей Нарву, откуда при приближении линии фронта были эвакуированы как жители, так и германские военные учреждения»³⁷; «Во время боев за Нарву советская авиация бомбила эстонские города. 6 марта в результате авианалета была полностью

³³ Здесь и далее разрядка наша — О. Б., Е. Н.

³⁴ *Kalweit W.* Narva linn rusudes. Lk. 1. (Здесь и далее перевод с эстонского языка на русский наш. — О. Б., Е. Н.)

³⁵ *Ibid.*

³⁶ *Лаар М.* Эстония во Второй мировой войне. Таллинн, 2005. С. 37. Ср. также: «Начавшаяся война не пощадила древнюю Нарву. Вечером 6 марта 1944 года советская авиация совершила массированный налет на обезлюдивший, но всё еще остававшийся в руках немцев город. В результате этой бомбежки было разрушено более 90 % городских строений» (см. *Юске Я.* Хроника забытой Нарвы. [Таллинн], 2015. С. 15).

³⁷ *Адамсон А., Валдмаа С.* История Эстонии: Учебник для гимназии. Таллинн, 2000. С. 219.

уничтожена историческая часть Нарвы. К счастью, городское население было эвакуировано, поэтому жертв было мало»³⁸.

Однако в современной эстонской научной литературе мы находим более умеренные исторические оценки произошедших военных событий, которые не снимают ответственности за разрушение Нарвы ни с одной, ни с другой противоборствующих сторон³⁹, признают, что целью военных действий и советских, и германских войск было не сознательное, намеренное разрушение старого города, а ослабление позиции противника⁴⁰. Ср.: «Кроме Нарвы, атаки воздушных войск Советского Союза обрушились на многие города Эстонии — Таллин, Тарту, Раквере, Йыхви, Тапа. Прежде всего, они были связаны с идущими военными действиями, все другие теории о сути и целях этих атак (например, культурный геноцид, месть эстонскому народу) уходят в тень. <...> Большая часть эстонцев, как гражданских, так и военных, почему-то убеждены, что города Эстонии бомбили именно из мести за ликвидацию плацдармов Рийгикюла и Вепскюла и за предыдущие неудачные попытки завладеть Нарвой. <...> Тема мести очень эмоциональна, и считать месть определяющей причиной действий в вихре войны не представляется логичным»⁴¹.

Нарратив в локальном тексте и современной культуре

Коренное население Нарвы стремится сохранить память о Старом городе: разрушенная историческая (барочная) часть Нарвы рисуется в рассказах старожилов как потерянный рай, утрата которого переживается как культурная травма. Рассказы о мартовской бомбардировке исполнены трагизма. Вот как вспоминает события в ночь с 6 марта на 7 марта 1944 г. эвакуированная из города уроженка Нарвы:

ЛВД: «Немцы всех выселили отсюда. <...> А вот бомбежку Нарвы я помню. Почему? (Меня тут не было, я была в Вайвара. Это 23 км от нашего хутора было вот до Нарвы.) И мы видели, как Нарва горела! Я помню, что мои родные все плакали, и мы стояли и смотрели на это. И я помню это пламя... это зарево, которое вот было. Это было ужасно. Это было ужасно». (EN 17–01)

Память о Старом городе культивируется активистами Эстонского общества Нарвы. Бомбардировка Нарвы в ночь с 6 марта на 7 марта признается днем разрушения Старого города, ежегодно 6 марта, в день годовщины массированных бомбардировок в Нарве, по инициативе Эстонского общества проходят траурные мероприятия (зажжение свечей у мемориального камня, поминальный концерт).

³⁸ Крийска А., Мясалу А., Селарт А., Пыльтсам-Юрьо II., Пийримяэ П., Сеппель М., Андресен А., Паур А., Таннберг Т. История Эстонии. Таллинн, 2020. С. 298.

³⁹ Vanamõlder K. Uus maja vanal kohal. Lk. 88.

⁴⁰ Toode A. Toode A. Kes lõhkus Narva? Lk. 110.

⁴¹ Ojalo H. Narva Teises Maailmasõjas. Lk. 106–108.

Несмотря на немногочисленность, по признанию самих организаторов⁴², участников этих траурных мероприятий, поминальные акции получают широкое освещение в республиканских СМИ, где чаще всего безапелляционно называется один виновник разрушения Старой Нарвы, ср.: «6 марта 1944 года советская авиация начала ковровые бомбардировки исторической части Нарвы, полностью ее разрушив, — сообщила во вторник “Актуальная камера”»⁴³; «6 марта 1944 года Советская авиация начала бомбардировки Нарвы, в результате чего был уничтожен практически весь город»⁴⁴. К мартовским бомбардировкам приурочиваются и общественные форумы, дискуссии, посвященные обсуждению перспектив восстановления Старого города. Дискуссии об исторической части Старого города стали активно вестись уже в позднее советское время⁴⁵, в последние десятилетия эти дискуссии приобрели характер регулярных открытых общественных обсуждений в форме научно-популярных семинаров, последний из которых состоялся 6 марта 2021 г.⁴⁶ Несмотря на то, что сегодня эта историческая часть города (вокруг Ратушной площади) представляет собой жилой район, застроенный во 2-й пол. 1950–1960-х гг. типовыми домами, не представляющими архитектурной ценности, любые строительные работы на исторической территории бывшего барочного города расцениваются с точки зрения возможной угрозы для его восстановления. Неслучайно идея строительства на Ратушной площади здания Нарвского колледжа Тартуского университета, представляющего собой концептуальный архитектурный проект⁴⁷, первоначально вызвала неприятие и

⁴² Зыбина Е. Эстонская община Нарвы зажгла свечи в память о разрушенном Старом городе // ERR. 06.03.2019. URL: <https://rus.err.ee/917218/jestonskaja-obwina-narvy-zazhgla-svechi-v-pamjat-ozazrushennom-starom-gorode> (20.07.2021).

⁴³ Крашевский А. В Нарве прошли траурные мероприятия в годовщину бомбардировки 1944 года // ERR. 06.03.2018. URL: <https://rus.err.ee/687834/v-narve-proshli-traurnye-meroprijatija-v-godovinu-bombardirovki-1944-goda> (20.07.2021).

⁴⁴ Зыбина Е. Эстонская община Нарвы зажгла свечи...

⁴⁵ Vanamõlder K. Uus maja vanal kohal. Lk.124.

⁴⁶ См., например, статью о дискуссии 06.03.2021: Андреев Н. Вадим Орлов: мы сможем найти деньги на восстановление одного квартала Старой Нарвы // Postimees.ee. 08.03.2021. URL: <https://rus.postimees.ee/7196556/vadim-orlov-my-smozhem-nayti-dengi-na-vozstanovlenie-odnogo-kvartala-staroy-narvy> (20.07.2021). На этом семинаре инициативной группой (в которую входят местные предприниматели и краевед) был представлен проект восстановления квартала Старой Нарвы за счёт привлечения инвесторов. На момент написания настоящей статьи (июль 2021 г.) в социальной сети ведется сбор подписей горожан в поддержку этого проекта. Возрождение квартала видится авторам проекта как шаг к укреплению репутации города, восстановлению утраченной идентичности и как импульс к экономическому развитию города.

⁴⁷ О концепции здания Нарвского колледжа см. статью: Троицкая А. А. Реконструкция незримого: здание Нарвского колледжа Тартуского университета в историческом облике города // Визуальная антропология — 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда. Материалы III Международной научной конференции. Великий Новгород, 2020. С. 509–521.

сопротивление горожан, что в итоге растянуло строительство здания на долгие семь лет⁴⁸.

Старый город сегодня — город-призрак, город-фантом, о котором напоминают лишь Ратуша и ещё несколько восстановленных после войны зданий (удаленных друг от друга и не образующих цельного архитектурного ансамбля) и местная топонимика.

Утраченный Старый город является для эстоноязычной общины Нарвы символом независимой Эстонской Республики 1920–1930-х гг., идея восстановления Старого города крепнет с восстановлением государственной независимости Эстонии в 1991 г. В итоге нынешний облик жилого квартала в районе Ратушной площади воспринимается как временный, рано или поздно подлежащий изменению, поэтому все градостроительные проекты на этом месте памяти вызывают общественный резонанс.

Сюжет о разрушении Старого города советскими штурмовиками находит отражение не только в локальном тексте, но и в произведениях массовой культуры о Нарве — театральных постановках, документальных фильмах и инсталляциях. В качестве примера можно привести световое шоу «Небо над Нарвой» (премьера состоялась в ноябре 2018 г.), в кульминационный момент которого зритель видит, как под куполом лютеранской Александровской церкви проносятся советские бомбардировщики, как бы «сбрасывая бомбы» на публику. Ярко-красные звезды на фюзеляже и крыльях самолетов приковывают к себе внимание зачарованного зрителя и не оставляют сомнений в том, кто разрушил довоенную Нарву. Другой пример — недавняя документальная театральная постановка «Разлом» (реж. Ю. Квятковский, премьерный показ — 18 сентября 2019 года), построенная как калейдоскоп монологов горожан, в которой один из эстоноязычных рассказчиков очень эмоционально прямо обвиняет советские самолеты в разрушении города. Аналогичные рассказы звучат и в документальном фильме «Нарва: прерванная память» (2019, реж. С. Цветков, М. Корешкова, М. Лыхмус).

2.3. Нарратив о разрушении Нарвы немецкими войсками при отступлении

Источники нарратива: советская военная и послевоенная публицистика (советская пропаганда)

Второй устойчивый нарратив локального текста повествует о разрушении Нарвы отступающими немецкими войсками.

⁴⁸ Vanamõlder K. Uus maja vanal kohal. Lk. 124.

Этот нарратив отсылает нас не к мартовским бомбардировкам, а к июльским событиям — подрывным действиям немецких саперов, предшествовавшим взятию города советскими войсками.

Фактически сразу после вхождения Красной Армии в Нарву во фронтовой газете союзного значения «На страже Родины» (той самой, в которой А. Твардовский опубликовал поэму «Василий Теркин») появляются короткие статьи о том, какой увидели Нарву вошедшие в нее солдаты. Как и в немецкой публицистике, эти тексты чрезвычайно экспрессивны и прямолинейны в своих оценках. И в том, и в другом случае подпись автора свидетельствует о том, что рассказ принадлежит непосредственному очевидцу событий, придает правдивость рассказанной истории, а сам текст вызывает доверие у читателя. Ср.: «Когда город был окончательно очищен от врагов, мы с ужасом увидели то, что натворили здесь проклятые немцы. Над всеми улицами стлался густой дым. Пламя воздымалось из окон. Вместо домов торчали бесформенные каменные коробки без крыш. Немцы утнали всё население города на каторгу в Германию или расстреляли»⁴⁹. Конечно, эти статьи адресованы были красноармейцам, и первоочередной их задачей было воодушевить уставших от многолетней войны солдат, пробудить гнев и чувство мести, и сами по себе эти статьи не могли оказать непосредственное влияние на восприятие событий теми, кто придет в Нарву после войны. Однако эти статьи дали оценку, сформировали сюжет, распределили роли между действующими лицами истории.

Любопытно, что ещё до окончания войны начинают издаваться книги, дающие историческую оценку военных событий на территории Эстонии⁵⁰. В исторической литературе закрепляется нарратив о злодеяниях немцев в военной Нарве и о том, что немцы, отступая, умышленно разрушили город. В этих книгах снова приводятся свидетельства и самих плененных немцев о проводившихся в Нарве подрывных работах. Риторика описываемых изданий повторяет уже известную нам публицистическую риторику. Ср.: «Циничные признания фашистского варвара рисуют уничтожение Нарвы, как заранее подготовленное, продуманное и до конца осуществленное злодеяние. Тупые и жестокие захватчики с презрением относились ко всему тому, что было дорого другим народам. ...Еще взрывались здания Нарвы и едкий дым пожарниц слепил глаза. Город медленно и мучительно догорал. Наши бойцы торопились вперед — к Ластеколоний: развалины Нарвы призывали к мести»⁵¹.

⁴⁹ *Младший сержант Полковников, ефрейтор Матвеев, красноармеец Реднев. Добьем немецкого зверя! // На страже Родины. 28.07.1944. № 185 (7723). С. 3. URL: <https://www.prlib.ru/item/349865> (10.07.2021).*

⁵⁰ См., например: Освобождение Советской Эстонии. Ленинград, 1944.

⁵¹ *Курчавов П.* Освобождение Советской Эстонии. С. 43.

Другой широко распространенный прием воздействия на читателя — использование фотодокументов. В изданиях 1940–1950 гг. представлены фотографии разрушенной Нарвы, сделанные советскими фотокорреспондентами в 1944 г. В издании 1950 г. «10 лет Советской Эстонии» автор намеренно сопоставляет снимки довоенной и послевоенной Нарвы, демонстрируя масштаб разрушения и иллюстрируя тезис «Фашистские захватчики оставили от Нарвы одни развалины»⁵².

В местной публицистике (газете «Нарвский рабочий») послевоенного времени (нам доступны номера начиная с 1948 г.) в 1948–1950 гг. упоминания о разрушениях Нарвы и злодеяниях немцев регулярно встречаются в следующих материалах:

1) в статьях и заметках, информирующих горожан о ходе восстановительных работ⁵³;

2) в статьях, рапортующих о достижениях советской Эстонии (и советской Нарвы) последних лет и убеждающих читателя в том, что эстонский народ и страна идут по правильному пути⁵⁴;

3) в специальных статьях, приуроченных к годовщине освобождения Нарвы, где воспроизводится хроника июльских военных событий и рассказывается о намеренном подрыве немцами исторических зданий Нарвы; нарратив выстраивается по законам обвинительной судебной риторики, в качестве доказательной базы привлекаются показания пленных немцев (уже известные нам по историографической литературе 1944–1945 гг., но впервые получающие через газету широкую огласку)⁵⁵;

4) в статьях, посвященных более отдаленным во времени событиям истории Нарвы (в них упоминается о разрушении немцами отдельных исторических памятников)⁵⁶;

5) в биографиях передовиков производства⁵⁷ (биографии нередко начинаются с того, какой рабочие увидели Нарву в 1945 г.).

«Освобождение» Нарвы советскими войсками в 1944 г. «вписывается» в публицистике в общий нарратив об освобождении Нарвы от захватчиков: создается историческая ретроспектива освобождения Нарвы от шведских

⁵² 10 лет Советской Эстонии. Таллин, 1950.

⁵³ См., например, *Тарасов В.* Клуб восстановлен // Нарвский рабочий. 04.11.1948. № 133(467). С. 3; *Шкрыль С.* В городской библиотеке // Нарвский рабочий. 11.12.1948. № 148(482). С. 2; Восстановление исторических памятников // Нарвский рабочий. 15.06.1949. № 83(573). С. 2; *Дзеговский Г.* Озеленим и благоустроим родной город // Нарвский рабочий. 04.10.1949. № 118(608). С. 2 и др.

⁵⁴ Великий праздник эстонского народа // Нарвский рабочий. 21.07.1949. № 86(576). С. 1; Шесть лет творческого созидания // Нарвский рабочий. 25.07.1950. № 87(742). С. 3 и др.

⁵⁵ *Курчатов И.* Битва за Нарву // Нарвский рабочий. 26.07.1949. № 88(578). С. 2.

⁵⁶ Например, в статье о битве под Нарвой 1704 г. упоминания о разрушении немцами дома Петра (см. Город русской воинской славы // Нарвский рабочий. 20.08.1949. № 99(589). С. 1).

⁵⁷ См., например, *Буджин И.* Бригадир дружных // Нарвский рабочий. 10.08.1950. № 94(749). С. 3.

«захватчиков» в 1704 г., от немцев в 1918 г. и в 1944 г. Таким образом, в сознании нарвитян происходит конструирование исторической памяти, представления о русских войсках как освободителях, которые несколько раз освобождали Нарву на протяжении длительного исторического отрезка. Неслучайно, 20 августа 1949 г. в ещё не восстановленной и не очищенной полностью от завалов Нарве пышно празднуется 245-летие победы русских войск над шведами и на первой полосе «Нарвского рабочего» появляется материал программного характера о победах русского оружия под Нарвой⁵⁸.

Таким образом, в статьях «Нарвского рабочего», которые читает горожанин, складывается устойчивый набор мотивов:

- Нарва — город, освобожденный русскими войсками в 1704 г. и 1944 г.;
- Нарва — город «русской воинской славы, под стенами которого в боях с немцами в 1918 г. получила боевое крещение наша героическая Красная Армия»⁵⁹;
- Нарва — город, который многократно разрушался врагами⁶⁰;
- Эстония — территория, давно «присоединенная» к России⁶¹.

Любопытно, что в этих материалах очень часто проводится прямая или скрытая историческая аналогия между взятием Нарвы советскими войсками 26 июля 1944 г. и взятием Нарвы Петром I⁶². Так, в статье «Битва за Нарву» автор пишет о Нарве как о важном стратегическом объекте, который немецкое командование называло «северными воротами в Восточную Пруссию», развивает эту метафору и накладывает на нее русский прецедентный текст: «Вполне естественно, что прорубить “северные ворота в Восточную Пруссию” могло лишь тщательно разработанное и талантливо осуществленное наступление»⁶³. Именно Петровская эпоха становится точкой отсчёта того, что в советской публицистике называется «присоединением Эстонии к России» (при этом снимается противопоставление советской и царской России)⁶⁴.

⁵⁸ Город русской... С. 1.

⁵⁹ Шесть лет... С. 3.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ В газетных публикациях создается впечатление о непрерывности государственного союза Эстонии и России: в 1950 г. отмечают 240-летие «присоединения» Эстонии к России, забывая о двадцати годах независимости Эстонской Республики (1918–1940). См. 240-летие присоединения Эстонии к России // Нарвский рабочий. 03.09.1950. С. 3.

⁶² Намеки на параллель между событиями 1944 г. и 1704 г. обнаруживаются и в современной эстонской историографии: в книге К. Ванамельдера «Новый дом на старом месте» завоевание Петром Нарвы и эстонских земель и разрушение Нарвы в 1944 г. представляются в буквальном смысле как одинаково черные страницы в истории Нарвы (описание этих событий оформлено на черной бумаге в противовес шведскому времени, о котором рассказывается на радужных розовых страницах) (См. *Vanamölder K. Uus maja vanal kohal*).

⁶³ Курчавов И. Битва за Нарву... С. 2.

⁶⁴ 240-летие присоединения... С. 3.

Литература и публицистика военного и послевоенного времени станет основой для массовых публицистических статей в 1970-е гг., которые и окажут, по-видимому, непосредственное влияние на формирование среди русскоязычного городского населения нарратива о разрушении Нарвы немцами.

Конец 1960-х — начало 1970-х гг. ознаменовал патриотический «бум» в СССР. С 1965 г. День Победы снова попадает в календарь государственных праздников. Начинаются пышные празднования годовщин со дня победы и освобождения советских городов. Воздвигаются мемориалы воинской славы. В СМИ открываются постоянные рубрики, посвященные событиям войны. Закрепляются разнообразные практики, связанные с памятью о Великой Отечественной войне: встречи с ветеранами, поисковые экспедиции, создание комнат и школьных музеев боевой славы, борьба школ/пионерских дружин за право носить имя героя войны и т. д. Таким образом, проводится целенаправленная государственная политика по конструированию исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны в сознании граждан СССР.

Н. Тумаркин объясняет возникшую в эти (1960–1970-е) годы необходимость сознательной героизации событий Великой Отечественной войны тем, что выросло новое поколение советской молодежи, сформировавшееся после развенчания культа личности Сталина и утратившее слепую веру в советские идеалы. Культивирование памяти о героическом подвиге советского народа использовалось как средство формирования лояльности молодого поколения советскому строю⁶⁵.

Эта планомерная идеологическая работа ведется и в местной прессе: в газетах «Нарвский Рабочий» и «Молодежь Эстонии» появляются постоянные рубрики к 30-летию победы (например, «Подвигу — 30 лет»), регулярно освещающие события военной истории. Одним из устойчивых сюжетов этих публикаций становится разрушение Нарвы немцами в 1944 г. Авторы этих статей прямо разъясняют читателю свою цель — указать на виновника этого варварского действия: «Нарва была разрушена до основания. И мы хотим привести некоторые свидетельства очевидцев, чтобы нарвитяне знали, кто из завоевателей особенно усердно приложил к этому руку»⁶⁶. В качестве доказательной базы при этом используется уже опробованный в 1944–1945 гг. прием — показания самих немцев: дневники или протоколы допросов военнопленных. Например,

⁶⁵ Tumarkin, N. The Great Patriotic War as Myth and Memory // European Review. 2003. № 11. P. 600.

⁶⁶ Ситин Ю. «Откровения» битых // Нарвский рабочий. 06.07.1974. № 80(4593). С. 3

в «Нарвском рабочем» за 1974 г. печатаются выдержки из дневников и показаний на допросе немецких солдат и офицеров. В частности, в дневнике унтер-офицера Ганса Лукнера есть такая запись: «25 июля. В 6.00 нас разбудил ужасный ураганный огонь. В 7.30 налетели штурмовики, бомбардировщики и т. д. Происходит что-то ужасное. Русские, по-видимому, наступают. Мы стоим среди развалин Нарвы. Нами всё взорвано и сожжено. Что нам делать? Последние ночи не спали, смертельно устали. Езда по шоссе становится опасной, всюду „пробки“. В 10.30 ураганный огонь прекратился. Штурмовики всё еще неистовствуют, небо черное от дыма подожженной нами Нарвы. Всё нами без остатка уничтожается. В 22.00 должен начаться отход»⁶⁷.

В это же время (1970–1980-е гг.) издаются мемуары участников событий, которые очень подробно описывают действия 2-й, 8-й и 59-й ударных армий в боях за Нарву. Ссылаясь на рассказы пленных немцев-саперов, перечисляются здания, взорванные 24–25 июля 1944 г.:

- мост между крепостями (24 июля);
- Ивангородская крепость (24 июля);
- много зданий, в т. ч. церкви и ратуша (25 июля);
- висячий мост (25 июля);
- текстильная фабрика (25 июля);
- башня Германа и подземелье (вечер 25 июля)⁶⁸.

Эти же книги рассказывают, как советские войска, напротив, пытались спасти исторические памятники Нарвы: «Захваченные пленные показали, что в середине бастиона на Шведской крепости заложено 15 тонн взрывчатки с механизмом замедленного действия. Помощник начальника инженерной службы 16-го

⁶⁷ Там же. Ещё один пример из этой же статьи Ю. Ситина: «Вот что написал 7 августа 1944 года в газете „На страже Родины“ капитан В. Василевский: „Мы видели развалины Нарвы, и гнев, и скорбь терзали наши сердца. Мы спрашивали, кто эти палачи, в сатанинской злобе превратившие в руины прекрасный город. Мы знаем теперь имена гнусных палачей. Пленный немец ротенфюрер Генрих Михаэль говорил, что он, унтерштурмфюрер Бош, командир команды подрывников Герлинг, унтершарфюреры Матисес и Майер взорвали в Нарве мост, две церкви, башню Германа, подожгли ратушу, кино, жилые дома. Саперы первой роты 54 саперного батальона эсэсовской дивизии “Нидерланд” под командованием унтерштурмфюрера Франца взорвали текстильную фабрику. Это была злоба агонизирующего зверя. Но оставался еще почти год до того, как его добились в собственной берлоге. Сколько еще городов разделили участь Нарвы!»

⁶⁸ Паульман Ф. И. От Нарвы... С. 101–102. Ф. И. Паульман пишет: «Гитлеровцы превратили Нарву в груду развалин. Во всем городе не осталось ни одного целого дома. От городской ратуши, одного из старейших зданий города, построенного в 1683 году, остался остов. Враг уничтожил все церкви, взорвал башню Германа в Шведской крепости, водокачки и фабрики Кренгольма» (см.: Там же. С. 105).

укреплённого района капитан Усенко немедля обнаружил заряд и обезвредил его. Исторический памятник был сохранен»⁶⁹.

Нарратив в современном локальном тексте

В нарвском русскоязычном локальном тексте сохраняется нарратив о разрушении Нарвы немцами. В нем, во-первых, выявляется устойчивый мотив масштаба разрушений, которые оцениваются в 97–98 % строений довоенной Нарвы. Во-вторых, из диалога, спора с той версией, которая сегодня озвучивается официально, возникает мотив оправдания действий советских войск и опровержения официальной истории.

НПБ: *«Здесь есть люди, которые видели и помнят. Им, как говорится, не навешаешь. Грубо говоря. А историки пытаются объяснить очевидцам, что всё, что они видели, это неправда. И это смешно уже. <...>»*

С: *«А у них идея в том, что был прекрасный и красивый город?..»*

НПБ: *«Да! ...который разрушили в 1944 году бомбардировками. А все, кто здесь в это время был, говорят, что... Да бомбить бы не могли, потому что заминировано всё было так, что там бы повзрывался весь этот берег, весь этот старый город съехал бы полностью тогда в реку⁷⁰. И это говорят... Добро бы это кто-то говорил, как это называется... по частям, а то ведь я же... Не только я, но от нескольких людей уже это слышу». (EN 11–02)*

Таким образом, можно сказать, что два нарратива о разрушении Нарвы в локальном тексте находятся в непрерывном диалоге. Оба они возникли в 1944 г. И тот, и другой поддерживались военной пропагандой сторон-противников. На протяжении истории эти нарративы изменили свой статус в официальной культуре. Вначале советский нарратив имел статус официального, а второй, противоречащий господствующей в Советском Союзе идеологии, существовал подпольно, передавался из уст в уста и сохранялся как некое тайное знание, представлял собой историческую память коренного населения Нарвы. В 1990–е гг. статус этих нарративов изменился. Советский нарратив уходит в подполье. Те горожане, которые его поддерживают сейчас, находятся в определенной идеологической оппозиции. И в культурном поле предпринимаются попытки разрушить устойчивый нарратив о вине немцев в трагическом исчезновении старой Нарвы (например, современное документальное кино). Однако в действительности они порождают новые сюжетные линии в старом нарративе.

⁶⁹ Там же. С. 104–105.

⁷⁰ Часть территории старого города находится на высоком берегу реки Нарова.

3. Пророчество Иоанна Кронштадтского

Второй устойчивый сюжет, который появляется в рассказах современных горожан о военной Нарве и непосредственно связан с описанным мотивом масштабных разрушений, — пророчество Иоанна Кронштадтского. Рассказ о том, как во время посещения Нарвы Святой предсказал судьбу Воскресенского собора (см. **Фото 5**):

В.: *«Иоанн Кронштадтский когда ездил, он сначала заезжал в церковь Знамения, там находилась чудотворная икона Знамения, которая сейчас находится в Нарве, а вдруг приезжал в наш собор, поклонялся. Когда он увидел первый раз этот собор, тогда он сказал, что этот собор... ничего здесь не будет, а собор устоит. Так действительно и вышло. Если вы посмотрите старые фотографии, послевоенные, здесь было всё руины, ни одного здания не уцелело, а собор стоял. <...> Вот такие пророчества были. Иоанн Кронштадтский».* (EN 11–10)

Фото 5. Военные разрушения в Нарве. Воскресенский собор (1944).

Источник фотографии: АМ N 33830:4, Эстонский исторический музей (<https://www.muis.ee/museaalview/2771664>).

В рассказах нарвитян мы находим разночтения в датировке этого пророчества. Согласно одним версиям, Иоанн Кронштадтский произнес его ещё до строительства (во время сбора пожертвований на храм), согласно другим — во время закладки храма, по третьим — во время его освящения. Ср.:

ВБ: «Ну, когда проезжал. II вроде как он пожертвовал. Ну и сохранилось вроде как предание такое, что он сказал, когда посмотрел (когда уже были построены оба⁷¹): «Этот храм <показывает на Александровский собор, см. **Фото 6–7**> — не останется камня на камне. А этот храм <показывает на Воскресенский собор> простоит до окончания веков...» <...> Да! Так он насчёт того храма <Александровского собора> сказал: «А тебе, — говорит, — голову⁷² свернут». II действительно, шпиль вот этот, всё... Сейчас он восстановлен». (EN 11–07)

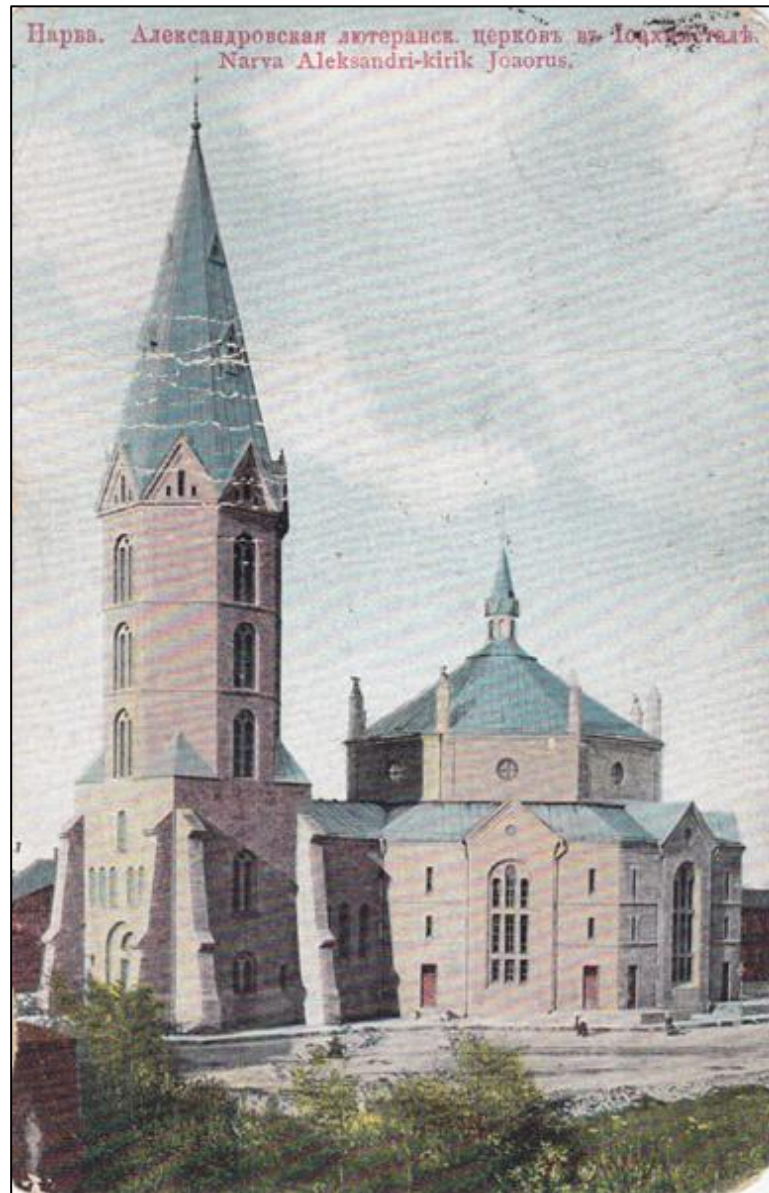

Фото 6. Нарва. Александровская церковь в Йоаорге (довоенный вид)
Источник фотографии: NLM F 3:78, Нарвский музей
(<https://www.muis.ee/museaalview/2454202>)

⁷¹ Речь идет о двух нарвских церквях, построенных в XIX в. на ул. Кирику: лютеранском Александровском соборе и православном Воскресенском соборе.

⁷² Шпиль на куполе Александровского собора венчает петух.

Фото 7. Военные разрушения Нарвы. Александровская церковь (1944–1946)
 Источник фотографии: AM N 7044, Эстонский исторический музей
<https://www.muis.ee/museaalview/2765352>

ЛЛГ: *«Уцелела церковь вот эта православная. Воскресенский собор. Самая интересная история. Когда закладывали эту церковь, Воскресенский собор, Иоанн Кронштадтский приехал, подарил триста рублей серебром и сказал: «Будет стоять храм сей больше 100 лет». Вот ему 110 лет».* (EN 11–66)

Эта легенда воспроизводится и на официальном сайте построенного в 2003 г. храма Нарвской иконы Божией матери: «Именем отца Иоанна наша церковь названа не случайно. Народное предание свидетельствует о том, что, побывав в Нарве, пресвитер Кронштадтский так пророчествовал об увиденном в этом городе Воскресенском соборе: “Кругом будут камни, а сей храм устоит до окончания века”. И действительно, Нарвский Воскресенский собор оказался в числе немногих уцелевших в Нарве зданий в 1944 г. после ожесточенных сражений»⁷³. И таким образом, сайт фиксирует и поддерживает это устное предание.

Исторические свидетельства

Иоанн Кронштадтский в конце XIX — начале XX в. действительно неоднократно проезжал через Нарву.

Сохранилось немало воспоминаний об Иоанне Кронштадтском и житие, которые были собраны и изданы членом правления и секретарем существовавшего в

⁷³ Св. прав. Иоанн Кронштадтский в Эстонии // Сайт Нарвской иконы Божией матери. URL: <http://www.narva-hram.ee/?p=21> (21.07.2021).

России «Общества в память Отца Иоанна Кронштадтского» И. К. Сурским в книге «Отец Иоанн Кронштадтский»⁷⁴ (1939–1942 гг.).

В частности, в ней представлены воспоминания о. Иоанна Печерского о том, что Иоанн Кронштадтский принимал очень деятельное участие в строительстве Пюхтицкой обители⁷⁵ в 1890-е гг., неоднократно посещал монастырь, совершал в нем богослужения. Иоанн Кронштадтский настоял на строительстве в монастыре нового православного Успенского собора (заставил разрушить до основания старый перестроенный из лютеранской кирхи собор), сам собирал средства на его строительство, помогал общине деньгами и продуктами⁷⁶. В 1908 г.⁷⁷ был заложен краеугольный камень нового Успенского собора (строительство храма было завершено уже после смерти Иоанна — в 1910 г.).

В период активного посещения Иоанном Кронштадтским Пюхтицкой обители Воскресенский собор в Нарве был уже построен (освящен в 1896 г.⁷⁸).

Однако в книге И. К. Сурского, представляющей жизнеописание Святого и воспоминания современников, есть рассказы о посещении Иоанном Нарвы и чудесах исцеления больных (пробуждение от летаргического сна и исцеление от нервного расстройства)⁷⁹, но нет свидетельств пророчества Иоанна о судьбе Воскресенского собора.

В доступных нам сегодня печатных источниках мы не находим подтверждений этому пророчеству. Но не исключаем, что в локальном предании о Воскресенском соборе могла причудливым образом преломиться история строительства Успенского собора в Пюхтицах.

4. Сюжет о двух старухах

Два рассмотренных нами сюжета оценивают нанесенный войной урон культурному, архитектурному наследию города.

Третий сюжет повествует о жителях военной Нарвы. В интервью нарвитян устойчивым является рассказ о том, как Красная Армия 26 июля 1944 г. входит в Нарву и красноармейцев в разрушенном городе встречают две пожилые женщины. Ср.:

ЛВИ: *«Он же был мертвый город. Я говорю, что только одни камни были, сюда приехал».*

С: *А местное население куда же делось?*

⁷⁴ Сурский И. К. Отец Иоанн Кронштадтский. М., 2011.

⁷⁵ Пюхтицкий Успенский монастырь расположен в деревне Куремяэ (65 км северо-западнее Нарвы), дорога из Санкт-Петербурга в Пюхтицы пролегла через Нарву.

⁷⁶ Рассказы Епископа Иоанна Печерского об о. Иоанне в торжественных собраниях в г. Белграде // Сурский И. К. Отец Иоанн Кронштадтский. С. 191.

⁷⁷ Пюхтицкий Успенский ставропигиальный женский монастырь. Официальный сайт. URL: <https://www.puhtitsa.ee/index.php/monastyr/istoriya-obiteli> (21.07.2021).

⁷⁸ Иванен А. Сто лет Нарвскому Воскресенскому собору. СПб., 1996. С. 74.

⁷⁹ Отец Иоанн пробуждает спящую в летаргическом сне // Сурский И. К. Отец Иоанн Кронштадтский. С. 401.

ЛВИ: «Два человека в живых только осталось. <...>»

С: «А как же уцелели эти два человека-то?»

ЛВИ: «Две старушки каких-то встречали только. Освобожденных не было никого». (EN 11–66)

ВАД: «А потом говорили, как две старушки (или женщины пожилые) где-то в бомбоубежище были, сидели, не поехали из города. Такие слухи ходили». (EN 18–01)

Анализ этого нарратива требует от нас рассмотрения демографической ситуации в Нарве до и во время войны. Как показывают исследования А. Смолокурова⁸⁰, сокращение населения Нарвы наблюдается на протяжении 1930-х гг.: если в 1930 г. в Нарве проживало 26 975 человек, то в 1940 г. (к началу войны) население составило 23 047 человек (почти на 4 000 меньше), см. **Рисунок 1**. Этот отток населения А. Смолокуров объясняет экономическим кризисом и миграцией жителей в большие города.

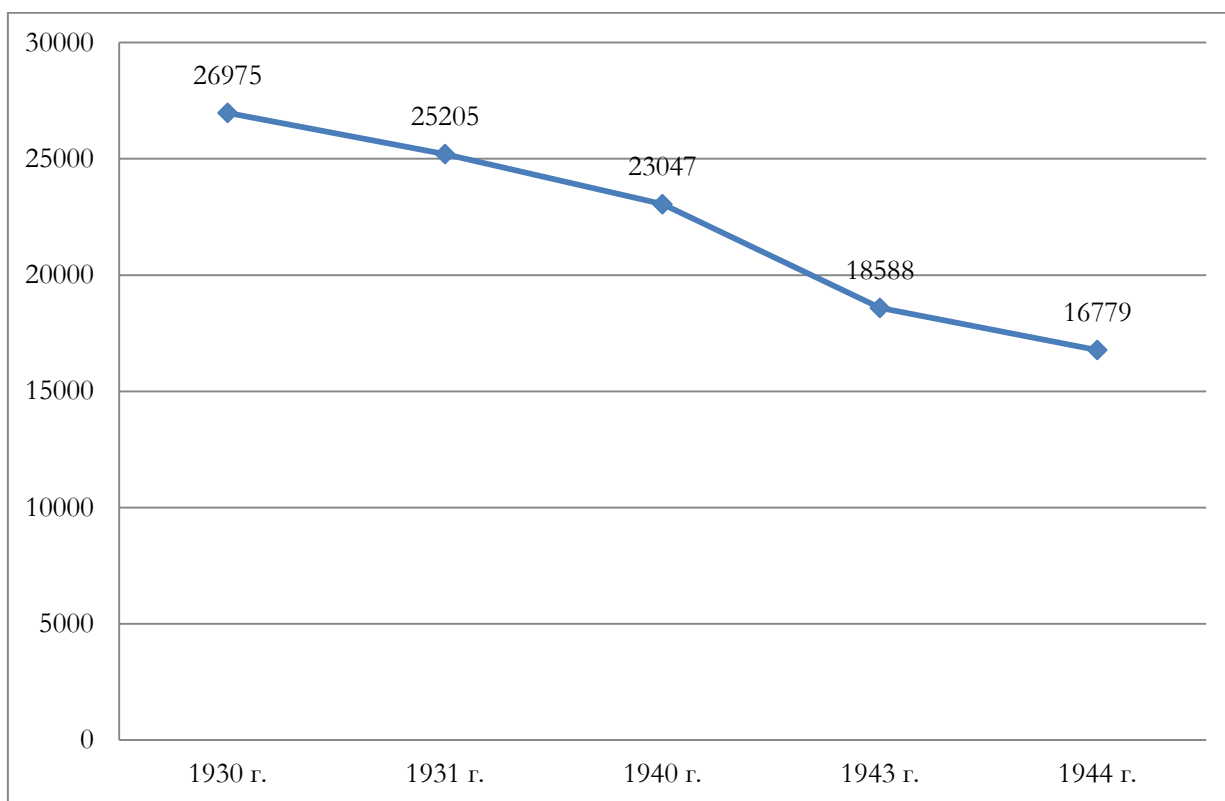

Рисунок 1. Динамика численности населения Нарвы (1930–1944 гг.)

В начале 1943 г. (после депортации, уже в период немецкой оккупации) в Нарве проживало 18 588 человек, а на 1 января 1944 г. — 16 779 человек⁸¹. В октябре 1943 г. начинается эвакуация жителей Нарвы в глубь Эстонии, которая продолжается

⁸⁰ Смолокуров А. Народонаселение Нарвы.

⁸¹ Narvas 16.779 elanikku // Põhja Kodu. 15.01.1944. lk. 4.

до конца января 1944 г.⁸² К 4 февраля, по оценкам Х. Ояло, приблизительно 85 % населения покинуло Нарву⁸³.

В начале марта 1944 г., по данным А. Тооде, большая часть населения Нарвы уже была эвакуирована, но небольшая часть жителей оставалась: по разрешению немецких властей или без него. В задачу первых входило поддержание городских коммуникаций и помощь военным в случае экстренной необходимости. Среди вторых (гражданских лиц, оставшихся без разрешения властей) были также женщины и дети⁸⁴. Х. Ояло предполагает, что на момент мартовских бомбежек в городе могло оставаться несколько сотен гражданских лиц⁸⁵. По воспоминаниям Т. Гончаренко, которая пережила мартовские бомбежки в Нарве будучи ребенком, на тот момент (март 1944 г.) в городе оставалось не более 30 человек⁸⁶. Судя по её рассказу, семья Татьяны впоследствии тоже была эвакуирована.

В военных газетах 1944 г. корреспонденты живописуют, какой они увидели Нарву, но не рассказывают о жителях (см. **Фото 8**).

Фото 8. Бои за Нарву. Первые советские разведчики на улицах города (1944).

Источник фотографии: АМ _ 2826 F 3988, Эстонский исторический музей

(<https://www.muis.ee/museaalview/2034329>)

Сведения о городском населении появляются в более поздней краеведческой и историографической литературе и оказываются противоречивыми. В одних

⁸² Toode A. Kes lõhkus Narva? Lk. 113; Ojalo H. Narva Teises Maailmasõjas. Lk. 100–105.

⁸³ Ibid. Lk. 102.

⁸⁴ Toode A. Kes lõhkus Narva? Lk. 116.

⁸⁵ Ojalo H. Narva Teises Maailmasõjas. Lk. 102.

⁸⁶ Kalda-Sommer S. Tatjana Gontšarenko: Narva hävitamise ainus elav tunnistaja // Põhjarannik. 31.03.2005. URL: <http://arhiiv.pohjarannik.ee/article.php?sid=5913> (21.07.2021).

источниках утверждается, что «Во всем городе не оказалось ни одного человека из гражданского населения»⁸⁷. В других находит отражение история о двух уцелевших в развалинах Нарвы старушках, которые вышли встречать красноармейцев. Первое печатное упоминание о двух оставшихся в городе жителях обнаруживаем в путеводителе по Нарве 1960 г.⁸⁸ В 1991 г. в книге О. Коченовского о градостроительстве Нарвы без ссылок на источники и без подробностей тоже упоминается этот факт: «В марте 1944 г. население Нарвы было полностью эвакуировано немецкими оккупантами, надеявшимися остановить у Нарвы победное наступление советских войск. Когда Советская армия освободила город, там было только 2 местных жителя»⁸⁹. А в 2019 г. в книге Х. Ояло «Нарва во Второй мировой войне» обнаруживается фотография пожилой женщины с кошкой на руках на фоне разрушенного города (см. **Фото 9**); подпись к фотографии гласит: «Одна из двух оставшихся в городе Нарве местных жительниц — 70-летняя Прасковья Макарова»⁹⁰.

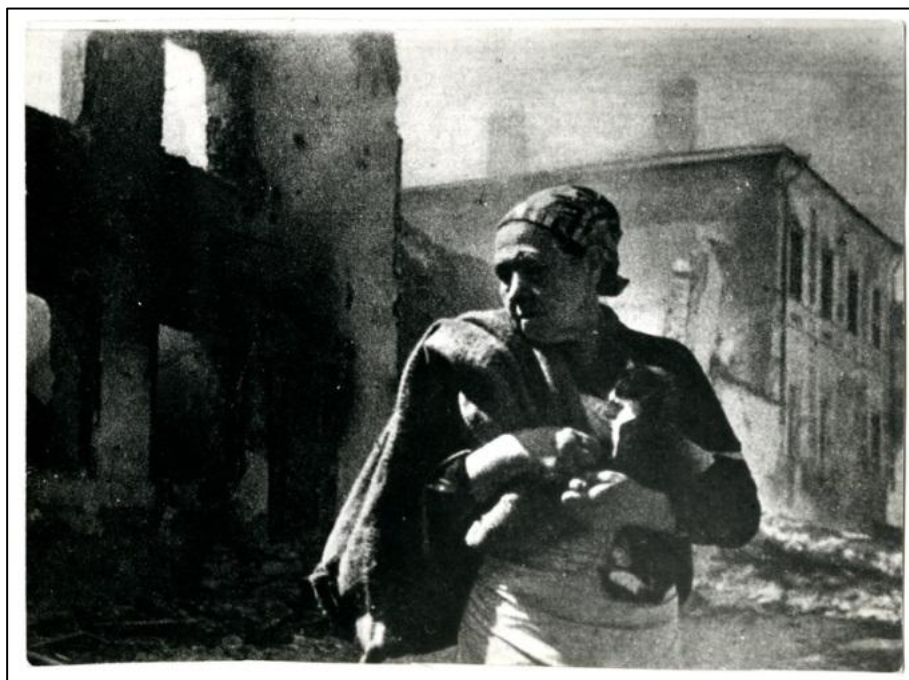

Фото 9. Руины Нарвы. П. Макарова (1944).

Источник фотографии: NLM F 211:6, Нарвский музей
(<https://www.muis.ee/museaalview/2483174>)

⁸⁷ Паульман Ф. И. От Нарвы... С. 105.

⁸⁸ Ср.: «Груды развалин и абсолютное безлюдье нашли здесь воины Советской Армии, вступившие в город после его освобождения 26 июля 1944 года. Из 3550 каменных зданий уцелело лишь 198 полуразрушенных домов. Из 32000-го населения, проживавшего в городе в 1941 г., осталось только два человека: остальные частью сражались на фронтах Великой Отечественной войны, частью скрывались в лесах, в тылу у врага выполняя задания партии и правительства; много нарвитян было угнано в фашистское рабство, томилось в бесчисленных концентрационных лагерях, наконец, истреблено физически» (см. *Кривошеев Е.* Нарва. Путеводитель. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1960. С. 4).

⁸⁹ *Коченовский О.* Нарва: Градостроительное развитие и архитектура. Таллинн, 1991. С. 222.

⁹⁰ *Ojala H.* Narva Teises Maailmasõjas. Lk.140.

Этот сюжет оказывается устойчивым в локальном тексте. Его фиксируют и современные произведения театрального искусства: в уже упоминавшемся нами спектакле «Разлом» один герой красочно рассказывает о том, что город был стёрт с лица Земли, никого не осталось, «только две старухи, одна из которых — моя тетка».

Выводы

Таким образом, события военной истории дали импульс для возникновения целого ряда сюжетов, которые бытуют в локальном тексте и по-прежнему являются актуальными для горожанина.

Три рассмотренных сюжета взаимосвязаны с другими сюжетами локального текста, относящимися к послевоенной истории: нарратив о масштабе разрушений в Старой Нарве и возможности / невозможности ее восстановления; нарратив о возвращении (или невозвращении) коренного населения в Нарву после войны, нарративы о памятниках воинской славы в окрестностях Нарвы (Танке Т-34 и памятнике Мерекюласкому десанту).

Вариативность сюжета о разрушении Нарвы — наглядный пример многослойности и неоднородности локального текста. Разные варианты нарратива о разрушении существуют в поле двух субтекстов. Один вариант — нарратив коренного (в основном эстоноязычного) населения, второй — пришлого. Основа этих вариантов сюжета складывается уже в военное время (в публицистике и устной истории). С самого начала сюжеты несут эмоциональный заряд и отражают субъективный взгляд на события истории.

Статус двух нарративов в официальной культуре меняется (в связи со сменой идеологических ориентиров и пересмотром оценок исторических событий). Смена статуса нарратива (перевод его из официального в неофициальный) приводит к диалогу-спору с официальной историей и появлению в сюжете новых мотивов.

Таким образом, анализ сюжетов, связанных с событиями 1944 года, показывает, что локальный текст далеко не всегда оказывается полем консенсуса горожан, порой он становится полем идеологической борьбы и противостояния исторической памяти разных групп городского населения.

Список цитируемых информантов

В — Муж., ок. 30 лет; дьякон; проживает в Нарве с 2004 г. (EN 11–10).

ВБ — Муж., 1948 г. р.; проживает в Нарве с 1976 г. (EN 11–07).

ВВД — Жен., 1925 г. р.; проживает в Нарве с 1944 г. (EN 18–01).

НПБ — Жен., ок. 50 лет; имеет высшее образование; проживет в Нарве с 1980 г. (EN 11–02).

ЛВД — Жен., 1935 г. р.; имеет высшее образование, родилась в Нарве (EN 17–01).

ЛВИ — Муж., 1926 г. р.; художник; проживает в Нарве с 1951 г. (EN 11–66).

ЛЛГ — Жен., 1928 г. р.; проживает в Нарве с 1946 г. (EN 11–66).

Собиратели

С — собиратель

Мария Авила-Реесе (EN 11–66)

Михаил Алексеевский (EN 11–02)

Мария Ахметова (EN 11–10)

Ольга Бурдакова (EN 17–01)

Александра Виноградова (EN 11–02)

Вера Грунина (EN 11–10)

Мария Минакова (EN 11–10)

Елена Нымм (EN 17–01, EN 18–01)

Анна Сенькина (EN 11–66)

Антон Филиппов (EN 11–66)

Алина Фомичева (EN 11–66)

Анастасия Юрлова (EN 11–02)

Список литературы

Адамсон, А. История Эстонии: Учебник для гимназии. / А. Адамсон, С. Валдмаа. — Таллинн, 2000. — 264 с.

Алексеевский, М. Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста / М. Алексеевский, М. Лурье, А. Сенькина // Антропологический форум. — 2009. — № 11. — С. 275–312. — URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/22/1259000524/11_06_alekseevsky_lurie_senkina.pdf. — (19.07.2021).

Андреев, Н. Вадим Орлов: мы сможем найти деньги на восстановление одного квартала Старой Нарвы / Н. Андреев // Postimees.ee [Электронный ресурс]. — 08.03.2021. — URL: <https://rus.postimees.ee/7196556/vadim-orlov-my-smozhem-nayti-dengi-na-voosstanovlenie-odnogo-kvartala-staroy-narvy>. (20.07.2021).

Буджин, И. Бригадир дружных / И. Буджин // Нарвский рабочий. — 10.08.1950. — № 94(749). — С. 3.

Бурдакова, О. Из опыта составления словарей локального текста городов постсоветского культурного пространства / О. Бурдакова, Е. Нымм // Альманах североамериканских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review [Электронный ресурс]. — 2017. — Вып. 2. — С. 116–138. — URL: <http://nbsr.petrsu.ru/journal/article.php?id=750>. — (19.07.2021).

Бурдакова, О. Нарвские «свадебные достопримечательности» как компоненты локального текста / О. Бурдакова, Е. Нымм // Альманах северо-европейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review [Электронный ресурс]. — 2019. — Вып. 4. — С. 64–95. — URL: <https://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=1341>. — (19.07.2021).

Великий праздник эстонского народа // Нарвский рабочий. — 21.07.1949. — № 86(576). — С. 1.

Восстановление исторических памятников // Нарвский рабочий. — 15.06.1949. — № 83(573). — С. 2.

Город русской воинской славы // Нарвский рабочий. — 20.08.1949. — № 99(589). — С. 1.

Дзеговский, Г. Озеленим и благоустроим родной город / Г. Дзеговский // Нарвский рабочий. — 04.10.1949. № 118(608). — С. 2.

Зыбина, Е. Эстонская община Нарвы зажгла свечи в память о разрушенном Старом городе / Е. Зыбина // ERR [Электронный ресурс]. — 06.03.2019. — URL: <https://rus.err.ee/917218/jestonskaja-obwina-narvy-zazhglja-svechi-v-pamjat-o-razrushennom-starom-gorode>. — (20.07.2021).

Иванен, А. Сто лет Нарвскому Воскресенскому собору / А. Иванен. — Санкт-Петербург : Журнал «НЕВА», 1996. — 192 с.

Крашевский, А. В Нарве прошли траурные мероприятия в годовщину бомбардировки 1944 года / А. Крашевский // ERR [Электронный ресурс]. — 06.03.2018. — URL: <https://rus.err.ee/687834/v-narve-proshli-traurnye-meroprijatija-v-godovwinu-bombardirovki-1944-goda>. — (20.07.2021).

Кривошеев, Е. Нарва. Путеводитель / Е. Кривошеев. — Таллин : Эстонское государственное издательство, 1960. — 124 с.

Кривошеев, Е. Битва за Нарву. Февраль — сентябрь 1944 года / Е. Кривошеев, Н. Костин. — Таллин : Ээсти раамат, 1984. — 160 с.

Коченовский, О. Нарва: Градостроительное развитие и архитектура / О. Коченовский. — Таллинн : Валгус, 1991. — 304 с.

Крийска, А. История Эстонии / А. Крийска, А. Мязсалу, А. Селарт, И. Пыльтсам-Юрьо, П. Пийримяэ, М. Сепсель, А. Андресен, А. Паюр, Т. Танинберг. — Таллинн : Avita, 2020. — 350 с.

Курчавов, И. Битва за Нарву / И. Курчавов // Нарвский рабочий. — 26.07.1949. — № 88(578). — С. 2.

Курчавов, И. Освобождение Советской Эстонии / И. Курчавов. — Таллин : ГИЗ «Политическая литература», 1945. — 116 с.

Лаар, М. Эстония во Второй мировой войне / М. Лаар. — Таллинн : GRENADER, 2005. — 72 с.

Полковников. Добьем немецкого зверя! / Младший сержант Полковников, ефрейтор Матвеев, красноармеец Реднев // На страже Родины. — 28.07.1944. — № 185(7723). — С. 3. — URL: <https://www.prlib.ru/item/349865>. — (10.07.2021).

Освобождение Советской Эстонии. — Ленинград : Военное издательство Народного комиссариата обороны, 1944. — 60 с.

Паульман, Ф. Освобождение Советской Эстонии / Ф. Паульман. — Таллин : Общество «Знание» Эстонской ССР, 1979. — 30 с.

Паульман, Ф. И. От Нарвы до Сырве / Ф. И. Паульман. — Таллин : Ээсти раамат, 1980. — 122 с.

Пюхтицкий Успенский ставропигиальный женский монастырь. Официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.puhtitsa.ee/index.php/monastery/istoriya-obiteli>. — (21.07.2021).

Св. прав. Иоанн Кронштадтский в Эстонии // Сайт Нарвской иконы Божией матери [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.narva-hram.ee/?p=21>. — (21.07.2021).

Ситин, Ю. «Откровения» битых / Ю. Ситин // Нарвский рабочий. — 06.07.1974. — № 80(4593). — С. 3

Смолокуров, А. Народонаселение Нарвы. Демографический обзор истории города / А. Смолкуров // Сборник Нарвского музея. — Нарва : Нарвский музей, 2000. — С. 15–65.

Сурский, И. К. Отец Иоанн Кронштадтский / И. К. Сурский. — Москва : Отчий дом, 2011. — 720 с.

Тарасов, В. Клуб восстановлен / В. Тарасов // Нарвский рабочий. — 04.11.1948. — № 133(467). — С. 3

Троицкая, А. А. Реконструкция незримого: здание Нарвского колледжа Тартуского университета в историческом облике города / А. А. Троицкая // Визуальная антропология — 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда. Материалы III Международной научной конференции. — Великий Новгород : Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2020. — С. 509–521.

Шесть лет творческого созидания // Нарвский рабочий. — 25.07.1950. — № 87(742). — С. 3.

Шкрыль, С. В городской библиотеке / С. Шкрыль // Нарвский рабочий. — 11.12.1948, № 148(482). — С. 2.

Эфендиев, Э. Нарва: Путеводитель / Э. Эфендиев. — Таллинн : Периодика, 1990. — 80 с.

Юске, Я. Хроника забытой Нарвы / Я. Юске. — [Таллинн] : Nea Lugu, 2015. — 174 с.

10 лет Советской Эстонии. — Таллин : Эстонское государственное издательство, 1950. — 208 с.

240-летие присоединения Эстонии к России // Нарвский рабочий. — 03.09.1950. — С. 3.

Kalveit, W. Narva linn rusudes / W. Kalveit // Eesti Sõna. — 09.03.1944. — № 57. — Lk. 1.

Narva arvudes 2020 // Narva Linna Arenduse ja Ökonoomika Amet [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.narva.ee/documents/29877749/31137183/Narva+arvudes+2020+RUS.docx/4e3e7434-6c28-4a1b-a50f-11db2fec6afa>. — (09.12.2021).

Narvas 16.779 elanikku // Põhja Kodu. — 15.01.1944. — Lk. 4.

Nõmm, J. Pulmapäeva külastuspaigad Narvas: pulmasõidu kujunemise ajaloost / J. Nõmm, O. Burdakova // Mäetagised [Электронный ресурс]. — 2019. — № 73. — Lk. 47–68. — URL: http://www.folklore.ee/tagused/nr73/nomm_burdakova.pdf. — (19.07.2021).

Purustatud Narva // Eesti Sõna. — 09.03.1944, № 57. — Lk. 1.

Ojalo, H. Narva Teises Maailmasõjas: 1939–1945 / H. Ojalo. — Tallinn : Ammukaar, 2019. — 200 lk.

Kalda-Sommer, S. Tatjana Gontšarenko: Narva hävitamise ainus elav tunnistaja / S. Kalda-Sommer // Põhjarannik. — 31.03.2005. — URL: <http://arhiiv.pohjarannik.ee/article.php?sid=5913>. — (21.07.2021).

Toode, A. Kes lõhkus Narva? / A. Toode // Narva Muuseumi toimetised. — № 16. Sõda ja sõjajärgne Narva linnamaastikus. — Narva : Sihtasutus Narva Muuseum, 2015. — Lk. 108–157.

Tumarkin, N. The Great Patriotic War as Myth and Memory / N. Tumarkin // European Review. — 2003. — № 11, 4. — P. 595–611.

Vanamölder, K. Uus maja vanal kohal. Tartu Ülikooli Narva Kolledži õppehoone lugu / K. Vanamölder. — Tartu Ülikooli Narva Kolledž, 2012. — 154 lk.

Vsevirov, D. Nõukogudeaegne Narva elanikkonna kujunemine 1944–1970 / D. Vsevirov. — Tartu : Okupatsioonide Repressiivpoliitika Uurimise Riiklik Komisjon, 2001. — 104 lk.

NIEMI Emma / НИЕМИ Эмма

Independent scholar / Независимый исследователь

Russia, Petrozavodsk / Россия, Петрозаводск

kivameowth@gmail.com

THE IMAGE OF TROLLS IN THE GRAPHIC NOVEL SERIES *HILDAFOLK*

ОБРАЗ ТРОЛЛЕЙ В ГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ «ХИЛЬДАФОЛК»

Аннотация: Исследование посвящено сверхъестественным существам, обитающим в горах и лесах и носящим имя тролль. Автор выявляет интертекстуальные отсылки используемого британским иллюстратором Люком Пирсоном образа к древнескандинавским мифам, текстам Средневековья и раннего Нового времени, а также народным легендам и верованиям Северной Европы. В работе проанализированы пять черт, которые характерны для образа троллей в североευропейских нарративах и используются в графическом романе Люка Пирсона «Хильдафолк»: превращение в камень, обитание в горах или лесах, страх перед колоколами, влияние солнечного света и мотив подменыша.

Keywords / Ключевые слова: Trolls, Scandinavian folklore, Nordic Europe, Luke Pearson, *Hildafolk*, Hilda, supernatural, stone, mountain, bell, sunlight, changeling / Тролли, скандинавский фольклор, Северная Европа, Люк Пирсон, «Хильдафолк», Хильда, сверхъестественное, камень, гора, колокол, солнечный свет, подменыш

*Wait... I've seen this before...
Back in the mountain...'
(Luke Pearson, Hilda and the Mountain King)*

Introduction

Trolls being supernatural creatures are widespread in corpus of the Old Norse narratives: myths, Scandinavian mediaeval and Early Modern texts such as Icelandic, Norwegian sagas and historical works of that period. Furthermore, from a geographical point of view the term troll is used in oral and literal sources throughout all the Nordic Countries. This article covers the image of trolls constructed in the modern children's graphic novel series called *Hildafolk*.¹ Keeping in mind that trolls occur not only in fictional narratives such as fairytales but before that in vernacular traditions, tracing allusions to Scandinavian folk legends and beliefs is of a high importance. This research reflects explicit and implicit references to these interactions.

¹ Luke Pearson, *Hilda and the Troll* (London: Nobrow Press, 2010); Luke Pearson, *Hilda and the Midnight Giant* (London: Nobrow Press, 2011); Luke Pearson, *Hilda and the Bird Parade* (London: Nobrow Press, 2012); Luke Pearson, *Hilda and the Black Hound* (London: Nobrow Press, 2014); Luke Pearson, *Hilda and the Stone Forest* (London: Nobrow Press, 2016); Luke Pearson, *Hilda and the Mountain King* (London: Nobrow Press, 2019).

However, imposing preconceptions of the recent past to old sources results in a distortion of the image. In the nineteenth century following the tendencies of post-enlightenment movements and taxonomy in natural kingdom, folklorists began to work on systematisation of supernatural beings. Legends and beliefs were collected and written down primarily in rural areas of Scandinavia during that time. Therefore, such narratives only partly reflect Old Norse oral traditions of the distant past but are still comparatively fully absorbed by the modern scholarship discourse. Contemporary researches are conducted predominantly through a lens of such perception and systematisation.²

The starting point for the analysis in this study is the beliefs and legends about supernatural beings as they appeared in written collections one or at least two centuries ago. A popular consciousness is determined by those narratives. Since the theme of this article is to show how trolls are presented in a contemporary novel for children folklore narratives are a good base to reflect them. Although the attention is also paid to the misnomer of the older meanings. However, the focus of the research is still in part based on the Old Norse terms as prototypes for the more modern ones.

A junior audience is very receptive to any magic. With their open minded attitude and a belief in wonders, crossing the otherworld boundaries seems to be easy and obvious. In the Middle Ages children themselves were called *others* as they possess uncertain drives and awkward behaviour from the adult's point of view.³ Whereas the term *other* means something 'mysterious, inexplicable and unknowable.'⁴ Nowadays children are considered to be fully human. However, numerous novels about magic, sorcery and supernatural are addressed to them. Scandinavian culture provides a wide range of prototypes for such narratives. The creator of *Hildafolk* is a British cartoonist Luke Pearson. Although being an author from the United Kingdom, he draws heavily on Scandinavian folklore.⁵ He is aware of it as his grandfather told him a lot about Norse oral traditions when Luke was

² Ármann Jakobsson, *The Troll inside You: Paranormal Activity in the Medieval North* (Goleta, CA: Punctum Books, 2017), 171, https://www.academia.edu/32484922/The_Troll_Inside_You_Paranormal_Activity_in_the_Medieval_North_Punctum_Books_2017_ (accessed December 7, 2021); Ármann Jakobsson, "The Taxonomy of the Non-existence: Some Medieval Icelandic Concepts of the Paranormal," *Fabula* 54 (2013): 200, 201, 205, https://www.academia.edu/5527070/_The_Taxonomy_of_the_Non_Existent_Some_Medieval_Icelandic_Concepts_of_the_Paranormal_Fabula_54_2013_199_213 (accessed December 7, 2021).

³ Ármann Jakobsson, "Viking Childhood," in *Childhood in History*, ed. Reidar Aasgaard, Cornelia Horn, Oana Maria Cojocaru (London: Routledge, 2017), 294.

⁴ John Lindow, *Trolls: an Unnatural History* (London: Reaktion Books, 2014), 21.

⁵ Luke Pearson, "Q & A with Luke Pearson," interview by Dan Wagstaff, *The casual optimist. Books, Design and Culture*, September 25, 2013, <http://www.casualoptimist.com/blog/2013/09/25/q-a-with-luke-pearson> (accessed December 9, 2021); Luke Pearson, "I Wanted a Character Who Was Very Positive': An Interview with Luke Pearson," interview by Chris Mautner, *The Comics Journal*, September 19, 2014, <https://www.tcj.com/i-wanted-a-character-who-was-very-positive-an-interview-with-luke-pearson> (accessed December 9, 2021).

a child.⁶ Later William Pearson even published a book about Beowulf,⁷ an Anglo-Saxons' epic poem about pagan times in Scandinavia.

Norse origins can be traced not only in *Hildafolk* but are a common trait of British fantasy authors in general. References to Old Norse literature, Germanic mythology and Scandinavian folklore are either obvious or implied, but still traceable and noticeable in such famous books as about Middle-Earth of John R. R. Tolkien,⁸ Hogwarts of Joanne K. Rowling⁹ or Narnia of Clive S. Lewis¹⁰.

The explanation for such a tendency is found not only in the richness of the Old Norse culture and geographical closeness of the British Islands to the Scandinavian peninsula, but also in the absence of the mythology unique to England. The use of the Scandinavian one as an inspiration is almost a must among British writers. As Martin Wettstein claims after researching J. R. R. Tolkien's narratives 'England itself had no own mythology.' Narratives from nearby countries cover events and persons as it could be in the English vernacular beliefs. Therefore in *The Lord of the Rings* we find Celtic, Roman, Christian, Greek, Eastern, and finally Norse oral traditions but 'none especially of England.'¹¹ Furthermore, according to Corbin Scott Carnell C. S. Lewis engulfed him in *Northernness* as it contained elements he lacked in his religion although it ought to be there.

⁶ Luke Pearson, "Luke Pearson and George O'Conner discuss Hildafolk," interview by George O'Conner, Strand Book Store, May 6, 2014, *YouTube*, video, 02:04, <https://www.youtube.com/watch?v=PMDTOJk7WAY> (accessed December 8, 2021).

⁷ William Pearson, *Beowulf the Jute; His Life and Times: Angles, Saxons and Doubts* (s. l.: Xlibris, 2017).

⁸ Martin Wettstein, "Old Norse Elements in the work of J. R. R. Tolkien," October 2002, *Academia.edu*, https://www.academia.edu/228734/Norse_Elements_in_the_work (accessed December 9, 2021); Petra Bence, "Nordic and Germanic Myths and Legends in the Work of J. R.R. Tolkien," (Undergraduate thesis, Josip Juraj Strossmayer University of Osijek, 2014); N. Shtoll, "Germano-Skandinavskie mifologicheskie prototipy kliuchevykh personazhei legendariuma Dzh. R. R. Tolkina" in *Iazyk. Kultura. Perevod. Kommunikatsiia*, no. 2 (Moscow: KDU, Dobrosvet, 2018), https://bookonline.ru/lecture/14-germano-skandinavskie-mifologicheskie-prototipy-kluchevykh-personazhey-legendariuma-6?search_text=shtoll (accessed December 9, 2021).

⁹ Lenka Šerešová, "Norse Mythology References in 'Harry Potter'" (Essay, Universität Leipzig, 2016), <https://www.grin.com/document/345533> (accessed December 9, 2021); Cindy Härcher, "Myths in 'Harry Potter'. How Joanne K. Rowling Uses Real Mythology in Her Novels" (Term Paper, University of Bayreuth, 2014), <https://www.grin.com/document/307971> (accessed December 8, 2021); D. Shabunina "Mifologicheskii polifonizm v tsikle romanov Dzh. Rouling o Garri Pottere" in *Kommunikativnye aspekty iazyka i kul'tury. Sbornik materialov XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii studentov i molodykh uchionykh, 2012* (Tomsk Polytechnic University, 2012), 281–284, <https://www.lib.tpu.ru/fulltext/c/2012/C77/V1/069.pdf> (accessed December 9, 2021).

¹⁰ Nancy-Lou Patterson, "Narnia and the North: The Symbolism of Northernness in the Fantasies of C. S. Lewis," *Mythlore. A Journal of J. R. R. Tolkien, C. S. Lewis, Charles Williams, and Mythopoetic Literature* 4, no. 2 (December 1976): 9–16, <https://dc.swosu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1550&context=mythlore> (accessed December 8, 2021); Lenka Šerešová, "The Use of Mythological Elements in 'The Chronicles of Narnia' by C. S. Lewis" (Master's Thesis, Universität Leipzig, 2017), <https://www.grin.com/document/377232> (accessed December 9, 2021); Salwa Khoddam, "Balder the Beautiful: Aslan's Norse Ancestor in The Chronicles of Narnia," *Mythlore: A Journal of J. R. R. Tolkien, C. S. Lewis, Charles Williams, and Mythopoetic Literature* 22, no. 3 (October 1999): 66–76, <https://dc.swosu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1350&context=mythlore> (accessed December 7, 2021).

¹¹ Wettstein, *Old Norse Elements*, 1, 7.

‘Northernness had a quality of aesthetic exaltation [...] which Lewis had not found in Christianity.’¹²

It is also worth mentioning that vital motifs concerning trolls are the same in the Old Norse and in the Celtic worlds. For example, Elisabeth Hartmann mentions a conception of changeling and abductions among such motifs.¹³ Moreover another scholar also claims that the mediaeval Icelandic culture was formed predominantly by Norwegian but with the impact from the Celtic world.¹⁴

Thus British authors have a relevant ground for their fantasy narratives in the nearby countries. Luke Pearson is not an exception. More than that, a British cartoonist was inspired by William A. Craigie’s *Scandinavian Folk-Lore* published in late 1896.¹⁵ It is a collection of narratives that were a ‘part of the unwritten literature of a people which read little or not at all.’ Therefore, oral narratives were a tool to hand down folk legends and beliefs to children and grown ups. Folklore contained both instructions and an amusement ‘in order to make the long wanderings lighter for the child’ and ‘to keep their eyes open’ while helping adults.¹⁶ The vernacular image of trolls and the most susceptible audience as children are form an ambiguity of implicit references of *Hildafolk* to the Scandinavian legends and beliefs and their listeners. As legends and beliefs present ‘more or less believable stories,’ on the one hand, and were told ‘to persuade, amuse or amaze,’¹⁷ on the other hand, using such motifs in a children book is some kind of a tradition that Luke Pearson gains. Another source used in the research is *Scandinavian Folk Beliefs and Legends* published by Reimund Kvideland and Henning K. Sehmsdorf.¹⁸ As the analysis is not objective and comprehensive adopting only folklore without attempts to trace its roots the references to the Old Norse narratives are of a great value.

Trolls are a sort of the real world’s reflection among human beings. Despite the fact they are fictional creatures in a fictional world trolls form some kind of a mirror-image where wilderness in general, and the forest in particular, maintain the attributes which human community lacks but wishes to have. A wondrous sphere becomes an idealised

¹² Corbin Scott Carnell, *Bright Shadow of Reality: Spiritual Longing in C. S. Lewis* (Grand Rapids, MI — Cambridge, UK: William B. Eerdmans Publishing Co., 1999), 42.

¹³ Camilla Asplund Ingemark, ‘The Genre of Trolls. *The Case of a Finland-Swedish Folk Belief Tradition*’ (PhD diss., Åbo Akademi, 2004), 8, https://www.researchgate.net/publication/305775779_The_Genre_of_Trolls_The_Case_of_a_Finland-Swedish_Folk_Belief_Tradition (accessed December 7, 2021).

¹⁴ Jakobsson, *The Troll inside You*, xii.

¹⁵ Pearson, “I Wanted a Character Who Was Very Positive.”

¹⁶ *Scandinavian Folk-Lore. Illustrations of the Traditional Beliefs of the Northern Peoples*, selected and trans. by William A. Craigie (London: Paisley and Paternoster Square, 1896), vii–viii, <https://archive.org/details/scandinavianfol00craigoo> (accessed December 7, 2021).

¹⁷ Lindow, *Trolls: an unnatural history*, 9, 11.

¹⁸ Reimund Kvideland & Henning K. Sehmsdorf, eds., *Scandinavian Folk Beliefs and Legends* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999).

model and attempts to liberate human beings from oppressive norms of their society. Troll encounters as a part of a such sphere means braking taboos and social boundaries.¹⁹

Furthermore, trolls were not just heroes of a fictional world but ‘they were also in the landscape, to be glimpsed from time to time.’ They were not something remote but believed to be occurred in the everyday events. Therefore a trolls’ encounter was a form of empirical feeling, having the origin ‘in actual emotional experiences.’ Whereas fairytales, on the contrary, possess more fictive traits and descriptions and being fully a product of imagination. Thus the trolls’ image in legends is ‘tangibly close and vivid,’ while fairytales provide a ‘stiff and unrealistic’ image.²⁰

Applying the conception of Alexei Losev, vernacular beliefs as a primary genre are not ‘a fantasy, or fiction.’ They compile folktales creating motif out of a real life. From the point of view of mythological consciousness myth is ‘the most vivid and true reality’ and ‘the most real and lively, the most ingenuous and even emotional existence’ that contains its own, out-of-science, mythological truth and authenticity.²¹ Folk beliefs play a similar role as myths do. Relying on a scholarly term of the early twentieth century *folk beliefs* originate the way legends manifest themselves. They form ‘a shared system of views and conceptions about the world in which people live.’ Folktales are ‘more poetic’ whereas folk beliefs are ‘more historical’ meaning ‘more realistic’ and ‘more believable.’²²

Another point is that a legend’s simplicity and a flexible structure can reflect unmediated utterances of everyday life. They represent generic quotations that broaden the narrative of more complicated genres where they are embedding.²³ Therefore folk narratives can be studied using a ‘performed dimension’ when a researcher looks not at the content of the narrative but at the society where narratives are produced with its determination of supplying basic necessities.²⁴ One more point of view is that physical environment can become a predominating factor. In this case exact places with their peculiarities construct folklore.²⁵ Then the meaning of the narrative is found by analysing its structural elements and at a lesser scale by its content. Complete narratives distinguish

¹⁹ Asplund Ingemark, “The Genre of Trolls,” 86, 88, 92; Laura Stark, *Peasants, Pilgrims and Sacred Promises. Ritual and the Supernatural in Orthodox Karelian Folk Religion* (Helsinki: Finnish Literature Society — SKS, 2002), 133–134, <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/32110> (accessed December 9, 2021).

²⁰ Asplund Ingemark, “The Genre of Trolls,” 13–14.

²¹ Alexei F. Losev, “Dialektika Mifa,” in Alexei F. Losev *Mif. Chislo. Sushchnost’* (Moscow: Mysl, 1994), 8–9, 31.

²² Lindow, *Trolls*, 9.

²³ Lotte Tarkka, “The Poetics of Quotation. Proverbial Speech, Entextualization and the Emergence of Oral Poems,” in *Genre — Text — Interpretation. Multidisciplinary Perspectives on Folklore and Beyond*, ed. Kaarina Koski and Frog with Ulla Savolainen (Helsinki: Finnish Literature Society — SKS, 2016), 184, <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/31124> (accessed December 8, 2021).

²⁴ Ivan Strenski, *Malinowski and the Work of Myth* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014), xi.

²⁵ Ülo Valk, Daniel Sävborg “Place-Lore, Liminal Storyworld and Ontology of the Supernatural. An Introduction” in *Storied and Supernatural Places. Studies in Spatial and Social Dimensions of Folklore and Sagas*, ed. Ülo Valk, Daniel Sävborg (Helsinki: Finnish Literature Society — SKS, 2018), 12, <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/29738> (accessed December 8, 2021).

a lot but their elements and happenings are similar.²⁶ Nevertheless, as legends are told not as a typical storytelling event but ‘within the give and take of conversation’ an observer should extrapolate ‘what they say, rather than how or why they say it.’²⁷

However, while legends and beliefs are ‘more conversational and thus have a more fluid structure’²⁸ and a ‘more commonplace genre’ depending on circumstances, their historical absorption creates more complex network such as epic narratives that can link diverse texts presenting a ‘dialogical nature of narrative discourse.’²⁹ When legends are put on a piece of paper they gain their form but are still variable. Furthermore, they reflect an interpretation of the researcher who makes an attempt to freeze the legend’s content. Therefore, we have ‘already established patterns of meaning’ that vary but are still ‘recognizable by the addressee and excepted by the addresser.’³⁰ To explain such a notion in the perception of trolls, intertextual analysis becomes a perfect tool. The merit of intertextual conception in folklore studies is to construct interaction between text as a narrative and text as a speech (oral) production in a certain but not necessarily a physical environment with distinct context interaction. An intertextual approach provides tools to analyse a text bearing in mind all aspects of probable meaning included by a narrator who is identified with a certain mental model, and perceived by a listener, being a professional folklorist, and later by a reader with no defined background.

Methodology

Intertextual analysis is a perfect tool to analyse the supernatural beings in general and a troll’s image in particular. Folklore as a conception is considered to be a process of interaction that involves both a narrator and an audience. Not only the text matters, but the process through which the text gains its meaning.³¹ Narratives being told or written down are inherently unstable. They possess none of the fixed connotations and objectivity. Uttered texts being considered unique are full of allusions, implicit and explicit references. This notion was first introduced by Julia Kristeva: ‘Each word (text) is an intersection

²⁶ Claude Levi-Strauss, *Myth and Meaning* (Toronto: University of Toronto Press, 1978), 17–18; Vladimir Ia. Propp, *Morfologija skazki* (Moscow: Nauka, 1969), 23.

²⁷ Lindow, *Trolls*, 11.

²⁸ Kaarina Koski, “The Legend Genre and Narrative Registers,” in *Genre — Text — Interpretation. Multidisciplinary Perspectives on Folklore and Beyond*, ed. Kaarina Koski and Frog with Ulla Savolainen (Helsinki: Finnish Literature Society — SKS, 2016), 130, <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/31124> (accessed December 8, 2021).

²⁹ Lotte Tarkka “Transformations of Epic Time and Space: Creating the World’s Creation in Kalevala-metric Poetry,” *Oral Tradition* 11, issue 1 (1996): 54, https://journal.oraltradition.org/wp-content/uploads/files/articles/11i/8_tarkka.pdf (accessed December 9, 2021).

³⁰ Graham Allen, *Intertextuality* (London: Routledge, 2011), 18.

³¹ Koski, “The Legend Genre and Narrative Registers,” 122.

of other words (texts) where at least one other word (text) can be read.³² A conception of words' and texts' intersection was inspired by Ferdinand de Saussure's notion of a differential sign as a stabilised, abstract and determined system,³³ and by Mikhail Bakhtin's model of utterance³⁴. Lotte Tarkka, in her turn, claims based on Bakhtin's and Kristeva's approaches that folklore as an epic universe is an 'intertextual network of the oral corpus' that is characterised by density and permeability. More than that, legends and beliefs consist of thoughts occurred in the bulk of sources existed previously 'varying more freely according to narrator, context, and communicative channel.'³⁵ Such records form a subjective attitude making a compilation of the previous texts that are transformed either by an author or extracted later by a reader. The independent meaning is an illusion created while reading. Therefore, process of reading itself is an interpretation. That leads to pure intertextuality.³⁶ But as any narrative is not a self-contained system intertextuality being a conception presents 'a series of oppositions and questions.' Therefore, a point concerning any text that in the modern scientific discourse is determined 'as lacking in any kind of independent meaning' must be considered from the point of view of dualism.³⁷ An author's narrative is still original as far as it possesses ideas and thoughts already existed but expressed uniquely according to the social, cultural background and surrounding. In the same way the addressee (reader in more sophisticated and consumer in less complex way) compiles the text determining his/her own experience and points of view. Such ambiguity should be neither neglected nor tried to be overcome. It forms a unit weaving in the content and 'being the text-between of another text,' on the one hand, and a unique item with own value and not falling in 'with the myth of filiation,' on the other.³⁸

When developing his story, Luke Pearson builds a subjective attitude towards the previous texts and incorporates them in a new narrative. Being unique in contextual frames any text contains a cultural feedback, dominating discourses, as well as corpus of information perceived by the narrator during his previous experience. The picture seen in the childhood, the book read on the way to school, the words heard from the groupmates, the interaction with colleges finally reflect in the subjective mental model of the personality. Gained experience is extracted and results into references in a newly conducted narrative. The same way a reader being an addressee looks at the narrative through his/her

³² Julia Kristeva, "Word, Dialogue, and Novel," in Julia Kristeva, *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*, ed. L. S. Rodiez, trans. by N. Gora, A. Jardine, and L. S. Rodiez (New York: Columbia University Press, 1980), 66.

³³ Julia Kristeva, *The Kristeva Reader* (New York: Columbia University Press, 1986), 60.

³⁴ Mikhail M. Bakhtin, *Speech Genres and Other Late Essays*, trans. Vern W. McGee (Austin: University of Texas Press, 1986), 71–72, <https://archive.org/details/SpeechGenresAndOtherLateEssays> (accessed December 7, 2021).

³⁵ Tarkka "Transformations of Epic Time and Space," 54.

³⁶ Tarkka "Transformations of Epic Time and Space," 52–53.

³⁷ Allen, *Intertextuality*, 58, 1.

³⁸ Roland Barthes, *Image – Music – Text*, trans. Stephen Heath (London: Fontana, 1977), 160.

lens of perception where all images have their prototypes or even origins in their own past. Any citations are considered to be anonymous, with no obvious traces. Therefore, they are incorporated in the text as ‘quotations without inverted commas.’³⁹ That differs intertextuality from the primitive compilation or plagiarism and is called motifs. Therefore folklorists consider intertextuality help a lot to analyse emergence, development and connections of legends and beliefs. A Finnish researcher Laura Stark-Arola adopts Lotte Tarkka’s notion of the intertextual universe as an organic whole in which a single text receives its meaning only in a relation to other texts.⁴⁰ *Hildafolk* in this case is also considered to be a part of such a universe. Therefore, the intertextual analysis helps to show the origin of the troll’s image in the graphic novel series where legends and beliefs by ‘absorption and transformation’ build ‘a mosaic of quotations.’⁴¹

The usage in this analysis such folklore units as legends and beliefs is determined by types of discourse representation called genres. A term *genre* according to Mikhail Bakhtin reflects discursive practices that possess ‘relevant properties in their style, thematic contents, or narrative techniques.’ It leads to ‘particular contacts between the meanings of words and actual concrete reality under certain typical circumstances.’⁴²

However, more concerned term of intertextuality in folklore is intergenericity. Discourse strategies of legends are more abstract and flexible than of other primary genres. This generic structure as well as epic universe refers to Bakhtinian notion of primary and secondary genres and is articulated within oral traditions by Lotta Tarkka. Primary (or simple) genres represent ‘typical situations [...], typical themes.’⁴³ They involve utterances in everyday life such as dialogues taking form in unmediated speech communion. Therefore, legends are chronotopic in their cores, covering a certain time span and a concrete locality, thus creating a folklore layout ‘in the here and now.’⁴⁴

But once the oral texts are written down they lose the temporal order of performance and only the time within the narrative is left. The utterances of primary genres are woven in the canvas of more complicated and highly developed cultural interaction.⁴⁵ Simple genres are characterised as ‘the unmediated speech communication,’ while so-called complex genres are ‘a part of highly developed and organized [...] communication’⁴⁶ such as tales, sagas, myths and novels. Therefore, *Hildafolk* is a net of incorporated primary genres such as legends and beliefs by making explicit links and implicit references to what people thought was real.

³⁹ Barthes, *Image – Music – Text*, 160.

⁴⁰ Asplund Ingemark, “The Genre of Trolls,” 30.

⁴¹ Kristeva, *The Kristeva Reader*, 37.

⁴² Bakhtin, *Speech Genres and Other Late Essays*, 87.

⁴³ Bakhtin, *Speech Genres and Other Late Essays*, 87.

⁴⁴ Lindow, *Trolls*, 9.

⁴⁵ Mikhail M. Bakhtin, *Estetika slovesnogo tvorčestva* (Moscow: Iskusstvo, 1986), 234, 243, 251–252, 279.

⁴⁶ Koski, “The Legend Genre and Narrative Registers,” 124.

At the same time legends focus on the existence of the boundary of the human world between order within it and chaos meaning outside. Thus a graphic novel is an intertextual universe with its already known but still unique utterances. But at the same time a narrative is ‘prior to its individual fragments’ since the epic universe ‘engages in dialogue across its borders’⁴⁷ with permeable boundaries of the oral corpus of legends and beliefs with its natural density.⁴⁸ Folklore reflects the phenomenon that genres produce. Imaginary realms are constructed, but it would not be so without verbal actualisation and performance. An oral or at least a literal production is a must in this case. Genres possess notion. Although *Hildafolk* has traits of intergenericity, genres being relatively blur can be hardly called ‘labels for sorting’ of vernacular narratives.⁴⁹ As well as supernatural beings can hardly be perceived as taxonomic creatures.

The term

The main heroine of the graphic novel series *Hildafolk* is Hilda, a girl with blue hair. She has ‘the life of the adventurer’⁵⁰ and of constantly meeting supernatural beings. The vital role among them play trolls. They are partly antagonists, partly helpers but still refer to Old Norse sources at any case.

A description is never stable or neutral. Trolls are called cruel beings at the beginning of the story but after incorporating additional traits the image changes and they deserve compassion or even friendship. The target audience is primary school pupils that are of the same age as Hilda is. Therefore, horrifying features are diminished. However, their traces capture children’s attention and help them to experience difficulties with the heroin.

Troll’s characteristics are traced back to the narratives of the folklore and Old Norse eliminating certain traits. The term *Old Norse* according to Tom Grant’s notes is used both for defining the language used for composing mediaeval Icelandic and Norwegian corpus of texts and for pre-Christian Scandinavian mythology.⁵¹ The term *troll* has its specific connotation to the Old Norse with ‘a kernel of very old mythological motifs.’⁵² Although scholars keep claiming that mediaeval attitude towards trolls differs a lot from the modern one, not all researchers are willing to investigate the transformation in the term’s meaning and articulate the emergence of a conception. Therefore, the image of trolls borrowed by many writers and absorbed in their narratives refers to more recent past. They are either

⁴⁷ Asplund Ingemark, “The Genre of Trolls,” 13, 15, 34.

⁴⁸ Tarkka “Transformations of Epic Time and Space,” 53

⁴⁹ Valk, Sävborg “Place-Lore, Liminal Storyworld and Ontology of the Supernatural,” 17-18.

⁵⁰ Pearson, *Hilda and the troll*.

⁵¹ Tom Grant, “A Problem of Giant Proportions,” *Gripla* XXX (2019): 77, <https://gripla.arnastofnun.is/index.php/gripla/article/view/97> (accessed December 7, 2021).

⁵² Gunnar W. Knutsen, Anne Irene Riisø “Trolls and Witches,” in *Arv. Nordic Yearbook of Folklore* 63 (Uppsala: The Royal Gustavus Adolphus Academy, 2007), 35, <https://kgaa.bokorder.se/en-us/download/3aca9605-9b83-4bfd-8ef4-d07b3867b9fd> (accessed December 8, 2021).

remote supernatural beings encountered in the rocks and woods or, much less common, otherworldly creatures dwelling in the human surrounding.

However, the *troll's* image of twelfth, thirteenth and fourteenth centuries includes *a strong / large / ugly person, a troublesome person or a troublesome animal, an evil spirit, a ghost, a magical boar, a heathen demi-god, a demon, a berserk, a hag, a giant, a witch and a sorcerer*. The latter was meant even more commonly under the heading *troll*.⁵³ Furthermore, during this period *trolls* were ‘a menace to gods and humans alike’⁵⁴ as well as referred to *jötunn* (singular *jötunn*), *þursar* (singular *þurs*),⁵⁵ *proto-beings*. Therefore, trolls of the pagan mediaeval past could be characterised as ‘antisocial and disruptive’⁵⁶ creatures. They were even considered to be man-eaters and symbolised both the evil and the force of nature. It happened predominantly due to pagan beliefs’ integration in Christianity.

For the Middle Ages after Christianisation *trolls* symbolised living dead ancestors. Their existence was associated with the burial mounds of the heathen traditions.⁵⁷ However, trolls of late mediaeval Norway and Denmark could be interpreted as witches with an ability to fly.⁵⁸ During the Early Modern Period these meanings vanished and witch-hunting in the sixteenth and seventeenth century led to the perception of the trolls as small unnoticeable creatures with an appearance more like *nisse* (or *tomte*) but having ‘a new link to the devil.’⁵⁹

In the modern scholarly discourse Camilla Asplund Ingemark analysing the genre of trolls states according to the points of view of Elisabeth Hartmann that ‘belief in trolls must be distinguished from that in witches.’⁶⁰ Therefore, the term *troll* is used now in a constricted meaning with no references to witches on the contrary to the previous periods. Therefore, even in the cases when the analysis refers to the old sources researchers are preconceived as they tend ‘to ignore the older meaning of the word troll.’⁶¹ Although in defence of such attitude ‘to give a precise and demarcated description’ is really

⁵³ Ármann Jakobsson, “The Trollish Acts of Þorgrímr the Witch: The Meanings of Troll and Ergi in Medieval Iceland,” *Saga-Book* XXXII (2008): 52, 54, https://www.academia.edu/1348105/_The_Trollish_Acts_of_%C3%9Eorgr%C3%ADmr_the_Witch_The_Meanings_of_Troll_and_Ergi_in_Medieval_Iceland_Saga_Book_32_2008_39_68 (accessed December 7, 2021); Jakobsson, *The Troll inside You*, 18, 22; Asplund Ingemark, “The Genre of Trolls,” 7–9; *Scandinavian Folk-Lore*, 41, 48, 56, 59; Lindow, *Trolls*, 12.

⁵⁴ Knutsen, Riiso “Trolls and Witches,” 31.

⁵⁵ Grant, “A Problem of Giant Proportions,” 78; Jakobsson, “The Trollish Acts of Þorgrímr the Witch,” 55.

⁵⁶ Jakobsson, “The Trollish Acts of Þorgrímr the Witch,” 54.

⁵⁷ Knutsen, Riiso “Trolls and Witches,” 33.

⁵⁸ Knutsen, Riiso “Trolls and Witches,” 39, 47, 49, 53.

⁵⁹ Knutsen, Riiso “Trolls and Witches,” 54-55.

⁶⁰ Asplund Ingemark, “The Genre of Trolls,” 8.

⁶¹ Jakobsson, “The Taxonomy of the Non-existence,” 201.

challenging⁶² as a separating line among variety of supernatural beings is blurred. However, some scholars ‘examine carefully every instance of the word’ as Ármann Jakobsson does.⁶³

Therefore, definitions of the term *troll* vary a lot. For example, in the Swedish National Encyclopedia the term *troll* is called ‘a word of an unclear origin’ and characterised as ‘a common word in Swedish (including Finnish-Swedish), Danish and Norwegian traditions that gains a significantly different meaning when naming a certain supernatural being.’⁶⁴ However, only several of such meanings are widespread in the scholarly discourse of the twenty first century. Although none of them is a fixed one. The problems of etymology as well as of determining the primary meaning of the term make the image ‘shifting and changing’ and ‘hard to pin down in the end.’⁶⁵ This research possesses the attitude toward trolls as it formed in the nineteenth and early twentieth centuries among folklorists, although still refers to the Old Norse sources to some extent. As not only a semantic meaning of the term changed in the late mediaeval and early modern periods but a same supernatural being can possess a different heading.

Norwegian trolls are characterised as ‘danger, death, and the vastness extending beyond the human grasp of the world’⁶⁶ or solitary ‘supernatural creatures, big and ugly, functioning as the opponents of the human heroes.’⁶⁷ Such definitions have their roots in the *timeless* mythical or in St. Olav’s (the eleventh century) times when a king and old gods were opponents to an introduction of Christianity.⁶⁸

Another motif is of more neutral or even friendly trolls that inhabit solitary dwellings in Swedish-Finnish and Danish surroundings. A Swedish-Finnish folklorist Jan-Öjvind Swahn argues that ‘the trolls of folk belief, and therefore of legends, were envisioned as anthropomorphic, collective supranormal beings inhabiting mountains, barrows or woods in Central and South Swedish folklore.’⁶⁹ Swedish trolls could be even helpers, on the contrary to the Norwegian tradition that gained a lot from the mediaeval notion.

The scholarship society in the second half of the nineteenth century noted three categories of supernatural creatures. Although after the Enlightenment even peasants considered trolls to be fictional the taxonomy was based on classifying the animal kingdom. A development of natural science with its focusing on systematisation and

⁶² Knutsen, Riisø “Trolls and Witches,” 68.

⁶³ Jakobsson, “*The Taxonomy of the Non-existence*,” 201.

⁶⁴ ‘Troll (ett ord av oklart ursprung), den i svensk (inklusive finlandssvensk), dansk och norsk tradition gängse men till innebörden växlande benämningen på vissa övernaturliga väsen,’ “Troll,” Nationalencyklopedin online, <https://www.ne.se/s%C3%B6k/?t=uppslagsverk&q=troll> (accessed November 9, 2021).

⁶⁵ Lindow, *Trolls*, 12.

⁶⁶ Jakobsson, *The Troll inside You*, 17.

⁶⁷ Asplund Ingemark, “The Genre of Trolls,” 8–9.

⁶⁸ Knutsen, Riisø “Trolls and Witches,” 35.

⁶⁹ Asplund Ingemark, “The Genre of Trolls,” 8.

categorisation defined the attitude towards folklore with its supernatural beings. The three distinct categories of supernatural were tried to be clearly demarcated. Such groups as *trolls and elves*, *ghost stories*, and *witchcraft and magic* appeared.⁷⁰ But distinction is an artificial tool rather than provable taxonomy as one should bear in mind that no supernatural beings belong to the real world. Therefore, a term *troll* can still refer to many connotations. Thus, supernatural beings can be marked as unspecified creatures.⁷¹

However, commonly all researchers consider trolls to be anthropomorphic creatures with the similar patterns of behaviour and social structure as people have although with some peculiarities. Either trolls are antagonists and even enemies of the church or more neutral creatures living side by side with ordinary people they still consider to be something remote with its own world order. The interaction with people takes place in a form of encounter. Such encounter can result in negative, peace or positive consequences. The difference of attitude towards troll-creatures differs geographically and a demarcating line can be drawn between territories of East Scandinavian and West Scandinavian languages.

At the same time a researcher should remember that a difference in perception is determined not only geographically but also chronologically. Therefore, although the term's usage differs a lot it should be considered not as nonreferential but as having the majority of relations⁷² both external such as *troll* with the majority of the mediaeval connotations and internal when a supernatural creature has several names.

Nevertheless, the term *troll* primarily used nowadays has been constructed by folklorists and is defined as 'a supernatural creature inhabiting the forest and bearing this specific name.'⁷³

In *Hildafolk*, on the one hand, Hilda and her mother encounter 'the most fearsome of trolls around every corner' when they try to get back home 'doing their very best to not get eaten.'⁷⁴ On the other hand, trolls are shown possessing personal emotions, thoughts and feelings, with own motifs and a willingness to interact with humans.

Not only a taxonomy of supernatural beings and their main characteristics fulfilling a certain function and possessing a certain trait but also the very fact of substantiality is a base for classification.⁷⁵ Therefore, in addition to the name and behaviour peculiarities a physical form whether it exists or completely vanished also matters. As to trolls they are usually anatomically structured creatures with big eyes or hollow backs and large

⁷⁰ Jakobsson, "The Taxonomy of the Non-existence," 200.

⁷¹ Knutsen, Riiso "Trolls and Witches," 48.

⁷² Allen, *Intertextuality*, 11.

⁷³ Asplund Ingemark, "The Genre of Trolls," 86.

⁷⁴ Pearson, *Hilda and the Mountain King*.

⁷⁵ Elena E. Levkieskaia, "Mifologicheskii personazh: sootnoshenie imeni i obraza," in *Slavianskie etudy. Sbornik k iubileiu S. M. Tolstoi* (Moscow: Indrik, 1999), 249–252, <https://inslav.ru/publication/slavyanskije-etyudy-sbornik-k-iubileiu-s-m-tolstoj-m-1999> (accessed December 8, 2021).

head / heads; or ‘small and greyclad, with red nightcaps on their’; even ‘is said to be a very fine gentleman’ or a trollless wearing ‘a light green and a pink translucent dress respectively, and their hair is shimmering heads.’⁷⁶ Multiple headed trolls occur both in the novel⁷⁷ and in the legends (beliefs) as well as texts of other genres⁷⁸: three, six, nine or twelve headed beings having an enormous eye.

Although it is hard to be fixed to a particular taxonomy or classification several peculiarities are fixed to some extent.

1. Troll Rock

‘Hey... this rock... It kind of looks like... like... A Troll Rock!’⁷⁹ Hilda, a main heroine of *Hildafolk*, comes across the stone that looks like a troll in a rock formation. When the sun hides in the evening the rock becomes alive. ‘By day, it’s nothing but a peculiar looking rock. But by darkness it takes the form of the fierce and powerful troll.’⁸⁰ In another chapter of the novel Hilda is chased by the troll and when they both come out of the mountain into the sunlight the pursue freezes.⁸¹ Furthermore, Hilda herself turns into a stone in the daylight while being a troll.⁸²

The notion of a troll’s transformation is widespread in Norse folklore. Such motif shows the weakness of the troll and its vulnerability towards the power of nature. Although trolls are considered to be ‘nature beings’⁸³ symbolising nature spirits, they still must obey a fundamental rule of the constant change between day and night. Even if the troll is something furious people can still win the battle remaining diurnal creatures.

Furthermore, bearing in mind that trolls are often characterised as giants it is an additional way to explain huge rock formations occurring in Scandinavia.⁸⁴ A motif of transformation is one of the timeless in the descriptions of trolls. Moreover, as trolls still represent a natural force they can pile high rocks and make small lakes by moving and throwing boulders. Therefore, almost all odd looking formations in Nordic Europe could be explained in this way.

When ‘the first rays of dawn appeared’ a *troll-woman* ‘was turned to stone.’⁸⁵ It is a motif that goes back to the pagan mediaeval and Christian Early Modern times with references to the majority of narratives. Although a juxtaposing of translation occurred

⁷⁶ Asplund Ingemark, “The Genre of Trolls,” 94–95.

⁷⁷ Pearson, *Hilda and the Stone Forest*; Pearson, *Hilda and the Mountain King*.

⁷⁸ Asplund Ingemark, “The Genre of Trolls,” 94; *Scandinavian Folk-Lore*, 40–92; Kvideland, Sehmsdorf, eds., *Scandinavian Folk Beliefs and Legends*, 297–313; Teodor Kittelsen, *Norvezhskie volshebnye skazki* (Moscow: AST, 2020), 17, 30.

⁷⁹ Pearson, *Hilda and the troll*.

⁸⁰ Pearson, *Hilda and the troll*.

⁸¹ Pearson, *Hilda and the Stone Forest*.

⁸² Pearson, *Hilda and the Mountain King*.

⁸³ Lindow, *Trolls*, 9.

⁸⁴ Kvideland, Sehmsdorf, eds., *Scandinavian Folk Beliefs and Legends*, 299.

⁸⁵ Kvideland, Sehmsdorf, eds., *Scandinavian Folk Beliefs and Legends*, 312.

several times within this time span. Not only the semantics of the word *troll* has changed a lot but also its connotation in other languages. Translations can't 'capture all of the nuances of the original language.'⁸⁶ That is why in the *History of the Northern Peoples* by Olaus Magnus of sixteenth century, first published in Latin, there 'are people who believe that the stone markers along the road used to be giants,'⁸⁷ not trolls. However, this citation is still commonly used to illustrate a troll creature and their features rather than giants.

Another vivid example is *Grettir's Saga*. In Icelandic and English versions a term troll is used, whereas in the Russian translation Ol'ga Smirnitskaia called it a giant:

Þá hlupu fylgdarmenn Þorkels upp og sögðu ekki mundu *tröll* hafa tekið manninn um ljósan dag.⁸⁸

Then Thorkel's men sprung up and said that surely *trolls* had not taken the man in broad daylight.⁸⁹

Then Thorkell's men sprang up and said it was impossible that a *troll* should have taken the man in full daylight.⁹⁰

Люди Торкеля остановились и говорят, что не может такого быть, чтобы *великаны* [*giants*] схватили человека среди бела дня.⁹¹

As to the *Hildafolk* the term *troll* is a fixed one there. However, the influence of the *giantlike* trolls and *trollish* giants influence the author and Luke Pearson varies, for example, a size of his trolls: a king and an ancestor of all the trolls are colossal creatures.⁹² However, in Scandinavian legends and beliefs big titanic beings were also not always *giants*. They could remain trolls just of an enormous size: '[body] was so large that a man on horseback could not with his whip reach up to the bend of her knees' or 'the hollow is undoubtedly well in to two hundred fathoms in length.'⁹³ Nonetheless, controversial definitions and interchangeable words⁹⁴ provide us with materials for only speculations but not clarity in the image of *trollish* and *giantlike* creatures. As to the Hilda's supernatural

⁸⁶ Grant, "A Problem of Giant Proportions," 101–102.

⁸⁷ Kvideland, Sehmsdorf, eds., *Scandinavian Folk Beliefs and Legends*, 298.

⁸⁸ "Grettis Saga", 16. kafli, Icelandic Saga Database, ed. Sveinbjorn Thordarson, https://sagadb.org/grettis_saga.is (accessed December 10, 2021).

⁸⁹ "Grettir's Saga," chap. 16, trans. William Morris & Eiríkr Magnússon (1900), Icelandic Saga Database, ed. Sveinbjorn Thordarson, https://sagadb.org/grettis_saga.en (accessed December 10, 2021).

⁹⁰ "Grettir's Saga," chap. 16, trans. G. H. High (1914), Icelandic Saga Database, ed. Sveinbjorn Thordarson, https://sagadb.org/grettis_saga.en2 (accessed December 10, 2021).

⁹¹ *Saga o Grettire*, trans. Ol'ga A. Smirnitskaia, ed. Mikhail I. Steblin-Kamenskii (Novosibirsk: Nauka, 1976), 25.

⁹² Pearson, *Hilda and the Mountain King*.

⁹³ *Scandinavian Folk-Lore*, 63.

⁹⁴ Ármann Jakobsson, "Where do the Giants Live?," *Arkiv för nordisk filologi* 121 (2006): 103, 101–102, 110, <https://journals.lub.lu.se/anf/article/view/11748> (accessed December 7, 2021).

world giants there are a separated species with own peculiarities having no references to the troll's image.

Examining the trolls' appearance, in *Hildafolk* rock formations are called trolls if they have solid face features or a distinct nose traced in the stone.⁹⁵ In *Grettir's Saga* when a *troll-wife* fought 'the day dawned on her' and she still stands 'on the cliff' with a humanlike features as 'a rock in the likeness of a woman.'⁹⁶ In Scandinavian legends at the 'sudden death to night-trolls if day breaks upon them' as 'the dawning was their destruction' trolls 'became a pillar of rock.'⁹⁷ Stones that Hilda encounters look like boulders stretching into the air. They remain consciousness and Hilda being surrounded by such pillars notes that 'they don't even know we're here.'⁹⁸

It is worth mention that a tradition of calling unusual stone formations trolls is still alive. As in the sixteenth century trolls' narratives were a part of a self-identification preserving the roots and traditions nowadays trolls are used for commercial purposes such as tourism.⁹⁹ They form a so-called *local brand*. Icelandic people still deal willingly with trolls. 'Most Icelanders you meet, if you would ask them whether they believe in elves, trolls, Hidden People, they would say 'I cannot out-rule that they exist' says Guðmundur Ingi Guðbrandsson, Iceland's Minister for the Environment and Natural Resources.¹⁰⁰

Therefore, defining a troll is thus far from clearance. However, all the confuses nuances 'might easily be avoided by appealing instead to the terms which Icelandic authors themselves used.'¹⁰¹ However, it is obvious that neither authors nor even the scholars are ready to do so.

Looking back to the problematic, it occurred in the thirteenth – fourteenth centuries when first texts were written down in Iceland. Lotte Motz in 1987 made an attempt to distinguish four categories of giant/troll-creatures. Each type of beings plays its own role in the prehistorical oral sources and further narratives. The categories were: *jötnar*, lords and guardians of nature; *trolls*, mythical magicians; *pursar*, hostile and monstrous beings; and *risar*, heroic and courtly beings.¹⁰² Tomas Grant, in his turn, admits that analysing such terms as *purs* and *troll* with their high level of synonymy is 'a speculative task.' Furthermore,

⁹⁵ Pearson, *Hilda and the troll*.

⁹⁶ "Grettir's Saga," chap. 65, trans. Morris & Magnusson.

⁹⁷ *Scandinavian Folk-Lore*, 62.

⁹⁸ Pearson, *Hilda and the Stone Forest*.

⁹⁹ "Viðhorfsrannsókn um Ísland, Denmark, United Kingdom and Germany," by Market and Media Research Ltd, January 2011, *Íslandsstofa*, 37, https://www.islandsstofa.is/media/1/2011_dk_uk_ge_final_final.pdf (accessed December 9, 2021); "Travel Destination Iceland. Íslandsstofa. Survey in European Markets. April 2015," by Market and Media Research Ltd, *Íslandsstofa*, 101, https://www.islandsstofa.is/media/1/islandsstofa_vidborfskonnun_final.pdf (accessed December 9, 2021).

¹⁰⁰ Robin Young, Karyn Miller-Medzon, "It Sounds like Magic, but It's Not: Many Icelanders Believe in Elves," *Boston's NPR News Station Wbur*, December 24, 2019, <https://www.wbur.org/hercandnow/2019/12/24/iceland-elves> (accessed December 9, 2021).

¹⁰¹ Grant, "A Problem of Giant Proportions," 101.

¹⁰² Jakobsson, "Where do the Giants Live?," 103.

the term *giant* is not 'a product of medieval Scandinavia' but a simplifying adoption of Old Norse terms to make them understandable to the readers. Instead of giant scholars studying Old Norse and Old Icelandic narratives use more authentic *risi* and *jötunn*.¹⁰³ However, according to the scholarship analysis of the Prose Edda Ármann Jakobsson states that trolls and giants under different headings can be regarded the same creatures to some extent.¹⁰⁴ But it is all at the level of supposition. However, the places where such supernatural creatures, regardless the type of their headings, semantic meanings, simplifications or translations, could be found are hills and mountains.

2. Dwelling

'Wait... You're the troll from inside the mountain!' exclaims Hilda's mother when she finds a creepy looking creature in the bed instead of her daughter.¹⁰⁵

Hans Lauridsen wrote in 1587 that trolls were nothing but fallen demons who had landed in forests, on hills or mountains, and who now trapped humans inside the mountains.¹⁰⁶ In the narrative of four hundred years later a young girl disappeared while herding the sheep. It was said that 'she had been taken into the mountain.' According to the Norwegian folklorist Bengt Holbek *being taken into the mountain* means behaving in an odd way after mentally traumatic experience.¹⁰⁷ But literally the same happened to the main heroine of *Hildafolk*.

As being a representative of supernatural beings trolls live in the *otherworld*. Researchers consider it to be some kind of a mirror reflecting the world of humanity with its social and interpersonal structures. *Other* is something external but at the same time containing the 'organized reality' explaining human disorder or sufferings.¹⁰⁸ At the same time trolls as something abnormal help in building one's identity and finding one's place in the real world as well as 'orienting oneself in a larger, complex reality,' such as woods or caves.¹⁰⁹ As to the Lotte Tarkka's conception based on studies of previous researchers even if narrative traditions predominate in the text a conventions of metahistorical statements still of a big value. Spacial organisation is always based on *home* and *otherworld*.¹¹⁰ Laura Stark calls such conception a dichotomy between a place of everyday human operation and other environment. Therefore, breaking boundaries from any side leads to 'an endless, negotiatory dialogue' between humankind and wilderness. Supernatural beings in this case are not only inhabit the otherworld but also become guardians patrolling

¹⁰³ Grant, "A Problem of Giant Proportions," 77–78, 101.

¹⁰⁴ Jakobsson, "Where do the Giants Live?," 106–107.

¹⁰⁵ Pearson, *Hilda and the Mountain King*.

¹⁰⁶ Knutsen, Riisø "Trolls and Witches," 55.

¹⁰⁷ Kvideland, Sehmsdorf, eds., *Scandinavian Folk Beliefs and Legends*, 212.

¹⁰⁸ Stark, *Peasants, Pilgrims and Sacred Promises*, 94.

¹⁰⁹ Asplund Ingemark, "The Genre of Trolls," 86.

¹¹⁰ Tarkka, "Transformations of Epic Time and Space", 73.

the boundary between familiar and safe (from the point of view of explanation and recognition) and wild and dangerous (unknown and therefore threatening).¹¹¹ Trolls, as John Lindow claims, are associated with ‘the wild rather than domestic or tame; with outside rather than inside; with nature rather than culture.’¹¹² Order and disorder, predictable and unexpected, always are hand by hand and about to disappear at any moment — these are the contradictions that occur both in folk narratives and in *Hildafolk*.

Rocks and mountains are the places where main encounters with trolls happen. Although sometimes such places are designated as the woods, for example, a copper, silver or even a golden forest¹¹³ or an iron one inhabited by either *troll* or *giant*, depending on the translations:

40. The *giantess* old in *Ironwood* sat,
In the east, and bore the brood of Fenrir;
Among these one in monster’s guise
Was soon to steal the sun from the sky.

40. Austr sat in aldna í Járnvíði
ok fæddi þar Fenris kindir;
verðr af þeim öllum einna nokkurr
tungls tjúgari í *tról*ls hami.¹¹⁴

Luke Pearson binds both dwellings in his novel. Not only his trolls inhabit mountains but Hilda and her mother found themselves in a very strange place, in the ‘cavernous world of the stone forest — the land beneath the mountain and home of the troll’¹¹⁵: ‘Then where are we? [...] We’re just in the weirdest forest in the world.’¹¹⁶

When Hilda was absent her mother began to search for her and came across the troll. Hilda was not with it ‘but look! The Cave! [...] Wait! Don’t walk away from me! What? No! No! Open up!’¹¹⁷ cried the mother when a troll disappeared in the mountain and after a while so did the entrance.

A geographical location of trolls’ dwelling is much discussed in Old Norse narratives and myths¹¹⁸ as well as in folk beliefs. Therefore looking at the spacial organisation instead of geographical location is much more productive. It is always elaborated by ‘symbolic boundaries’ that make *home* a safe place and ‘a source of wisdom, power, and wealth’

¹¹¹ Stark, *Peasants, Pilgrims and Sacred Promises*, 133.

¹¹² Lindow, *Trolls*, 19.

¹¹³ Asplund Ingemark, “The Genre of Trolls,” 96.

¹¹⁴ “Poetic Edda,” *Völuspá*, stanza 40, *Völuspá.org*, <http://www.voluspa.org/voluspa36-40.htm> (accessed October 13, 2021).

¹¹⁵ Pearson, *Hilda and the Mountain King*.

¹¹⁶ Pearson, *Hilda and the Stone Forest*.

¹¹⁷ Pearson, *Hilda and the Stone Forest*.

¹¹⁸ Eldar Heide, “Contradictory Cosmology in Old Norse Myth and Religion — but Still a System?,” *Maal og Minne* 106, no.1 (2014): 115–116, <http://ojs.novus.no/index.php/MOM/article/view/226> (accessed December 7, 2021).

whereas *otherworld* is a threat.¹¹⁹ However, people also combat trolls and capture their original inheritance. The more space humankind subdue the fewer supernatural beings can survive according to the people's consciousness. Asplund Ingemark marks one of the characteristics of the trolls as victims of humankind as the last are main trouble-makers.¹²⁰ Trolberg, a Hilda's city, is shown as an intervention. Hilda recalls that supernatural beings 'were here long before Trolberg was. They [people] built the city in the middle of [trolls'] home.'¹²¹ Furthermore, giants in the Hilda's world, being a separate species, also suffer from humankind. They left because people came. In vernacular beliefs escaping human beings and loosing previous dwellings such as pagan mounds trolls moved to farms creating a farm trolls' community with more or less neutral attitude toward people. Here comes a thesis that trolls can transform from enemies to assistants as the gratitude of not being combated. Supernatural beings were able to share the territory with human-newcomers. However later trolls move on to the hills and became isolated hostile creatures closer to the perception of the nineteenth century.¹²²

At the same time according to Ármann Jakobsson trolls are those who are distinguished not only spatially but also psychologically rather than simply geographically. He submits the hypothesis that trolls can be studied separately not considering people communities. The boundaries are allusive variable according to the level of human consciousness. 'Man and troll are inextricably intertwined.'¹²³ The same is in Hilda's world. While being a human she feels otherworld and vice versa. She envies the trolls that they are free and 'there's so much space out'¹²⁴ there as if she knew what it was like to be a troll. Whereas a trollish wishes that her child is brought up among people as she is sure that the human world is less severe.¹²⁵ As a result both Hilda among trolls and a troll-child among people feel more or less associated except being homesick. Here comes a controversial position of trolls, some kind of ambiguity in their attitude towards people in general and own dwelling in particular.

3. Bells

'Trolls can't stand the sound of a bell's toll,' writes Luke Pearson providing a troll's description.¹²⁶ When Christianity came trolls having origin in the pagan past gained extra features. In Hildafolk they experienced a huge inconvenience of the bell as a Christian artefact. Christian symbols are widely spread in the folklore narratives up till now even if

¹¹⁹ Tarkka, "Transformations of Epic Time and Space", 73–74.

¹²⁰ Asplund Ingemark, "The Genre of Trolls," 117.

¹²¹ Pearson, *Hilda and the Mountain King*.

¹²² Knutsen, Riisø, "Trolls and Witches," 51, 54.

¹²³ Jakobsson, *The Troll inside You*, 50.

¹²⁴ Pearson, *Hilda and the Stone Forest*.

¹²⁵ Pearson, *Hilda and the Mountain King*.

¹²⁶ Pearson, *Hilda and the troll*.

the latter describe predominantly the heathen times. Therefore bells symbolise a type of a connection that illustrates exorcism as a ritual to banish the trolls. For example, after one girl had been taken to the mountain ‘they rang the church bells for her, and the girl returned. For a while she seemed rather strange, but gradually she recovered and became like other people once more.’¹²⁷

After spreading of a new religion supernatural beings gained general traits of the Christian antagonists in the vast majority of narratives. Here comes an intertextual connection between folklore and religious narratives. Some kind of a network with a number of associations reveals references both to the Holy texts and to the supernatural realm.¹²⁸ A number of such allusions varies. But as an introduction of a new religion went better when unfamiliar symbols were associated with vernacular beliefs they can be traced. Supernatural beings were converted to the enemies that had to be fought. ‘May God grant that the troll-heretics be burned up’, exclaimed a peasant at the trial in the middle of the seventeenth century. Therefore, ‘the Old Norse magic had gradually been completely demonized and transformed into something new — witchcraft wrapped in Christian terms.’¹²⁹ Moreover, as folklore is an oral type of discourse narrators added the traits of religion intentionally to make the story more vivid and closer to contemporaries who were baptised listeners.

Folklore is a structured and relatively close system with certain interactions within. Religion is treated in the same way. Therefore, they both are different types of discourses integrated in the broader inter-discursive network. Folklore in this case comes close to national history perception¹³⁰ where religion with its signs also plays a vital role. Constructing images based on legends and beliefs helped Nordic counties to build their national identities and at the same time unite them. National movements of the late nineteenth and early twentieth centuries made folklore the vital instrument along with national language development and literature studies. Legends and beliefs, therefore, preserve ‘the memory of former independence or statehood.’ Such a heritage was collected, shared, studied and used as a trend of the Romanticism movement¹³¹ but it had already experienced the huge impact from the religion. Furthermore, ‘we err grievously if we attempt to understand the history of the Norwegian troll’ studying the narratives collected at these times as the beliefs had been transformed ‘from menace to entertainment.’¹³²

¹²⁷ Kvideland, Sehmsdorf, eds., *Scandinavian Folk Beliefs and Legends*, 212.

¹²⁸ Asplund Ingemark, “The Genre of Trolls,” 76, 139.

¹²⁹ Knutsen, Riisø “Trolls and Witches,” 54, 55.

¹³⁰ Camilla Asplund Ingemark, “Legends of Trolls and the Bible,” *Elore* 12, no. 2 (2005): 9–10.

¹³¹ Diarmuid Ó Giollain, “People, Nation and ‘Combative Literatures’: Baltic, Celtic and Nordic Configurations of Folklore,” in *Storied and Supernatural Places. Studies in Spatial and Social Dimensions of Folklore and Sagas*, ed. Ülo Valk, Daniel Sävborg (Helsinki: Finnish Literature Society — SKS, 2018), 259, 263, <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/29738> (accessed December 7, 2021).

¹³² Knutsen, Riisø “Trolls and Witches,” 32.

It happened due to development of science in seventeenth and eighteenth centuries when it constructed 'up against the old generations of mythical.'¹³³

There are several points that are obvious allusions to religious rituals. And also vice versa, as in the Christian world exists the realm of trolls being some kind of an alternative to Paradise but containing pagan traits. For people Paradise comes afterlife but trolls' world exists on earth. 'Free from the arduousness of hard physical labour, free from care, and (here is the but) free from the blessings of Christianity' make the otherworld some kind of a patch that helps to cover and neglect all the lacks in the official doctrine.¹³⁴ There are three types of such relationships defined.¹³⁵

First, trolls are explicit antagonist to Christianity. For example, in the narrative *The Trolls and King Olaf* trolls are called devils.¹³⁶ In *Hildafolk* such opposition is illustrated by describing the measures to protect Trolberg from trolls: the wall, bell towers, a troll safety patrol, etc.¹³⁷

Second, the Christian artefacts protect from trolls and their influence illustrates an implicit conflict. One of the sacrificed symbols is a ringing bell. Asplund Ingemark shows the connection between both types of discourses based on the narratives she studied in her work *The Genre of Trolls*: 'The ringing of the church bells [...] might force the trolls to release abducted persons,' or 'if a church is erected so close to a troll dwelling that the inhabitants can hear it tolling, they move away' or 'the church bells may stir an abducted person from the enchantment, partially or completely.'¹³⁸ Luke Pearson shows all the sufferings of the troll vividly: 'Ding. DING! AAGH! Why is it so loud? That ringing in my ears. It won't stop! AAGHHH!'¹³⁹

Third, the co-existence results in no tension. Exactly this kind of an interaction completes the novel *Hildafolk*. After a combat between people and trolls inside the city walls 'trolls turned and left quietly [...]. From that day on [...] the night became known as 'the Night of the Trolls.' Every year on that date, once the sun has fallen, the gates are to be opened, the bells are to be silenced and the people of the mountain aloud to walk peacefully into Trolberg.' Also it is still mentioned that 'many are still fearful of the trolls...'¹⁴⁰ the idea of a peaceful co-existence is evident.

Here are several more examples of the bells as a holy weapon against the trolls. 'As soon as she [trolless] hear the sound of the bells, she grew furious and ran away again with all her might.'¹⁴¹ In other legends a giant/*jätte*/ogress/troll (as it is hard to distinguish due to instability of connotations and translations) either moved from its original dwelling

¹³³ Levi-Strauss, *Myth and Meaning*, 1.

¹³⁴ Asplund Ingemark, "Legends of Trolls and the Bible," 10.

¹³⁵ Asplund Ingemark, "The Genre of Trolls," 118.

¹³⁶ *Scandinavian Folk-Lore*, 45.

¹³⁷ Pearson. *Hilda and the Bird Parade*; Pearson, *Hilda and the Black Hound*; Pearson, *Hilda and the Stone Forest*; Pearson, *Hilda and the Mountain King*.

¹³⁸ Asplund Ingemark, "The Genre of Trolls," 119, 129.

¹³⁹ Pearson, *Hilda and the Mountain King*.

¹⁴⁰ Pearson, *Hilda and the Mountain King*.

¹⁴¹ *Scandinavian Folk-Lore*, 51.

because ‘in Borgås Mountain it was good to dwell, except for the cow with the great big bell’ or left its permanent place of living because ‘bells were brought into the ravine’ by building a church ‘as close to the canyon as possible’ with the bells ringing every Christmas.¹⁴²

4. Sunlight

‘By day, it’s nothing but a peculiar looking rock. But by darkness it takes the form of the fierce and powerful troll.’¹⁴³ There is common motif that trolls fear sunlight with its power to turn them into a rock. In some texts trolls explode with the dawn.¹⁴⁴ Therefore, dangerous encounters with troll-creatures happen at night whereas no threat exists during the day.

The attitude towards daylight along with the transformation and ringing bells is another specific trait illustrated by Luke Pearson. In *Hildafolk* the idea is shown by trolls’ inevitable metamorphosis. Whereas, a heroes’ fear of night encounters with trolls resulted into several rules in the novel: ‘The sun is low. You’re surely aware this place isn’t save for a you lady. [...] May I ask you what you’re doing all the way out beyond the wall so late in the day?’¹⁴⁵

The idea reflects a separation of survival needs while sharing common inhabitant areas. The existence of the boundary between the human territory, for example a farm, and the dwelling of supernatural beings means the usage of the same resources. They are restricted but the inhabitants of both realms need them to survive. This belief was especially relevant to pastures and outer edges of forests. Therefore, it was needed to define ‘the “outer” wilderness’ usage as they were ‘resource-rich zone.’ ‘Spatial and temporal coherence’ must have been created.¹⁴⁶ But as that boundary was blur and those zones could be used by both the human and the supernatural a usage of resources was restricted for people by daylight and for the otherworld by night. In other words, regulations were set not by the territory but by the time. Here comes ‘a system of working in shifts.’¹⁴⁷

However, it is noticeable that trolls became fully night creatures because of the Christian restrictions towards communicating with diseased ancestors. People were prohibited to ‘sit out and wake up a troll’ ‘in order to gain knowledge’ in twelfth and thirteenth centuries. Such esoteric practices were forbidden not only by the dogmas of a new religion but also stated in the several Norwegian Law codes. Therefore, the folk, especially peasants, used night time for following common pre-Christian customs not to be

¹⁴² Kvideland, Sehmsdorf, eds., *Scandinavian Folk Beliefs and Legends*, 310–311.

¹⁴³ Pearson, *Hilda and the Troll*.

¹⁴⁴ Asplund Ingemark, “The Genre of Trolls,” 127–128.

¹⁴⁵ Pearson, *Hilda and the Mountain King*.

¹⁴⁶ Laura Stark, *Peasants, Pilgrims and Sacred Promises*, 111, 123, 198.

¹⁴⁷ Asplund Ingemark, “The Genre of Trolls,” 87.

caught and prosecuted for witchcrafting. Finally, it resulted in the night life of trolls suffering from the first rays of dawn. However, according to several laws the night was also mentioned as a forbidden time for going out and communicating with ancestors¹⁴⁸ making trolls become hiding creatures even at night.

The process of trolls' transformation to the stone is vividly illustrated in *Hildafolk* but no allusions can be traced to the folk believes. Legends tell about a trolless that was captures by the sun: '...just as she reached the brow of the ridge, it happened at one and the same moment that day broke in the east, and the church-bells sounded in her ears. She turned into a stone.'¹⁴⁹ But there is no description of the metamorphosis with the view to the feelings of the trolls. People were not ready to identify themselves with the otherworld in order to describe the feelings on the contrary to the fictional narrative: 'There was a bright light and... it hurt and...'¹⁵⁰

Anyway, a severe suffering from the sun is often mentioned in the legends as well as the trolls' awareness of this threat. One trolless 'climbed down to the giant waiting in the sea as quickly as she could. But they had lingered too long. [...] [T]he sun rose out of the sea, and both the giant and the woman were turned to stone.'¹⁵¹ In *Hildafolk*, in its turn, a troll-woman warns Hilda when a girl being a troll tries to get out of the cave to the daylight: 'Please don't go out there.'¹⁵²

5. Changeling

'Hilda's mum was surprised to find her daughter was not in her bed. Instead, in her place, there was an odd-looking child that she didn't immediately recognise.'¹⁵³ While some trolls are big ugly creatures with big noses and even multiple heads others are short with an abnormally large head, especially if it is a changeling. A conception of changeling is a common one in all kinds of trolls' narratives. It also tends to be one of the most important motifs in folklore as it gave an explanation to the weird appearance and behaviour of the humans. It is remarkable that this motif can be found not only in Scandinavia and Finland but also in the Celtic world.¹⁵⁴ Luke Pearson being a British writer also uses it. Furthermore, changeling becomes one of the main drivers in his graphic novel series. Hilda is abducted by a troll-woman and a changeling appears instead of her. It looks like descriptions in legends and beliefs: a coarse 'little dumpy creature, with a big head, and little eyes as black as coal.'¹⁵⁵ In *Hildafolk* mother finds a short round-headed creature with

¹⁴⁸ Knutsen, Riisø "Trolls and Witches," 36, 37, 41.

¹⁴⁹ *Scandinavian Folk-Lore*, 48.

¹⁵⁰ Pearson, *Hilda and the Mountain King*.

¹⁵¹ Kvideland, Sehmsdorf, eds., *Scandinavian Folk Beliefs and Legends*, 313.

¹⁵² Pearson, *Hilda and the Mountain King*.

¹⁵³ Pearson, *Hilda and the Mountain King*.

¹⁵⁴ Asplund Ingemark, "The Genre of 'Trolls,'" 8.

¹⁵⁵ Kvideland, Sehmsdorf, eds., *Scandinavian Folk Beliefs and Legends*, 211; *Scandinavian Folk-Lore*, 106.

small black eyes being capable to pronounce only ‘BA-BA-BA.’¹⁵⁶ Therefore, not only appearance but also mental abilities coincide as a troll-child was distinguished in the legends ‘because it never learned to talk’¹⁵⁷ or refused to do so not to be discovered. However, not only children could be abducted but also adults were called *taken into the mountain* if a human suffered from a mental disease.

Using an image of supernatural beings was a obvious way to explain abnormal things in the child when the level of scientific knowledge was low. A little human was called a changeling if he/she possessed mental and ‘corporeal traits that were the object of derision in folk culture’¹⁵⁸ or had physical and physiological diseases and disorder.

Although in some narratives a changeling could look unusual, ‘the skin is said to have been like the back of an old frog,’ in other texts a mother couldn't distinguish it: ‘the human child is slightly taller than the troll child, but otherwise the two of them are impossible to differentiate.’¹⁵⁹ It reflects a notion of both associating and dissociating the changeling with the human family.

As the conception has its roots in pre-Christian times the idea of abduction is an additional illustration of trolls as opponents to the Us. When the boundaries are broken the confrontation is highlighted by using vivid images. Changeling is a construction that makes differences between people and trolls obvious from the very beginning, thus such dissimilarities are not always noticable. It shows that even newborns and children are somehow under the influence of the other world. And that influence is terrifying as changeling symbolises the will and victory of trolls but not people. There is always a trolless who initiates the exchange of a child. A process of abductions is usually described in such a way: ‘A woman was put into confinement. Then some troll folk came and exchanged her newborn child for one of theirs.’¹⁶⁰ In the Hilda’s case the changeling motif is represented also as a spell of a troll. A trolless mentioned that there ‘is no place for her [troll-child] at the best of times’ among her community and the human realm would be better for her.¹⁶¹ Hilda’s mother wants to return her daughter as soon as possible. But despite it she brings up a changeling with all her might.

According to the folk tradition, although the motif of abduction has its roots in the pagan past, the most reliable way to fight trolls is Christianity: ‘a woman who has been raising her own child as well as the offspring of the troll for many years’ is eager to return her own child and ‘effectuates a disconnection by ritually banishing the changeling.’¹⁶² A new religion gave an impulse to paraphrase old narratives and tell them through the lens

¹⁵⁶ Pearson, *Hilda and the Stone Forest*.

¹⁵⁷ Kvideland, Sehmsdorf, eds., *Scandinavian Folk Beliefs and Legends*, 211.

¹⁵⁸ Asplund Ingemark, “The Genre of Trolls,” 16.

¹⁵⁹ Asplund Ingemark, “The Genre of Trolls,” 102.

¹⁶⁰ Kvideland, Sehmsdorf, eds., *Scandinavian Folk Beliefs and Legends*, 208.

¹⁶¹ Pearson, *Hilda and the Mountain King*.

¹⁶² Asplund Ingemark, “The Genre of Trolls,” 125.

of a new doctrine. Thus it was said that changeling should have been baptized and it would either disappear at all or become an ordinary person. But in the narratives there was always a force that stopped people from doing this. More reliable way was to pretend that a human-mother wanted to hurt or kill the troll-child. The most common behaviour was to stand in front of the flame and swing the troll's baby like intending to throw it into the fire or mistreating it in some other disgusting way.¹⁶³ Therefore, a certain human behaviour forces the supernatural being return the child, hence sorcery vanishes. In Hilda's case the idea is transformed and looks vice versa as children's exchange is not the result of the combating the sorcery but an initial point: 'simply returning them [children] to their true mothers must have brought the spell full-circle.'¹⁶⁴

The changeling motif shows an ambiguity in human and supernatural beings' interactions. They always remain ambivalent never being only negative or only positive. Although in some parts of Scandinavia trolls are considered to be a threat and are called in abusive terms while in other a perception of trolls is nuanced, more variable and less concrete, the idea of abduction is in focus. Its symbolic role stands for 'manifestations of a more general cultural pattern.'¹⁶⁵ For example, according to the analysis of the childhood in the Old Norse (in mediaeval Icelandic sagas) children can act as others themselves. They are depicted as 'the eerie and slightly frightening beings whose motives and fears are unrepresented in the texts and unknown to the audience.'¹⁶⁶ Therefore, representation of a changeling in *Hildafolk* is a reflection of a child in the adult's world by an awkward blue-haired girl Hilda.

Conclusion

All the five peculiarities of trolls are reflected by Luke Pearson according to his ideas and drives and possess close connection with Old Norse narratives. Such connection is either visible (explicit links) or only suspect and speculative (implicit references) but still traceable. The corpus of traits that are used in *Hildafolk* were influenced, or inspired or even provided, by Scandinavian folk narratives, Old Norse myths and mediaeval texts from Northern Europe. The narratives were compiled according to the author's interpretation, subjective mental model and dominating discourses.

However, there are units that could be determined as a base for the novel. These are the primary genres reflected in legends and beliefs as multiple modes of a verbal expression. Although they were written down only in the nineteenth century they are still considered to be a reflection of far more old vernacular traditions and customs.

¹⁶³ Kvideland, Sehmsdorf, eds., *Scandinavian Folk Beliefs and Legends*, 209, 211; Asplund Ingemark, "The Genre of Trolls," 131.

¹⁶⁴ Pearson, *Hilda and the Mountain King*.

¹⁶⁵ Asplund Ingemark, "The Genre of Trolls," 16.

¹⁶⁶ Jakobsson, "Viking Childhood," 294.

They can be called predominant sources for the intertextual net of *Hildafolk*. Among such narratives those about trolls are of the great importance as these supernatural beings play a vital role in the novel.

The image of trolls in *Hildafolk* is ambiguous and inherently unstable, moving from Norwegian traits in physical and behavioural peculiarities to Swedish descriptions of peaceful and friendly creatures. *Hildafolk* is a fictional world created in a fictional discourse. Therefore, it's more relevant to find prototypes not in other fictional worlds of complicated genres but go directly to the bottom level where descriptions are 'both fictitious and based on experience.'¹⁶⁷ Whereas folktales, for example, being a secondary genre not only possess a certain number of primary units but also show a proper behaviour that should conduct people in interpersonal communication. Thus the perception of the trolls' image evidenced in the primary genres is more tangible than that in other oral sources. Legends and beliefs are absorbed, combined, transformed and finally form the intertextual universe becoming naturalised parts of *Hildafolk*.

A general definition describes trolls as solitary or collective supernatural beings; inhabiting mountains or woods; being big, ugly and creepy or humanlike and even beautiful; functioning as antagonists to humans or becoming helpers.¹⁶⁸ Trolls that inhabit Hilda's world possess most of these traits, even controversial ones.

Allusions that can be traced in the novel are primary implied by such sources as *Scandinavian Folk-Lore*,¹⁶⁹ *Scandinavian Folk Beliefs and Legends*¹⁷⁰ as well as to folklore narratives analysed by Camilla Asplund Ingemark¹⁷¹. Obviously the image of trolls is not narrowed by these narratives. They are mentioned just to illustrate a general interaction between a fully fictional modern text and those of the recent and distant past through the network of allusions and references as 'the troll is much older and has changed through the centuries.'¹⁷² The image depicts a transformation of more than nine centuries having its roots in the pagan past and going through Christianisation, Reformation, Enlightenment, folkloric researches and revival in contemporary mass-media.

Anyway, both in an old narrative and in a modern children book the realm of trolls is not an appropriate place for people¹⁷³, however, some kind of interaction is acceptable. Luke Pearson's heroin Hilda is a girl who is constantly finding not 'proper friends'¹⁷⁴ among supernatural beings evoked by 'subtle magical power of words'¹⁷⁵ from national beliefs and

¹⁶⁷ Asplund Ingemark, "The Genre of Trolls," 14.

¹⁶⁸ Jakobsson, "The Trollish Acts of Þorgrímur the Witch," 54; Jakobsson, *The Troll inside You*, 17; Asplund Ingemark, "The Genre of Trolls," 7–9.

¹⁶⁹ *Scandinavian Folk-Lore*, 41, 45, 48, 51, 56, 59, 62.

¹⁷⁰ Kvideland, Sehmsdorf, eds., *Scandinavian Folk Beliefs and Legends*, 206, 208–212, 299, 311–313.

¹⁷¹ Asplund Ingemark, "The Genre of Trolls," 95, 102, 119, 125, 127–128, 129.

¹⁷² Knutsen, Riisø "Trolls and Witches," 33.

¹⁷³ Asplund Ingemark, "Legends of Trolls and the Bible," 10.

¹⁷⁴ Pearson, *Hilda and the Midnight Giant*.

¹⁷⁵ Valk, Sävborg "Place-Lore, Liminal Storyworld and Ontology of the Supernatural," 7.

adopted by a cartoonist. Legends, as well as myths, are infinite. Therefore, it is obvious that writers are ready to use them as an inspiration or even as a main motif in their novels. Trolls are reflected in a vast amount of the Old Norse and contemporary modern narratives and make them perfect images to choose from and borrow as Luke Pearson does.

List of secondary sources

Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1986. — 445 с.

Левкиевская, Е. Е. Мифологический персонаж: соотношение имени и образа // Е. Е. Левкиевская // Славянские этюды : сборник к юбилею С. М. Толстой / редкол.: Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская (отв. ред.), А. А. Плотникова. — Москва : Индрик, 1999. — С. 243–257. — URL: <https://inslav.ru/publication/slavyanskietudy-sbornik-k-yubileyu-s-m-tolstoy-m-1999>. — (08.12.2021).

Лосев, А. Ф. Диалектика мифа // Лосев, А. Ф. Миф. Число. Сущность / А. Ф. Лосев. — Москва : Мысль, 1994. — С. 5–216.

Пропп, В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. — Изд. 2-е. — Москва : [Наука], 1969. — 168 с.

Шабунина, Д. С. Мифологический полифонизм в цикле романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере / Д. С. Шабунина // Коммуникативные аспекты языка и культуры : сб. материалов XII Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, г. Томск, 16–18 мая 2012 г. — Томск : Изд-во ТПУ, 2012. — Ч. 1. — С. 281–284. — URL: <https://www.lib.tpu.ru/fulltext/c/2012/C77/V1/069.pdf>. — (09.12.2021).

Штоль, Н. В. Германо-Скандинавские мифологические прототипы ключевых персонажей легендарного Дж. Р. Р. Толкина / Н. В. Штоль // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация : сб. науч. трудов [Электронный ресурс]. — Москва : КДУ ; Добросвет, 2018. — Вып. 2. — URL: https://bookonline.ru/lecture/14-germano-skandinavskie-mifologicheskie-prototipy-klyuchevyh-personazhey-legendariuma-6?search_text=shtoll. — (09.12.2021).

Allen, G. Intertextuality / G. Allen. — London : Routledge, 2011. — 244 p.

Asplund Ingemark, C. The Genre of Trolls : the Case of a Finland-Swedish Folk Belief Tradition : diss. / Camilla Asplund Ingemark — Åbo, 2004. — 320 p. — URL: https://www.researchgate.net/publication/305775779_The_Genre_of_Trolls_The_Case_of_a_Finland-Swedish_Folk_Belief_Tradition. — (07.12.2021).

Asplund Ingemark, C. Legends of Trolls and the Bible / C. Asplund Ingemark // Elore. — 2005. — Vol. 12, no. 2 (December). — P. 1–15.

Bakhtin, M. M. Speech Genres and Other Late Essays / M. M. Bakhtin ; transl. by V. W. McGee ; ed. by C. Emerson and M. Holquist. —

Austin : University of Texas Press, 1986. — 177 p. — URL: <https://archive.org/details/SpeechGenresAndOtherLateEssays>. — (07.12.2021).

Barthes, R. Image — Music — Text / R. Barthes ; transl. by S. Heath. — London : Fontana, 1977. — 220 p.

Bence, P. Nordic and Germanic Myths and Legends in the Work of J. R.R. Tolkien : undergraduate thesis / Petra Bence. — Osijeku, 2014. — <https://repozitorij.ffos.hr/islandora/object/ffos:1487>. — (07.12.2021).

Carnell, C. S. Bright Shadow of Reality : Spiritual Longing in C. S. Lewis / C. S. Carnell. — Grand Rapids (MI) ; Cambridge (UK) : William B. Eerdmans Publishing Co., 1999. — 180 p.

Grant, T. A Problem of Giant Proportions / T. Grant // Gripla. — 2019. — Vol. XXX. — Bls. 77–106. — URL: <https://gripla.arnastofnun.is/index.php/gripla/article/view/97>. — (07.12.2021).

Heide, E. Contradictory Cosmology in Old Norse Myth and Religion — but Still a System? / E. Heide // Maal og Minne. — 2014. — Vol. 106, no.1 (June). — S. 102–143. — URL: <http://ojs.novus.no/index.php/MOM/article/view/226>. — (07.12.2021).

Härcher, C. Myths in “Harry Potter” : How Joanne K. Rowling Uses Real Mythology in Her Novels : term paper / Cindy Härcher. — University of Bayreuth, 2014. — 20 p. — URL: <https://www.grin.com/document/307971>. — (07.12.2021).

Jakobsson, Á. Where do the Giants Live? / Á. Jakobsson // Arkiv för nordisk filologi. — 2006. — Vol. 121. — S. 101–112. — URL: <https://journals.lub.lu.se/anf/article/view/11748>. — (07.12.2021).

Jakobsson, Á. The Trollish Acts of Þorgrímr the Witch : the Meanings of Troll and Ergi in Medieval Iceland / Á. Jakobsson // Saga-Book. — 2008. — Vol. XXXII. — P. 39–68. — URL: https://www.academia.edu/1348105/The_Trollish_Acts_of_%C3%9Eorgtr%C3%ADmr_the_Witch_The_Meanings_of_Troll_and_Ergi_in_Medieval_Iceland_Saga_Book_32_2008_39_68. — (07.12.2021).

Jakobsson, Á. The Taxonomy of the Non-existence : Some Medieval Icelandic Concepts of the Paranormal / Á. Jacobsson // Fabula. — 2013. — Vol. 54 (November). — P. 199–213. — URL: https://www.academia.edu/5527070/The_Taxonomy_of_the_Non_Existing_Some_Medieval_Icelandic_Concepts_of_the_Paranormal_Fabula_54_2013_199_213. — (07.12.2021).

Jakobsson, Á. Viking Childhood / Á. Jakobsson // Childhood in History / ed. by R. Aasgaard, C. Horn, O. M. Cojocar. — London : Routledge, 2017. — P. 199–213.

Jakobsson, Á. The Troll inside You : Paranormal Activity in the Medieval North / Á. Jakobsson. — Goleta (CA) : Punctum Books, 2017. — 240 p. — URL: https://www.academia.edu/32484922/The_Troll_Inside_You_Paranormal_Activity_in_the_Medieval_North_Punctum_Books_2017. — (07.12.2021).

Khoddam, S. Balder the Beautiful : Aslan's Norse Ancestor in *The Chronicles of Narnia* / S. Khoddam // *Mythlore : a Journal of J. R. R. Tolkien, C. S. Lewis, Charles Williams, and Mythopoetic Literature*. — 1999. — Vol. 22, no. 3. — P. 66–76. — URL: <https://dc.swosu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1350&context=mythlore>. — (07.12.2021).

Knutsen, G. W. Trolls and Witches / G. W. Knutsen, A. I. Riisø // *Arv : Nordic Yearbook of Folklore*. — Uppsala : The Royal Gustavus Adolphus Academy, 2007. — Vol. 63. — P. 31–69. — URL: <https://kga.bokorder.se/en-us/download/3aca9605-9b83-4bfd-8ef4-d07b3867b9fd>. — (08.12.2021).

Koski, K. The Legend Genre and Narrative Registers / K. Koski // *Genre — Text — Interpretation : Multidisciplinary Perspectives on Folklore and Beyond* / ed. by K. Koski and Frog with U. Savolainen. — Helsinki : SKS, 2016. — P. 113–136. — (*Studia Fennica Folkloristica* 22). — URL: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/31124>. — (08.12.2021).

Kristeva, J. *The Kristeva Reader* / J. Kristeva ; ed. by T. Moi. — New York : Columbia University Press, 1986. — 328 p.

Kristeva, J. *Word, Dialogue, and Novel* // Kristeva, J. *Desire in Language : a Semiotic Approach to Literature and Art* / J. Kristeva ; ed. by L. S. Rodiez ; transl. by N. Gora, A. Jardine, and L. S. Rodiez. — New York : Columbia University Press, 1980. — P. 64–91.

Lévi-Strauss, C. *Myth and Meaning* / C. Lévi-Strauss. — Toronto : University of Toronto Press, 1978. — 64 p.

Lindow, J. *Trolls: an Unnatural History* / J. Lindow. — London : Reaktion Books, 2014. — 160 p.

Ó Giollain, D. People, Nation and “Combative Literatures”: Baltic, Celtic and Nordic Configurations of Folklore / D. Ó Giollain // *Storied and Supernatural Places : Studies in Spatial and Social Dimensions of Folklore and Sagas* / ed. by Ü. Valk, D. Sävborg. — Helsinki : SKS, 2018. — P. 256–268. — (*Studia Fennica Folkloristica* 23). — URL: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/29738>. — (07.12.2021).

Patterson, N.-L. *Narnia and the North : the Symbolism of Northernness in the Fantasies of C. S. Lewis* / N.-L. Patterson // *Mythlore : a Journal of J. R. R. Tolkien, C. S. Lewis, Charles Williams, and Mythopoetic Literature*. — 1976. — Vol. 4, no. 2. — P. 9–16. — URL: <https://dc.swosu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1550&context=mythlore>. — (08.12.2021).

Pearson, L. “I Wanted a Character Who Was Very Positive” : an Interview with Luke Pearson / L. Person ; interview by C. Mautner // *The Comics Journal*. — 2014. — September 19. — URL: <https://www.tcj.com/i-wanted-a-character-who-was-very-positive-an-interview-with-luke-pearson/>. — (08.12.2021).

Pearson, L. Luke Pearson and George O’Conner discuss Hildafolk / L. Pearson ; interview by G. O’Conner. Strand Book Store, May 6, 2014 // YouTube [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PMDTOfk7WAY>. — (08.12.2021).

Pearson, L. Q & A with Luke Pearson / L. Pearson ; interview by D. Wagstaff // *The Casual Optimist : Books, Design and Culture* [Электронный ресурс]. — 2013. — September 25. — URL: <http://www.casualoptimist.com/blog/2013/09/25/q-a-with-luke-pearson/>. — (09.12.2021).

Pearson, W. *Beowulf the Jute; His Life and Times : Angles, Saxons and Doubts* / W. Pearson. — S. l. : Xlibris, 2017. — 732 p.

Šerešová, L. *Norse Mythology References in “Harry Potter” : essay* / L. Šerešová. — Leipzig : Universität Leipzig, 2016. — 13 p. — URL: <https://www.grin.com/document/345533>. — (09.12.2021).

Šerešová, L. *The Use of Mythological Elements in “The Chronicles of Narnia” by C. S. Lewis : master’s thesis* / L. Šerešová. — Leipzig : Universität Leipzig, 2017. — 63 p. — URL: <https://www.grin.com/document/377232>. — (09.12.2021).

Stark, L. *Peasants, Pilgrims and Sacred Promises : Ritual and the Supernatural in Orthodox Karelian Folk Religion* / L. Stark. — Helsinki : SKS, 2002. — 229 p. — (*Studia Fennica Folkloristica* 11). — URL: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/32110>. — (09.12.2021).

Strenski, I. *Malinowski and the Work of Myth* / I. Strenski. — Princeton (NJ) : Princeton University Press, 2014. — 216 p.

Tarkka, L. *The Poetics of Quotation : Proverbial Speech, Entextualization and the Emergence of Oral Poems* / L. Tarkka // *Genre — Text — Interpretation : Multidisciplinary Perspectives on Folklore and Beyond* / ed. by K. Koski and Frog with U. Savolainen. — Helsinki : SKS, 2016. — P. 175–199. — (*Studia Fennica Folkloristica* 22). — URL: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/31124>. — (08.12.2021).

Tarkka, L. *Transformations of Epic Time and Space: Creating the World’s Creation in Kalevala-metric Poetry* / L. Tarkka // *Oral Tradition*. — 1996. — Vol. 11, issue 1. — P. 50–84. — URL: https://journal.oraltradition.org/wp-content/uploads/files/articles/11i/8_tarkka.pdf. — (09.12.2021).

Travel Destination Iceland : Íslandsstofa : Survey in European Markets : April 2015 // Íslandsstofa [Электронный ресурс] — URL: https://www.islandsstofa.is/media/1/islandsstofa_vidhorfskonnun_final.pdf. — (09.12.2021).

Troll // *Nationalencyklopedin online* [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ne.se/s%C3%B6k/?t=uppslagsverk&q=troll>. — (09.11.2021)

Valk, Ü. *Place-Lore, Liminal Storyworld and Ontology of the Supernatural : an Introduction* / Ü. Valk, D. Sävborg // *Storied and Supernatural Places : Studies in Spatial and Social Dimensions of Folklore and Sagas* / ed. by Ü. Valk, D. Sävborg. — Helsinki : SKS, 2018. — P. 7–24. — (*Studia Fennica Folkloristica* 23). — URL: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/29738>. — (07.12.2021).

Viðhorfsrannsókn um Ísland : Denmark, United Kingdom and Germany : January 2011 // Íslandsstofa [Электронный ресурс]. — URL: https://www.islandsstofa.is/media/1/2011_dk_uk_ge_final_final.pdf. — (09.12.2021).

Wettstein, M. Old Norse Elements in the Work of J. R. R. Tolkien / M. Wettstein // Academia.edu [Электронный ресурс]. — URL: https://www.academia.edu/228734/Norse_Elements_in_the_work. — (09.12.2021).

Young, R. “It Sounds Like Magic, But It’s Not” : Many Icelanders Believe In Elves / R. Young, K. Miller-Medzon // Wbur [Электронный ресурс]. — 2019. — December 24. — URL: <https://www.wbur.org/hereandnow/2019/12/24/iceland-elves>. — (09.12.2021).

ПУБЛИКАЦИИ
PUBLICATIONS

ПЕТРОВ Павел Владимирович / PETROV Pavel

Государственный музей-заповедник «Петергоф» / Peterhof Museum-Reserve
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg
kbf1939@rambler.ru

ДОКУМЕНТЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАЗВЕДКИ ВОЕННО-МОРСКОЙ БАЗЫ ПОРККАЛА-УДД В СЕНТЯБРЕ 1944 — СЕНТЯБРЕ 1945 ГОДОВ

DOCUMENTS ON THE INTELLIGENCE ACTIVITIES OF THE PORKKALA- UDD NAVAL BASE IN SEPTEMBER 1944 — SEPTEMBER 1945

Abstract: Documents of the Intelligence Division of the Porkkala-Udd Naval Base Headquarters from the Archives of the Navy (the branch of the Central Archives of the Russian Ministry of Defense) are published. They cover the period September 1944 to September 1945 (i. e. the first year of the base's existence) and show some aspects of the Intelligence Division's activities.

Ключевые слова / Keywords: Советско-финляндская война, Финляндия, СССР, Порккала-Удд, разведка / Soviet-Finnish war, Finland, USSR, Porkkala-Udd, intelligence

История формирования, строительства и деятельности советской военно-морской базы на территории Финляндии, в Порккала-Удд, в 1944–1956 гг. вплоть до недавнего времени являлась практически закрытой темой, совершенно не освещавшейся в отечественной военной литературе. Данное обстоятельство объясняется тем, что большинство документов Штаба военно-морской базы Порккала-Удд, хранящихся в Филиале Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (Архиве Военно-Морского Флота, г. Гатчина), длительное время являлись секретными и были недоступны для историков. И лишь в 1990–2000-х годах эти материалы стали выдаваться исследователям, поэтому появилась возможность ввести их в научный оборот.

В сентябре 1944 г. Финляндия решила выйти из войны, в которой она участвовала на стороне Германии, и запросила у СССР перемирия. В ходе напряжённых советско-финских переговоров об условиях перемирия, которые велись в Москве с 14 по 19 сентября 1944 г., советская делегация поставила вопрос о передаче полуострова Порккала-Удд в аренду Советскому Союзу, для устройства там военно-морской базы. Данный вопрос оказался крайне болезненным для финской стороны, которая даже стала предлагать в качестве равноценной замены полуостров Ханко, взятый в аренду СССР в марте 1940 г. По словам главы финской делегации К. Энкеля, *«передача Порккала-Удд будет открытой раной на теле Финляндии, которая никогда не заживет»*¹. Однако советская делегация в лице В. М. Молотова заняла в этом вопросе жёсткую позицию, ссылаясь на требования военных в этом вопросе, а британские представители поддержали её, поэтому

¹ Цит. по: Куликов А. И. В сентябре 1944 года. Советско-финляндские переговоры о перемирии (по протокольным записям) // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 93.

в итоге финская делегация была вынуждена уступить советскому требованию². По соглашению о перемирии от 19 сентября 1944 г., Советский Союз в обмен на отказ от своих прав на аренду полуострова Ханко получил право создать в районе Порккала-Удд на правах аренды свою военно-морскую базу сроком на 50 лет. Данная база позволяла контролировать вход в Финский залив и в случае необходимости создать здесь минно-артиллерийскую позицию, опирающуюся на береговые артиллерийские батареи острова Найссаар и района Порккалы.

В связи со срочным заданием Правительства СССР, уже 19 сентября 1944 г. командующий Краснознаменным Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц предложил начальнику Главного морского штаба ВМФ вице-адмиралу В. А. Алафузову следующее: *«В Порккалауддском районе создать сектор береговой обороны в составе двух артиллерийских дивизионов: а) финские батареи, которые должны быть переданы флоту (предположительно, 305-мм, 203-мм, две 152-мм); б) дополнительно выделяемые от береговой обороны флота пять батарей — трехорудийная 130-мм, трехорудийная 127-мм и три четырехорудийных 45-мм противокатерной обороны. Корабельный состав специально не намечать (будет выделяться из состава Таллинского морского оборонительного района, в состав которого включить сектор береговой обороны Порккала-Удда). Для сухопутной и противодесантной обороны района Порккалаудда необходимо получить две стрелковые дивизии. Для непосредственной обороны островов, где будут находиться батареи береговой обороны, иметь два отдельных пулеметно-артиллерийских батальона, которыми флот не располагает»³.*

Согласно приказу начальника Штаба КБФ, военно-морская база Порккала-Удд должна была решать следующие боевые задачи: 1) осуществлять оборону центральной минной позиции, дабы не допустить прорыва морем надводных и подводных сил противника в Финский залив; 2) быть готовой в качестве плацдарма к приёму войск для развертывания активных действий на сухопутном направлении; 3) во взаимодействии с находящейся в ее подчинении военно-морской комендатурой Хельсинки обеспечивать временное базирование и оперативное развертывание кораблей КБФ, погрузку и разгрузку транспортов. Кроме того, под наблюдением базы Порккала-Удд должно было производиться движение транспортов и военных кораблей по шхерной коммуникации Стокгольм — Турку — Улко-Таммио — Таллин⁴.

21 сентября 1944 г. начальник ГМШ вице-адмирал В. А. Алафузов передал командующему КБФ адмиралу В. Ф. Трибуцу приказ наркома ВМФ адмирала флота Н. Г. Кузнецова, в котором говорилось о создании новой базы: *«На территории Порккала-Удд развернуть военно-морскую базу в следующем составе: отряд бронекатеров*

² Рентола К. Сталин и судьба Финляндии / Пер. с фин. М., 2020. С. 123. Куликов А. И. В сентябре 1944 года. С. 91–94.

³ Цит. по: Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море, Ладожском и Чудском озерах. Вып. 7 (19 июля — 31 декабря 1944 г.). М., 1951. С. 163.

⁴ Акимова Е. А. Военно-морская база Порккала-Удд в контексте международных отношений в Северной Европе // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной международной научной конференции (25–26 апреля 2001 г.). СПб., 2002. С. 103.

(пять катеров), два дивизиона малых охотников БМО, МО и сторожевых катеров типа КМ (25 катеров), дивизион тральщиков (девять тральщиков), два дивизиона катеров-тральщиков (19 катеров), кроме того, тралбаржи и их буксировщики, отряд транспортов (пять транспортов), сектор береговой обороны (дивизион железнодорожной артиллерии — четыре трехорудийные батареи 180–305-мм, дивизион стационарной артиллерии в составе батарей: трехорудийной 130-мм, одной трехорудийной 127-мм, четырех четырехорудийных 45-мм), бригада противовоздушной обороны в составе пяти зенитных артиллерийских дивизионов (76 стволов калибром 25–85 мм). Если финская береговая артиллерия района Порккала-Удда окажется исправной, то ее укомплектовать личным составом флота»⁵.

Уже 26 сентября в аэропорту Мальми возле Хельсинки приземлился самолет, на котором прибыла оперативная группа командиров Краснознаменного Балтийского флота — всего 33 человека, возглавляемая комендантом сектора береговой обороны Кронштадтского морского оборонительного района полковником Д. И. Терещенко. Опергруппа должна была заняться предварительной рекогносцировкой района базы, составлением на месте предварительной схемы дислокации соединений и частей, а также обеспечением встречи соединений и частей, прибывавших в Порккала-Удд. 2 октября в Порккалу пришли первые советские корабли — десантные баржи «СБ-2» и «СБ-3», имевшие на борту грузы для новой базы (3,5 тысячи тонн), и сторожевые корабли «Буря» и «Туча». Командиром ВМБ Порккала-Удд был назначен капитан 1 ранга Н. В. Антонов⁶. В организационном отношении новая военно-морская база входила в состав Таллинского морского оборонительного района (ТМОР) Краснознаменного Балтийского флота.

Чтобы освободить и передать территорию Порккалы-Удд под советскую военно-морскую базу, финской стороне пришлось в срочном порядке, в течение 10 дней, провести эвакуацию местных жителей сразу трёх коммун — Киркконумми, Сиунтио и Дегербю, с общей территорией в 380 км². Почти 7300 человек были вынуждены спешно покинуть свои дома, оставив там большую часть своего имущества. Поскольку это был развитый сельскохозяйственный район, финским жителям пришлось спешно собрать урожай и перегнать оттуда свыше 8 тысяч голов скота⁷.

В результате быстрого формирования советской военно-морской базы Порккала-Удд, в её состав к 1 декабря 1944 г. входили следующие воинские части и подразделения: штаб базы, комендатура, политотдел, сектор береговой обороны, 403-я рота связи, 696-я саперная рота, 14-й отдельный артиллерийский дивизион в составе 2-х орудийной 305-мм батареи № 374 и двух 4-х орудийных 45-мм батарей

⁵ Цит. по: Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море, Ладожском и Чудском озерах. Вып. 7 (19 июля — 31 декабря 1944 г.). С. 171–172.

⁶ Porkkala — Tapahtumien keskellä / toim. J. Nieminen. Helsinki, 2009. S. 90, 110, 125.

⁷ Геуст К.-Ф. Советская военно-морская база Порккала-Удд в Финляндии (1944–1956 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Одиннадцатой ежегодной международной научной конференции (1–2 апреля 2009 г.). СПб., 2010. С. 186–187.

на острове Макилуото, 115-й отдельный артиллерийский дивизион в составе 3-х орудийной 127-мм батареи № 127 на острове Хёстэ, 4-х орудийной 45-мм батареи № 159 на мысе Упинниemi и 4-х орудийной 45-мм батареи № 411 на острове Стора Брандэ, 11-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона в составе трёх 4-х орудийных 76-мм зенитных батарей №№ 729, 730 и 955, а также 124-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона в составе трёх 4-х орудийных 76-мм зенитных батарей №№ 792, 821 и 822. На территории базы также разместились дивизия морской пехоты, включавшая в себя три полка морской пехоты, артиллерийский полк, танковый полк, два орудийно-пулеметных батальона и ряд более мелких подразделений общей численностью 10400 человек. Весь личный состав военноморской базы Порккала-Удд составлял 16098 человек, кроме того на её территории работали строительные батальоны в количестве 22000 человек⁸.

Помимо береговых артиллерийских и сухопутных частей, в состав военноморской базы Порккала-Удд постоянно входили также и корабельные силы флота. В частности, в 1949 г. здесь базировались монитор «Выборг» (бывший финский броненосец береговой обороны «Вяйнемейнен»), канонерская лодка «Пионер», 20 морских бронекатеров проекта 186, 5 морских бронекатеров проекта 161, 2 десантных корабля, 11 тральщиков и 17 торпедных катеров типа «Д-3»⁹.

Строительство советской ВМБ шло достаточно неравными темпами, поскольку было тесно связано с политической обстановкой в Балтийском регионе. Если в 1944–1946 гг. строительство оборонительных сооружений и расширение инфраструктуры военноморской базы Порккалы-Удд двигалось медленными темпами, то, с 1948 г. ассигнования на строительство базы резко увеличились. Это было связано с обострением политической обстановки в условиях разраставшейся «холодной войны» между СССР и странами Запада¹⁰. В результате всего на территории военноморской базы было построено 784 полевых фортификационных укрепления, 150 береговых противодесантных сооружений и 90 зенитных огневых позиций, а также 31,4 км проволочных заграждений¹¹. Однако с начала 1950-х гг., когда взаимоотношения СССР с Финляндией перешли на качественно новый уровень, необходимость в существовании базы Порккала-Удд постепенно стала уменьшаться.

В 1955 г. советское политическое руководство взяло курс на ликвидацию военноморской базы Порккала-Удд. Этому способствовала твёрдая уверенность первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва в том, что в современных условиях ракетно-ядерное оружие способно решить все боевые задачи, а потому наличие подобных баз не имеет большого военного значения. 19 сентября 1955 г., в ходе проведения советско-финляндских переговоров в Москве с участием президента

⁸ Porkkala — Tapahtumien keskellä. S. 115–117.

⁹ Ibid. S. 122.

¹⁰ Акимова Е. А. Военно-морская база Порккала-Удд в контексте международных отношений в Северной Европе. С. 105–106.

¹¹ Porkkala — Tapahtumien keskellä. S. 123.

Финляндии Ю. К. Паасикиви, премьер-министра У. Кекконена и Н. С. Хрущёва, было подписано соглашение о ликвидации военно-морской базы Порккала-Удд в обмен на соглашение о продлении на 20 лет Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Советским Союзом и Финляндией. В соответствии с заключенным соглашением, осенью 1955 г. на территории базы производился демонтаж установленного там за 11 лет вооружения и оборудования, а также уничтожались 228 долговременных оборонительных сооружений. Наконец, 26 января 1956 г. в Хельсинки состоялось подписание заключительного протокола о передаче СССР Финляндии территории Порккала-Удд. В этот день бывшую военно-морскую базу покинули последние советские корабли с имуществом базы, и территория полуострова была возвращена Финляндии¹².

Вниманию читателей представлены отдельные документы Разведывательного отдела Штаба военно-морской базы Порккала-Удд, хранящиеся в фонде № 3632 Филиала Центрального архива Министерства обороны РФ (Архива Военно-Морского Флота, г. Гатчина). Документы датированы сентябрем 1944 — сентябрем 1945 гг. и показывают некоторые из сторон деятельности Разведывательного отдела Штаба военно-морской базы Порккала-Удд Краснознамённого Балтийского флота в первый год её деятельности. Необходимо подчеркнуть, что публикуемый материал далёк от полного и всеобъемлющего показа работы советской морской разведки в последние месяцы Великой Отечественной войны в Балтийском регионе, поскольку её деятельность была намного шире и разнообразней, а в каких-то случаях — даже изобретательней.

¹² Porkkala — Tapahtumien keskellä. S. 123–124, 129–139.

Документ № 1

НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ВМБ ПОРККАЛА-УДД

Капитану 3 ранга тов. Зыбайло

ЗАДАНИЕ

НА РАЗВЕДКУ НА ОКТЯБРЬ МЕСЯЦ 1944 г.

1. Отработать организацию войсковой разведки на базе.
2. Снабдить корабли, посты и нижестоящие штабы необходимыми пособиями по разведке — инструкциями, наставлениями по организации и ведению разведки, составлению отчетов и донесений, справочниками, силуэтами кораблей и самолетов противника.
3. Организовать взаимодействие и порядок информации по линии разведки с соседними частями /ВВС КБФ, Эскадра КБФ, БПЛ¹³, БТКА¹⁴ и т. д./.
4. Организовать систематическое изучение противника на театре по материалам РО¹⁵ ШКБФ.
5. Изучить систему и организацию ПДО¹⁶, БО¹⁷, ПВО¹⁸ противника до передачи ПОРККАЛА-УДД Вашей базе.
6. Уточнить данные по оборудованию театра МЗ–М¹⁹, сетями ПЛО²⁰, навигационным оборудованием на рубеже Нарген–Порккалан–Калибода.
7. Вскрыть позиции и характер деятельности ПЛ ПЛ²¹ противника и следить за их изменением в районе Вашей оперативной зоны.

К 31.10 по всем вышеуказанным пунктам представить мне через Начальника РО ШКБФ подробный отчет со схемами, указаниями и другими документами, разработанными на базе.

Зам. начальника ШТАБА КБФ

Капитан 1 ранга /Ладинский²²/

¹³ Бригада подводных лодок.

¹⁴ Бригада торпедных катеров.

¹⁵ Разведывательный отдел.

¹⁶ Противодесантная оборона.

¹⁷ Береговая оборона.

¹⁸ Противовоздушная оборона.

¹⁹ Морское минное заграждение.

²⁰ Противолодочная оборона.

²¹ Подводная лодка.

²² Ладинский Юрий Викторович (1905–1983). Контр-адмирал. Начальник 1-го отделения 1-го отдела Управления военно-морских учебных заведений (февраль — июль 1941), в распоряжении Военного совета КБФ (июль — декабрь 1941), флаг-штурман Восточной позиции и Штаба минной обороны (июль — август 1941), начальник Штаба Охраны водного района КБФ (сентябрь — декабрь 1941), командир Охраны водного района КБФ (декабрь 1941 — декабрь 1943), начальник оперативного отдела — заместитель начальника Штаба КБФ (декабрь 1943 — март 1945),

Врид. начальника РО ШКБФ

Капитан 3 ранга /Лебедев²³/

Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 3632. Оп. 1. Д. 153. Л. 6.
Подлинник.

Документ № 2

№ 01/30

Секретно

31.10.44. Штаб ПУС БО

экз. № 1

НАЧАЛЬНИКУ РО ШТАБА ВМБП²⁴

В соответствии с выполнением задач, поставленных по разведке на октябрь,
доношу:

I. БО финнов на островах и побережье Порккала-Удд.

а/ Остров Макилуото — БО острова состояла из:

1/ Одной 305 мм двухорудийной башни²⁵ с круговым обстрелом. Вторая башня находилась в стадии постройки /закончены на 90% бетонные работы/. Установка матчасти не начата. Расстояние между башнями 86,5 м.

Основная задача, стоящая перед батареей, сводилась, вероятно, к борьбе с крупными кораблями на подходах к Свеаборгу²⁶ /Хельсинки/²⁷, а также контролировать вход и выход кораблей в узкой части Финского залива между Порккала-Удд–Таллин.

2/ Четырехорудийная 152 мм батарея в южной части острова. Батарея финнами снята и увезена.

Директриса стрельбы около 180°. Основной задачей батареи следует считать обеспечение стоянки кораблей в порту Хельсинки и контроль в узкой части ФЗ.

начальник Штаба Кронштадтского морского оборонительного района (март — декабрь 1945). С 1966 г. в запасе.

²³ Лебедев Евгений Николаевич (1914–?). Капитан 1 ранга. С июля 1941 по апрель 1942 гг. — штурман дивизиона тральщиков Отряда траления КБФ, с мая 1942 по декабрь 1943 гг. — офицер по информации Разведотдела КБФ, с декабря 1943 по апрель 1944 гг. — начальник 2-го отделения РО КБФ, с апреля 1944 по декабрь 1947 гг. — заместитель начальника отдела и начальник 1-го отделения РО КБФ. С 1962 г. в запасе.

²⁴ Военно-морская база Порккала-Удд.

²⁵ Башенная двухорудийная 305-мм батарея была построена финнами на острове Макилуото в 1935 г. Дальность стрельбы орудий этой батареи составляла 42 км, что позволяло полностью перекрывать артиллерийским огнем Финский залив в районе Найссаар — Макилуото. Гарнизон батареи составлял 300 человек. Указанная финская береговая батарея вошла в состав формируемой советской военно-морской базы Порккала-Удд.

²⁶ Финское название — Суоменлинна.

²⁷ Имеется в виду район Хельсинки.

3/ Трехорудийной 203 мм батареи. По данным финских офицеров батарея в 1918 году подорвана русскими²⁸.

4/ Двух 47 мм и двух 20 мм пушек, решавших задачи ПКО²⁹ и ПВО.

5/ Проволочного заграждения /рогатки/, устанавливаемого финнами в зимнее время вокруг острова.

6/ Остров С. Трескен — БО острова состояла из:

1/ Трехорудийной 152 мм батареи, снятой финнами по их же данным в 1942 г. Батарея прикрывала южные и западный ФВК ФВК³⁰.

2/ Двухорудийной 120–152 мм батареи в западной части о-ва. По состоянию дворики батареи снята давно.

в/ Остров Реншер. БО острова состояла из 2-х орудийной 152-х мм батареи и 2-х учебных того же калибра пушек. Пушки сняты. В р-не о-ва в воде обнаружены 152 мм снаряды. Это дает основание предполагать, что пушки сняты недавно.

Все перечисленные батареи имели свои НП³¹ либо дальномерные посты.

На побережье п/о Порккала-Удд оборонительных сооружений не установлено, за исключением одного основания для 47–76 мм пушки на п/о Оббнес, м/ч снята. Установка в этом районе, вероятно, предназначалась с задачей ПДО.

Рядом с основанием установлен НП — деревянный, высотой около 6 метров. С НП хорошо просматривается вся юго-западная часть залива от о-ва Макилуото до о-ва Вурмэ.

БО района Порккала-Удд входила в состав бригады БО с управлением из Хельсинки /данные финских офицеров/.

II. НП НП дивизионов снабжены необходимыми документами и оборудованы приборами для наблюдения.

III. С личным составом постов, а также с офицерским составом частей и штаба организованы занятия в соответствии с планом БП³².

Начальник РО штаба сектора БО ВМБП

Старший лейтенант Манкевич³³

Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 3632. Оп. 1. Д. 153. Л. 7.
Подлинник.

²⁸ Имеется в виду эвакуация русского Балтийского флота из баз Финляндии зимой 1918 г.

²⁹ Противокорабельная (противокатерная) оборона.

³⁰ Фарватер военных кораблей.

³¹ Наблюдательный пост.

³² Боевой подготовки.

³³ Манкевич Анатолий Иванович (1918–?). Капитан-лейтенант. Начальник разведывательного отделения Штаба Кронштадтского сектора береговой обороны Кронштадтского морского оборонительного района КБФ (1943 — сентябрь 1944), начальник разведывательного отделения Штаба сектора береговой обороны военно-морской базы Порккала-Удд (сентябрь 1944–1945).

Документ № 3

30 ноября 1944 г.

Секретно

№ 765с

экз. № 2

Начальнику штаба войск ПВО КБФ
Начальнику разведотдела ВМБ Порккала-Удд

В связи с тем, что линия фронта находится на значительном удалении от боевого порядка дивизиона, действий авиация противника в районе ВМБ П/У не производила, т. е. в ноябре месяце не зафиксировано ни одного случая самолето-пролетов со стороны ВВС противника, а поэтому поставленные цели и задачи перед дивизионом по разведке практически выполнить не представилось возможным.

Начальник штаба 11 ОЗАД³⁴Капитан /Абакумов³⁵/

Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 3632. Оп. 1. Д. 153. Л. 17.

Копия.

Документ № 4

№ 01/65

Секретно

13.12.1944 г.

экз. № 2

Таблица
движения финских боевых кораблей в районе наблюдения
НП НП сектора за ноябрь 1944 года

№ п/п	Дата	Направление движения	Тип корабля	Кто обнаружил	Примечания
1.	10.11	С Хельсинки	6 катеров неопознанного типа	СНП 15 ОАД ³⁶	

³⁴ Отдельный зенитный артиллерийский дивизион.

³⁵ Абакумов Аркадий Титович (1913–?). Подполковник. Начальник штаба 82-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона 9-го зенитного артиллерийского полка Ленинградской военно-морской базы КБФ (1943–1944), начальник штаба 11-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона 70-го отдельного полка ПВО КБФ (1944–1945). Слушатель Училища Противовоздушной обороны Военно-Морских Сил (1945–1946).

³⁶ Отдельный артиллерийский дивизион.

2.	—“—	—“—	Катер «шюцкор» ³⁷	—“—	
3.	11.11	—“—	2 катера «шюцкор»	—“—	
4.	—“—	—“—	БКА № 3	КП 159	
5.	—“—	На Хельсинки	2 БКА ³⁸	—“—	
6.	12.11	—“—	БКА	—“—	
7.	17.11	На запад	КЛ ³⁹ «Уссимаа»	СНП	
8.	21.11	—“—	ТЩА ⁴⁰ «Рауго»	—“—	
9.	23.11	На Хельсинки	БКА	—“—	
10.	23.11	—“—	4 ТКА ⁴¹	—“—	

Таблица
продвижения финских ТР ТР и буксиров в районе наблюдения
НП НП сектора БО за ноябрь 1944 г.

№ п/п	Дата	Направление движения	Тип корабля	Кто обнаружил	Примечания
1.	17.11	Зюйд-Вест	Две шхуны	НП 411	
2.	—“—	Норд-Вест	Буксир	—“—	
3.	—“—	Зюйд-Вест	Транспорт	—“—	
4.	18.11	Зюйд-Вест	—“—	—“—	
5.	21.11	З-В	Два транспорта	—“—	
6.	—“—	Н-О	Транспорт	—“—	
7.	22.11	Н-О	Транспорт	—“—	
8.	23.11	З-В	Два транспорта и Буксир	—“—	
9.	—“—	З-В	Транспорт	—“—	
10.	—“—	З-В	—“—	—“—	
11.	26.11	Ост	Транспорт и шхуна	—“—	
12.	27.11	Н-О	Три транспорта	—“—	
13.	—“—	З-В	Два транспорта	—“—	
14.	28.11	З-В	Транспорт, шхуна, Буксир	—“—	
15.	—“—	Н-О	4 транспорта	—“—	
16.	29.11	Вест	Транспорт	НП 15 ОАД	
17.	—“—	Н-О	Шхуна, буксир	—“—	
18.	30.11	З-В	2 буксира, 2 шхуны	НП 411	

³⁷ Шюцкор (фин. *Suojeluskuunta*) — добровольная военизированная организация в Финляндии. Существовала в 1918–1944 гг. Включала свыше 100 тысяч человек. Располагала собственными военно-морскими силами (свыше 300 катеров разных типов). Распущена 6 ноября 1944 го.

³⁸ Бронекатер.

³⁹ Канонерская лодка.

⁴⁰ Тральщик.

⁴¹ Торпедный катер.

Всего за ноябрь прошло:

В сторону Хельсинки:	катеров	2
	транспортов	9
	буксиров	1
	шхун	1
В сторону Ханко:	транспортов	10
	катеров	10
	КЛ	1
	ТЦА	1
	буксиров	4
	шхун	5

Движение катеров в сторону Хельсинки и обратно, вероятно, связано с несением ДОЗК в районе Ханко.

Начальник РО штаба сектора БО ВМБП
Старший лейтенант /Манкевич/

Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 3632. Оп. 1. Д. 153. Л. 34–35.
Копия.

Документ № 5

Исх. № РО/036

Секретно

РО Штаба ВМБП

экз. № 2

23.XII.44 г.

Начальнику РО штаба ТМОР⁴²

Для изучения противника, его боевой деятельности и тактики офицерским составом частей и соединений ВМБП необходим материал по следующим вопросам:

1. Боевая деятельность финской армии в войне против СССР.
2. Боевая деятельность финского флота, действующего в Финском заливе /обобщенный материал/.
3. Тактические приемы и боевая деятельность авиации противника.

⁴² Таллинский морской оборонительный район. Включал в себя военно-морскую базу Порккала-Удд.

4. Описание финских оборонительных сооружений.

Прошу выслать вышеупомянутый материал.

Начальник РО штаба ВМБП
Капитан 3-го ранга /Чернышев/

Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 3632. Оп. 1. Д. 151. Л. 46.
Копия.

Документ № 6

№ 2481с

Секретно

1.08.1945 г.

экз. единственный

Справка

о посещении финского броненосца
«Вейнемейнен»⁴³

Я посетил финский броненосец «Вейнемейнен», который стоит у большого каменного пирса ВМБ финского флота Пансио два раза: один раз с контр-адмиралом Петровым⁴⁴, а второй раз с адмиралом Трибуц⁴⁵.

⁴³ Броненосец береговой обороны «Вяйнемейнен» (однотишный — «Илмаринен»). Корабль ВМС Финляндии. Заложен 15 октября 1929 г., спущен на воду 28 декабря 1930 г., вступил в строй 31 декабря 1932 г. Участвовал в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. и Войне-продолжении 1941–1944 гг. Согласно условиям Парижского мирного договора, был передан Советскому ВМФ в 1947 году. В 1947 г. в качестве монитора «Выборг» вошел в состав 104-й бригады шхерных кораблей 8-го ВМФ, в 1949 г. — в состав Кронштадтской военно-морской крепости, в 1955 г. — в состав Ленинградской военно-морской базы КБФ. Исключен из состава ВМФ СССР в 1966 г. — См.: *Петров П. В.* Броненосцы береговой обороны «Vainamoinen» и «Pmarine» // Тайфун. 2000. № 12. С. 23–27. *Niklander T.* Meidän panssarilaivamme. Helsinki, 1996.

⁴⁴ Петров Анатолий Николаевич (1903–1980). Вице-адмирал. В 1936–1941 годах командовал разными надводными кораблями КБФ, в том числе эсминцем «Киев» (1937–1938), лидером «Ленинград» (1938), линкором «Советский Союз» (1938–1939), крейсером «Максим Горький» (1939–1941). В 1941–1943 гг. — начальник оперативного отдела Штаба КБФ, в октябре 1943–1945 гг. — начальник Штаба КБФ. В 1945–1946 гг. помощник председателя Союзной контрольной комиссии в Финляндии. С июля 1946 г. командующий Кронштадтским морским районом, с апреля 1947 г. — начальник Штаба, первый заместитель командующего 8-м ВМФ, с сентября 1951 г. — командир Ленинградской военно-морской базы, с июля 1952 г. — заместитель начальника, затем начальник Военно-морской академии кораблестроения и вооружения имени А.Н. Крылова. С 1960 г. в запасе.

⁴⁵ Трибуц Владимир Филиппович (1900–1977). Адмирал. В 1926–29 гг. был старшим вахтенным начальником линкора «Парижская коммуна», в 1932–35 гг. — старшим помощником командира линкора «Марат», а в 1935–37 гг. — командиром эсминца «Яков Свердлов» КБФ. В 1936–1938 гг. — начальник 1-го отдела Штаба, с 13 февраля 1938 г. по 30 апреля 1939 г. — начальник Штаба КБФ.

Личного состава на «Вейнемейнен» 30-го июня 1945 г. было 27 человек, из которых 1 офицер, 6 унтер-офицеров и 20 матросов. Остальной положенный личный состав откомандирован в тральные отряды.

Командир корабля капитан 2-го ранга Еренссон единственный офицер на «Вейнемейнене». Он шатен, среднего роста, по национальности финский швед. Он учился вместе с контр-адмиралом Рахола⁴⁶ в военной академии в Италии.

Вооружение главного калибра с «Вейнемейнен» не снято, а законсервировано. Зенитное вооружение не снято, и личный состав расписан по зенитным установкам. Машины броненосца законсервированы. Гироскоп в боевой рубке сломан. Боевая рубка имеет очень маленькие амбразуры и дальность наблюдения недостаточная и поэтому во время боя командир корабля находится на командирском мостике.

КП⁴⁷ управляющего артиллерийским огнем находится под боевой башней и состоит из трех небольших комнат, где установлены приборы, готовящие данные для арт. стрельбы. Приборы во время боя обслуживаются 26 человеками. Здесь же находится пост борьбы за живучесть со специальным прибором изобретения профессора Рахола — брата бывшего командующего финским флотом адмирала Рахола. Доска с лампочками с изображением силуэта корабля, показывает автоматически, какие отсеки корабля необходимо заполнить водой. Принцип действия прибора неизвестен. На КП управляющего артогнем во время боя находится артиллерист и инженер-офицер корабля, ведающий борьбой за живучесть. Корабль находится в хорошем состоянии и имеющийся личный состав занимается только уходом за кораблем и несением вахт. службы.

Переводчик-разведчик

Капитан /Ранга/

Составлено в 1 экз.

«26» июля 1945 г.

Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 3632. Оп. 1. Д. 161. Л. 156.
Подлинник.

С 30 апреля 1939 г. по май 1947 г. являлся командующим КБФ. В 1947–48 гг. — заместитель Главнокомандующего войсками Дальнего Востока по ВМФ. С 1949 по 1957 гг. — начальник Гидрографического управления ВМФ, начальник кафедры, факультета Военной академии Генштаба. В 1957–1960 гг. был адмиралом-инспектором ВМФ Главной инспекции МО СССР. С 1961 г. — в отставке.

⁴⁶ Рахола Ээро (1897–1975). Контр-адмирал. Командующий финским флотом побережья в 1936–1945 гг. Ушел в отставку в 1945 г. Возглавлял финскую морскую администрацию в 1945–1964 гг.

⁴⁷ Командный пост.

№ 713с

Секретно

02.08.1945 г.

экз. № 1

Начальнику штаба

В связи с тем, что финское военное командование получило разрешение от СКК⁴⁸ в Финляндии на полет финских самолетов как транспортных, так и военных над территорией Финляндии и на свободное передвижение финских военных кораблей в своих водах, ставлю следующие дополнительные задачи /см. исх. № .../:

1. Непрерывное наблюдение за полетами финских самолетов и при этом необходимо выявить:

а/ Маршрут и район полета.

б/ Количество и тип финских самолетов.

в/ Тактические элементы полета /время, высота, скорость и т. д./.

2. Своевременно обнаружить финские военные корабли на подходах к базе и определить:

а/ Тип и класс кораблей.

б/ Вооружение и другие тактические элементы кораблей.

в/ Курсы и строи передвижения финских кораблей.

О всех случаях обнаружения финских кораблей и самолетов немедленно доносить в ОД⁴⁹ Штаба ВМБП и донесением в РО Штаба ВМБП в сроки, установленные табелем донесений.

Начальник штаба ВМБП

Капитан 2-го ранга /Зыбайло⁵⁰/

⁴⁸ Союзная контрольная комиссия. Действовала в Финляндии в сентябре 1944 – сентябре 1947 г. В её состав входили 200 советских и 15 британских членов. Комиссию возглавлял секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов. Основной задачей комиссии являлось контролирование выполнения требований советско-финского перемирия от 19 сентября 1944 г. Комиссия прекратила свою деятельность 26 сентября 1947 г., когда Советский Союз ратифицировал Парижский мирный договор с Финляндией.

⁴⁹ Оперативный дежурный.

⁵⁰ Зыбайло Алексей Иванович (1913–?). Капитан 2 ранга. Командир по оперативной части 1-го отделения Штаба военно-морской базы Ханко (июнь — декабрь 1941), командир по оперативной части Штаба Ладужской военной флотилии (1942–1943), начальник Штаба Онежской военной флотилии (1943–1944), начальник оперативного отделения Штаба Рижского морского оборонительного района (1944), начальник

Начальник РО штаба ВМБП

Капитан 2-го ранга /Чернышев⁵¹/

Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 3632. Оп. 1. Д. 160. Л. 136.

Подлинник.

Документ № 8

№ 775с

Секретно

17.08.1945 г.

экз. № 2

Начальнику штаба ТМОР

Капитану 2-го ранга Силаеву⁵²

Для сбора разведывательных данных по Швеции необходимо использовать наши торговые суда, совершающие рейсы в Швецию.

Идущие в Швецию торговые суда в оперативных вопросах штабу ВМБП не подчинены и это положение не позволяет вести работу с капитанами и экипажами советских транспортов по вопросам разведки /ставить задачи по разведке на пути следования в Швецию и производить опрос при возвращении оттуда/.

Со своей стороны считаю необходимым послать наших офицеров в Швецию на советских транспортах с задачами разведки и изучения ба и портов. В вопросе использования экипажей транспортов по вопросам разведки, должна быть специальная договоренность РО Штаба КБФ с Гос. парокходством.

Прошу Вас разрешить вопрос о послыке офицеров ВМБП на советских транспортах в составе экипажей, идущих в Швецию, по вышеизложенным мотивам.

Начальник штаба ВМБП

Капитан 2-го ранга /Зыбайло/

Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 3632. Оп. 1. Д. 177. Л. 26.

Копия.

Штаба военно-морской базы Порккала-Удд Таллинского морского оборонительного района КБФ (1944–1945).

⁵¹ Чернышев Петр Васильевич (1913–?). Капитан 1 ранга. Командир Разведывательного отдела Штаба Кронштадтского морского оборонительного района КБФ (1943–1944), начальник Разведывательного отдела Штаба Ленинградской военно-морской базы (1944), начальник Разведывательного отдела Штаба военно-морской базы Порккала-Удд (1944–?).

⁵² Силаев Иван Васильевич (1914–1960). Контр-адмирал. Старший командир по оперативной части 2-го отдела Оперативного управления ГМШ (июль 1940 – август 1943), заместитель начальника 2-го отдела Оперативного управления ГМШ (август 1943 – январь 1944). Начальник 1-го (оперативного и боевой подготовки) отдела Штаба Кронштадтского морского оборонительного района КБФ (январь — октябрь 1944), начальник Штаба Таллинского морского оборонительного района КБФ (октябрь 1944 — декабрь 1946). С 1960 г. в запасе.

Документ № 9

№ 776с

Секретно

17.08.1945 г.

экз. № 2

Начальнику штаба ТМОР КБФ

Капитану 2-го ранга Силаеву

Офицеры ВМБП очень часто находятся на территории Финляндии, выполняя разнообразные служебные задания, в том числе и задания по разведке.

Отсутствие фотоаппаратуры создает трудности и иногда снижает качество разведки финских объектов.

Прошу Вашего ходатайства перед соответствующими органами о выделении в распоряжение Штаба ВМБП специальной фотоаппаратуры, позволяющей фотографирование на финской территории.

Начальник штаба ВМБП

Капитан 2-го ранга /Зыбайло/

Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 3632. Оп. 1. Д. 177. Л. 27.
Копия.

Документ № 10

№ 777с

Секретно

17.08.1945 г.

экз. № 2

Начальнику штаба ТМОР КБФ

Капитану 2-го ранга Силаеву

Получаемые от Вас итоговые разведсводки РО Штаба КБФ приходят в Штаб ВМБП с большим опозданием и в крайне недостаточном количестве, что затрудняет использование их на офицерской учебе. Неоднократные запросы в высшие разведорганы /РО Штаба ТМОР и РО Штаба КБФ/ о увеличении количества

высылаемых экземпляров и о сокращении срока прохождения их до штаба ВМБП к желаемым результатам не привели.

Прошу Вашего распоряжения об увеличении присылаемых для ВМБП итоговых разведсводок с 5 экз. до 30 экз. и о сокращении времени их присылки.

Начальник штаба ВМБП
Капитан 2-го ранга /Зыбайло/

Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 3632. Оп. 1. Д. 177. Л. 28.
Копия.

Документ № 11

№ 778с

Секретно

17.08.1945 г.

экз. № 2

Начальнику штаба ТМОР КБФ
Капитану 2-го ранга Силаеву

Для изучения Финляндии и сбора разведывательных данных для штаба ВМБП необходима периодическая литература и пресса.

Для приобретения финской литературы, журналов и газет требуется ежемесячно 3000 финских марок, а такого фонда нет.

Прошу Вашего ходатайства перед соответствующими органами о выделении в мое распоряжение ежемесячно 3000 финских марок для указанных целей.

Начальник штаба ВМБП
Капитан 2-го ранга /Зыбайло/

Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 3632. Оп. 1. Д. 177. Л. 29.
Копия.

№ 890с

Секретно

11.09.1945 г.

экз. № 1

ЗАДАНИЕ ПО РАЗВЕДКЕ
НА ВРЕМЯ КОМАНДИРОВКИ В ФИНЛЯНДИЮ
СТ. ЛЕЙТЕНАНТУ МЕНЖУЛОВУ⁵³

1. Изучить организацию и состав трального флота Финляндии.
2. Собрать материал по финским тралам.
3. Вскрыть организацию материально-технического обеспечения трального флота.
4. Организация судоремонта тралящих кораблей.

Методы выполнения задания:

- а/ Изучение оригинального материала по тральному флоту у капитана 2-го ранга Круглова⁵⁴.
- б/ Личное посещение кораблей 5-го трального отряда в Суоменлинна.
- в/ Беседа с нашими офицерами в Финляндии, имеющими какое-либо отношение к тральному флоту.

Начальник штаба ВМБП
Капитан 2-го ранга /Зыбайло/
Начальник РО штаба ВМБП
Капитан 3-го ранга /Чернышев/

Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 3632. Оп. 1. Д. 160. Л. 167.
Подлинник.

⁵³ Менжулов Георгий Иванович (1914–?). Старший лейтенант. Командир войсковой разведки Разведывательного отдела Штаба КБФ (июль — декабрь 1941), офицер по войсковой разведке Штаба Ладожской военной флотилии (февраль 1942 — февраль 1943), офицер по войсковой разведке (старший) Штаба Лужской военно-морской базы (февраль 1943 — июль 1944).

⁵⁴ Круглов Иван Иванович (1907–?). Капитан 2 ранга. Командир 3-го дивизиона катерных тралящих Охраны водного района Главной (Кронштадтской) военно-морской базы (июнь 1941 — август 1942), командир отряда дымомаскировки и дегазации Кронштадтского морского оборонительного района КБФ (август 1942–1943), инспектор по кораблям противоминной обороны, старший инспектор отдела боевой подготовки Штаба КБФ (1943–1945).

Документ № 13

№ 891с

Секретно

11.09.1945 г.

экз. № 1

ЗАДАНИЕ ПО РАЗВЕДКЕ
НА ВРЕМЯ КОМАНДИРОВКИ В ФИНЛЯндиЮ
КАПИТАНУ 3-ГО РАНГА ОВСЯННИКОВУ⁵⁵
И СТ. ЛЕЙТЕНАНТУ МЕНЖУЛОВУ

1. Изучить тактику траления финским флотом.
2. Организацию постановки и уборки тралов.
3. Внутреннюю организацию на финских тральщиках.
4. Собрать данные по офицерскому составу трального флота.
5. Собрать данные по организации связи в тральном флоте.

Методы выполнения задания:

- а/ Выход в район траления и личное наблюдение за ходом траления.
- б/ Беседы с финскими офицерами.
- в/ Посещение финских тральщиков.
- г/ Ознакомление с официальными финскими документами по тральному флоту.

Начальник штаба ВМБП ТМОР
Капитан 2-го ранга /Зыбайло/
Начальник РО штаба ВМБП
Капитан 3-го ранга /Чернышев/

Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 3632. Оп. 1. Д. 160. Л. 168.
Подлинник.

⁵⁵ Овсянников Клавдий Михайлович (1910–?). Капитан 3 ранга. Флагманский минер военно-морской базы Порккала-Удд Таллинского морского оборонительного района КБФ (1945–1947).

Документ № 14

№ 892с

Секретно

11.09.1945 г.

экз. № 1

ЗАДАНИЕ ПО РАЗВЕДКЕ
СТ. ЛЕЙТЕНАНТУ ИЛЬИНУ

1. Собрать материал по промышленному и железнодорожному строительству Финляндии.
2. Собрать материал по оборудованию финских островов, прилегаемых к району ВМБП.
3. Собрать установочный материал по офицерскому составу финских ВМС.

Методы выполнения задания:

- а/ Систематический просмотр финской прессы и технической литературы.
- б/ Ознакомление с материалом по БО у капитана 2-го ранга Антонова⁵⁶.
- в/ Беседы с финскими офицерами.

Начальник штаба ВМБП ТМОР
Капитан 2-го ранга /Зыбайло/
Начальник РО штаба ВМБП /Чернышев/

Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 3632. Оп. 1. Д. 160. Л. 169.
Подлинник.

Документ № 15

№ 893с

Секретно

11.09.1945 г.

экз. № 1

ЗАДАНИЕ ПО РАЗВЕДКЕ
НА ВРЕМЯ КОМАНДИРОВКИ В ФИНЛЯндиЮ
КАПИТАНУ 3-ГО РАНГА ОВСЯННИКОВУ

⁵⁶ Антонов Кузьма Григорьевич (1906–?). Капитан 1 ранга. Начальник 2-го отделения (разведки) Штаба Кронштадтской военно-морской базы (август 1940 — октябрь 1941), заместитель начальника по информации Разведывательного отдела КБФ (октябрь 1941 — февраль 1942), начальник 2-го отделения (разведки) штаба Кронштадтской военно-морской базы и начальник Разведывательного отдела Штаба Кронштадтского морского оборонительного района КБФ (май 1942 — декабрь 1944), в распоряжении Разведывательного управления ВМФ (декабрь 1944 — февраль 1945).

1. Осмотреть и изучить противоторпедные сети, выставленные немцами на рейде АСПЭ.
2. Выяснить, что базировалось из кораблей на рейде АСПЭ.
3. Изучить противовоздушную и противокатерную оборону рейда АСПЭ во время базирования на него немецких кораблей.

При выполнении задания необходимо лично осмотреть район постановки сетей, сделать необходимые зарисовки, поговорить с местными жителями на прилегающих к рейду островах и взять в СКК имеемый материал по сетям.

Начальник штаба ВМБП
Капитан 2-го ранга /Зыбайло/
Начальник РО штаба ВМБП
Капитан 3-го ранга /Чернышев/

Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 3632. Оп. 1. Д. 160. Л. 170.
Подлинник.

Документ № 16

№ 962с

Секретно

27.09.1945 г.

экз. № 2

КОМЕНДАНТУ ВМК ХЕЛЬСИНКИ КАПИТАНУ 1-ГО РАНГА ТЫРШКЛЕВИЧ⁵⁷

В связи с тем, что Финляндия начала внешнюю торговлю, то не исключена возможность заходов иностранных транспортов в ХЕЛЬСИНКИ.

Вам необходимо доносить а Штаб ВМБП шифром про каждый иностранный транспорт, прибывший в ХЕЛЬСИНКИ, с указанием названия ТР, водоизмещение его и характер груза.

При погрузке иностранных транспортов в ХЕЛЬСИНКИ указывать наименование принимаемого груза.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ВМБП

⁵⁷ Тыршклевич Франц Францевич (1902–?). Капитан 1 ранга. Командир эсминца «Строгий» (июнь 1941 — февраль 1943), командир линкора «Марат» (февраль 1943 — июнь 1944), командир Отдельного отряда и 2-го дивизиона канонерских лодок Бригады шхерных кораблей КБФ (июнь 1944–1945), комендант военно-морской крепости Хельсинки (1945).

КАПИТАН 2-ГО РАНГА /ЗЫБАЙЛО/
НАЧАЛЬНИК РО ШТАБА ВМБП
КАПИТАН 3-ГО РАНГА /ЧЕРНЫШЕВ/

Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 3632. Оп. 1. Д. 177. Л. 37.
Копия.

Список литературы

Акимова, Е. А. Военно-морская база Порккала-Удд в контексте международных отношений в Северной Европе / Е. А. Акимова // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной международной научной конференции (25–26 апреля 2001 г.). — 2002. — № 3. — С. 102–108.

Геуст, К.-Ф. Советская военно-морская база Порккала-Удд в Финляндии (1944–1956 гг.) / К.-Ф. Геуст // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Одиннадцатой ежегодной международной научной конференции (1–2 апреля 2009 г.). — 2010. — №11. — С. 186–191.

Куликов, А. И. В сентябре 1944 года. Советско-финляндские переговоры о перемирии (по протокольным записям) / А. И. Куликов // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 79–98.

Петров, П. В. Броненосцы береговой обороны «Vainamoinen» и «Ilmarinen» / П. В. Петров // Тайфун. 2000. № 12. С. 23–27.

Рентола, К. Сталин и судьба Финляндии / К. Рентола ; пер. с финского А. В. Толстикова. — Москва : Весь Мир, 2020. — 239 с.

Niklander, T. Meidän panssarilaivamme / T. Niklander. — Helsinki : [T. Niklander], 1996. — 290 s.

Porkkala — Tapahtumien keskellä / toim. J. Nieminen. — Helsinki : Sotahistorian laitos, 2009. — 202 s.

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ
КОНФЕРЕНЦИЙ**
PAPERS OF THE ACADEMIC
CONFERENCES

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОБРАЗЫ КАРЕЛИИ: СОЗДАНИЕ, ВОСПРИЯТИЕ, СУДЬБЫ»

ROUND TABLE IMAGES OF KARELIA: EMERGENCE, PERCEPTION, OUTCOMES

ПРЕДИСЛОВИЕ

FOREWORD

Для каждого современного государства одной из важнейших задач является создание конкурентной идентичности, способной сделать образ страны привлекательным, уникальным, конкурентоспособным, высокоэффективным. Имидж страны — это её послание миру, коммуникационная модель в мировом информационном пространстве, с помощью которой она ведёт диалог с другими странами и народами. Сегодня имиджевые стратегии большинства государств направлены на поиск инноваций в русле реинтерпретации уникальных национальных традиций разных стран и народов¹.

Механизмы формирования имиджа государства хорошо раскрывают концепция символического капитала культуры французского философа и социолога Пьера Бурдьё и теория «мягкой силы» (*soft power*) американского политолога Джозефа Ная. Символический капитал культуры, по Бурдьё — это коллективная память, культурные символы, образы, духовная сфера социума². Най в своей триаде базовых ресурсов «мягкой силы» (или «гибкой власти», как иногда переводят и интерпретируют это понятие) также первой называет культуру³. Мировая практика свидетельствует о том, что именно культура сегодня способна стать ключевым фактором развития государств, городов и территорий, поскольку она обладает потенциалом, который по долговременности и значимости перевешивает потенциал экономических факторов. Сегодня во многих странах ЕС существуют программы возрождения и реабилитации депрессивных регионов с помощью современных креативных художественных и культурных проектов⁴. Анализ новых тенденций в сфере национального брендинга позволяет отечественным специалистам увидеть слабые стороны имиджевой стратегии России и определить перспективные тенденции развития⁵.

Нам захотелось посмотреть, в какой степени в республике Карелия знакомы с современными имиджевыми стратегиями, существуют ли базовые идеи новых брендов, какие акторы сегодня принимают участие в их производстве, насколько

¹ См.: Василенко И. А. Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта // Власть. 2013. № 7. С. 24.

² Бурдьё П. Практический смысл. СПб.; М., 2001. С. 101–103.

³ Най Дж. С. Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике. М., 2006. С. 37–38.

⁴ Василенко И. А. Имидж России: концепция национального брендинга // Власть. 2012. № 4. С. 67.

⁵ См.: Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / Под ред. И. А. Василенко. М., 2013.

репрезентативен и востребован этот образный ряд, как он может восприниматься в стране и в мире.

С момента возникновения карельской автономии наш край презентировался как край озёр и лесов, земля эпоса «Калевала». В советское время внимание прежде всего акцентировалось на природных красотах республики, историко-культурном наследии её народов, истории промышленного развития региона и роли территории как приграничного форпоста. Информационные и имиджевые стратегии определялись исключительно политическими элитами и даже творческое переосмысление созданных образов художниками, литераторами и музыкантами оставалось в рамках официальной государственной идеологии.

Этот — всегда позитивный и очень лиричный — образ Карелии, созданный в советское время, региональные элиты пытаются поддерживать до сих пор, хотя в изменившихся экономических и политических условиях и при совершенно ином функционировании информационного пространства эти попытки далеко не всегда остаются успешными. Сегодня территориальным брендингом занимается гораздо больше акторов, нежели раньше. Кроме государственных структур это и частные кампании, и туристические агентства, СМИ, учреждения образования и культуры, общественные организации и т. д. Задачи и целевые аудитории у всех разные, что увеличивает риски появления негативных образов республики, например в СМИ и социальных медиа⁶. Не всегда продуманная политика карельских элит по формированию и продвижению образа региона, дефицит новизны в имиджевой стратегии, отсутствие системного подхода к ребрендингу Карелии ведёт к тому, что республика может потерять свои сложившиеся ранее образы, получая взамен нечто суррогатное или мало отличимое от образов других регионов.

Об этом и шла речь на нашем круглом столе. Разговор получился интересным, и мы сочли нужным опубликовать наиболее интересные и важные доклады. Всем нам хочется, чтобы место, где мы живём и которое любим, достойно и привлекательно выглядело в глазах других жителей России и мира, и мы могли бы им гордиться, не утрачивая своей национальной и региональной идентичности. Обстоятельный научный обзор сложившегося положения и советы специалистов по продвижению образа региона в стране и в мире сегодня актуальны как никогда.

Ирина Такала

⁶ См.: Сузи А. М. Образ республики Карелия в федеральных СМИ // Власть. 2014. № 2. С. 91–94.

ИЛЮХА Ольга Павловна / ILYUKHA Olga

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

iljuha@krc.karelia.ru

**«НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ»: ОБРАЗ КАРЕЛИИ В УЧЕБНИКАХ
ПО КРАЕВЕДЕНИЮ ДЛЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ (КОНЕЦ XIX —
НАЧАЛО XXI В.)***

**‘THE BEGINNING OF ALL BEGINNINGS’: THE IMAGE OF KARELIA
IN TEXTBOOKS ON LOCAL HISTORY FOR YOUNGER SCHOOLCHILDREN
(LATE 19TH — EARLY 21ST CENTURY)**

Abstract: This article gives an analysis of local lore textbooks for primary schools of Karelia, which play a big role in shaping the worldview and historical memory of people living in the region. The analysis included books of three generations published in different historical periods: in the 19th century, in Soviet times, and in the 21st century. The key components of the image of Karelia, portraying its nature, economy, culture, and history, were identified. The representation of the elements of the image such as the border, Kivach waterfalls, Kizhi Island is exhibited. The ratio of the historical background and modernity as the ‘temporal’ parameters of representation was determined. One of the findings was that the figure of Peter the Great was consistently present in the schoolbooks irrespective of the political and ideological situation, although the approach angles varied. The specific features of the patriotic intention in the different book generations are displayed.

Ключевые слова / Keywords: Образ Карелии, учебник, репрезентация, историческая память / Image of Karelia, textbook, representation, historical memory

Общеобразовательная школа играет заметную роль в процессе самоидентификации детей и подростков, формирует их картину мира. Согласно современному государственному образовательному стандарту в Российской Федерации в начальной школе происходит «становление основ гражданской идентичности и мировоззрения», «духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся, предусматривающее принятие ими моральных норм, нравственных установок, национальных ценностей»¹. Опорными точками в формировании мировоззрения становятся устойчивые представления, стереотипы. В свою очередь, источником стереотипов, транслируемых школой, далеко не всегда являются

* Исследование проведено в рамках госзадания КарНЦ РАН.

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 6 октября 2009 г. № 373. URL: <http://www.edu.ru/documents/view/61155/> (25.12.2021).

современные научные знания, результатом же становится корректировка общественных представлений, предрассудков и даже национальной культуры².

Одной из рамок, в которых школа традиционно предлагает ребенку идентифицировать себя, является образ родного края с характерным набором его характеристик. Важное место в этом процессе занимает школьный учебник. Учебники и учебные пособия в РФ проходят процедуру экспертизы, создаются федеральные перечни учебников, а на их основе — списки для конкретных учебных заведений. Многоступенчатый отбор учебных книг позволяет говорить о том, что заключенное в них знание становится официально санкционированным, «узаконенным» и по этой причине приобретает высокий авторитет.

Роль учебника — книги массовой, в формировании картины мира ребенка, в том числе её регионального или локального фрагмента, вызывает интерес широкого круга специалистов гуманитарного профиля³. Объектом пристального внимания стали учебники для старших классов, в которых помещаются относительно развернутые тексты, различные темы более конкретно и подробно освещены, а значит, легче прочитываются. По сравнению с ними учебники и учебные пособия для начальной школы несут не всегда очевидные смыслы. Вместе с тем именно они закладывают фундамент ментальной картины мира, представлений о стране и регионе. Эти книги в последние два десятилетия также стали объектом внимания социальных антропологов и историков культуры⁴. Нарботана методика исследования и сформировались некоторые общие подходы к теме, создающие определенную основу для дальнейших изысканий.

В Российской Федерации помимо учебников, общих для школьников всей страны, издаются региональные учебники и учебные пособия, предназначенные для образовательных учреждений конкретной республики или области. Это издания для изучения местных языков, в первую очередь коренных народов; другую группу составляют учебные пособия по предметам краеведческой направленности. История создания тех и других учебников уходит в советское прошлое и отчасти — в XIX в. По нашим подсчётам в XX — начале XXI вв. для младших школьников Карелии было издано более 450 учебников, среди них книги по краеведению составляют

² Боридченко С. Э. Конструирование образа Сибири в польских школьных учебниках // Сибирские исторические исследования. 2021. №1 С. 166.

³ В частности: Mattes E., Heinze C. Interkulturelles Verstehen und kulturelle Integration durch das Schulbuch? Die Auseinandersetzung mit dem Fremden. Bad Heilbrunn: Klinkhardt, 2004; Nganda C. N. Primary education and social integration: a study of ethnic stereotypes in the Ugandan basic textbooks for primary school English and social studies. Bayreuth, 1996; Filippova O. Politics of identity through school primers: discursive construction of legitimate image of state, nation and society in soviet and independent Ukraine // Anthropology of East Europe Review. 2009. Vol. 27. № 1. P. 29–36. См. подробнее: Кабаева О. В. Буквари и книги для чтения в исследованиях отечественных и зарубежных ученых // Проблемы современного образования. 2012. № 5. С. 228–236.

⁴ Среди теперь уже обширного круга имен отметим В. Г. Безрогова, осуществившего целый ряд коллективных проектов по данной тематике.

около 3%. При этом важно иметь в виду, что языковые учебники используются в немногочисленных школах, тогда как краеведческие учебники и учебные пособия могут применяться во всех общеобразовательных государственных учебных заведениях республики.

Комплексные по своему характеру учебники по краеведению характеризуют природу, историю и культуру края, содержат сведения об экономике. Они совмещают образовательную, воспитательную и художественно-эстетическую функции и, как другие подобные книги, тяготеют к канонизации⁵.

Краеведческие учебные книги для школьников Карелии по времени их появления можно разделить на три поколения:

Дореволюционные издания. Первым и единственным учебником по краеведению для школ края, изданным в дореволюционный период, является небольшая книжка К. М. Петрова «Краткое описание Олонецкой губернии (Родиноведение)» (Петрозаводск, 1881), допущенная ученым комитетом Министерства народного просвещения в качестве пособия для учителей и учеников губернии. В основном им пользовались в сельских школах (министерских, земских, церковно-приходских), составлявших основу учебно-образовательной сети.

Советские издания. В советское время краеведческие учебники, предназначенные специально для начальной школы, появляются в 1960-х гг.⁶ В Карелии таким учебником стала книга для чтения «Младшим школьникам о Карелии», подготовленная А. Г. Блюдник с соавторами Р. И. Котовой, Г. П. Огиенко и выдержавшая три издания (1967, 1970 и 1978 гг.). Именно эта книга советского периода будет привлечена для анализа в данной статье⁷. При цитировании в скобках будет указан год издания.

Современные издания. Растянувшаяся на многие годы пауза в издании краеведческих учебников комплексного характера стала результатом как переосмысления подходов к репрезентации края после распада СССР, так и общей

⁵ См.: Сальникова А. А. «Свои» и «другие», взрослые и дети в визуальном ряде татарского национального букваря «Алифба» (конец 1980-х – 1990-е гг.) // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 269.

⁶ Практиковалось также издание хрестоматий, привлекавшихся на уроках по истории и литературе в разных классах при изучении тем, связанных с Карелией: Ливневский А., Машезерский В., Пегов В. Хрестоматия по истории Карелии с древнейших времен до конца XVII века. Петрозаводск, 1939; Упорова З. М. Моя Карелия. Хрестоматия по литературе в помощь школьникам, изучающим родной край. Петрозаводск, 1972.

⁷ В условиях горбачевской перестройки появилось первое специализированное издание естественно-научной тематики «Младшим школьникам о природе Карелии», подготовленное Т. А. Бабаковой и А. П. Момотовой (1988). Переходной по своему идеологическому наполнению является книга педагога Л. И. Шитиковой «Край, в котором ты живешь: рассказы по истории дореволюционной Карелии для мл. школьников» (1990). Эти издания, как следует уже из их названий, не являются комплексными.

неустойчивой ситуации в сфере образования, переживавшей процесс непрерывного реформирования⁸.

На рубеж первого и второго десятилетий XXI в. приходится всплеск такого рода изданий, что стало логическим завершением периода «собирания сил» и вызревания идей⁹. В серии комплексных учебников для начальной школы «Карелия. Край, в котором я живу» (2–4 кл.), первые тиражи которой появились в 2010–2011 гг.¹⁰, педагогами Л. И. Шитиковой, О. М. Парамоновой, журналистом и краеведом Н. П. Кутьковым в сотрудничестве с методистами объединена информация о природе и обществе¹¹. Для анализа в данной статье будут использованы все три книги, построенные по принципу концентризма, т. е. каждая книга даёт относительно цельное представление по теме предмета, а на последующих ступенях происходит возвращение к обозначенным темам в расширенном объёме. При цитировании для удобства читателя в скобках будет указан класс, для которого предназначен учебник.

Итак, из довольно широкого спектра учебных краеведческих изданий для младших школьников Карелии нас интересуют лишь издания комплексного характера, объединяющие темы природы и культуры, включая историческое прошлое края. Попытаемся выявить основные «детали для сборки», из которых конструируется образ края, определить его несущие конструкции и подходы к репрезентации региона в краеведческом учебнике, созданном специально для школьников Карелии. Для этого важно показать, какими частными элементами и образами оперируют авторы школьных учебников, а также определить характер репрезентации информации в учебниках. Широкий временной диапазон, с конца XIX до начала XX вв., охватывает несколько поколений учебников и позволяет

⁸ В постсоветское десятилетие было издано учебное пособие А. А. Плешакова «Природа Карелии: знай, люби, береги!» (1992). В силу природоведческой направленности оно не даёт полной картины Карелии и мы не привлекаем его для анализа. Также в стороне остается книга И. Бродского «Родная природа» (2000) на вепском языке — первое (и до сих пор единственное) пособие для начальной школы по краеведению, изданное не на русском языке.

⁹ Мы оставляем внимания книги, не являющиеся комплексными по содержанию. Среди них дважды изданная переработанная версия книги Л. И. Шитиковой «Край, в котором ты живешь. Рассказы по истории Карелии для младших школьников» (2008, 2010), а также серийные издания «Ребятам о Карелии» (рассказы для младших школьников, 2009–2011 гг.), созданные педагогами Л. И. Шитиковой и К. Михайловой. Каждая из пяти небольших книг освещает конкретную тему природы, истории или культуры Карелии.

¹⁰ Книги выдержали несколько тиражей и изданий. В данном исследовании используются: Шитикова Л. И. Карелия. Край, в котором я живу: учебник для 2-го класса общеобразовательных учреждений Республики Карелия. Петрозаводск, 2012.; Кутьков, Н. П., Шитикова Л. И. Карелия. Край, в котором я живу: учебник для 3-го класса общеобразовательных учреждений Республики Карелия. Петрозаводск, 2012.; Кутьков Н. П., Парамонова О. М. Карелия. Край, в котором я живу: учебник для 4-го класса общеобразовательных учреждений Республики Карелия. Петрозаводск, 2011.

¹¹ Появились также рабочие тетради для учащихся 2 и 3 класса по курсу «Карелия. Край, в котором я живу», созданные как часть учебно-методического комплекта по этому предмету.

выявить наиболее устойчивые объекты и персоны, служившие элементами создания целостного образа Карелии в разные периоды, а значит, закрепленные в общественном сознании и передающиеся из поколения в поколение. С другой стороны, представляют интерес и конъюнктурные компоненты образа, отразившие идеологический «дух времени». Представляется важным понять, какие черты Карелии артикулируются в дореволюционном, а какие в советском учебнике, в каком направлении смещаются акценты в современных книгах. Важно выявить также место различных исторических фигур, знаковых мест и памятников в формировании образа региона, тот смысловой посыл, который передают авторы.

Базовыми контекстами репрезентации края в школьном учебнике являются темпоральный (на фоне истории и/или современности) и социально-пространственный (отбор населённых пунктов, районов Карелии, природных, городских или деревенских ландшафтов). Характерным элементом такого рода учебников также является галерея символических, общественно-значимых для региона фигур (героев) и общественно-консолидирующих мифов, репрезентирующих прошлое. Образ региона, как правило, включает в себя набор узнаваемых символов, связанных с регионом и являющихся атрибутами идентичности. Интересно проследить, как от издания к изданию меняется набор символов и сопровождающий их контекст, какие традиционные элементы природы и культуры края присутствуют и обеспечивают преемственность традиции?

Поддача материала в учебниках жанрово-стилистически и содержательно различается. Для понимания характера репрезентации края важно выявить специфику **патриотической интенции** для каждого поколения учебников. Менее всего она просматривается у К. М. Петрова, использующего принцип справочника, что и обеспечивает определенную нейтральность описания («Есть такая губерния»). В книге А. Г. Блюдник очевидна идейно-воспитательная направленность, звучат призывы «Любите свой край!», «Изучайте свой край!». Л. И. Шитиковой избран учебно-развлекательный подход, предлагается воображаемое путешествие по сказочной Карелии, констатируется: «Мы любим свой край», «Карелия — наш дом». Соответственно, первая книга адресована ученику, отношение которого к краю не обозначено, вторая рассчитана на участника современных событий, наследника истории (учеба — это труд, уравнивающий детей с отцами), а третья на ученика-участника-туриста.

В репрезентации края имеет значение его оценка автором, способная пробудить читательскую эмоцию. В дореволюционном учебнике констатируется, что губерния славится «богатствами» (лес, железная руда, мрамор, граниты и др.), в советских изданиях эта линия продолжается (Карелия славится своей красотой, ресурсами, военными победами и трудовыми достижениями, людьми труда) и

появляется констатация ответной объединяющей эмоции — «мы гордимся». В современном учебнике в сходной парадигме представлен несколько иной набор предметов гордости: Карелия известна, мы гордимся её красотой, историей, культурой. Утвердившийся в советское время эстетический мотив («у нас красиво») получил развитие в современных учебниках, где подчеркивается уникальная природа края, используются эпитеты «красивый», «удивительный», «сказочный», «волшебный».

Время издания учебников определило наличие или отсутствие в описаниях края негативных сторон. К. М. Петров относит к таковым плохое состояние дорог, широкое распространение эпидемических заболеваний, старообрядчество, сектантство. А. Г. Блюдник, как и другие авторы аналогичных советских учебников, все проблемы оставляет в дореволюционном прошлом. Л. И. Шитикова акцентирует внимание на решении проблем защиты природы.

Во всех учебниках представлен **природный ландшафт** с его особенностями — обилием лесов, болот и озер. Взгляд на природу как на экономический ресурс также характерен для всех рассматриваемых книг, и в каждой из них репрезентируется триада «лес, вода и камень». Древесина, рыба, ископаемые, их востребованность в стране и за рубежом, — сложившаяся уже в дореволюционном учебнике картина природных «богатств», которая в советских книгах дополняется мотивом покорения природы во благо советских людей (1978, С. 154). Богатства характеризуются как народные, в постсоветском учебнике — как «национальное достояние» (2 кл., С. 21). Начиная с советского времени такая природная особенность Карелии как белые ночи преподносится как часть её неповторимого образа.

С картинами природы тесно связана репрезентация ресурсоориентированной **экономики края**. Если в дореволюционном учебнике отчетливо видно стремление дать объективную картину с перечнем развитых и слабо развитых отраслей, то в советский период абсолютизируются экономические достижения и трудовые победы; места для обозначения проблем в них не могло быть. «Отсталый в прошлом край» противопоставляется современной Карелии, где, как и во всей стране, технический прогресс преобразует природу. Промышленным городам и поселкам уделяется особое внимание: это Кондопога, Сегежа, Надвоицы, Костомукша («город будущего»). В современном учебнике объем сведений об экономике края резко сократился, тогда как появился объемный пласт информации о народных ремеслах.

Уже в советское время вызревает **экологический аспект** при обращении к теме природы, хотя и редуцированный до пределов заповедника «Кивач» как охраняемого нетронутого уголка природы. В последнем советском издании появляется сюжет о петрозаводском школьном лесничестве «Берендей»,

рассказывающий об участии детей в природоохранной работе (1978 г., С. 61–62). В современных учебниках представлена «Красная книга Карелии» (3 кл., С. 37–46), появляется императивная экологическая установка: «Береги наш лес!», призыв убирать мусор (2 кл., С. 66). Среди конкретных объектов природы, включённых во всех изданиях, крупнейшие в Европе Ладожское и Онежское озера, Белое море.

Что касается карты, схематической репрезентации пространства, то она присутствует только во втором и третьем поколениях учебников. Здесь очевиден тренд от советской политико-идеологической карты-схемы (передающей «триумфальное шествие советской власти»), а также насыщенной символами новостроек индустриальной карты — к карте административной и природоведческой. На картах-схемах, размещенных в учебнике советского времени и подкрепленных соответствующими текстами, подчеркнута интегрированность республики в союзное государство. Разумеется, картографическая соотнесенность «большой» и «малой» родины отражала идею величия (и величины) советской страны. С помощью однотонной карты декларировалась монолитная цельность и социальная однородность пространства и страны, и республики: ни та, ни другая территории не дробятся на схемах на более мелкие единицы. В современных учебных пособиях преобладают карты административно-территориального деления Карелии. Идея монолитности единой общности — «советского народа» уступила место идее культурного многообразия, но на уровне картографического ряда новая идея не прочитывается. Другой тип карты в современных изданиях — природоведческий. «Путешествие» по такой карте подчинено цели не только решения познавательных задач, но и ознакомления детей с актуальными экологическими проблемами, а идея «индустриальной» карты перестала соответствовать «духу времени».

Интегрированность края в состав России различными средствами выражена во всех учебниках. В советских изданиях скрепляющими символами служат имена Ленина, Калинина, награды республики (Орден Ленина). Объём информации о Ленине нарастал от издания к изданию. В дореволюционном и современных учебниках в качестве объединяющих основ представлено православие. В современных изданиях также появляется фигура Александра Невского как защитника русских земель на западе «от частых набегов немецких рыцарей-крестоносцев» (3 кл., С. 109), канонизированного русской православной церковью. Уделено внимание памяти об Александре Невском, во имя которого назван «главный храм Карелии», «самый большой проспект города Петрозаводска», а также кадетский корпус.

Пограничное положение региона — одна из черт его образа на страницах краеведческих учебников. Финляндия как соседний регион в них практически

не представлена, но характер границы так или иначе обозначен во всех изданиях. В дореволюционном граница констатируется как административная линия, разграничивающей внутриимперские регионы. Отмечается, что «В 1841 г. Олонецкая губерния окончательно разграничена с Финляндиею» (С. 30), имеются сведения о торговых связях с Великим княжеством Финляндским. Издания 1967 и 1970 г. уже на первых страницах размещали рассказы об «опасной границе», о помощи детей в задержании шпионов (при этом «опасная страна» не называлась). Однако уже в издании 1978 г. эти тексты, формировавшие «ментальную карту» Карелии, исчезают: отношения с соседней страной улучшались, тысячи финнов в это время строили на территории Карелии город Костомукшу, поэтому шпионский дискурс становился политически некорректным. Если в советских учебниках репрезентация границы с Финляндией отражала идею соприкосновения Карелии с враждебным миром, то в современных учебниках угадываются исторические и современные культурные связи регионов. В текстах о «Калевале» указывается, что Элиас Леннрот был «финским исследователем», имеется также информация о городах-побратимах Петрозаводска в разных странах, включая Финляндию.

Ни один учебник по краеведению не обходит стороной памятники истории и культуры. К. М. Петров называет места, связанные с пребыванием знаменитостей — Инокнии Марфы (Толвуя), Петра I (Петрозаводск и Марциальные воды), указывает крупнейшие монастыри, называя имена отцов-основателей. Из произведений монументального искусства Петров упоминает памятник Петру I в Петрозаводске. В советских изданиях прежде всего представлен памятник Ленину в столице Карелии. Начало широкой известности эпической поэмы «Калевала», созданной на основе карельских рун, пришлось на советский период. Эпос трактуется в учебниках как выражение народной мечты о счастье и справедливости: «Столетиями жили эти предания. Вместе с ними жила в народе мечта о радостном труде, о счастливой, свободной жизни. Грянула Октябрьская социалистическая революция, вековая мечта карельского народа сбылась — счастливым и свободным стал народ Карелии в братской семье народов Советского Союза» (1967. С. 188). При этом не упоминается ни имя создателя эпической поэмы, ни имена знаменитых карельских рунопевцев. Но авторы посчитали необходимым ввести в текст учебника имя (и портрет) карельской сказительницы Марии Михеевой как автора руны «Пою об Октябре», в которой советская Карелия и вся страна предстаёт как территория счастья (1967. С. 219–220).

Репрезентация острова Кижы в краеведческих изданиях прошла быструю эволюцию. В 1967 г. место упоминается лишь в связи с восстанием приписных крестьян в конце XVIII в. В издании 1970 г. появляется формула «Кижы — остров сокровищ» (С. 236) и рассказывается о музее-заповеднике как «мире деревянной сказки», его архитектурных памятниках, составляющих гордость Карелии. Это впервые появившееся сравнение со сказкой объекта туристического назначения в постсоветских учебниках распространится на всю Карелию, которая будет

оцениваться как место сказочное в связи с природой, архитектурой, фольклорным наследием. В современных учебниках привлекательность острова Кижы для детей представлена через репрезентацию его как территории многочисленных праздников, конкурсов, мастер-классов (4 кл., С. 77–82)

«Галерея» символических фигур позволяет выделить повторяющиеся, устойчивые образы, используемые в краеведческих изданиях для младших школьников. Для наглядности сведем исторически значимые имена, упоминаемые в изданиях, в таблицу.

1881	1967	2010
<p>Пётр I (Петровская слобода, Марциальные воды) Инокания Марфа¹² Пр. Отцы-основатели монастырей Г. Державин (как автор стихотворения о водопаде Кивач)</p>	<p>Пётр I, Ив. Ребоев (Марциальные воды) Советские руководители (в связи с названиями улиц Петрозаводска), М. Калинин Участники революционного движения и советские герои: П. Анохин, И. Спиридонов, Т. Антикайнен, В. Зайцев, Н. Кайманов, Н. Варламов, П. Тикиляйнен, Н. Репников, И. Григорьев, М. Мелентьева, А. Лисицына, Саша Верден и др. Во втором издании – имена и портреты передовых («знатных») рабочих. «Калевала» (Вяйнемейнен и Илмаринен как борцы за светлое будущее народа) М. Михеева (Пою об Октябре)</p>	<p>Пётр I (основание Петрозаводска, памятник Петру I, Марциальные воды). Св. Николай Угодник Ал. Невский Г. Державин Капитан В.И.Воронин Писатели, художники Карелии А.Перттунен и Э.Леннрот И.Федосова и П.Рыбников</p>

¹² Инокания Марфа, (в миру Ксения Иоанновна Романова) – мать государя Михаила Фёдоровича, заточённая в Толвуе (с. 32).

Как видим, Пётр I является единственной исторической фигурой, память о которой формировалась и поддерживалась учебной книгой на протяжении длительного периода с конца XIX до начала XXI в., вне зависимости от идеологического фона. Общим моментом является контекст Северной войны, в условиях которой внимание Петра было обращено на Карелию. Вместе с тем в презентации памяти о царе и его эпохе в каждом учебнике есть свои особенности.

К. М. Петров уделяет образу Петра I центральное место в своем пособии. Он называет это имя в разделе «Историческое обозрение губернии» в связи с основанием в устье р. Лососинки завода и закладкой Петровской слободы. Удостоены упоминания созданные в петровские времена церковь во имя святых апостолов Петра и Павла, наличие в ней некоторых икон из походной Петровской церкви (С. 31), а также разбитый рядом по плану императора сад, где посетителям в XIX в. показывали места расположения походного алтаря и дворца Петра Великого. Там же упоминаются Кончезерские марциальные воды, которыми лечился император, приезжавший вместе со своим семейством; фиксируется народная память об «осударевой дороге» (С. 33). Говорится также об установлении в Петрозаводске памятника Петру в 1873 г. Кроме того, в разделе о хозяйственном развитии Пётр I представлен как автор проекта будущей Марининской системы; упоминаются предания, связывающие появление породистого скота в крае с петровскими временами¹³. С деятельностью Петра I связывается и переселение русских из Пермской и Воронежской губерний на горные заводы Олонецкого края (С. 25). Участвуя в конструировании образа Карелии, К. М. Петров формирует историческую память читателей об олонцком крае, ключевой фигурой в которой является Пётр I. При этом он апеллирует к живой памяти своих современников: «говорят», «рассказывают», «указывают место».

Репрезентация фигуры Петра I в изданиях советского периода иная. В рассказе о Петрозаводске царь не упоминается, поскольку в начале книги должно было прозвучать имя В. И. Ленина. Пётр появляется в разделе «Из прошлого нашего края», в рассказе «Старый Петрозаводск». Роль государя и в создании военного Петровского завода, и в основании первого российского курорта не акцентируется, а «уравновешивается» ролью «народных масс» — тысяч приписных крестьян, строивших завод и трудившихся на нем (1967, С. 141–142), а также рассказывается об открытии рабочим Иваном Ребоевым свойств марциальной воды, предшествовавшее созданию лечебницы, которой пользовался царь и его семья (1970, С. 31). Подчеркивается, что воссозданный в советское время курорт стал доступен трудящимся СССР. Присутствие темы на страницах учебника говорит о том, что курорт на рубеже 1960–70-х уже стал визитной карточкой Карелии.

В современных учебниках, как и в дореволюционных, в географии петровских мест в Карелии появляется «осударева дорога» и связанная с ней д. Вожмосалма.

¹³ Речь идёт о комолых коровах шотландского происхождения в северных районах губернии и лошадях породы полубитюгов в Заонежье (С. 19).

На основе преданий авторы создают беллетризованный текст о лагере Петра близ Выга и «секретном походе» царского войска в 1702 г. от Белого моря до Повенца и далее на лодках по водным путям в Ладогу и устье Невы, где после победы над шведами был заложен Санкт-Петербург (4 кл., С. 27–33).

Имя известного поэта и олонецкого губернатора Г. Р. Державина в пособии К. М. Петрова упоминается вскользь, в связи с информацией о водопаде Кивач, воспетом «бывшим губернатором Олонецким» (С. 32). В советском учебнике краеведения это имя отсутствует, а в современных книгах знаковая фигура Державина представлена относительно объёмно. Здесь использован адаптированный пересказ «Поденных записок», в которых Карелия предстаёт увиденной «глазами губернатора» (4 кл., С. 49–53).

Многонациональный состав населения Карелии также дается сквозь призму авторских концепций, на уровне представлений и идеологических установок своего времени. К. М. Петров фиксирует, что «кроме русских народонаселение губернии составляют финны (карела и чудь)», более подробно останавливается на особенностях языков и говоров населения. Характерно, что представляя особенности верований и быта, он не дифференцирует их, а находит общие черты, свойственные, по его мнению, всем «олонецким жителям». «Знакомство с этносами» советский учебник предлагает через сухую статистическую справку: «...В Карелии проживает около 700 тыс. чел. Среди них много русских, карел, финнов, есть и другие национальности» (1967, С. 6). Формирование этнического состава населения обрисовано «широкими мазками»: «К 9-му веку на территории Карелии сложились три группы племен — карелы, вепсы и саами; констатируется начало проникновения русских крестьян, бежавших «от гнета князей и бояр» на территорию края и подчеркивается «дружба народов», которая укрепилась «в борьбе против общего врага», прежде всего шведов (1967, С. 138–140). Если до революции «тяжелой и безрадостной была жизнь карельского народа» (1967, С. 184), то с установлением советской власти «краше стал и край карельский» (1967, С. 220), многонациональный состав которого спаян общим именем — «советские люди». Этнические культуры в современных учебниках и учебных пособиях в большей мере представлены не репрезентацией современной жизни, а историей и музейными артефактами. На страницах учебников наблюдается переход от реализации идеи растворенности этнических культур в общности «советский народ» — к кристаллизации этносов. Точкой этой кристаллизации является семья: авторы стремятся привлечь внимание школьников к прошлому их собственных дедушек и бабушек. «Живая традиция» в учебниках представлена эпизодически. В основном этническая культура репрезентируется опосредованно, через «сокровища музеев» в Петрозаводске, Кижях, Шелтозере, Олонце, Керети. Манифестация продвижения «советского народа» к коммунизму сменилась на страницах учебников адаптированной для детей идеей «духовного возрождения», а идеалы, основанные на устремленности в будущее, — их обращенностью в прошлое.

Изменения в «темпоральной» репрезентации края можно охарактеризовать как переход от советской драматизации и очернения дореволюционного прошлого и прославления советской действительности (темное прошлое – светлое настоящее) – к романтизации истории и «музеефикации» народной культуры. Романтизация истории реализуется, в частности, через презентацию воинских побед и подвигов (уделяется внимание победам Ал. Невского, доблести олонечских стрелков в сражениях с наполеоновской армией в 1812 г.)

Таким образом, в каждом из учебников по краеведению, охватывающих конец XIX — начало XXI вв., отражены характерные для начальной школы своего времени педагогические подходы и патриотические интенции, обусловленные государственными идеологическими ориентирами. Они в значительной мере определяли отбор тех элементов, деталей, которые в совокупности составляли меняющийся «образ Карелии». При всей разнице подходов имеются устойчивые составляющие образа, переходящие из книги в книгу. Среди природных объектов это водопад Кивач, среди символических персонажей — Пётр I. Если картины природы являются относительно стабильными в учебниках разных поколений, то в отборе исторических фигур наблюдаются радикальные различия. Принципиальная разница наблюдается в репрезентации «этнической палитры», а также государственной границы — параметров, играющих роль «несущих конструкций» в создании образа Карелии.

Список литературы

Блюдник, А. Г., Котова, Р. И., Огиенко, Г. П. Младшим школьникам о Карелии: кн. для чтения / А. Г. Блюдник, Р. И. Котова, Г. П. Огиенко. — Петрозаводск : Карел. кн. изд-во, 1967. — 235 с.

Блюдник, А. Г., Котова, Р. И., Огиенко, Г. П. Младшим школьникам о Карелии: кн. для чтения / А. Г. Блюдник, Р. И. Котова, Г. П. Огиенко. — Петрозаводск : Карелия, 1970. — 255 с.

Блюдник, А. Г., Котова, Р. И., Огиенко, Г. П. Младшим школьникам о Карелии: кн. для чтения / А. Г. Блюдник, Р. И. Котова, Г. П. Огиенко. — Петрозаводск : Карел. кн. изд-во, 1978. — 231 с.

Боридченко, С. Э. Конструирование образа Сибири в польских школьных учебниках С. Э. Боридченко // Сибирские исторические исследования. — 2021. — № 1. — С. 165–183.

Кабашева, О. В. Буквари и книги для чтения в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / О. В. Кабашева // Проблемы современного образования. — 2012. — № 5. — С. 228–236.

Кутьков, Н. П., Шитикова, Л. И. Карелия. Край, в котором я живу: учебник для 3-го класса общеобразовательных учреждений Республики Карелия / Н. П. Кутьков, Л. И. Шитикова. — Петрозаводск : Фонд творческой инициативы, 2012. — 129 с.

Кутьков, Н. П. Парамонова, О. М. Карелия. Край, в котором я живу: учебник для 4-го класса общеобразовательных учреждений Республики Карелия / Н. П. Кутьков, О. М. Парамонова. — Петрозаводск : Фонд творческой инициативы, 2011. — 143 с.

Линевский, А., Машезерский, В., Пегов, В. Хрестоматия по истории Карелии с древнейших времен до конца XVII века / А. Линевский, В. Машезерский, В. Пегов. — Петрозаводск : Карельское государственное издательство, 1939. — 234 с.

Петров, К. М. Краткое описание Олонецкой губернии: (Родиноведение) / К. М. Петров. — Петрозаводск : Губерн. тип., 1881. — 33 с.

Сальникова, А. А. «Свои» и «другие», взрослые и дети в визуальном ряде татарского национального букваря «Алифба» (конец 1980-х – 1990-е гг.) / А. А. Сальникова // Диалог со временем. — 2012. — Вып. 39. — С. 403–417.

Упорова, З. М. Моя Карелия. Хрестоматия по литературе в помощь школьникам, изучающим родной край / З. М. Упорова. — Петрозаводск : Карелия, 1972. — 479 с.

Шитикова, Л. И. Карелия. Край, в котором я живу: учебник для 2-го класса общеобразовательных учреждений Республики Карелия / Л. И. Шитикова. — Петрозаводск : Фонд творческой инициативы, 2012. — 155 с.

Mattes, E., Heinze, C. Interkulturelles Verstehen und kulturelle Integration durch das Schulbuch? Die Auseinandersetzung mit dem Fremden / E. Mattes, C. Heinze. — Bad Heilbrunn : Klinkhardt, 2004. — 352 s.

Nganda, C. N. Primary education and social integration: a study of ethnic stereotypes in the Ugandan basic textbooks for primary school English and social studies / C. N. Nganda. — Bayreuth : Breitinger, 1996. — 207 p.

Filippova O. Politics of identity through school primers: discursive construction of legitimate image of state, nation and society in soviet and independent Ukraine / O. Filippova // Anthropology of East Europe Review. — 2009. — Vol. 27. — № 1. — P. 29–36.

ЗАХАРОВА Екатерина Владимировна / ZAKHAROVA Yekaterina

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the RAS
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
katja.zaharova@mail.ru

МУЛЛОНЕН Ирма Ивановна / MULLONEN Irma

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the RAS
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
mullonen@krc.karelia.ru

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ ОБЛИК СОВРЕМЕННОЙ КАРЕЛИИ*

TOPONYMIC LOOK OF MODERN KARELIA

Abstract: The article discusses the main problems of the modern toponymic space of Karelia, related with the displaying of geographical names in official lists and their further using, with the gradual disappearance of traditional place names and the emergence of new ones, created without taking into account the patterns of toponymic nomination, and negatively affecting the image of the republic.

Ключевые слова / Keywords: Топонимия, Карелия, русский язык, карельский язык / Toponymy, Karelia, Russian language, Karelian language

Географические названия — это по праву одна из составляющих облика Карелии. У них есть свое неповторимое лицо, отличающее нашу республику: ударение на первом слоге (*Кижи*, а не *КижИ*, *Сопоча*, а не *СопОча*), многочисленные названия с концовкой *-озеро* (*Ведлозеро*, *Сямозеро*, *Панозеро*, *Шелтозеро*), или *-сельга* (*Кяппесельга*, *Масельга*, *Габсельга*), звучащие таинственно названия городов и деревень (*Кондопога*, *Сегежа*, *Сортавала*, *Кинерма*, *Тивдия*, *Шокша*). Этот облик формировался в течение всего второго тысячелетия н. э., и в его сложение внесли вклад разные этноязыковые сообщества, населявшие край в прошлом и живущие здесь сейчас.

Письменный этап, начавшийся в XV в., застал уже сложившуюся топонимическую систему региона, многие названия которой используются и в настоящее время: дер. *На усть Шокши реки*, дер. *На Толвуе в наволоке*, дер. *На Хаш-озерке*¹, дер. *На Видлице речке*, дер. *На Святе озере*, дер. *На Шуе рече Киндасово*². Они являются уникальным источником информации о прошлом края (о природно-географических особенностях, о древних дорогах, о народах, некогда здесь проживавших, их жизненном укладе, именах и прозвищах и т. д.). Еще, может быть, важнее то, что топонимия (или совокупность географических названий) той или иной территории

* Публикация подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН.

¹ Писцовые книги Обонежской пятины: 1496 и 1563 гг. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Подг. к печ. А. М. Андрияшев; под ред. М. Н. Покровского. Л., 1930.

² Там же.

является частью нематериального культурного наследия региона и, будучи таковой, подлежит охране. В соответствии со статьей 3 ФЗ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»³, исторические топонимы признаны культурными ценностями и требуют соответствующего к себе отношения.

Между тем в настоящее время выявляется целый комплекс проблем, связанных с отображением, употреблением и трактовкой топонимов Карелии.

Особенно остро стоит проблема правописания топонимов, официально закрепленного в Государственном каталоге географических названий, внесению в который подлежат наименования географических объектов РФ. Работа по созданию и ведению каталога регламентируется Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). Реестр зарегистрированных в АГКГН⁴ географических названий объектов по Республике Карелия на 21.10.2021 г. содержит 16088 записей — наименования населённых пунктов, объектов гидрографии и орографии (<https://cgkipd.ru/upload/iblock/065/jqosnb7wccnan7mn36z6mhwlt01lrj4g.pdf>).

Анализ реестра свидетельствует о значительных сложностях орфографического порядка, возникающих при передаче прибалтийско-финских (карельских и вепсских) названий средствами русского языка. Основные проблемы возникают при отображении таких специфических особенностей, как геминированные (удвоенные) согласные (ср. ур. *Болото-Чупусуо* при карел. *сирри* ‘конец, край’; г. *Верковаара*, оз. *Веркоярви* при карел. *verkko* ‘сеть’), долгие гласные и дифтонги (оз. *Большое Хапаярви* при карел. *huara* ‘осина’; г. *Верковаара* при карел. *vaara, voara, vuara* ‘гора’; ур. *Леппяниеми*, но пос. *Леппяниеми* при карел. *niemi* ‘мыс’), гласные переднего ряда *y, ä, ö* (оз. *Большое Ментоярви* при карел. *mänty* ‘сосна’; оз. *Большая Питка* при карел. *pitkä* ‘долгий, длинный’; оз. *Леппалампи*, р. *Леппаоя* при карел. *leppä* ‘ольха’; мыс *Кулонниеми* при карел. *kyly* ‘баня’), сочетание «*j* + гласный» (детерминант *-joki* ‘река’ в одних случаях передается транскрипцией *Курки/ёки* (при этом фиксируются варианты с рус. *е*: р. *Айменен/еги*, р. *Большая Айта/еги*), в других — транслитерацией (р. *Хейня/йюки*, р. *Кине/йюки*) и др.

Примеры свидетельствуют о том, что в передаче названий с перечисленными фонетическими чертами нет четкой последовательности: г. *Верковаара*, но пос. *Элисенваара* при исходном *-vaara* ‘гора’; карельское *y* передается как русское *ю*, *у* или *и* (оз. *Юлоламби* ← *Ylälambi* ‘Верхняя ламба’, оз. *Улеламби* ← *Ylälambi* ‘то же’, р. *Иляйоки* ← *Yläjoki* ‘Верхняя река’), часто отсутствует согласование по роду (ср. р. *Большая Калаярви* при карел. *kala* ‘рыба’, *järvi* ‘озеро’, т. е. в данном случае получилась река ‘Рыбное озеро’; оз. *Большая Питка* при карел. *pitkä* ‘долгий, длинный’).

Разнобой отмечается и в подаче русскоязычных наименований, например, при передаче рус. *ё*: ср. названия многочисленных островов и порогов, одни из

³ ФЗ № 3612-1 от 09.10.1992 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре».

⁴ Автоматизированный государственный каталог географических названий [Электронный ресурс]. URL: <https://cgkipd.ru/upload/iblock/065/jqosnb7wccnan7mn36z6mhwlt01lrj4g.pdf> (21.10.2021).

которых представлены в виде *Березовец* и *Березовый*, другие — *Берёзовец* и *Берёзовый*, а также дер. *Берёзовая Гора*, пос. *Берёзовка*, ур. и оз. *Берёзовое*, дер. *Берёзовые Мосты*. Отдельная проблема — использование дефиса как в русскоязычных, так и в прибалтийско-финских названиях Карелии: ур. *Болото-Чунусо*, ур. *Барыш-Наволок*, ср. оз. *Бела-Лампи* и оз. *Белоламбина*, ср. оз. *Илявафислампи* и оз. *Иля-Вехкаярви*.

Принципиально важно то, что эта «разноголосица» закреплена официально. В соответствии с ФЗ «О наименованиях географических объектов»⁵ именно государственным каталогом определяется написание топонимов во всех официальных ситуациях: в документах, на дорожных указателях, картах, в разного рода справочниках и т. д., а отступление от него считается административным правонарушением. Это усугубляется тем, что, помимо отмеченной непоследовательности, в каталог закрались и явные ошибки⁶. Предварительные подсчёты свидетельствуют о том, что некорректное написание отмечается примерно в 30 % топонимов карельского реестра. Основная их часть связана с передачей приведенных выше прибалтийско-финских особенностей (ср. р. *Кис-Кис*, озера *Большое* и *Малое Кис-Кис* при карел. *Kiiskie(s)joki* и *Kiiskie(s)järvvi*, возможно, от карел. *kiiski* ‘ёрш’), но есть и обычные описки: руч. *Кайноважоя* учтен как *Кайноваркоя*, ур. *Харакковаара* ‘Сорочья гора’ превратилось в *Каракговара*, г. *Васапанмяки* (ср. карел. *vasara* ‘молот, молоток’, *mäki* ‘гора’) — в ничего не значащее *Васаванмяки*. Будучи официально закрепленными, топонимы из списка Росреестра, в том числе некорректно отображенные, обязательны для использования. В результате, например, обновление дорожных указателей в ходе ремонта федеральных трасс привело к появлению таких топонимических «казусов» (в соответствии с написанием в реестре), как р. *Колос* вместо традиционного названия *Коллас* (из карел. *Kollas*, *Kollahanjogi* ‘Рыбная река’) или р. *Горная* вместо прежнего *Гознея* (из вепс. *Ноэп’оја* ‘Хвощовый ручей’). При этом все попытки и местных жителей, и научного сообщества внести правку пока не привели к успеху.

Между тем канонический список Росреестра оказывается своего рода «миной замедленного действия», поскольку заложенные в нем ошибки и опечатки воспроизводятся при включении объекта в активное использование. Так случилось с названием старинного приладожского поселения *Кавайно* (ист. *Кавандо*: *kaivando* (gen. *kaivanno-n*) ‘выкопанная канава; перекоп’), которое в 2001 г. в связи с восстановлением статуса населённого пункта было официально изменено на ошибочное *Ковайно* на основании неверной записи в реестре.

Развитие туризма активизирует использование гидронимии, и в результате подобные ошибки не только «перекочевывают» на карты и в атласы, но и воспроизводятся в названиях гостевых домов, кемпингов и т. д.⁷ Так произошло

⁵ ФЗ № 152 от 18.12.1997 «О наименованиях географических объектов».

⁶ Муллонен П. П., Захарова Е. В. Проблемы интеграции прибалтийско-финских топонимов в официальное русское употребление // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. Екатеринбург, 2019. С. 224.

⁷ Там же. С. 224–225.

с названием хутора *Кормило*, известного туристического объекта на севере Карелии (<https://www.hutorkormilo.ru>), возникшего на месте существовавшей в прошлом малодворной деревни. В Научной картотеке топонимов наименование бывшего поселения зафиксировано на карельском языке как *Kormila*, а название озера, на берегу которого располагается хутор, как *Kormilanjärvi*⁸ (ср. в Государственном каталоге географических названий Карелии оз. и ур. *Кормило*). Карелоязычное название представляет собой одну из самых популярных ойконимных моделей Карелии XVII–XIX вв., воплотившуюся в сотнях названий малодворных деревень (ср. дошедшие до наших дней *Эссойла*, *Хелюля*, *Вяртсиля*, *Хайколя*, *Ватала*, *Капшойла* и др.) и включающую в свой состав имя (прозвище) основателя поселения и суффикс *-la* (рус. *-ла / -ля*) с локативной семантикой. Таким образом, название хутора буквально переводится как ‘Место поселения Корнилия’ (*Kormi* — карельский вариант православного имени Корнилий) и должно передаваться на русский язык как *Кóрмила*, а не *Кормило*, как это указано в официальном реестре. Название, которое на сегодняшний день закрепилось за туристическим объектом, можно соотнести с такими значениями, как ‘руль судна’ (ср. *кормИло* ‘руль судна, кормовое весло, при помощи которого управляют ходом судна, лодки’⁹) или ‘место, где хорошо кормят’ (версия *костомукшан*).

Еще одна проблема, с которой в последнее время сталкиваются жители Карелии — «стирание» топонимов с карты республики. В ходе укрупнения сельских поселений названия небольших деревень постепенно исчезают из официальных списков, а затем, в силу «актуализированной дислокации дорожных знаков»¹⁰, и с дорожных знаков. Жители деревни Пажала несколько лет назад обнаружили, что после ремонта автодороги А 121 «Сортавала», вдоль которой располагается их поселение, на дорожном указателе возникло иное название — Лахта. В этом году такая же ситуация возникла с вепсской деревней Каккарово, которую объединили с соседним селом Рыбрека, о чем местным жителям сообщил дорожный указатель. Исчезновение географических названий из официальных списков и с карты Карелии — это не только потеря малой родины для нескольких десятков человек, но и утрата нематериального культурного наследия республики, насчитывающего не одну сотню лет (ср. наименование дер. *Пажала* впервые отразилось в письменных источниках в 1563 г. *На Тулом-озере в лахте Влартьянково посиденье*¹¹, а в привычном для

⁸ Научная картотека топонимов Карелии и сопредельных областей [хранится в секторе языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН].

⁹ Большой толковый словарь русского языка: А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 1998. С. 458.

¹⁰ *Кябелева А.* Вепсскую деревню стерли с карты Карелии // Петрозаводск говорит. 31.08.2021. [Электронное издание]. URL: <https://yandex.ru/turbo/ptzgovorit.ru/s/news/zhiteli-derevni-vozmushcheny-chto-ih-rodinu-sterli-s-karty-karelii> (21.10.2021).

¹¹ Писцовые книги Обонежской пятины: 1496 и 1563 гг. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / подг. к печ. А. М. Андрияшев / под ред. М. Н. Покровского. Л., 1930.

нас виде — уже в 1617 г. *На Туломе ж озере Мартыянково, а Паджела тож*¹²). Отметим, что список населённых мест Карелии за последние сто лет сократился более чем в три раза (ср. 2852 н. п. в 1926 г.¹³ против 802 н. п. в 2015¹⁴).

«Болевой точкой» современного топонимического облика Карелии является также передача географических названий на дорожных указателях в латинской графике. Вдоль федеральных трасс в нашей республике в последние годы появились громоздкие и практически нечитаемые топонимы, в которых сложно узнать карельские названия (*Лахденпохья — Lakhdenpokh'ya*, *Хюмпеля — Khyumpelya*).

Мы оказались в той ситуации, когда 2 действующих Федеральных закона («О наименованиях географических объектов»¹⁵ и «О языках народов Российской Федерации»¹⁶) позволяют писать наименования географических объектов на дорожных и иных указателях на территории РФ на русском языке и при необходимости на других языках народов РФ с учетом интересов населения соответствующих территорий, а также дублировать буквами латинского алфавита. Но дорожные службы следуют правилам ГОСТа¹⁷, согласно которым надписи на дорожных указателях вдоль маршрутов иностранных автотуристов дублируются на английском языке. При транслитерации отдельные буквы русского алфавита (ж, х, ц, щ, ю, я) передаются сочетанием от 2 до 4 букв латинского алфавита: рус. **ж** — **kh**, рус. **щ** — **shch**, рус. **ю** — **yu**, рус. **я** — **ya**. При этом на сайте Росреестра в разделе «Законодательство Российской Федерации о наименовании географических объектов» размещен действующий Приказ с «Правилами

¹² РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ, вотчинная канцелярия, вотчинный департамент. Оп. 1. Д. 8551. «Список с писцовых книг Заонежских погостов митрополичьим, монастырским, поместным землям писма и меры князя Петра Воейкова да дьяка Ивана Лговского 124 и 125 году». 458 л. Подлинник.

¹³ Список населенных мест Карельской АССР: (по материалам Переписи 1926 года) / Составлен Статистическим Управлением АКССР. Петрозаводск., 1928.

¹⁴ Справочник: Республика Карелия. Административно-территориальное устройство / Государственный комитет Республики Карелия по взаимодействию с органами местного самоуправления. Петрозаводск, 2015.

¹⁵ ФЗ № 152 от 18.12.1997 «О наименованиях географических объектов». Статья 8. Нормализация и употребление наименований географических объектов. Пункт 3. Наименования географических объектов на дорожных и иных указателях на территории Российской Федерации пишутся на русском языке. При необходимости указанные наименования пишутся и на других языках народов Российской Федерации с учетом интересов населения соответствующих территорий, а также могут дублироваться буквами латинского алфавита.

¹⁶ ФЗ № 1807-1 от 25.10.1991 (ред. от 12.03.2014) «О языках народов Российской Федерации». Глава V. Язык наименований географических объектов, надписей, дорожных и иных указателей. Статья 23. Язык наименований географических объектов, надписей, дорожных и иных указателей. Пункт 2. Субъекты Российской Федерации в необходимых случаях вправе написание наименований географических объектов и оформление надписей, дорожных и иных указателей наряду с государственным языком Российской Федерации производить на языках народов Российской Федерации на территориях их компактного проживания.

¹⁷ ГОСТ Р 52290–2004 от 01.01.2006 «Технические средства организации дорожного движения. Знаки дорожные. Общие технические требования».

транслитерации букв кирилловского алфавита буквами латинского алфавита»¹⁸, согласно которому для транслитерации следует использовать одиночные латинские буквы с диакритическими знаками: рус. **х** — **h**, рус. **щ** — **ŝ**, рус. **ю** — **û**, рус. **я** — **â**.

Встаёт вопрос о целесообразности передачи географических названий Карелии на дорожных указателях в латинской графике в том нечитаемом виде, в каком они представлены в настоящее время. Основной поток иностранных автотуристов идёт к нам из Финляндии, и финны, как и местные жители, не узнают прибалтийско-финские названия в громоздком написании, предлагаемом указателями. Совершенно очевидно, что топонимы должны передаваться на прибалтийско-финских языках Карелии, письменность которых существует на базе латинского алфавита, тем более что закон это позволяет.

Жизнь постоянно рождает новые топонимы, поэтому современный облик топонимии определяется не только историческими названиями, освященными временем, но и новыми. К таковым относится городская топонимия, которая постоянно обновляется. Судя по странице «Топонимы Петрозаводска» на сайте Петрозаводского городского округа (http://petrozavodsk-mo.ru/petrozavodsk_new/city/about/toponims.htm), список наименований элементов улично-дорожной сети Петрозаводска (территории и кварталы, улицы и площади, скверы и парки) приближается к четырем тысячам, большинство из них появилось на протяжении XX в. и отражает этапы развития города, а также идеологические установки своего времени. На смену именованиям, рождавшимся в народной среде и отражавшим особенности рельефа (*Болотная, Лесная, Подгорная, Каменистая*), связанным со знаковыми для города объектами (*Соборная, Полицейская, Типографская, Казарменная*) и маршрутами (*Вытегорская, Санкт-Петербургская* улицы), приходят мемориальные названия, которые ныне составляют основной костяк городских именований. Деятели революционного движения сменяют герои войны и режиссуры — труда. Политики, кажется, превалируют над деятелями культуры и науки. Здесь образ Петрозаводска практически не отличается от любого другого российского города. «Лица необщее выражение» проявляется в деталях: в именованиях по причастным к Карелии людям и событиям, режиссуры — по местному колориту в названиях, связанных с природными и культурными особенностями края. В последнее время появился повод говорить о явных подвижках в улучшении топонимического образа города. Карта центра в районе бывшей площадки ОТЗ удачно пополнилась урбанонимами, связанными с историей завода: улицы *Чарльза Гаскойна, Александра Меншикова, Аникиты Ярцова*. Появились *Литейная* и *Александровская* площади. На карту города усилиями энтузиастов возвращены исторические названия наволоков (т. е. мысов) Онежского озера, сведения о которых по крупицам собирались из старых документов, карт, краеведческой литературы: *Выгойнаволок, Савин Наволок, Петуний Наволок, Вороний Наволок, Большой Наволок, Маленький Наволок, Толстой Наволок, Лепишнаволок, Немецкий Наволок, Шуйнаволок, Борнаволок,*

¹⁸ Приказ по Главному управлению геодезии и картографии при Совете министров СССР за 1982 г. № 169 п/ О введении в действие ГОСТ 16876–71/СТ СЭВ 1362-78/ «Правила транслитерации букв кирилловского алфавита буквами латинского алфавита».

Гатнаволок, Геренаволок. Они стали именованиями улиц, парков, местностей. Одна из последних по времени акций — присвоение целому ряду объектов улично-дорожной сети Петрозаводска названий, связанных с национальной карельской культурой. Несмотря на это, центр города по-прежнему представлен в названиях улиц пантеоном революционных деятелей начала XX в., которые формируют идеологически насыщенный образ города.

В последнее время выявилась ещё одна проблема городской топонимии, связанная с названиями новых жилых комплексов. В отличие от наименований улиц и парков они не проходят экспертизу специалистов двух комиссий, существующих при мэрии, и являются полностью изобретениями компаний-застройщиков. Некоторые из них удачны в плане формирования самобытного лица Петрозаводска (*Александровский, Карельский, Онегин*), другие же вызывают вопросы. Среди них — название нового ЖК *Talojärvi*. Компания «Баренц Групп» позиционирует его как созданный «в соответствии с топонимическими законами и учетом культуры и истории Республики Карелия»¹⁹. На самом же деле топонимические и языковые законы попораны полностью. В соответствии с последними, название должно было бы иметь вид *Järvitalo* ‘Дом у озера’, иначе говоря, части сложного топонима должны быть выстроены в обратном порядке. Новодел *Talojärvi* ‘Домовое озеро’ или ‘Озеро с домами (со зданиями)’ просто безграмотен в плане топонимии. Он бьёт не только по престижу компании-застройщика, но и подставляет и наш город, и нашу республику своей топонимической абсурдностью. Возможно, застройщик действительно стремился учесть культуру и историю. Однако хорошее и правильное начинание свелось на нет безграмотным исполнением. В ситуации, подобной этой, необходим общественный контроль в лице, например, Комиссии по культурно-историческому наследию, которая работает при городской администрации. Кроме того, когда речь идёт о топонимах на национальных языках, совсем не лишней, как показывает пример с *Talojärvi*, является экспертиза специалистов по этим языкам. Даже внешне грамотно переданное финское / карельское слово, как в случае с названием жилищного комплекса *Armas* (*armas* ‘любимый’), в роли топонима вряд ли приемлемо, поскольку, по правилам прибалтийско-финской топонимии, в отличие от русской, прилагательное само по себе не образует географического названия, оно может быть только частью сложного топонима, типа *Armaskoti* ‘Любимый дом’, *Armasranta* ‘Любимый берег’.

Среди новых наименований, которые призваны формировать образ Карелии у гостей республики — названия многочисленных гостевых домов, отелей, коттеджей, появившихся в последние годы. Во многих воплотился самый простой и естественный способ именования: название населённого пункта или природного объекта (озера, реки) переносится на гостевой дом (*Алавоине, Вегафус, Шуйская Чуна*,

¹⁹ Улицы Петрозаводска назовут в честь персонажей карельского фольклора // Петрозаводск говорит. 03.09.2021. [Электронное издание]. URL: <https://ptzgovorit.ru/news/ulicy-petrozavodskanazovut-v-chest-personazhey-karelskogo-folklor> (21.10.2021).

Янисъярви, Тохмайоки, Курмойла и др.). Большинство названий передано в русской транскрипции, хотя встречается латинское написание, прежде всего, в Приладожье как транслация названия финского времени (*Riekkalansaari*). На фоне местных топонимов выделяется группа именовании, в которых воспроизводятся названия финских мест, главным образом, из Восточной Финляндии, знакомых россиянам: *Иматра, Савонлинна, Сайма, Куопио*. Есть и перенесенные на карельскую почву именовании известных курортных мест: *Прованс* в Беломорске, *Карельский прованс* (именно так: со строчной буквы) в Сортавале, *Ривьера* в Прионежье, *Лазурный берег* в Питкяранте. Мотивация и в том, и в другом случае очевидна: привлечь гостей как знакомым названием, так и ассоциациями с комфортом и уровнем европейского обслуживания. Видимо, этим же целям служит латиница, особенно на прежних финляндских территориях в Приладожье: мы почти в Европе.

Понятно, что далеко не все названия этого разряда транслируют образ Карелии. Среди тех, которые эту миссию выполняют, выделяется целая группа «медвежьих» именовании: *Три Медведя, Медвежий Угол, Потапыч, Медвежье Ухо, Берлога, Медвежонок, Карху* (фин. *karhu* ‘медведь’), *Конди* (карел. *kondi* ‘медведь’) и др. Одни из них обыгрывают название города Медвежьегорска, в других же (а на самом деле, видимо, во всех в той ли иной степени) воплотилась метафора медвежьего угла, глухого края. Другая фауна практически не востребована. Мотив глуши, где можно уединиться, скрыться, затеряться, транслируют и такие именовании, как *Робинзон, Пилигрим, Берендей, Таежная сказка*. Иначе говоря, Карелия позиционируется как место не столько культурного, сколько природного туризма. В этом ряду и некоторые — в целом немногочисленные — «флористические» именовании, типа *Сосны, Хонкаранта* (‘Сосновый берег’), *Brusnika Village, Иван-Чай*. Возможно, это одна из причин не востребованости карельского языкового и культурного материала в этом секторе названий.

Топонимов типа *Karju Kala* ‘большая рыба’ единицы. Латиницей транслитерированы русские варианты названий (*Tuloksa, Tungozero, Vygb*), а не их карельские оригиналы *Tulos, Kamanaini, Uiku*, которые, очевидно, не известны номинаторам. Тем более неуместны с позиций исконной прибалтийско-финской топонимии неуклюжие транслитерации, перенесенные из дорожных указателей на названия гостевых домов: *Vyartsilya* (Вяртсиля), *Kbutor Kurmoyla* (Хутор Курмойла). Видимо, само содержание карельского топонима, использованного в качестве именовании гостевого дома или отеля, тоже далеко не всегда понятно: *Калманъярви* (букв. ‘Озеро смерти’) или *Хижъярви* (букв. ‘Чёртово озеро’) — явно не самые удачные названия для отеля. Кроме того, некоторые внешне карельские или, скорее, финские названия мест приема гостей / туристов в действительности построены по русской модели и чужеродны для прибалтийско-финского именовании. Странно выглядят с этой точки зрения гостевые дома *Валкеа* (букв. ‘Белый’) в Гирвасе, *Kodikas* (букв. ‘Уютный’) в Сортавале или сортавальская гостиница *Kaunis* (букв. ‘Красивая’). Как было указано выше, прибалтийско-финское прилагательное

в одиночку не может номинировать — оно должно выступать в связке с основным компонентом, которое характеризует, напр., *Valkealampi* 'Белая ламба', *Kodikaspaikka* 'Уютное место', *Kaunisniemi* 'Красивый мыс'. В этом же контексте не востребоваемости карельской языковой и культурной традиции следует рассматривать то обстоятельство, что практически не использованы мотивы и образы «Калеваль». Список ограничен буквально двумя-тремя названиями: *Сампо*, *Айно*, возможно, *Тууликки*. Причины малой актуализации карельского материала кроются, помимо природных приоритетов в туризме и в том, что он мало знаком владельцам гостевого бизнеса. Они, к тому же, могут остерегаться, что слишком экзотические местные названия отпугнут туристов. Потребность в северных образах реализуется главным образом, к сожалению, за счёт избитых клише, запштампованных *Полярная звезда*, *Белые Ночи*, *Северное Сияние*, *Онежские* (а также *Шуйские*, *Кижские*, *Ладожские*) *Просторы*.

Общая проблема новой топонимии, как и традиционной, — это пренебрежение правилами написания. Даже при том, что в именовании объектов, связанных с туризмом, важен зрительный образ названия и поэтому допустима бóльшая свобода, все-таки есть общепринятые положения, обязательные для исполнения. Бросается в глаза, к примеру, непоследовательность в использовании прописных букв. По правилу в таких названиях гостевых домов и отелей как *Мраморная Гора*, *Шучье Озеро*, *Денисов Мыс* и др. оба слова должны писаться с большой буквы. В свою очередь, названия, ориентированные на карельский или финский язык, типа *Talvinkko* или *Seränkodi*, должны писаться в одно слово, а не в два. Вряд ли безграмотность красит образ Карелии.

Подведем итог. Топоним возникает из потребности идентифицировать место, быть его адресом. Такая функция естественным образом ведет за собой превращение его, с одной стороны, в неотъемлемый элемент местной идентичности, с другой — в своеобразный бренд территории. Карелия узнается по характерным для неё названиям мест. В этой ситуации искажение облика топонимов, происходящее на официальном уровне их бытования, пренебрежение общезыковыми правилами в действительности бьёт по престижу Карелии. Выход видится в обязательной экспертизе всех вновь появляющихся названий. Наиболее насущная и одновременно наиболее сложно решаемая проблема сейчас — это внесение правки в Государственный каталог географических названий. Опыт последних лет показал, что заложенные в нем ошибки в написании топонимов ведут к их воспроизведению на картах, дорожных указателях, в именовании новых объектов, использующих ошибочные записи каталога. Они будут множиться, если не будет выработан механизм, позволяющий исправлять ошибки госкаталога.

Список сокращений**языки**

вепс. — вепсский язык

карел. — карельский язык

рус. — русский язык

фин. — финский язык

географические объекты

г. — гора

дер. — деревня

оз. — озеро

пос. — поселок

р. — река

руч. — ручей

ур. — урочище

прочие

ЖК — жилой комплекс

ОТЗ — Онежский тракторный завод

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

ген. — падеж генитив

Список литературы

Муллонен, И. И. Проблемы интеграции прибалтийско-финских топонимов в официальное русское употребление / И. И. Муллонен, Е. В. Захарова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. — 2019. — С. 222–225.

ЛИТВИН Юлия Валерьевна / LITVIN Yulia

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН / Institute of Linguistics,
Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
litvinjulia@yandex.ru

**«НАЙДИ ОТЛИЧИЯ»: РЕГИОНАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ В МАТЕРИАЛАХ ИНТЕРВЬЮ С КАРЕЛАМИ***

**'FIND DIFFERENCES': REGIONAL AND ETHNIC IDENTITY IN THE
MATERIALS OF INTERVIEWS WITH KARELIANS**

Abstract: Regional images are created by different actors at different levels with different goals. Most of the inhabitants of Karelia perceived the images, constructed mainly in the Soviet era, not least due to their accessibility for understanding and 'reification' — the natural uniqueness, cultural and linguistic authenticity was actively comprehended and rethought by scientists, writers, artists and was embodied in high-quality publications, art performances, regular festivals. The author of the article analyzes the images of the region, recorded in biographical interviews with Karelians, and raises the following questions: which images (categories) are the most significant and how regional identity is / is not combined with ethnic identity among Karelians.

Ключевые слова / Keywords: Региональная идентичность, этническая идентичность, Карелия, карелы, образ региона / Regional identity, ethnic identity, Karelia, Karelians

Вступление и понятия

Процессы регионализации традиционно относят к одному из уровней формирования территориальной идентичности. Региональная идентичность как объект социологического анализа отличается многовекторностью и смысловым разнообразием. Социолог Е. В. Еремина выделяет значимые компоненты регионализации. Во-первых, влияние физического пространства (природного ландшафта, климата) на региональное сознание, общее миропонимание жителей и представление об общности на территории. Во-вторых, проекция региональной идентичности на символическое освоение и репрезентацию пространства. В данном случае речь идёт о формировании ментальной карты, в результате чего происходит «символическая» связь жителей с пространством и формируется сообщество.

Использование в статье понятия «образ региона» подчеркивает значимость аффективного (ценностного, эмоционального) компонента в сознании моих собеседников и субъективного фактора восприятия и интерпретации реальности. Региональная идентичность в этом смысле характеризуется в большей степени как образно-эмоциональная категория, а не исключительно как административно-территориальная единица.

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН.

Исследования подчеркивают влияние этнического фактора на формирование региональной идентичности. Этническая идентичность — это представление человека о себе, как о члене определенной этнической группы. Мы можем различать внешние и внутренние аспекты этнической идентичности. Внешние аспекты относятся к наблюдаемому поведению — как культурному, так и социальному. Внутренние аспекты этнической идентичности относятся к образам, идеям, отношениям и чувствам. Эти два типа проявления этничности не всегда зависят друг от друга. Например, человек в третьем поколении может сохранять более высокую степень внутренних, чем внешних аспектов.

Ученые разводят разные виды идентичности в основном с целью облегчения категоризации феноменов. Стоит подчеркнуть, что выделение этнической идентичности — явление относительно новое, особенно по отношению к «незыблемой» территориальной, национальной общностям. Ярким примером сильной региональной идентичности в культурном и идеологическом пространстве современной России является сибирская идентичность. В повседневном дискурсе этническая и региональная идентичности могут пересекаться и дополнять друг друга, особенно в так называемых «национальных» республиках. Подобное пересечение становится ещё более понятным, если исходить из постмодернистских позиций, когда пространство утрачивает статичность.

В статье анализируются образы региона, зафиксированные в биографических интервью с карелами, и ставятся следующие вопросы: какие образы (категории) представляются наиболее значимыми, и как региональная идентичность сочетается (или не сочетается) с этнической идентичностью у карелов.

Методы и ограничения

В основе статьи — материалы биографических и полуструктурированных интервью, которые были собраны среди карелов в городах (Петрозаводск, Олонец, Костомукша, Медвежьегорск) и сельских населенных пунктах Олонецкого, Пряжинского и Кондопожского районов. Также применялся метод включенного наблюдения. Анализ производился путем выделения значимых кодов в каждом интервью, затем включения их в более обобщенные и крупные категории.

В отличие от стандартизированной анкеты, успех беседы в качественном исследовании в значительной степени зависит от субъективных факторов, таких как готовность собеседника отвечать на подчас абстрактные вопросы, умения и опыта интервьюера расположить к себе человека, окружающей обстановки и т. д. Исследование сфокусировано на данных биографических и тематических интервью и не претендует на обобщение. Качественные исследования нацелены на реконструкцию смысла и не строят репрезентативно обобщенных выводов.

Результаты

Ядро идентичности карелов — язык (независимо от уровня владения) и происхождение (свое или родителей). В случае с происхождением это обусловлено советской традицией приписывания национальности по этнической принадлежности родителей, а с языком — уже с постсоветским периодом мобилизации этничности посредством апелляции к карельскому языку как маркеру идентичности. Е. И. Клементьев писал: «Активисты национального движения — самая многочисленная группа, состояла из представителей гуманитарной интеллигенции, настойчиво утверждающих в массовом сознании коллективистскую идеологию защиты культурно-языковых ценностей народа (примерно 85–90 % публикаций). Триада “язык — национальная (этническая) принадлежность — этническая общность” рассматривалась ими как неразрывная целостность.

<...> Одна из центральных задач состояла в том, чтобы использовать мобилизационную силу языковой составляющей в решении первостепенных проблем: возродить письменность, обеспечить изучение языков в образовательной системе, использовать их в средствах массовой информации, издательской деятельности и т. д.». Эти слова одного из активистов возрождения карельского языка и учёного согласуются с общероссийскими данными и процессами, протекавшими во всех «национальных» республиках. Так, Л. М. Дробижева писала, что в таких республиках язык, его статус стал социальным ресурсом, способом проведения этнических границ, маркерами которых избирались чаще всего какие-то культурные обозначения. Язык играет важнейшую роль в этническом самосознании карелов. Обращение СМИ, научного сообщества, региональной власти к языку как основному маркеру этничности, фактору этнической целостности, закрепилось в сознании моих собеседников.

Чем дальше от «ядра» (или чем меньше акцента в интервью на этничность), тем отчетливее проявляют себя более сложные региональные образы, включая регион как административно-территориальную единицу:

«Ну вот раньше я думала, что я русская (засмеялась). Но сейчас у меня немного поменялось, поменялось... мировоззрение что ли повернулось. Во-первых, потому что я занимаюсь декоративно-прикладным, во-вторых, потому что рисую. *И потом я подумала, что я же живу в Карелии — почему я русская-то?! Я же ведь карелка!*¹ Поэтому я думаю, что все-таки, наверное, я карелка» (эксперт, женщина А, 1978 г. р., г. Олонец).

Интервьюер: «То есть Вы считаете себя карелкой, потому что родились...».

Собеседница: «Да, я родилась в Карелии, родители карелы, и я считаю, что я карелка из-за этого» (женщина 1954 г. р., Олонецкий р-он).

Другой сюжет — связь идентичности с климатом и природой. Причём эти образы переплетаются с этническими категориями. Например, «типично карельские» черты характера увязаны с климатом:

¹ Здесь и далее во фрагментах интервью курсив автора.

«Они [карелы] очень сдержанные, они малословные, они не тархтят по любому случаю. Я сейчас не нахваливаю мальчиков своих, но я говорю о том, что ну вот настоящие карелы» (женщина, 1962 г. р., Нарвожа, Пряжинский р-н).

«Но, как я сказал, несмотря на то, что карелы дружелюбные, но это, я думаю, *это просто специфика природных, погодных условий. Может быть, они немножко подержаннее*» (эксперт, мужчина 1968 г. р., г. Петрозаводск).

М. В. Лескинен на примере формирования национальной идентичности финнов писала, что наполнение жизненного пространства символами, значимыми категориями и смыслами — универсальный механизм процесса идентификации в Европе и России ещё с XIX в. Такой географический детерминизм позволяет связать эмоционально окрашенные образы с ландшафтом.

Ведущее место в связке «этничность-регион» занимает чувственно-эмоциональный компонент. Это не только чувство гордости от проживания в Карелии и/или от принадлежности к карелам, но также ностальгия по прошлому, по «сельскому» образу жизни, который воспринимается как самобытный и «настоящий». Эта ностальгия проговаривалась в интервью через такие категории как «тогда и сейчас», «город-деревня». Элементами утраченного прошлого в интервью становились карельская речь, деревенский хозяйственный уклад и быт, которым противопоставляется урбанизация и отсутствие экологического контроля в процессе экономического освоения пространства. Приведем примеры:

«Все в таких печалях, какой-то разговор такой печальный вообще на самом деле. Осознаешь то, что *как раньше было и как сейчас*. И почему это *все утрачено*. Потому что есть человек, который живёт на своей земле, пользуется благами этой земли. Пусть она скудная, северная, и, естественно, ты любишь свою родину малую, скажем так. И ты за нее как бы потом и болеешь. Потому что видишь то, что там уже *не так происходит, как раньше было*. Как-то где-то что-то, не знаю... Просто пример. *Там лес вырубил где-то. А ты там на охоту ходил*. Красиво. *В нем тебе было комфортно*. Его не стало» (мужчина 1977 г. р., место рождения — Паданы).

Собеседница: «Карелия не процветает, деревня особенно. Ведь ничего не процветает. Даже дороги не могут сделать: за счёт того лес вывезли, так отремонтируйте дорогу-то».

Интервьюер: «Да, это правда».

Собеседница: «Это вот просто, мне кажется. Вы взяли, да уже что-то нам дайте, дорогу-то нормальную. Засыпьте асфальт, засыпьте, мы просим, нормально засыпьте, чтоб его не заливало каждый год. Проблема номер один. И камень. Камень нам жалко. *Все места, в которые мы ходили в лес обычно по ягоды, по грибы, они же ведь такая красота!* Древние скалы, сколько они простояли» (женщина 1958 г. р., д. Сельги Медвежьегорского р-на).

«Мне нужно было 20 лет жить в Петрозаводске, чтобы понять, что я обратно хочу жить [в деревне]. Даже по ночам снится, что я хочу на сенокос. Я хочу полоть картошку, окучивать картошку. *Я хочу печь калитки*. Калитки я и так постоянно пеку.

Я умею их по всем старинным обычаям делать. *Я хочу топить русскую печь. Я хочу лежать на лежанке. Я хочу растапливать русскую печь и растапливать баню, и вдыхать запах дыма.* И все эти яркие воспоминания с детства» (женщина 1977 г. р., Пряжинский р-он).

Ностальгия по ускользающему «чувству локальности» сопряжена с противопоставлением города и деревни как глобализирующегося и локального. Подобные описания и воспоминания предстают в идеализированном свете. Описываемое прошлое (по сумме социально-психологических факторов) оказывается в заведомо проигрышной позиции перед настоящим. Один из экспертов подчеркнул ценностные установки карелов, которые он связал с сельским образом жизни:

«...я жил в деревне и я знаю, и видел, и рос, и воспитывали меня так, *вот в тех нормах...* по тем нормам, по тем законам, *по которым жили карелы, скажем, в деревне...* Во-первых, очень не любили вранье. Очень не любили воровство. Такого не было у нас. Если кто-то куда-то уходил, двери практически оставались открытыми, только палочкой подпирали. Всегда приходили на помощь кому-то» (1957 г. р., г. Петрозаводск).

Германский исследователь К. Рот ввел понятие «символический регионализм». Необходимость его использования связывается К. Ротом с вниманием к периферийным регионам, наличием в условиях урбанизации и глобализации мира своеобразной ностальгии по «сельскому» образу жизни, ценностным наполнением такого образа жизни и даже планами на возвращение в место рождения или место происхождения родственников.

При разговоре о каком-либо феномене, даже подвижном, возникает вопрос о его границах. Как в интервью с карелами осмысляется этническая/региональная граница? Карельское пограничье проходит по линии официальной государственной границы (Россия — Финляндия), административной границе субъекта (Карелия в составе России), а также имеет культурное измерение. Государственная граница проходит по карте и осмыляется собеседниками в понятиях экономического благополучия. Так, молодая женщина из Костомукши, часто бывающая в Финляндии говорила:

«Но мне кажется, что всегда *государство могло бы поддерживать больше. Но у нас всегда ни на что не хватает денег.* Я работаю в образовании. И даже посмотрев на наших соседей по ту сторону границы, я понимаю, что *там гораздо больше делается для всего,* так как образование неразрывно связано с культурным развитием» (женщина 1990 г. р., Костомукша).

Контраст в уровне и качестве жизни может также пересекаться с кодом «тогда-сейчас»:

«Конечно, народ куда [трудоустраивается]? Ни колхозов, ничего уже нету. *Раньше* все свое было: молоко, мясо, хлеб свой. Пекарня была. Привозили ткань, шили что-то. Ателье, все свое было. А сейчас что? *Сейчас* ничего нет. Даже тут уже тоже. *Просто в Финляндию даже ездишь. Я не то, чтобы люблю Финляндию, как некоторые.*

Нет. Я нормально к этому отношусь. Просто сравниваешь. 30 км проехал, границу проехал. *Что жизнь другая что ли? (...) Границу пересекли. Я пересекал границу в Сортавале. Там в сторону Сортавалы, там вообще деревушки такие были. Смотришь на них, там уже дома такие полуживые»* (мужчина 1983 г.р., Костомукша).

Другая граница — культурная — отсылает к различиям характеров, различию в поведении. Эта граница проходит по климатической («северные»/«южные» люди) и этнической (русские/финны/карелы) линиям. Следующий фрагмент иллюстрирует не только узнаваемые стереотипы и автостереотипы о карелах (спокойствие, трудолюбие, замкнутость и т. д.), но и проведение границы внутри этнической своей группы:

Собеседница: не знаю. Я не знаю. Я думаю, что это, такая *сдержанность*, я думаю, что, наверное, *именно северным краям присуща*.

Интервьюер: то есть *ребольские тоже сдержанные?*

Собеседница: *нет, ребольские — это откуда-то отсюда, с юга?*

Интервьюер: <...> Северные — это откуда тогда считается?

Собеседница: ну, *север этот наш, Лужский район, граница с Мурманской областью*.

Интервьюер: отсюда и дальше, на север уже?

Собеседница: да.

По Ф. Барту, понятие «этническая граница» оказывается условным и ситуативным, поскольку всякая произведенная демаркация — это результат субъективного выбора. Антрополог Э. Коэн использует понятие «серых зон» для обозначения невыраженности культурных границ. Несмотря на подвижность и гибкость этнических границ, они все же существуют в сознании.

Выводы

Итак, ядро идентичности карелов составляют язык (независимо от уровня владения) и происхождение (свое или родителей). В ходе интервью раскрывались и другие аспекты идентичности. К таковым следует отнести образы, связанные ландшафтом, климатом, природой. Подчас эти образы переплетались с этническими категориями. Подобный процесс характерен для всех этнических и национальных групп или образований и является универсальным. Кроме того, ведущее место в связке «этничность-регион» занимает чувственно-эмоциональный компонент. Он связан с чувством гордости от проживания в Карелии и/или от принадлежности к карелам, но также с ностальгией по прошлому, по «сельскому» образу жизни, который воспринимается как самобытный и «настоящий». Эта ностальгия проговаривалась в интервью через такие категории как «тогда и сейчас», «город—деревня».

² Ср. самоописание характера карела с ещё более «южного» района Карелии — из г. Олонца: «[для карелов] характерно спокойствие. В армии меня называли карелом. То есть я всегда спокоен. Нет у меня эмоциональный взрывов» (мужчина 1972 г. р.).

Граница Карелии проходит по линии официальной государственной границы (Россия — Финляндия), административной границе субъекта (Карелия в составе России), а также имеет культурное измерение. Государственная граница проходит по карте и осмысливается собеседниками в понятиях экономического благополучия, тогда как культурная отсылает к различиям характеров и норм поведения.

Какие категории практически отсутствовали в интервью? В интервью, за редким исключением, не вспоминали о государственных символах и событиях ранее 1930-х гг. Глубокие исторические экскурсы, т. е. дальше, чем на два поколения, характерны для так называемой группы экспертов или активистов, которые апеллируют к прошлым событиям для объяснения текущей этноязыковой ситуации, поиска источников идентичности или подкрепления самосознания.

Таким образом, в интервью с карельским населением мы видим переплетение этнической и региональной идентичности, в настоящее время в пользу этнической. Это особенно важно, если учесть, что такой мощный маркер, как карельский язык для большинства моих собеседников является символическим ресурсом самоидентификации. Принцип деления регионов по национально-административному принципу сосуществует с современными процессами интеграции и унификации культур. Эти тенденции сочетаются с процессами углубления и более отчетливой прорисовкой культурных различий. Об этом упоминал М. Фэзерстоун: «... усиления национальных государств, направленные на создание гомогенных, интегрированных культур <...> парадоксальным образом приводят к углублению этнической и региональной дифференциации».

Список литературы

Головнева, Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале сибирского региона) / Е. В. Головнева. Автореф. дис. ... докт. филос. наук. — Екатеринбург, 2018. — 38 с.

Дробижева, Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет / Л. М. Дробижева. — Москва : Новый хронограф, 2013. — 336 с.

Еремина, Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа / Е. В. Еремина // Регионология. — 2011. — № 3. URL: <http://regionsar.ru/node/781> (Дата обращения: 10.02.2021).

Клементьев, Е. И. Факторы этнической идентичности на примере карелов Карелии / Е. И. Клементьев // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия: Гуманитарные исследования. — 2012. — Вып. 3. — № 4. — С. 144–152.

Лескинен, М. В. Путешествие по родной стране: описание как способ национальной репрезентации. Финляндия и финны в изображении З. Топелиуса /

М. В. Лескинен // Одиссей. Человек в истории. — Москва : ИВИ РАН. — 2010. — С. 175–204.

Рождественская, Е. Ю. Биографический метод в социологии / Рождественская Е. Ю. — Москва : ИД Высшей школы экономики, 2012. — 600 с.

Стефаненко, Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. — 2009. — Серия 14: Психология. — № 2. — С. 3–16.

Cohen, A. P. Self-Consciousness: An Alternative Anthropology of Identity / A. P. Cohen. — London : Routledge, 1994. — 230 p.

Featherstone, M. Undoing Culture: Globalization, Postmodernism and Identity / M. Featherstone. — London, 1995. — 178 p.

Roth, K. What`s in Region? Southern European regions between globalization, EU-integration and marginalization / K. Roth // Ethnologia Balcanica. — 2007. — Vol. 11. — P. 17–42.

ЛИМАН Игорь Геннадиевич / LIMAN Igor

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

igorlim@gmail.com

ШЕСТАКОВА Екатерина Николаевна / SHESTAKOVA Ekaterina

МУ «Петрозаводская библиотечная система» / Municipal Institution Petrozavodsk Centralized Library System

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

kateshe28@gmail.com

ПРОЕКТ «100 СИМВОЛОВ КАРЕЛИИ»

THE PROJECT 100 SYMBOLS OF KARELIA

Abstract: The project *100 Symbols of Karelia* initiated by the information agency *Republic of Karelia* in February 2019 is analyzed. The representativeness of the project allows to assess the process of the formation of regional identity in Karelia. It determines the relevance of the study. As a result of the research, it was found out that the project *100 Symbols of Karelia* does not pursue the goal of restoring the lost Karelian identity, it contributes to the formation of a new regional identity, which will unite modern local community based on recognizable symbols. At the same time, the authors of the article draw attention to the utilitarian significance of the project, which contributes to the solution of socio-economic problems of the region as well as to the development of its tourist potential as a part of its image program.

Ключевые слова / Keywords: Карелия, региональная идентичность, символы, бренды / Karelia, regional identity, symbols, brands

В феврале 2019 года информационное агентство «Республика Карелия» запустило проект «100 символов Карелии»¹, который был посвящён предстоящему столетию республики. Дата праздника связана с образованием Карельской Трудовой Коммуны (КТК), которое произошло 8 июня 1920 г. В свою очередь, официальный праздник был учреждён не так давно — в 1999 г., что стало важным этапом в политике идентичности современной Карелии. В пояснительной записке к законопроекту было указано, что праздник — «символ, олицетворяющий процесс оформления государственности Карелии»². Данному празднику как символу Карелии посвящён один из репортажей рассматриваемого проекта.

¹ 100 символов Карелии // Республика Карелия [Электронный ресурс]. 2021. URL: <http://rk.karelia.ru/category/special-projects/100-simvolov-karelii/> (24.10.2021).

² Цумарова Е. Ю. День Республики Карелия как праздник карельской государственности: от единства к утилитаризму // Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР / России. Петрозаводск, 2018. С. 98.

Собственно, сам проект «100 символов Карелии» следует воспринимать как продолжение процесса формирования региональной идентичности у жителей современной Карелии, поэтому важно обратить внимание на содержание предлагаемых символов и определить их значение.

Перечень символов для проекта формировался редакцией на основе пожеланий, высказанных жителями Карелии в социальной сети «ВКонтакте». Там присутствуют самые разные предложения — от забавных до весьма серьёзных. С целью создания репортажей были выбраны люди, места, события, природа, кухня, традиции — «все, чем мы с вами гордимся, что мы ценим, что мы хотим сохранить»³. Весьма уместно говорить о том, что предпринимается попытка создать перечень «мест памяти» Карелии (по мысли Пьера Нора), что есть «всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности»⁴. Соответственно, избранные символы являются отражением природы карельской идентичности⁵, что прослеживается как в сюжетах с обобщенными заголовками, например, «Варежки», так и в более конкретных и очевидных для читателя, например, «Кюккя».

На основе представленных в проекте символов было выделено 12 смысловых групп (рис. 1). На приведённой диаграмме можно заметить, что более половины символов связано с именами известных деятелей, сферой искусства, этносами и их специфическими особенностями. Репрезентативная выборка позволила выявить, что разные группы населения Карелии не всегда имеют даже поверхностное представление о содержании данных символов, особенно о биографиях выдающихся личностей. В таком случае важная задача проекта состоит в просвещении населения, что в долгосрочной перспективе будет способствовать его консолидации и росту патриотических настроений. В то же время необходимо обратить внимание на практически полное отсутствие символов, связанных с региональными событиями и организациями. Данное обстоятельство свидетельствует о значительной атомизации сообщества в настоящий момент, однако рассматриваемый проект должен способствовать её преодолению.

³ Читатели могут предложить свои символы Карелии в новом проекте к 100-летию республики // Республика Карелия [Электронный ресурс]. 2021. URL: <http://rk.karelia.ru/social/chitateli-mogut-predlozhit-svoi-simvol-y-karelii-v-novom-proekte-k-100-letiyu-respubliki/> (24.10.2021).

⁴ Франция—память. СПб., 1999. С. 79.

⁵ Сафронова Ю. А. Историческая память: введение. СПб., 2019. С. 62.

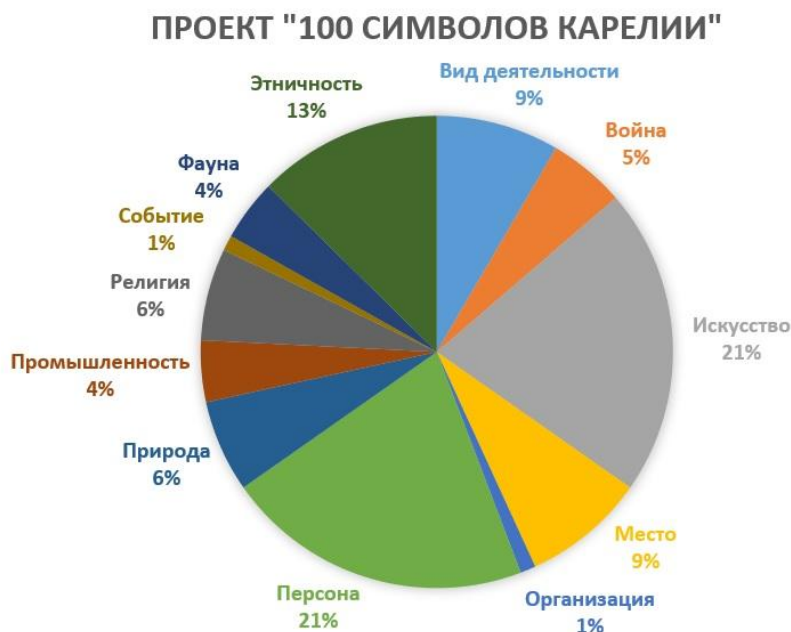

Рис. 1. Смысловые группы проекта «100 символов Карелии»

Если говорить об этнической идентичности, то в настоящее время «карельская идентичность — это почти утраченная материя»⁶. Об этом свидетельствует последняя Всероссийская перепись населения 2010 г.⁷, согласно результатам которой в Карелии проживает 45 570 человек, которые идентифицируют себя как карелы, что составляет примерно 7 % от общей численности населения региона (643 548 человек). Из них информацию о владении языками указали 45 557 человек, среди которых 45 529 человек владеют русским языком (почти 100 %; только 28 человек не владеют), а карельским — только 16 876 человек (примерно 37 % от общей численности карелов; примерно 2,6 % от общей численности населения Карелии). Таким образом, в относительном выражении цифры получаются весьма небольшие. Если сравнивать их с результатами предыдущей переписи, то обнаруживается ещё более безотрадная картина. Ранее, согласно результатам Всероссийской переписи населения 2002 г.⁸, в Карелии проживало 65 651 карелов, что на тот момент составляло примерно 9,1 % от общей численности населения региона (716 281 человек). Из них 65 546 человек владели русским языком (почти 100 %; только 105 человек

⁶ «Карельская идентичность — почти утраченная материя». Илья Соломещ // *YouTube* [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://youtu.be/WFr3DPXesaU> (24.10.2021).

⁷ Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года // Всероссийская перепись населения 2010 года [Электронный ресурс]. 2021. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (24.10.2021).

⁸ Итоги переписи // Всероссийская перепись населения 2002 года [Электронный ресурс]. 2021. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (24.10.2021).

не владели), а карельским — 31 794 человека (примерно 48 % от общей численности карелов; примерно 4,4 % от общей численности населения Карелии). Соответственно, наблюдается ярко выраженная тенденция, которая свидетельствует об угасании этнической идентичности у карелов. Не только количественные данные, но также сама попытка изучать традицию, которая предпринимается в проекте «100 символов Карелии», говорит о том, что мы уже не в силах однозначно распознать её носителей⁹. В такой момент возникает потребность в «местах памяти», и они рождаются — бастионы, которые позволяют сохранить исчезающие воспоминания¹⁰.

Проект «100 символов Карелии» преследует цель даже не восстановления утраченной идентичности или поддержания того, что от неё осталось, а формирования новой региональной идентичности, которая объединит современное локальное сообщество на основе узнаваемых символов. Следующий этап развития символов Карелии будет связан с возникновением коммеморативных практик, когда начнутся работы, связанные с установкой памятников, проведением юбилейных торжеств, использованием символов в названиях улиц, а также другими подобными мероприятиями. Первые шаги в этом направлении уже сделаны, и постепенно символы проникают в городскую инфраструктуру. Соответственно, предлагаемый проект ориентирован не столько на карелов в этническом смысле, сколько на всех тех людей, которые проживают на территории современной Карелии и отождествляют себя с данным территориальным пространством — это более значительное по своим количественным параметрам сообщество.

На основе опубликованных репортажей и отсутствия среди них некоторых сюжетов относительно чётко прослеживаются пространственные характеристики проекта, которые ограничиваются административно-территориальными границами современного субъекта Российской Федерации — Республика Карелия. Из повествования были исключены сюжеты о символах, которые имеют отношение к Карелии как исторической области, но в настоящее время расположены на территориях Финляндии, Ленинградской и Архангельской областей. Если говорить о карельском народе, то встречаются только упоминания о достаточно многочисленных группах, проживающих за пределами Республики Карелия. О таких сюжетах не вспомнили как редакторы проекта, так и пользователи социальной сети, которые предлагали свои идеи для

⁹ Франция—память. С. 23.

¹⁰ Там же. С. 27.

репортажей. Данное обстоятельство отчасти свидетельствует о том, что процесс формирования новой региональной идентичности происходит весьма успешно.

Проект «100 символов Карелии» как попытка объединить сообщество — это только одна составляющая, которая не исчерпывает его содержания. Весьма отчётливо прослеживается один из критериев отбора символов — формирование положительного и притягательного имиджа Карелии. Данный имидж должен способствовать развитию туристского потенциала региона, и в этом смысле происходит формирование даже не символов, а брендов Карелии. Такой исключительно маркетинговый термин прямо используется в некоторых репортажах, например, об озёрах, которые «давно считаются главным брендом Карелии»¹¹. Соответственно, в дальнейшем «бренды» проникают в туристические путеводители¹², а затем превращаются в один из пунктов обязательной программы посещения мест как для гостей региона, так и его постоянных жителей. В результате открываются дополнительные коммерческие возможности использования узнаваемого бренда, что справедливо как в случае с конкретным местом, так и с символами идеального порядка. В свою очередь, работа с брендами имеет определённую специфику. Их многочисленность — не лучшее решение. Для продвижения символов как брендов предпочтительнее сосредоточиться только на уникальных вариантах, которые будут ассоциироваться именно с Карелией.

Кроме того, обозначение объекта как символа помогает решить некоторые социально-экономические задачи, потому что способствует привлечению дополнительных финансовых средств в проекты, которые с ними связаны. В настоящее время один из таких проектов нацелен на работу с Онежскими петроглифами, которые планируется включить в туристические маршруты, а затем создать соответствующую инфраструктуру для их посещения, что является крайне важным следствием формирования символов для жителей региона. Статус символа подчёркивает особое положение проекта на фоне его конкурентов, а также устанавливает определённую репутационную ответственность, когда реставрационные работы, например, не смогут столкнуться с необоснованным недостатком финансирования. Таким образом, проект «100 символов Карелии», вероятно, не ограничится только обозначением символов, но также повлечёт за собой их дальнейшее развитие, которое будет связано как

¹¹ Озёра // Республика Карелия [Электронный ресурс]. 2021. URL: <http://rk.karelia.ru/special-projects/100-simvolov-karelii/ozyora/> (24.10.2021).

¹² Клубкин А., Смагин И. Карелия: Петрозаводск и окрестности. Путеводитель от Geo360 // ЛитРес [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://www.litres.ru/aleksey-klubkin/kareliya-petrozavodsk-i-okrestnosti-putevoditel-ot-geo360/> (24.10.2021).

с продолжением процесса формирования региональной идентичности, так и их коммерциализацией.

Вполне вероятно, что существует определённый баланс между двумя составляющими проекта «100 символов Карелии» — ценностной и коммерческой, под влиянием которых определяется выбор символов. Весьма распространённым является мнение, что символы трагических событий прошлого могут негативно с точки зрения коммерции сказаться на имидже региона, поэтому они зачастую оказываются исключёнными из подобных проектов. В репортаже о Беломорско-Балтийском канале указывается, что «не всякий символ Карелии — гордость республики», но в то же время «забывать о них мы не должны»¹³. Позиция редакторов проекта представляется верной, потому что сохранение памяти о трагических символах прошлого — перспективный путь. Ещё Эрнестом Ренаном было замечено, что страдания и траур консолидируют сильнее, чем триумф и успех¹⁴. В данном случае обозначается только один из таких символов, но трагических событий в тысячелетней истории Карелии было весьма много, однако они не стали частью проекта. Например, одним из пользователей социальной сети «ВКонтакте» было предложено включить Сандармох в перечень символов. Его идею поддержали другие люди, если судить по количеству «лайков», однако соответствующего репортажа так и не появилось, хотя упоминания о нём присутствуют в некоторых выпусках.

Если обратиться к форме исполнения проекта, то можно заметить большое разнообразие используемых форматов: таймлайны, панорамы, фото, видео и подкасты. Венцом проекта должно стать издание книги, в которой будет представлена информация о каждом из выявленных символов Карелии. Использование креативного подхода в реализации подобных проектов является крайне важным фактором успеха, а его наличие неоднократно подтверждалось победами в разных номинациях престижных конкурсов. Соответственно, креативная форма исполнения проекта в совокупности с широким диапазоном охватываемых идей для символов позволяет получить отклик среди разных групп населения, а победа в борьбе за внимание читателя — главный приз в современном мире.

¹³ Беломорско-Балтийский канал // Республика Карелия [Электронный ресурс]. 2021. URL: <http://rk.karelia.ru/special-projects/100-simvolov-karelii/belomorsko-baltijskij-kanal/> (24.10.2021).

¹⁴ Асман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 41.

Анализ символов подводит нас к заключению, что их содержательность — соответствие действительным символам Карелии — является второстепенным вопросом, потому что они не воссоздаются, а формируются, и сам проект выполняет функцию их легитимации. Таким образом, проект «100 символов Карелии» отражает процесс формирования новой региональной идентичности. В свою очередь, существует и вторая составляющая проекта, которая в некотором смысле повторяет судьбу празднования Дня Республики¹⁵: утилитарное значение проекта, который служит решению некоторых социально-экономических задач региона, способствует развитию его туристского потенциала как часть имиджевой программы. Впрочем, проект ещё не закончен: на данный момент выпущено 95 репортажей (на 24 октября 2021 года), на основе анализа которых были выявлены обозначенные тенденции.

Список литературы

Ассман, А. *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика* / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.

Сафронова, Ю. А. *Историческая память: введение* / Ю. А. Сафронова. — Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. — 220 с.

Франция—память / П. Нора [и др. ; пер. с фр. Д. Хапаевой]. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1999. — 328 с.

Цумарова, Е. Ю. *День Республики Карелия как праздник карельской государственности: от единства к утилитаризму* / Е. Ю. Цумарова // *Карелия — приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР / России* / отв. ред. О. И. Кулагин. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2018. — С. 97–101.

¹⁵ Цумарова Е. Ю. День Республики Карелия ... С. 100.

КУЗНЕЦОВ Денис Николаевич / KUZNETSOV Denis

Национальный музей Республики Карелия / National Museum of the Republic of Karelia

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

dnkuz@yandex.ru

КАРЕЛЬСКИЙ ДИЗАЙН

KARELIAN DESIGN

Abstract: The text outlines the role of design as an industry to produce regional images. Design activity in the Republic of Karelia is accompanied by an inter-professional discussion and the development of a methodological framework defining the features of the regional design style in the period 2018–2021. The article examines how this process took place, mainly on the examples of the festival *Petrozavodsk — the capital of Russian design 2020* and the museum project *Laboratory of Northern Design*, the characteristics of the Karelian design style are given.

Ключевые слова / Keywords: Карелия, дизайн, история дизайна, карельский дизайн, северный дизайн, наследие, Республика Карелия, музей, Национальный музей Республики Карелия, проект / Karelia, design, design history, Karelian design, northern design, heritage, Republic of Karelia, museum, National Museum of the Republic of Karelia, project

Введение

В последние три года в Республике Карелия дизайнерская деятельность сопровождается межпрофессиональной дискуссией и разработкой методологической рамки, определяющей особенности регионального стиля дизайна, его характеристик. Это в большой степени связано с тем, что дизайн стал такой же значимой деятельностью по идентификации региона, как и близкое к нему изобразительное искусство¹. Сам по себе дизайн можно определять как индустрию производства образов, объединяющую науку, искусство и технологию².

В XX в. дизайн значительно повлиял на тотальную предметную среду, непрерывно порождаемую цивилизацией. История предметного мира, которой

¹ Карельское изобразительное искусство стало формироваться в 1930-е гг. с образованием Союза советских художников Карелии, а наибольший расцвет получило в 1960–1980-е гг.

² Здесь необходимо напомнить о множественности определений понятия «дизайн», из которых мы приведем еще два: 1) форма организованности художественно-проектной деятельности, производящая потребительскую ценность продуктов материального и духовного массового потребления (см.: *Глазычев В. А. О дизайне. Очерки по теории и практике дизайна на Западе.* М., 1970. URL: <http://www.glazychyev.ru/books/design/design.htm> (04.11.2021).); 2) область проектной деятельности, охватывающая теорию и практику создания предметной среды во всех сферах жизнедеятельности человека (см.: 34 определение понятия что такое дизайн // *Border. Журнал о дизайне и технологиях.* URL: <https://jborder.ru/stati/34-opredelenie-ponyatiya-cto-takoe-dizajn/> (04.11.2021). Большая часть определений сходится в том, что дизайн — это творческая деятельность, художественное проектирование различных объектов (вещей, среды, жизненных ситуаций и социально-культурных последствий и т. д.). Важно, что под термином «дизайн» может определяться собственно замысел (проект), процесс его реализации и полученный результат.

занимаются музеи, не может быть осмыслена без истории дизайна, который стал частью мирового культурного наследия. С последней четверти XX в. дизайн становится интересен не только музеям изобразительного и декоративно-прикладного искусств, но и краеведческим, научно-техническим музеям, появляются специализированные музеи дизайна.

2020 год: столетие Республики Карелия и столетие дизайна

В 2018 г. Национальный музей Финляндии организовал выставку «10 000 лет дизайна. Человек, материя, преобразование». Эту выставку дополнил каталог, который стал беспрецедентной попыткой обобщения истории материальной культуры, декларацией оригинального финского подхода к дизайну и особым образом сфокусированной презентацией музейных коллекций³.

В преддверие 100-летия Республики Карелия Национальный музей Республики Карелия обратил внимание на 100 лет развития материальной культуры в нашем регионе, выяснение ее региональных особенностей и истоками северного дизайна в карельском стиле. В октябре 2018 года началась «Лаборатория северного дизайна» — проект-победитель конкурса «Музей 4.0» программы «Музей без границ» Благотворительного фонда Владимира Потанина⁴.

Юбилей республики символически совпал с эпохальными событиями, связанными с рождением дизайна после социальных революций и второй промышленной революции в начале века, в числе которых рождение дизайнерского проектного подхода в образовательных центрах «Баухаус» в Германии и ВХУТЕМАС в России, провозгласивших единство среды, архитектуры, интерьера, искусства и технологий.

Североевропейские страны — соседи нашего региона — в прошлом веке создали северный («скандинавский») дизайн на основе своего наследия. Северный дизайн получил мировое признание. Он стремится к равновесию человека и природы, эстетики и функции, традиции и эксперимента. Финский дизайн соединил национальную традицию и модернизм. Геселиус, Линдгрэн, Сааринен, архитекторы художественной мастерской в Виттреске, дизайнеры и архитекторы Алвар и Айно Аалто начали процесс, который сделал Финляндию одной из важнейших стран с точки зрения дизайна.

Идеи северного дизайна, сотрудничество карельских художников с европейскими соседями оказывают большое влияние на деятельность дизайнеров Карелии. Узнаваемость, уникальность дизайнерского творчества в регионе — фактор экономического и творческого успеха. Поэтому формирование карельского стиля дизайна является частью общей стратегии, объединяющей усилия, в том числе, музейных сотрудников и дизайнеров, а также их партнеров.

³ Kokkonen V., Colombo F. Man Matter Metamorphosis — 10 000 Years of Design. Helsinki, 2018.

⁴ Лаборатория северного дизайна // Национальный музей Республики Карелия. [Электронный ресурс]. URL: <http://nmrk.karelia.ru/site/section/1234> (04.11.2021); Лаборатория Северного дизайна // VK.com [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/severdesign> (04.11.2021).

Юбилейный для республики год стал показательным для коллабораций различных субъектов/акторов, объединяющих в результатах деятельности наследие, традиции и дизайн. В 2020 г. Карельское региональное отделение Союза дизайнеров России⁵ организовало фестиваль «Петрозаводск — столица российского дизайна». Программа фестиваля включила разнообразные культурные и деловые события, среди которых следует выделить выставку «VICTORIA DESIGN AWARDS ДИЗАЙН РОССИИ 2020» в музее изобразительных искусств Республики, региональный конкурс предметного дизайна и ремёсел «Придумано и сделано в Карелии»⁶ и одноименную выставку во Всероссийском музее декоративно-прикладного искусства в Москве⁷.

«Протодизайн Карелии». Экспресс-выставка (инсталляция в постоянной экспозиции Национального музея Республики Карелия) во время события «Про дизайн» проекта «Лаборатория северного дизайна». Июнь 2019 г. Автор фотографии Леонид Николаев

В этих событиях 2020 и начала 2021 годов в республике и на федеральном уровне были представлены современные работы дизайнеров и ремесленников Карелии, а в музейном проекте «Лаборатория северного дизайна» партнерам удалось проанализировать и представить историю регионального дизайна, сформулировать его стилевые характеристики.

⁵ КРО «Союз дизайнеров России» // VK.com [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/kro_ooo_cdr (04.11.2021).

⁶ В организации конкурса и выставки «Придумано и сделано в Карелии» большое значение имело партнерство КРО «Союз дизайнеров России» с Ассоциацией этнокультурных центров «Эхо» и центром «Молодая Карелия» в рамках российско-финляндского проекта «Код северных ремёсел» (*Northern Crafts ID*), 2020–2022 гг. См.: Код северных ремесел // *Karelia CBC* [Электронный ресурс]. URL: <https://kareliacbc.fi/ru/projects/kod-severnykh-remyosel> (04.11.2021).

⁷ Выставка «Придумано и сделано в Карелии» // Всероссийский музей декоративно-прикладного искусства [Электронный ресурс]. URL: https://vmdpni.ru/data/events/2021/fevral/pridumano_i_sdelano_v_karelii/index.php (04.11.2021).

«Лаборатория северного дизайна»

Проект Национального музея Республики Карелия организовал совместную деятельность музейного и арт-сообществ для появления новых культурных продуктов и услуг, развития профессиональных компетенций, поиска новых методов работы с культурным наследием. Он был реализован с 1 октября 2018 г. по 31 марта 2021 г. Основные партнеры проекта: Ассоциация этнокультурных центров «ЭХО» (на первом этапе проекта), Карельское региональное отделение «Союз дизайнеров России», Галерея промышленной истории (на втором этапе проекта).

Исследовательский этап проекта включил работу с источниками, с публикациями и музейными собраниями Национального музея и муниципальных музеев Республики Карелия, интервью с дизайнерами, художниками, ремесленниками. Результатом стало исследование «Дизайн Карелии XX — начала XXI века», авторы — искусствовед Екатерина Рычкова и доцент кафедры технологии, изобразительного искусства и дизайна Института педагогики и психологии ПетрГУ Ирина Власова⁸.

Обложка издания в электронном виде «Дизайн Карелии XIX – начала XXI вв. Исследование в рамках проекта «Лаборатория северного дизайна». Дизайн Евгении Маккоевой

⁸ Власова И. А., Рычкова Е. А. Дизайн Карелии XIX — начала XXI вв. Национальный музей Республики Карелия; Ассоциация этнокультурных центров и организаций по сохранению наследия «ЭХО». Исследование в рамках проекта «Лаборатория северного дизайна». Петрозаводск, 2019. URL: https://yadi.sk/i/zw97OS0TOd_WUw (04.11.2021).

Одновременно подготовлено музейное издание «Интерпретация культурного наследия в ремёслах и дизайне», подготовленное Екатериной Логвиной, научным сотрудником Национального музея Республики Карелия⁹. Это издание знакомит профессионалов с историей ремесел, представленных в коллекциях музея, объясняет, как с ними познакомиться.

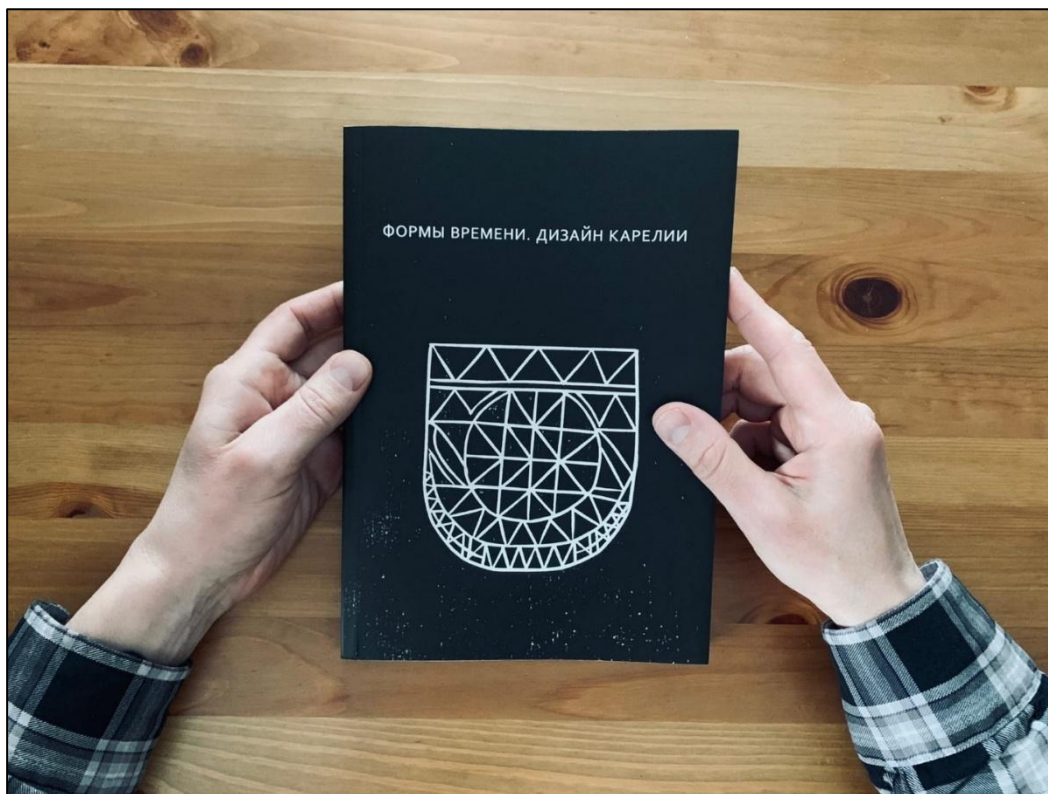
Разворот октябрьского номера журнала Carelia за 2020 г. с фотографиями выставки «Формы времени. Из истории предметного и средового дизайна Карелии (XIX–XX век)». Фотография Евгении Маккоевой

Пик деятельности проекта пришелся на 2020 г., юбилейный для Республики Карелия. Команда проекта организовала три творческих лаборатории с участием экспертов в области творческих индустрий и музейного дела из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Коломны, Ярославля, Сыктывкара, Архангельска, Мурманска. Результатами этих лабораторий стали открытие выставок «Линии времени. Из истории графического дизайна Карелии (XX век)», «Формы времени. Из истории предметного и средового дизайна Карелии (XIX–XX век)», «ТДТ-55 «Онежец». История одного трактора»; издание арт-путеводителя «Немыслимый Петрозаводск» по десяти тематическим городским маршрутам в электронном¹⁰ и печатном вариантах¹¹; музейный магазин Национального музея Республики Карелия и оригинальные ремесленные и дизайнерские сувенирные линейки.

⁹ Логвиной Е. С. Интерпретация культурного наследия в ремеслах и дизайне. Петрозаводск, 2019. Также опубликовано онлайн: <https://disk.yandex.ru/i/n5uYAuApilsgng> (04.11.2021).

¹⁰ Электронная версия «Немыслимого Петрозаводска» размещена онлайн на *Google My Maps*.

¹¹ Немыслимый Петрозаводск: Городской скетчбук: [Путеводитель] / Автор идеи: Евгения Маккоева; авторы-составители: Тамила Асанова, Евгения Маккоева. Петрозаводск, 2020.

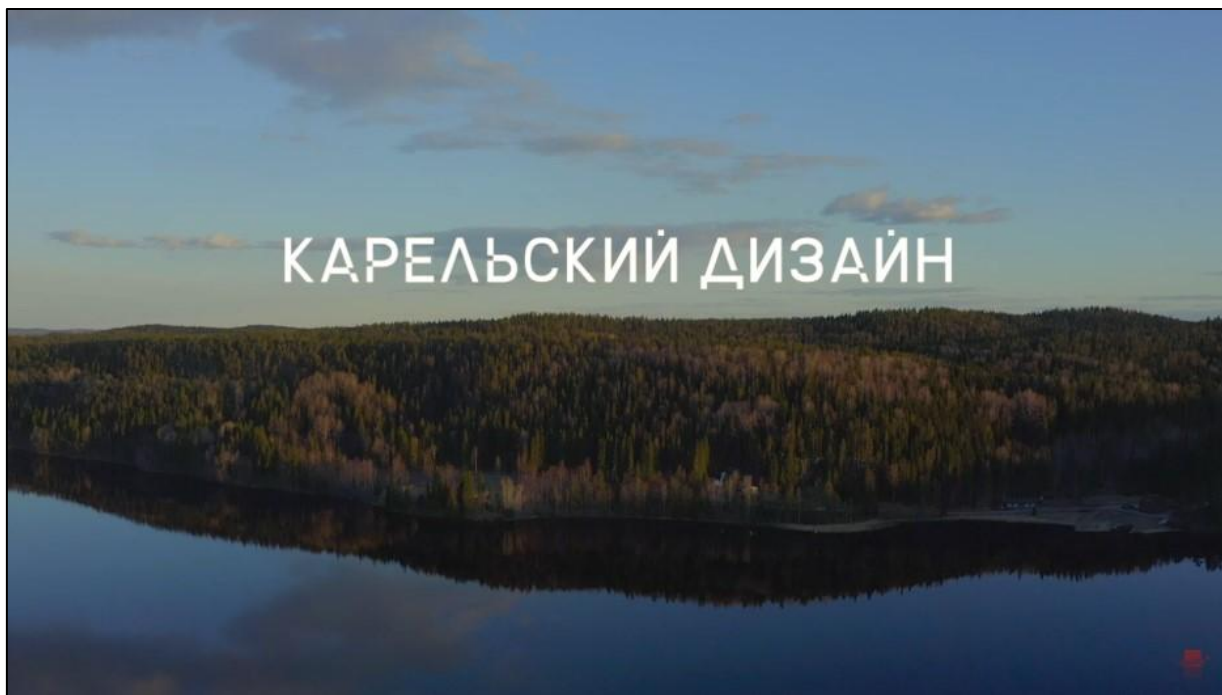

Книга «Формы времени. Дизайн Карелии». Автор фотографии Евгения Маккоева.
Архив проекта «Лаборатория северного дизайна»

Фрагмент интерьера музейного магазина Национального музея Республики Карелия. Изделия, спроектированные и изготовленные дизайнером Яной Пермяковой. Автор фотографии Леонид Николаев. Архив проекта «Лаборатория северного дизайна»

В завершение проекта с января по март 2021 г. в онлайн формате была проведена программа «Карельский дизайн-марафон». В ней состоялись премьеры фильмов «Карельский дизайн» и *Kozitti*, организован «Модный показ» этноколлекций дизайнерской одежды, сняты и представлены видеоролики об авторах сувенирных линеек для музейного магазина, проведен конкурс новых скетчей для электронной версии арт-гида «Немыслимый Петрозаводск»¹².

«Карельский дизайн». Заставка из трейлера документального фильма

Заключение

В начале 2021 г. была издана научно-популярная книга «Формы времени. Дизайн Карелии»¹³, в которой обобщены результаты проекта «Лаборатория северного дизайна». Авторы-составители книги убеждены, что карельский дизайн соответствует общим принципам северного дизайна¹⁴ с присущими ему лаконичностью, демократичностью, функциональностью, обращённостью к природе как главному источнику творчества. Экологичность, использование

¹² Онлайн-формат выбран командой проекта в связи с пандемией коронавирусной инфекции. Записи презентаций и видеороликов доступны в группе «Лаборатория северного дизайна» в социальной сети «ВКонтакте» (см.: Лаборатория Северного дизайна: Проект // VK.com [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/severdesign> (04.11.2021) и на youtube-канале Национального музея Республики Карелия.

¹³ Формы времени: Дизайн Карелии / Национальный музей Республики Карелия; авторы-составители Д. Н. Кузнецов, Е. С. Логвиненко, Е. И. Маккоева; научный консультант Е. А. Рычкова. Петрозаводск, 2021.

¹⁴ Северный дизайн (См.: Улянов П. Северный дизайн // Искусство. Журнал. 2017. №2 (601). URL: <https://iskusstvo-info.ru/severnyj-dizajn/> (04.11.2021)) здесь понимается как скандинавский и финский, с которым хорошо знакомы дизайнеры, мастера-ремесленники, художники Карелии.

местных природных материалов в производстве, работа с северным образом жизни, выявление связей между городской и народной деревенской культурой, уважительное отношение к традициям и ремеслу обусловили преемственность и выразительность форм карельского дизайна, открытого к новому, но опирающегося на опыт прошлого.

Карельский стиль дизайна в перспективе основывается на уникальной географии, культуре и истории нашего пограничного, северного региона России, объединяющего российский и европейский культурный и технологический опыт.

Вместе с истоками, характеристиками, историческими примерами карельского стиля дизайна в книге «Формы времени. Дизайн Карелии» от первого лица представлена деятельность петрозаводских дизайнеров Яны Пермяковой и Евгении Маккоевой, участников проекта, создателей своих брендов¹⁵. Авторы являются сторонниками развития регионального стиля в контексте северного дизайна, включающего в себя традиции художественного проектирования предметного мира скандинавских стран и Финляндии, традиции Русского Севера и современные глобальные/интернациональные тенденции.

Вместе с упомянутой книгой другими способами представления истории и современности регионального дизайна стали видеоработы: документальный фильм «Карельский дизайн»¹⁶, короткометражный фильм *Kozittu*¹⁷ проекта «Лаборатория северного дизайна»¹⁸, видеоролик *Karelian Design Code*, произведенный КРО «Союз дизайнеров России» в рамках фестиваля «Петрозаводск — столица российского дизайна 2020» для программы *RUSSIA: multibrand*¹⁹. Эти фильмы являются успешными примерами коллабораций представителей творческих профессий, музейных и других специалистов.

Таким образом, в последние годы, создан заметный информационный и образовательный ресурс, которым могут оперировать музеи, творческие индустрии, образовательные институции и другие заинтересованные субъекты. Это своего рода виртуальный музей карельского дизайна, в том числе обращающий внимание на способы формирования образов Карелии и их изменение во времени.

¹⁵ Дизайн и ремесла: Бренд из Карелии // VK.com [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/designiremeslo> (04.11.2021); Дизайн и ремесла // Instagram [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/designiremeslo> (04.11.2021); *Karelian Design*: Петрозаводск // VK.com [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/designkarelian> (04.11.2021); *Karelian Design* // Instagram [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/kareliandesign/> (04.11.2021).

¹⁶ Карельский дизайн: Документальный фильм // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/00mmeUslAV4> (04.11.2021).

¹⁷ Короткометражный фильм *Kozittu* // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/KyXAenL32I> (05.11.2021); *Kozittu* (фильм в режиссерской версии) // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/lJ5KF1s8N9Q> (05.11.2021).

¹⁸ В сентябре 2021 года фильм *Kozittu* был отмечен специальным дипломом за профессиональное воплощение и популяризацию финно-угорского стиля VII Международного фестиваля визуальных искусств финно-угорских народов «Туйвеж» (г. Сыктывкар, Республика Коми).

¹⁹ *Karelian Design Code* // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/JaipBpHoosU> (04.11.2021).

Список литературы и онлайн-публикаций

34 определение понятия что такое дизайн // *Border*. Журнал о дизайне и технологиях [Электронный ресурс]. — URL: <https://jborder.ru/stati/34-opredelenie-ponyatiya-chto-takoe-dizajn/>. — (04.11.2021).

Власова, И. А. Дизайн Карелии XIX — начала XXI вв. Национальный музей Республики Карелия; Ассоциация этнокультурных центров и организаций по сохранению наследия «ЭХО». Исследование в рамках проекта «Лаборатория северного дизайна» / И. А. Власова, Е. А. Рычкова. — Петрозаводск, 2019. — URL: https://yadi.sk/i/zw97OS0TOd_WUw. — (04.11.2021).

Выставка «Придумано и сделано в Карелии» // Всероссийский музей декоративно-прикладного искусства [Электронный ресурс]. — URL: https://vmdpni.ru/data/events/2021/fevral/pridumano_i_sdelano_v_karelii/index.php. — (04.11.2021).

Глазычев, В. Л. О дизайне: очерки по теории и практике дизайна на Западе / В. Л. Глазычев. — Москва: Искусство, 1970. URL: <http://www.glazychev.ru/books/design/design.htm>. — (04.11.2021).

Дизайн и ремесла: бренд из Карелии // VK.com [Электронный ресурс]. — URL: <https://vk.com/designiremeslo>. — (04.11.2021).

Дизайн и ремесла // Instagram [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.instagram.com/designiremeslo>. — (04.11.2021).

Карельский дизайн: документальный фильм // *YouTube* [Электронный ресурс]. — URL: <https://youtu.be/00mmeUslAV4>. — (04.11.2021).

Код северных ремесел // *Karelia CBC* [Электронный ресурс]. — URL: <https://kareliacbc.fi/ru/projects/kod-severnykh-remyosel>. — (04.11.2021).

Короткометражный фильм *Kozittu* // *YouTube* [Электронный ресурс]. — URL: <https://youtu.be/KyXAenLJ32I>. — (05.11.2021).

КРО «Союз дизайнеров России» // VK.com [Электронный ресурс]. — URL: https://vk.com/kro_ooo_cdr. — (04.11.2021).

Лаборатория северного дизайна: проект // Национальный музей Республики Карелия [Электронный ресурс]. — URL: <http://nmrk.karelia.ru/site/section/1234>. — (04.11.2021).

Лаборатория Северного дизайна // VK.com [Электронный ресурс]. — URL: <https://vk.com/severdesign>. — (04.11.2021).

Логвиненко, Е. С. Интерпретация культурного наследия в ремеслах и дизайне / Е. С. Логвиненко. — Петрозаводск: Национальный музей Республики Карелия, 2019. — 133 с. — URL: <https://disk.yandex.ru/i/n5uYAuApilsgng>. — (04.11.2021).

Немыслимый Петрозаводск: городской скетчбук: [путеводитель] / автор идеи: Евгения Маккоева; авторы-составители: Тамила Асанова, Евгения Маккоева. — Петрозаводск: Periodika, 2020. — 78 с.

Петрозаводск «Столица дизайна 2020» // VK.com [Электронный ресурс]. — URL: <https://vk.com/ptz2020>. — (04.11.2021).

Ульянов, П. Северный дизайн / П. Ульянов // Искусство. Журнал. — 2017. — №2 (601). — URL: <https://iskusstvo-info.ru/severnyj-dizajn/>. — (04.11.2021).

Формы времени. Дизайн Карелии / Национальный музей Республики Карелия; авторы-составители Д. Н. Кузнецов, Е. С. Логвиненко, Е. И. Маккоева; научный консультант Е. А. Рычкова. Петрозаводск : Периодика, 2021. — 171 с.

Karelian Design Code // *YouTube* [Электронный ресурс]. — URL: <https://youtu.be/JaipBpHoosU>. — (04.11.2021).

Karelian Design : Петрозаводск // VK.com [Электронный ресурс]. — URL: <https://vk.com/designkarelian>. — (04.11.2021).

Karelian Design // Instagram [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.instagram.com/kareliandesign/>. — (04.11.2021).

Kozitti (фильм в режиссерской версии) // *YouTube* [Электронный ресурс]. — URL: <https://youtu.be/lJ5KF1s8N9Q>. — (05.11.2021).

Kokkonen, V. *Man Matter Metamorphosis — 10 000 Years of Design* / V. Kokkonen, F. Colombo. — Helsinki : The Finnish Heritage Agency, 2018. — 370 p.

ЦУМАРОВА Елена Юрьевна / TSUMAROVA Elena

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы / North-Western Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

tsumarova@gmail.com

СОЛОМЕЩ Илья Мотелевич / SOLOMESHCH Илья

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

isol@petrsu.ru

КРУГЛОВА Алиса Андреевна / KRUGLOVA Alisa

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта / Immanuel Kant Baltic Federal University

Россия, Калининград / Russia, Kaliningrad

kruglovaalissa@gmail.com

**КОНСТРУИРУЯ КАРЕЛИЮ: СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
РЕГИОНА В ИСТОРИЧЕСКОМ, ОФИЦИАЛЬНОМ И
ПОВСЕДНЕВНОМ ДИСКУРСЕ**

**CONSTRUCTING KARELIA: STRATEGIES FOR REPRESENTING THE REGION
IN HISTORICAL, OFFICIAL AND EVERYDAY DISCOURSE**

Abstract: The article identifies and analyzes the main narratives and discursive practices that form the concept of the Republic of Karelia. Based mainly on the method of discourse analysis of textual materials, the authors address historical, official, and everyday discourses. The article introduces a cross-disciplinary approach that allows combining the tools of historiographic, political and sociological analysis. The elements of continuity and novelty in the formation of the basic narrative of Karelian history are analyzed to identify specific features of the historical discourse. Official materials, as well as speeches by the leaders of the region during the celebration of the Day of the Republic in 2000–2020, became sources for the analysis of the official discourse. Everyday discourse is scrutinized through the analysis of a series of semi-structured interviews with residents of the republic. The study of the interaction of various narratives makes it possible to identify representation strategies of the region in the public space. The authors assert that there are several strategies for representing Karelia, the combination of which largely depends on the political context and the position of the official authorities.

Ключевые слова / Keywords: Республика Карелия, юбилеи, репрезентация, регион, идентичность, историография, дискурсы / Republic of Karelia, anniversaries, representation, region, identity, historiography, politics, everyday life, discourses

В 2020 г. Республика Карелия праздновала 100-летие со дня образования Карельской трудовой коммуны — «первого государственного образования» на этой территории. Само празднование Дня Республики вызывает достаточно оживленную дискуссию среди историков, политологов, жителей Карелии. Что именно ежегодно

отмечается 8 июня? Что скрывается за понятием «Карелия»? На чем основываются представления о регионе у разных групп населения, и насколько они пересекаются? Попытке ответить на эти вопросы и посвящена данная статья.

В статье анализируются официальные, исторические и повседневные представления о Республике Карелия. Методологически работа основывается на дискурсивном анализе текстовых материалов. Для выявления составных элементов исторического дискурса анализируются элементы преемственности (*long lines*) и новации в формировании базового нарратива истории Карелии; проблема пересекающихся исторических нарративов в российской/советской и финляндской традиции; контрапозиция государствоцентричного и этноцентричного в историографии. Источниками данных для анализа официального дискурса стали материалы с официального сайта правительства РК, а также выступления руководителей региона во время празднования Дня республики (с 2000 г. — первый год празднования, до 2020 г.). Наконец, повседневный дискурс выявлялся на основе анализа серии полуструктурированных интервью с жителями республики (N = 34).

Теоретические основания исследования

В исследовательской литературе традиционно сложилось два направления в понимании региона. Первое из них рассматривает регион как территорию с особым социо-экономическим, культурным укладом, специфическими природными и архитектурными явлениями¹. Принадлежность к сообществу основывается на общем проживании на одной территории и формируется в результате регулярного взаимодействия его членов, распространения локального знания, фольклора, традиций и прочих факторов². Границы такого региона зачастую подвижны и не зависят от административно установленных решений. Они определяются общими языковыми и культурными нормами и традициями, а также общим прошлым.

Другое понимание региона развивалось в рамках конструктивистской парадигмы, рассматривавшей регион как социально-культурный конструкт. Принципиальным отличием этого подхода является признание региона не чем-то объективно существующим, а создаваемым в процессе сознательной деятельности политических акторов «воображаемым сообществом» (термин Б. Андерсона)³.

¹ См., напр.: *Terlouw K. Regional identities: quested and questioned // Handbook on the Geographies of Regions and Territories / Ed. by A. Paasi, J. Harrison, and M. Jones. Cheltenham; Northampton, 2018. P. 256–267.*

² *Цумарова Е. Ю. Образ Карелии: соотношение главных составляющих // Вестник Евразии. 2006. № 2. С. 154–170.*

³ Здесь и далее для описания механизмов конструирования региона как политического сообщества мы будем опираться на наработки в сфере исследований наций и национализма, которые рассматривают нацию как воображаемое политическое сообщество, являющееся ограниченным и суверенным (Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М., 2001.). Наличие у регионов политической автономии и органов власти, чьи полномочия ограничены административными границами, позволяет анализировать их как политические сообщества меньшего масштаба, и, соответственно, применять теоретические положения теорий нации и национализма (особенности регионов как политических

Ключевую роль в формировании региона начинают играть представления о «мы — сообществе», которые основываются на пространственных характеристиках⁴ и организованных формах коммуникации, связанных с политикой⁵. Как подчеркивает М. Китинг, региональные сообщества являются результатом «социальной мобилизации и политического руководства»⁶, направленным на приведение в соответствие представлений о «мы-сообществе» с существующими административными границами. Другими словами, если в первом подходе регион рассматривается скорее как культурное сообщество, то данный подход акцентирует внимание на искусственной природе регионов как сообществ политических, границы которого определяются границами действия политических институтов.

Процесс формирования региона и чувства принадлежности к нему (региональной идентичности) может быть описан в рамках концепции политики идентичности, под которой понимается сознательная деятельность политических акторов по формированию политического сообщества «с целью легитимации региональных властных институтов»⁷. Одним из важнейших элементов политики идентичности является формирование образа «мы-сообщества», который включает в себя исторический нарратив, позволяющий «укоренять» сообщество во времени и пространстве⁸.

Как отмечает Г. Миненков, конструирование истории является проектом, селективно организующим «исторические события с точки зрения непрерывности их связи с современным субъектом», что позволяет создавать «привлекательную репрезентацию жизни, ориентированную на настоящее», то есть формулировать «жизненную историю» сообщества в качестве акта самоопределения⁹. Политические элиты региона активно используют прошлое как для легитимации своих действий в настоящем, так и для консолидации сообщества, формирования образа «врага» и

сообществ см.: Цумарова Е. Ю. Политика идентичности в регионах России: научное электронное издание. Петрозаводск, 2016. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?pid=27898> (02.12.2021). См. также: Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6(40). С. 67–116; Макарычев А. С. Глобальное и локальное: меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием // Политическая наука. 2003. № 3. С. 8–27; Paasi A., Metzger J. Foregrounding the region // Regional Studies. 2017. 51(1). P. 19–30.

⁴ Terloin K. Regional identities: quested and questioned.

⁵ Paasi A., Metzger J. Foregrounding the region.

⁶ Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе. С. 94.

⁷ См.: Мелешкина Е. Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / Ред. М. В. Ильин, И. М. Бусыгина. М., 1999. С. 126–137; Цумарова Е. Ю. Единство в многообразии, или как российским регионам сохранить себя и укрепить Россию // Неприкосновенный запас. 2015. № 5. С. 57–66.

⁸ Малинова О. Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования, 2016. № 6. С. 139–158; Terloin K. Regional identities: quested and questioned.

⁹ Миненков Г. Идентичность в политическом измерении // Наше мнение: Экспертное сообщество Беларуси [Электронный ресурс]. 2005. URL: <http://nmnby.eu/news/analytics/414.html> (02.12.2021).

др.¹⁰. Учреждение праздничных дат, установка памятников и памятных знаков в этом смысле становятся значимым инструментом, позволяющим властвующей элите поддерживать доминирующий дискурс о «мы-сообществе», ритуализировать принадлежность к нему через участие в коллективных действиях¹¹. Праздники играют большую роль в политике идентичности, поскольку связаны не только с актуализацией региональной идентичности, но и с возможностью «консенсуса по поводу смысла социального мира»¹².

Политические элиты являются доминирующим, но не единственным актором политики идентичности в регионе. Напротив, регион является продуктом различных интерпретаций, которые «борются и сталкиваются друг с другом, деконструируют и вытесняют одна другую»¹³. Исследователи отмечают особую роль ученых, экспертов, СМИ в процессе формирования образа региона¹⁴. Представители региональной интеллигенции являются важными агентами формирования и тиражирования регионального мифа, который может быть взят на вооружение политической элитой¹⁵. В этом случае в регионе возникает единый региональный миф (нарратив), который работает на консолидацию сообщества. Властвующие элиты апеллируют к научному сообществу для подкрепления своей позиции и реализации тех или иных задач.

Однако возможно возникновение и другой ситуации, при которой академический дискурс будет противоречить официальным представлениям, предлагая альтернативный образ региона и его истории. В такой ситуации академический дискурс может либо стать маргинальным и практически не присутствовать в публичном пространстве региона, либо стать инструментом в политической борьбе различных политических сил (в том числе являться частью так называемого регионалистского дискурса¹⁶. Наличие или отсутствие конкурирующих дискурсов особенно отчетливо проявляется во время празднования юбилейных дат, поскольку праздники актуализируют дискуссию об образе регионального сообщества и его истории.

Наконец, предлагаемые политическими элитами интерпретации образа региона должны соответствовать представлениям и находить отклик в общественном сознании, то есть должны резонировать с коллективными

¹⁰ Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М. 2015. С. 11.

¹¹ Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

¹² Ефремова В. Н. Государственные праздники как инструменты символической политики: возможности теоретического описания // Символическая политика. 2014. № 2. С. 66–79.

¹³ Нойманн И. Использование «другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей М: Новое издательство, 2004. С. 188.

¹⁴ Семеновко И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. № 7(2). С. 5–24; Соколовский С. В. Современный этногенез или политика идентичности? // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 7–83.

¹⁵ Ноженко М. В., Ягольская Н. Б. В поисках нового регионального сообщества: возможная перспектива рассмотрения федеральных округов // Политическая наука. 2005. № 3. С. 119–141.

¹⁶ См., напр.: Витковская Т. Б., Назукина М. В. Траектории развития регионализма в России: опыт Свердловской области и Республики Татарстан // Мир России. 2021. № 30(1). С. 67–87.

представлениями¹⁷. Ведь сообщества формируются и на повседневном уровне как спонтанное взаимодействие людей, создающих и воспроизводящих регион, а транслируемые официальные представления о сообществе переопределяются на индивидуальном уровне¹⁸.

Исследователи выделяют несколько элементов формирования и воспроизводства сообщества людьми. В частности, к ним относится способ «говорения» о сообществе (что, как и в каких контекстах люди говорят о регионе); повседневные практики, связанные с регионом (например, для национальных республик особое значение приобретает выбор языка повседневного общения); осознанное и неосознанное участие в ритуализированных действиях и использование региональной символики (речь, в частности, идет об участии в региональных праздниках); наконец, значение имеют и практики повседневного потребления, через которые может проявляться региональный патриотизм (предпочтение товаров местных производителей)¹⁹. При этом подчеркивается, что эти элементы могут по-разному соотноситься с официальными представлениями о сообществе: от принятия через трансформацию/адаптацию до полного отрицания. Так, в частности, жители могут воспринимать региональные праздники не как повод для актуализации своей идентичности, а как дополнительный выходной, использовать региональную атрибутику как аксессуар, не вкладывая в это никакого дополнительного смысла. Другими словами, люди могут рассматривать регион исключительно как культурное сообщество, место проживания, не артикулируя связь с политическими институтами. И напротив, люди могут акцентировать внимание на деятельности региональных органов власти, воспринимая регион как сообщество политическое, обладающее собственными интересами, символами и т.д.

Таким образом, регион в данной статье рассматривается как социальный конструкт, в создании которого принимают участие политические элиты, научное сообщество и простые жители. Формируемые представления о регионе могут дополнять друг друга и «работать» на создание единого консолидирующего мифа, а могут являться поводом для явных или скрытых конфликтов. Анализ взаимодействия различных нарративов и дискурсивных практик позволит выявить стратегии репрезентации региона в публичном пространстве.

Историческая Карелия: репрезентация региона в отечественной и зарубежной историографии

Историческая Карелия на протяжении многих веков представляла собой порубежное этноисторическое пространство, внешние контуры и смысловое

¹⁷ Здравомыслова Е. Политика идентичности правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» // *Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения*. М., 2009. С. 120–136.

¹⁸ Kaufmann E. Complexity and nationalism // *Nations and Nationalism*. 2017. Vol. 23(1). P. 6–25; Fox J. E., Miller-Idriss C. Everyday nationhood // *Ethnicities*. 2008. Vol. 8(4). P. 536–563.

¹⁹ Fox J. E., Miller-Idriss C. Everyday nationhood. P. 538–552.

наполнение которого по-разному, в том числе и заведомо противоречиво, интерпретируются в рамках исторических сложившихся традиций и подходов.

В российской дореволюционной, а затем, с небольшими модификациями, в советской историографической традиции сформировалось несколько ключевых элементов универсальной схемы историописания Карелии. Это, во-первых, тезис о том, что в начале второго тысячелетия н. э. на землях между Ладожским и Онежским озерами карелы вошли в соприкосновение с вепсами и что освоение карелами территории современной Республики Карелия по времени совпадало с русским освоением. Отсюда делается часто повторяемый в русской и советской историографии вывод, что карелы и вепсы изначально входили в русское государство. Во-вторых, наиболее очевидным «общим местом» становится борьба с внешней агрессией — начиная опустошительных набегов шведских феодалов. В-третьих, связь Карелии с Новгородом приобретает конфессиональные и, следовательно, цивилизационные черты: православный мир как объект католического (позднее лютеранского) стремления к экспансии²⁰. В современных реалиях на уровне политически окрашенного дискурса и соответствующих риторических практик эта линия трансформировалась в концепцию форпоста («Карелия — форпост России»).

В современной российской историографии Карелия преимущественно рассматривается в рамках традиционной парадигмы истории государства (центра), что заметно и в обобщающих трудах последних десятилетий²¹. В противоположность финским авторам²², в России было не принято акцентировать внимание на то обстоятельство, что Карелия — гораздо более обширное этногеографическое и историческое пространство, чем современная Республика Карелия. Известный поворот к попытке концептуализации трансграничности истории Карелии наметился лишь в последние годы в рамках осуществления международных исследовательских проектов²³.

Формы репрезентации и интерпретации истории Карелии финскими авторами демонстрируют, что на определенных этапах было принято подчеркивать единство

²⁰ Подробнее об основных «длинных линиях» в историографии истории Карелии, в том числе об элементах преемственности советской историографической традиции по отношению к дореволюционной, см.: *Heininen L., Solomeshch I. Conflicts and peace as a background for Karelian history // Narva and the Baltic Sea Region: Political and Cultural Relations between Russia and the Baltic Region States / Ed. by K. Brüggemann. Narva, 2004. (=Studia humaniora et paedagogica Collegii Narovensis I). P. 291–301.*

²¹ См., напр.: *История Карелии с древнейших времен до наших дней / А. И. Афанасьева, А. И. Бутвило и др.; под общ. ред. Н. А. Кораблева и др. Петрозаводск, 2001.*

²² См., напр.: *Kirkinen H., Nevalainen P., Sihvo H. Karjalan kansan historia. Porvoo; Helsinki; Juva, 1994.*

²³ См.: *Nation Split by the Border: changes in the ethnic identity, religion and language of the Karelians from 1809 to 2009 / Ed. by T. Hämynen and A. Pashkov. Tampere, 2012; Трансформация и интеграция: карельская периферия в Российской империи / Ю. Корпела, К. Паршпей, И. Карвонен и др.; под общ. ред. И. Черняковой. СПб, 2021.*

карельского региона в силу естественно-географических и культурно-исторических обстоятельств. Напротив, были периоды, когда в центре внимания оказывались по преимуществу различия в цивилизационной ориентированности «русской» и «финской» Карелий. Определяющим становился фактор исторического и политического времени. Однако, в любом случае, главным конструирующим элементом большинства определений оставалась граница²⁴.

В финляндской традиции уже в первой половине XIX в. за Карелией закрепились интегрирующая, по отношению к финской нации, символическая роль, укреплявшаяся по мере становления национальной историографии как таковой. В начале XX в, с обострением российско-финляндских отношений в связи с мерами центральных властей по ограничению финляндской автономии, эта тенденция получила дальнейшее развитие, достигнув кульминации в период между двумя мировыми войнами²⁵. Очевидное несовпадение не только на уровне интерпретаций и определений, но и в самих подходах, свойственных российским и западным авторам, однако, вряд ли стоит сводить исключительно к наследию российско-финляндского противостояния конца XIX — начала XX вв., или же к временам «железного занавеса». Даже в период с 1809 по 1917 гг., когда Финляндия входила в состав Российской империи и, таким образом, вся Карелия находилась внутри имперских границ, Великое княжество и российскую Карелию по-прежнему разделяла граница — как минимум, административная, конфессиональная, культурная и психологическая. Итоги Второй мировой войны подвели международно-правовую черту под многовековым конфликтом за преобладание в регионе. Тем не менее, граница в ее многочисленных проявлениях и значениях остается существенным элементом в переопределении региона.

Среди наиболее распространённых определений, применяемых к описанию истории Карелии, можно выделить сочетающие в себе функциональность, но не лишённые при этом эмоционального наполнения: поле битвы, миф, ворота, коридор, исторический ландшафт войны и мира. В каком-то смысле эта линейка даёт основания для суждения о том, что Карелия стала жертвой традиционной геополитики. Однако история Карелии — это также история развитых и динамичных торговых, культурных, демографических контактов, начиная с уникальной по своей природе традиции корабельной торговли и заканчивая современными связями²⁶.

²⁴ *Paasi A.* The changing meanings of the Finnish-Russian borders // *Russian Karelia in Search of a New Role* / Ed. by H. Eskelinen, J. Oksa, and D. Austin. Joensuu, 1994. P. 26.

²⁵ *LiiKANEN I.* Origins of the Eastern Border as the Grand Controversy of Finnish National History Writing // *Disputed Territories and Shared Pasts: Overlapping National Histories in Modern Europe*. London, 2011. (=Writing the Nation Series 5). P. 177–199.

²⁶ *Heininen L., Solomeshch I.* Conflicts and peace as a background for Karelian history.

Таким образом, современная историческая интерпретация Карелии сводится преимущественно к двум измерениям: близость к границе и её влияние на восприятие региона, а также государственность республики, трансформировавшаяся в разные исторические периоды.

Официальный нарратив: от субъекта к территории

Формирование официального представления о Карелии в постсоветский период прошло несколько этапов, тесно связанных с общей логикой функционирования российского государства и взаимоотношений центр — регионы. Так, в 1990-е гг. основным/важным элементом образа Карелии было представление о республике как об автономном политическом образовании. Карелия стала первым регионом РСФСР, принявшим Декларацию о государственном суверенитете, в которой утверждался статус республики как суверенного государства в составе РСФСР и СССР; в 1993–1994 гг. была разработана и принята официальная символика. «Субъектность» Карелии неоднократно подчеркивалась в выступлениях руководителей региона. В частности, Председатель Правительства РК Виктор Степанов, выступая с резкой критикой проекта федерального бюджета на 1998 г., заявлял, что Карелии «придется пересматривать... взаимоотношения (с федеральным центром — авт.). Пусть тогда все федеральные службы платят нам арендную плату за пребывание на территории республики»²⁷.

Утверждение Дня Республики Карелия в 1999 г. продолжило линию восприятия региона прежде всего как *политического сообщества*. В пояснительной записке к закону было, в частности, указано, что День РК — это «символ, олицетворяющий процесс оформления государственности Карелии»²⁸. Такая интерпретация Карелии полностью совпадает и основывается на историческом нарративе, речь о котором шла в предыдущей части статьи²⁹. История Карелии рассматривается как череда государственных образований (КТК — КАССР — КФССР — КАССР — РК), созданных, прежде всего, для защиты прав карелов в рамках реализации международных обязательств.

Курс на децентрализацию государства, взятый федеральными органами власти в начале 2000-х гг., оказал влияние и на официальные представления о Карелии. Так, например, Глава республики Сергей Катанандов поддержал решение Президента об отмене прямых выборов глав регионов, заявив, что сам «неоднократно выступал с этим предложением» для консолидации государства и обеспечения безопасности населению. А спикер Законодательного Собрания Карелии Николай Левин тогда же подчеркнул, что считает «вполне приемлемой форму отказа от прямых выборов» руководителей регионов, которая

²⁷ Виктор Степанов // Карелия. 1997. 12–18 сентября. С. 3.

²⁸ День Республики Карелия // Официальный интернет-портал Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: <https://gov.karelia.ru/karelia/symbolics/day/> (02.12.2021).

²⁹ *Solomests I. Juhlavuodet Kuvastavat Karjalan Historiia* // *Idäntutkimus*. 2003. 10 (2). S. 28–29.

«позволит усилить вертикаль власти и саму власть в целом»³⁰. С этого момента представление об автономии Карелии отошло в официальном нарративе на второй план. На сегодняшний день восприятие Карелии как политического сообщества актуализируется в связи с празднованиями Дня Республики³¹ (особенно юбилейными торжествами), а также в связи с выборами. Примечательно, что и обновление Конституции Карелии проходит под эгидой общероссийской повестки, реализуемой на местах, а не как необходимость повышения качества управления, учета интересов населения республики и пр.: «предстоит проделать большую работу по совершенствованию и приведению законодательства Республики Карелия в соответствие с новыми положениями Конституции Российской Федерации»³².

Работа над новой редакцией Конституции Карелии демонстрирует преобладание этнокультурного компонента в официальном нарративе. Карелия рассматривается как культурное сообщество, «исторические и национальные особенности» которого «определяются проживанием на [его] территории карелов»³³. Член рабочей группы по реформированию Конституции В. Шлямин подчеркивал, что «пока жива карельская культура, пока жив карельский язык во всех его наречиях, пока наши дети независимо от их национальности будут изучать замечательное наследие — карело-финский эпос «Калевала», у нашего края будет право сохранять его гордое и красивое имя — Карелия»³⁴.

Представление о Карелии как о *культурном сообществе* включает в себя идею многонациональности республики. Официальные лица регулярно подчеркивают, что Карелия является уникальным для культуры человечества регионом³⁵, который соединил в себе черты финно-угорской культуры, выраженные в рунопевческой традиции, эпосе Калевала, а также черты русской фольклорной традиции. Как отмечается на информационном туристском портале, «историко-культурное своеобразие Карелии... определяется также культурным наследием четырех коренных народов, исторически проживающих в этом регионе — карелов, финнов,

³⁰ Руководители Северо-Запада России в целом поддерживают идею отказа от прямых выборов глав субъектов РФ // ПАИ — новости Пскова и Псковской области сегодня [Электронный ресурс]. URL: <https://informpskov.ru/news/15780.html> (02.12.2021).

³¹ О том, как менялось официальное наполнение праздника, см.: Цумарова Е. Ю. День Республики Карелия как праздник карельской государственности: от единства к утилитаризму // Карелия — приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР / России. Петрозаводск, 2018. С.97–101.

³² О рабочей группе // Законодательное Собрание Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: http://karelia-zs.ru/o_zakonodatelnom_sobranii/komissii/rg_const/o_rg/ (02.12.2021).

³³ Конституция Республики Карелия. Ст. 1. п. 5.

³⁴ Валерий Шлямин: тема поправок в Конституцию Карелии чрезвычайно актуальна // Республика [Электронный ресурс]. URL: <http://rk.karelia.ru/politics/authority/valerij-shlyamin-tema-popravok-v-konstitutsiyu-karelii-chrezvychajno-aktualna/> (24.12.2021); см. также: Съезд карелов: без языка нет народа, без народа нет республики // Там же. URL: <http://rk.karelia.ru/social/sezd-karelov-bez-yazyka-net-naroda-bez-naroda-net-respubliki/> (02.12.2021).

³⁵ Катанандов С. Карелия в священном треугольнике // Карелия. 10 шагов в новое тысячелетие. Петрозаводск: АУ РК «Издательский Дом «Карелия», 2010. С. 4.

вепсов, русских, создавших за десять веков совместного проживания уникальную и самобытную культуру».³⁶ Как отмечал Глава Карелии А. Парфенчиков, «Карелия несет особую ответственность за сохранение карелов и вепсов как уникальных этносов мирового сообщества»³⁷.

При этом культурное своеобразие Карелии рассматривается в достаточно утилитарном ключе — как способ привлечения туристов и дополнительных инвестиций: «культурная и этническая самобытность Карелии должна стать частью уникального бренда республики и способствовать повышению интереса к региону, его престижа и узнаваемости в Российской Федерации», «мы будем работать для того, чтобы не только сохранить уникальность и самобытность Карелии, но и сделать наш регион особенным, не похожим на другие, который будет славиться уважением людей к национальной культуре и традициям, трудолюбием, чистотой и комфортом, бережным отношением к природе»³⁸.

Восприятие Карелии как культурного сообщества включает в себя и религиозную (конфессиональную) составляющую, то есть рассмотрение Карелии как одного из центров православия в России³⁹. Карелия описывается как «земля в священном треугольнике — Кижы–Валаам–Соловки, — которая хранит чистейшую в мире православную традицию»⁴⁰. Примечательно, что лидеры республики активно используют Соловецкий архипелаг в качестве символа Карелии, несмотря на административную принадлежность островов к Архангельской области. Соловецкие острова рассматриваются в качестве важного памятника православной Карелии: «три острова, три оплота русской православной духовности несокрушимо стоят на внешних рубежах Карелии... — Валаам на западе, Соловки на севере и Кижы на юге»⁴¹.

Наконец, официальный нарратив содержит представление о Карелии как *территории*, географическом пространстве с особым природным ландшафтом. Это представление основывается на достаточно распространенном клише «край лесов и озер», но содержит и указание на геополитическое положение Карелии как приграничного региона: «Республика Карелия — жемчужина Русского Севера... уникальный по своей природе, культуре и истории регион России, который имеет самую протяженную границу с Европейским союзом ... Это экологически чистый

³⁶ Общая информация об отдыхе в Карелии // Карелия. Туристский портал [Электронный ресурс] URL: <http://www.ticrk.ru/o-karelii/obshchaya-informatsiya-ob-otdykhe-v-karelii/> (02.12.2021).

³⁷ Парфенчиков: «Карелия несет ответственность за сохранение карелов и вепсов» // АИФ-Карелия [Электронный ресурс]. URL: https://karel.aif.ru/culture/parfenchikov_kareliya_neset_otvetstvennost_za_sokhranenie_karelov_i_vepsov (02.12.2021).

³⁸ Национальная самобытность должна стать частью бренда // Karelinform [Электронный ресурс] URL: <https://karelinform.ru/news/society/11-08-2010/natsionalnaya-samobytnost-dolzha-stat-chastyu-brenda> (02.12.2021).

³⁹ Нелидов А. «Карелия — это центр духовной силы России» // Столица на Онего [Электронный ресурс] URL: <https://stolicaonego.ru/comments/150424/> (02.12.2021).

⁴⁰ Катанандов С. Карелия в священном треугольнике. С. 4.

⁴¹ Моя Карелия. Фотоальбом. Петрозаводск, 2002. С. 51.

край, покрытый хвойными лесами, озерами, реками и скалами... Карелия — это белые ночи, рыбалка, сбор ягод и сплавы по рекам летом. Зимой туристов ждут лыжи, собачьи упряжки, снегоходы и белые от снега просторы»⁴².

Как и в случае с культурным сообществом, обращение к природным богатствам в официальном нарративе носит утилитарный характер: обилие леса, полезных ископаемых рассматривается как ресурс, с помощью которого можно привлечь дополнительные финансовые средства за счет инвестиций и развития туристического бизнеса.

Таким образом, официальный нарратив тесно связан с общим политическим контекстом и трансформируется в связи с политической целесообразностью. При этом он опирается на традиционные представления о Карелии как «крае лесов и озер», места традиционного проживания карелов, вепсов и финнов. Но обращение к этим представлениям носит утилитарный характер: природные объекты, памятники архитектуры и традиционная культура титульных народов рассматривается как повод для привлечения дополнительных финансовых средств либо за счет инвестиций/субсидий, либо за счёт туризма. Примечательно при этом, что представление о Карелии как об автономном политическом образовании занимает довольно маргинальное положение в официальном нарративе.

Повседневный нарратив: Карелия как место жительства

В повседневном дискурсе спектр представлений о Карелии выглядит довольно фрагментированным. Это прослеживается в полученных в ходе полуструктурированных интервью ответах 34 жителей республики. Респондентами стали представители некоммерческих организаций, жители трёх муниципальных районов Северного Приладожья, Калевальского района, Петрозаводска — предприниматели, журналисты, научное сообщество, пенсионеры, рабочие и служащие и т. д.

В первую очередь образ Карелии для ее жителей складывается из *природных символов*: леса, озера, северный климат. «Есть классические ассоциации... у меня они тоже есть — лес, озеро, все дела. У нас очень красивые места»⁴³, «Регион северный, практически арктический, с суровым климатом и природой»⁴⁴. В ответах респондентов прослеживается отношение к природным компонентам территории как к ценности, ее преимуществу: «...ты видишь эти невероятные розовые закаты, белые ночи»⁴⁵, «Карелию представляю уникальным природным регионом»⁴⁶, «Карелия — это что-то чистое, медитативное, релаксное»⁴⁷.

⁴² Республика Карелия — жемчужина Русского Севера // Официальный интернет-портал Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: <https://gov.karelia.ru/karelia/> (02.12.2021).

⁴³ М., 1987 г.р., дизайнер, уроженец.

⁴⁴ М., 1985 г.р., руководитель НКО, уроженец.

⁴⁵ Ж., 1985 г.р., руководитель НКО, уроженка.

⁴⁶ М., 1989 г.р., дизайнер, руководитель НКО, уроженец.

⁴⁷ Ж., 1971 г.р., руководитель НКО, уроженка.

Другая группа ассоциаций оказалась связана с *социально-экономическим состоянием территории*, его сложностью и нереализованностью существующего потенциала: «Бедно, убого, но чисто..., с большим количеством воды и комаров. Бесперспективный абсолютно, как и большинство регионов»⁴⁸, «Бедный регион. Очень депрессивный. Я много где была в других регионах — есть, с чем сравнить»⁴⁹, «С благоприятными условиями для развития инновационных крупных производств. На сегодня мы знаем, что регион не богатый и сложный экономически, большой и мало людей»⁵⁰.

При этом *культурные символы*, упоминания *истории региона* в повседневном дискурсе встречаются реже, в основном в контексте многонациональности территории: «Язык карельский! Он у нас очень красивый. Для меня карельский язык — основная ассоциация»⁵¹, «Карелия в моем представлении — это такое лоскутное одеяло..., очень разнообразна..., с одной стороны, это территория спасения уникальности карело-финской культуры, которая исчезла на северо-западе Европы, с другой стороны, это спасение русско-славянской культуры, которая погибла где-нибудь в Центральной России»⁵², «Этнополитическое, этноисторическое пространство, которое удивительным образом не совпадает с административными контурами современной Республики Карелия и ее предшественников»⁵³, «Это регион, где сплелись культуры разных народов: культуры финно-угорских коренных народов, культура русских»⁵⁴. Стоит отметить, что к истории и культуре территории в ответах обращаются представители ученого сообщества, журналисты, чья профессиональная деятельность связана с изучением этнополитической составляющей региона, а также респонденты, в чьих семьях еще хранят традиции, частично учат коренные языки.

Говоря о культурных элементах образа, респонденты используют термин «идентичность», делая акцент на кризисных тенденциях региональной самоидентификации, ослаблении этнической составляющей: «Идентичность есть, но сходит на нет. В 90-х потеряли много вывесок на национальных языках, лишились “фактурности”, того, что выделяло нас на фоне других»⁵⁵, «Карельская идентичность — исчезающая материя. Мы все знаем эти печальные проценты коренного финно-угорского населения»⁵⁶.

Еще один элемент повседневного дискурса — близость к Финляндии. С одной стороны, приграничность республики воспринимается как возможность:

⁴⁸ М., 1974 г.р., предприниматель, уроженец.

⁴⁹ Ж., 1982 г.р., руководитель НКО, уроженка.

⁵⁰ М., 1989 г.р., дизайнер, руководитель НКО, уроженец.

⁵¹ М., 1987 г.р., дизайнер, уроженец.

⁵² М., 1957 г.р., журналист, приезжий.

⁵³ М., 1963 г.р., представитель научного сообщества, уроженец.

⁵⁴ М., 1985 г.р., руководитель НКО, уроженец.

⁵⁵ М., 1990 г.р., урбанист, общественный деятель, уроженец.

⁵⁶ М., 1963 г.р., представитель научного сообщества, уроженец.

«Может быть тут влияет близость к Финляндии, какое-то чувство свободы»⁵⁷, «Просто Карелия — это получается и Россия, и в то же время немного Финляндия»⁵⁸. С другой — как ограничение: «Сложная история... Мне жалко коренное население, оставившее эти места. Водила родственников [из другого региона России — авт.] на старое финское кладбище, стыдно, кладбища не слишком ухоженные», «Езжу за границу [часто], но жить там не хочу. Это всё чужое, в том числе язык и культура»⁵⁹. «Финляндия близко и многим доступна, многие ездят регулярно за покупками и так, к родственникам и друзьям. Но здесь больше возможностей; хотя если дети захотят [уехать], я их пойму»⁶⁰.

Повседневный дискурс также содержит представления об *образе местного населения и его особом характере*. В ряде случаев темперамент местных жителей противопоставляется жителям южных регионов: «Для меня Карелия — это место, где живут более осознанные люди... Люди тут всегда жили непростые, всегда задавали вопросы»⁶¹, «Карелия — это местность с независимым характером, людьми с независимым характером... здесь гораздо меньше подхалимажа, чем в южных регионах»⁶², «Мы отличаемся по менталитету, по действиям, по решениям, по обсуждениям. Север — это своего рода чистота мысли, чистота действий, продуманность определенная»⁶³.

Таким образом, в повседневном представлении Карелия рассматривается прежде всего как место жительства, имеющее свои природные и, в меньшей степени, культурные особенности. При этом важно отметить, что на уровне повседневных представлений, как и в историческом нарративе, значимую роль играет фактор границы, которая рассматривается скорее как место взаимодействия культур и народов, а не как границы, разделяющие одно сообщество от другого.

Заключение

Проведенное исследование показало наличие нескольких стратегий репрезентации Карелии в публичном пространстве, при этом сочетание этих стратегий во многом зависит от политического контекста и позиции официальных органов власти. Так, в историческом нарративе Карелия рассматривается с государствоцентричных позиций: история Карелии представляет собой череду государственных образований, располагавшихся на ее территории. При этом особое значение приобретает геополитический контекст: Карелия являет собой не просто государственное образование в составе России, но и ее форпост, место соприкосновения двух культур и/или двух государств.

⁵⁷ Ж., 1986 г.р., предприниматель, уроженка.

⁵⁸ М., 1987 г.р., дизайнер, уроженец.

⁵⁹ Ж., 1962 г.р., библиотекарь, приезжая.

⁶⁰ М., 1970 г.р., предприниматель, приезжий.

⁶¹ Ж., 1986 г.р., предприниматель, уроженка.

⁶² Ж., 1971 г.р., руководитель НКО, уроженка.

⁶³ Ж., 1985 г.р., руководитель НКО, уроженка.

Официальная репрезентация Карелии во многом опирается на доминирующий исторический нарратив, что нашло отражение и в учрежденном Дне республики. Однако после 2004 г. статус Карелии как автономной республики постепенно стал уходить на второй план. С этого времени основной акцент сместился на представление о Карелии как особой этнокультурной территории, месте жительства карелов и вепсов. Такая стратегия репрезентации полностью соответствует взятому в 2012 г. на федеральном уровне курсу по формированию общероссийской идентичности и поддержанию этнокультурного разнообразия.

Карельская и, в меньшей степени, вепсская культура является важным элементом представления о регионе и на повседневном уровне. При этом ключевую роль в нем играют природные символы, по поводу которых не существует серьезных разногласий. Этнокультурные особенности, статус Карелии как национальной республики, близость к Финляндии — все это включается в повседневные представления людей, однако не становится главным маркером, выделяющим Карелию на фоне других регионов.

Таким образом, выделенные стратегии репрезентации Карелии основываются на наиболее понятных и близких интерпретациях региона. При этом пересечения существующих представлений оказывается устойчивым тогда, когда элементы представлений не вызывают больших споров и/или негативных оценок внутри сообщества, и соответствуют политическому контексту. Именно этим можно объяснить доминирование представлений о Карелии как о территории с красивой природой и этнокультурными особенностями, чья история преимущественно связывается с историей России.

Список литературы

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. — Москва : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. — 288 с.

Бурдьё, П. Социология социального пространства / П. Бурдьё; пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. — 288 с.

Витковская, Т. Б., Назукина, М. В. Траектории развития регионализма в России: опыт Свердловской области и Республики Татарстан / Т. Б. Витковская, М. В. Назукина // Мир России. — 2021. — № 30(1). — С. 67–87.

Ефремова, В. Н. Государственные праздники как инструменты символической политики: возможности теоретического описания / В. Н. Ефремова // Символическая политика. — 2014. — № 2. — С. 66–79.

Здравомыслова, Е. Политика идентичности правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» / Е. Здравомыслова // Общественные

движения в России: точки роста, камни преткновения. — Москва : Вариант, 2009. — С. 120–136.

История Карелии с древнейших времен до наших дней / А. И. Афанасьева, А. И. Бутвило и др. ; под общ. ред. Н. А. Кораблева и др. — Петрозаводск : Периодика, 2001. — 943 с.

Карелия. 10 шагов в новое тысячелетие. — Петрозаводск : АУ РК «Издательский Дом «Карелия», 2010. — 253 с.

Китинг, М. Новый регионализм в Западной Европе / М. Китинг // Логос. — 2003. — № 6(40). — С. 67–116.

Макарычев, А. С. Глобальное и локальное: меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием / А. С. Макарычев // Политическая наука. — 2003. — № 3. — С. 8–27.

Малинова, О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. — Москва : РОССПЭН. 2015. — 207 с.

Малинова, О. Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам / О. Ю. Малинова // Полис. Политические исследования. — 2016. — № 6. — С. 139–158.

Мелешкина, Е. Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства / Е. Ю. Мелешкина // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / ред. М. В. Ильин, И. М. Бусыгина. — Москва : Моск. обществ. научн. центр, 1999. — С. 126–137.

Миненков, Г. Идентичность в политическом измерении / Г. Миненков // Наше мнение : Экспертное сообщество Беларуси [Электронный ресурс]. — 2005. — URL: <http://nmnby.eu/news/analytics/414.html>. — (02.12.2021).

Моя Карелия : фотоальбом. — Петрозаводск : Скандинавия, 2002. — 175 с.

Ноженко, М. В. В поисках нового регионального сообщества: возможная перспектива рассмотрения федеральных округов / М. В. Ноженко, Н. Б. Яргомская // Политическая наука. — 2005. — № 3. — С. 119–141.

Нойманн, И. Использование «другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн. — Москва : Новое издательство, 2004. — 336 с.

Семененко, И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности / И. С. Семенко // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2011. — № 7(2). — С. 5–24.

Соколовский, С. В. Современный этногенез или политика идентичности? / С. В. Соколовский // Этнографическое обозрение. — 2012. — № 2. — С. 7–83.

Трансформация и интеграция: карельская периферия в Российской империи / Юкка Корпела, Кати Паршпей, Ирэна Карвонен и др. ; под общ. ред. И. Черняковой. — Санкт-Петербург : Наука, 2021. — 486 с.

Хобсбаум, Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. — 2000. — № 1. — С. 47–62.

Цумарова, Е. Ю. Образ Карелии: соотношение главных составляющих / Е. Ю. Цумарова // Вестник Евразии. — 2006. — № 2. — С. 154–170.

Цумарова, Е. Ю. Единство в многообразии, или как российским регионам сохранить себя и укрепить Россию / Е. Ю. Цумарова // Неприкосновенный запас. — 2015. — № 5. — С. 57–66. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/nekprikosnovennyuy_zapas/103_nz_5_2015/article/11659/. — (02.12.2021).

Цумарова, Е. Ю. Политика идентичности в регионах России : научное электронное издание. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2016. — URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=27898>. — (02.12.2021).

Цумарова, Е. Ю. День Республики Карелия как праздник карельской государственности: от единства к утилитаризму / Е. Ю. Цумарова // Карелия — приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР / России. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2018. — С. 97–101.

Fox, Jon E., Miller-Idriss, C. Everyday nationhood / Jon E. Fox, C. Miller-Idriss // Ethnicities. — 2008. — Vol. 8(4). — P. 536–563.

Heininen, L. Conflicts and peace as a background for Karelian history / L. Heininen, I. Solomeshch // Narva and the Baltic Sea Region. Political and Cultural Relations between Russia and the Baltic Region States / ed. by K. Brüggemann. — Studia humaniora et paedagogica Collegii Narovensis I. — Narva : Sata OÜ, 2004. — P. 291–301.

Kaufmann, E. Complexity and nationalism / E. Kaufmann // Nations and Nationalism. — 2017. — Vol. 23(1). — P. 6–25.

Kirkinen, H. Karjalan kansan historia / H. Kirkinen, P. Nevalainen, H. Sihvo. — Porvoo ; Helsinki ; Juva : Werner Söderström OY, 1994. — 605 s.

Koikkalainen, P. Quentin Skinner on encountering the Past / P. Koikkalainen, S. Syrjämäki // Finnish Yearbook of Political Thought. — 2002. — Vol. 6 (1). — P. 34–63.

Liikanen, I. Origins of the Eastern Border as the Grand Controversy of Finnish National History Writing / I. Liikanen // Disputed Territories and Shared Pasts : Overlapping National Histories in Modern Europe / ed. by T. Frank and F. Hadler. — London : Palgrave Macmillan, 2011. — P. 177–199. — (Writing the Nation Series 5).

Nation Split by the Border: changes in the ethnic identity, religion and language of the Karelians from 1809 to 2009 / ed. by T. Hämynen and A. Pashkov. — Tampere : University Press of Eastern Finland, 2012. — 273 p.

Paasi, A. Foregrounding the region / A. Paasi, J. Metzger // Regional Studies. — 2017. — 51(1). — P. 19–30.

Paasi, A. The changing meanings of the Finnish-Russian borders / A. Paasi // *Russian Karelia in Search of a New Role* / ed. by H. Eskelinen, J. Oksa, and D. Austin. — Joensuu : Karelian Institute, University of Joensuu, 1994. — P. 26–40.

Sihvo, H. Karjalaisuus, Karjala ja muu Suomi. Oma ja muiden näkökulma karjalaiseen identiteettiin / H. Sihvo // *Tieten Tahtoen. Studia Carelica Humanistica 3* / toim. I. Savijärvi ja muita. — Joensuu : Joensuun yliopisto, 1994. — S. 23–44.

Solomests, I. Juhlavuodet Kuvastavat Karjalan Historiaa / I. Solomests // *Idäntutkimus*. — 2003. — № 10 (2). — S. 28–29.

Terlouw, K. Regional identities: quested and questioned / K. Terlouw // *Handbook on the Geographies of Regions and Territories* / ed. by A. Paasi, J. Harrison, and M. Jones. — Cheltenham ; Northampton : Edward Elgar Publishing, 2018. — P. 256–267.

***ФИНЛЯНДСКО-РОССИЙСКИЙ СЕМИНАР МОЛОДЫХ
ИСТОРИКОВ «ФИНЛЯНДИЯ И РОССИЯ: ИСТОРИЯ,
КУЛЬТУРА, ТРАДИЦИИ И ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ»***

***FINNISH-RUSSIAN SEMINAR OF YOUNG HISTORIANS FINLAND
AND RUSSIA: HISTORY, CULTURE, TRADITIONS AND ISSUES
OF HISTORICAL MEMORY***

ПРЕДИСЛОВИЕ

FOREWORD

Любые научные контакты студентов, аспирантов и молодых специалистов важны и нужны, а в условиях пандемии, когда традиционные формы семинаров и конференций ограничены, а международные контакты сведены фактически к нулю, просто необходимы. Мы рады, что в это сложное и трудное время у Посольства Финляндии в России, Национального архива Финляндии и Института российской истории РАН получилось провести финляндско-российский семинар молодых историков «Финляндия и Россия: история, культура, традиции и вопросы исторической памяти». Первый семинар состоялся в 2019 г., и мы надеялись, что в 2020 г. мы вновь соберем молодых специалистов на площадке Посольства Финляндии в России. Однако жизнь внесла свои коррективы.

2020 г. был сложным для ученых, нам пришлось подстраиваться под сложившуюся обстановку. Большинство мероприятий, которые были запланированы, пришлось сначала перенести, а потом и совсем отменить. Так случилось и с нашим семинаром. Но 2021 г. принес новые надежды, заботы, задачи. К лету сложилось понимание, что границы вряд ли будут открыты до конца года и придется искать новые формы проведения подобных мероприятий — гибридные семинары-вебинары. Российские участники собрались в здании Посольства Финляндии в России, в Москве, а финские — в Национальном архиве Финляндии в Хельсинки.

Цель семинара молодых исследователей проста и понятна — дать им возможность познакомиться друг с другом, узнать о тех проектах и работах, которые ведутся в России и Финляндии, завязать рабочие контакты. Да, у Советского Союза и России были достаточно хорошие и прочные научные связи в 1980-е — начале 2000-х годов. Они остаются такими же и до сих пор. Но время идет, и те, кто стоял за развитием этих отношений, уходят на пенсию, прекращают активную научную карьеру. Историки 1990-х тоже перешагнули пятидесятилетний рубеж. И постепенно пришло понимание, что молодых специалистов, изучающих

историю Финляндии в России и историю России в Финляндии, становится все меньше и меньше. Кроме того, участие финских молодых исследователей в семинарах, проводимых в России, и российских в Финляндии осложнено недостаточным финансированием, визами и прочими бюрократическими сложностями. Лучше дело обстоит в Москве, Санкт-Петербурге, Республике Карелия, Тверской области, Удмуртии и Республике Коми. Эти регионы имеют традиционно крепкие связи с Финляндией, студенческий обмен между университетами, совместные проекты по изучению финно-угорского фольклора. А за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке, можно по пальцам пересчитать молодых исследователей, занимающихся изучением Финляндии. Да и из-за языкового барьера изучают они историю Суоми только по российским или переводным изданиям, что, согласитесь, недостаточно для хорошего понимания российско-финляндских отношений. Не лучшим образом складывается ситуация и в Финляндии. Отсутствие достаточного финансирования, позволяющего молодым специалистам безболезненно для своего скромного бюджета приехать и работать в российских архивах, привело к тому, что желающих изучать Россию стало меньше.

Впрочем, осознание надвигающихся проблем пришло в Финляндии еще около 20 лет назад. Если студентам и исследователям сложно ездить на работу в российские архивы, то эти архивы можно привести в Финляндию. В 2005 г. Национальный архив Финляндии заключил рамочный договор с Федеральным архивным агентством (Росархивом), а в 2007 г. первый договор с Российским государственным архивом социально-политической истории по поиску и копированию документов, касающихся истории Финляндии.

Стоит все же отметить, что работа по копированию документов, касающихся финской истории, началась уже давно, еще с Тартуского мирного договора Советской России и независимой Финляндии, заключенного в 1920 г. Велась она в разных масштабах и в разное время. Я опущу историю сотрудничества во времена Советского Союза. Это займет много места и времени. Но и после распада СССР сотрудничество с Россией продолжилось. Уже в июне 1992 г. был подписан Протокол об основных направлениях сотрудничества между Комитетом по делам архивов при Правительстве Российской Федерации и Национальным (в то время Государственным) архивом Финляндии. Для развития сотрудничества в рамках этого документа, в 2005 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между Национальным архивом Финляндии и Федеральным архивным агентством Российской Федерации. Это соглашение дало нашей стране возможность работать непосредственно в российских архивах, заключать с ними прямые договоры о сотрудничестве. Российская сторона также получила свободный доступ к документам, хранящимся в провинциальных архивах Финляндии. Признавая,

что работа по этому договору движется успешно, Росархив и Национальный архив Финляндии в 2010, 2015 и 2018 году продлили срок соглашения до 2023 г.

С 2007 г. в Национальном архиве Финляндии идет проект, финансируемый Министерством образования и культуры по поиску документов, касающихся финской истории в российских архивах. Этот проект продолжает традиции сотрудничества, уже существовавшие ранее между Финляндией и Россией. Я руковожу этим проектом с самого его основания, а также вхожу в состав специальной научной рабочей группы под председательством Генерального директора Национального архива Юсси Нуортева.

Начав свою работу, наш проект к настоящему времени заключил 63 договора с архивными службами и архивами Азербайджана, Армении, России, Беларуси, Грузии, Казахстана и Украины, а также тремя российскими библиотеками и Российским историческим обществом. В результате почти 15 лет работы проекта Национальный архив Финляндии выявил и оцифровал в архивах стран бывшего СССР около 1 500 000 листов документов, касающихся истории нашей страны. Впрочем, наши договоры подразумевают под собой не только покупку цифровых копий для нужд исследовательских проектов в Финляндии, но и обмен цифровыми копиями документов из расчета «образ за образ». В числе прочего мы передали нашим партнерам за рубежом учетные карточки военнопленных, находившихся в финских лагерях, документы, касающиеся истории этих стран, культурных связей и пр.

Национальный архив Финляндии — это больше, чем здания для хранения документов. Это, по сути, и крупный исследовательский центр, который в сотрудничестве с университетами Финляндии ведет научные проекты. Материалы, полученные из иностранных архивов, формируют основу для подобного рода исследований. Сотрудничество с российскими архивистами по оцифровке документов, представляющих интерес для наших стран, позволило развить новые формы сотрудничества и создать новые формы публикации материалов. Благодаря оказанной финансовой помощи проекта приграничного сотрудничества между Россией и Финляндией, Национальный архив Финляндии и Государственный архив Новгородской области реализуют проект совместного портала [Novgorod-Finland](#), для которого были оцифрованы востребованные с исторической точки зрения документы.

Подобный проект осуществлен также между государственной архивной службой Финляндии и Национальным архивом Республики Карелия. Интернет-портал [DOCUMENTA CARELICA](#) — совместный портал Национального архива Финляндии и Национального архива Республики Карелия, расширяющий возможности знакомства и использования архивных документов, касающихся

истории Карелии, описания которых составлены на финском, русском, английском и карельском языках.

Не секрет, что в современном мире одной из основных задач архивов является именно содействие в получении свободного доступа к документам для научных исследований. Все чаще и чаще мы используем технологии, о которых еще несколько десятилетий назад могли только мечтать. Массовая оцифровка документов, которая идет в Национальном архиве Финляндии, позволяет по-другому ставить вопросы исследования, сравнивать корпуса документов, анализировать их. Соответственно, увеличиваются требования к научной отдаче от исследований, что улучшает их качество. У исследователей появилась возможность получить доступ к материалам, не приходя в архив, что имеет большое значение в условиях пандемии. В настоящее время около 90 % посетителей Национального архива Финляндии пользуются только цифровыми услугами.

Впрочем, мы надеемся, что уже в следующем году мы сможем комбинировать вебинары и очные встречи историков на разных площадках. Опыт уже есть, и семинар молодых историков не первый, который мы проводили с нашими коллегами из Росархива и Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в Посольстве Финляндии в России.

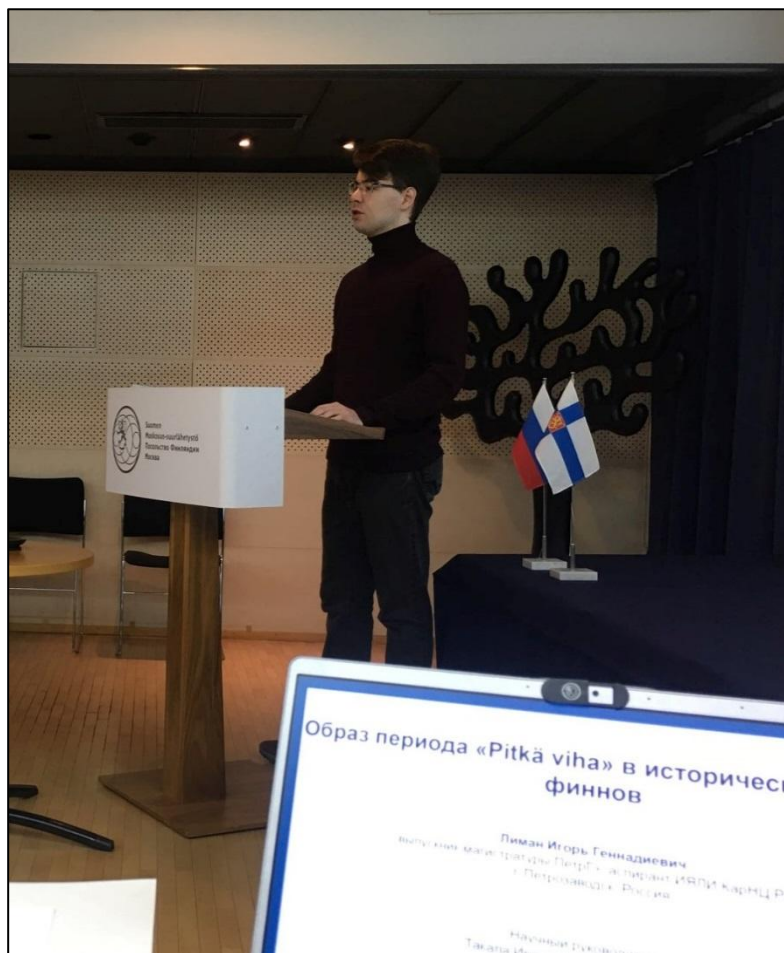
Участники семинара 2019 г. с организаторами. Первый слева — Тойво Мартикайнен, советник, Посольство Финляндии в Российской Федерации; пятый слева — Дмитрий Фролов, начальник направления по связям с Россией и странами бывшего СССР, Национальный архив Финляндии; шестой слева — Эрки Туомия, депутат парламента Финляндии, председатель общества «Историки без границ»

С 2011 г. похожие встречи проводились ежегодно, в 2019 г. семинар приобрёл иной, более академический характер. Молодые исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Красноярска, Хельсинки, Ювяскюля, Тампере получили возможность апробировать результаты своих изысканий и познакомиться с коллегами из соседней страны. Некоторые доклады были опубликованы в [«Альманахе североευропейских и балтийских исследований»](#).

Российские участники семинара 2021 г. с Танели Добровольски

В этом году семинар получился более интересным. В программе было предусмотрено время для вопросов и дискуссий, которые велись весьма оживлённо благодаря активности помощников модераторов – участниц прошлого семинара Олеси Плех (ИРИ РАН) и Марины Загоры (МГУ). К сожалению, финскую сторону в этот раз представляли лишь молодые исследователи из Хельсинки, зато география российских участников расширилась за счёт учёных из Ярославля и Находки. Увеличилось и число участников семинара из Петрозаводска (на семинаре 2019 г. два докладчика, на семинаре 2021 г. три).

Выступает Игорь Лиман (Петрозаводск), 2021 г.

Складывающуюся традицию мы намерены продолжить в 2022 г., поскольку уверены, что семинары молодых историков наших стран являются важной площадкой для обмена опытом в архивных изысканиях и методологиях исследовательской работы. Публикация двух докладов семинара 2021 г. в этом номере Альманаха также, надеемся, станет хорошим трамплином для молодых исследователей.

**Дмитрий Фролов,
Национальный архив Финляндии**

ЭТЕЛЯАХО Антон / ETELÄÄHO Anton
Университет Хельсинки / University of Helsinki
Финляндия, Хельсинки / Finland, Helsinki
anton.etelaaho@helsinki.fi

**ИВАН ТИМИРЯЗЕВ — ОТ АДЪЮТАНТА ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА
ДО ФОТОГРАФА**

**IVAN TIMIRYAZEV — FROM AN ADJUTANT OF THE GOVERNOR-GENERAL
TO A PHOTOGRAPHER**

Abstract: The paper is based on my master's thesis and deals with the Finnish period of Ivan Timiryazev's (1860-1927) life from 1890 to 1927. A representative of a noble family, a career soldier who served as an adjutant for a record number of years and famed among Russian colleagues and bosses, known in Finland as a documentary photographer who left behind unique photographs about the history of the city of Helsinki. The study is of a biographical nature, in which, in chronological order, the life of Timiryazev is described, dividing it into two main lines: service as an adjutant and passion for photography. The aim of the study is to show how the adjutant of nine Governors-General of Finland became a well-known professional photographer who captured the cityscapes of Helsinki at the turn of the 19th and 20th centuries for future generations during major changes in Russia and Finland. In this work, for the first time, the scattered facts of Ivan Timiryazev's life during his life in Finland against the background of changes in the societal life of Finland and Russia are collected and studied from various sources. As a result of the research, it can be stated that Ivan Timiryazev can be described as an adjutant of Governors-Generals who embodied continuity. At the same time, he can also be described as a distinguished photographer in Finland. Activities in photography circles helped Timiryazev to integrate into Finland and stay there for the rest of his life.

Ключевые слова / Keywords: Иван Тимирязев, адъютант, генерал-губернатор, канцелярия генерал-губернатора, фотография, Хельсинки, XX век / Ivan Timiryazev, Adjutant, Governor-General, Office of the Governor-General, photography, Helsinki, XX century

Иван Александрович Тимирязев (1860–1927) был российским военным, который с января 1890 г. по апрель 1917 г. был бессменным адъютантом девяти генерал-губернаторов Финляндского княжества. Фактически он являлся исключением среди часто меняющегося штата сотрудников канцелярии губернатора.

В наши дни Тимирязева знают в Финляндии скорее как автора большой коллекции фотографий, которые часто используют для иллюстрации жизни Хельсинки начала XX в. Только в Городском музее Хельсинки находится более шестисот фотографий, изображающие город начала прошлого века. Имя Тимирязева упоминается в разных источниках в связи с различными историческими событиями, но до сих пор отсутствовали какие-либо научные исследования биографии Тимирязева. Данная работа, собравшая воедино из разных источников информацию о финляндском периоде жизни Ивана Тимирязева,

была завершено в августе этого года. Подтверждением растущего интереса в Финляндии к личности Ивана Тимирязева служит и тот факт, что октябре этого же года Городской музей города Хельсинки издал книгу «Иван Тимирязев. Хельсинкский фотограф», в которой центром внимания стало исследование его фотографического наследия.

В своей работе я постарался сконцентрировать внимание на финском периоде жизни Ивана Тимирязева и его пути от адъютанта губернатора до городского фотографа, изучил его трансформацию из кадрового военного с успешной карьерой от корнета до полковника до не менее успешного и известного фотографа. Информация представлена в основном в хронологическом порядке, но разделена на две части: его служба в должности адъютанта и карьера фотографа.

Годы службы

Иван Александрович Тимирязев родился в 1860 г. Точное место рождения неизвестно: по одним источникам — Петербург, по другим — юг России. Отец, Александр Тимирязев, был действительным статским советником, а мать — представительница известного дворянского рода Наталья Донаурова. В России более известен представитель старого дворянского рода Тимирязевых Климент Аркадьевич Тимирязев — известный биолог, который приходится двоюродным дядей Ивану. Дед по отцовской линии, Иван Семёнович Тимирязев, был в свою очередь какое-то время губернатором Астрахани. Военное образование Иван Тимирязев получил в Елисаветградском кавалеристском юнкерском училище.

Прослужив недолго в Елисаветградском драгунском полку, в январе 1890 г. Тимирязев получает назначение на должность адъютанта командующего войсками Финляндского военного округа. В то время командующий войсками был одновременно и генерал-губернатором Финляндского княжества. Так что фактически Тимирязев исполнял обязанности адъютанта финляндского генерал-губернатора по военным вопросам.

В 1898 г. императором Николаем II генерал-губернатором был назначен генерал-адъютант Николай Бобриков, исполнявший до этого обязанности начальника штаба Петербургского военного округа. В то время Хельсинки переживал период роста. В связи с бурным развитием промышленности и общим ростом экономики население концентрируется в больших городах. Население столицы растёт и составляет уже сто тысяч жителей. Одновременно изменяется и политика России по отношению к Финляндии. Начинается процесс насильственной русификации: запрещаются собрания, закрываются места проведения общественных мероприятий, прекращается выпуск газет на финском языке, происходит гонение на свободомыслящих, их увольнение и депортация из страны, русский язык становится официальным языком делопроизводства. Николай Бобриков был одним из тех, кто активно претворял эту политику в жизнь, за что ему пришлось поплатиться своей жизнью.

Иван Тимирязев был одним из последних, кто видел Бобрикова перед покушением. 16 июня 1904 г. генерал-губернатор Бобриков должен был выступить с речью в финском Сенате. На следующий день он планировал отправиться вместе с семьей в отпуск в Россию. В то утро он прибыл пешком к зданию Сената в компании обеих дочерей, нюландского губернатора Кайгородова, штабс-офицера для особых поручений полковника Львовского и личного адъютанта ротмистра Тимирязева. Отпустив сопровождавших, генерал-адъютант стал подниматься по лестнице, где его на площадке третьего этажа подждал бывший чиновник Сената двадцатидевятилетний Эуген Шауман. Одна из трёх выпущенных Шауманом пуль смертельно ранила Бобрикова.

В связи с последующими после убийства Бобрикова реорганизациями в управлении Княжеством и упразднении Финляндского военного округа Тимирязев был переведен с должности адъютанта командующего военным округом на должность адъютанта финляндского генерал-губернатора. В этой должности он находился до 1917 г.

В многочисленные обязанности адъютанта финляндского генерал-губернатора входили сопровождение генерал-губернатора в поездках по стране, участие в представительских мероприятиях, прием посетителей губернаторской канцелярии и др. В интервью одной из газет Тимирязев упоминает телеграммы, письма, аудиенции и телефонные разговоры, так что можно предположить, что все это входило в круг обязанностей адъютантов. В основном это была работа с людьми, а не так называемое просиживание за штабным столом.

Перед Первой мировой войной вокруг Хельсинки была построена цепь укреплений. Южный берег Финляндии считался стратегически важным местом. Однако крепость Свеаборг и Балтийский флот России так и не участвовали в реальных боевых действиях, поскольку война между Россией и Германией велась в основном в Восточной Европе как сухопутная. Военно-морской флот в Хельсинки находился в боевой готовности, но не принимал активного участия в боевых действиях. Это способствовало распространению революционных идей среди бездействующих солдат.

В марте 1915 г. император Николай II посетил Хельсинки с целью проверки ситуации в гарнизоне и крепости, а также для поднятия духа солдат. Это был его единственный визит в столицу княжества, и он носил рутинный характер. Финны встретили царя без особого восторга. Шла война и одновременно в стране проводилась политика ожесточенной русификации. В связи с этим программа визита ограничивалась в основном встречами только с русскими во избежание непредвиденных реакций. Ивана Тимирязева можно увидеть на единственном фильме, снятом во время визита. На этом, снятом без разрешения финским оператором, фильме хорошо виден Тимирязев, одетый в военную форму с адъютантскими аксельбантами, безостановочно снимающий на камеру вышедшего из Успенского собора императора. Эти фотографии сохранились до наших дней.

Март 1917 г. запомнился в Хельсинки волнениями на флоте. Матросы праздновали победу Февральской революции. Командование было бессильно остановить волнения. Офицеры Балтийского флота стали объектом агрессии. В особой опасности оказался высший военный состав крупных военных кораблей. Преследование командирского состава велось также в районах города. Для того, чтобы скрыться в толпе, офицеры срывали знаки различия. Среди многих других перед зданием казино Катаянокка был публично расстрелян командующий Балтийским флотом адмирал Непенин, незадолго до этого лично организовавший арест генерал-губернатора Зейна. Во время террора с 16 по 18 марта в Хельсинки было убито около ста военных. Тимирязев, который как военный офицер также подвергался опасности, к счастью не пострадал.

В 1917 г. в возрасте 57 лет Тимирязев начинает ходатайство о переводе его с должности адъютанта, а затем, не пробыв на должности начальника отделения канцелярии и трёх месяцев, он пишет прошение о выходе на пенсию. В прилагаемой к ходатайству медицинской справке указано: «полковник Тимирязев, пятидесяти семи лет, страдает в данное время воспалением сердечной мышцы, воспалением почечных лоханок и хроническим катаром желудка и кишек, в силу чего он постоянно нуждается в лечении и продолжать службу не может». В связи с уходом на пенсию Тимирязев поднимает вопрос о размерах пенсионного обеспечения. В момент выхода он не достиг ещё необходимого возраста, а именно 65 лет, для получения полной пенсии. В положительном решении данной проблемы сыграла роль его отношений с непосредственным начальством, поскольку сам генерал-губернатор вызвался помочь бывшему адъютанту написав, в виде исключения, письмо с ходатайством в Сенат. В письме генерал-губернатор Стахович характеризует Тимирязева как человека, не использующего свое должностное положение в личных целях, и, несмотря на скудное жалование, отличающегося безукоризненным тактом и похвальным исполнением своих обязанностей, чуждого всякого искательства и карьеризма. Стахович обращает внимание в своем письме на то, что Тимирязев, будучи свидетелем многочисленной смены генерал-губернаторов и политических направлений, сумел остаться в стороне от активной деятельности и не пользовался карьерными возможностями, оставаясь на скромной должности адъютанта. Последнее является очень интересной характеристикой Тимирязева. Видимо, Стахович считал это важным аргументом для Сената в положительном решении дела о пенсии.

Нельзя сказать, что Сенат принял положительно это прошение, но после обсуждения вопроса и голосования большинством голосов (пять против двух) Тимирязеву было принято решение о назначении пенсии из финской казны. Интересен тот факт, что одним из проголосовавших против был Кюести Каллио, ставший президентом независимой Финляндии в 1937 г.

Тимирязев вышел на пенсию в очень удачное время, незадолго до Октябрьской революции и принятием Финляндией независимости. Впереди было время

непредсказуемых перемен в России, а значит и в судьбах российских служащих. В изменившейся ситуации получение какого-либо пособия на проживание в Финляндии было бы под большим вопросом.

В ноябре 1917 г. были прерваны государственные отношения между Великим княжеством Финляндским и Россией, и шестого декабря парламент провозгласил Финляндию независимой. В то время в стране ещё находилось значительное число российских военных. В стране усилилось противостояние между разными слоями населения. Все это стало причиной начала гражданской войны в марте 1918 г. Об этом отрезке времени в судьбе Тимирязева нет сведений. Надо подчеркнуть, что положение неграждан Финляндии как экономическом плане, так и с точки зрения опасности для жизни было достаточно безопасным в районах, контролируемых красновардейцами, куда входил и Хельсинки. Отсутствует информация о точном местопребывании Тимирязева в Хельсинки во время гражданской войны. Можно только предполагать, что он старался его не афишировать, особенно если находился в столице. Все же он был в прошлом офицером царской армии. Сохранились его фотографии, на которых изображены оккупировавшие Хельсинки солдаты германской армии и шноцкоровцы (белофинны). Также сохранились сделанные им фотографии взятых в плен финских красновардейцев и русских военнопленных. Необходимо отметить, что не нашлось его фотографий Хельсинки в период контроля красными, хотя есть множество снимков как до этого периода, так и после. Скорее всего он мог свободно передвигаться по улицам города с камерой только после прихода к власти белых.

Иван Тимирязев был свидетелем многих исторических событий. Хотя генерал-губернаторы сменяли друг друга, он был бессменным адъютантом. Первая мировая война, гражданская война и Октябрьская революция в России безусловно внесли хаос в размеренную и систематичную службу чиновника и военного. Тимирязев все же смог сохранить свою должность в эти сложные периоды и успешно выйти на пенсию как раз накануне распада Российской империи.

Важной частью исследования стали увлечения Ивана Тимирязева вне службы на разных этапах его жизни.

Занятие фотографией

Фотографические круги в Финляндии в начале XX в. были очень малочисленными. Все знали друг друга и сотрудничали, хотя посторонним казалось, что они конкурируют между собой. Фотографам-любителям, в число которых входил и Тимирязев, это давало возможность познакомиться с фотографами-профессионалами и использовать их знания и опыт. Фотографическим делом он начал заниматься с начала XX в., скорее всего даже раньше. Тимирязев был членом Клуба фотографов-любителей Гельсингфорса (сокращенно — АФК). В члены Клуба Тимирязев вступил в октябре 1900 г. В отличие от других кандидатов, кандидатура Тимирязева вызвала неоднозначную реакцию. За него проголосовало

10 членов, два голоса — против. Можно только предполагать причину голосования против: для всех Тимирязев был представителем имперской власти, что могло, особенно в начале века, вызывать достаточно сильные и противоречивые чувства. Политика русификации вызывала протест в обществе. Вполне логично предположить, что и среди членов АФК были и нелояльные к представителям существующей власти люди.

Достаточно быстро Тимирязев приобрел известность как фотограф. Первый приз на выставке фотографий он получил уже в 1903 г., после чего его отмечали на многих фотографических выставках как в Финляндии, так и в России. Тимирязев участвовал и в выставках за пределами Финляндии и стал обладателем множества почетных грамот и призов от российских обществ и клубов фотографов Риги, Саратова, Казани, Киева, Полтавы, Петербурга, Москвы и Нижнего Новгорода.

Так как собрания Клуба проводились ежемесячно, а Тимирязев состоял в членах АФК до 1926 г., можно допустить, что такая многолетняя активность является свидетельством его искреннего интереса к деятельности Клуба. В то же время и Клуб приносил явную пользу. Благодаря знанию языков и личным связям, Тимирязев много лет занимался вопросами сотрудничества с российскими обществами фотографов и, при необходимости, выступал в роли переводчика.

Надо отметить, что у Тимирязева было одно большое преимущество перед его коллегами-фотографами: он мог более свободно передвигаться и снимать на улицах города, находящегося на военном положении. Аналогичной коллекции фотографий нет ни у одного финского фотографа. К сожалению, нет информации о том, как коллеги по канцелярии губернатора относились к его хобби.

Первая мировая война внесла изменения в фотографический процесс и работу АФК. С одной стороны, из-за войны резко поднялись цены на реактивы для фотографий. С другой — российская армия не одобряла съемки в городе, в котором активно начали строить укрепления. Клуб все-таки осуществил свою традиционную поездку на природу. В этот раз на остров Сэурсаари. Заслуга полностью принадлежит Тимирязеву, он получил разрешение на беспрепятственное передвижение по острову. Также Первая мировая война затруднила развитие фотографического дела в стране, так как пользовавшиеся большой популярностью профессиональные британские и немецкие журналы не были доступны. Гражданская война в свою очередь временно приостановила деятельность Клуба.

Тимирязев отличался от более художественной части Клуба тем, что считал будничные и реалистичные документальные фотографии более ценными. Он добросовестно и тщательно снимал город и его будничную жизнь. На снимках можно увидеть детей, студентов, рыбаков, продавцов на рынке и рабочих на фоне городских улиц, парков и порта. Особенно интересуют Тимирязева люди. Может, именно из-за неприкрытого показа будней сегодня эти снимки активно используются для иллюстрации жизни Хельсинки начала XX в. В то время в Хельсинки рабочие и простой люд вряд ли были популярным объектом

у фотографов, что придает особую важность этим документам того времени. Тимирязев снимал всех подряд без разделения на общественные классы.

Надо особо отметить, что сохранились и фотографии Тимирязева военных царской России, шпоцкуровцев, солдат германской армии, затем также солдат армии независимой Финляндии.

Существует мнение, что ещё до эры журналистской фотографии в снимках Тимирязева присутствовали все её признаки: реалистичность, жизнь и чувство. Может как раз благодаря этому Тимирязев и начал, выйдя на пенсию, предлагать свои фото в иллюстрированные журналы. Он продавал фотографии в основном двум изданиям приблизительно до конца 1924 г. Существует мнение, что основной причиной было желание увидеть свое имя и фотографии в печатном виде доступными для читателей. Можно предположить, что дополнительный источник денег служил и хорошей добавкой к пенсии.

Другие занятия свободного времени

В бытность Тимирязевым адъютантом русских офицеров на улицах Хельсинки нельзя было не заметить. Тимирязев не был исключением. В те времена он был активным театралом. Общепринятым считалось дарить цветы артисткам и зачастую располагающие средствами поклонники в прямом смысле забрасывали свою любимицу цветами, не забывая при этом шампанское, черную икру и другие деликатесы. Хорошим примером служил театр Аполло, большинство посетителей которого составляли русские офицеры. Эта традиция жила вплоть до начала Первой мировой войны. Можно сказать, что мода дарить цветы была одновременно и способом показать свое финансовое положение. Тимирязев был одним из этих поклонников искусства, но скорее всего он оставался в тени тех, кто разбрасывался деньгами.

В январе 1915 г. отмечался 25-летний юбилей адъютантской службы полковника Ивана Тимирязева. Финляндская газета озаглавила статью «Редкий юбилей». Обращает на себя внимание характеристика Тимирязева, приведенная в этой статье: «Вообще принято считать должность адъютанта весьма непрочной по своему положению, почему юбилей Ивана Александровича можно отнести к разряду редких юбилеев и к разряду выдающихся в человеческой жизни. И то, что он прослужил в должности адъютанта четверть века, доказывает, что он пользовался уважением и любовью своих начальников, всегда ценивших его заслуги». В день юбилея в доме генерал-губернатора был отслужен торжественный молебен и состоялся торжественный завтрак. Вечером Тимирязева поздравили сослуживцы и товарищи в его излюбленной месте — ресторане Гатани. И снова цитата из Финляндской газеты: «Гrapeза носила на редкость задушевный характер и свидетельствовала о той любви и уважении, которыми юбиляр пользуется среди своих многочисленных друзей и знакомых». Эти слова — яркое свидетельство того, что Тимирязев имел обширные социальные связи и пользовался

уважением как среди своих соотечественников, так и среди финских коллег-фотографов.

Женитьба и кончина

В 1918 г. Тимирязев вступил в брак с гражданкой Финляндии Онервой Ангерво. В графе «Род занятий» у Онервы было записано «служащая конторь». Онерва родилась в 1887 г., то есть она была почти на тридцать лет моложе пятидесяти восьмилетнего Тимирязева. Детей у Тимирязева и Онервы не было. Можно предположить, что Тимирязев осознанно решил остаться в Финляндии после Октябрьской революции. Страна нравилась ему, он прижился здесь и, немаловажно, имел право на пожизненную финскую пенсию. В августе 1918 г. финские власти рассматривали заявления граждан России на получение гражданства Финляндии. По поводу Тимирязева было отмечено, что препятствий на получение гражданства нет, так как он достойный гражданин и имеет хороший отзыв из полиции. Наличие финской жены видимо также сыграло свою роль. Таким образом, получив гражданство и пенсию, Тимирязев окончательно обосновался в Хельсинки.

Несмотря на то, что здоровье Тимирязева значительно ухудшилось в последние годы жизни, его часто можно было увидеть на улицах города с камерой в руках. Иван Александрович Тимирязев скончался в Хельсинки 11 октября 1927 г. от продолжительной болезни в возрасте 67 лет. Причиной смерти было указано раковое заболевание.

Источники

Основным источником моего исследования периода адъютантской службы Ивана Тимирязева послужили материалы его личного дела, составленные канцелярией генерал-губернатора. В основу исследования его фотографической карьеры легли протоколы заседаний общества фотографов-любителей Хельсинки. Дополнительно к этому были изучены материалы периодической прессы периода его жизни в Финляндии, издававшиеся на финском, русском и шведском языках. Изучая жизнь Ивана Тимирязева, я постарался создать максимально целостную, многостороннюю и подтвержденную реальными документами картину его жизни, используя и сравнивая по возможности между собой самые различные документальные источники.

Заключение

В результате исследования стали доступными ранее разрозненные и малоизвестные факты из жизни Ивана Тимирязева, восстанавливающие полноценную картину его жизни. С полной уверенностью Тимирязева можно в равной степени назвать добросовестно и основательно исполняющим свои обязанности адъютантом генерал-губернатора, отслужившим достойную службу и пользующимся уважением коллег и начальства, и в то же время —

профессиональным фотографом, начавшим карьеру простым любителем. Его выход на пенсию совпал со сменой власти в России и провозглашением независимости Финляндии. Тимирязеву удалось получить пожизненную пенсию от финляндского правительства и не пострадать в суровые годы гражданской войны. Занятие фотографией и возникшие в связи с этим контакты с местными жителями помогли ему интегрироваться в финском обществе, что в свою очередь повлияло на решение остаться в стране до конца жизни.

По всей видимости Тимирязев был общительным человеком. Фотография была самой большой страстью его жизни. Клуб фотографов-любителей стал для него местом, где он превращался из российского чиновника в чужом городе в одного из таких же увлеченных фотоделом людей. Фотографии, сделанные Иваном Тимирязевым, создают уникальные портрет Хельсинки на рубеже веков.

Полностью с дипломной работой Антона Этеляхо «Иван Тимирязев. От адъютанта генерал-губернатора до фотографа» (Ivan Timiriasev: Kenraalikuvernöörin adjutantista valokuvajaaksi) можно ознакомиться (на финском языке) на сайте цифрового архива университета Хельсинки по адресу: <http://urn.fi/URN:NBN:fi:huilib-202109293777>.

Источники

Архивные источники

Хельсинкский городской архив, Хельсинки (НКА)

Постановления Городского совета г. Хельсинки 1918 г.

Годовой отчет Хельсинкской муниципальной администрации за 1921 г.

Годовой отчет Хельсинкской муниципальной администрации за 1924 г.

Годовой отчет Хельсинкской муниципальной администрации за 1928 г.

Книги муниципальных налоговых сборов 1875–1928 гг.

Реестр умерших 1926 г.

Адресный регистр, часть I, 1907–1948 гг.

Национальный архив Финляндии, Хельсинки (КА)

Архив Канцелярии Генерал-Губернатора

Fh:18 Личные дела Генерал-Губернаторов и чиновников Канцелярии (1900–1918)

Цифровой архив

Апелляционный суд Хельсинки

Национальная библиотека, Хельсинки (KK)

Fennica

Списокъ чиновъ управленія Финляндскаго Генераль-Губернатора. Хельсинки: 1913.

Списокъ чиновъ управленія Финляндскаго Генераль-Губернатора. Хельсинки: 1915.

Финская ассоциация семейной истории (SSHY)

Цифровой архив

Церковный приход г. Хельсинки

Печатные источники

Финские государственные календари 1890–1916 гг. Хельсинки: Александровский университет 1890–1916 гг.

Периодические издания

Adress- och yrkeskalender för Helsingfors jämte förorter

Adressbok och yrkeskalender för Helsingfors

Allas Krönika

Borgåbladet

Finlands Allmänna Tidning

Финляндская газѣта

Fotografiskt Allehanda

Helsingin Sanomat

Hufvudstadsbladet

Hämetär

Itä-Suomen Sanomat

Karjala

Kotka Nyheter

Nya Pressen

Oulun Ilmoituslehti

Päivälehti

Suomen Kansa

Suomen Kuvalehti

Suomen Sosiaalidemokraatti

Suomen Wirallinen Lehti

Tammerfors Nyheter

Uusi Suometar

Vapaista sanoja
Veckans Krönika
Wiipurin
Åbo Underrättelser

Фотографии и экспонаты

Городской музей, Хельсинки
Коллекция фотографий.
Коллекция экспонатов

Интернет-материалы

Amatörfotografklubben i Helsingfors, Gamla protokoll 1900–1909. URL: <https://www.afk.fi/arkivet/protokoll-1900-1909/> (информация на 28.1.2021).

Amatörfotografklubben i Helsingfors, Gamla protokoll 1910–1919. URL: <https://www.afk.fi/arkivet/protokoll-1910-1919/> (информация на 19.2.2021).

Amatörfotografklubben i Helsingfors, Gamla protokoll 1920–1939. URL: <https://www.afk.fi/arkivet/protokoll-1920-1939/> (информация на 29.2.2021).

Carpelan, Bert. Historiaa. 1989. URL: <https://www.afk.fi/arkivet/historiaa/> (информация на 29.3.2021).

Geni.com — Ivan Timiriasev. URL: <https://www.geni.com/people/Ivan-Timiriasev/6000000094770269831> (информация на 30.7.2021).

База поисковой системы finna Городского музея Хельсинки. URL: <https://hkm.finna.fi/> (информация на 11.5.2021).

Luntinen, Pertti. ”Venäjän sotaväki Suomessa 1856–1917.” В издании Historiakone. URL: <https://agricolaverkko.fi/vintti/julkaisut/historiakone/dokumentti.php?id=363> (информация на 20.3.2021).

Otava. Otava-konsernin historiaa. URL: <https://otavakonserni.fi/historia/> (информация на 24.3.2021).

Статистический центр, Tilastokeskus, конвертер валют. URL: <https://www.stat.fi/tup/laskurit/rahanarvonmuunnin.html> (информация на 19.3.2020).

Музей фотографии — Kuka kuvasi? URL: <http://kukakuvasi.valokuvataiteenmuseo.fi/tietuekortti/valokuvaaja/174>; <http://kukakuvasi.valokuvataiteenmuseo.fi/tietuekortti/valokuvaaja/756> (информация на 29.3.2021).

Vuorenmäa, Tuomo-Juhani. ”Nyblin, Daniel.” В издании Kansallisbiografia. Studia Biographica 4. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1997. URN:NBN:fi-fe20051410 (информация на 11.2.2020).

Российский Родословный Фонд. URL: <http://www.rgfond.ru/rod/12261> (информация на 9.8.2021).

Список литературы

Allt, A. As Oy Hauho : 75 vuotta Hauhontien varrelta / A. Allt. — Helsinki : As Oy Hauho, 2000. — 83 s.

Carpelan, B. Kenraalikuvernöörin adjutantti, amatöörivalokuvaaja Ivan Timiriasev / B. Carpelan // Valokuvauksen vuosikirja 1974 / toim. R. Keski-Korhonen. — Helsinki : Suomen valokuvataiteen museon säätiö, 1974. — S. 16–19.

Carpelan, B. Kiistanalainen valokuvanäyttely 1907 / B. Carpelan // Valokuvauksen vuosikirja 1984 / toim. M. Ristimäki. — Helsinki : Suomen valokuvataiteen museon säätiö, 1984. — S. 26–33.

Cederberg, A. Vainotuita / A. Cederberg // Valkoisten salainen toiminta Helsingissä punaisena aikana / toim. T. Svedlin. — Jyväskylä : Gummerus 1919. — S. 163–207.

Архив новейшей истории России. Т. XIII : Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. Март — октябрь 1917 года : в 2 т. Т. 2. — Москва : РОСПЭН, 2019. — 413 с.

Halén, H. Venäjän vallankumous Helsingissä / H. Halén // Helsinki ensimmäisessä maailmansodassa: sotaurmat 1917–1918 / toim. J. Nieminen. — Helsinki : Gummerus, 2015. — S. 68–85.

Hirn, S. Ateljeesta Luontoon — Valokuvaus ja valokuvaajat Suomessa 1871–1900 / S. Hirn. — Helsinki : Suomen valokuvataiteen museon säätiö, 1977. — 144 s.

Hoppu, T. Vallatkaa Helsinki: Saksan hyökkäys punaiseen pääkaupunkiin 1918 / T. Hoppu. — Helsinki : Gummerus, 2013. — 403 s.

Jussila, O. Suomen suuriruhtinaskunnan keskushallinnon perusluonne / O. Jussila // Suomen keskushallinnon historia / toim. R. Savolainen. — Helsinki : Edita, 1996. — S. 51–61.

Kallio, V., Nygård, T. Rajamaa / V. Kallio, T. Nygård // Suomen historian pikkujättiläinen / toim. S. Zetterberg. — Helsinki : WSOY 1987. — S. 545–602.

Kemppi, J. Helsinki maailmansodassa / J. Kemppi // Helsinki ensimmäisessä maailmansodassa: sotaturmat 1917–1918 / toim. J. Nieminen. — Helsinki : Gummerus, 2015. — S. 16–41.

Ketola, E. Ennen Bobrikovia : Kenraalikuvernöörit Suomen keskushallinnossa 1808–1897 / E. Ketola // Tutkielmia Suomen Suuriruhtinaskunnan keskushallinnon historiasta / toim. S. Tiihonen. — Helsinki : Vapokustannus, 1992. — S. 43–190.

Klinge, M. Helsinki, Itämeren tytär : lyhyt historia / M. Klinge, L. Kolbe. — Helsinki : Otava, 2007. — 159 s.

Krohn, A. Tsaarin Helsinki. Idyllistä itsenäisyyteen / A. Krohn. — Helsinki : Tammi, 1967. — 109 s.

Кульбака, Н. Э. История дворянского рода Донауровых / Н. Э. Кульбака. — Москва : Старая Басманная, 2013. — 181 с.

Kuusela, K. Itämeren divisioona hyökkää Helsinkiin / K. Kuusela // Helsinki ensimmäisessä maailmansodassa: sotaturmat 1917–1918 / toim. J. Nieminen. — Helsinki : Gummerus, 2015. — S. 120–135.

Könönen, E. Hengen miekka — auttava käsi: Pelustusarmeijan vaiheet Suomessa / E. Könönen. — Helsinki : WSOY, 1964. — 448 s.

Lampinen, M-L. Venäläisyys Helsingissä / M-L. Lampinen // Venäläisyys Helsingissä 1809–1917 / toim. M-L. Lampinen. — Helsinki : Helsingin kaupunginmuseo, 1984. — S. 12–26.

Leskelä-Kärki, M. Samastumisia ja etääntymisiä Elämäkerta historiantutkimuksen kysymyksenä / M. Leskelä-Kärki // Tulkinnan polkuja. Kulttuurihistorian tutkimusmenetelmiä / toim. A. Nivala ja R. Mähkä. — Turku : Turun yliopisto, 2013. — S. 25–48.

Nordfors, K. Från stativkamera till miniatyrfärgfilm / K. Nordfors // Femtio år amatörfotografi / W. Jakobsson. — Helsinki : Amatörfotografklubben, 1939. — S. 7–35.

Ollila, A. Kuohuntaa kaupungissa — valokuvia 1900-luvun alun Helsingistä / A. Ollila // Historiallinen aikakauskirja. — 2015. — Vol. 113 (3). — S. 227–238.

Pakarinen, R. Ioan Timiriasev / R. Pakarinen // Venäläisyys Helsingissä 1809–1917 / toim. M-L. Lampinen. — Helsinki : Helsingin kaupunginmuseo, 1984. — S. 91–92.

Polvinen, T. Venäjän vallankumous ja Suomi / T. Polvinen. — Helsinki : WSOY 1987. — 385 s.

Polvinen, T. Valtakunta ja rajamaa. N. I. Bobrikov Suomen kenraalikuvernöörinä 1898–1904 / T. Polvinen. — Helsinki : WSOY, 1984. — 431 s.

Possing, B. Elämä Pelissä : Biografian historia ja vastuu / B. Possing // Historiallinen elämä. Biografia ja historiantutkimus / toim. H. Hakosalo, S. Jalagin, M. Junila ja H. Kurvinen. — Helsinki : SKS, 2014. — S. 62 – 78.

Räsänen, M. Idän ja lännen rajalla / M. Räsänen // Venäläisyys Helsingissä 1809–1917 / toim. M-L. Lampinen. — Helsinki : Helsingin kaupunginmuseo, 1984. — S. 1–11.

Sinisalo, H. ja Tähtinen, R. Suomen valokuvaajat 1842–1920 / H. Sinisalo, R. Tähtinen. — Helsinki : Suomen valokuvataiteen museon säätiö 1996. — 325 s.

Sjöblom, M. Venäläinen keskusvirasto Suomessa : kenraalikuvernöörin kanslian virkamiehistö 1899-1918 / M. Sjöblom // Virkaan, virasta, viratta : tutkielmia virkamiehistä ja ministereistä / S. Tiihonen. — Helsinki : Hallintohistoriakomitea 1993. — S. 261 – 318.

Ståhlberg, S. K. E. Ståhlberg. Fotograf, filmskapare och entreprenör / S. Ståhlberg. — Helsinki : SLS, 2013. — 263 s.

Tillander-Godenhjelm, U. The Russian imperial award system 1894–1917 / U. Tillander-Godenhjelm. — Helsinki : Suomen muinaismuistoyhdistys, 2005. — 566 p.

Vihavainen, T. Helmikuun manifestista Vapaussotaan: sortoa, vastarintaa — ja yhteisymmärrystä / T. Vihavainen // Venäjän kahdet kasvot : Venäjä-kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä / toim. T. Vihavainen. — Helsinki : Edita, 2004. — S. 173–187.

Zetterberg, S. Venäjästä Neuvostoliitoksi / S. Zetterberg // Venäjän historia / toim. H. Kirkinen. — Helsinki : Otava, 2000. — S. 327–371 s.

Åström, S-E. Kaupunkiyhteiskunta murrosvaiheessa / S-E. Åström // Helsingin kaupungin historia. IV osa, jälkimmäinen nide / toim. R Rosen. — Helsinki : Helsingin kaupunki, 1956. — S. 9–333.

ШАНИНА Ольга Николаевна / SHANINA Olga

Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области / Branch of the State archives of the Yaroslavl region — Centre of documentation of contemporary history

Россия, Ярославль / Russia, Yaroslavl

cdni@yararchive.ru

**У ИСТОКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА. ЯРОСЛАВЛЬ — ЮВЯСКЮЛЯ**

AT THE ORIGINS OF INTERNATIONAL MUNICIPAL COOPERATION.
YAROSLAVL — JYVÄSKYLÄ

Abstract: The paper, basing on archival documents, discusses the issue of the establishment and promotion of international municipal cooperation between the Soviet city of Yaroslavl and the Finnish city Jyväskylä in 1960–1980. The author comes to the conclusion, that despite the general background of the Cold War, strong friendly relations have developed between the two cities. These relations covered three main areas: the political, the economic, and the public ones. The change of the political system in the USSR and subsequent disintegration of the state did not break the relations between Yaroslavl and Jyväskylä. They continued to develop and strengthen in the right direction.

Ключевые слова / Keywords: Города-побратимы, Ярославль, Ювяскюля, международное муниципальное сотрудничество, холодная война, международные отношения, СССР, Финляндия / Twin cities, Yaroslavl, Jyväskylä, international municipal cooperation, cold war, international relations, USSR, Finland

Техническая революция и индустриализация привели к тому, что в XX в. во всём мире значительно выросло количество городского населения. По данным ООН к 1950 г. в городах проживала уже одна треть населения планеты. Города стали играть столь заметную роль в общемировых политических и экономических процессах, что это позволило исследователям теории международных отношений ввести термин «дипломатия городов». Понятие «дипломатии городов» подразумевает, что «города и местные власти начинают на мировой арене все более активно и настойчиво заявлять о себе как о подлинных представителях и выразителях интересов своего населения, от которого официальная дипломатия находится слишком далеко»¹. Ярким примером «дипломатии городов» на практике выступает движение городов-побратимов.

На сегодняшний день вопросы взаимодействия городов-побратимов недостаточно освещены в отечественной историографии. В советской историографии данная проблема рассматривалась в контексте развития дружественных отношений советского народа с рабочими всего мира. Кроме того, советские исследователи в основном делали акценты на связях СССР и стран

¹ Саямов Ю. Н. Дипломатия городов // Международная жизнь. 2008. № 8–9. С. 131.

социалистического лагеря². Сегодня тема народной дипломатии в целом является очень многогранной и рассматривается политологами, социологами, экономистами, юристами и историками. Однако роль побратимства и его влияние на развитие международных отношений до сих пор исследованы недостаточно. Изучение данной темы до недавнего времени осложнялось тем, что большая часть документов была недоступна исследователям, так как находилась в архивах под грифами «секретно». Процедура их активного рассекречивания началась только в 1990-е гг. и продолжается до сих пор. В связи с этим введение в научный оборот новых архивных документов (в том числе из региональных архивов) представляется важной задачей на ближайшее время. Цель данного выступления — проанализировать взаимодействие городов-побратимов Ювяскюля и Ярославля в 1960–1980-е гг. на основе ранее не использованных в научных работах документов, отложившихся в Центре документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области в фонде Ярославского обкома КПСС.

В 1966 г. был подписан Договор о побратимстве между советским городом Ярославлем и финским городом Ювяскюля, ставший первым шагом на пути к развитию международного муниципального сотрудничества. Ювяскюля — финский город, основанный в 1837 г., центр нынешней области Центральная Финляндия (Кески-Суоми), а в 1966-м — губернии с тем же названием. На тот момент в ней проживало 250 000 жителей. В 1960–1970-е гг. город занимал восьмое место в стране по численности населения, являлся крупным индустриальным, культурным и туристическим центром³.

К моменту подписания Договора между Ярославлем и Ювяскюля у СССР и Финляндии сложились прочные добрососедские отношения. Почва для них была подготовлена заключением в Париже 10 февраля 1947 г. послевоенного Мирного договора, подписанием 6 апреля 1948 г. советско-финляндского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, а также проведением со стороны Финляндии активной миролюбивой внешней политики. Кроме того, в 1965 г. во время неофициального визита финского президента У. Кекконена в СССР между сторонами было принято соглашение о побратимстве между пятьюдесятью советскими и финскими городами⁴.

Немалую роль в развитии дружественных связей с Финляндией также сыграли общества дружбы. С октября 1944 г. в Финляндии существовало общество «Финляндия — СССР», а с января 1958 г. в СССР начало действовать общество

² *Непомнящий Т. А., Песляк М. М.* В дружбе с городами мира. М., 1987; Деятельность обществ дружбы с СССР в странах социалистического содружества / Сб. под ред. И. Н. Мельникова. Киев, 1987; *Атопов В. И.* По законам братства. Волгоград, 1987.

³ Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (далее — ЦДНИ ГАЯО). Ф. 272. Оп. 270. Д. 1023. Л. 30.

⁴ *Вавулинская А. И.* Побратимские связи городов СССР и Финляндии в 1960–1980-е гг. как фактор формирования новых форм сотрудничества на региональном уровне (на примере Петрозаводска и Варкауса) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 67.

«СССР — Финляндия», отделение которого было также открыто в Ярославле в 1966 г. Деятельность этих обществ приобрела широкую популярность, оказала значительное влияние на формирование позитивного общественного мнения друг о друге, внесла большой вклад в дело укрепления советско-финской дружбы и сотрудничества⁵.

Начиная с 1966 г. вся работа по связям с Ювяскюля проводилась через Исполнительный комитет Ярославского городского Совета депутатов трудящихся на основе ежегодно составляемых планов, которые передавались на утверждение в Ассоциацию по связям советских и зарубежных городов. Изначально работа проводилась в основном в форме личных встреч представителей городов-побратимов, взаимной переписки, путем официальных приветствий в праздничные и юбилейные даты. В первое воскресенье апреля был установлен официальный праздник «День дружбы городов-побратимов Ярославля и Ювяскюля». В этот день ежегодно в обоих городах проходили собрания общественности, встречи в клубах, школах, высших учебных заведениях, проводились заочные спортивные соревнования⁶. Также проводились многодневные летние праздники советско-финской и финско-советской дружбы, в которых активное участие принимали Ярославль и Ювяскюля⁷. Традиционным стал обмен коллективами художественной самодеятельности и дружественные встречи спортивных команд⁸.

В 1970-е гг. укрепление дружественных связей между городами проходило на фоне подготовки к ряду праздничных мероприятий. В октябре 1972 г. в рамках празднования пятидесятилетия образования СССР с официальным визитом по приглашению мэра города В. Ярвинена Ювяскюля посетила делегация Ярославского городского Совета депутатов трудящихся во главе с заместителем председателя исполкома горсовета М. И. Коротковым⁹. В декабре 1972 г. с ответным визитом на торжества, посвященные 50-летию образования СССР, Ярославль посетила и приняла участие в праздничных мероприятиях делегация из Ювяскюля во главе с мэром В. Ярвиненом¹⁰.

В 1973 г. вся работа по связям с финским городом Ювяскюля проходила под эгидой празднования 25-летия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Советским Союзом и Финляндией. Официальная делегация от Ярославля во главе с председателем исполкома городского совета Н. А. Яблоковым посещала Финляндию в апреле для участия в юбилейных торжествах. Весь 1973 г. вечера встреч, концерты и общие мероприятия проводились под девизом Договора о дружбе и разъяснения его значимости для народов СССР и Финляндии¹¹.

⁵ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 270. Д. 895. ЛЛ. 50, 51, 59.

⁶ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 239. Д. 18. Л. 5.

⁷ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 270. Д. 895. Л. 27, 35–37.

⁸ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 735. Оп. 3. Д. 1139. Л. 1–3.

⁹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 239. Д. 6. Л. 19–33.

¹⁰ Там же. Л. 34.

¹¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 239. Д. 18. Л. 7.

Также в рамках празднования 25-летия Договора в Ярославле был снят цветной документальный фильм «Советы депутатов трудящихся» для демонстрации его по первой программе центрального телевидения Финляндии. Целью фильма было показать работу городского совета по руководству Ярославлем. Был отснят большой материал о второй сессии городского Совета, посвященной рассмотрению вопросов образования, а также встреча с председателем горисполкома Н. Я. Яблоковым. Съёмочная группа посетила моторный завод, Дом моды, театр им. Ф. Г. Волкова, детскую железную дорогу, Дворец пионеров Северного жилого района¹².

В 1974 г. в рамках празднования в Финляндии 30-летия со дня основания общества «Финляндия — Советский Союз» из Ювяскюля в Ярославле побывало шесть специализированных туристических групп общей численностью 232 человека с целью ознакомления с различными сторонами жизни ярославцев¹³.

В 1970-е гг. также был налажен регулярный обмен официальными делегациями между городами. Главной целью подобных поездок было изучение и обмен опытом работы по руководству, благоустройству города, строительству, озеленению и другим текущим вопросам. Ярославскую область дважды посетили губернаторы Средней Финляндии: в 1976 г. А. Ямсен, в 1978 г. — К. Сиппонен. За 1968–1978 гг. финские партийные делегации неоднократно побывали в Ярославле: в 1968, 1969, 1972 и 1975 гг. — партийные делегации от Коммунистической партии Финляндии, в 1974 г. — от Социалистической рабочей партии¹⁴. Представители Ярославля приняли участие в первой и во второй встречах советских и финских породненных городов, проходивших в Ленинграде и в Хельсинки¹⁵.

Важно отметить, что в 1970-е гг. дружественные связи были установлены не только на высшем уровне, но и между студентами педагогического института и университета им. П. Г. Демидова г. Ярославля и студентами г. Ювяскюля, между учениками средней школы № 18 г. Ярославля и финскими школьниками¹⁶.

1980-е гг. были ознаменованы сразу несколькими важными событиями, повлекшими за собой дальнейшее укрепление дружественных связей Ярославля с Ювяскюля. Так 17–21 августа 1983 г. Ярославль стал ареной для проведения VII встречи представителей советских и финских городов-побратимов, в которой приняли участие делегации 49 советских и 50 финских городов, представители Союза советских обществ дружбы, Ассоциации по связям советских и зарубежных городов, а также обществ «СССР — Финляндия», «Финляндия — Советский Союз» и Союза городов Финляндии. В качестве гостей на встрече присутствовали заместитель Председателя Совета Министров РСФСР А. П. Лыков, руководители партийных и советских органов Ярославской области, представители центральных республиканских и местных учреждений и организаций, представители посольств

¹² ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 239. Д. 12. Л. 21–23.

¹³ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 239. Д. 18. Л. 25–27.

¹⁴ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 270. Д. 1023. Л. 31–34.

¹⁵ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 239. Д. 6. Л. 7.

¹⁶ Там же. Л. 6.

Финляндии и СССР (всего 152 человека с советской стороны и 160 человек с финской). На встрече обсуждались вопросы развития дружественных связей между советскими и финскими городами, развития экономического, научно-технического и культурного сотрудничества между СССР и Финляндией, вопросы реставрации и охраны памятников, воспитания школьников в духе мира и гуманизма¹⁷. Встреча была проведена на высоком уровне и стала новым этапом в дальнейшем развитии сотрудничества советских и финских породненных городов, а также способствовала выведению на новый уровень отношений между Ярославлем и Ювяскюля.

В мае 1984 г. в течение пяти дней в городе Ярославле проходил семинар руководителей и активистов общества «Финляндия — СССР». Во время семинара был организован обмен по вопросам дальнейшего развития дружественных отношений и сотрудничества между Финляндией и СССР¹⁸.

В 1985 г. в Ярославле проходили торжества, посвященные 975-летию со дня основания города. С 9 по 11 июля Ярославль с официальным визитом посетила делегация МИД Финляндии во главе с государственным секретарем МИД Винтолой. Состоялся обмен мнениями о перспективах дальнейшего развития связей между породненными городами СССР и Финляндии. А 19–26 августа 1985 г. в Ярославле одновременно находились делегации сразу трех зарубежных городов-побратимов: Ювяскюля (Финляндия), Коимбры (Португалия) и Пуатье (Франция), что явилось первым опытом организации совместных массовых мероприятий. Делегацию Ювяскюля возглавил лично мэр города Я. Ловен. Все делегации приняли участие в торжествах по случаю юбилея города: 22 августа — в открытии музея истории города, 23 августа — в торжественном заседании, посвященном юбилейной дате. После завершения праздничных мероприятий в горисполкоме состоялись рабочие встречи с представителями породненных городов, на которых были подведены итоги связей между городами и приняты новые протоколы о сотрудничестве¹⁹.

Значительные изменения на внутри- и внешнеполитической арене в середине 1980-х гг., начавшаяся перестройка и разрядка международных отношений подготовили почву для новых форм взаимодействия между городами-побратимами. Так в августе 1986 г. впервые в практике зарубежных связей Ярославля исполком принял делегацию финских школьников, изучавших русский язык. В октябре этого же года на базе общеобразовательной школы №18 была организована стажировка на русском языке для ребят из Ювяскюля. А с 26 октября по 6 ноября в Ювяскюля находилась делегация Ярославского государственного университета во главе с его ректором Г. С. Мироновым. Политические изменения второй половины 1980-х гг. также способствовали дальнейшему укреплению и развитию контактов в области культуры и спорта.

¹⁷ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 270. Д. 1103. Л. 41–47.

¹⁸ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 270. Д. 1197. Л. 11.

¹⁹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 270. Д. 1199. Л. 24–27.

Таким образом, к концу 1980-х гг. между Ярославлем и Ювяскюля сложились достаточно прочные дружественные связи, охватившие три основные сферы: политическую (ежегодные контакты на официальном уровне), экономическую (сотрудничество в сфере экономики) и общественную (регулярные контакты в сфере культуры и спорта, а также личные контакты граждан). Что касается последнего, то благодаря побратимским связям Финляндия заняла прочное место в списке стран, посещаемых ярославскими группами туристов. Так к концу 1970-х гг. в планах направления ярославских туристов за границу по линии областного совета профсоюзов количество мест для туристов, едущих в Финляндию, было в 2–3 раза больше, чем для туристов, отправляющихся в другие страны Западного блока²⁰. Кроме того, в связи с тем, что Ярославль стал городом-побратимом Ювяскюля, посещение Ювяскюля стало входить в обязательную программу при путешествии по Финляндии. Пребывание в городе-побратиме оставляло у ярославских туристов, судя по отчетам, наибольшее впечатление. Во-первых, туристов в Ювяскюля, как правило, принимал мэр города или его заместитель. Во-вторых, сама программа пребывания включала общение с финнами в непринужденной обстановке, посещение финской бани, баз отдыха и кафе, а также учитывала профессиональные интересы отдыхающих (медицинские работники имели возможность посетить медицинские учреждения, рабочие — заводы и фабрики, учителя и преподаватели — детские сады, школы и вузы)²¹. В общем и целом в выводах руководителей групп по возвращению на родину после таких поездок значилось следующее: «поездка была очень полезной для нас, думаю, что и мы немного растрогали сердца финских рабочих и других людей, кто заинтересован в мире, дружбе и сотрудничестве»²²; «встречи в г. Ювяскюля произвели на туристов большое впечатление... без этих встреч... поездка по Финляндии была бы бледной»²³.

Смена внутривластного строя и последовавший распад СССР не прекратили отношений между Ярославлем и Ювяскюля. Напротив, они продолжились развиваться и укрепляться на разных уровнях в 1990-е и 2000-е годы по заложенным ещё в советские времена направлениям. Это культурные, спортивные, образовательные обмены, обмены официальными делегациями органов власти. Но если во времена существования СССР инициатива побратимских связей шла исключительно по партийной линии, то на сегодняшний день побратимские связи — это уже целая система взаимодействия государственной и муниципальной властей городов, правительственных и неправительственных организаций, национальных, коммерческих и некоммерческих структур. Трансформировались и основные цели международного сотрудничества. Если изначально подобные связи преследовали своей главной задачей пропаганду в мире советского образа жизни,

²⁰ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 735. Оп. 3. Д. 1233. Л. 3; Д. 1138. Л. 8.

²¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 735, Оп. 3. Д. 656. Л. 42, 43, 49; Д. 976. Л. 39–40.

²² ЦДНИ ГАЯО. Ф. 735. Оп. 3, Д. 656. Л. 50.

²³ Там же. Л. 55.

то на современном этапе они преследуют уже более широкие цели укрепления престижа города и страны в целом, развития толерантности, взаимопонимания между народами, поддержания взаимного интереса к познанию друг друга, сотрудничества и взаимодействия в области улучшения городской среды обитания, инфраструктуры, спорта, культуры, решения вопросов обеспечения безопасности.

Список литературы

Атопов, В. И. По законам братства / В. И. Атопов. — Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1987. — 253.

Вавулинская, Л. И. Побратимские связи городов СССР и Финляндии в 1960–1980-е гг. как фактор формирования новых форм сотрудничества на региональном уровне (на примере Петрозаводска и Варкауса) / Л. И. Вавулинская // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2008. — С. 65–76.

Деятельность обществ дружбы с СССР в странах социалистического содружества / Сборник под ред. И. Н. Мельникова. — Киев : Наук. думка, 1987. — 237 с.

Непомнящий, Т. А., Песляк, М. М. В дружбе с городами мира / Т. А. Непомнящий, М. М. Песляк. — Москва : Юрид. лит., 1987. — 366 с.

Саямов, Ю. Н. Дипломатия городов / Ю. Н. Саямов // Международная жизнь. — 2008. — № 8–9. — С. 129–145.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

ВИХАВАЙНЕН Тимо / VIHAVAINEN Timo

Профессор-эмеритус / Professor Emeritus

Финляндия, Хельсинки / Finland, Helsinki

timo.vihavainen@helsinki.fi

ЧЕЛОВЕК СПРАВЕДЛИВОСТИ

РЕЦ. НА КН.: *Lehtinen, Lasse. Murhattu ministeri: Heikki Ritavuoren elämä ja kuolema. Helsinki: Otava, 2021. 509 s. (Лехтинен, Лассе. Убитый министр: Жизнь и смерть Хейкки Ритавуори. Хельсинки: Отава, 2021. 509 с.)*

A MAN OF RECTITUDE

REVIEW OF: Lasse Lehtinen, *Murhattu ministeri. Heikki Ritavuoren elämä ja kuolema* (Helsinki: Otava, 2021), 509 p.

Ключевые слова / Keywords: Хейкки Ритавуори, история Финляндии, политическое убийство / Heikki Ritavuori, history of Finland, political assassination

Уровень насилия в политической жизни Финляндии с 2018 г. был незначительным. Всё же за столетний период был убит один действующий министр. Для сравнения можно взять хотя бы Швецию, где были убиты и премьер-министр, и министр иностранных дел, причем не так давно.

Такой результат «мирового первенства» — 2:1 вряд ли многое прояснит относительно положения дел в целом, хотя было бы очень легкомысленным оставить это без внимания власти.

В любом случае, важно помнить, что министр внутренних дел Хейкки Ритавуори был убит во времена, когда мир и общество были совершенно иными, нежели сейчас. То время было пропитано насилием, жаждой мести и упрощённым пониманием того, чего можно достичь только при помощи оружия.

Это относилось ко всему периоду после окончания Гражданской войны, вплоть до начала Зимней. Однако конец зимы 1922 г. всё-таки был особым временем, обнажившим политические страсти. В тот момент кровь проливалась в Восточной Карелии, где полтысячи финнов помогали так называемому Карельскому восстанию, мятежу лесных партизан, который в действительности был бунтом родственного народа против господствовавшего большевистского порядка, принесшего голод и террор.

Карельское восстание, вспыхнувшее на рубеже 1921 и 1922 гг., отнюдь не было военным походом соплеменников, которые совершались ранее, до заключения Тартуского мира.

Теперь речь шла о вооруженном вторжении финских отрядов на территорию другого суверенного государства в мирное время. Кроме того, подготовка всей

операции могла осуществляться только из Финляндии, и к этому были причастны находящиеся на государственной службе заговорщики.

На самом деле подобные явления всё ещё имели место вдоль границы с Советской Россией протяжённостью в тысячи километров. Говорили о бандитизме, который доставлял неудобства жителям большинства приграничных районов, хотя в целом он встречался только в слабо развитых, «полудиких» областях. Но ситуация лучше не стала в связи с его появлением в другом месте.

Троцкий, со своей стороны, стал угрожать Финляндии, а Советская Россия направила ультиматум с предупреждением о принятии серьёзных мер в случае, если Финляндия вынесет вопрос на международную арену, т. е. обратится в Лигу Наций. Но Финляндия именно так и поступила, и запах пороха начал витать в воздухе уже в направлении Карельского перешейка.

Смещение ситуации в военную сторону вдохновило также финских коммунистов на то, чтобы внести свою лепту и организовать на севере Финляндии так называемый Сальный мятеж (*Läskikapina*), который имел те же черты, что и восстание: оружие привозилось из Советской России, и когда возникла угроза возмездия, повстанцы бежали туда.

Однако этот отряд был небольшим. В Финляндию из Восточной Карелии тем временем прибыла группа из десятка тысяч человек, в основном гражданских, карелов, часть которых все же вскоре вернулась обратно, доверившись обещанной амнистии.

Как нормальная страна, соблюдающая международные нормы, Финляндия, конечно же, должна была сделать всё возможное, чтобы прекратить поддерживать вооружённое столкновение на территории другого государства, спровоцированное её гражданами. Граница была закрыта, а прибывавшие оттуда вооружённые повстанцы интернированы. Вопросом занимался министр внутренних дел Ритавуори, и на самом деле он сделал это весьма тактично: повстанцам разрешено было беспрепятственно вернуться своим ходом домой.

По ту сторону границы совсем небольшие отряды сражались против таких же некрупных группировок. Небольшим сражением, которое считали значительным, а по существу, имевшим характер стычки, был захват Кимасозера, который осуществили красные финны под командованием Тойво Антикайнена. Символически это событие стало знаменательным: финны вновь выступили против финнов.

Как только замолкли орудия, трое преданных идеям братства молодых людей основали 22 февраля 1922 г. Академическое карельское общество, ядром которого стал тайный союз под названием Братья гнева (*Vihan Veljet*).

Об этих фактах пока достаточно, хотя о них стоит помнить для понимания того, что в то время люди жили в атмосфере конкретного кровопролития, и на настроения влияла не просто словесная война, а недавние кровавые события и память о них.

В марте, вскоре после окончания восстания в Восточной Карелии, Ритавуори был убит почти у дверей своего дома. Совершенно очевидно, что убийца был нанят какими-то другими лицами, но их тогда не нашли и подробности дела до сих пор неизвестны, да и расследовано оно было очень плохо.

В любом случае, Ритавуори (бывший Рюдман) был очень подходящим объектом для гнева ультраправых. Он амнистировал красных пленных и защищал в судах многих социалистов. Он был другом Таннера, Вуолийоки и других умеренных социал-демократов.

Одним словом, Ритавуори был очевидным *patkuli*, как было принято говорить во времена Лапуа. Имелся в виду один из зачинщиков Великой Северной войны, ливонец Иоганн Рейнхольд фон Паткуль, которого варварски казнил Карл XII.

Ритавуори был восходящей звездой либеральной политики, которая, к счастью для нашей страны, вскоре после гражданской войны заняла прочные позиции и способствовала гражданскому консенсусу и укреплению демократии.

Движущей силой этого направления были также умеренные социалисты, которые не участвовали в беспорядках 1918 г., и чей вклад в демократическое развитие нашей страны в разные периоды был неоценимым. Упомяну здесь только социализм военных времён, так называемый социализм братьев по оружию.

Книга¹ написана, так сказать, с «таннеровской» точки зрения, и такое решение приветствуется, хотя всё ещё не является распространённым в отношении того времени. Автор очень широко рисует политику эпохи, что вполне оправданно. В конце концов, среднестатистический читатель иначе не получил бы правильного представления о том, в каком мире он оказался.

Временами встречаются и курьёзы. Автор порой путает Г. М. Армфельта и Г. М. Спрентпортена и утверждает, что Пётр Великий отдал приказ «начисто истребить финнов», что вряд ли могло произойти даже во времена Великого лихолетья. Съезд партии социал-демократов 1919 г. он почему-то переносит на 1917 г., что абсолютно не могло быть реальностью.

Конечно, с точки зрения основного сюжета эти неточности кажутся не имеющими значения или, по крайней мере, пустяковыми деталями. Из документов Ритавуори-Рюдмана, и особенно из семейных дневников вырисовывается яркая и увлекательная картина жизни и политических взглядов людей того времени. Знакомство с карьерой Вяйнё Таннера и связанными с ней источниками послужило прочной основой для книги.

В свою очередь, своеобразной является манера автора культивировать анахроничные понятия, свойственные языку вражды и целенаправленному воздействию (таргетинг). Первое — это современное политическое оружие, которое используется для ограничения свободы слова и его чрезвычайно растяжимое толкование превратило многие судебные процессы в политический фарс.

¹ *Lehtinen L. Murhattu ministeri: Heikki Ritavuoren elämä ja kuolema. Helsinki, 2021.*

Второе представляет собой ставший модным жаргонизм военных кругов, с помощью которого стремятся придать особый блеск и убедительность даже совершенно бессмысленным заявлениям.

На мой взгляд, использование таких понятий — это одно из явлений, против которых выступали классические либералы, такие как Хейкки Ритавуори. Свобода слова была в то время предметом постоянной борьбы, и очень многие репортеры сидели неделями в тюрьме, некоторые на хлебе и воде для сокращения срока наказания.

Да, ненависть в то время культивировалась, и некоторые политики тоже попадали под удар, но даже тогда дело не доходило до кровопролития, не говоря уже о подстрекательстве к насилию на почве расовой ненависти.

Да, это были вещи, о которых спорили люди, но не расы или религии. Случай с Ритавуори — это не пример классовой борьбы, а радикальный вариант поиска правильной политики толкования законов и её границ.

Перевод С. В. Нагурной

Список литературы

Lehtinen, L. Murhattu ministeri : Heikki Ritavuoren elämä ja kuolema / L. Lehtinen. — Helsinki : Otava, 2021. — 509 s.

РУПАСОВ Александр Иванович / RUPASOV Alexander

Санкт-Петербургский институт истории РАН / St. Petersburg Institute of History,
Russian Academy of Sciences

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

rupasov_ai@mail.ru

РЕЦ. НА КН.: Мейнандер Х. Густав Маннергейм: Аристократ в суконном мундире / Пер. со шв. К. Мурадян. М.: Весь Мир, 2020. 321 с.

REVIEW OF: Henrik Meinander, *Gustav Mannerheim. Aristokrat v sukonnom mundire* (Moscow: Ves' Mir, 2020), 321 p.

Ключевые слова / Keywords: К. Г. Маннергейм, финляндская историография, советско-финляндские отношения / K. G. Mannerheim, Finnish historiography, Soviet-Finnish relations

Хенрик Мейнандер не первый и, можно утверждать, не последний историк, чьё внимание привлекает и будет привлекать личность Карла Густава Эмиля Маннергейма. Причем не какой-то один период в жизни этого человека, а вся его жизнь. Стоит признать, что его книга¹, представленная российскому читателю, оставит у последнего благоприятное впечатление. Она легко читается. Она интересно написана. Портрет Маршала получился не официозный.

Служба в российской армии и откровенно честолюбивое стремление сделать в империи карьеру — хотя бы ради того, чтобы обеспечить себе независимость, бесспорно, сделали из Маннергейма военачальника, способного вышколить полк, бригаду, дивизию, явить своим подчинённым образец смелости и отваги. Однако если бы перечень его достоинств исчерпывался лишь этими качествами, то скорее всего, последующая судьба его сложилась бы иначе, и он, как и многие другие военачальники периода Гражданской войны 1918 г. в Финляндии, ушёл бы в тень.

В отличие от большинства своих соратников в этой войне, не в меньшей степени, чем он сам, полных энергии и готовых идти до победного конца, барон оказался наделённым способностью оценивать не только военные, но и совершенно иные факторы. Он проявил умение находить ниточку, потянув за которую можно было разрешить ту или иную проблему — но только ту, которая стояла на пути достижения его собственных целей. Эта способность проявилась у Маннергейма уже в годы его азиатской экспедиции, в целом сыгравшей значительно бóльшую роль в формировании его личности, чем вся предшествующая служба. Однако можно ли утверждать, что обладание политической властью относилось к числу его целей? Вряд ли. Тщеславие, на которое довольно часто и не без ехидства кивали его недоброжелатели, не заходило у Маннергейма столь далеко, что и позволяло ему иногда поступать так, как никогда не поступили бы ни Свинхувуд, ни Стольберг,

¹ Мейнандер Х. Густав Маннергейм: аристократ в суконном мундире / Пер. со шв. К. Мурадян. М., 2020.

ни Паасикиви, ни Кекконен. Трижды Маннергейму приходилось оказываться в стороне от активного участия в решении государственных дел, однако всякий раз он сохранял в отношении официальных властей лояльность, в рамках которой максимально допустимым для него выражением недовольства политической линией, тем или иным актом исполнительной или законодательной власти, было прохладное отношение к тому или иному государственному и политическому деятелю — не более. Он будет неизменно, но в безупречно вежливой форме отклонять все приглашения первого президента Республики Карла Стольберга, открыто заявит П. Э. Свинхувуду, что в случае переизбрания того президентом он оставит пост председателя Совета обороны. Маннергейм обладал одним из ценнейших качеств для государственного деятеля — терпением. А терпение, как отмечал ещё Вовенарг, есть искусство питать надежду. Быть может, именно некоторая постоянная устремлённость в будущее и позволяла ему не столько свысока, сколько отстранённо взирать на окружающих его исполнителей воли нации. Многим это не нравилось, не многие умели не замечать этого.

Когда в начале 60-х годов в Финляндии обсуждался вопрос об установлении в столице конной статуи Маннергейма, главный редактор *Helsingin sanomat* Ю. Ниинилуото заметил, что вопрос о том, является ли маршал великим человеком или нет, — по сути своей второстепенен. Более важен другой вопрос: сыграл ли Маннергейм большую роль в истории своей родины. Сам Ниинилуото давал на последний вопрос положительный ответ, оспаривать который оснований не имеется. Возможно, мысль главного редактора столичной газеты можно было бы и продолжить, сказав, что в определённой мере не важно даже, что играет большую роль — сами действия человека или же та мифологизированная аура, которая возникает вокруг имени государственного деятеля или политика ещё при его жизни.

Почти с первых же дней независимости Маннергейму суждено было стать объектом бесчисленных оценок. С этим утверждением Мейнандера невозможно не согласиться. Часть из них составила внушительный поток восхвалений его как защитника законного общественного устройства и свободы отчизны, как победителя большевиков, спасшего Север Европы от нашествия варварских орд Востока, но также и как человека, наделённого соответствующим набором нравственных и иных качеств, положенных ему «по статусу». Оценки противоположной стороны в определённом смысле были более колоритны и вращались вокруг «душителя революции», «кровожадного палача», «лахтаря».

Стоит, однако, заметить, что в любых оценках главнокомандующего белой армии так или иначе, но признавалось наличие у Маннергейма тех человеческих качеств, от которых вряд ли кто-нибудь отказался. Речь идет прежде всего о целеустремленности и организаторских талантах, об отсутствии у него склонности к двурушничеству, обычно довольно развитой у многих государственных и политических деятелей. Да, он был тщеславен. И даже не стремился как-то маскировать эту свою слабость. Однако это тщеславие более напоминало

сознательно демонстрируемый каприз умного человека, не только знающего себе цену, но и те рамки, которых следует держаться в соответствии с неписаными правилами. Можно предположить, что иногда показное тщеславие барона служило не столько удовлетворению потребности в почестях, сколько дистанцированию от малопривлекательной и гораздо более, чем сам Маннергейм, алчущей власти шатии политиков, которым подобное внешнее поведение было заказано в силу их статуса «слуг народа». Быть может, удовлетворение маннергеймовского тщеславия было для финских политических кругов своего рода платой за бестактность собственного поведения в отношении «главного пожарника» после выполнения им очередной задачи.

Несмотря на то, что оценки бывшего главнокомандующего белой армией, которые появлялись в печати 1920–1930-х годов, весьма различались друг с другом, они имели и кое-что общее: маршал постепенно утрачивал в них свои человеческие черты. Со временем эта сторона оценочных суждений только усиливалась, и к 1960-м годам Маннергейм предстал своим соотечественникам со страниц книг и газет не просто как национальный герой, а иконизированный идол. В 1962 г. *Ylioppilaslehti* с полным основанием могла писать о том, что «Маршал, защитник наших очагов, мудрый и добрый отец угнетённого народа, полностью утратил человеческие черты. О нём можно говорить только в торжественном тоне, заранее согласованными формулами. Обсуждать его нельзя. Всё хорошо, когда он как человек мертвее мёртвого и жив лишь как безличный идеал». В том же году редактор Арво Сало заметил, что слова «Маннергейм» и «Маршал» являются взаимозаменяемыми синонимами и Маршал (*Marski*) при этом — не человек.

Однако именно в начале 1960-х годов стал пробуждаться интерес к Маннергейму-человеку. Дело тогда далеко не продвинулось из-за возникновения на этом пути ряда препятствий. Одним из них стал подъём студенческого движения в стране, начавшийся по сравнению с Западной Европой с некоторым опозданием. Он проходил столь бурно, как, например, во Франции, но тем не менее поставил в повестку дня вопрос о пересмотре прежних ценностей, которых придерживалось военное поколение: дом, вера, родина, Маннергейм. К тому же, как отмечала например Лаура Колбе, маршал не годился в герои в происходившей при президенте У. К. Кекконене переоценке внешней политики страны, краеугольным камнем которой теперь считались хорошие отношения с восточным соседом. Нельзя забывать и того, что именно Кекконен, четверть столетия находившийся на посту президента Республики, не без помощи пишущей братии стал претендовать на то место в ряду «отцов нации», которое в общественном мнении ранее отводилось Маннергейму. Явная радикализация академических кругов привела к тому, что новую жизнь приобрела та оценка Маннергейма, от которой никогда не отказывались левые. В очередной раз был вынут из запасников термин «классовый враг». Более того, как не без иронии отмечала Лаура Колбе, маршал стал и «капиталистом», так как приобрёл в своё время акции фирмы «Нokia» и из

освободителя превратился в лахтаря, пособника капитала и палача реакции. Лишь в середине 1980-х гг. ситуация несколько изменилась — закончилась эпоха Кекконена. После его кончины в 1986 г. «биржа великих людей» заработала снова. Поднялась очередная волна интереса к маршалу, одним из проявлений которого стали не только многочисленные публикации, но и проведённые в Хельсинкском университете в 1992 г. специальные чтения.

Хенрик Мейнандер уклонился от разъяснения причин избрания им весьма оригинального жанра для своего сочинения, которое не является, по его словам, «научно документированной монографией». Однако прочтение текста не позволяет заметить и следы заявленного им «жанра энциклопедического обзора» (с. 8). Только в малой части это может касаться краткого историографического очерка в конце книги, написанного, правда, с хорошим знанием дела. Не стоит оспаривать утверждение Мейнандера, что для культуры русскоязычных читателей, которым предназначен перевод его сочинения, характерны метафоры и ассоциации (с. 9), но таковых в тексте как-то не видно. Можно ли счесть таковой «аристократ в суконном мундире»? Мундиров из шёлка или ситца видеть (или слышать о таковых) не приходилось. Красиво, но является лишь констатацией действительного положения вещей.

Нельзя утверждать, что у читателя сложится чёткое представление о мировоззрении Маннергейма (если оставить за скобками категорическое неприятие им большевизма и коммунизма), поскольку остаётся неявно сформулированным, что автор книги вкладывает в понятия «правый радикал» и «реакционер» (с. 147) и по какой причине фактически делает тождественными понятия «консерватор» и «реакционер» (с. 148, 156). Также странное впечатление оставляют рассуждения автора об отношении Маннергейма к «решениям демократически избранного и назначенного правительства».

Вполне понятно, что в задачи автора отнюдь не входило обстоятельное знакомство читателя с историей Финляндии и тем более с историей Европы в первой половине XX столетия. Однако можно было бы избежать в некоторых случаях некорректных утверждений в отношении хорошо известных фактов. Нельзя не счесть странным заявление Х. Мейнандера, что «немцы ни при каких условиях не желали нарушить пункты Брест-Литовского мирного договора, иначе Россия могла бы вернуться в лагерь Антанты» (с. 121). Примеров нарушения «пунктов» в действительности было немало. Надевая Рудольфа Холсти едва ли не титулом спасителя большевистской России от планов Маннергейма втянуть Финляндию в конце лета 1919 г. в Гражданскую войну в России, автор забывает, что барона в то время уже не было в стране, а о его обсуждении с датским мультимиллионером Плюмом возможности командования неким интервенционным корпусом в Прибалтике известно в Финляндии не было. (Кстати, в этой связи автору стоило назвать хотя бы одного из единомышленников-стратегов Маннергейма, о которых он пишет.)

Удивление вызывает тот факт, что Мейнандер считает, что Аландской конвенции 1921 г. предшествовало разрешение шведско-финляндского конфликта по вопросу о принадлежности Аландов, хотя точка в этом вопросе была поставлена Лигой наций в 1923 г. О каком советском майском коммюнике 1939 г. по вопросу Стокгольмского протокола (с. 176) идёт речь остаётся неясным. Председательствовавший на заседаниях Совета Лиги наций (22–27 мая 1939 г.) И. М. Майский не поставил этот вопрос на обсуждение. Озадачивает мнение автора, что весной 1940 г. (!) западные державы (за полгода до того объявившие войну Германии) намеревались прекратить действие мирных соглашений с Берлином. При этом Мейнандер подчёркивает: дело заключалось в том, что было неясно, насколько это могло улучшить положение восточноевропейских государств (вероятно, имеются в виду союзники Германии — Словакия, Венгрия, Хорватия, Болгария, Румыния, остальные были оккупированы Германией). Более того, автор даже предполагает, что в этом случае восстановился бы порядок образца 1914 г. (с. 206).

При описании событий 1921 г., связанных с назначением на пост командующего шюцкорами (с. 154–155), было бы уместным кратко упомянуть о том, что шюцкоры обладали определённой автономией от государства. Их расходы государство покрывало частично, хотя и в весьма значительных масштабах, большие суммы денег они собирали сами (в том числе и при помощи лотерей), что, помимо прочего, вынуждало власть учитывать настроения в их среде. Еще 14 февраля 1919 г. правительство Финляндии издало постановление «О шюцкорах», проект которого разрабатывался военным министерством под «присмотром» регента К. Г. Э. Маннергейма. Фактически этот документ закладывал основу для создания постоянно готового к действию и при этом лояльного правительству резерва армии и полиции. Особенно любопытен, однако, четвёртый параграф этого документа. Он гласил: «Шюцкорам предоставлено право приобретать движимое и недвижимое имущество и владеть им, а также получать его по завещанию и в качестве дарения». Таким образом, обеспечение дополнительных гарантий безопасности победившей в Гражданской войне стороне предложено было финансировать ей самой. По отношению к стороне побеждённой это было в какой-то мере даже корректным.

Спорным можно считать утверждение Х. Мейнандера, что «назначение Маннергейма на пост председателя Совета обороны имело целью, прежде всего, удерживать правые силы “Лапуа” в рамках системы обороны» (с. 160). Эта оригинальная мысль едва ли может найти подтверждение в финской историографии. К тому же это утверждение побуждает задать вопрос, кого в Лапуаском движении автор относит к левым? Мейнандер упоминает о финансовой поддержке Лапуаского движения крупными промышленниками в целях эффективного подавления забастовочного движения (с. 157), но забывает, что ещё в начале 1920-х гг. в стране работодателями была создана штрейкбрехерская

организация *Vientirauba* (букв. «Мир на экспорт»). Использование её уже в 1920 г. принесло первый успех — удалось сорвать забастовку портовиков.

Х. Мейнандер отказался в показе отдельных сюжетов в истории Финляндии от тех казуистических упражнений, с помощью которых долгое время в финской историографии, например, подчёркивался т. н. сепаратный характер войны, которую Финляндия вела в 1941–1944 гг. против Советского Союза. Признание того факта, что Финляндия, несмотря на отсутствие договора о военном союзе, фактически оказалась союзником нацистской Германии затянулось на десятилетия. Для Мейнандера является бесспорным, что финны и немцы оказались собратями по оружию, фактическими союзниками. Он намеренно не углубляется в эту болезненную для финнов тему, повествуя о перипетиях в жизни Маршала Финляндии, оставляя рассмотрение этой темы напоследок — в кратком параграфе в конце книги «Политика и история — две стороны одной медали». Читателю будет небезынтересно ознакомиться с содержанием этого параграфа.

Возможно, переводчику следовало обратить внимание автора на желательность корректировки логических построений в отдельных местах в тексте книги. Никким образом не возражая против заявления автора, что Кюёсти Каллио победил на президентских выборах 1937 г. при «фланговой поддержке» социал-демократов, всё же приходится выразить недоумение следующим умозаключением Мейнандера, что Пер Эвинд Свинхувуд проиграл выборы *«несмотря на значительные успехи социал-демократов на двух последних выборах в парламент»* (с. 171). Хотелось бы знать, почему автор считает, что рекомендация Маннергейма финскому правительству пойти осенью 1939 г. на уступки Советскому Союзу для предотвращения военного конфликта вызвала негативную реакцию президента Каллио и премьера Каяндера, так как Маннергейм личным осуществлением передачи островов СССР *«стяжал бы в глазах общественности лавры народного героя»* (с. 179).

В ряде мест текста трудно избежать впечатления, что автор забыл о сказанном им же самим несколькими абзацами выше. В силу этого не непримиримая позиция главы МИД Э. Эркко, а некие сведения о низкой боеспособности финской армии, которые Маннергейм передал в Лондон, информацию о чём заполучили советские шпионы и доложили Сталину, послужили причиной срыва советско-финляндских переговоров осенью 1939 г. *«Из-за этой утечки Маннергейм также несет личную, хотя и косвенную ответственность, за срыв московских переговоров»*, — заключает Мейнандер. Зачем было приписывать косвенную виновность Маннергейму непонятно, так как несколькими строками ниже автор пишет о том, что Эркко грубо прервал Маннергейма, когда на одном из совещаний в правительственном комитете (в каком не ясно) тот выступил с предостережениями о неготовности армии к войне. Сверхоптимизм Эркко и поддерживавшего его главу оборонного ведомства Ю. Ниукканена стал действительной причиной последовавших драматических событий (с. 185–187). Вишенкой на торте к этим умозаключениям служит

убийственный вывод: «Конечно, самая большая доля ответственности возлагалась [кем именно — не указано. — *A. P.*] на президента Каллио и на премьер-министра Каяндера, которые, по мнению правительства [*sic!*], должны были управлять государственным кораблем, но оказались к этому неспособны, и власть перешла в руки к Эркко... Но, разумеется, и на Маннергейма также возлагается часть вины в этом “коротком замыкании” [нашлась-таки ещё одна метафора!] в системе безопасности и во внешней политике страны». (С. 188). Зачем в таком случае нужны были страницы, посвящённые деятельности Маннергейма на посту главы Совета обороны?

Хорошо известен факт обсуждения английским правительством возможностей бомбардировок советских нефтепромыслов на Кавказе. Бесспорно, советскую сторону должны были беспокоить эти планы Великобритании. Но можно ли в качестве причины этого беспокойства Москвы считать опасения нанести ущерб германской военной машине (с. 203)?

Нельзя не согласиться с Мейнандером, что по окончании Зимней войны авторитет Маннергейма был необычайно высок. Быть может, хотя бы в нескольких словах следовало упомянуть о том, что за ним были сохранены большие полномочия, обеспечивавшие ему определенную независимость от парламента, ту независимость, на которую не приходилось рассчитывать членам правительства. Это было обусловлено рядом факторов. Среди них одним из важнейших оставалась международная обстановка. Но главное, в отличие от большинства финских политиков, в том числе и членов второго правительства Рюти, авторитет маршала по окончании войны, как и всей армии в целом, был очень высок среди самых различных слоев населения. С точки зрения нации, тяжёлый мир не поставил на них клеймо проигравших. Для политической элиты Финляндии было бы просто непозволительной роскошью не использовать такой ресурс национального доверия. Если В. Линдер точно помнил спустя почти три десятилетия слова президента Каллио о том, что главнокомандование оставили Маннергейму вопреки его воле, то это лишь подчёркивает крайнюю заинтересованность в маршале высших политических кругов, вынудивших президента поступиться своим мнением.

Та же заинтересованность прослеживается и в предпринятой летом 1940 г. очередной реорганизации министерства обороны, предусматривавшей, что командующий оборонительными силами подчинён непосредственно президенту и обладает в военной сфере распорядительной властью, а генеральный штаб является штабом командующего и ему из состава министерства обороны передаётся отдел военной экономики, начальник которого становится заместителем начальника генерального штаба в непосредственном подчинении у Маннергейма. При обсуждении этого проекта в парламенте оппозицию припугнули: если голосование даст отрицательный результат, Маннергейм может уйти. 15 августа законодатели проголосовали за. Теперь в распоряжении маршала были все рычаги управления в военной сфере.

В книге упоминается немалое число людей, с которыми Маннергейму приходилось долгие годы сотрудничать. Было бы вполне уместным иногда давать им краткие характеристики, хотя бы словами самого маршала. Так, Эрика Манделина, одного из тех людей, кто подвиг Маннергейма увлечься делами благотворительности, он в частной беседе охарактеризовал так: «Он большой плут... Остерегайтесь школьного советника Манделина, нейти, он сам дьявол, дайте ему только мизинец — он всю руку отхватит и, наконец, всю девушку... Я отдаю должное многим его хорошим качествам. Он неутомим в работе по защите детей, а также сильно увлечен деятельностью Красного Креста. Ради хорошего дела, ради доброй цели нам нередко приходится соглашаться на сотрудничество и с такими людьми, которых мы не можем одобрить полностью»². И уж точно следовало упомянуть о главном и опасном сопернике на ниве благотворительности — супруге президента Стольберга Эстер Стольберг. «Выходит, весь поток стремятся пустить в русло маленького ручейка, чтобы превратить его в реку и заставить вестись всю проделываемую в стране работу на благо детей от имени одного единственного человека, хотя лично он не сделал для этой работы ничего, кроме как то, чтобы она служила ему пьедесталом, на котором он мог бы стоять. Если его друзья с таким рвением ведут к этому дело, это значит, что в этой стране можно будет заниматься частной работой по защите детей не иначе, как только от имени одного единственного человека», — писала Эстер Стольберг в своем дневнике³.

Отсутствие в ряде мест текста хронологических маркеров затрудняет восприятие повествования (например, с. 116–117).

Некоторые замечания можно высказать в адрес переводчика. Безусловно, Катарина Мурадян весьма хорошо знает шведский язык, хотя стилистика некоторых фраз в тексте смущает (например, «министры социал-демократических взглядов», с. 171). Вместе с тем, учитывая то обстоятельство, что автор при подготовке издания на русском языке поддерживал тесный контакт с переводчиком, желательным было бы в некоторых местах не пренебречь уточнением мысли автора. Тогда читателю не пришлось бы гадать над загадочными фразами о «самых разных версиях его [Маннергейма] приключениях, адекватных его месту в истории Финляндии» (с. 28), о Гражданской войне в Финляндии, ведшейся параллельно и перпендикулярно мировой войне (с. 111), и др. В конце концов, не углубляясь в решение проблемы личности в истории, поинтересоваться: действительно ли дефицит современных и мыслящих управленцев в европейских империях можно рассматривать как причину начала Первой мировой войны (с. 44). И безусловно, переводчику желательно знать некоторые исторические реалии. Маннергейм никогда не имел звания бригадного генерала (с. 85). Антанта — это прежде всего союз Великобритании и Франции, и по этой причине утверждение что в первую неделю мировой войны

² *Könönen E.* Vuosikymmen Mannerheimin sihterinä Suomen Punaisessa Ristissä 1928–1938. Porvoo, Helsinki, 1966. S. 59.

³ *Ståhlberg E.* Ester Ståhlbergin kauniit, katkerat vuodet: Presidentin rouvan päiväkirja 1920–25. Porvoo, Helsinki, 1985. S. 72.

«Антанта, к которой помимо России и Франции подключилась Великобритания» (с. 92), представляет собой нелепицу. Более того, заставляет предположить наличие иных членов этого военно-политического блока, кроме упомянутых. Ю. В. Снельман был членом не Экономического департамента Сената Великого княжества (с. 14), а членом Хозяйственного департамента (что является официальным названием этого института власти). Станным выглядит утверждение Мейнандера, что будущим офицерам (т. е. кадетам Финляндского кадетского корпуса) *разрешали* участвовать в маневрах и парадах. Это было их долгом, обязанностью. Золотое георгиевского оружие «За храбрость» было в годы мировой войны довольно распространённой наградой, что и нивелировало в определённой степени его ценность (в том числе и чисто материальную), более значимой наградой являлось золотое георгиевское оружие с бриллиантами, но такой награды удостоивались только военные, имевшие звание генерал-лейтенанта и выше, Маннергейм получил такое звание уже после падения монархии. Поскольку книга рассчитана на широкий круг читателей, то желательным было бы, например, уточнение, что т. н. мандаринский диалект китайского языка — это северокитайский диалект.

В примечаниях и подписях к фотографиям встречаются неточности: маркиз Александр Вилопольский (с. 89) — в действительности Александр Велопольский. Социал-демократ Рейнхольд Свенто (Свенторжецкий) (с. 95) был вторым министром иностранных дел (первым был Карл Энкель; бюрократический правительственный аппарат в Финляндии в некоторых случаях допускает занятие министерского поста двумя лицами, второй министр обладает меньшей компетенцией). Если уж первую встречу с главой СКК А. А. Ждановым автор относит к 7 октября 1944 г. (она действительно состоялась, в резиденции Маннергейма Жданов провёл два дня), то по какой причине в примечании к этому факту даётся ссылка на статью Людмилы Колодниковой и приводится цитата из сообщения Жданова Сталину и Молотову, откуда следует, что встреча состоялась «сегодня» — 18 января 1945 г. (с. 61)? Август фон Брюк являлся посланником, а не послом Германии в Финляндии. Рудольф Вальден был не военным министром (с. 145 прим.), а министром обороны в 1940–1944 гг., военным министром он был только в 1918–1919 гг. В биографической справке о главе шноцкоров Мальмберге (с. 155) явное несоответствие с приводимой в тексте информацией. В подписи к фотографии Ю. К. Паасикиви допущена ошибка в датировке (с. 181), скорее всего она может быть датирована 31 октября 1939 г. Формально посланник Финляндии в СССР Юрьё-Коскинен оставался в своей должности до 8 апреля 1940 г., но писать в биографическом примечании, что он работал (!) в этой должности во время войны (с. 177) не вполне уместно. В тексте много досадных опечаток. Судя по датам жизни Э. Линкомиеса, он занял пост главы правительства Финляндии пятнадцатилетним (с. 245).

Хенрику Мейнандеру удалось хорошо показать полное осознание Маннергеймом того факта, что все существующие в обществе проблемы в той или

иной степени затрагивают сферу безопасности государства и что даже при наиболее благоприятных внешне- и внутривнутриполитических условиях возможности страны останутся далеко не безграничными. Маннергейм видел, что на протяжении почти двух десятилетий независимости Финляндия, которые предшествовали разразившейся в 1939 г. трагедии, не смогла выработать чёткой внешнеполитической стратегии, что действия её правительств являлись скорее какими-то рефлекторными движениями в ответ на отдельные изменения в международной обстановке. Коротко говоря, он явно считал, что видение политической элитой перспектив если не отсутствует, то определённо странным образом искривлено.

Список литературы

Мейнандер, Х. Густав Маннергейм: аристократ в суконном мундире / Х. Мейнандер ; пер. со шв. К. Мурадян. — Москва : Весь Мир, 2020. — 321 с.

Könönen, E. Vuosikymmen Mannerheimin sihterinä Suomen Punaisessa Ristissä 1928–1938 / E. Könönen. — Porvoo ; Helsinki : WSOY, 1966. — 221 s.

Ståhlberg, E. Ester Ståhlbergin kauniit, katkerat vuodet : presidentin rouvan päiväkirja 1920–25 / E. Ståhlberg. — Porvoo ; Helsinki : WSOY, 1985. — 343 s.

ВИХАВАЙНЕН Тимо / VIHAVAINEN Timo

Профессор-эмеритус / Professor Emeritus

Финляндия, Хельсинки / Finland, Helsinki

timo.vihavainen@helsinki.fi

ОДИН ИЗ ФРОНТОВ ВОЙНЫ

РЕЦ. НА КН.: *Kulha, Keijo K. Sotapropagandan valiojoukko 1941–1944. Helsinki: Minerva, 2021. 245 s.* (Кулха, Кейо К. Элита военной пропаганды 1941–1944. Хельсинки: Минерва, 2021. 245 с.)

ONE OF THE FRONTS OF WAR

REVIEW OF: Keijo Kalevi Kulha. *Sotapropagandan valiojoukko 1941–1944* (Helsinki: Minerva, 2021), 245 p.

Ключевые слова / Keywords: Военная пропаганда, советско-финляндские отношения, Вторая мировая война / Military propaganda, Soviet-Finnish relations, World War II

В 1939 г. Яакко Леппо издал книгу под названием «Пропаганда. Решающее оружие»¹. Опыт Первой мировой войны показал, что там, где на линии огня погибали тысячи и тысячи людей, меткий политический удар по тылу был способен разрушить всю военную машину.

Россия была ярким примером этого, а родившаяся в Германии теория *Dolchstoßlegende*, или легенда об ударе ножом в спину воюющей армии, стала великим мифом, который весьма эффективно проложил Гитлеру путь к власти.

Пропаганду тщательно изучали также в послевоенные годы, и повсюду велась подготовка к новой тотальной войне, в которой пропагандистский фронт имел бы первостепенное значение. В эпоху радио противодействовать пропаганде с помощью одной лишь цензуры стало особенно сложно. Нужно было научиться управлять настроениями и противостоять слухам. Всё это требовало значительного оборудования и понимания того, как им пользоваться.

Слово «пропаганда» (лат. *propaganda* дословно — «подлежащая распространению») происходит от латинского *propago* — «распространяю». Основанная в 1622 г. католической церковью и управляемая иезуитами Конгрегация пропаганды веры (*Sacra Congregatio de Propaganda Fide*) представляла собой священное учреждение для распространения веры, или коллегия. На немецком языке это название *Kongregation für die Evangelisierung der Völker*, в испанском языке могут использоваться две формы: *Congregación para la Difusión de la Fe* или *Congregación para la Evangelización de los Pueblos*. Таким образом, вера и благая весть (Евангелие) используются здесь как синонимы.

И в военной пропаганде вера была важным объектом и инструментом воздействия. При необходимости хорошие новости можно было чередовать

¹ *Lepo J. Propaganda. Ratkaiseva ase. Helsinki, 1939.*

с плохими. Самым важным было то, что своя благая весть выдержала и оказала влияние, а враждебный эффект был отражён.

В Войне-продолжении Финляндия оказалась на пропагандистском фронте между двух огней. Советский Союз размещал на наших радиоволнах свою пропаганду, которая вообще-то была не очень эффективной, но, помимо этого, в том же ряду стояла и Англия, с которой мы также были в состоянии войны. Руководство английской пропагандистской деятельностью осуществлялось небольшим бюро — Управлением политической войны (*Political Warfare Executive*), которое чётко устанавливало, что и как следует предлагать финнам в определённый момент, а о чем говорить нельзя.

В Швеции также изрядно понервничали из-за затягивания финнами войны и пытались пропагандировать по возможности скорейшее перемирие, независимо от собственных взглядов Финляндии. Совершенно очевидно, что и в Америке придерживались такой же позиции.

Если добавить к этому, что и немцы предлагали Финляндии далеко не приятное пропагандистское варево, можно понять, что работы пропагандистам хватало. Следует отметить, что слушать вражескую пропаганду у нас не запрещали, как в Германии, где это каралось смертью, и частные радиоприемники не изымались, как в Советском Союзе. В этом были свои риски, но очевидно, что это повысило достоверность нашего Евангелия.

Государственное информационное агентство, или *VTL (Vetelä)*, выполняло широкий спектр работ и, среди прочего, контролировало развитие настроений через специальную организацию (*SAT-VLA*), а также стремилось управлять ими через ту же сеть.

В эту работу немалую лепту внесли и социал-демократы, которые подчеркивали, что финский рабочий не хотел принимать участия в захватнической войне и держится ногтями и зубами за достигнутую им демократию. Ни одна немецкая или русская система не приемлема для Финляндии. В соответствии с этим была ориентирована и пропаганда.

Когда обсуждались основы пропагандистской деятельности, среди прочего возникла точка зрения о том, что именно демократическая система нуждалась в пропаганде. На протяжении 1930-х гг. коммунисты и нацисты восхваляли свои колоссальные достижения, которые поражали мир. Поэтому в Финляндии многие думали, что только в этих странах всё делается для людей, в то время как у нас ничего. Борьба с этими заблуждениями была сложной задачей.

Конечно, у врага тоже были слабые места, а у нас — сильные стороны. Мы узнавали о советских лагерях и казнях из первых рук, когда заключённые время от времени спасались бегством, пересекая нашу восточную границу. Но такие аргументы могли привлечь только самых глупых и ожесточённых.

Имперская история Англии тоже была полна насилия и несправедливости. Говорить о фронте демократических стран, в числе которых были Советский Союз

и Англия, в конце концов было бы просто дурной шуткой, хотя у английской культуры, и не без причины, имелись свои почитатели в Финляндии.

В свою очередь, мы, финны, были настоящими демократами по рождению, а финская демократическая ментальность уходила корнями далеко в глубь истории и была связана с традициями деревенской общины. В Финляндии феодалы не возвышались над народом, а подчинялись тому же закону, что и вольные крестьяне. Страна была построена по закону, а не с применением насилия.

Именно таким образом была представлена в пропаганде финляндская ситуация, и за этим стояло мастерство молодого историка Эйно Ютиккалы, который одновременно возглавлял производственный отдел агентства *VTL*. В этом отделе лучшие таланты нашей страны писали статьи для прессы и радио. Безусловно, представленная картина получалась односторонней, но что ещё можно было предпринять в крайне спорной ситуации, когда вокруг всё было накалено и факты фальсифицировались в ущерб нам?

Кейо К. Кулха известен своими многочисленными книгами, которые переносят читателя в военное время, и эта работа сфокусирована непосредственно на истории производственного отдела *VTL* и деятельности его сотрудников². Это был небольшой, но потрясающе талантливый круг специалистов, судя по тому, что из их числа целых десять человек стали академиками, пятеро — так называемой старой Академии и ещё пять — новой.

Впечатляет и тот факт, что большинство членов Академии, созданной после войны, изначально принадлежали к так называемой интеллигенции первого поколения. Она состояла из детей, родители которых были работниками физического труда и не ходили в школу.

Излишне говорить, что это было весомым аргументом в пользу точки зрения Ютиккалы, подчеркивающего значение финской демократии. На момент основания Академии прошло сто лет после публикации «Калевалы», но во времена Лённрота ещё совершенно нельзя было говорить о финском народном образовании или даже о финском языке как языке обучения. Теперь же Академия, признанная на международном уровне, стала реальностью.

Финляндия реализовала один из важнейших идеалов равенства Великой французской революции: *carrière ouverte aux talents* — карьера открыта для талантов!

Пропагандистами, работавшими в производственном отделе и ставшими академиками, были Эйно Ютиккала, Мартти Хаавио, Лаури Пости, Хейкки Варис, Кустаа Вилкуна, Г. Х. фон Райт, Тойво Пекканен, Мика Валтари, Тауно Нурмела и Матти Кууси.

Автор увлеченно описывает их карьерный рост и работу в *VTL*, иногда останавливаясь на более общих событиях военного времени. Хотя этот фронт войны хорошо изучен, он оказывается совершенно неизвестным для массового сознания, ведь он гораздо менее драматичен по сравнению с боевыми действиями

² *Kulha K. K. Sotapropagandan valiojoukko 1941–1944. Helsinki, 2021.*

на фронтах, где проливались реки крови. Тем не менее он мог быть даже решающим.

Любопытным, но малоизвестным институтом, сыгравшим важную роль в развитии финской культуры и общества, был так называемый Летний университет (*Kesäyliopisto*), по сути дела — дискуссионный клуб, объединяющий патриотически настроенные, в основном либеральные силы из разных партий.

Летний университет посещали, например, Вилкуна, Пости, Хаавио, Нурмела и Кууси. Кроме того, его движущими силами в свое время были У. К. Кекконен и Л. А. Пунтила. К слову сказать, насколько я понимаю, этот институт всё ещё существует и Кулха является одной из его ключевых и влиятельных фигур.

Тем не менее не стоит строить теории заговора, основываясь на таких взаимосвязях. Следует понимать, что наши мужчины всегда испытывали влечение к различным клубам и будут испытывать его и в будущем. Как убедительно, на мой взгляд, показывает книга Кулха, национально настроенные, умеренные интеллектуалы сыграли важную роль в служении Родине во время войны и сумели блестяще исполнить свой долг.

Перевод С. В. Нагурной

Список литературы

Kulha, K. K. Sotapropagandan valiojoukko 1941–1944 / K. K. Kulha. — Helsinki : Minerva, 2021. — 245 s.

Leppo, J. Propaganda. Ratkaiseva ase / J. Leppo. — Helsinki : Otava, 1939. — 270 s.

ШАРАПЕНКОВА Наталья Геннадьевна / SHARAPENKOVA Natalia
Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
natshar@mail.ru

РЕЦ. НА КН.: Люстров М. Ю. Людвиг Хольберг и русско-скандинавские связи в XVIII веке. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 272 с.

REVIEW OF: Mikhail Lustrov. *Ludvig Holberg i russko-skandinavskie svyazi v XVIII veke* (Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature, the Russian Academy of Science, 2021), 272 p.

Ключевые слова / Keywords: Людвиг Хольберг, Д.И. Фонвизин, Дания, Россия, русско-скандинавские связи, XVIII век, история литературы, история театра, классицизм / Ludvig Holberg, Denis Fonvizin, Denmark, Russia, Russian-Scandinavian ties, 18th century, history of literature, history of theatre, Classicism

Людвиг Хольберг (1684–1754), получивший теологическое и философское образование в Копенгагене, автор «Истории Датского государства» (1732–1735), «одного из значительнейших исторических сочинений в Европе в XVIII в.»¹, остался в истории литературы как величайший датско-норвежский комедиограф XVIII в. Унаследовавший традиции французского классицизма (в первую очередь, безусловно, Ж. Б. Мольера), Хольберг писал пьесы-комедии характеров и положений, которые практически с открытия в 1722 г. театра в Копенгагене шли на его подмостках. Жанр пьес на протяжении творческой эволюции Л. Хольберга претерпевал изменения: так, от комедии характеров и положений он перешёл к комедии интриги, а в дальнейшем стал наполнять пьесы реалистически-обобщёнными и сатирическими наблюдениями над датской действительностью. Реалистичность комедий Хольберга достигается автором из непосредственной органической связи событий и героев с национальной почвой. Приведём наблюдения авторитетнейшего исследователя скандинавских литератур Г. Н. Храповицкой: «Датский романтик А. Эленшлегер справедливо писал, что, если бы погиб Копенгаген, о нем можно было бы составить представление по комедиям Хольберга»².

В рецензируемой монографии д. филол. н. М. Ю. Люстрова³ представлен компаративистский взгляд на художественное творчество датского поэта, баснописца, комедиографа Людвиг Хольберга, а также рассмотрены его исторические труды, в которых содержатся сведения о России и её монархах. Структура монографии подчинена разным сферам литературного творчества Л. Хольберга: комедиям и нравоучительным статьям («Эпистолам» и «Нравоучительным мыслям»), поэтическим творениям (одам, а также отдельным темам, к примеру, Великой Северной войне в датской поэзии), историческим трудам

¹ Храповицкая Г. Н. Хольберг // История всемирной литературы. М., 1988. Т. 5. С. 263. URL: <http://feb-web.ru/feb/ivl/vl5/vl5-2602.htm> (01.12.2021).

² Там же. С. 262.

³ Люстров М. Ю. Людвиг Хольберг и русско-скандинавские связи в XVIII веке. М., 2021.

(как «Московии» в сочинениях самого Хольберга — истории Древней Руси, убийству царевича Фёдора Борисовича, Петру I как «монарху Севера и Востока», Екатерине I и др., так и, напротив, образу датского короля Кристиана II в Скандинавии и в русских сочинениях), наконец, травелогам и землеописаниям (Голландии, Гренландской теме в русской литературе, Лапландии). В центре монографического исследования М. Ю. Люстрова стоят вопросы рецепции (восприятия) наследия Л. Хольберга в России, переводы его произведений (XVIII — первой трети XIX в.), причём автор анализирует и те из них, которые не переводились на русский язык, но в которых есть отсылки к российской истории или упоминания о ней. Всё это свидетельствует о скрупулёзном подходе к освещению данной тематики и о широте представленных в работе интересов Л. Хольберга в области гуманитарных наук и географии.

Особое место в монографии отведено русским переводам произведений именитого датчанина, и целая глава — что, на наш взгляд, совершенно справедливо — посвящена сравнению героев, мотивов, выразительных средств в комедиях Л. Хольберга и Д. И. Фонвизина, считавшегося «фигурой, равновеликой основателю датского театра Л. Хольбергу»⁴. В качестве яркой страницы сравнения русского и датского комедиографов приведём раздел «“Бригадир” Д. И. Фонвизина и “Хвастливый солдат” Л. Хольберга». Как сказано в одном процитированном автором монографии источнике, Л. Хольберга не раз именовали «Фон Визиным Данием»⁵. Русский драматург Д. И. Фонвизин предстаёт в данном случае в не совсем знакомой как многим историкам литературы, так и читателям роли — не комедиографа, а переводчика «Басен нравоучительных» Хольберга. М. Ю. Люстров, анализируя датские и немецкие версии басен датчанина, выявляет «отхождения» Фонвизина от стиля и нравственной составляющей басни. К примеру, по словам автора монографии, «иногда русский переводчик перерабатывает структуру текста оригинала, изымает из басни Хольберга мораль и превращает ее в остроумный диалог»⁶. Эти и подобные многочисленные наблюдения над текстом перевода дают внимательному читателю дополнительные смыслы в понимании метода Д. И. Фонвизина, его переводческих стратегий. Стоит здесь особо отметить, что М. Ю. Люстров — автор биографии Д. Фонвизина, изданной в популярной серии «Жизнь замечательных людей» (издательство «Молодая гвардия») ⁷.

В центре сравнительно-сопоставительного анализа — основополагающего в рецензируемой монографии — разные элементы художественного целого, к примеру, тип героя, как в случае с «сумасшедшими героями» комедий северных авторов XVIII в. В качестве материала для их исследования взяты персонажи Л. Хольберга, Р. Г. Мудее, практически неизвестного в России, и И. А. Крылова. М. Ю. Люстров, привлекая свидетельства из тогдашней прессы, а также

⁴ Там же. С.49.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 67.

⁷ Люстров М. Ю. Фонвизин. М., 2013.

классические и современные исследования по истории шведско-русских и шведско-французских связей, даёт развёрнутый анализ «Шведского щеголя» и «Русского француза» в сатирическо-комедийном ключе. В качестве элемента для сопоставления взята тема «соблазна при посещении Франции» молодыми людьми. Автор монографии справедливо замечает, что «некоторые особенности русской комедии XVIII века выявляются при сопоставлении северных (русских и шведских) драматургов, испытывающих на себе влияние творчества Хольберга»⁸.

Везде М. Ю. Люстров демонстрирует детальное знание исторических и литературных реалий XVIII в., фактов биографий своих героев, переводческой традиции, а также даёт целую панораму описываемой эпохи. Его монография восполняет нехватку подобного рода исследований по истории русско-скандинавских литературных связей (конвергенций), важнейших как для понимания путей развития русской литературы XVIII в., так и для определения сфер влияния, для разграничения «своего» и «чужого», для выявления «встречных» течений (термин А. Н. Веселовского). Список литературы, приведённый в конце издания, отличается широтой и содержит множество работ на разных языках.

Проведённый автором анализ, его наблюдения, выявленные им параллели и широкий историко-культурный фон делают монографию в высшей степени междисциплинарным исследованием, в котором через призму датско-шведско-норвежско-русских связей представлены вопросы и проблемы из разных областей гуманитарной мысли: литературоведения, переводоведения, истории, культурологии, истории описания путешествий и др. Всё это позволяет высоко оценить рецензируемую монографию и рекомендовать её для прочтения специалистам разных научных направлений.

Список литературы

Люстров, М. Ю. Фонвизин / М. Ю. Люстров. — Москва : Молодая гвардия, 2013. — 318 с.

Люстров, М. Ю. Людвиг Хольберг и русско-скандинавские связи в XVIII веке / М. Ю. Люстров. — Москва : ИМЛИ РАН, 2021. — 272 с.

Храповицкая, Г. Н. Хольберг / Н. Г. Храповицкая // История всемирной литературы: В 8 томах. — Москва : Наука, 1988. — Т. 5. — С. 260–264. — URL: <http://feb-web.ru/feb/ivl/vl5/vl5-2602.htm>. — (01.12.2021).

⁸ Люстров М. Ю. Людвиг Хольберг и русско-скандинавские связи в XVIII веке. С. 29.

СОЛОМЕЩ ИЛЬЯ / SOLOMESHCH Иуа

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
isol@petrsu.ru

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И БЕЛОМОРСКИЕ КАРЕЛЫ:
ЛЮДИ И СУДЬБЫ**

РЕЦ. НА КН.: Усачева Е. В. Карельские беженцы: Дорога домой = Itä-Karjalan pakolaiset: Tie kotiin. Петрозаводск: Периодика, 2020. 224 с.

CIVIL WAR AND WHITE SEA KARELIANS: PEOPLE AND DESTINIES

REVIEW OF: Elena V. Usacheva. *Karel'skie bezhentsy. Doroga domoi = Itä-Karjalan pakolaiset. Tie kotiin* (Petrozavodsk: Periodika, 2021), 224 p.

Ключевые слова / Keywords: История Карелии, Беломорская Карелия, Карельское народное восстание, карельские беженцы / History of Karelia, White Sea Karelia, Karelian uprisal, Karelian refugees

Тему истории Гражданской войны в Карелии трудно назвать обделённой вниманием отечественных и зарубежных историков¹. Заметим, что в историографии до сих пор наблюдается множественность интерпретаций и определений рассматриваемых событий. К примеру, для одних авторов события осени — зимы 1921–1922 гг. в Беломорской Карелии — «карельская авантюра», в то время как другие исследователи оценивают его как Карельское народное восстание. Нетрудно догадаться, что уже одно это обстоятельство позволяет диаметрально

¹ Обстоятельный историографический обзор этой проблематики см.: *Витужновская-Кауппала М. А., Оситов А. Ю. В пучине гражданской войны: Карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922.* М.; СПб., 2021. С. 12–30.

противоположным образом маркировать людей, активно или пассивно вовлеченных в эти события.

Лишь в последние десятилетия отечественные исследователи стали поворачиваться лицом не только к военной и политической составляющей событий 1918–1922 гг., но и к судьбам обычных жителей Карелии, оказавшихся в водовороте Гражданской войны. Речь не обязательно идёт о тех, кто стал активным её участником. В жизни многих карельских семей произошли драматические повороты, отголоски которых прослеживаются сегодня не только в архивных документах, но и семейной памяти, передаваемой от поколения к поколению, а иногда умалчиваемой.

Эти обстоятельства породили новую исследовательскую парадигму, без обращения к которой история хитросплетений событий Гражданской войны и последующих за ней лет рисковала бы потерять человека — главного объекта и субъекта исторического процесса.

Просопографический поворот, наблюдающийся в последние годы, на наш взгляд, быстро даёт свои положительные результаты, в том числе благодаря эффективному международному научному сотрудничеству, становясь существенной новацией в историографии².

В книге-альбоме, подготовленной сотрудником Национального архива Республики Карелия Еленой Витальевной Усачёвой при поддержке Карельского просветительского общества (*Karjalan Sivistyysseura*, Финляндия), представлены документы, проливающие свет на судьбы тех жителей Беломорской Карелии, которые после подавления Карельского народного восстания пересекли недавно установленную государственную границу и бежали в Финляндию.

Фактор порубежья веками вносил свои поправки в традиционный уклад жизни карельского крестьянина. Граница как источник опасности, как возможность дополнительного заработка, как судьба — это не просто красивые метафоры, и книга Е. В. Усачёвой вновь это подтверждает. Жители Карелии в условиях Гражданской войны оказывались перед необходимостью делать выбор, который далеко не обязательно имел политическую составляющую. Чаще, с элементом спонтанности, этот выбор был стратегией выживания.

Существенная часть беженцев впоследствии вернулась на родину, воспользовавшись амнистией, объявленной советским государством. Драматизм

² Большой интерес вызывают в этом смысле научные изыскания Сейи Ялагин (см., например: *Jalagin S. Nimble Nationalism: Transgenerational Experiences of East Karelian Refugees in Finland and Sweden // Lived Nation as the History of Experiences and Emotions in Finland, 1800–2000 / Ed. by V. Kivimäki et al. London, 2021. P. 267–293*) и Полины Ворониной (см., например: *Воронина П. С. Карбеженцы» — коллективный портрет в контексте судеб традиционного общества в Карелии (1920–е гг.) // CARELiCA: Научный электронный журнал. Петрозаводск, 2016. № 2/2016 (16). С. 23–34. URL: [http://carelica.petrus.ru/CARELiCA /2 2016 \(16\)/voronina.html](http://carelica.petrus.ru/CARELiCA /2 2016 (16)/voronina.html) (03.12.2021)).*

эпохи проявился на каждом этапе этой эпопеи: бегство в Финляндию, где процесс адаптации к новым условиям был далеко не беспроблемным; возвращение на родину, когда многие семьи оказались разделёнными; недоверие и подозрительность, а затем и репрессии, жертвами которых стали впоследствии многие возвращенцы. Во многих случаях в дальнейшем семейная память об этих событиях по понятным причинам становилась своеобразной «фигурой умолчания».

В основе источникового корпуса книги — ранее не публиковавшиеся документы и фотографии, хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелия. Огромный интерес представляют материалы анкет и протоколов допросов возвращенцев. Автором проделана колоссальная работа по их отбору для публикации, поиску и уточнению дополнительной информации в научной литературе, архиве и открытых источниках, в том числе и через обращение к многочисленным потомкам героев книги.

Следует отметить, что археографическая составляющая издания вряд ли сможет вызвать какие-то нарекания даже у искушенного специалиста. При этом автору удалось найти, как представляется, удачное сочетание строгой публикаторской научности и человеческой заинтересованности, что делает книгу привлекательной для значительно более широкой читательской аудитории.

Этой же цели способствует параллельная публикация текста на русском и финском языках на одном развороте. Читатель держит в руках своеобразный коллективный семейный альбом (книга-альбом, как называет его автор), в котором уникальные фотографии дополнены не менее ценной текстовой информацией, включая именной (с приведением всех вариантов написания) и географический указатели.

Читатель обязательно оценит довольно удачное художественное решение книги, единство научно-археографического содержания и полиграфической формы.

Опыт, результатом которого стала эта книга, несомненно, следует признать успешным. С момента выхода она была высоко оценена специалистами и общественностью, получив, в частности, звание «Книга года Республики Карелия». С большим интересом книга была встречена и в Финляндии, где её читателями стали как профессиональные исследователи, так и потомки карельских беженцев, оставшихся в Финляндии.

Безусловно, перед нами лишь верхушка айсберга архивных документов различного происхождения, дальнейшее введение которых в научный оборот, а главное, превращение их в достояние публичной истории — дело большой предстоящей работы, поле для проектного взаимодействия российских и финляндских исследователей.

Список литературы

Витухновская-Каушпала, М. А. В пучине гражданской войны : карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922 / М. А. Витухновская-Каушпала, А. Ю. Осипов. — Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. — 352 с.

Воронина, П. С. «Карбеженцы» — коллективный портрет в контексте судеб традиционного общества в Карелии (1920–е гг.) / П. С. Воронина // CARELiCA : Научный электронный журнал. — Петрозаводск, 2016 — № 2/2016 (16). — С. 23–34. — URL: [http://carelica.petrso.ru/CARELiCA /2 2016 \(16\)/voronina.html](http://carelica.petrso.ru/CARELiCA /2 2016 (16)/voronina.html). — (03.12.2021).

Усачева Е. В. Карельские беженцы : дорога домой = Itä-Karjalan pakolaiset : tie kotiin : [книга-альбом] / Е. В. Усачева. — Петрозаводск : Периодика, 2020. — 224 с.

Jalagin, S. Nimble Nationalism: Transgenerational Experiences of East Karelian Refugees in Finland and Sweden / S. Jalagin // Lived Nation as the History of Experiences and Emotions in Finland, 1800–2000 / ed. by V. Kivimäki et al. — London : Palgrave Macmillan, 2021. — P. 267–293.

СЕВАНДЕР Стелла Милтоновна / SEVANDER Stella

Независимый исследователь / Independent scholar

Швеция, Умео / Sweden, Umeå

stella.sevander@gmail.com

РЕЦ. НА КН.: Злобина В. Растоптанные идеалы: Канадская девочка за железным занавесом / Пер. с англ. Марии Койвестойнен. Хельсинки: Nord Print Oy, 2019. 102 с.

REVIEW OF: Vieno Zlobina, *Rastoptannye idealy. Kanadskaia devochka za zheleznyim zhanavesom*, trans. Maria Koivestoinen (Helsinki: Nord Print Oy, 2019), 102 p.

Ключевые слова / Keywords: Советская Карелия, иммиграция, канадские финны, коммуна «Сяде» / Soviet Karelia, immigration, Canadian Finns, the *Säde* commune

Книга Виено Елисеевны Злобиной (1919–2020) «Растоптанные идеалы: канадская девочка за железным занавесом»¹ увидела свет в год столетнего юбилея автора в 2019 г. Этот факт, примечательный сам по себе, многое может объяснить и в судьбе автора, и в истории публикации книги на русском языке.

Мемуары В. Е. Злобиной посвящены памяти её родителей Элиса и Эммы Ахокас. Автор пишет в предисловии: «Моя цель — описать добрые намерения небольшой группы канадских финнов из Кобальта, Северного Онтарио, которые отправились в Советский Союз, чтобы осуществить свои мечты о Братстве, Свободе и Равенстве и принять участие в строительстве социалистического рабочего государства. Никто не мог предвидеть тех испытаний, которые ожидали этих сильных, верных делу рабочих в далёком, незнакомом Советском Союзе»².

Первой публикацией на эту тему стала небольшая статья, опубликованная в литературно-художественном журнале «Север» (г. Петрозаводск) в 1990 г. Статья называлась «Как погасили луч»³. За этой краткой и меткой метафорой открывалась драматическая судьба сельскохозяйственной коммуны, основанной иммигрантами из Канады в Советской Карелии. Коммуна называлась *Säde*, что в переводе с финского означает «Луч».

К сожалению, у издания этих мемуаров долгая история. Готовая рукопись книги многие годы пролежала без движения, автору так и не удалось найти издателя в Канаде, где она жила в период 1989–2014 гг. Несмотря на то, что языком мемуаров был выбран английский, попытка выйти на читательскую аудиторию в Канаде так и не состоялась. И только в 2015 г., когда В. Е. Злобина вернулась после смерти мужа в Эстонию, к родным, планы по изданию книги стали постепенно осуществляться.

Сотрудники Миграционного Института Финляндии, с которыми был налажен контакт, с уважением к преклонному возрасту автора на добровольных началах

¹ Злобина В. Растоптанные идеалы: Канадская девочка за железным занавесом. Хельсинки, 2019.

² Там же. С.7.

³ Злобина В. Как погасили луч // Север. 1990. № 7.

осуществили перевод мемуаров с английского языка на финский. В роли переводчиков выступили Оути Лепола, Юханна Лейнонен, Эвелина Люютинен и Элина Турьянмаа. Автор предисловия перевода мемуаров на финский — профессор Петер Кивисто, США. В рекордный срок Институт издал мемуары Злобиной как на финском⁴, так и на английском языке⁵.

К тому времени, когда мемуары В. Е. Злобиной были опубликованы, список мемуарной литературы об иммиграции североамериканских финнов в Советский Союз в 1920–1930-х гг. был уже достаточно внушительным⁶. Рецензируемая книга пополнила его, став ещё одним источником изучения жизни североамериканских финнов в Карелии. Авторы этих воспоминаний объединяет несколько важных моментов. Все они были уроженцами США или Канады, все приехали со своими родителями в Советский Союз примерно в одном, раннем подростковом, возрасте. Все реэмигрировали из России в 1990-х гг.

Нетрудно представить, что их жизненный опыт, насчитывающий более пяти десятков лет в Карелии, был примерно идентичен. Не всех, но многих семей коснулись репрессии 1930-х гг., жертвами которых стали в основном представители старшего поколения. Их реабилитация проходила как бы в два этапа: первый раз в период 1956–1961 гг. в свидетельствах о смерти были фальсифицированы причина и время смерти, у властей ещё не хватало мужества сказать, как это было на самом деле. Позднее, в начале 1990-х гг., уже точно указывались причина смерти (расстрел) и год — как правило, 1937-й или 1938-й. Таким образом, многим авторам мемуаров, уроженцам североамериканского континента, выпало на долю побывать в роли детей врагов народа, а позже пройти через испытания военного времени порой в самых трагических их проявлениях. Не обошла их и послевоенная дискриминация по национальному признаку: она проявилась прежде всего в ограничении возможностей трудоустройства, а также в запрете на учёбу в столичных вузах. Тем не менее трудовой стаж в Карелии многих бывших иммигрантов насчитывал более четырёх десятков лет, так что стоит подчеркнуть их немалый вклад в экономику, культуру и образование Карелии.

Вспоминается документальный фильм *The Survivors* («Те, кто выжил»), созданный американской супружеской парой Анитой и Леном Мидлтон в начале 1990-х гг. В основе фильма — интервью, взятые у живших тогда в Петрозаводске североамериканских финнов. На вопрос продюсера фильма, заданный Дагнэ

⁴ Zlobina V. Heidän ihanteensa murskattiin: Tyttären tarina Säde-kommunasta Neuvosto Karjalassa. Turku, 2017.

⁵ Eadem. Their Ideals were Crushed: A Daughter's Story of the Säde Commune in Soviet Karelia. Turku, 2017. URL: <https://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/178113/J-08-ISBN-978-952-7167-22-9-Their-Ideals-Were-Crushed-2017-Migration-Institute-of-Finland-2017.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (24.12.2021).

⁶ См., например: Sevander M., Hertzfel L. They Took My Father: A Story of Idealism and Betrayal. Duluth, 1992; Sevander M. Red Exodus. Duluth, 1993; Eadem. The Soviet Bondage: Sequel to Red Exodus. Duluth, 1996; Ranta K. Arpi korvassa ja sydämessä. Helsinki, 2000; Kupri I. Irman tarina: Kanadan suomalaisen Irma Kuprin matka Kanadasta Neuvostoliitton ja Venäjältä Suomeen. Turku, 2012.

Артуровне Сало, заслуженному педагогу, преподавателю педагогического института, не жалеет ли она о том, что они приехали в Карелию, она даёт лаконичный ответ: «Вы можете дать нам другую жизнь?.. Нам жаль, но это наша жизнь».

Думается, что мемуары В. Е. Злобиной дают более обстоятельный ответ на этот же вопрос. Они именно о целой жизни североамериканских финнов в Советском Союзе. Но у каждой семьи своя история, по меткому выражению Мейми Оскаровны Севандер, также автора мемуаров на данную тему, — «своя Библия».

Воспоминания В. Е. Злобиной можно выделить, как нам представляется, из общего контекста мемуарной литературы по двум пунктам. Во-первых, уже в подзаголовке обращают на себя внимание слова «канадская девочка». Если другие авторы мемуаров уже были подростками при отъезде в Советский Союз, прочувившись шесть или семь лет в школах США и Канады, то Виено видит впервые новую для неё страну глазами ребёнка — ведь ей было всего шесть лет. Во-вторых, и в этом, безусловно, особая ценность и значимость её воспоминаний, автор — дочь Элиса и Эммы Ахокас, одних из основателей сельскохозяйственной коммуны «Сяде». Она из первых рук рассказывает историю становления, процветания и уничтожения коммуны. Столь подробного описания новой жизни и занятости иммигрантов в сельском хозяйстве Карелии мы не находим у других авторов.

Канадские коммунары приехали в Карелию тремя группами. Семья Ахокас была в составе восьми человек второй группы, оставившей Канаду весной 1926 г. Первая делегация из четырёх человек прибыла осенью 1925 г., их задача была найти подходящее для коммуны место. Как впоследствии выяснилось, оно оказалось не самым удачным. Не случайно автор называет его *кадайкко*, что по-карельски означает «можжевеловая поросль». Первые коммунары привезли с собой трактор, пилорамы, циркулярные пилы, а также другие инструменты, приобретённые на собранные в Канаде средства. Последние шесть человек из Кобальта присоединятся к своим землякам в 1927 году, значительно пополнив парк сельхозтехники: привезли ещё один трактор, молотилку, мельницу и прочие сельскохозяйственные машины. Появление иностранцев в маленьком провинциальном городке Олонец было огромной сенсацией, но настоящий восторг был вызван появлением трактора на местных полях. Детская память воспроизводит реакцию собравшихся вокруг трактора: «Иди посмотреть! Железный конь! Он пашет как чёрт!». А далее автор как бы подтверждает это цитатой из газеты «Пунайнен Карьяла» от 15 июня 1926 года: «Впервые на олонецких полях появился трактор. Собралась большая толпа посмотреть, как он работает, люди были в восторге от увиденного»⁷.

В небольшой главе «Руководство, распределение обязанностей и повседневная работа»⁸, имеющей ключевое значение для понимания того, что из себя представляла коммуна, автор рассказывает, как ежедневный ход дел регулировался правлением коммуны, члены которого наравне с другими занимались повседневным

⁷ Злобина В. Растоптанные идеалы. С. 25.

⁸ Там же. С. 26–29.

трудом. Первыми председателями коммуны были Калле Лахти и Калле Сийканен. Второй оставался на посту до 1935 г., в то время как Калле Лахти в 1929 г. был направлен региональным правительством в другие районы Карелии для оказания помощи при создании местных колхозов.

В коммуне была четкая организация труда: люди работали в тех областях, где наиболее целесообразно было использование их знаний и навыков. И ещё один принцип, очень напоминающий коммунистический — от каждого по способностям, каждому по труду. Объём работы не был установлен. Каждый трудился, прилагая максимальные усилия в своём темпе. Рабочий день начинался в семь утра, заканчивался в шесть вечера; организация трёхразового питания (завтрак в 7.00, обед в 12.00, ужин в 18.00) также входила в обязанности членов коммуны. Автор справедливо отмечает, что правительство Карелии не только внимательно следило за работой коммуны, но и оказывало финансовую поддержку в форме освобождения от налогов в течение первых пяти лет, а также предоставления кредита. Отношения с местным населением постепенно налаживались, местные крестьяне начинали видеть в канадцах не «капиталистов», приехавших из далекой Америки, а таких же тружеников, как они сами. Вскоре к коммунарам присоединились пять местных девушек.

Преобразование северных пустошей в плодородные поля потребовало невероятных усилий от коммунаров. Отец Виено, Элис Ахокас, отвечал за обработку земли. Он разработал систему дренажа. В общей сложности на землях коммуны вырыли двадцать километров канав. На основе анализа местных условий члены «Сяде» пришли к выводу, что наиболее выгодным использованием их земель будет молочное животноводство. Поэтому и было закуплено стадо породистых коров из Финляндии⁹.

К 1929 г. результаты достижений коммуны были очевидны: «У нас было три жилых дома, кухня с большой столовой, пекарня, сауна, коровник, свинарник, конюшня, силосная башня, кузница, лесопилка, гараж, склад для картофеля и овощей, рига, зернохранилище, молочная кухня и восемь сараев для сена на полях. Была построена дорога с тротуаром в Олонец. От Олонецкой электростанции до коммуны были протянуты линии электропередач. Коммунары прижились на своей новой Родине. ... Жили скромно, ели обычную пищу и имели низкий доход, но верили в лучшее будущее»¹⁰. Годовой удой от лучших коров составлял 3370 кг и в среднем 2500 кг, а удой местных коров был в среднем лишь 800 кг. Автор также приводит сравнительные показатели по урожайности зерновых в коммуне, с одной стороны, и у местных крестьян с другой: овёс 3670 кг против 930 кг, ячмень 2538 кг против 800, клевер 4600 против 2620 и т. д.¹¹

⁹ Там же С. 34.

¹⁰ Там же С. 40.

¹¹ Там же С. 41.

Трудно обойти вниманием эпизод, посвящённый сотрудничеству с Ленинградской сельскохозяйственной академией¹². Воодушевлённые хорошими урожаями озимой пшеницы, коммунары были готовы попробовать свои силы в выращивании яровой с учетом новых научных подходов. Результат впечатлил: урожай был на 50% выше, чем в более южных районах. Самый невероятный урожай был в 1934 г.

Коммуна росла, расширялась, во-первых, за счет семей местных крестьян, примкнувших к ней. Для тех из них, кому не доставало средств для уплаты членского взноса, в коммуне был создан специальный фонд. Вторым источником роста коммуны были семьи североамериканских финнов, позднее прибывшие в Карелию.

Для объективности оценки деятельности коммуны автор отсылает к книге Ивана Петрова, агронома Союза колхозников Карелии, где Петров подводит важный идеологический итог: «члены коммуны провели замечательную работу по строительству социалистического хозяйства»¹³. Судя по всему, слава о «Сяде» распространялась и за пределами республики. В гостях у коммунаров побывали не только хозяйственники или журналисты, но и такие известные писатели, как Мартин Андерсен-Нексе из Дании и Илья Эренбург, а также художник из Германии Генрих Фогелер и русская художница Ольга Жудина¹⁴.

В начале тридцатых годов ускоряются темпы коллективизации в Карелии. С одной стороны, члены коммуны «Сяде» принимали активное участие в пропаганде коллективного труда в сравнении с индивидуальным сельским хозяйством. К примеру, в Олонце и соседней деревне Наннула с их помощью были созданы две сельскохозяйственные коммуны. Но, с другой стороны, видя слабую материальную базу карельских колхозов, примитивные методы организации труда, низкую заработную плату колхозников и т. п., коммунары нередко высказывали своё мнение о неэффективности такого рода хозяйств. Одним из критиков был и Элис Ахокас, отец автора мемуаров. По его мнению, правительство зря тратило деньги на поддержку слабых колхозов. Частные хозяйства могли бы быть гораздо эффективнее, если бы их поддерживало правительство. Впоследствии подобное заявление было расценено как неприемлемое и послужило поводом для исключения Элиса Ахокаса из партии¹⁵.

В главе «Работа с властями»¹⁶ автор акцентирует внимание на неоднозначных, сложных взаимоотношениях коммунаров с властью. С одной стороны, коммуна становится предметом гордости местных властей, хозяйство «Сяде» называют образцовым, призывают других равняться на него, при этом приписывая все заслуги большевистскому стилю работы под руководством Коммунистической партии. С другой стороны, коммуне часто отказывают в необходимой помощи, например,

¹² Там же С. 47–48.

¹³ Там же С. 41.

¹⁴ Там же С. 29.

¹⁵ Там же С. 43.

¹⁶ Там же С. 49–51.

в продаже одежды, обуви и даже махорки. С течением времени власти всё больше начинают вмешиваться в дела коммуны, спуская планы, несовпадающие с планами коммуны, давая полные противоречивые указания, часто задерживая выплату кредитов. Кроме того, чиновники диктуют квоты, цены и сроки поставок. Государство приобретает продукцию по ценам ниже рыночных на 100% и более. В 1931 г. коммуна недополучила оплату за 40 000 литров молока, 70 поросят и 8 000 кг зерна. «В Америке мы работали на капиталистов, а здесь на начальство из правительства» — всё чаще возникали подобные мысли у коммунаров¹⁷.

По указанию органов власти в 1933 г. коммуна была преобразована в колхоз. Было введено новое для коммунаров понятие «трудодень» (единица оплаты труда в колхозах). В 1933 году он включал в себя 5 необлагаемых налогом рублей, 5 кг пшеницы, 40 г мёда и 50 г масла. Эти значительные доходы были основаны на капитале, который ранее был сформирован членами коммуны¹⁸.

По-настоящему тяжёлые для республики времена, как описывает автор, наступают в середине тридцатых годов. Лидеры коммуны были ликвидированы, нагнетаются обвинения в финском буржуазном национализме. Судьба семьи Ахокас — частное подтверждение общей трагедии народа в эпоху репрессий. Шестнадцатилетняя Виено Ахокас получает в Петрозаводске, где она училась, письмо от матери, в котором та сообщает дочери об аресте отца вместе с двумя другими коммунарами, руководителем коммуны К. Сийканеном и Ю. Ниemi. Письмо пришло из деревеньки под села Сорока (ныне — город Беломорск), где высланные члены семей арестованных, в основном женщины, работали на лесопильном заводе. Состояние юной Виено, будущего автора мемуаров, симптоматично: «Каждый следующий день был наполнен страхом и неуверенностью. Я никому не доверяла, боялась, что на меня поставят клеймо дочери врага народа»¹⁹.

Однако аресты и ссылки для коммунаров и членов их семей на данный момент как будто завершились благополучно. По определению историков, аресты 1935 г. носили скорее предупредительный, устрашающий характер²⁰. Надломленные, но всё-таки решительно настроенные продолжить своё дело в «Сяде» люди возвращаются в коммуны, созданную ими. Сначала вернулась из села Сорока мать, а позже и отец Виено.

Количество североамериканцев — членов коммуны стало к этому времени значительно меньше, но казалось, что жизнь возвращается в своё русло. 1937 г. поначалу казался на удивление успешным в сравнении с предыдущими годами. Коммуна была самодостаточной. Автор вспоминает, как её отец мечтал о процветающем сельском хозяйстве на юге Карелии: «Мы хотим показать на

¹⁷ Там же С. 51.

¹⁸ Там же С. 72.

¹⁹ Там же. С. 87.

²⁰ Голубев А. В., Такала И. Р. В поисках социалистического Эльдorado: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / Авт. пер. с англ. А. С. Роговой. СПб., 2019. С. 253.

практике, где карельский хлеб и где будущее. Поле, засеянное зерном, похоже на любимого ребёнка, о котором надо заботиться»²¹.

Однако осенью 1937 г. все мечты и планы рухнули в бездну. Этот и последующий 1938 г. вошли в историю Карелии как самые кровавые годы сталинского террора. В соответствии с приказом НКВД от 30.07.1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов» предписывалось начать и завершить операцию в четырёхмесячный срок²². Членов коммуны «Сяде» тоже не пощадили. Виено, которой только что исполнилось восемнадцать, стала свидетелем того, как посреди обычного рабочего дня 27 ноября во двор коммуны въехал грузовик, на борту которого были милиционеры и матросы. Они собрали мужчин коммуны по своему списку и объявили, что те находятся под арестом. В числе арестованных — вновь её отец Элис Ахокас. «Арестантов некоторое время удерживали в конторе, а затем их посадили в грузовик. Они окинули взглядом двор, словно прощаясь с тем, что успели построить. Напоследок с горечью посмотрели на нас. Мы стояли, онемев от ужаса, и смотрели, как наших близких увозили из дома. <...>. Я стала дочерью врага народа»²³. Эмма Ахокас, мать Виено, стала женой репрессированного. Так не стало семьи Ахокас...

Вся документация коммуны, написанная на финском языке «националистами и врагами народа», была сожжена новыми руководителями на следующий же день. Очередным шагом искоренения памяти о «Сяде» стало переименование коммуны в колхоз имени Папанина. Как позже напишет автор, «так был погашен яркий луч “Сяде”» — коммуны, созданной финнами из Северного Онтарио, мечтавшими принять участие в строительстве рабочего социалистического государства.

Представляется, что Виено Елисеевна Злобина адресовала свои мемуары прежде всего зарубежному читателю. Об этом свидетельствуют небольшие экскурсы как в историю Советского Союза в целом (НЭП, коллективизация, общественные советские организации, вербовка иностранной рабочей силы как часть национальной политики 1920–1930 гг.)²⁴, так и конкретно Карелии (1920-е гг. АКССР и правительство Э. Гюллинга, организация народного образования Карелии на двух языках, «тройка» по-карельски 1937–1938 гг.)²⁵. Автор сочла необходимым, хотя и в очень сжатой форме, познакомить читателя с православными традициями и обычаями, такими, к примеру, как празднование Рождества и Пасхи среди карел²⁶. Для российского читателя эти экскурсы могут показаться излишними, так как в них представлены хорошо известные исторические факты, но зарубежному читателю они помогают сориентироваться в малознакомом историческом контексте.

²¹ Злобина В. Растоптанные идеалы. С. 89.

²² Голубев А. В., Такала И. Р. В поисках социалистического Эльдорадо. С. 259.

²³ Злобина В. Растоптанные идеалы. С. 92.

²⁴ Там же. С. 19–20, 41–42, 53, 75–77.

²⁵ Там же. С. 18–19, 36–37, 72–73, 90–91.

²⁶ Там же. С. 31–32.

Повествование об истории коммуны «Сяде» дополняют фотографии из коллекции Национального архива Карелии, а также из личного семейного архива семьи Злобиных. Примечательно, что в книге представлены фотографии предметов искусства, созданных в «Сяде»: портреты Элиса Ахокаса и Калле Сийканена, написанные ленинградской художницей Ольгой Жудиной, а также три акварели Генриха Фогелера.

Наиболее удачно освещены в мемуарах В. Е. Злобиной вопросы национальной и языковой политики того времени. Теоретически эти вопросы основательно изложены в лекции И. Такала «Финский язык в России — история и судьба»²⁷. Исследователь подробно останавливается на том, насколько сложной и неоднозначной была языковая политика в 1920–1930 гг. в Карелии, разъясняет, что из себя представляли насильственная финнизация, карелизация, «карело-финский язык», как, когда и почему менялся статус русского, финского и карельского языков. Из мемуаров Виено Елисеевны мы узнаём, как эта политика отразилась на судьбе самого автора и его поколения: от запрета на финский язык — к экспериментам с карельским, вновь к финскому и созданию в университете финно-угорского отделения с последующим его закрытием.

Небольшой книге воспоминаний В. Е. Злобиной повезло. Как указывалось выше, она одновременно увидела свет на финском и на английском языках, а немного позже и на русском. Не сомневаюсь, что книга с большим интересом может быть прочитана в Карелии и сегодня. Может быть, кто-то найдёт в ней имена своих предков, примкнувших некогда к канадским интернационалистам-коммунарам. Все названы поименно. В книге много цифр, правда, не всегда с точностью совпадающих с цифрами историков. Но на строгую научность автор и не претендовала.

В упомянутом выше предисловии автор отмечает, что для истории Канады и Советского Союза описываемые ею события незначительны²⁸. С этим можно согласиться лишь отчасти. История «Сяде», рассказанная Виено Злобиной — это небольшой, но важный вклад в изучение истории иммиграции североамериканских финнов в советскую Карелию, долгое время оставшейся малоизвестным эпизодом глобальной истории.

Список литературы

Голубев, А. В. В поисках социалистического Эльдорадо: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / А. В. Голубев, И. Р. Такала ; авт. пер. с англ. А. С. Роговой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. — 351 с.

Злобина, В. Растоптанные идеалы : канадская девочка за железным занавесом / В. Злобина. — Хельсинки : Nord Print Oy, 2019. — 102 с.

²⁷ Такала И. Р. Финский язык в России: история и судьба: Лекция. Петрозаводск, 2010 г. URL.: [\(3\) \(PDF\) Финский язык в России: история и судьба. Лекция. | Irina Takala - Academia.edu](#) (4.11.2021).

²⁸ Злобина В. Растоптанные идеалы. С. 7.

Злобина, В. Как погасили луч / В. Злобина // Север. — 1990. — №7. — С. 157–160.

Такала, И. Р. Финский язык в России : история и судьба : лекция / И. Р. Такала. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2010. — URL: [\(3\) \(PDF\) Финский язык в России: история и судьба. Лекция. | Irina Takala - Academia.edu](#) (4.11.2021).

Kupri, I. Irman tarina. Kanadan suomalaisen Irma Kuprin matka Kanadasta Neuvostoliitton ja Venäjältä Suomeen / I. Kupri. — Turku : Siirtolasuusinstitututti, 2012. — 136 s.

Ranta, K. Arpi korvassa ja sydämessä : muistelmia ja mietelmiä myrskyisän vuosisatamme historian pyörteissä tuhlatusista elämästä / K. Ranta. — Helsinki : WSOY, 2000. — 455 s.

Sevander, M. They Took My Father : a Story of Idealism and Betrayal / M. Sevander, L. Hertzell. — Duluth : Pfifer-Hamilton, 1992. — 190 p.

Sevander, M. Red Exodus / M. Sevander. — Duluth : Oscan, 1993. — 232 p.

Sevander, M. The Soviet Bondage : Sequel to Red Exodus / M. Sevander. — Duluth : Oscan, 2006. — 157 p.

Zlobina, V. Heidän ihanteensa murskattiin : tyttären tarina Säde-kommuunasta Neuvosto Karjalassa / V. Zlobina. — Turku : Painosalama Oy, 2017. — 116 s.

Zlobina, V. Their Ideals were Crushed : a Daughter's Story of the Säde Commune in Soviet Karelia / V. Zlobina. — Turku : Painosalama Oy, 2017. — 115 p. — URL: <https://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/178113/J-08-ISBN-978-952-7167-22-9-Their-Ideals-Were-Crushed-2017-Migration-Institute-of-Finland-2017.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. — (24.12.2021).

БИБЛИОГРАФИЯ
BIBLIOGRAPHY

ЧИКИНА Наталья Валерьевна / CHIKINA Natalia

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

tchikina@krc.karelia.ru

ЛЕТОПИСЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ КАРЕЛИИ 2004*

CHRONICLES OF THE LITERARY LIFE OF KARELIA 2004

Abstract: With this issue we resume the publication of the Chronicles, the publication of which paused after the last issue in 2011. This paper is structured similarly to the previous editions. It begins with the Chronicles followed by a listing of the published books and articles in the Finnish, Karelian and Veps languages. A distinctive feature of these Chronicles is that they were compiled from the national periodicals published in the Republic of Karelia: magazines *Carelia* and *Kipinä*, newspapers *Karjalan Sanomat*, *Oma Mua*, *Vienan Karjala*, *Kodima*.

Ключевые слова / Keywords: Литература Карелии, финский язык, карельский язык, вепсский язык / Literature of Karelia, Finnish language, Karelian language, Veps language

Настоящая «Летопись литературной жизни Карелии 2004» является продолжением ранее вышедших «Летописей», которые содержат публикации с 1917 по 2003 гг.¹ В данной «Летописи» представлен анализ и перечень публикаций, выполненный только на основе национальной периодической печати Республики

* Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН.

¹ Летопись литературной жизни Карелии (1917–1961) / Сост. М. Ф. Пахомова и Н. С. Полищук. Петрозаводск, 1963; Летопись литературной жизни Карелии (1962–1966) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова. Петрозаводск, 1968; Летопись литературной жизни Карелии (1967–1971) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова. Петрозаводск, 1974; Летопись литературной жизни Карелии (1972–1976) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова. Петрозаводск, 1978; Летопись литературной жизни Карелии (1977–1981) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова. Петрозаводск, 1984; Летопись литературной жизни Карелии (1982–1986) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова, Н. А. Прушинская. Петрозаводск, 1989; Летопись литературной жизни Карелии (1987–1991) / Сост. Н.А. Прушинская, О. П. Кошкина, Э. П. Кемпинен. Петрозаводск, 1994; Летопись литературной жизни Карелии (1992–1996) / Сост. Н. В. Чикина, О. П. Кошкина. Петрозаводск, 2010; Летопись литературной жизни Карелии (1996–2001) / Сост. Н. В. Чикина, О. П. Кошкина. Петрозаводск, 2011; Летопись литературной жизни Карелии 2002 // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2018. Вып. 3. С. 480–510. DOI: 10.15393/j103.art.2018.1056. URL: <http://nbsr.petsru.ru/journal/article.php?id=1056> (дата обращения: 17.01.2019); Летопись литературной жизни Карелии. 2003 // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2019. Вып. 4. С. 304–336. DOI: 10.15393/j103.art.2019.1418. URL: <https://nbsr.petsru.ru/journal/article.php?id=1418> (дата обращения: 2.11.2021).

Карелия. Источниковую базу в 2004 году составили журналы *Carelia* и *Kipinä*, газеты *Karjalan Sanomat*, *Oma Mua*, *Vienan Karjala* и *Kodima*.

Принцип отбора и систематизация материалов в данном выпуске в основном остается прежним. Раздел «Хроника литературной жизни» выполнен на русском языке и содержит краткое описание литературных событий (съездов, конференций, праздников, зарубежных контактов и т. д.); раздел «Библиография» дает перечень оригинальных и переводных произведений художественной литературы, фольклора, детской литературы, литературы Финляндии в переводах на карельский и вепсский языки, работ по критике, литературоведению и фольклористике, опубликованных в отдельных и периодических изданиях. Литературные материалы публикуются и приводятся в библиографии на русском, финском, карельском и вепсском языках.

При составлении «Летописи» были использованы фонды Научной библиотеки Карельского научного центра РАН, архив издательства «Периодика»². Все публикации просмотрены *de visu*. Использовано упрощенное библиографическое описание на основе ГОСТ 7.1-2003.

Данной публикацией «Летописи» мы продолжаем работу по ведению библиографии в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. С момента выхода последнего выпуска «Летописи литературной жизни Карелии» (1996–2001), охватывающего пятилетний период, прошло десять лет, а разрыв в описании материала составляет 17 лет. «Летопись литературной жизни Карелии» не только позволяет проанализировать количество и качество публикаций, но и является хорошей иллюстрацией истории развития национальных литератур республики.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ КАРЕЛИИ

В начале января в п. Эссоила Пряжинского района прошёл литературный праздник, посвященный творчеству А. Волкова, в котором приняли участие писатели А. Мишин, О. Мошников, П. Семёнов и другие. (*Oma Mua*. — 2004. — 8. rakkask.).

17 января исполнилось 100 лет со дня рождения Николая Ивановича Богданова, кандидата филологических наук, языковеда. Принимал участие в создании вепсской письменности на основе латинского алфавита, переводил карельские фольклорные тексты, собирал вепсские сказки, свадебные и похоронные причитания, частушки и песни. (*Oma Mua*. — 2004. — 22. rakkask.).

18 января исполнилось 75 лет фольклористу, переводчику, члену Союза писателей России, кандидату филологических наук Э. С. Киуру. (*Carelia*. — 2004. —

² Составитель выражает благодарность издательству «Периодика», М. Ю. Незвицкому, Н. Денисовой, предоставившим в условиях пандемии коронавируса PDF-версии журнала *Carelia*, газет *Karjalan Sanomat*, *Oma Mua*, *Vienan Karjala*, *Kodima*.

N:o 1. — S. 102; Karjalan Sanomat. — 2004. — 14. tammik. — S. 9; Oma Mua. — 2004. — 22. pakkask.; Vienan Karjala. — 2004. — 22. pakkaisk.).

29 января в Доме культуры с. Коткозеро состоялась презентация книги З. Дубининой *Valgei koivikko*, на которой выступили карельские писатели В. Вейкки, Армас и Ольга Мишины. (Oma Mua. — 2004. — 5. tuhuk.).

В январе были названы имена лауреатов, номинированных на стипендии для начинающих поэтов. Стипендию имени Я. Ругоева получила студентка факультета прибалтийско-финской филологии и культуры Евгения Свайкина, а стипендию имени Р. Рождественского получил студент филологического факультета Дмитрий Голубев. Оба учатся в Петрозаводском государственном университете. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 21. tammik. — S. 11).

В январе был объявлен литературный конкурс памяти Михаила Гоккоева «Это было в моей жизни» для начинающих писателей в возрасте до 25 лет. Участникам предлагалось написать произведение в жанре поэзии, прозы или публицистики на финском или карельском языках. (Oma Mua. — 2004. — 1. pakkask.).

4 февраля исполнилось 60 лет детскому писателю Тамаре Васильевне Щербаковой, пишущей на ливвиковском наречии карельского языка. (Kirinä. — 2004. — N:o 2. — S. 2; Oma Mua. — 2004. — 5. tuhuk.).

В начале февраля в редакции газеты “Oma Mua” прошло заседание литобъединения *Karjalaine Sana*, на котором его председатель, поэт А. Волков рассказал об итогах работы за 2003 год. Отчет выслушали участники объединения К. Алексеева, И. Савин, А. Коппалов, З. Дубинина и П. Семёнов. (Oma Mua. — 2004. — 12. tuhuk.).

16 февраля в Национальном театре Республики Карелия прошло годовое собрание Союза писателей Карелии, на котором были одобрены для вступления в Союз писателей России кандидатуры Зинаиды Дубининой, Василия Вейкки и Анатолия Иванова. (Oma Mua. — 2004. — 19. tuhuk.).

18 февраля исполнилось 120 лет со дня рождения Эмиля Парраса. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 3. maalisk. — S. 11).

28 февраля в республике стартовал традиционный марафон «Калевальская мозаика», посвященный Дню «Калеваль» и создателю эпоса Э. Лённроту. В этот день в Доме культуры г. Костомукша прошёл фестиваль «Кантелетар»; в петрозаводской школе им. Э. Лённрота ученики встретились с карельскими писателями. Различные концерты и литературные встречи состоялись во всех уголках Карелии. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 25. helmik. — S. 3; 3. maalisk. — S. 1, 3; 10. maalisk. — S. 6; Vienan Karjala. — 2004. — 26. tuiskuk., 11. kevätk.).

В конце февраля в Санкт-Петербурге прошёл семинар, посвященный переводу Библии, на котором присутствовали карельские поэты и переводчики П. Семёнов, З. Дубинина и Р. Ремшуева. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 24. maalisk. — S. 12; Oma Mua. — 2004. — 11. kevätk.; Vienan Karjala. — 2004. — 22. pakkaisk.).

3 марта в финно-угорской школе им. Э. Лённрота в Петрозаводске прошла презентация сборника поэзии Я. Ругоева *Kivenä koskessa* («Камень в пороге»). (Oma Mua. — 2004. — 18. kevätк.; Vienan Karjala. — 2004. — 25. kevätк.).

10 марта в рамках международного культурного марафона «Калевальская мозаика» в Республиканском центре национальных культур открылась первая персональная выставка молодого вепсского художника Алексея Максимова *Toine pol'* («Другая половина»). (Oma Mua. — 2004. — 18. kevätк.; Vienan Karjala. — 2004. — 11, 25. kevätк.; Kodima. — 2004. — № 3 (kevät'k.)).

В середине марта карельский писатель и переводчик П. Семёнов встретился со студентами карельского отделения Петрозаводского госуниверситета и рассказал им о своей жизни и творчестве. (Oma Mua. — 2004. — 25. kevätк.).

26–28 марта в п. Калевала прошёл международный театральный фестиваль, в котором приняли участие четыре народных театра. Так, народный театр г. Олонца представил зрителям пьесу А. Киви «Помолвка» на ливвиковском наречии карельского языка, а калевальский народный театр показал пьесу Н. Островского «Женитьба Бальзаминова». (Oma Mua. — 2004. — 25. kevätк.).

В конце марта в финно-угорской школе им. Э. Лённрота прошёл открытый урок, посвященный творчеству карельского поэта В. Брендоева, на котором выступили вепсский поэт Н. Абрамов и бард Е. Шорохов. Прозвучали стихи на вепсском и русском языках, переводы классиков русской литературы, песни на стихи В. Брендоева и других карельских поэтов. (Oma Mua. — 2004. — 1. sulak.; Kodima. — 2004. — № 3 (kevät'k.)).

В марте в Национальной библиотеке Республики Карелия состоялось очередное заседание клуба любителей творчества В. Высоцкого «Высоцкий на финском». В гости к петрозаводчанам приехали любители творчества и переводчики стихов В. Высоцкого на финский язык из г. Йоэнсуу (Финляндия) Пентти Страниус и Яри Сипинен. (Kodima. — 2004. — № 3 (kevät'k.)).

2–3 апреля в п. Эссойла Пряжинского района во второй раз прошла научная конференция «Сямозерские чтения». Участники прослушали доклады по истории и культуре Карелии. В. П. Миронова рассказала о фольклорных традициях, а Н. В. Чикина о писателях Сямозерья. Поэт А. Волков прочел свои стихи о Сямозере. (Vienan Karjala. — 2004. — 22. sulak.).

9 апреля в день рождения Э. Лённрота в Национальном театре Республики Карелия прошёл гала-концерт, завершивший культурный марафон «Калевальская мозаика». (Karjalan Sanomat. — 2004. — 14. huhtik. — S. 1; Oma Mua. — 2004. — 15. sulak.; Vienan Karjala. — 2004. — 22. sulak.; Kodima. — 2004. — № 4 (sulak.)).

10 апреля Общество ингерманландских финнов Карелии отметило 496-летие основателя финского языка и литературы М. Агриколы, в роли которого выступил фольклорист Э. Киуру. На празднике прозвучали стихи Т. Сумманена, П. Пёлля и других. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 14. huhtik. — S. 8).

В начале апреля в Национальной библиотеке Республики Карелия петрозаводские писатели Р. Мустонен, А. Мишин, В. Судаков и В. Фирсов представили свои новые книги, которые они не могли издать из-за отсутствия финансирования на протяжении нескольких лет. Сборник рассказов Р. Мустонен «Вначале была любовь» был готов еще в конце XX века, В. Фирсов ждал издания своих «Озорных сказок» более десяти лет. «И то правда» А. Мишина составлена из записей, сделанных в его записных книжках, начиная с 1950-х годов. Сборник стихов В. Судакова «Твердь» повествует о природе родного края и взаимоотношениях людей. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 14. huhtik. — S. 10; 9. kesäk. — S. 11).

23 апреля в зале Дворянского собрания прошло подведение итогов конкурса «Книга года - 2003» Республики Карелия. «Калевала» для детей в переводе на вепсский язык Н. Зайцевой (художник А. Максимов) получила сразу две премии. Она стала лучшей книгой, выпущенной на национальных языках, и получила вторую премию в номинации «Лучшая книга для детей». Также были отмечены сборник поэзии В. Вейкки *Elokseen dorogat* и исследование Э. Карху “*Isien sanoma*”. (Oma Mua. — 2004. — 29. sulak.; Vienan Karjala. — 2004. — 27. orask.; Kodima. — 2004. — № 4 (sulak.)).

В апреле в финском г. Йоэнсуу (Финляндия) экспонировалась выставка В. Фомина на темы «Калеваль». (Karjalan Sanomat. — 2004. — 14. huhtik. — S. 11; 12. toukok. — S. 10).

В апреле оркестр народных инструментов под управлением Г. Миронова и актер театра «Творческая мастерская» В. Баулин представили зрителям концерт «Исповедь Сергею Есенину» в Карельской государственной филармонии. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 14. huhtik. — S. 11).

В апреле петрозаводский художник В. Наконечный получил премию финского фонда *EKLA* за оформление романов О. Степанова «Родичи» (2002) и сборника стихов Я. Ругоева «Камень в пороге» (2003), вышедших в серии «Классики литературы Карелии». (Karjalan Sanomat. — 2004. — 28. huhtik. — S. 10).

В апреле в санатории «Марциальные воды» прошёл семинар «Гендерное восприятие истории и современности в литературе Европейского Севера России конца XX века», на котором обсуждались литературные произведения (в том числе и повесть вепсского писателя Василия Пулькина «Азбука детства»). (Karjalan Sanomat. — 2004. — 5. toukok. — S. 12; Vienan Karjala. — 2004. — 13. orask.; Kodima. — 2004. — № 4 (sulak.)).

6 мая исполнилось 90 лет сказительнице, знатоку калевальской песенной традиции Сантре Ремпуевой (наст. имя Александра Андреевна Ремпуева). (Vienan Karjala. — 2004. — 27. orask.).

В начале мая в Москве вышла первая книга серии «Современная литература народов России», в которую вошли произведения национальных писателей Карелии В. Брендоева, П. Воутилайнена, А. Волкова и К. Корвела в переводах на русский язык А. Мишиным и А. Расторгуевым. (Oma Mua. — 2004. — 6. orask.).

12 мая в Петрозаводске в выставочном зале Карельской филармонии открылась выставка книжной графики «Вначале было слово...», в которой приняли участие карельские художники В. Лукконен, А. Максимов, Д. Москин, В. Наконечный и Н. Трухин. (Carelia. — 2004. — N:o 9. — S. 106–112; Oma Mua. — 2004. — 27. orask.; Kodima. — 2004. — № 5 (semendk.)).

14 мая в финском городе Йозенсуу прошёл семинар «Поэзия двух Карелий», в котором приняли участие Я. Жемойтель и Е. Богданов. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 19. toukok. — S. 11).

19 мая исполнилось 75 лет Заслуженному работнику культуры Республики Карелия, писателю, Почётному гражданину г. Беломорска Фёдору Титову. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 26. toukok. — S. 6).

20 мая в Петрозаводске прошли Дни славянской письменности и культуры. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 19. toukok. — S. 11).

23 мая в Центре национальных культур г. Петрозаводска показали пьесу Л. Нярья *Niikkua raju, karjalaine* («Спой песню, карел»). (Oma Mua. — 2004. — 20. orask.).

28 мая в г. Хельсинки (Финляндия) прошёл финско-русский литературный семинар «Современная русская литература сельской местности», организованный Институтом России и Восточной Европы, и Российским культурным центром. Карелию на нем представлял В. Судаков. (Carelia. — 2004. — N:o 11. — S. 157–159).

29 мая исполнилось 55 лет прозаику, драматургу, сценаристу Р. Мустонен. (Carelia. — 2004. — N:o 5. — S. 63).

В конце мая в Петрозаводске прошли литературные курсы для пишущих на финском, карельском и вепсском языках, в которых приняли участие студенты и молодежь, работающая в национальных редакциях. Организатор курсов — поэт из г. Турку (Финляндия) Веса Нийникангас. (Oma Mua. — 2004. — 3. kezäk.; Vienap Karjala. — 2004. — 10. kesäk.).

В начале июня вышло второе издание сказок «Были-небылицы», подготовленные фольклористкой А. С. Степановой. В сборник включено 12 сказок о киндасовских мужиках и их приключениях на карельском и русском языках. (Oma Mua. — 2004. — 8. heinük.).

В июне в библиотеке с. Деревянное Прионежского района состоялся литературный вечер, посвященный известному поэту-фронтовику Г. Кикинову, в котором принял участие министр по делам национальной политики Республики Карелия Е. Шорохов, исполнивший песни на стихи поэта. Председатель союза писателей Карелии А. Мишин прочитал стихи, посвященные Г. Кикинову. Также на встрече выступили Э. Киуру и К. Гнетнев. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 16. kesäk. — S. 7).

В июне в санатории «Марциальные воды» прошёл первый из четырёх семинар «Гендер в творчестве писателей Европейского Севера 1980-1990-е годы»,

организованный центром гендерных исследований Карелии, координатор проекта доктор филологических наук Е. И. Маркова. (*Karjalan Sanomat*. — 2004. — 30. kesäk. — S. 9).

В начале июля в выставочном зале петрозаводской филармонии состоялась презентация книги Г. Салтупа, предназначенной для взрослых и детей. Первая часть книги «Барак и сто девятнадцатый» содержит рассказы, повесть, роман, очерки, эссе, а во второй части автор поместил мужские повести для мальчиков под названием «Выстрел милосердия». (*Karjalan Sanomat*. — 2004. — 14. heinäk. — S. 12).

5 июля вышла книга А. Волкова «Слово о ливах», в которой одноимённое стихотворение опубликовано на шести языках: карельский, ливский, русский, финский, эстонский и коми. (*Oma Mua*. — 2004. — 19. elok.).

11 июля исполнилось 70 лет прозаику, переводчику Петру Семёнову, пишущему на карельском языке. (*Carelia*. — 2004. — N:o 6. — S. 121; *Karjalan Sanomat*. — 2004. — 7. heinäk. — S. 12; *Oma Mua*. — 2004. — 8. heinäk.).

24 июля в г. Йошкар-Ола (Республика Марий Эл) прошёл второй всероссийский фестиваль финно-угорской прессы, в рамках которого состоялся конкурс по восьми номинациям. Редакция вепсской газеты *Kodima* получила первую премию за очерки о финно-угорских традициях. Журнал *Carelia* получил премии в двух номинациях «Финно-угорский юмор» и «Сохранение традиций». Детский журнал *Kipinä* победил в номинации «Лучшее оформление газеты или журнала». (*Karjalan Sanomat*. — 2004. — 28. heinäk. — S. 3; *Oma Mua*. — 2004. — 5. elok.; *Vienan Karjala*. — 2004. — 26. elok.; *Kodima*. — 2004. — № 7 (heink.)).

4 августа исполнилось 70 лет поэту, переводчику на ливвиковское наречие карельского языка Зинаиде Тимофеевне Дубининой. (*Oma Mua*. — 2004. — 12. elok.; *Kipinä*. — 2004. — N:o 7/8. — S. 2).

8 августа по телеканалу «Культура» в программе «Финно-угорский мир» выступила фольклорист В. Миронова с рассказом об эпической поэзии Южной Карелии. (*Oma Mua*. — 2004. — 5. elok.).

14 августа исполнилось 55 лет поэту и исследователю ингерманландских финнов Тойво Флинку. (*Karjalan Sanomat*. — 2004. — 4. heinäk. — S. 11).

15–19 августа в столице Эстонии г. Таллине прошёл IV Всемирный конгресс финно-угорских народов. В составе делегации от Карелии там находился писатель А. Волков. (*Oma Mua*. — 2004. — 20. orask., 26. elok., 14. ligak.).

1 сентября отметила десятилетний юбилей школа им. Э. Лённрота в Петрозаводске. (*Karjalan Sanomat*. — 2004. — 6. lokak. — S. 1, 9).

6 сентября в Олонце прошёл четвертый республиканский фестиваль карельской поэзии «Здесь родины моей начало», посвященный памяти В. Брендоева. (*Karjalan Sanomat*. — 2004. — 15. syysk. — S. 1; *Oma Mua*. — 2004. — 9. süvüsk.; *Vienan Karjala*. — 2004. — 23. syysk.).

9 сентября в Национальной библиотеке Республики Карелия состоялась встреча читателей с немецкими писателями Йенсом Спарсху и Арнольдом

Стадлером, приехавших в рамках проектов «Дни Германии» и «Немецкой литературной недели 2004» в Петрозаводск. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 8. syysk. — S. 10).

13–20 сентября в с. Кончезеро Кондопожского района прошёл литературный лагерь для пишущих на финском, карельском и вепсском языках, организованный финляндским издателем из г. Турку В. Нийникангасом. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 29. syysk. — S. 15; Oma Mua. — 2004. — 23, 30. süvüsk.; Vienan Karjala. — 2004. — 23. syysk.).

21–22 сентября на сцене Музыкального театра в Петрозаводске Русский независимый театр (г. Москва) представил свое прочтение романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». (Karjalan Sanomat. — 2004. — 8. syysk. — S. 16).

21–23 сентября в г. Ханты-Мансийск прошёл VIII Конгресс финно-угорских писателей, главной темой которого стал «Фольклор и эпос». Делегация из Карелии в составе Н. Абрамова, А. Волкова, Ольги и Армаса Мишиных представила все национальные языки республики: финский, карельский и вепсский. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 6. lokak. — S. 1, 11; 13. lokak. — S. 12; 20. lokak. — S. 12; Oma Mua. — 2004. — 7, 14. ligak.; Vienan Karjala. — 2004. — 14. sajek.).

В конце сентября в Петрозаводске в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН прошла конференция, посвященная 120-летию со дня рождения севернорусского поэта Н. Клюева, в которой приняли участие ученые из России, Украины, Латвии, Польши, Франции и США. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 29. syysk. — S. 10; Oma Mua. — 2004. — 7. ligak.).

В сентябре солист группы *Myllärit* («Мельники») Лео Севец завоевал третье место на всемирном конкурсе рунопевцев, прошедшем в Эстонии. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 29. syysk. — S. 15).

2 октября исполнилось 65 лет со дня рождения русского поэта Карелии В. Сергина. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 6. lokak. — S. 11).

4 октября исполнилось 80 лет со дня рождения писателя Д. Гусарова. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 13. lokak. — S. 10).

5 октября исполнилось 105 лет со дня рождения поэта, переводчика, исследователя карельского фольклора В. Гудкова. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 6. lokak. — S. 11).

9 октября в г. Костомукша прошёл семинар «Беломорская Карелия в жизни и книгах Яакко Ругоева и Илмари Кианто». (Vienan Karjala. — 2004. — 28. sajek.).

Роли мужчины и женщины в развитии литературы и традиционной культуры был посвящен семинар, прошедший 9–10 октября в санатории «Марциальные воды». Это третий из четырех семинаров, организованный по проекту «Гендер в творчестве современных писателей коренных народов Европейского Севера России», координатор – доктор филологических наук Е. И. Маркова. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 20. lokak. — S. 9; Vienan Karjala. — 2004. — 28. sajek.).

15 октября Национальный театр Карелии открыл 73-й сезон премьерой комедии М. Йотуни «Ребро Адама». (Karjalan Sanomat. — 2004. — 27. lokak. — S. 10).

21–22 октября в Петрозаводском госуниверситете прошла пятая научная конференция «Бубриховские чтения», в которой приняли участие учёные Карельского научного центра РАН. Н. Криничная и В. Миронова рассказали о фольклоре и особенностях калевальской метрики, Н. Чикина о литературе на людиковском наречии карельского языка, Е. Соини об образе Финляндии в эмигрантской литературе. (Oma Mua. — 2004. — 28. ligak.; Kodima. — 2004. — № 10 (reduk.)).

25 октября исполнилось 70 лет переводчику Тойво Вяйсянену. (Carelia. — 2004. — N:o 10. — S. 132).

Во второй половине октября в калевальской средней школе и Доме детского творчества прошёл семинар, посвященный 190-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 27. lokak. — S. 6).

В октябре в рамках проекта «Калевала-modern» петрозаводский Национальный театр и театры городов Каяни и Йоэнсуу (Финляндия) приступили к постановкам спектаклей по мотивам эпоса «Калевала» с современных точек зрения. (Oma Mua. — 2004. — 11. külmük.).

В октябре народный театр п. Калевала под руководством В. Сабуровой представил в местечке Лайхиа (Финляндия) постановку по пьесе А. Островского «Женитьба Бальзаминова». (Karjalan Sanomat. — 2004. — 13. lokak. — S. 6).

В октябре в Петрозаводске на доме по адресу: ул. Куйбышева, 14, в котором жил последние годы известный российский ученый и писатель А. Линевский, была открыта мемориальная доска. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 20. lokak. — S. 10).

10 ноября в день рождения М. Гоккоева в Историко-культурном центре Петрозаводска были подведены итоги литературного конкурса для начинающих писателей, пишущих на финском и карельском языке, в возрасте до 25 лет. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 10. marrask. — S. 8; Oma Mua. — 2004. — 21. ligak.).

В начале ноября карельские писатели М. Тарасов, Д. Новиков и И. Мамаева посетили городскую библиотеку г. Беломорска и подарили ей свои книги. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 10. marrask. — S. 7).

12 ноября в Центре национальных культур г. Петрозаводска состоялась презентация новых книг карелоязычных авторов: романа П. Семёнова «Маша из Пухтасъярви», сборника А. Волкова «Слово о ливах» и сборника рассказов А. Коппалова «Новинка ухмыляется». (Oma Mua. — 2004. — 14. ligak., 18. külmük.; Vienan Karjala. — 2004. — 25. pimiek.; Kodima. — 2004. — № 11 (kül'mk.)).

В ноябре в издательстве «Скандинавия» вышел роман Т. Мешко «Колдун здесь». (Carelia. — 2004. — N:o 12. — S. 136; Karjalan Sanomat. — 2004. — 17. marrask. — S. 11).

В ноябре в Национальном театре Республики Карелия состоялась премьера спектакля «Гартюф» по пьесе французского драматурга Ж.-Б. Мольера. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 17. marrask. — S. 10).

В ноябре киностудия ТелеВест Ленинградской области начала съемки фильма *Armastan* («Я люблю»), одну из главных ролей в котором сыграл вепсский поэт, корреспондент газеты *Kodima* Н. Абрамов. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 24. marrask. — S. 9; Kodima. — 2004. — № 11 (kül'mk.)).

В ноябре Национальный театр Республики Карелия представил пьесу «Рождение мира» на пятом финно-угорском театральном фестивале в г. Йошкар-Ола (Республика Марий Эл). (Karjalan Sanomat. — 2004. — 8. jouluk. — S. 11).

В начале декабря Петрозаводск посетил известный советский, абхазский и русский писатель Фазиль Искандер. В ходе визита он встретился с Главой Республики Карелия С. Катанандовым, познакомился со студентами Петрозаводского госуниверситета. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 8. jouluk. — S. 1, 12).

В начале декабря петрозаводский исследователь и писатель Б. Гуцин представил новую книгу «Не только Кижы» в выставочном центре музея «Кижы». (Karjalan Sanomat. — 2004. — 15. jouluk. — S. 10).

14 декабря в Карельской государственной филармонии состоялась презентация сольного альбома Е. Шорохова «Рябиновая родина». В программе прозвучали 12 песен на стихи карельских поэтов В. Брендоева, А. Авдышева, Я. Ругоева, Г. Кикинова, А. Мишина. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 29. jouluk. — S. 3; Oma Mua. — 2004. — 23. talvik.; Kodima. — 2004. — № 12 (tal'vk.)).

В декабре в санатории «Марциальные воды» прошёл четвертый, завершающий литературный семинар «Гендер в творчестве современных писателей коренных народов Европейского Севера России» Центра гендерных исследований Карелии, на котором обсуждались произведения ижорско-финской народной поэтессы Ларин Параске, поэтов Карелии Николая Абрамова, Вячеслава Агапитова, Светланы Захарченко и других. Руководителем семинара была доктор филологических наук Е. И. Маркова, экспертами — председатель Союза писателей Карелии Армас Мишин и главный редактор газеты *Kodima* Николай Фомин. (Karjalan Sanomat. — 2004. — 29. jouluk. — S. 5; Vienan Karjala. — 2004. — 23. talvik.; Kodima. — 2004. — № 12 (tal'vk.)).

В 2004 году в Республике Коми заработала Интернет-библиотека, в которой размещены книги на финно-угорских языках. Республика Карелия представлена там произведениями карела В. Вейкки и вепса Н. Абрамова. (Oma Mua. — 2004. — 2. süvüsk.).

Литературные страницы печатала республиканская газета «Karjalan Sanomat» (7. tammik. — S. 11; 28. tammik. — S. 15; 11. helmik. — S. 15; 10. maalisk. — S. 11, 15; 7. huhtik. — S. 11, 13; 5. toukok. — S. 11; 26. toukok. — S. 12; 9, 30. kesäk. — S. 11; 16. kesäk. — S. 12; 14. heinäk. — S. 14; 4. elok. — S. 11; 11. elok. — S. 12; 1, 8. syysk. —

S. 11; 6. lokak. — S. 11, 12; 3, 10. marrask. — S. 11; 1. jouluk. — S. 11; 22. jouluk. — S. 12).

За год вышло 12 номеров журнала *Carelia* («Карелия»).

Рец.: Inina J. Lesosen uusia seikkailuja // Karjalan Sanomat. — 2004. — 11. helmik. — S. 15; Inina J. Omaa rantaa etsimässä // Karjalan Sanomat. — 2004. — 7. huhtik. — S. 13; Inina J. Vienan kylien suru- ja toivelauluja // Karjalan Sanomat. — 2004. — 26. toukok. — S. 12; Inina J. Yleisestä yksityiseen // Karjalan Sanomat. — 2004. — 16. kesäk. — S. 12; Inina J. Etsivä löytää // Karjalan Sanomat. — 2004. — 14. heinäk. — S. 14; Inina J. Säämäjärvi: menneisyys ja nykypäivä // Karjalan Sanomat. — 2004. — 11. elok. — S. 12; Inina J. Eri ihmisiä, eri kohtaloita // Karjalan Sanomat. — 2004. — 8. syysk. — S. 11; Inina J. Mikä älykkyystasomme on? // Karjalan Sanomat. — 2004. — 6. lokak. — S. 12; Inina J. Virolaisia motiiveja // Karjalan Sanomat. — 2004. — 10. marrask. — S. 11; Inina J. Tilausaika kiireimmillään // Karjalan Sanomat. — 2004. — 22. jouluk. — S. 12; Inina J. Mukavaa lukomista kevyän Careliassa / J. Inina, R. Remsujeva // Vienan Karjala. — 2004. — 24. kesäk.

За год вышло 12 номеров журнала «Север».

Arv.: Gin I. Gusarov ja Sever-lehti // Carelia. — 2004. — N:o 10. — S. 32-41.

За год вышло 12 номеров журнала *Kipinä* («Искорка»).

БИБЛИОГРАФИЯ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР

Отдельные издания

На финском языке

Perttu P. Väinämöisen venehen jälki: essee ja kertomuksia. — Petroskoi: Periodika, 2004. — 224 s.

На карельском языке

Anuksen silmükaivozet: V. Brendojevan mustokse-kilbah tarittu runokogomus / [сост.: Г. М. Федулова, Т. И. Бойкова]. — Олонец, 2004. — 23 s.

Копшалов А.И. Žilčoi muheloittau. — Петрозаводск: [б.и.], 2004. — 24 s.: kuv.

Arv.: ”Žilčoi muheloittau” // Oma Mua. — 2004. — 1. sulak.; Savin I. Luvemmo muhizijua Žilčoidu // Oma Mua. — 2004. — 29. sulak.

Sem'onov P. Puhtasjärven Maša: romuanu / худож. А. А. Максимов. — Petroskoi: Periodika, 2004. — 159 s. : kuv.

На русском языке

Беломорье — мое вдохновенье: стихи / [сост. Л. Зайцева; отв. за вып. Л. Пиганова]. — Беломорск: [б.и.], 2004. — 99 с.

Arv.: Titova T. Rannikkolaisten runoja yksiin kansiin // Karjalan Sanomat. — 2004. — 15. syysk. — S. 7; Runokirja julkaistu Belomorskissa // Karjalan Sanomat. — 2004. — 15. jouluk. — S. 6.

Бирюков Ю. Е. Белыми скалами линия фронта легла [Ноты]: песни Карельского фронта / оформ. Н. В. Трухин. — Петрозаводск: Карелия, 2004. — 202 с.: ил.

Arv.: Umberg A. Voiton 60-vuotispäivälle omistettiin laulukirja // Karjalan Sanomat. — 2004. — 8. jouluk. — S. 10.

Были-небылицы=Kaskuja: [сказки-анекдоты / сост. и пер. А. С. Степанова]. — Петрозаводск: Карелия, 2004. — 89, [6] с.: цв. ил. — Текст рус., карел.

Волков А. Слово о ливах=Liivin virret: стихи. — Петрозаводск: Б.и., 2004. — 23 с. — Текст парал. карел., рус., лив., эстон., фин., коми.

Arv.: Liivin virret julkaistu kuudella kielellä / AU // Karjalan Sanomat. — 2004. — 11. elok. — S. 3; Runoin pienten kansojen kohtalosta // Karjalan Sanomat. — 2004. — 1. jouluk. — S. 11; Volkov A. Lahju kongresale // Oma Mua. — 2004. — 19. elok.

Гордиенко А. А. Гибель дивизии: роман-хроника. — Петрозаводск: ПетроПресс, 2004. — 263 с.: ил.

Arv.: Gordijenkon kirja kertoo talvisodan traagisesta tapahtumista / AU // Karjalan Sanomat. — 2004. — 22. jouluk. — S. 10.

Гуцин Б. А. Не только о Кижях: картинки прошлого, повести, рассказы, пьесы, из воспоминаний / под ред. М. В. Тарасова; худож. Ю. Б. Гуцина и А. В. Крылов. — Петрозаводск: Периодика, 2004. — 348 с.: 1 л. портр.

Arv.: Umberg A. Gushtshinin kynästä uusi kirja // Karjalan Sanomat. — 2004. — 11. elok. — S. 11; Gushtshin esitteli kirjansa Petroskoissa // Karjalan Sanomat. — 2004. — 15. jouluk. — S. 10.

Зелинский Р. Избяные песни [Ноты]: цикл романсов на стихи Н. Клюева / вступ. ст. Е. И. Марковой; пер. на фин. яз. А. И. Мишина; [рис. Н. Клюева]. — Петрозаводск: [Изд-во КарНЦ РАН], 2004. — 54 с.

Arv.: Mišin A. "Mökkien laulut" // Carelia. — 2004. — N:o 6. — S. 62-63; Sintsova S. Roman Zelinskin musiikkimuotokuva // Carelia. — 2004. — N:o 11. — S. 50-55.

Источник: стихи, проза / ред. Е. А. Чупахина]. — [Петрозаводск: Копистар Оптима], 2004. — 68 с.

Arv.: Tuomi A. Borovoin runoilijat julkaisivat runokokoelman // Karjalan Sanomat. — 2004. — 24. maalisk. — S. 7.

- Крашенинников Н. Е. «И с родником сольюсь лесным...»: стихи. — Петрозаводск: Скандинавия, 2004. — 75 с.
Arv.: Proshutinski S. Urheilutoimittajan runosuoni sykkii: Tänä vuonna on ilmestynyt Nikolai Krashennikovin runokirja // Karjalan Sanomat. — 2004. — 20. lokak. — S. 12.
- Мешко Т. А. Колдун здесь (на основе реальной судьбы заонежского колдуна): роман / [худож. Д. Москин]. — Петрозаводск: Скандинавия, 2004. — 359 с.: ил.
Arv.: Meško T. Hyvä voittaa muuallakin kuin saduissa / Haast. I. Jakovleva // Carelia. — 2004. — N:o 12. — S. 136–138; Petroskolainen Meshko julkaisi esikoisromaaninsa / MN // Karjalan Sanomat. — 2004. — 17. marrask. — S. 11; Mishin A. Kaupungin ja kylän ristiriitaisuudet // Karjalan Sanomat. — 2004. — 1. jouluk. — S. 11.
- Салтуп Г. Барак и сто девятнадцатый: рассказы, повесть, роман, очерки, эссе; Выстрел милосердия: мужские повести для мальчиков. — Петрозаводск: б.и., 2004. — 384,[8], 144 с.: ил.
Arv.: Syrjäläinen J. Grigori Saltupin lastenkirja on tarkoitettu aikuisille // Karjalan Sanomat. — 2004. — 14. heinäk. — S. 12.
- Шорохов Е.А. Рябиновая родина [Звукозапись]: [песни на сл. карел. поэтов]. — Петрозаводск: Фабрика грез, 2004. — 1 электрон. опт. диск (CD-DA) (52 мин. 46 сек.): зв.
Arv.: Abramov N. Shorohovin kotipihlajat // Karjalan Sanomat. — 2004. — 29. jouluk. — S. 3; Šallun A. Ministru Jevgenii Šorohov rajattau Pihlajan muas // Oma Muu. — 2004. — 23. talvik.; Алексеев Р. Рябиновая родина Евгения Шорохова // Kodima. — 2004. — № 12 (tal'vk.).

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

На финском языке

- Alku-Kalevala: Katkelma // Karjalan Sanomat. — 2004. — 7. huhtik. — S. 11.
- Archovskaja J. Viimeinen päivä: (katkelma) // Karjalan Sanomat. — 2004. — 1. jouluk. — S. 11.
- Ervasti V. Uudella sillalla: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 5. toukok. — S. 11.
- Flink T. Kotijärven ihme; Metsäpolku: runoja // Karjalan Sanomat. — 2004. — 4. heinäk. — S. 11.
- Fjodorov M. Žurka; Valamon hirvet; Vaeltaja-sammakko; Tilhi; Jälkiä lumessa: kuvauksia // Carelia. — 2004. — N:o 3. — S. 147–151.
- Hidman J. Sen kun vaan: Katkelma novellista // Carelia. — 2004. — N:o 4. — S. 139–149.

Hiiri A. Ollakseni onnellinen: ”Eli maailmassa joskus tyttönen...”; ”Sota loppunut on, pitkä, loppumaton...”; ”Soi äidin kielen sävel suloinen...”; ”Nyt kun joka päivä...”; Laulu Petroskoista: runoja // Carelia. — 2004. — N:o 7. — S. 41–42.

- ”Rakkaan naisen silmät eivät vanhene...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 3. maalisk. — S. 1.
- ”Sota loppunut on, pitkä, loppumaton...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 11. elok. — S. 12.
- Kukon vuosi: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 29. jouluk. — S. 1.

Ivatshov F. Seni: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 30. kesäk. — S. 11.

Jakobson E. Uutta rock-lyriikkaa: Tango; Nautintoon; Flanööri; Boheemi; Helsinki III; T-piina: runoja // Carelia. — 2004. — N:o 5. — S. 78–80.

- Nautintoon: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 16. kesäk. — S. 12.

Kalevala: katkelmia // Carelia. — 2004. — N:o 2. — S. 97–104.

Kolpakova S. ”Ikävöin, ikävöin teitä...”: runo // Carelia. — 2004. — N:o 4. — S. 123; Karjalan Sanomat. — 2004. — 26. toukok. — S. 12; Vienan Karjala. — 2004. — 24. kesäk.

Korvela K. Uinuvat vaarat: Juuret; ”Jos mielesi on murheellinen...”; Sytytä valo; Talvinen päivä: runoja // Carelia. — 2004. — N:o 3. — S. 6–9.

- ”Ylä-Kuitti järvistä kaunein...”; ”Takatuuppari hyrrää...”; Kiviaidat: runoja // Carelia. — 2004. — N:o 4. — S. 137–138.
- ”Rakkaus...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 10. maalisk. — S. 11.
- ”Ylä-Kuitti järvistä kaunein...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 26. toukok. — S. 12; Vienan Karjala. — 2004. — 8. heinäk.

Laine N. Kaunottarelle: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 10. maalisk. — S. 11.

- Elokuun yö: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 4. elok. — S. 11.

Leontjev P. Uhtuan tasavalta: kuvaus // Carelia. — 2004. — N:o 4. — S. 65–71.

Lesonen P. Asemarunoja Mirja Sundille: ”Vadelmanpunainen elokuu, niin lyhyt...”; ”Rakastan naista...”; ”Vieras maa...”; ”Sokea...”; ”Hiljaisuus...”; ”Poskesi pilveä vasten...”; ”Juna luistaen lähestyy...”; ”Nainen hoipertelee...”; ”Hiljaisuus turruttaa tulta...”; ”Raota hampaasi...” // Carelia. — 2004. — N:o 3. — S. 135–138.

- ”Juna luistaen lähestyy...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 7. huhtik. — S. 13.

Masajev M. Onpahan eletty: Päiväkirjamerkintöjä vuosilta 1991-1994. Kirjeitä ystäville ja tutuille // Carelia. — 2004. — N:o 9. — S. 11-54; N:o 10. — S. 47-90. — Jatkoa. Alku Careliassa 12/2003.

Mihejeva M. Mietteitä; Osapoika, onnipoika; Vene on laskettu vesille; Lastenlauluja; Lapin lapset; Tuutulaulu: runoja // Carelia. — 2004. — N:o 4. — S. 26–29.

Mishin A. Pihlajainen kotimaa: ”Sen suuren sodan vaikean...”; ”Vauhdikas on kierto, juoksu...”; ”Tunsin jonkun tarkkaavaisen katseen...”; ”Isoja pionikukkia pihalla...”; ”

- ”Pidän harakoista...”; Pusula; Rakkaus; Laulu Turusta; Taiston laulupuu: runoja // Carelia. — 2004. — N:o 2. — S. 32–36.
- ”Isoja pionikukkia pihalla...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 10. maalisk. — S. 15.
 - Hilman [Periläinen] muistolle: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 14. huhtik. — S. 3.
- Norin S. Kotiranta: (Katkelmä kertomuksesta) // Karjalan Sanomat. — 2004. — 30. kesäk. — S. 11.
- Närjä E. Pieni perhonen: laulu / säv. E. Kontio // Carelia. — 2004. — N:o 1. — S. 159.
- ”Lennä, liidä luokseni...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 11. helmik. — S. 15.
- Paraske L. Peäskylintu, päivälintu; Muill on kiitän muita maita; Voi meiän hyviä maita: runoja // Karjalan Sanomat. — 2004. — 7. huhtik. — S. 11.
- Perttu A. Lesonen ja naisenliha: romaani // Carelia. — 2004. — N:o 1. — S. 11-26.
- Kemiin ja takaisin: Katkelma kertomuksesta // Carelia. — 2004. — N:o 4. — S. 9–22.
- Perttu P. Kesäaamu: runo // Carelia. — 2004. — N:o 4. — S. 72–74.
- Pettinen L. Onko laiskuus hyvä lahja?: kertomus // Carelia. — 2004. — N:o 3. — S. 155–159.
- Ripatti A.-K. Ihmisen onnesta: Dmitri Gusaroville: runoja // Carelia. — 2004. — N:o 10. — S. 29–30.
- Rugojev J. On Karjalamme ihmeellinen maa; Et usko; ”Sanon sulle, nuori ystäväni...”; Kivenä koskessa: runoja // Carelia. — 2004. — N:o 4. — S. 6–8.
- Silmät armaat sinisenharmaat: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 10. maalisk. — S. 11.
 - Et usko: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 26. toukok. — S. 12.
- Saarinen I. Vainiolla: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 4. heinäk. — S. 11.
- Svaikina Ž. Äiti: kertomus // Carelia. — 2004. — N:o 3. — S. 122–131.
- Summanen T. Elokuu: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 4. elok. — S. 11.
- Vikström U. Rintamalla ja selustassa: sota-ajan kirjeitä / toim. V. Mašin // Carelia. — 2004. — N:o 1. — S. 27–48.
- Leningradiin; Kuolon viestejä...: [Muistelmia] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 21. tammik. — S. 12.
 - Leningradin uhrit: katkelma // Karjalan Sanomat. — 2004. — 25. helmik. — S. 15.
- Virtanen J. Aunus; Sirkka: runoja // Karjalan Sanomat. — 2004. — 18. helmik. — S. 11.
- Aamulaulu: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 4. elok. — S. 11.

На карельском языке

Aleksejeva K. Heččul-küläine: runo // Oma Mua. — 2004. — 25. kevätk.

- Tuli sügüzü: runo // Oma Mua. — 2004. — 16. süvüsk.
- Anuksen arvaitukset // Oma Mua. — 2004. — 20. orask.; 8, 15, 22, 29. heinük.; 19. elok.; 2, 9. süvüsk.
- Brendojev V. Velleskalmal: runo // Oma Mua. — 2004. — 6. orask.
- Dubinina Z. Loitton, loitton; Unohtettu časounu; ”Minä mustan, minuu ei pie mustua...”: runo // Oma Mua. — 2004. — 8. sulak.
- Velleskalmal; Ainavo musto: runo // Oma Mua. — 2004. — 6. orask.
- Vihmu; Tuulou; Oma kodi: runo // Oma Mua. — 2004. — 22. heinük.
- “Oi, Jumal, kui jügei on tirpua...”: runo // Oma Mua. — 2004. — 12. elok.
- Pedrunpäivü Kotkatjärves; ”Käveltüü külläl da väzühüü...”; Sügüzüü vuottajes: runo // Oma Mua. — 2004. — 26. elok.
- Vahnan Anuksen piäl: runo // Oma Mua. — 2004. — 23. süvüsk.
- Gostis kezällüö: Mečän suarnu // Oma Mua. — 2004. — 7. ligak.
- Musto: runo // Oma Mua. — 2004. — 21. ligak.
- Feklistov N. Tirpa külläl: runo // Oma Mua. — 2004. — 4. kevätäk.
- Gavrilova J. Hiidolasta kozičendu: runo / kirj. V. Jevsejev // Oma Mua. — 2004. — 26. tuhuk.
- Haikonen O. Mandžoimarjazet: kedomus // Oma Mua. — 2004. — 22. heinük.
- Hierulaine I. “Kodoilu-Nurmoilu...”; Roindurandu; “Minuu sa et tahto...”: runo // Oma Mua. — 2004. — 1. heinük.
- Huoti V. Monie vuosie! (Santralla [Remsujeva] 90-vuotispäivänä): runo // Vienan Karjala. — 2004. — 27. orask.
- Isajeva G. Jermoin Peša-died’oin liruine: runo // Oma Mua. — 2004. — 21. ligak.
- Jeremejev A. Elaigu gu kinos: kedomus // Carelia. — 2004. — N:o 7. — S. 138-141.
- Karhu I. Tuaton koivu; Tuaton silmälasit: kertomuksie // Vienan Karjala. — 2004. — 14. sajek.
- Karhu S. Armoittoman lapsen uni; Keldaine kuu; Regipajo: runo // Oma Mua. — 2004. — 3. kezäk.
- Karjalan sanalaskut / ker. A. Demojeva // Oma Mua. — 2004. — 23. talvik.
- Karjalan sananlaskut / kirj. Š. Tečin // Oma Mua. — 2004. — 15, 29. pakkask.; 12. tuhuk.; 4, 11, 25. kevätäk.; 8, 22. sulak.
- Kazvatti muamoi minuu: pajo // Oma Mua. — 2004. — 28. ligak.
- Kempažen R. Oppittavakse ei pie äijjä; Viizahaine mečstäi: kedomuksii // Oma Mua. — 2004. — 25. külmük.
- Korn’akova J. ”Minä mustan rannas kohtan...”: runo // Oma Mua. — 2004. — 8. heinük.
- Kudžijeva R. Tule, kuldoi, bes’odal: ozutelmu // Oma Mua. — 2004. — 28. ligak.
- Kuldaizen kel istuimmo: pajo // Oma Mua. — 2004. — 11. külmük.
- Läksimä myö kerran kalalla...: (Mukavie kalassusjuttuja) / valm. O. Melentjeva // Vienan Karjala. — 2004. — 25. kevätäk.
- Mišina O. Terveh, Uuzi Vuozu: runo // Oma Mua. — 2004. — 8. pakkask.

- Huavot plenas: Vladimir Dal'an mustokse: kerdomus // Oma Mua. — 2004. — 4. kevätk.
 - Sanat – siivettömät čuvvot; Taivahan vemmel: runoloi // Oma Mua. — 2004. — 27. orask.
 - Sildu: kerdomus // Oma Mua. — 2004. — 11. külmük.
 - Lehtien lennändü; Suabru niitul; Norvegien matku jatkuu: runuo // Oma Mua. — 2004. — 23. talvik.
- Pahomov M. Paraz sana: Voinan roža; Viižaz sügüz; ”Ezmaine lumi...”; ”Muam...”; Koirankiel?: runuo // Oma Mua. — 2004. — 2. talvik.
- Perttu P. Mintäh mie olen Vesiperä?: (lyhennetty) // Vienan Karjala. — 2004. — 25. kevätk.
- Kilpahiihtuo (lyhennetty): kertomus // Vienan Karjala. — 2004. — 22. sulak.
 - Maksalillit: kertomus // Vienan Karjala. — 2004. — 22. heinäk.
 - Kotiperukan meččäkylie: kertomus // Vienan Karjala. — 2004. — 11. pimiek.
 - Meččäpirtillä: kertomus // Vienan Karjala. — 2004. — 9. talvik.
- Rahvahan viisahutta // Vienan Karjala. — 2004. — 23. syysk., 28. sajek., 25. pimiek., 9. talvik.
- Ruskei neičüt: pajo // Oma Mua. — 2004. — 7. ligak.
- Semjonov P. Kezoiniekat; Kagran kylvö; Humalniekat; Talkun; Mečästäjät: kerdomuksii // Carelia. — 2004. — N:o 6. — S. 118-121.
- Puhtasjärven Maša: pienoisromuanu // Oma Mua. — 2004. — 8, 15, 22. pakkask.; 26. tuhuk.; 11, 25. kevätk.; 1, 15, 29. sulak.; 13, 27. orask.; 10, 24. kezäk.; 15, 29. heinük.; 12. elok. Jatkuu. Algu vuonna 2003 n:ssa 51.
 - Kuujärven Ignoi: Zuakkun // Oma Mua. — 2004. — 14. ligak.
 - Lačču kivi: Zuakkun // Oma Mua. — 2004. — 4. külmük.
 - Nälgü: Zuakkun // Oma Mua. — 2004. — 23. talvik.
- Tuisku M. Hauki: kertomus // Vienan Karjala. — 2004. — 9. syysk.
- Tuuvitustauluja / Tallennettu A. Lehtoselta // Vienan Karjala. — 2004. — 26. tuiskuk.
- Veikki V. Hengi; Vihmu; Pakkaine: runuo // Oma Mua. — 2004. — 29. pakkask.
- Suadu lapsi; Kažin huoli; ”Piädü alah älä heitä...”: runuo // Oma Mua. — 2004. — 11. kevätk.
 - ”Oigei lehti Oma Mua...”: runo // Oma Mua. — 2004. — 1. sulak.
 - ”Ma tahton löüdiä joga allun alua...”; ”Mille sininke valgei...”: runuo // Oma Mua. — 2004. — 29. sulak.
 - Deputuattu; ”Viittükümnen täütän vuotta...”; ”Ristikanzu oigei...”: runuo // Oma Mua. — 2004. — 10. kezäk.
- Volkov A. Allot; Hölmöi: runuo // Oma Mua. — 2004. — 8. pakkask.
- Kuulen kirikön kelluo; ”En musta, mindäh egläi itkin...”; Joga päivü on hüvä: runuo // Oma Mua. — 2004. — 15. sulak.

- Sanan piät: Aforizmat // Oma Mua. — 2004. — 29. sulak.
- Kevätildu D'essoilas: runo // Oma Mua. — 2004. — 24. kezäk.
- Karjalan veneh: runo // Oma Mua. — 2004. — 15. heinük.

Voronova A. ”Kukat – suvaičuksen merki...”; ”Taivahan muailman lapsi...”; ”Ulgomuan neidine seinäl...”: runuo // Oma Mua. — 2004. — 20. orask.

- Elos-jogi: runo // Oma Mua. — 2004. — 8. heinük.
- Vakustus: runo // Oma Mua. — 2004. — 9. süvüsk.

На вепском языке

Abramova M. Keväz' runod // Kodima. — 2004. — № 4 (sulak.).

Andrejeva A. Kodirandaine: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 7. tammik. — S. 11.

Bashnin M. Unen meled: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 7. tammik. — S. 11.

Zaiceva N. Elonpurde minun pal'az...: runo // Kodima. — 2004. — № 4 (sulak.).

На русском языке

Абрамов Н. Лирическая: стихи // Kodima. — 2004. — № 12 (tal'vk.).

Бердышева Е. Мой город милый: стихи // Kipinä. — 2004. — N:o 5/6. — S. 16.

Боков В. «Я весь наполнен русской речью...»: стихи // Kodima. — 2004. — № 10 (reduk.).

Высоцкий В. «Когда я отпою и отыграю...»: стихи // Kodima. — 2004. — № 4 (sulak.).

Мошников О. «Лечь под утро, ожидая снег...»: стихи // Kodima. — 2004. — № 12 (tal'vk.).

Рывкинд Т. Белый вальс: стихи // Kipinä. — 2004. — N:o 5/6. — S. 17.

ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА

На русский язык

Кианто И. Илмари Кианто в Северной Карелии: отрывки / отред. и пер. П. Леонтьев. — Суомуссалми: Коммуна Суомуссалми, 2004. — 61 с.: ил.

Arv.: Kiannon Viena-tekstejä julkaistiin venäjäksi // Karjalan Sanomat. — 2004. — 17. marrask. — S. 11.

Лённрот Э. Кантеле Вяйнямейнена (Перво-Калевала) = Runokokous Väinämöisestä (Alku-Kalevala): эпическая поэма на основе карельских и финских народных песен / [пер.: Э. Киуру, А. Мишина]. — Петрозаводск: Verso, 2004. — 172, [3] с. — Текст парал. рус., фин.

Arv.: Kolomainen R. Alku-Kalevala: ihmisyuden elämänlähteillä // Carelia. — 2004. — N:o 11. — S. 124-130; Nesvitski M. Kiuru ja Mishin haluavat venäjääntää kaikki Kalevalat: Alku-Kalevala ilmestyi ensi kerran venäjäksi ja pitkästä aikaa myös suomeksi // Karjalan Sanomat. — 2004. — 11. elok. — S. 1, 10.

На финский язык

Ahmatova A. Requiem-sikermästä; Tuomio: runoja / suom. T. Summanen // Karjalan Sanomat. — 2004. — 1. syysk. — S. 11.

Bokov V. ”Soittaa suuta tapa on...”; Alevtinalle; Elämä; ”Kurkien aura suruansa kantaa...”: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2004. — N:o 10. — S. 6–7.

Derzhavin G. Katerina Jakovlevnalle joka nukkui kuolonuneen 15. heinäkuuta 1794; Pleniran kutsuminen ja hänen ilmestymisensä; Mehiläinen; Lemmenkukkanen; Talven toivotus; ”Aikojen riento – virran aallot...”: runoja / suom. A. Mišin // Carelia. — 2004. — N:o 11. — S. 134–138.

- Lemmenkukkanen: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 22. jouluk. — S. 12.

Firsov V. Miten sarkaviitta nai turkin; Savua uunista; Kuinka Teppo rattaat osti; Montako jalkaa on hevosella; Kaalikeittoa lusikatta; Miten ukko myi peukkuhaistattelujaan; Satuja / suom. J. Hidman // Carelia. — 2004. — N:o 1. — S. 110–122.

- Kuinka Teppo rattaat osti: satu / suom. J. Hidman // Karjalan Sanomat. — 2004. — 9. kesäk. — S. 11.

Gaševa V. ”Teihin vain, oi metsät Karjalan...”: runo / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2004. — N:o 1. — S. 76.

German P. Kerran vain: runo / suom. A. Mišin // Carelia. — 2004. — N:o 3. — S. 119.

Gudkov V. Valinta: (katkelma) / suom. N. Laine // Karjalan Sanomat. — 2004. — 6. lokak. — S. 11.

Gusarov D. Mietteitä epilogin sijasta / suom. U.-L. Heino // Karjalan Sanomat. — 2004. — 3. marrask. — S. 11.

Ivanov A. Paluu sodasta: runo / suom. T. Summanen // Karjalan Sanomat. — 2004. — 5. toukok. — S. 11.

Jesin S. Jättiläisen kuolema: Romaani V.I. Leninin elämästä: Katkelma / suom. T. Ahava // Carelia. — 2004. — N:o 1. — S. 57–74.

Kikinov G. Leskivaimo: runo / suom. N. Laine // Karjalan Sanomat. — 2004. — 5. toukok. — S. 11.

Kirjušina L. “Minut pelastaa enkeli salainen...”; Uikujoki keväällä; “Kun kylmä aalto iskee rantaan...”; ”Musikki herää...”; ”Mun tähti-puoltajani, minut pelasta...”; ”Taas talvi emäntänä hyörii...”; ”Vaietaan minusta...”; ”Surussa laulan, laulan ilossa...”; ”Oi, millainen olit! Saan joskus kuulla...”; ”Sähkölangat roikkuvat...”: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2004. — N:o 12. — S. 6–10.

Kljujev N. Punainen mäki; ”Kuusen alla jäkälä...”; ”Sydänyöllä pirtissä...”; ”Kuusi, sisar tumma...”: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2004. — N:o 6. — S. 62–65.

- ”Sydänyöllä pirtissä...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 14. heinäk. — S. 14.
- Kol L. Ruskea kilpikonna; Neljäkymmentäkahdeksan tuntia paluuta kotiin; Huithapeli: kertomuksia / suom. L. Kolomainen // Carelia. — 2004. — N:o 2. — S. 77–93.
- Kostin I. Järvi: runo / suom. M.-L. Mikkola // Carelia. — 2004. — N:o 1. — S. 49.
- Kotjuh I. Identifiointiyritys; ”Mielikuvitus piirtää – käsi ei pysty...”; ”Muodissa ovat leveälahkeiset housut, trikoot, paidat...”; Milloin tulee huominen?: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2004. — N:o 5. — S. 60–62.
- Kostjunin A. Omenilla täytetty sorsapaisti: Kronikkanovelli // Carelia. — 2004. — N:o 3. — S. 53–68.
- Leontjev P. Kenelle koski laulaa; Metsäpirttejä: kertomuksia / suom. T. Väisänen // Carelia. — 2004. — N:o 8. — S. 132–137.
- Poronpolun alku: kertomus / suom. T. Väisänen // Carelia. — 2004. — N:o 10. — S. 42–46.
 - Karjalan metsien satua: kuvaus / suom. T. Väisänen // Carelia. — 2004. — N:o 11. — S. 56–59.
- Lermontov M. Löysin pelastuksen koko kansalle: Laulu; Katkelma: runoja / suom. P. Voutilainen // Carelia. — 2004. — N:o 8. — S. 48–49.
- Laulu: runo / suom. P. Voutilainen // Karjalan Sanomat. — 2004. — 8. syysk. — S. 11.
- Listov N. Valsi: laulu / suom. A. Mišin // Carelia. — 2004. — N:o 3. — S. 120.
- Lokki N. Välähdyksiä elämästämme vuonna 2003: [Muistiinpanot päiväkirjasta] / suom. J. Hidman // Carelia. — 2004. — N:o 7. — S. 9–29.
- Lvova I. Judith Morris: kertomus / suom. I. Hännikäinen // Carelia. — 2004. — N:o 9. — S. 66–69.
- Matka: kertomus / suom. I. Hännikäinen // Carelia. — 2004. — N:o 10. — S. 8–23.
- Mandelstam O. ”Rajun tulevan uljuuden puolesta nyt...”: runo / suom. T. Flink // Karjalan Sanomat. — 2004. — 1. syysk. — S. 11.
- Meshko T. Noita se on: Kaksiosainen romaani / suom. K. Lehmus // Carelia. — 2004. — N:o 12. — S. 11–90. Jatkuu.
- Noita täällä: (katkelma) / suom. K. Lehmus // Karjalan Sanomat. — 2004. — 1. jouluk. — S. 11.
- Mishin A. Rajalla; Rakkaus on kaikkialla rakkautta: kertomuksia / suom. J. Vaskina // Karjalan Sanomat. — 2004. — 9. kesäk. — S. 11.
- Mustonen R. Onnee; Kirvellys: kertomuksia / suom. K. Lehmus // Carelia. — 2004. — N:o 5. — S. 63–77.
- Vuosi’93 eli konekirjoittaja Rita T:n päiväkirja: katkelma / suom. J. Hidman // Karjalan Sanomat. — 2004. — 9. kesäk. — S. 11.

- Nekrasov N. Miksi katsot niin hartaasti kauas...; Minä mennyttä enää en sääli: runoja / suom. A. Mišin // Carelia. — 2004. — N:o 3. — S. 121.
- Nikolajeva J. "Syyttäkö miehet ennen aikaa...": runo / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2004. — N:o 10. — S. 31; Karjalan Sanomat. — 2004. — 10. marrask. — S. 11.
- "Valoa maaliskuu on täynnä...": runo / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2004. — 10. maalisk. — S. 11.
- Novikov D. Kuipoga; Kärpänen meripihkassa; Sectio: kertomuksia / suom. K. Lehmus // Carelia. — 2004. — N:o 6. — S. 12–49.
- Obuhov A. Veräjä: laulu / suom. A. Mišin // Carelia. — 2004. — N:o 3. — S. 120.
- Orlov S. "Maapalloon poika haudataan...": runo / suom. T. Summanen // Karjalan Sanomat. — 2004. — 1. syysk. — S. 11.
- Pjetsuh V. Jumala kaupungissa: pienoisromaani / suom. T. Väisänen // Carelia. — 2004. — N:o 3. — S. 10–32.
- Reznikov L. 1941: runo / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2004. — 5. toukok. — S. 11.
- Semjonov P. Samovaari: kertomus / suom. O. Mishina, A. Mishin // Karjalan Sanomat. — 2004. — 7. heinäk. — S. 12.
- Sergin V. Muistelmia sotavuosilta: runo / suom. P. Pöllä; Kelohonka: runo / suom. T. Flink // Karjalan Sanomat. — 2004. — 6. lokak. — S. 11.
- Slapovski A. Rakkautta meikäläisittäin: Kerrostalon tarinoita / suom. K. Lehmus // Carelia. — 2004. — N:o 11. — S. 10–49.
- Smeljakov J. "Niin mieli tuntuu haikealta...": runo / suom. T. Summanen // Karjalan Sanomat. — 2004. — 1. syysk. — S. 11.
- Soini J. "Täytyy lähteä, mutta...": runo / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2004. — 10. maalisk. — S. 11.
- Sudakov V. Maanmies: runo / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2004. — 9. kesäk. — S. 11.
- Sysoikov M. "Kirpeä viini se parhain on...": runo / suom. T. Summanen // Karjalan Sanomat. — 2004. — 10. maalisk. — S. 11.
- Šiškin M. Kirkas yö...: runo / suom. A. Mišin // Carelia. — 2004. — N:o 3. — S. 118.
- Tjuttšev F. Ei liha, henki turmeltunut on...: "On sysisynkkä öinen taivas..."; K.B.: runoja / suom. V. Levänen; "On soinnukkuutta meren aallokossa..."; "Ei järki tunne Venäjää..."; "Pois otti rankaiseva Jumala..."; "Ei päivää, ettei menneisyyttä..."; "Ei liha, henki turmeltunut on..."; "Elosta tuosta, joka riehui täällä..."; "Luonto on sfinksi. Sitä varmemmin..."; "Me tavattiin – ja vuodet menneet...": runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2004. — N:o 1. — S. 97–101.
- Tshepasov J. Rinta rinnan: (Katkelma runoelmasta) / suom. T. Summanen // Karjalan Sanomat. — 2004. — 30. kesäk. — S. 11.
- Tsvetajeva M. Synnyinmaa: runo / suom. T. Summanen // Karjalan Sanomat. — 2004. — 1. syysk. — S. 11.

- Tuomi A. Karvas leipä: kertomus / suom. I. Hännikäinen // Carelia. — 2004. — N:o 4. — S. 124–129.
- Turgenev I. Aamu sumuinen: laulu / säv. A. Abaza, suom. A. Mišin // Carelia. — 2004. — N:o 3. — S. 119.
- Vasiljeva N. Enkelini, tule kanssani!: kertomus / suom. S. Moltsa // Carelia. — 2004. — N:o 2. — S. 8–18.
- Huoli en ruplista, kolikoista: kertomus / suom. T. Väisänen // Carelia. — 2004. — N:o 8. — S. 109–118.
- Volkov A. Liivin virret: [Katkelma runosta] / suom. J.-L. Tast // Karjalan Sanomat. — 2004. — 1. jouluk. — S. 11.
- Zabolotski N. Sade: runo / suom. T. Summanen // Karjalan Sanomat. — 2004. — 1. syysk. — S. 11.
- Žemoitelite J. Uhtuan sudenmorsian: novelli / suom. T. Väisänen // Carelia. — 2004. — N:o 5. — S. 8–48.

На карельский язык

- Firsov V. Starikku da surmu: Suarnu / kiänd. V. Veikki // Oma Mua. — 2004. — 21. ligak.
- F'odorov N. ”Üön vezi on gu pimei üö...”: runo / kiänd. V. Veikki // Oma Mua. — 2004. — 4. külmük.
- Grin A. Ihmini ihmisen kera (lyhennettynä) / kiänt. I. Joki // Vienan Karjala. — 2004. — 26. elok.
- Havvin käskendiä: suarnu / kiänd. V. Veikki // Oma Mua. — 2004. — 25. külmük.; 2. talvik.
- Kl'ujev N. ”Vahnannu šuntilois harmistat...”: runo / kiänd. A. Volkov // Oma Mua. — 2004. — 7. ligak.
- Krilov I. Kägöi da Kukoi: runosuarnu / kiänd. K. Aleksejeva // Oma Mua. — 2004. — 22. pakkask.
- Reboi da viinumarjat; Slona mečän vojevodu: runosuarnoi / kiänd. K. Aleksejeva // Oma Mua. — 2004. — 13. orask.
 - Lehtet da juuret: runosuarnu / kiänd. K. Aleksejeva // Oma Mua. — 2004. — 19. elok.
 - Kaloin piäšindü: runosuarnu / kiänd. K. Aleksejeva // Oma Mua. — 2004. — 2. süvüsk.
- Mišin A. Ezmäine rakkahus; Lövvä akku täs; Häi otti minus kuvan: kerdomuksii / kiänd. O. On'oin // Oma Mua. — 2004. — 22. sulak.
- Nekruuttu: Ven'an rahvahan pajo / kiänd. V. Veikki // Oma Mua. — 2004. — 16. talvik.
- Puškin A. Tuhu: novelli / kiänd. A. Volkov, L. Markianova // Carelia. — 2004. — N:o 5. — S. 150–159.
- Rakkahus: runo / kiänd. A. Gubareva // Oma Mua. — 2004. — 12. tuhuk.

- Riidu: Tuvan suarnu / kiänd. J. Jemujev // Oma Mua. — 2004. — 9. süvüsk.
- Šestolov J. Vahnu nägemine; Torum: runuo / kiänd. A. Volkov // Oma Mua. — 2004. — 9. talvik.
- Zoščenko M. Himoilii: kerdomus / kiänd. P. Sem'onov // Oma Mua. — 2004. — 3. kezäk.
- Jälgimäine priičču: kerdomus / kiänd. P. Sem'onov // Oma Mua. — 2004. — 2. süvüsk.
 - Ounas este: kerdomus / kiänd. P. Sem'onov // Oma Mua. — 2004. — 23. süvüsk.
 - Sulhaine: kerdomus / kiänd. P. Sem'onov // Oma Mua. — 2004. — 18. kül'mük.
 - Kylyreissu: kertomus // Vienan Karjala. — 2004. — 13. orask.
- Vella (Aivaseda) J. Valgiet iänet: runo / kiänd. A. Volkov // Oma Mua. — 2004. — 18. kül'mük.

На вепсский язык

- Kalevala: katkelmia / veps. N. Zaitseva // Carelia. — 2004. — N:o 2. — S. 97-104.
- Kl'ujev N. Runoilii: runo / känd. N. Abramov // Kodima. — 2004. — № 9 (sügüz'k.).
- Lardot R. Kargaidajad lindud: Hronika-kirjutez / känd. N. Abramov // Kodima. — 2004. — № 3 (kevüz'k.); № 7 (heink.); № 11 (kül'mk.).
- Mišin A. Elon starinad / känd. N. Zaiceva // Kodima. — 2004. — № 5 (semendk.).
- Petuhov A. Naku mitte arb: (Vanhan mecnikan starin. Lühenduz) / känd. N. Zaiceva // Kodima. — 2004. — № 10 (reduk.).
- Verlen P. "Südain minun voikab...": runo / känd. N. Abramov // Kodima. — 2004. — № 9 (sügüz'k.).
- Zoščenko M. Svadib: kirjutez / känd. N. Abramov // Kodima. — 2004. — № 4 (sulak.).

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

На финском языке

- Antropova N. Äiti: kertomus // Kipinä. — 2004. — N:o 12. — S. 4–5.
- Hiiri A. Metsään houkuttelee latu; Tilhet viheltää; "Helmikuussa helmet puussa...": runoja // Kipinä. — 2004. — N:o 2. — S. 18–19.
- "Äiti rakas, äiti kulta...": runo // Kipinä. — 2004. — N:o 3. — S. 2.
 - Ylistystä syksylle: laulu / säv. V. Huotarinen // Kipinä. — 2004. — N:o 9. — S. 3.
- Mihejeva M. Ukko kotimiehenä: satu // Kipinä. — 2004. — N:o 4. — S. 3.
- Sidorova A. Pikku Lasse-lehti: kertomus // Kipinä. — 2004. — N:o 9. — S. 4–5.
- Summanen T. Syksyllä: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 10. marrask. — S. 14.
- Stafejeva J. Mummolassa: kertomus // Kipinä. — 2004. — N:o 3. — S. 6–7.
- Viksrtöm T. Syksyiset päivät: runo // Karjalan Sanomat. — 2004. — 10. marrask. — S. 14.

На карельском языке

- Aleksejeva K. Lapsien ilot: runo // Oma Mua. — 2004. — 15. pakkask.
- Lumoil: runo // Oma Mua. — 2004. — 26. tuhuk.
 - Kaži: runo // Oma Mua. — 2004. — 29. heinük.
- Antonova N. Minun Jašši: laulu / Muuz. I. Semakova // Kipinä. — 2004. — N:o 7/8. — S. 6.
- Lahjat; Kuuzahaine: runuo // Oma Mua. — 2004. — № 53 (30. külmük. т. е. 30. talvik.).
- Antsigina Z. Kapina kasvimualla: kertomus // Vienan Karjala. — 2004. — 9. syysk.; 14. sajek.
- Baranova T. Jiäpuikot; Luhtu; Tiähtet: runuo // Oma Mua. — 2004. — 22. sulak.
- Pihl'ai: kerdomus // Oma Mua. — 2004. — 10. kezäk.
 - Oravaine: runo // Oma Mua. — 2004. — 5. elok.
- Brendojev V. ”Minä jaksan jälgimäžen pajan...”: runo // Kipinä. — 2004. — N:o 10. — S. 3.
- Brendojeva M. Arvaitukset // Oma Mua. — 2004. — 5. tuhuk.
- Dubinina Z. Uuzi vuoz: runo // Kipinä. — 2004. — N:o 1. — S. 3.
- Terveh, kezä; Huolittai vihmu: runuo // Kipinä. — 2004. — N:o 7/8. — S. 3.
 - Suarnu Kotkatjärves // Kipinä. — 2004. — N:o 11. — S. 9-11; Oma Mua. — 2004. — 17. kezäk.
 - Kaksi tiähtie: kerdomus // Kipinä. — 2004. — N:o 12. — S. 8-9; Oma Mua. — 2004. — 1. heinük.
 - Vihmu: runo // Oma Mua. — 2004. — 14. ligak.
- Gubareva A. Elä omal mielel: ozutelmu // Oma Mua. — 2004. — 3. kezäk.
- Isajev H. Pienen Pakkasen seikkailuja: Talvistarina // Vienan Karjala. — 2004. — 23. talvik.
- Joki I. Mitä järvessä on?: kertomus // Kipinä. — 2004. — N:o 4. — S. 17.
- Jänöi kodine: ozutelmu-suarna / valm. A. Gubareva // Oma Mua. — 2004. — 26. elok.
- Kraskova A. Tuuvituslaulu // Vienan Karjala. — 2004. — 12. tuiskuk.
- Kudžijeva R. Tulгаа meile päivüččih: ozutelmoi // Oma Mua. — 2004. — 30. süvüsk.
- Kurki ta repo kuomaket: [Starina] // Kipinä. — 2004. — N:o 10. — S. 8-9.
- Mišina O. Uuzi Vuoz: lähenöü: runo // Oma Mua. — 2004. — № 53 (30. külmük. т. е. 30. talvik.).
- Mužikku kadoi; Hebuo val’pastamas; Voi aitas: kaskuja // Oma Mua. — 2004. — 8. heinük.
- Ovčinnikov A. Uvven Vuvven kel, Miška!: kerdomus // Oma Mua. — 2004. — 9, 16, 23, 30. talvik.
- Peittoisillah: runo // Vienan Karjala. — 2004. — 22. heinäk.
- Remsujeva M. Tipani ta Päiväni: (Starina) // Kipinä. — 2004. — N:o 7/8. — S. 12-13.

- Runoja lapsilla // Vienan Karjala. — 2004. — 12. elok.
- Stafejeva J. Ämmön luona: kertomus // Vienan Karjala. — 2004. — 22. pakkaisk.
- Štšerbakova T. Muamankieli; Piäsköilindu: runuo // Kipinä. — 2004. — N:o 2. — S. 3.
- Timonen Ar. Mimmoni on muajilma: Starina Muru-kissasta / toim. R. Remšujeva // Kipinä. — 2004. — N:o 5/6. — S. 12–13, 20.
- Tuttujeva L. Uuzi vuozii; Terveh, talvil; Talvi mečäs; ”Lumi valgei, rouno vuattu...”; Lumiukko: runoloi // Oma Mua. — 2004. — 15. pakkask.
- Tuhu: runo // Oma Mua. — 2004. — 26. tuhuk.
- Usova A. Dovarišat: kertomus // Kipinä. — 2004. — N:o 2. — S. 14–15.
- Veikki V. Ken kažile silmät da hännän andoi: (Näütelmä) // Kipinä. — 2004. — N:o 2. — S. 12–13; N:o 3. — S. 12–13, 16; N:o 4. — S. 10–11.
- Kui minä lettuu pastoin: kerdomus // Kipinä. — 2004. — N:o 9. — S. 10–11.

На вепском языке

- Abramov N. Saša, Šura i vezikoir: kirjutez // Kipinä. — 2004. — N:o 7/8. — S. 8–9; Kodima. — 2004. — № 8 (elok).
- Muru kažin polhe: Ezisana; Openduses; Kalas; Senes: runod // Kipinä. — 2004. — N:o 9. — S. 6–7.
- Jeršova O. Kodiživatoiden pagin; Cipuine; Lehmän maid; Marjaine; Närituz: runod // Kodima. — 2004. — № 1 (viluk).
- Ozoitesed // Kipinä. — 2004. — N:o 10. — S. 10–11.
- Zaiceva N. Sizar Lizoi; Külän taga: runod // Kipinä. — 2004. — N:o 1. — S. 18–19.
- Päskhaižen pajo; Kuva lehtikos; Pordhaižed: runod // Kipinä. — 2004. — N:o 5/6. — S. 14–15.
 - Runod Lizoin polhe: Lizoi voikab; Külän taga // Kodima. — 2004. — № 11 (kül'mk.).

ПЕРЕВОДЫ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На финский язык

- Abramov N. Aamumaito: runo / suom. P. Voutilainen // Kipinä. — 2004. — N:o 5/6. — S. 3.
- Antsygina Z. Kuuro sydän: kertomus / suom. A. Mašin // Kipinä. — 2004. — N:o 10. — S. 6.
- Gromova T. Dima ja Alle keskustelevat pöytätavoista: kertomus / suom. L. Kolomainen // Kipinä. — 2004. — N:o 1. — S. 8–9.
- Dima ja Alle museossa: kertomus / suom. L. Kolomainen // Kipinä. — 2004. — N:o 5/6. — S. 10–11.

- Krasavtseva N. Keväinen laulu: kertomus / suom. L. Kolomainen // Kipinä. — 2004. — N:o 4. — S. 14–15.
- Mamajeva I. Joulukuusen tarina: kertomus / suom. L. Kolomainen // Kipinä. — 2004. — N:o 1. — S. 6–7.
- Mihailova T. Sodan turmelema lapsuus: kertomus / suom. L. Kolomainen // Kipinä. — 2004. — N:o 5/6. — S. 6–7.
- Polivoda S. Tahratassu ja Häntäheikki: kertomus / suom. A. Mašin // Kipinä. — 2004. — N:o 2. — S. 8–9.
- Sande H. Pienen pieni norsunpoikanen: (Satu) / suom. A. Mašin // Kipinä. — 2004. — N:o 7/8. — S. 4–5.
- Silakova N. Sini ja Puna: kertomus / suom. A. Mašin // Kipinä. — 2004. — N:o 11. — S. 4–5.
- Sudakova J. A-pisteestä B-pisteeseen...: kertomus / suom. S. Moltsa // Kipinä. — 2004. — N:o 2. — S. 6–7.

На карельский язык

- Ahnas mečoi: Evenkien suarnu / kiänd. J. Jemujev // Oma Mua. — 2004. — 23. süvüsk.
- Bolšakova N. Leivänkannikat: kertomus / kiänt. Ar. Timonen // Vienan Karjala. — 2004. — 25. pimiek.
- Grimmin vellekset. Bremenin soittajat: starina // Vienan Karjala. — 2004. — 8, 22. sulak.
- Kielilippari hukka: (Afganilaini starina) // Kipinä. — 2004. — N:o 1. — S. 16–17.
- Leppüpul'čukku: Karjalaine suarnu / kiänd. K. Aleksejeva // Oma Mua. — 2004. — 29. pakkask.; 5, 12. tuhuk.
- Silakova N. Syysjänöni: kertomus / kiänt. R. Remsujeva // Kipinä. — 2004. — N:o 9. — S. 8-9; Vienan Karjala. — 2004. — 11. pimiek.
- Raskatti Tim: Starina / kiänt. O. Melentjeva // Vienan Karjala. — 2004. — 24. kesäk.
 - Sinini ta ruskie: kertomus / kiänt. O. Melentjeva // Vienan Karjala. — 2004. — 12. elok.
- Timonen Ar. Mittuine on maailmu: Suarnu Muru-kažinpoiijas // Oma Mua. — 2004. — 16. süvüsk.

На вепсский язык

- Mihe jänišal oma pit'käd korvad: (Mansi-rahvahan sarn) / känd. N. Abramov // Kodima. — 2004. — № 2 (uhok.). — S. 8.
- Osejeva V. Šurgmas: sarn / känd. N. Abramov // Kipinä. — 2004. — N:o 3. — S. 17; Kodima. — 2004. — № 1 (viluk.).

Pen' kuz' om mecas kazvanu; Penele kuzele: runod / känd. I. Igahine // Kipinä. — 2004. — N:o 12. — S. 12–13.

“Sampsä semendab sid' tarkas...”: katkelma vepsänkielisestä Kalevalasta / känd. N. Zaiceva // Karjalan Sanomat. — 2004. — 7. tammik. — S. 11.

ЛИТЕРАТУРА ФИНЛЯНДИИ В ПЕРЕВОДЕ

На карельский язык

Karppi P. Uuvven vuuvven toivomus: Rostuon starina / kiänt. N. Čikina // Kipinä. — 2004. — N:o 12. — S. 10–11.

Kuntijärvi L. Yhessä ylettih: Lyhennetty osija romaanista / kiänt. R. Remsujeva // Carelia. — 2004. — N:o 4. — S. 75–96.

Leino E. Morituri; Rauhatoi rindu; Suvi-illan vieno tuuli: runuo / kiänd. A. Volkov // Oma Mua. — 2004. — 18. kevätk.

- Marjatan pajo / kiänd. Z. Dubinina // Oma Mua. — 2004. — 25. külmük.

На вепсский язык

Lardot R. Kargaidajad lindud: Hronika-kirjutez / känd. N. Abramov // Kodima. — 2004. — № 1 (viluk.), № 6 (kezak.), № 9 (sügüz'k.).

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

На финском языке

Abramov N. Kieli saa merkitystä ja arvoa tunnetujen kirjailijoiden ansiosta: [Kirjailijakongressi] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 13. lokak. — S. 12.

- Pitää muistaa omat juuret: Kieli saa merkitystä ja arvoa tunnetujen kirjailijoiden ansiosta: [Kirjailijakongressi] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 20. lokak. — S. 12.
- Kirjailija Fazil Iskander vieraili Petroskoissa // Karjalan Sanomat. — 2004. — 8. jouluk. — S. 12.

Akakijeva T. Vera [Gaševa]: kuvaus // Carelia. — 2004. — N:o 1. — S.75–77.

”Aktiivinen kulttuurirakentaja”: [J. Virtanen] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 18. helmik. — S. 11.

Arehovskaja J. Kirjoittajakurssi pidettiin Kentjärvellä: Suomeksi, karjalaksi ja vepsäksi kirjoittavat nuoret kehittivät taitoaan // Karjalan Sanomat. — 2004. — 29. syysk. — S. 15.

Bogdanov J. L. Onervan tuotanto suomalaisten tutkijoiden tulkinnassa // Carelia. — 2004. — N:o 6. — S. 97-105; N:o 7. — S. 69–80.

- Denisova N. Velho Tolkien // Kipinä. — 2004. — N:o 3. — S. 14–15.
- Djužev J. Mestarin malja: Huomioita Viktor Pulkinin proosasta // Carelia. — 2004. — N:o 5. — S. 108–115.
- Firsov V. Itseoppinut karjalainen Miron Smirnov ja hänen kirjansa ”Karjalaisen ääni” // Carelia. — 2004. — N:o 6. — S. 69–72.
- Gusarovin proosaa uudelleen suosioon // Karjalan Sanomat. — 2004. — 3. marrask. — S. 11.
- Hiiri A. Eemeli Parras olisi täyttänyt 120 vuotta // Karjalan Sanomat. — 2004. — 3. maalisk. — S. 11.
- Hilko N. Leo Tolstoi ja musiikki // Karjalan Sanomat. — 2004. — 3. maalisk. — S. 10.
- Huotarinen V. Ilmari Kianto Armas Mishinin ja Pauli Leontjevin esitelmien aiheina // Karjalan Sanomat. — 2004. — 21. tammik. — S. 15.
- Ikonen E. Rintamalla ja selustassa: Sota-ajan kirjeitä [U. Vikströmille] / valm. V. Mašin // Carelia. — 2004. — N:o 2. — S. 60–71.
- Juntunen K. Karjalan kuuluisia kulttuurihenkilöitä. Jaakko Rugojev=Известные деятели культуры Карелии. Яакко Ругоев // Kipinä. — 2004. — N:o 1. — S. 15.
- Karhu T. Aunuksen läänin ensimmäinen kuvernööri: [G. Derzhavin] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 31. maalisk. — S. 12.
- Leo Sevets sai pronssa runonlaulajien kilpailuissa // Karjalan Sanomat. — 2004. — 29. syysk. — S. 15.
- Kemppainen R. Tästä synnyinranta alkaa: Karjalaisen runouden festivaali pidettiin Aunuksessa 6. syyskuuta // Karjalan Sanomat. — 2004. — 15. syysk. — S. 1.
- Keskustelu kirjallisuudesta: [M. Lermontov] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 27. lokak. — S. 6.
- Kirjailija Dmitri Gusarovia muistettiin / MN // Karjalan Sanomat. — 2004. — 13. lokak. — S. 10.
- Kirjailijakokous // Karjalan Sanomat. — 2004. — 24. marrask. — S. 5.
- Kirjallisuuskerhon aktivisti: [J. Tshepasov] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 30. kesäk. — S. 11.
- Kiuru E. Sota vei Siperiaan, rauha toi Karjalaan: [Muistelmia] / suom. K. Lehmus // Carelia. — 2004. — N:o 7. — S. 43–68; N:o 8. — S. 11–42.
- Kolomainen I. Agricolan päivää juhlittiin iloisin mielin // Karjalan Sanomat. — 2004. — 14. huhtik. — S. 8.
- Kolomainen R. Vakava haaste ihmisjärjelle: Raamatun ja saagojen psi-ilmiöt ja nykytiede // Carelia. — 2004. — N:o 7. — S. 30–36.
- Kenestä Jaakon [Rugojev] ja Ortjon [Stepanov] manttelin perijäksi? // Carelia. — 2004. — N:o 8. — S. 127–131.
 - Toivon kaksi toivetta ja elämäntyö: [T. Väisänen 70-vuotispäiväksi] // Carelia. — 2004. — N:o 10. — S. 131–137.
- Kostin I. Erään kirjallisen löydön tarina: Viktor Bokovin Siperian vankeus / I. Kostin, A. Mišin // Carelia. — 2004. — N:o 9. — S. 131–144.

- Runoilijaa [G. Kikinov] muisteltiin kotikylässä // Karjalan Sanomat. — 2004. — 16. kesäk. — S. 7.
- Kotjuh I. Omaa rantaa etsimässä: Välähdyksiä kansainvälisestä kääntäjäseminaarista // Carelia. — 2004. — N:o 3. — S. 104–109.
- Krasavtseva N. Gendertutkimukset ja kirjallisuus // Karjalan Sanomat. — 2004. — 5. toukok. — S. 12.
- Kirjailijan luova työ seminaarin aiheena // Karjalan Sanomat. — 2004. — 30. kesäk. — S. 9.
- Kljujevin tuotannosta kansainvälinen tutkijavoimin // Karjalan Sanomat. — 2004. — 29. syysk. — S. 10.
- Mies ja nainen kirjallisuudessa // Karjalan Sanomat. — 2004. — 20. lokak. — S. 9.
- Kirjailijat kansalaisyhteiskunnan rakentajina // Karjalan Sanomat. — 2004. — 29. jouluk. — S. 5.
- Kukonmäen kirjastolle runoilija Kljujevin kunnianimi // Karjalan Sanomat. — 2004. — 15. jouluk. — S. 10.
- Kuzkina O. Kirjoja Periodika-kustantamolta // Carelia. — 2004. — N:o 1. — S. 78–80.
- Leontjev P. Ilmari Kianto Jaakko Rugojevin synnyinseudulla // Karjalan Sanomat. — 2004. — 20. lokak. — S. 9.
- Linevskille paljastettiin muistolaata Petroskoissa // Karjalan Sanomat. — 2004. — 20. lokak. — S. 10.
- Loiter S. Vasili Firsovin sadut / S. Loiter, T. Redina // Carelia. — 2004. — N:o 1. — S. 105–109.
- Mashin V. Leningrad kesti ja voitti: [Uljas Vikström sodalla] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 21. tammik. — S. 12.
- Mishin A. Runoilija Suomussalmelta: [Risto Kormilainen] // Carelia. — 2004. — N:o 1. — S. 6.
- Meidän kaikkien ikkunoista näkyy vain kotimaa: [Muistelmia] // Carelia. — 2004. — N:o 6. — S. 50-61. — Jatkoa. Alku Careliassa 9/2003.
- Tule, tule Plenira: [G. Deržavin] // Carelia. — 2004. — N:o 11. — S. 134.
- Vepsänkielinen kirjallisuus kehitty nopeasti // Karjalan Sanomat. — 2004. — 7. tammik. — S. 11.
- Karjala esitettiin Paustovskin maailmassa [aikakauslehdessä] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 11. helmik. — S. 11.
- Uusia häkemyksiä kirjallisuudesta: Juri Djuzhev tutkii Pohjois-Venäjän painettua sanataidetta // Karjalan Sanomat. — 2004. — 18. helmik. — S. 11.
- Älä pelkää olla hellä: [Rakkauden aiheista lyysisessä runoudessa] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 10. maalisk. — S. 11.
- Rauhan Vappu! Sinua odotimme // Karjalan Sanomat. — 2004. — 5. toukok. — S. 11.

- Arvostelija ja puoluemies: [F. Ivatshov] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 30. kesäk. — S. 11.
 - Ildaizen vuottajes: [P. Semjonov] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 7. heinäk. — S. 12.
 - Nautin tekstien lukemisesta: [Elettiinpä ennen Inkeris-kirjasta] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 14. heinäk. — S. 8.
 - Astuu valtaan elokuu: [Runoja elokuusta] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 4. elok. — S. 11.
 - Kirjailijaliiton kirjavat 70 vuotta // Karjalan Sanomat. — 2004. — 1. syysk. — S. 11.
 - Kansanperinne kirjailisuuden perustana: Kalevala suomalais-ugrilaisen eeposten kantavaarina // Karjalan Sanomat. — 2004. — 6. lokak. — S. 11.
 - Larin Paraske yhdisti kynämiehiä eri alueilta // Karjalan Sanomat. — 2004. — 3. marrask. — S. 11.
- Nesvitski M. Suomen kieli vetää nuoria sanataiteen pariin: Kielellä kirjoittavia lisäänty Karjalassa, vaan valtion tukea ei vielä riittävästi // Karjalan Sanomat. — 2004. — 24. maalisk. — S. 11.
- Kuva-albumi Vuoden kirjaksi: Petroskoin vuosipäivä puuttui voittajan valintaan karjalan kirjakilpailussa // Karjalan Sanomat. — 2004. — 28. huhtik. — S. 11.
 - Kansallinen teatteri palaa entisille raiteilleen: Uusi johtaja Pronin luottaa pohjoismaiseen kirjallisuuteen, suomeksi esiintymiseen, musiikkiin ja omaan yleisöön // Karjalan Sanomat. — 2004. — 13. lokak. — S. 11.
 - Maailman synty lumosi kriitikot ja yleisön: Kansallisen teatterin Kalevala-esitys voitti suomalais-ugrilaisen festivaalin // Karjalan Sanomat. — 2004. — 8. jouluk. — S. 11.
- Nylander L. Paavo Voutilainen ja Katri Korvela – kaksi venäjänkarjalaista runoilijaa // Carelia. — 2004. — N:o 3. — S. 69–80.
- Pahomov M. Hengelliset käännökset – karjalankielisen kirjallisuuden kehto: Karjalaisen kirjan 200-vuotispäiväksi // Carelia. — 2004. — N:o 10. — S. 24–28.
- Perttu A. Lauman laki eli Vieraan suden haju: reviiisääntöjen kansainvälisyydestä // Carelia. — 2004. — N:o 2. — S. 72–76.
- Uhrilampaat: paluumuuttajien vaikeneminen // Carelia. — 2004. — N:o 10. — S. 91–96.
- Proosakirjallisuuden edelläkävijä: [S. Norin] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 30. kesäk. — S. 11.
- Remsujeva R. Psalmien kirjalla on yhteistä karjalaisen runouden kanssa // Karjalan Sanomat. — 2004. — 24. maalisk. — S. 12.
- Raamattua omalla kielellä Udmurtiassa ja Karjalassa // Karjalan Sanomat. — 2004. — 21. heinäk. — S. 5.

- Safonova G. Taileilija ja hänen naisensa: J. Žemoiteliten romaanista ”Poberežje vremeni” (”Ajan rannikko”) // Carelia. — 2004. — N:o 1. — S. 154–158.
- Saksalainen [kirjailija Arnold Stadler] haluaa kirjoittaa Petroskoista // Karjalan Sanomat. — 2004. — 15. syysk. — S. 11.
- Saksalaisia kirjailijoita saapuu kirjapäiville / MN // Karjalan Sanomat. — 2004. — 8. syysk. — S. 10.
- Semibratov V. Kirjaillut tšeremissit, votjalainen kuusi, besermanin pellava...: Vjatkan alueen suomalais-ugrilaiset Nikolai Kljujevin runoudessa / suom. K. Lehmus // Carelia. — 2004. — N:o 6. — S. 66–68.
- Sergejev I. Onttoni Miihkali 100 vuotta // Karjalan Sanomat. — 2004. — 13. lokak. — S. 9.
- Soini H. Vuosisadan vaihteen venäläisen taiteen Suomikuva: Suomi Venäjän taiteessa vuosina 1875–1925 / suom. K. Lehmus // Carelia. — 2004. — N:o 8. — S. 55–90; N:o 9. — S. 74–105.
- Soldatova J. Muisto säilyy sydämessä: [J. Rugojev] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 16. kesäk. — S. 14.
- Sudakov V. Baltian kilven keskipisteessä: [Matkustaminen Överkalixiin] // Carelia. — 2004. — N:o 5. — S. 116–120.
- Venäjän maaseutukirjailijoita Suomen pääkaupungissa // Carelia. — 2004. — N:o 11. — S. 157–159.
- Sykiäinen R. Sata vuotta ilman Tshehovia // Karjalan Sanomat. — 2004. — 28. heinäk. — S. 5.
- Sata vuotta opettajani poismenosta: [A. Tshehov] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 4. elok. — S. 5.
 - Tshehovia, vielä kerran häntä // Karjalan Sanomat. — 2004. — 18. elok. — S. 5.
 - Lintuja, ei kotkia: [A. Tshehov] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 13. lokak. — S. 5.
 - Älä kuvaa kipuja, joita et ole kokenut: [A. Tshehov] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 10. marrask. — S. 5.
- Syrjäläinen J. Kirjat vihdoin päivänvaloon: Petroskolaiskirjailijat [R. Mustonen, A. Mishin, V. Sudakov, V. Firsov] julkaisivat kauan sitten valmistuneet teoksensa // Karjalan Sanomat. — 2004. — 14. huhtik. — S. 10.
- Opettajienpäivää juhlittiin maamme koulussa: Kymmenvuotisjuhlaa viettävä Lönnrot-koulu suosituimpia Karjalassa // Karjalan Sanomat. — 2004. — 6. lokak. — S. 1, 9.
- Tarasov M. Seitsemän elämäntuulen risteyksessä: [Bengt Pohjanen] // Carelia. — 2004. — N:o 5. — S. 123–126.
- Titova T. Kirjailija Fjodor Titovia muistellaan hänen kotiseudullaan // Karjalan Sanomat. — 2004. — 26. toukok. — S. 6.
- Umberg A. Nimikkostipendit jaettiin lupaaville nuorille [J. Svaikinalle ja D. Golubeville] // Karjalan Sanomat. — 2004. — 21. tammik. — S. 11.

- Usova A. Tamara Štšerbakovan 60-vuotispäiväksi // Kipinä. — 2004. — N:o 2. — S. 2.
- Vasiljeva N. Piirtoja kirjallisuuden kuvaan // Carelia. — 2004. — N:o 5. — S. 121–122.
- Benght Pohjanen 60-vuotias // Carelia. — 2004. — N:o 5. — S. 126–127.
- Väisänen T. ”Orpo piru autiolla saarella”: Pikapiirtoja Matti Masajevin Onpahan eletty-
muistelmista // Carelia. — 2004. — N:o 8. — S. 50–54; Karjalan Sanomat. —
2004. — 28. tammik. — S. 10.
- * *
*
* *
- Dunkers A. Margarita Jufan Kalevala / suom. A. Mašin // Kipinä. — 2004. — N:o 2. —
S. 4–5.
- Inina J. Elämäkuvia Kalevala-korteissa // Karjalan Sanomat. — 2004. — 10. maalisk. —
S. 15.
- Kansanrunous ja kääntäminen elämäntyönä: Eino Kiurun 75-vuotispäiväksi // Karjalan
Sanomat. — 2004. — 14. tammik. — S. 9.
- Kiuru E. Elias Lönnrotin neljä Kalevalaa // Karjalan Sanomat. — 2004. — 25. helmik. —
S. 12.
- Kolomainen R. Tuttu ja tuntematon Kalevala // Carelia. — 2004. — N:o 2. — S. 3–5.
- Laulumaiden kirjavat vaiheet // Carelia. — 2004. — N:o 4. — S. 3–5.
- Konow J. Kalevala elää keskellämme // Carelia. — 2004. — N:o 2. — S. 94–96.
- Krinitšnaja N. Päivän kuulun kunniaksi: Eino Kiuru 75-vuotias // Carelia. — 2004. —
N:o 1. — S. 102–104.
- Lönnrotin Alku-Kalevala // Karjalan Sanomat. — 2004. — 7. huhtik. — S. 11.
- Mishin A. Sananen työtoverista: [E. Kiuru] // Carelia. — 2004. — N:o 1. — S. 104.
- Larin Parasken ruokopilli // Karjalan Sanomat. — 2004. — 7. huhtik. — S. 11.
- Mullonen J. Eino Kiuru - inkerinsuomalaisten etujen puolustaja Venäjällä // Carelia. —
2004. — N:o 1. — S. 102–103.
- Nesvitski M. Kanteletar vietnamilaisittain ja unkarilaisittain: Suomalaisen lyyrisen runouden
perusteos tenhoaa eri kulttuurien taiteilijoita // Karjalan Sanomat. — 2004. —
14. heinäk. — S. 10.
- Nieminen M. Santra [Remsujeva] on säilyttänyt elämänilonsa // Karjalan Sanomat. —
2004. — 5. toukok. — S. 8.
- Poljakova S. Osmo Borodkin. Kalevala-kirjan kuvitusta // Carelia. — 2004. — N:o 2. —
S. 160.
- Titova T. Vienanmeren rannikkoseutu perinteiden aarreaittana: Runonlaulaja Fjokla
Bykova lauloi sodassa kaatuneista // Karjalan Sanomat. — 2004. — 4. elok. — S. 7.
- Tutustumme karjalaisiin kirjailijoihin: [M. Mihejeva] // Kipinä. — 2004. — N:o 4. — S. 2.
- Umberg A. Kalevalan sankarit: Jokainen taiteilija tulkitsee omalla tavallaan eepoksen
aiheita // Karjalan Sanomat. — 2004. — 30. kesäk. — S. 10.

На карельском языке

Abramov N. Karjalan muan poigu: [A. Volkov] // Oma Mua. — 2004. — 8. pakkask.

- Jälkikesä Hanti-Mansiskissa: [VIII Kansojenvälini suomalais-ugrilaisien kirjailijien kongressi] // Vienan Karjala. — 2004. — 14. sajek.

Akilan I. Karjalan kandurahvahien vastazet peittovehkeilemizet: [Ivan Sergejevan novellu “Generoaloin peittoliitto” Petroskoi, 1995] // Oma Mua. — 2004. — 11. külçük.

D’ekoin D. Pertijärven sanasepäät harjoilteltin luonnon helmas: [Kirjoitusleiri Kondupohjan čupul] // Oma Mua. — 2004. — 23. süvüsk.

Feklistov V. Karjalazen rahvahan poigu: Nikolai Leskov – karjalazien perindölöin tutkii // Oma Mua. — 2004. — 9. süvüsk.

Filippova J. Kirmiel inehmizel ruado on rattahil: [Tamara Ščerbakova täüttää 60 vuotta] // Oma Mua. — 2004. — 5. tuhuk.

- P’otr Sem’onov: “Oi-jo Karjalan külät da kieli, noskua uvvessah elämäh tüö!” // Oma Mua. — 2004. — 25. kevätk.

Hüväle ristikanzale – kai parahat sanat!: [P. Sem’onovale täüdüü 70 vuotta] // Oma Mua. — 2004. — 8. heinük.

Leontjev P. Rugojevin ta Kiannon tuotanto nuorilla tutuksi // Vienan Karjala. — 2004. — 28. sajek.

Lugemistu karjalan kielel liženöü: Kolme uuttu livvinkarjalastu kirjua ezitettih mierole [P. Sem’onovan ”Puhtasjärven Maša”, A. Koppalovan ”Žil’čoi muheloittau” da A. Volkovan ”Liivin virret”] // Oma Mua. — 2004. — 18. külçük.

Lukomista karjalan kielellä lisäytyy: Kolme uutta karjalankielistä kirjua tuanoin esitettih mierolla [P. Sem’onovin ”Puhtasjärven Maša”, A. Koppalovin ”Žil’čoi muheloittau” ta A. Volkovin ”Liivin virret”] // Vienan Karjala. — 2004. — 25. pimiek.

Melentjeva O. Uusi filmi vepsäläisistä [”Armastan”] kertou rakkahuosta // Vienan Karjala. — 2004. — 9. talvik.

Pahomov M. Ezmäzele karjalankielizele kniigale täüdüi 200 vuotta // Oma Mua. — 2004. — 26. tuhuk.

Puoroin L. P’otr Sem’onov: ”Karjalan kieli on käzil kanneltavu...” // Oma Mua. — 2004. — 15. heinük.

Remsujeva R. Psalmoin kirjäl da karjalazien runoloil on yhtehistä // Oma Mua. — 2004. — 11. kevätk.

- Bibliedu omil kielil kuullah Udmurties da Karjalas // Oma Mua. — 2004. — 29. heinük.
- Eino Kiuru: kiäntäjä ta rahvahanrunojen tutkija // Vienan Karjala. — 2004. — 22. pakkask.
- Psalmijen kirjalla on yhtehistä karjalaiseh runouteh // Vienan Karjala. — 2004. — 11. kevätk.
- Mimmoset myö olemma Gender-tutkimuksen kannalta // Vienan Karjala. — 2004. — 13. orask.

- Piiplijua omilla kielellä kuullah Udmurtissa tai Karjalassa // Vienan Karjala. — 2004. — 8. heinäk.
- Sinitskaja N. Runo on se, kudai piäh da mustoh jäü: [Karjalaine Sana-liitto täyttää kuuzi vuotta] // Oma Mua. — 2004. — 12. tuhuk.
- Sinä – Kentjärven joučen...: Kentjärven eläi itkettäi Ol’ga Nikiforova andoi sanaküvendü nuorile kirjuttajile da toimittajile: [Kirjoitusleiri Kondupohjan čupul] / toim. D. D’ekoin // Oma Mua. — 2004. — 30. süvusk.
- Soldatova J. Juakko Rugojevin muissolla // Vienan Karjala. — 2004. — 8. sulak.
- Timonen Ar. Genderi ta pereh pohjoiskirjallisuossa // Vienan Karjala. — 2004. — 28. sajek.
- Yhteistyö jatkuu ta kehitty: [Genderseminarista] // Vienan Karjala. — 2004. — 23. talvik.
- Viglijeva M. Eläü Inkerin muan paginluadu [Elettiinpä ennen Inkeris-kirjasta] // Oma Mua. — 2004. — 24. kezäk.
- Volkov A. Vägie on, olisbo vai tahtojua: [Karjalankielisen kirjallisuudesta] // Oma Mua. — 2004. — 19. tuhuk.
- Karjalaine Sana – ühtümän sanomu // Oma Mua. — 2004. — 26. tuhuk.
 - Kaksi maailman kongressua: [IV Muailman suomi-ugrilazien kanzoin kongressu da VIII Kanzoinväline suomi-ugrilazien kirjailijoiden kongressu] // Oma Mua. — 2004. — 14. ligak.
- * *
- *
- Abramov N. “Kalevala” da Sal’vador Dali rinnal: [Taiteilija Aleksei Maksimov] // Oma Mua. — 2004. — 18. kevätk.
- Taiteilija, kumpaista vuotettih pitälti: [Aleksei Maksimov] // Vienan Karjala. — 2004. — 25. kevätk.
- Dobrinin V. Venehjärvi innottau Vitali Dobrininie luomah / Pakautti N. Vorobei // Vienan Karjala. — 2004. — 11. pimiek.
- Elias Lönnrotin Karjala-matat // Vienan Karjala. — 2004. — 26. tuiskuk.
- Mironova V. ”Mieleni minun tekevi...”: Eino Kiurun 75-vuozipäiväkse // Oma Mua. — 2004. — 22. pakkask.
- Kalevalua piemmö omannu // Oma Mua. — 2004. — 26. tuhuk.
 - Kokko lenti koilta ilmoim: [Kanzanväline projektu] // Oma Mua. — 2004. — 18. kevätk.
 - Aunuksen Karjalan eppini runous // Vienan Karjala. — 2004. — 26. tuiskuk.
- Ogneva O. Karjalaine suarnu karjalakse. Mikse ei? // Oma Mua. — 2004. — 29. heinük.
- Onegina N. Marija Mihejevan starinoja kuunnellen // Vienan Karjala. — 2004. — 22. sulak.

- Stepanova S. Suojatahko vanhan kansan luvut pahasta? / pak. N. Iudina // Vienan Karjala. — 2004. — 25. pimiek.
- Veikki V. ”Kalevala” Anuksen linnas: [”Kalevalan” maailmu”-ozuttelu] // Oma Mua. — 2004. — 5. tuhuk.
- Vinokurova I. Nikolai Bogdanov karjalan kielen da rahvahanrunohuon tutkijannu // Oma Mua. — 2004. — 15, 22, 29. pakkask.

На русском языке

- Абрамов Н. Художник, которого ждали: [А. Максимов] // Kodima. — 2004. — № 3 (keváz’k.).
- «Я люблю, и значит я живу...»: [«Высоцкий на финском»] // Kodima. — 2004. — № 3 (keváz’k.).
 - Что останется после меня... // Kodima. — 2004. — № 4 (sulak.).
 - Бабье лето в Ханты-Мансийске: [VIII Междунар. конгресс финно-угор. писателей] // Kodima. — 2004. — № 10 (reduk.).
- Алексеев Р. Урок поэзии в «Карельской горнице»: [В. Брендоев] // Kodima. — 2004. — № 3 (keváz’k.).
- Башнин Ю. Перо мастера: к 90-летию со дня рождения Виктора Бокова // Kodima. — 2004. — № 10 (reduk.).
- Влюбленный в родную землю: В ноябре этого года исполняется 70 лет известному вепскому писателю Анатолию Петухову // Kodima. — 2004. — № 10 (reduk.).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
ACADEMIC LIFE

ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИКА А. О. ЧУБАРЬЯНА
JUBILEE OF ACADEMICIAN A. O. CHUBARYAN

Фото: <https://igh.ru/employees/1>

14 октября 2021 г. научная и творческая общественность России отметила девяностолетний юбилей выдающегося российского историка, научного руководителя Института всеобщей истории (ИВИ) Российской академии наук (РАН), доктора исторических наук, профессора, академика РАН Александра Огановича Чубарьяна.

Имя Александра Огановича Чубарьяна неразрывно связано с историей и развитием Института всеобщей истории РАН, формированием его уникального научного коллектив. В течение многих лет он руководил Институтом в качестве его директора, являлся организатором и вдохновителем многих научных направлений. В последние годы А. О. Чубарьян работает в качестве научного руководителя ИВИ РАН и продолжает возглавлять многие важные проекты Института, активно участвовать в научной жизни страны и зарубежных стран.

А. О. Чубарьян снискал признание как авторитетный исследователь взаимоотношений России и Европы в XX в. Он автор свыше 350 научных работ, включая 11 монографий. Многие его труды переведены на иностранные языки и опубликованы за рубежом. А. О. Чубарьян также является автором и редактором учебников и учебных пособий по отечественной и зарубежной истории, главным редактором академических изданий «Всемирная история» в 6 томах и «Российская историческая энциклопедия» в 18 томах.

А. О. Чубарьян стал одним из первых активных сторонников интеграции академической науки и образования. При его непосредственном участии был создан

Государственный академический университет гуманитарных наук, в котором он трудится многие годы. А. О. Чубарьян возглавляет УМО по истории при Минобрнауки России, является председателем Всероссийской общественной организации «Ассоциация учителей истории и обществознания». Под его руководством Ассоциация провела ряд значимых для страны всероссийских совещаний учителей истории и обществознания, а в начале октября 2021 г. в Москве — первый всемирный конгресс учителей истории.

А. О. Чубарьян широко известен в международных научных и экспертных кругах. Он возглавляет Национальный комитет историков РФ, представляет российскую историческую науку на всемирных конгрессах историков, выступает организатором и участником многих международных конференций. Ведет большую работу по развитию отношений с учеными ведущих европейских стран и стран СНГ. По его инициативе была создана Международная Ассоциация институтов истории стран СНГ.

Научная и общественная деятельность академика А. О. Чубарьяна отмечена российскими и иностранными государственными и общественными наградами. За значительный вклад в развитие исторической науки и многолетнюю плодотворную работу президент РФ В. В. Путин 3 октября 2021 г. наградил российского историка орденом «За заслуги перед Отечеством» I степени.

Научная общественность г. Петрозаводска и Республики Карелия знает академика А. О. Чубарьяна как талантливого организатора российской науки, известного ученого, автора научных работ по истории Европы и Европейской идеи, международных отношений и внешней политики XX в.

Между ПетрГУ и ИВИ РАН существуют крепкие дружеские отношения, оформленные договором в 2000 г. Выпускники исторического факультета (сейчас — Институт истории, политических и социальных наук) поступают в аспирантуру ИВИ РАН, сотрудники ИВИ работают у нас в качестве Председателей ГАК. Академик А. О. Чубарьян — один из первых ученых, который удостоился высокого звания ПетрГУ — Почетный доктор ПетрГУ. Историки ПетрГУ, благодаря сотрудничеству с ИВИ РАН и личной поддержке А. О. Чубарьяна, получили новые возможности для осуществления научных исследований, проведения международных научных конференций и семинаров, осуществлению стажировок.

Мы очень рады, что А. О. Чубарьян поддерживает одно из основных направлений исследований историков ПетрГУ — изучение истории, языков и культуры стран Северной Европы, связь этих стран с Европейским Севером России. А. О. Чубарьян неоднократно посещал Петрозаводск, участвовал во Всероссийской конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. При его активном участии в начале 1990-х гг. на

историческом факультете ПетрГУ была открыта уникальная для вузов России специализация «История стран Северной Европы».

Надеемся, что плодотворное сотрудничество между историками ПетрГУ и ИВИ РАН, научным руководителем которого является академик А. О. Чубарьян, будет крепнуть и продолжаться. Хочется передать юбиляру наши искренние пожелания крепкого здоровья и творческих успехов в многообразной научной и общественной деятельности, исполнения всех его планов.

С. Г. Веригин

НИНЕ ГРИГОРЬЕВНЕ ЗАЙЦЕВОЙ — 75 ЛЕТ
NINA GRIGORIEVNA ZAITSEVA IS 75 YEARS OLD

В мае этого года исполнилось 75 лет со дня рождения известного российского финно-угроведа, виднейшего специалиста по вепсскому языку, талантливого учёного, поэтессы и переводчицы Нины Григорьевны Зайцевой. Нина Григорьевна Зайцева — доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки Республики Карелия, авторитетный исследователь, её имя хорошо знакомо коллегам-профессионалам в России и за рубежом.

Н. Г. Зайцева — вепсянка по происхождению, родилась 25 мая 1946 г. в деревне Войлахта Бабаевского района Вологодской области. По словам самой Нины Григорьевны, до пяти лет она разговаривала только на вепсском языке, и именно родной язык впоследствии стал для нее основным объектом лингвистического интереса, путеводной звездой и ориентиром в мире науки, источником творческого вдохновения. Избираясь в 1998 г. на должность заведующего сектором языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Н. Г. Зайцева в программе развития сектора в качестве отдельного направления указала исследования в области младописьменных языков, подчеркнув при этом, что учёные должны быть патриотами родного языка. Именно таким человеком — искренним патриотом вепсского языка, радеющим за его судьбу и беззаветно увлеченным своим любимым делом, — не важно, касается ли это исследований в области грамматики,

диалектологии, лексикографии или корпусной лингвистики, — коллеги знают Н. Г. Зайцеву. И если к этим словам добавить еще такие, как доброта, чуткость, открытость, тактичность, — потому что все эти замечательные качества свойственны Нине Григорьевне, — мы получим портрет юбиляра, который можно дополнять и дополнять эпитетами с исключительно, как это принято называть в филологии, положительной коннотацией.

Свой путь в лингвистике Н. Г. Зайцева начала с учебы на историко-филологическом факультете (отделении русского языка и литературы) Вологодского государственного педагогического института, студенткой которого она стала в 1965 г. и окончила который в 1969 г. с отличием. Интерес к научной работе был сформирован именно в студенческие годы: в характеристике выпускницы института Н. Г. Зайцевой указывалось, что во время учебы она «занималась изучением севернорусских говоров в научном диалектологическом кружке» и «выступала с докладами по теме научной работы в межвузовских студенческих конференциях». Научная работа студентки была связана с исследованием «мало изученного в лингвистической литературе вепского языка...». Еще учась в институте, Нина Григорьевна опубликовала свои первые научные работы, среди которых была статья «К проблеме двуязычия», напечатанная «в виде исключения, в преподавательском томе «Учёных записок» Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена»¹. Впоследствии, в одном из своих интервью Н. Г. Зайцева вспоминала, что писать о двуязычии в родной деревне ей разрешила преподаватель, известный российский диалектолог Татьяна Георгиевна Паникаровская, несмотря на то, что в то время вепсы, их язык и культура были практически исключены из культурной и образовательной политики в области. По окончании института именно Паникаровская посоветовала ученице остановиться на вепской теме, и с её «благословения» Н. Г. Зайцева стала исследователем вепского языка. Стоит отметить, что решением Совета института рекомендация в аспирантуру Карельского филиала академии наук СССР была дана Нине Григорьевне ещё в апреле 1968 г., т. е. за год до окончания.

В 1969 г. Н. Г. Зайцева приехала в Петрозаводск для поступления в аспирантуру КФ АН СССР по специальности «Финно-угорское языкознание (вепский язык)». В июле она была принята на временную работу лаборантом в сектор языкознания, тогда же Нина Григорьевна подала заявление о допуске к вступительным экзаменам. Характеризуя научные работы Н. Г. Зайцевой, представленные в отдел аспирантуры, её будущий научный руководитель, доктор филологических наук, специалист по прибалтийско-финским и саамскому языкам Георгий Мартынович Керт писал: «Данные работы говорят о том, что их автор не только собрал интересный материал по неисследованному до сих пор говору, но и умело им оперирует». Вступительные экзамены были успешно сданы, и 21 октября 1969 г. издан приказ о зачислении

¹ Цитата из характеристики выпускницы Вологодского государственного пединститута Н. Г. Зайцевой.

Н. Г. Зайцевой в аспирантуру с отрывом от производства. Темой диссертации Нина Григорьевна выбрала именно словоизменение в вепсском языке, исследование которого вышло за рамки диссертационной работы и его результаты впоследствии были изложены в вышедшей в 1981 г. монографии «Именно словоизменение в вепсском языке (История и функционирование форм слова)». На основе обширного грамматического материала с учетом данных всех диалектов вепсского языка в работе была выявлена двоякая тенденция в передаче значений грамматических категорий имени. С одной стороны, каждая грамматическая категория имела морфологические показатели, последовательно присоединявшиеся к основе слова, и это доказывало агглютинативность вепсского языка. С другой стороны, отмечался процесс образования новых падежей за счёт превращения послелогов в падежные форманты. Этот вывод имел очень важное значение для дальнейшей работы Н. Г. Зайцевой уже на этапе создания нормированного письменного варианта вепсского языка.

В конце 1971 г. Н. Г. Зайцевой пришлось перейти на заочную форму обучения, поскольку стипендия у аспирантов в гуманитарной сфере всегда была, к сожалению, невысокой. Начиная с января следующего года Нина Григорьевна совмещала учебу в аспирантуре с работой в секторе языкознания в должности старшего лаборанта, с 1974 года — младшего научного сотрудника. Защита кандидатской диссертации состоялась на филологическом факультете Ленинградского государственного университета в апреле 1975 г.

После защиты кандидатской диссертации Н. Г. Зайцева осталась верна выбранным научным интересам, продолжив заниматься вепсской грамматикой. Предметом её научных изысканий стала система глагольного словоизменения. Синхронные, сравнительно-исторические и сопоставительные исследования грамматического материала в области глагольного словоизменения впоследствии вошли в докторскую диссертацию, посвященную вепсскому глаголу. Обосновывая выбор глагольной системы в качестве объекта исследования, Н. Г. Зайцева указывала на то, что на тот момент она являлась наименее исследованной темой, имевшей выход на формирование вепсских диалектов и историю языковых контактов. В это же время появились работы, в которых молодая исследовательница обратилась к выявлению особенностей вепсской лексики в сравнительно-сопоставительном аспекте.

В конце 1970-х — начале 1980-х годов Нина Григорьевна активно занималась сбором лексического материала во время экспедиций, организованных в рамках выполнения коллективной темы сектора языкознания «Сопоставительно-ономазиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков» и крупного международного проекта «Лингвистический атлас Европы». Она являлась одним из составителей «Словника-опросника» для сопоставительно-ономазиологического словаря, а также его непосредственным составителем и научным редактором. Кроме того, Н. Г. Зайцевой были подготовлены регистр русских понятий и написаны предисловие и принципы составления словаря.

«Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков» был опубликован позже, в 2007 г., и стал особенно востребованным в период создания письменных традиций карельского и вепсского языков. В аннотации к изданию указывалось, что словарь поможет составителям учебников, учебных пособий и словарей ориентироваться в отборе материалов, которые должны стать орфографической нормой. В дальнейшем лексикографическое направление в научной деятельности Н. Г. Зайцевой займёт одно из центральных мест, что будет связано с масштабной работой в области языкового строительства.

В тот же период обозначился ещё один вектор исследований Н. Г. Зайцевой — лингвогеография. Лингвистические карты, будучи пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов, позволяют исследователю выявить формирование диалектных различий в их исторической перспективе. В рамках этого научного направления Н. Г. Зайцева участвовала в реализации международного проекта «Лингвистический атлас Европы», позднее была одним из составителей «Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков», который был подготовлен международным коллективом авторов из Финляндии, Эстонии и Карелии, а три его тома были опубликованы в 2004, 2007 и 2010 годах. В Атласе представлены ономасиологические, семантические, мотивационные и частотные карты, а также карты формативов и карты-реконструкции, посвященные некоторым наиболее древним языковым элементам. Научный труд был высоко оценен не только лингвистами, но и многими другими специалистами, исследующими материальную и духовную культуру прибалтийско-финских и контактирующих с ними народов.

Участие в этих крупных научных проектах привело Нину Григорьевну к идее создания «Лингвистического атласа вепсского языка» (ЛАВЯ), работа над которым

началась в 2012 г. Был проделан поистине титанический труд по сбору и систематизации вепских языковых материалов. Н. Г. Зайцева руководила работой авторского коллектива, была основным составителем и редактором Атласа. Через семь лет, в 2019 г., Атлас увидел свет; его издание, можно сказать, стало апогеем научной деятельности учёного в области лингвогеографических исследований. Материалы ЛАВЯ позволили уточнить место вепского языка в прибалтийско-финском языковом континууме, прояснить границы диалектных ареалов, сформировать список языковых признаков, маркирующих отдельные диалектные ареалы, а также определить очаги зарождения ряда вепских языковых инноваций. Работа была по достоинству оценена академическим сообществом — «Лингвистический атлас вепского языка» был назван в числе важнейших фундаментальных научных результатов Российской академии наук в 2019 г.

Неоценим вклад Н. Г. Зайцевой в языковое строительство и в развитие национальной школы в период возрождения вепской письменности. На заре ревитализации она стала одним из авторов «Программы обновления и развития национальной школы КАССР» (1990) и «Концепции развития финно-угорской школы Республики Карелия» (1997). Нину Григорьевну Зайцеву заслуженно называют «матерью» вепского литературного языка, она разработала основы вепской письменности и подготовила целый ряд учебников для школ и вузов. Была проделана колоссальная словотворческая работа, результатом которой стало издание бюллетеней новой лексики вепского языка, двуязычных вепско-русского и русско-вепского словарей, орфографического словаря, разговорника. Рассказывая об этой сфере своей научной деятельности, Нина Григорьевна подчеркивала: «К вводу в языковой обиход новых слов мы относимся очень трепетно: работает специальная термино-орфографическая комиссия, которая тщательно изучает необходимость того или иного слова в современной ситуации и “конструирует” его по словообразовательным моделям, существующим в вепском языке. ...Слова, отражающие сегодняшнюю жизнь, языку необходимы, нужны в ежедневном использовании, в том числе при обучении языку детей и молодежи. И они охотно принимают новую лексику, потому что им для полноценного общения нужен богатый язык». Принятие новой лексики носителями языка подтверждает высокий профессионализм её создателя. В одном из интервью Нина Григорьевна говорила о том, что для исследователя самой высокой наградой и самой высокой оценкой является то, что новые слова естественно и органично «вливаются в душу человека, говорящего на этом языке».

Научная биография Н. Г. Зайцевой, как было указано выше, началась с должности младшего научного сотрудника (1974) в секторе языкознания. В 1986 г. по итогам аттестации она была переведена на должность научного сотрудника, в 1988 — старшего научного сотрудника. В 1994 г. ей было присуждено учёное звание старшего научного сотрудника по специальности «финно-угорские и

самодийские язык». В 2002 г. Н. Г. Зайцева защитила докторскую диссертацию по теме «Вепсский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование».

С ноября 1997 г. Нина Григорьевна была назначена исполняющей обязанности заведующего сектором языкознания и возглавляла сектор с 1998 по 2020 годы. Н. Г. Зайцева оказалась прекрасным организатором науки, за годы её руководства сектором выросло новое поколение исследователей, была сформирована авторитетная и признанная в России научная школа. Результаты работы сектора языкознания высоко оценивались научным сообществом на разных уровнях, и Нина Григорьевна всегда показывала и показывает пример высокого профессионализма и неутомимого трудолюбия. Мы, её коллеги, зачастую поражаемся тому, как много она успевает сделать. У Нины Григорьевны есть одно замечательное качество, очень ценное для учёного и руководителя. Она умеет и любит обсуждать научные проблемы с сотрудниками, увлечь своими интересными идеями, зажечь огонь мысли. Умение дискутировать, делиться своей точкой зрения на ту или иную лингвистическую проблему и привлечь к разговору младших коллег очень важно в научном коллективе — это определенный способ воспитания, развития, расширения научного кругозора молодых исследователей. Разговаривать на лингвистические темы с Ниной Григорьевной необычайно интересно, она обладает не только широчайшими знаниями, эрудированностью, но и особой лингвистической интуицией.

Очевидно, что именно лингвистическая интуиция более десяти лет назад привела Н. Г. Зайцеву к корпусным исследованиям вепсского языка. Приступая к созданию корпуса вепсского языка, Нина Григорьевна обосновывала выбор тематики исследования тем, что идея корпуса может стать фактором национального возрождения, стимулировать значительные исследования с привлечением вепсских материалов, а также косвенным образом может повлиять на популяризацию вепсского языка и культуры в целом. Научные изыскания в этом направлении были впоследствии поддержаны другими сотрудниками сектора языкознания, и вепсский корпус стал развиваться уже в новом качестве — как языковой корпус вепсского и карельского языков — ВепКар. Корпусные исследования стали одним из приоритетных направлений работы сектора языкознания, а новаторское начинание Нины Григорьевны определило научные горизонты на годы вперед.

Талантливый человек практически всегда многогранен. Ещё одна грань таланта Н. Г. Зайцевой проявилась в литературном творчестве. Занимаясь редакторской работой литературы на вепсском языке, она со временем начала писать стихи, в 2009 г. стала членом Союза писателей России. Уникальным культурным событием стало появление вепсского эпоса *Virantanaž*, созданного Н. Г. Зайцевой. Сама Нина Григорьевна так характеризовала свое творческое детище: «Вепскоязычный эпос созданный в настоящее время, в своеобразный «постдиалектный» период и время заложения и укрепления письменных традиций младописьменного вепсского языка, является сплавом фольклора, исторических преданий, современных научных изысканий в области языка, мифологии, культуры и собственных наблюдений и фантазии автора как одного из представителей народа, на языке которого создан эпос». Произведение Н. Г. Зайцевой было по достоинству оценено читательской аудиторией, эпос переведен на русский, эстонский, финский и французский языки, по его мотивам в Эстонии поставлен спектакль.

Научная и творческая деятельность Нины Григорьевны Зайцевой настолько разноплановы, что в одной публикации невозможно рассказать обо всем. Уверена, что выражу мнение всех коллег Нины Григорьевны, сказав, что мы счастливы работать с этим удивительно талантливым, одухотворенным человеком, истинным неутомимым учёным и прекрасной обаятельной женщиной, чувство стиля которой вызывает восхищение у окружающих. Мы искренне желаем Нине Григорьевне новых научных и творческих высот и крепкого здоровья на долгие годы!

С. В. Нагурная

К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ ДЖАКСОН

JUBILEE OF TATJANA N. JACKSON

Фото: <https://pashuto.ru/names/jackson>

В 2021 г. юбилей отметила Татьяна Николаевна Джаксон — известный скандинавист, филолог и историк и притом (заметим с нескрываемой гордостью) член редколлегии нашего Альманаха. Наставниками Татьяны Николаевны в профессии были в своё время такие разные исследователи, как О. А. Смирницкая, А. Я. Гуревич и В. Т. Пашуто. Она умеет сочетать в работе филологическую тщательность и тонкое знание древнескандинавских, особенно норвежских и исландских, источников и реалий с глубоким интересом к внешним связям Древней Руси, а также к картине мира обитателей Северной Европы эпохи викингов, прежде всего к их представлениям о географическом пространстве.

Без ссылок на её публикации едва ли обойдётся хоть одно сколько-нибудь серьёзное научное исследование по истории скандинавско-древнерусских связей рубежа I–II тысячелетий. А как хорошо известно вузовским преподавателям, без опоры на научные и учебные издания, в которых она выступает как автор, соавтор или редактор, невозможно представить себе ни одного общего

университетского курса по нордистике, не говоря уже о спецкурсах на темы, входящие в круг профессиональных интересов Татьяны Николаевны. Её фамилию наши студенты выучивают обычно в числе первых, только-только приступив к изучению истории Северной Европы. И опыт работы с источниками они нередко приобретают именно благодаря публикациям, подготовленным при её непосредственном и активном участии. Речь идёт не только о соответствующих томах свода «Древнейшие источники по истории Восточной Европы», выпускаемого Центром «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН, где, собственно, и трудится Татьяна Николаевна, но и, например, — не можем удержаться от упоминания об этом — о небольшой книжке «Письменные известия о карелах» (Петрозаводск, 1990).

Лекции и доклады Татьяны Николаевны всегда отличаются не только строгостью в суждениях (сочетающейся с готовностью к полемике), но и изяществом стиля, ироничной манерой и умением увлечь слушателей. Убедиться в этом могут все желающие, благодаря доступности в интернете записей некоторых её выступлений. Кроме того, ряд её важнейших публикаций выставлен с согласия автора на нескольких информационных ресурсах, чем мы с удовольствием и признательностью постоянно пользуемся в преподавании истории Северной Европы.

Мы от всей души поздравляем Татьяну Николаевну с прошедшим юбилеем и желаем ей новых публикаций, проектов, наконец просто возобновления поездок и очного — не дистанционного и тем более продуктивного общения и с российскими, и с зарубежными коллегами!

Редколлегия

**ЭМЕРИТУС-ПРОФЕССОРУ УНИВЕРСИТЕТА ВОСТОЧНОЙ
ФИНЛЯНДИИ ТАПИО ХЯМЮНЕНУ — 70 ЛЕТ**

**THE SEVENTY YEARS JUBILEE OF TAPIO HÄMYNEN, PROFESSOR
EMERITUS OF THE UNIVERSITY OF EASTERN FINLAND**

Отдых на даче — неотъемлемая часть жизни Тапио. Ещё одно его увлечение — игра в теннис с друзьями. С помощью тенниса он поддерживает себя в хорошей физической форме уже в течение многих лет

В июне 1951 года в Валtimo, самом северном муниципалитете провинции Северная Карелия, родился жизнерадостный мальчик. Это событие произошло в семье беженцев, перебравшихся в Валtimo из провинции Суоярви, перешедшей после войны в состав Советского Союза. Осенью 1970 года этот мальчик, превратившийся в статного юношу, отправился учиться в город Йоэнсуу, в высшую школу. В этом учебном заведении, преобразованном в скором времени в университет, он и провёл затем всю свою замечательную профессиональную жизнь, посвятив её научной работе.

Так несколькими предложениями можно очертить жизненный путь эмеритус-профессора Университета Восточной Финляндии Тапио Хямюнена, отметившего свое 70-летие летом 2021 года. Тапио встретил юбилейную дату без помпы и празднований. Несмотря на долгую, плодотворную и замечательную научную карьеру, множество наград и заслуженное уважение своих учеников и коллег, Тапио так и остался образцом скромности и непритязательности.

В своих научных исследованиях и в преподавательской работе Тапио Хямюнен всегда опирался на свое понимание перемен в обществе и учитывал изменения, происходившие в трактовке исторических событий. Его участие в исследованиях, посвящённых истории регионов Восточной Финляндии и Российской Карелии, приводило, как правило, к результатам самого высокого качества, открывавшим новые взгляды на прошлое этих мест. Занимаясь вопросами истории российско-финского приграничья, Тапио проделал чрезвычайно важную работу также и в области расширения трансграничного научного сотрудничества. Ему удалось создать обширную сеть научных и дружеских связей сначала с советскими коллегами, а позднее и с российскими историками. В рамках этой международной дружбы через границу было перевезено много подарков, исчисляемых штуками и литрами, и особенно оживлённо этот обмен подарками происходил между Петрозаводском и Йоэнсуу.

Наряду с исследовательской работой Тапио успешно занимался и преподавательской деятельностью. В этом плане он является продолжателем начинаний таких авторитетных финских историков, как Хейкки Киркинен, Антеро Хейккинен и Вейо Салохеймо. Об интересе Тапио к преподаванию говорит и тот факт, что в конце 1970-х годов, даже ещё не получив степени магистра, он уже работал учителем в школе. Как преподаватель Тапио заслужил большое уважение в среде студентов и у своих коллег. Он не жалел сил и времени для своих учеников, двери его кабинета были всегда открыты каждому, и он всегда был готов помочь советом своим студентам и аспирантам. Не удивительно, что под его руководством было написано немало отличных дипломных работ и диссертаций.

Область научных интересов Тапио определилась ещё в процессе написания дипломной работы. Дипломная работа под названием *Kahden kulttuurin rajamaastossa* («На границе двух культур») была написана им в 1977 году и была посвящена истории финско-российского приграничья. После тщательно выполненной дипломной работы было нетрудно перейти к более глубокому изучению истории карельских регионов по обе стороны границы. Попутно Тапио занялся исследованием истории города Хейнявеси, родного города своей жены Хелены. В результате появилась книга, вышедшая в 1986 году. В процессе написания этой книги автору пришлось работать с источниками, имевшими весьма солидный возраст. Это дало ему навыки работы с архивными документами, которые впоследствии очень пригодились при оказании помощи аспирантам в их работах над диссертациями.

Защита в 1993 году докторской диссертации, озаглавленной *Liikkeellä leivän tähden* («В путь ради хлеба»), окончательно утвердила Тапио в элитных кругах финских ученых-историков. Диссертация, представлявшая собой совершенно новое

исследование в области социальной истории Финляндии, вскоре стала классической работой. Причиной тому явился исключительно обширный и разносторонний источниковый материал, анализ которого был удачно увязан с теоретическими методами изучения экономических и социальных явлений.

Диссертация стала также весомым аргументом в процессе получения Тапио звания доцента истории Финляндии в середине 1990-х годов, а позднее и в процессе его выбора на должность профессора. Будучи профессором, Тапио руководил несколькими крупными исследовательскими проектами. В их числе можно отметить международный проект *Ruraali perhe Koillis-Euroopassa* («Сельская семья в Северо-восточной Европе»), осуществленный в начале 2000-х годов. Десятилетие спустя была проведена масштабная работа в рамках трансграничного проекта *Rajalla halkaistu kansa* («Народ, разделённый границей»), который Тапио завершил незадолго до выхода на пенсию.

Результаты этого проекта ещё раз подтвердили исследовательский талант Тапио и его глубокую увлечённость научной работой. Эти его качества нашли отражение и в дипломных работах студентов, и в докторских диссертациях аспирантов, которыми он руководил. За десятилетия таких работ накопилось рекордное количество. Профессор Хямюнен не отошёл от исследовательской деятельности и после выхода на пенсию. Примером тому является фундаментальный труд *Sortavala — muutosten kaupunki* («Сортавала — город перемен»), в написании которого принимали участие российские и финские исследователи. Этот труд, представляющий собой многоплановый и глубокий анализ развития приграничного города, был издан в 2020 году под редакцией Тапио и профессора Ханну Итконена.

Наряду с научной деятельностью Тапио Хямюнен во время всей своей преподавательской карьеры занимался развитием методик преподавания истории и проведения исторических исследований. В начале 2000-х годов он активно включился в процесс реформирования системы преподавания. Он же занимался планированием и созданием совместных учебных курсов в области истории и географии, когда в 2010 году кафедра истории была объединена с кафедрой географии, а Университет Йюенсуу был преобразован в Университет Восточной Финляндии. В том же году Студенческий союз Университета Восточной Финляндии выбрал Тапио Преподавателем года. Выбор был обоснован, в частности, обширными знаниями Тапио, его преданностью делу и его подходом к студентам и отношением к людям вообще, отличавшемся крайней человечностью. Студенческий союз попал в точку, назвав Тапио Хямюнена «сердечным» человеком. В университетском сообществе таких людей, к сожалению, довольно мало.

В разговорах с друзьями Тапио иногда обращался к теме выбора своего жизненного пути. По его словам, в молодости одним из вариантов этого выбора

было плотницкое дело. Это не удивительно, поскольку профессор Хямюнен является искусным мастером «топора и рубанка». Плотницкое мастерство он оттачивает на своей даче в районе Хейнявеси, где он проводит почти всё своё свободное время. Здесь умелыми руками Тапио осуществляются тщательно продуманные и замечательно выполненные «строительные проекты». У первого внука уже есть своя собственная смотровая башня, и скоро, вероятно, к ней прибавится ещё одна. Тапио и сам нередко поднимается на эту башню, чтобы понаблюдать за круговращением мира.

С такой же тщательностью и мастерством, с какими Тапио создает свои дачные постройки, он построил и свою карьеру университетского исследователя и преподавателя. К счастью для исторической науки и вообще для науки в целом, Тапио в молодости предпочёл мир университетских аудиторий и тишину архивов миру строительных площадок.

**Ханну Итконен, профессор Университета Ювяскюля
Арто Невала, доцент, старший преподаватель Университета Восточной
Финляндии**

Пер. с фин. Юрия Шикалова

Редакция Альманаха, коллеги и друзья в Петрозаводске с радостью присоединяются к поздравлениям и желают Тапио Хямюнену, почётному доктору ПетрГУ, здоровья и успехов во всех его начинаниях!

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СКАНДИНАВИСТИКИ»

INTERNATIONAL ACADEMIC CONFERENCE ON SCANDINAVIAN STUDIES
DEVELOPMENT IN RUSSIA

10 ноября 2021 г. в Институте всеобщей истории РАН (далее — ИВИ РАН) состоялась международная научная конференция «Пути отечественной скандинавистики», в ходе которой обсуждался широкий круг вопросов, связанных с изучением истории стран Северной Европы.

Участников конференции приветствовали директор ИВИ РАН, член-корреспондент РАН М. А. Липкин, научный руководитель ИВИ РАН академик А. О. Чубарьян, ректор Государственного академического университета гуманитарных наук (далее — ГАУГН) Д. В. Фомин-Нилов.

М. А. Липкин в своем приветственном слове отметил, что деятельность Института всеобщей истории РАН невозможно представить без исследований в области скандинавистики. А. О. Чубарьян подчеркнул: изучение истории Скандинавско-Балтийского региона — одно из ведущих научных направлений ИВИ РАН. С 1998 г. в Институте действует центр по изучению истории стран Северной Европы и Балтии¹, благодаря работе которого укрепляются контакты российских историков с зарубежными коллегами, проводятся научные конференции и семинары, выходят в свет новые книги по истории скандинавских стран².

Д. В. Фомин-Нилов в своем выступлении отметил преемственность в изучении истории стран Северной Европы, которая, несомненно, прослеживается между ИВИ РАН и ГАУГН. Студенты ГАУГН с конца 1990-х годов принимали участие в международных научных конференциях по скандинавистике/нордистике, выступая в Петрозаводске³, Архангельске⁴ и других центрах изучения истории стран Северной Европы. Эти связи успешно поддерживаются и в настоящее время⁵.

¹ В 1998 г. — Центр «Северная Европа: архивные и исследовательские проекты»; с 2009 г. — Центр истории Северной Европы и Балтии. В настоящее время Центр входит в Отдел региональных исследований Института всеобщей истории РАН.

² Россия и Норвегия. Вопросы отечественного источниковедения и историографии (XIX–XXI вв.) / Отв. ред. А. А. Комаров. М., 2012; «Старая» Россия и «новая» Норвегия: Российско-норвежские отношения (1905–1917) / Отв. ред. А. А. Комаров. М., 2014; Aleksandra Kollontaj. Diplomatiska nedtegnelser 1922–1930. Oslo, 2015; Нет Севера, а есть Севера: О многообразии понятия «Север» в Норвегии и России / Редколлегия К. А. Мюклебус, Й. П. Нильсен, В. В. Тевлина, А. А. Комаров. М., 2016; Sovjetunionens kommunistiske parti og Norge 1952–1967 / Red. S. G. Holtmark, A. A. Komarov, M. J. Prozumensjtjikov. Oslo, 2020.

³ XIII Всероссийская конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 10–14 сентября 1997 г.

Альманах североευропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2021. Issue 6

М. А. Липкин, А. О. Чубарьян и Д. В. Фомин-Нилов тепло приветствовали участников конференции, пожелав им удачных выступлений и плодотворных дискуссий. Также работа конференции совпала с 70-летним юбилеем к.и.н., в.н.с. ИВИ РАН Алексея Алексеевича Комарова, в честь которого прозвучало немало теплых слов и поздравлений от участников мероприятия.

Первая сессия конференции была посвящена истории изучения конкретных сюжетов в области скандинавистики. Открыла сессию д.и.н., г.н.с ИВИ РАН **Е. А. Мельникова** с докладом «Новые тренды в изучении русско-скандинавских связей эпохи викингов: исследования XXI века». Е. А. Мельникова отметила, что период с конца 1990-х гг. стал очень плодотворным в изучении ранней истории Восточной Европы и Древнерусского государства, что связано прежде всего с расширением источниковой базы исследований. Увидели свет новые публикации — это источники по истории восточноевропейских экономических, политических и культурных связей, саги, латиноязычные источники и др. Несомненна заслуга ИВИ РАН в этой области. Ярким примером служит пятитомная публикация «Древняя Русь в свете зарубежных источников»⁶. Е. А. Мельникова также подчеркнула важность введения в оборот новых археологических источников, что позволило не только расширить взгляд на древнерусско-скандинавские связи, но и «удревнить» их хронологию. Результатом стала разработка новых методов исследования, которые помогают историкам представить более полную и разнообразную картину русско-скандинавских связей эпохи викингов, включая экономические, культурные, политические контакты, проблемы взаимоотношений древнерусской и скандинавской элит.

Д.и.н. г.н.с. **Т. Н. Джаксон** выступила с обзорным докладом «Древнескандинавская литература в русских переводах», в котором осветила историю перевода в России скальдических стихов и саг с XVIII в. Особое внимание автор уделила истории переводов на русский язык «Вис радости» норвежского конунга

⁴ XIV Всероссийская конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Архангельск, 12–16 сентября 2001 г.

⁵ Делегация ГАУГН посетила Норвегию // Государственный академический университет гуманитарных наук [Электронный ресурс]. 16.04.2019. URL: <https://gaugn.ru/media/news/norway-2019/> (13.12.2021)

⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009–2010. Т. I. Античные источники / Сост. А. В. Подосинов; Т. II. Византийские источники / Сост. М. В. Бибииков; Т. III. Восточные источники / Сост. ч. I. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; ч. II — В. Я. Петрухин; Т. IV. Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко; Т. V. Древнескандинавские источники / Сост. частей VI, IX, X — Г. В. Глазырина; частей III, IV, V, VII, VIII, XI — Т. Н. Джаксон; частей I, II, XII — Е. А. Мельникова.

Харальда Сигурдарсона, в которых описывается история его походов и упоминается будущая жена Елизавета Ярославна, дочь Ярослава Мудрого, при дворе которого он долго жил. Т. Н. Джаксон подчеркнула, что переводы XVIII–XIX вв., выполненные Н. А. Львовым, И. Ф. Богдановичем, К. Н. Батюшковым, А. К. Толстым, были сделаны с французского языка, что приводило к значительным искажениям первоначального смысла текста. Лишь с конца 70-х годов XX в. скальдические стихи стали переводить со скандинавских оригиналов. Автор также выделила основные этапы в изучении и публикации скандинавских саг, подчеркнув, что если в XIX в. саги переводились и публиковались чаще всего как литературные памятники, за исключением публикаций отрывков с древнеисландского языка в 30-х годах XIX в., то с начала XX в. их начинают изучать как исторические источники. Среди ведущих специалистов — советский филолог и скандинавист М. И. Стеблин-Каменский, советский и российский лингвист и филолог, переводчик О. А. Смирницкая, её ученики Е. А. Гуревич, Ф. Б. Успенский, А. В. Циммерлинг. Завершая свое выступление, Т. Н. Джаксон подчеркнула, что нельзя не отметить и деятельность центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» ИВИ РАН, сотрудники которого представляют научную школу В. Т. Папуто и вносят существенный вклад в изучение истории связей Скандинавии и Древней Руси на основе древнескандинавских источников. Т. Н. Джаксон презентовала свою новую книгу — перевод и развернутый комментарий к Саге о Кнютлингах⁷.

Профессор Университета Тромсё доктор истории **Й. П. Нильсен** представил доклад «Октябрьская революция 1917 года и её воздействие на норвежское рабочее движение», в котором на примере истории деятельности Норвежской рабочей партии (НРП) показал, что Октябрьская революция 1917 г. в России оказала на Норвегию большое влияние. События 1917 г. в России дали стимул к радикализации рабочего движения в стране — Норвежская рабочая партия в 1918 г. стала эволюционировать в сторону партии революционной борьбы, во многом под влиянием её лидера и блестящего оратора М. Транмеля. В программу партии был включен тезис о создании в будущем Норвежской Советской Республики. Впоследствии партия пережила раскол, её левое крыло создало коммунистическую партию Норвегии и вошло в Коминтерн (до 1923 г.), и на начальном этапе был одобрен тезис о диктатуре пролетариата. Й. П. Нильсен подчеркнул: несмотря на то, что Октябрьская революция несомненно послужила «источником вдохновения» для

⁷Джаксон Т. Н. Сага о кнютлингах: Перевод и комментарий. Исследования. СПб., 2021.

представителей радикальных сил, все же можно констатировать, что конкретной подготовки к восстанию в рядах НРП никогда не велось. Одной из причин стала активная деятельность правительства Норвегии, направленная на противодействие опасной радикализации рабочего движения, которая включала как меры социальной поддержки, способствовавшие снижению социальной напряженности, так и силовые акции. В итоге, в конце 1920-х – начале 1930-х годов среди сторонников и ряда членов НРП укрепилось убеждение в том, что цели и задачи партии возможно осуществить в рамках существующей политической системы страны и устраивать революцию не обязательно.

Профессор Университета Тромсё доктор истории **К. А. Мюклебуст** осветила в своем выступлении один из малоизвестных фактов в истории российско-норвежских отношений и представила результаты совместной работы с российскими историками (В. А. Карелин), посвященной истории совместного освоения бассейна реки Паз и развития гидроэнергетики в этой области. К. А. Мюклебуст сообщила, что после подписания Конвенции о статусе границ между Россией и Норвегией 14 мая 1826 г. река Паз стала регионом, к которому проявляли интерес обе стороны — правительства России и Норвегии столкнулись с необходимостью выстраивания отношений по вопросу об эксплуатации ресурсов. С норвежской стороны выдвигались идеи использования энергии реки Паз. В 1906 г. было создано Акционерное Общество Сюдварангер (*Aktieselskapet Sydvaranger*). Компания сыграла огромную роль в экономическом и культурном развитии этого региона в последующие 90 лет. Данный проект в Норвегии рассматривался как национальный, жизненно необходимый для дальнейшего экономического освоения территорий. С российской стороны усиление норвежского присутствия на границах с Россией рассматривалось скорее как негативный фактор — российский МИД долгое время сопротивлялся идее отдавать часть водопадов реки Паз (Водопад Заячий) в аренду норвежской компании. Переговоры 1906–1907 гг. о строительстве электростанции на речных порогах закончились неудачей. Ситуация несколько изменилась после Первой мировой войны: российские власти стали рассматривать Норвегию как союзника, в противовес германофильской Швеции. Норвежская сторона активно опиралась в этом вопросе на русскую дипломатию — посланника в Христиании К. Н. Гулькевича. Премьер-министр Г. Кнудсен с весны-лета 1916 г. возобновил переговоры с Гулькевичем по вопросу о строительстве электростанции на реке Паз. Наконец, к лету 1917 г. благодаря усилиям посланника и российского

МИДа дело в Петрограде, сдвинулось с места. Однако революционные события осени 1917 г. и начало Гражданской войны в России сняли проект с повестки дня.

К.и.н. с.н.с. ИВИ РАН **Е. А. Назарова** выступила с докладом «Книга по истории Швеции в контексте советско-шведских отношений. Рубеж 1940-х — 1950-х годов». Она представила анализ создания предисловия к книге по истории Швеции И. Андерссона, переведенной на русский язык в 1951 г. Автором предисловия, часть которого была написана в марксистско-ленинском духе и повествовала читателю о «шведской угрозе» и «антирусской политике шведских правящих кругов», а другая часть представляла собой развернутую рецензию на саму книгу, с разбором фактов, достоинств и недостатков, был ведущий латышский советский историк Янис Зутис. На основе разбора текста предисловия и обстоятельств выпуска книги в свет, а также принимая во внимание внешнеполитический контекст (со стороны советского руководства внешнеполитическая линия Швеции подвергалась в тот период резкой критике), Е. А. Назарова высказала мнение, что Я. Зутис вряд ли мог быть автором наиболее одиозной части предисловия — вся его работа по подготовке русского перевода книги Андерссона была, по предположениям, закончена не позже 1949 г., в силу обстоятельств жизни самого Зутиса. Таким образом, заключила Назарова, можно допустить, что Зутису по телефону изложили ситуацию и попросили его согласия на то, что часть предисловия будет написана кем-то другим. «Лавры», доставшиеся Зутису за этот текст, стали казусом, который логично вписывается в общий контекст холодной войны и советско-шведских отношений тех лет.

Директор российско-шведского учебно-научного центра РГГУ к.и.н. **Т. А. Тоштендаль-Салычева** рассказала о новом направлении исторических исследований в Швеции во второй половине XX в. — микроистории. Несомненна связь российских и шведских историков в этом контексте. В Швеции, подчеркнула Тоштендаль-Салычева, неизменно обращаются к работам А. Я. Гуревича. Мировая историческая наука во второй половине XX в. переживала революцию: появился целый ряд новых научных направлений — социальная, гендерная, глобальная история, история повседневности, микроистория. В Швеции последнее направление получило развитие в работах, посвященных истории предприятий и условий труда. Яркий пример — Свен Линдквист, основатель движения (и одновременно автор одноименной книги) «Копай, где стоишь» (*Gräv där du står*), в произведениях которого общественная история представлена с точки зрения рабочего класса. Свою задачу он видел в создании определенных инструкций для нового типа исследования, результатом которого становилось бы формирование новой картины труда,

а её центром был бы рабочий, его потребности и труд со всеми особенностями. С 1980-х гг. микроистория как метод исследования успешно применяется в сочинениях, показывающих связь экономики и культуры, в гендерных исследованиях, и помогает находить точный смысл конкретных исторических событий в жизни отдельных людей.

В докладах, прозвучавших в ходе второй сессии, участники фиксировали внимание на введении в оборот новых архивных документов и концепций, позволяющих по-новому взглянуть на историю Скандинавско-Балтийского региона.

Профессор истории Таллинского университета **М. Ильмярв** рассказал об эстонских, латышских и литовских добровольцах в интербригадах в период гражданской войны в Испании. В Гражданской войне в Испании приняли участие добровольцы из самых разных стран мира. Интернациональные соединения и бригады являлись боевыми отрядами иностранных добровольцев и представляли собой часть Республиканской армии. В их состав входили представители разных стран, в том числе эстонцы, литовцы, латыши. Солидарность Республике в Испании выражали прежде всего коммунисты. Так, например, с августа 1936 г. рижский комитет КПЛ начал обращения к трудящимся о поддержке Испанского фронта в его борьбе с фашизмом. Среди добровольцев, отправившихся в Испанию, как жители стран Балтии, выразившие желание сражаться за республику, так и те коммунисты, которые проживали на тот момент в СССР (например, латыши Д. С. Бейка, Я. К. Берзиньш, К. И. Янсон, В. И. Кумелан, П. И. Пумпур, Х. И. Салнин, Г. К. Шпонберг, П. М. Арман и др. воевали в Испании в составе Красной Армии). В сентябре 1938 г. ЦК компартии Испании принял решение о роспуске интербригад в связи с установлением фашистского режима в Испании и жестокой расправой с революционерами. Дальнейшая борьба добровольцев, сражавшихся в рядах интербригад, была признана нецелесообразной. Значительное количество бывших интербригадцев оказались во Франции. При переходе через испано-французскую границу бывшие добровольцы попадали в руки французской полиции, которая сразу же направляла их в заранее подготовленные для них концентрационные лагеря. Судьба участников интербригад складывалась после этого по-разному. Правительства Эстонии, Литвы и Латвии, как правило, не стремились оказывать широкую поддержку своим соотечественникам, оказавшимся в сложной ситуации, в составе широкого беженского потока. Многие просили права убежища в Швеции и других государствах, кто-то вернулся в СССР.

Д.и.н., профессор Петрозаводского государственного университета **С. Г. Веригин** представил доклад «Новые документы о финской оккупации Карелии (1941–1944)». Это часть масштабного проекта «Без срока давности», который реализуется в настоящее время в Российской Федерации и фокусируется на «сохранении исторической памяти о трагедии мирного населения СССР — жертвах военных преступлений нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны»⁸. С. Г. Веригин подчеркнул, что целью работы было показать трагедии человеческих судеб на территории оккупированной во время Второй мировой войны Карело-Финской ССР. Новые документы, полученные из ведомственных архивов Карелии, демонстрируют, что финская политика на оккупированных территориях заключалась в создании «чистой» в этническом отношении Великой Финляндии. Политика «этнической чистоты» была направлена против русского мирного населения, а создание сети концлагерей, значительная часть которых находилась в Петрозаводске, переименованном в годы оккупации в Яанислинна (*Äänislinna*), позволяет, по мнению С. Г. Веригина, приравнять оккупационный финский режим к фашистскому. По его словам, смертность среди заключенных финских лагерей в 1942 г., например, значительно превышала смертность в нацистских лагерях. Сложность же точных подсчетов и расхождения по этой причине во взглядах с финскими коллегами обусловлены небрежностью и нерегулярностью ведения списков умерших, сохранившихся на данный момент в архивах. Новые исследования в этой области затрагивают острые вопросы, связанные с формированием исторической памяти, поэтому получают большой резонанс как у российской, так и финской общественности.

Тему истории Второй мировой войны в регионе продолжил профессор Норвежского института оборонных исследований **С. Хольтсмарк**, который рассказал о новых документах Центрального архива Министерства обороны РФ, проливающих свет на сущность Петсамо-Киркенесской операции и освобождения Красной Армией Северной Норвегии. В своем докладе автор ставил перед собой ряд вопросов: было ли вступление советских войск в Норвегию частью стратегического замысла советского руководства в качестве установления долгосрочного политического влияния в стране, почему советское военное присутствие продержалось менее года, какое место занимала Норвегия в сталинской концепции послевоенного устройства в Европе. Профессор Хольтсмарк подчеркнул: после

⁸ Всероссийский проект «Без срока давности» // 75-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов [Электронный ресурс]. URL: <https://pobeda.nso.ru/projects/federal/vserossiyskiy-proekt-bez-sroka-davnosti> (25.12.2021).

того, как осенью 1944 г. благодаря усилиям советских и шведских дипломатов Финляндия была выведена из войны, ситуация на фронте переменилась. Советско-финское перемирие означало, что основные силы Германии с территории Финляндии должны быть вытеснены. В сентябре 1944 г. К. А. Мерецков получил приказ начать наступление на 19-й горно-стрелковый корпус, который входил в XX Горную Армию Вермахта. Основная задача — полное уничтожение XX армии — в ходе этой операции не была выполнена. Немецкие войска несли потери, но сумели относительно организованно отступить на территорию Норвегии. Именно это, подчеркнул Хольтсмарк, обусловило решение советского командования перейти границу с Норвегией и преследовать силы Вермахта. Таким образом, освобождение Северной Норвегии стало результатом ситуативно менявшихся планов советского руководства, которое, после того как поставленная задача была выполнена, дало приказ к выводу советских войск из Норвегии. Норвегия, да и Скандинавия в целом, с точки зрения автора, в основном находились за пределами круга советских внешнеполитических приоритетов.

Доцент Университета Тромсё **П. Манкова** рассказала о новых подходах к изучению истории деятельности норвежских добровольцев в Красной Армии в период Второй мировой войны. Эта тема также активно эксплуатируется в настоящее время в формировании политики памяти о событиях войны, и важна для России и Норвегии прежде всего с точки зрения развития регионального сотрудничества в области культуры и истории. История норвежских солдат, которые участвовали в диверсионных вылазках на оккупированных норвежских территориях, затрагивает сразу несколько аспектов. Это вопрос о героизации/дегероизации этих людей, вопрос об их вкладе (подчас анонимном) в победу над фашизмом, тема «страданий, причиненных войной». Благодаря региональному культурному и дипломатическому сотрудничеству России и Норвегии в настоящее время эта тема изучается с обеих сторон, а совместные коммеморативные практики (установление памятника норвежским партизанам в Першфьорде 27 июня 2018 г.; в 2019 г. на сцене Мурманской филармонии было представлено музыкальное произведение Х. Соммерро «Партизанский реквием» о войне в Северной Норвегии; в июне 2014 г. на открытии фестиваля «Фестспиллене» на севере Норвегии в городе Харстад состоялась премьера оперы «Кибергская одиссея», в которой рассказывалось о судьбе партизан из Финнмарка. В 2016 г. она была представлена российскому зрителю в Мурманске) позволяют пролить свет на мало исследованные ранее факты.

В докладе доцента МГУ им. М. В. Ломоносова к.и.н. **Е. В. Коруновой** был представлен анализ политики нейтралитета Швеции в послевоенный период. В центре её исследований — фигура министра иностранных дел Швеции Э. Ундена, утвердившего официальную доктрину шведского нейтралитета: «Свобода от союзов в мирное время с целью сохранения нейтралитета во время войны». Главной задачей Ундена, подчеркнула Корунова, было избежать участия в военных блоках, способствовать миротворческой деятельности ООН. Основа линии Ундена — связь нейтралитета с формированием и поддержанием политики коллективной безопасности. В этом смысле, как показала докладчик, «дуэт Ундена — Хаммаршёльда» (последний с 1947 г. был статс-секретарем МИД Швеции, с 1949 — генеральным секретарем МИД) лишь способствовал достижению поставленных во внешней политике целей. Назначение Д. Хаммаршёльда в 1953 г. на должность Генсека ООН укрепило диалог двух шведских политиков и безусловно содействовало возрастанию авторитета Швеции как малой нейтральной страны на международной арене.

Д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета **И. Н. Новикова** осветила российско-датское сотрудничество в условиях санкционного режима. Она подчеркнула, что история политических и экономических связей с Данией демонстрирует, что страна воспринималась в России как союзник даже в условиях холодной войны. В новейшее время экономические связи интенсифицировались. Правовой основой этих процессов служит Соглашение о развитии экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Королевством Дания, подписанное 26 октября 1992 г. Особенно активно российско-датское сотрудничество развивается в области энергетики, фармацевтики, в сельском хозяйстве, экологической сфере и др. И. Н. Новикова отметила, что Дания была первой страной — участницей проекта строительства «Северного потока», выдавшей разрешение на прокладку трубы газопровода по дну Балтики в своей экономической зоне. При этом, как подчеркнула докладчик, в экономических взаимоотношениях присутствует неравномерность: Россия выступала, как правило, реципиентом датской финансовой помощи, а маленькая Дания с населением чуть больше Петербурга, в 5,5 млн человек, являлась донором.

Особую роль экономические связи с Данией играют для Санкт-Петербурга. Доля Санкт-Петербурга во внешнеторговом обороте РФ — Дания, увеличилась с 8,4 % в 2004 г. до 14 % в 2019 г. Среди стран — торговых партнеров Петербурга

Дания переместилась с 25-го места в 2012 г. на 17-е в 2019 г. в общем товарообороте северной столицы. Украинский кризис и санкционный режим, безусловно, ухудшили отношения. Дания поддержала санкции, введенные против РФ, и стала участником режима контрсанкций. Однако в экономическом взаимодействии Петербурга и Дании после введения санкций не произошло кардинальных перемен. С одной стороны, из-за контрсанкций сократились поставки датских продуктов питания. Однако в это же время вырос экспорт петербургских товаров в Данию. Санкт-Петербург активно включился в новый формат российско-датских отношений, характеризуемый ростом поставок российских энергоресурсов. Пандемия COVID-19 также принесла новую реальность. Ограничения во многих сферах компенсируются возможностями развития новых возможностей для сотрудничества — в области кибербезопасности, фармацевтики, цифровизации экономики и образования, медицинских технологий.

Третья сессия конференции была посвящена истории развития скандинавистики (нордистики) за последние десятилетия в различных научно-образовательных центрах.

Н. С. Плевако, к.и.н., в.н.с. и руководитель Центра Северных стран Института Европы РАН рассказала о деятельности «Центра по изучению рабочего класса» (*Arbetslivscentrum*) и его роли в развитии российско-шведских научных связей. 1970–1990-е годы были временем значительного роста интереса со стороны советского правительства к социал-демократическому движению на Западе, его опыту в проведении реформ в области внутренней политики. В частности, особое внимание привлекала Швеция, где с 1970-х гг. и до середины 1990-х у власти находились представители социал-демократического движения, идеология и культура которых оказывала значительное влияние на все шведское общество. На период 1977–1995 гг. пришлась и работа «Центра», в компетенцию которого входил широкий круг вопросов, а взаимный интерес явился стимулом к развитию связей между Швецией и СССР в области науки, установлению контактов между различными учреждениями и органами власти. В рамках двустороннего сотрудничества прошли ряд совместных семинаров и встреч, что способствовало укреплению контактов между шведскими и советскими/российскими учёными.

Директор Института международных исследований, доцент МГИМО МИД России, к.и.н. **В. В. Воротников** представил вниманию слушателей ретроспективу истории изучения Скандинавско-Балтийского региона в МГИМО. Он подчеркнул, что ведущим направлением образовательных программ учреждения всегда было

изучение языков региона, особое внимание уделялось специфике политической и экономической ситуации в нем, главной целью обучения являлась комплексная подготовка специалистов в различных областях знания. История профильного изучения Скандинавско-Балтийского региона начинается с создания в 1951 г. кафедры североевропейских языков, где работали крупнейшие преподаватели, многие из которых имели солидную переводческую практику, прошли войну в качестве военных переводчиков. В последующие годы имели место многочисленные преобразования в структуре организации, однако неизменными оставались принципы преемственности и постоянного развития. С 1990-х гг. в связи с возникшей необходимостью в специалистах в прибалтийских исследованиях началось изучение языков региона. В 2008 г. был создан Центр североевропейских и балтийских исследований, который с 2018 г. является составной частью Центра европейских исследований, где изучаются различные политические и международные проблемы развития региона. Результатом активной деятельности центра выступают многочисленные совместные проекты и публикации⁹. Среди известных выпускников стоит назвать помощника президента РФ Ю. В. Ушакова (датский язык), первого заместителя Министра иностранных дел РФ В. Г. Титова (шведский язык), заместителя председателя Совета Федерации К. И. Косачева (шведский язык).

Доцент Мурманского арктического государственного университета к.и.н. **М. Б. Ильичева** поделилась опытом преподавания истории и культуры стран Северной Европы в контексте международного сотрудничества. С 1996 г. на кафедре всеобщей истории университета была введена специализация по истории и культуре стран Северной Европы, которая включала в себя общие курсы и спецкурсы по широкому кругу вопросов (весь курс истории, начиная с древности и до современности, аспекты социального, экономического и политического развития региона, культура и особенности национальной политики и пр.) носила системный и в то же время гибкий характер. С целью содействия региональной интеграции особое внимание было уделено внеаудиторной деятельности — сначала за счёт энтузиазма отдельных лиц, организующих совместные семинары и конференции, а с

⁹ *Воротников В. В.* Правый популизм и его влияние на партийно-политический ландшафт в странах Балтии и Финляндии в конце 2010-х гг. // *Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности: монография.* М., 2020. С. 180–209; *Симоныя Р. Х.* Экономика Литвы: от советского до современного периода // *Современная Европа.* 2020. №3 (96). С. 72–82; *Воротников В. В.* «Мягкая сила» России в странах Прибалтики в исследовательском фокусе: традиции, противостояние, конкуренция // *Балтийский регион.* 2019. Т. 11. № 3. С. 107–124; *Симоныя Р. Х.* Латвия. История Первой Республики. М., 2020.

2000-х гг. волна интереса к Северной Европе переросла в широкоформатное движение, включающее не только образовательную составляющую, но и общественную, культурную и административную. Проведение «Дней Северных стран», выросших из «Дней Норвегии», получило не только постоянную основу, но и общественный резонанс, стало большим общеуниверситетским проектом, платформой для будущих совместных проектов. В рамках проекта и сейчас, отметила автор, осуществляются различные формы работы: проводятся научные семинары, литературные вечера, лекции, дискуссии, кинопоказы и концерты, театральные постановки и пр. Студенческий театр «Нордика» превратился из кафедры в общеуниверситетский центр, привлекающий к себе не только студентов МАГУ, но и учащихся других вузов, а празднование «Праздника Святой Люсии» в рамках «Дней Северной Европы» стало событием городской культурной жизни. М. Б. Ильичева отметила, что результатом последовательной политики университета стало тесное сотрудничество с консульствами Норвегии и Финляндии в Мурманске, со многими общественными организациями и зарубежными коллегами. Использование сравнительного подхода в преподавании, учитывающего контекст и потребности конкретных потребителей знания, а также особенности менталитета, повседневной жизни, национального образа мышления содействуют преодолению стереотипных представлений друг и друге.

Директор издательства «Весь Мир» к.и.н. **О. А. Зимарин** представил доклад о книжной культуре стран Северной Европы, в котором отметил интерес российского сообщества к истории и культуре стран региона, обозначил ряд сложностей, с которыми приходится сталкиваться издателю в своей деятельности и провёл сравнительный анализ книжного бизнеса в скандинавских странах. О. А. Зимарин особо отметил, что развитие книжного дела на Севере Европы, в частности в Норвегии и Дании, происходит благодаря государственной поддержке издательств, а также установленных высоких розничных цен на книги. Развитие технологий и пандемия постепенно меняют картину книжного дела в Скандинавии: возрастают объёмы продаж электронных и аудиокниг (например, по итогам 2020 г. в Швеции продажи электронных книг выросли на 35%). Несмотря на это, пока аудиоформат многим представляется скорее развлекательным, и о паритете печатной книжной продукции и цифровой говорить не приходится.

Выступление д.и.н., профессора Университета Тромсё — Арктического университета Норвегии **В. В. Тевлиной** было посвящено совместной работе норвежских и российских историков по налаживанию диалога, которому на данный

момент насчитывается уже около 35 лет. Автор отметила, что интенсификация контактов между российскими и норвежскими коллегами началась с конца 1980-х — начала 1990-х гг., когда вероятность влияния советской идеологии, ощущавшейся среди норвежских коллег в более ранний период, стала уже не актуальной. В ходе доклада были упомянуты такие значимые фигуры, как историк-нордист А. С. Кан, стоявший у истоков отечественной скандинавистики, академик А. О. Чубарьян, способствовавший её развитию, академик В. Н. Булатов, предпринявший значительные усилия для установления контактов с норвежскими университетами, организовавший ряд совместных российско-норвежских мероприятий¹⁰, профессор Й. П. Нильсен — постоянный и давний партнер, внесший значимый вклад в развитие российско-норвежского сотрудничества (в 2020 г. Й. П. Нильсен был удостоен звания почетного доктора Российской академии наук). Поддержание преемственности поколений и повышение интереса к скандинавским исследованиям среди молодежи были реализованы в рамках скандинавских школ молодого историка, проводимых на регулярной основе с 2001 г. в Архангельске на базе Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова (с 2011 г. — Северный (Арктический) федеральный университет). Результатом плодотворного сотрудничества стала обширная издательская работа: публикации сборников статей¹¹ и документов¹², коллективных монографий¹³, более 360 персональных исследований за последнее десятилетие.

В своем докладе, посвященном научной дипломатии и исторической скандинавистике, к.и.н. в.н.с. Института всеобщей истории РАН **А. А. Комаров** остановился на нескольких линиях, касающихся связей с историками Скандинавии. Российско-шведские симпозиумы (всего их было проведено 11: с 1976 по 1998 г.), проходившие в различной международной обстановке, неизменно сохраняли характер доброжелательных и насыщенных встреч, способствовали не только развитию совместных научных исследований, но и установлению человеческих дружеских связей. В качестве организатора симпозиума со шведской стороны

¹⁰ XI Всероссийская конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Архангельск, 1989 г.; российско-норвежский симпозиум историков «Российско-норвежские связи в 1814–1917 гг. история и культура». 6–8 ноября 1992 г. Тромсё.

¹¹ Оттар. Научно-популярный журнал Музея г. Тромсё. № 192; Frykt og forventning. Russland og Norge i det 20. århundre. Archangelsk, 1996; Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке. Архангельск, 1997.

¹² Советско-норвежские отношения, 1917–1955: сб. документов. М., 1997.

¹³ Russland kommer nærmere. Norge og Russland 1814–1917 / Ed. J. P. Nielsen. Oslo, 2014; Naboer i frykt og forventning. Norge og Russland 1917–2014 / Ed. S. G. Holtmark. Oslo, 2015. Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / Ред. Й. П. Нильсен. М., 2017.

выступала Королевская академия словесности, истории и древностей (*Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien*), а с советской — Академия наук СССР, между которыми продолжительное время действовал договор о научном сотрудничестве. Говоря об активизации российско-норвежского сотрудничества с начала 1990-х гг., А. А. Комаров отметил особую роль в его развитии и дальнейшем стимулировании публикации сборника архивных документов «Советско-норвежские отношения, 1917–1955»¹⁴. Новым этапом совместной работы российских и норвежских исследователей стал мегапроект «Асимметричное соседство: Россия и Норвегия, 1814–2014», результатом которого стали публикации двух коллективных монографий на норвежском языке и одной на русском¹⁵. Ярким примером научной дипломатии, отметил автор, являлись сначала всесоюзные, а начиная с 1990-х гг. всероссийские конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии, сыгравшие особую роль в развитии сотрудничества отечественных скандинавистов с зарубежными коллегами.

Финальным аккордом конференции стала презентация, продемонстрированная и сопровождаемая комментариями д.и.н. САФУ им. Ломоносова **А. В. Репневского** «Отечественная скандинавистика XXI века (2001–2021) в делах и лицах». Представленные в фотолетописи ключевые события, встречи и мероприятия стали отражением пути развития и трансформации скандинавских исследований за два последних десятилетия. Многие участники конференции, изображенные на фотографиях, получили возможность поделиться своими воспоминаниями и обсудить прошедшие события.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть тот факт, что научные дискуссии в рамках международной конференции «Пути отечественной скандинавистики» проходили в атмосфере живой беседы и взаимного интереса. Были представлены последние исследования в области истории Скандинавско-Балтийского региона, подведены итоги проделанной работы по разработке тем в различных научно-исследовательских и образовательных центрах, намечены дальнейшие пути развития этой отрасли.

Ю. А. Михайлова
А. А. Садова

¹⁴ Советско-норвежские отношения, 1917–1955: Сб. документов.

¹⁵ *Russland kommer nærmere. Norge og Russland 1814–1917; Naboer i frykt og forventning; Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах.* В сентябре 2018 г. книга «Сближение...» получила специальную награду от ассоциации издателей как лучшая книга 2017 г., вносящая вклад в диалог культур.

LET'S WRITE HISTORY OF TWINNING BETWEEN KARELIAN AND FINNISH MUNICIPALITIES

ДАВАЙТЕ ПИСАТЬ ИСТОРИЮ ПОБРАТИМСТВА КАРЕЛЬСКИХ И ФИНЛЯНДСКИХ ГОРОДОВ

The 20th century was the time when people-to-people diplomacy emerged. And it proved its effectiveness in the context of the Cold War. For the borderland Karelia, where relations with neighbours on the other side of the border have always received special attention, participation in twinning has become one of the tools both for the development of its territory and for building friendly relations with cities and regions of foreign countries.

The first partners were the Finns. The twinning movement between cities in Finland and the USSR dates back to 1953, when two pairs of cities — Lahti and Zaporozhye and Turku and Leningrad — were established as friends. The history of twinning between towns and districts of Karelia and Finnish communes goes back more than half a century. In 2020 the first pair of twin-cities — Petrozavodsk and Varkaus — celebrated 55 years of cooperation started in 1960s. In 1970-90s other towns and districts of Karelia established contacts with Finnish municipalities. Since that time the following twin cities have been established:

- 1984 — Kondopoga — Jamsankoski (now Jämsä)
- 1986 — Kostomuksha — Kuhmo
- 1987 — Kalevala — Suomussalmi
- 1988 — Pitkäranta — Paltamo
- 1989 — Olonets — Hyrynsalmi, Puolanka, Ristijärvi
- 1989 — Louhi — Kuusamo
- 1990 — Belomorsk — Haapavesi
- 1991 — Pitkäranta — Kuopio
- 1994 — Petrozavodsk — Joensuu, etc.

In the 1990s all districts of Karelia had twinning relations with Finnish municipalities. Direct contacts between schools, clubs, social, sports and other organizations have become a reality. Friendship societies on both sides have always been actively involved in the development of relations. Today, there are 60 pairs of twinned municipalities in Karelia and Finland. For several decades, twin cities have been virtually the only and very successful form of international relations for cities and regions. And twin relations remain the most recognizable form of international cooperation today.

Despite the rich history of the development of relations between Finland and Russia, the topic of twinning has not been sufficiently researched. Historians of this cooperation still have much to learn. Eyewitnesses have many stories to tell, both serious and entertaining. And this page of Karelian-Finnish relations is far from complete.

Based on this approach, the Karelian Public Diplomacy Development Foundation, the National Archive of Karelia, the Fennica Interdisciplinary Research and Education Centre for Baltic-Finnish Studies of Petrozavodsk State University and the Finnish Language Centre in Karelia propose the project idea *Let's write history of twinning between Karelian and Finnish municipalities*. From the Finnish side the idea is supported by the Finland-Russia Society.

The idea of the project is to create a network of partners from both sides who will work on collecting information about how twinning ties between Karelian and Finnish municipalities have developed, including working with archives, interviewing participants, and studying the media. It is planned to write summary articles, publish documents, translate them into Finnish or Russian and prepare document exhibitions. These materials can be used for further study and popularization of local history with the participation of schoolchildren and students. The young participants of the project can include their input into this work, developing their own projects on particular cases and stories on both sides of the border. At the same time, they will learn the local history of these places and towns.

This is important because local history creates local identity. The phenomenon of twinning originated in ancient times as a cultural practice. In the mid-twentieth century, twinning became a form of cooperation between cities and aimed to develop cultural and economic ties and to strengthen tolerance in the post-war world.

Many towns and cities were actively involved in this movement in the 1960-80s. What's more, this cooperation extended beyond the formal level that involved active public figures on both sides of the border. Twinning contacts made it possible to present one's own culture in a broad sense and to get to know the 'other's' culture. The twinning exchanges created a sense of pride in their city and respect for their partners with whom they often formed close friendships for many years. At the local community level, journalists, cultural workers and teachers were the first to take part in such activities, but representatives from other fields also took part - production workers, researchers, children and young people, etc. For example, the usual practice was that delegations to the twin cities, apart from the city authorities, included representatives of plants and factories, the education system, culture, and youth.

Today, many of the participants in those projects are part of the history of their city or district, of which the residents are proud. In other words, twinning provided opportunities for self-fulfillment, became part of the local history and contributed to closer

ties between residents within the city or district. This networking among ‘their own’ thus strengthened local identity.

The cross-cultural and interdisciplinary nature of twinning remains a stimulus for the development of various projects that connect museum workers and architects, journalists and restaurateurs, musicians and social workers, young people and adults. Writing the history of twinning links between cities and districts of Karelia and Finland involves creating databases on the history of local communities (in the form of documents from personal archives, audio and video materials), communicating between representatives of different generations, preparing collections of materials, producing video recordings, conducting scientific work and, thus, introducing modern residents to this part of the history of their own cities and regions. This, in turn, strengthens internal ties in local communities.

In addition to focusing on history, it is also important to work in real time — re-establishing links with the twinning community and searching for interested persons to activate the twinning relationship. Twinning is a resource for territorial development, which gives impulses for new initiatives and projects. But for success it is important to work continuously, to have motivated and qualified people and a willingness to look for ways to cooperate.

One of the important and permanent tools for cross-border cooperation between our countries has become the Finnish-Russian Twin City Congress. It has been an integral part of the Finnish-Russian Cooperation along with the Finnish-Russian Cultural Forum for many years. The Twin City Congress has brought together actors and specialists in this field and created a platform for people-to-people meetings and networking in a way that is truly unique. The Congress has been organized every five years, with Finnish and Russian cities taking turns and acting as host cities. The last Congress was organized in 2017 in Turku, Finland, the twin city for Saint Petersburg. The next one, the sixth congress, was to be held in the Russian city of Tver in 2020 but was postponed due to the Corona pandemic.

Both sides sincerely hope that it will be possible to organize the congress next year, in 2022, as a face-to-face event, long overdue due to the pandemic and the Finnish-Russian border not being open for almost two years. The closed border has taken a tremendous toll on everyday cooperation and contacts with Russian partners, and we hope the border will be opened as soon as possible to help smooth the tensions on a political level between the West and Russia.

Both the Twin City Congress and the Finnish-Russian Cultural Forum have been coordinated by the Finland-Russia Society, one of the biggest nonprofits working in Finland. The Finland-Russia Society is an open multicultural nonprofit organization with five local offices (Helsinki, Kuopio, Tampere, Turku, Oulu) and regional associations

organizing activities for everyone throughout Finland. The Society has about 8000 members with 120 local associations. It concentrates on culture, the environment, minority languages and cultures, and supporting cooperation between Finnish and Russian NGOs.

An important part of the Finland-Russia Society work is to help cultural actors, organizations, and institutions to find suitable partners in Russia to implement international projects. All the twin city activities are a huge part of this work. It is especially important for the Society to build bridges between Finnish and Russian grassroots organizations to strengthen the dialogue between the two civil societies in accordance with Finnish foreign policies which focus on supporting bilateral and multilateral cooperation as well as joint responsibilities of core values. The Finland-Russia Society shares the core values of the European Union such as respect for human dignity and human rights, freedom, democracy, equality, and the rule of law.

The Twin City Congress is always a mirror of its time, meaning that all the current issues and problems the cities, communes and areas are facing at the time are chosen as themes running throughout the congress program. For example, the 2017 Turku Congress dealt with issues such as business cooperation, travel, sustainable development as well as cultural cooperation, education and grassroots movements in Finland and Russia. The 2020 Congress in Tver' was expected to address issues such as smart cities and a green economy, both of which are very current topics on both sides of the border.

If the Turku Congress of 2017 proved anything, it is that there is an extreme need for these kind of cross-border cooperation forums. There were over 300 people participating in the congress and we expect the same enthusiasm for 2022. The previous event had presidents of both countries acting as patrons of the event which is also a signal that there is an interest for twin city activities also on the governmental and political level. So, it gives us great pleasure to invite you all to Tver in 2022!

The length of the Russian-Finnish border is almost 1272 km. This factor makes our countries close neighbours and it means that we are 'doomed' to cooperate. During the recent online joint round table *Twinning: History and Contemporary Challenges* Mayor Tytti Määttä of Kuhmo paid special attention to the fact that the pandemic has created 'lack of cooperation.' At the same time this situation can be used for learning the history of cooperation and construction vision and to plan for the future.

Natalia Lavrushina,
Executive Director, Karelian Public Diplomacy Development Foundation
Marja Malmi,
Regional Director, Oulu Finland-Russia Society branch
Soile Tirri,
Regional Director, Turku Finland-Russia Society branch

СБОРНИК «НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ИНГЕРМАНЛАНДИИ»: К ИСТОРИИ СОБИРАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

*THE FOLK SONGS OF INGERMANLAND:
ON THE HISTORY OF COLLECTION AND PUBLICATION*

В рамках «Недели финского языка и культуры в Карелии» (24–30 октября 2021 г.) прошла презентация второго издания сборника «Народные песни Ингерманландии»¹. Издание вышло тиражом 500 экземпляров, при финансовой поддержке Министерства национальной и региональной политики Республики Карелия в рамках проекта Карельской региональной общественной организации «Общество дружбы “Карелия — Финляндия”» «*Elämänlanka* — Нить жизни».

Изучение и активное собирание ингерманландского и ижорского фольклора в стенах Института языка, литературы и истории началось в 1965 г. и связано с приходом в научное учреждение сотрудников, ингерманландцев по происхождению. В течение 1965–1971 гг. ими были проведены экспедиционные выезды во Всеволожский, Кингисеппский, Гатчинский, Ломоносовский и другие районы Ленинградской области. Результатом последовательной собирательской работы стало издание в 1974 г. сборника «Народные

¹ Народные песни Ингерманландии / Сост. В. П. Миронова, Н. А. Шибанова. Петрозаводск, 2020. *Альманах северо-европейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2021. Issue 6*

песни Ингерманландии)². В настоящее время книга стала библиографической редкостью. Авторами сборника являются Э. С. Киуру, Т. А. Коски, Э. П. Кюльмясу.

Эйно Семёнович Киуру, один из основных составителей издания. Он родился в семье ингерманландцев-крестьян и в полной мере испытал всё то, что выпало на долю этого народа: арест отца, принудительная эвакуация в Сибирь

Э. С. Киуру. 1966 г.
Научный архив КарНЦ РАН

(где был почти забыт родной язык), запрет возвращения на родную землю. Как и многие ингерманландцы, семья Эйно Семёновича после возвращения из ссылки поселилась в Карелии: сначала в городе Сортавала, а затем в Петрозаводске. Первым образованием Киуру было финансовое, получив которое он был направлен в Петрозаводск, в Министерство финансов КФССР. Новый этап жизни Эйно Семёновича наступил в 1953 г. с поступлением на финно-угорское отделение Петрозаводского университета. После его окончания он работал в газете «Неувосто-Карьяла», недолгое время заведовал выставочным залом Союза художников.

В 1961 г. в жизни Эйно Киуру произошла перемена: на страницах одной из газет он увидел объявление о том, что Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Карельского филиала Академии наук СССР (КФ АН СССР) принимает в аспирантуру. Кандидатское исследование было посвящено влиянию народной поэзии на литературу Карелии. Защита состоялась в 1966 г., однако, Эйно Семёнович не стал продолжать литературоведческую работу, а в стенах ИЯЛИ (в штат которого был зачислен в 1965 г.) занялся фольклористикой, поставив себе ближайшей целью сбор ингерманландской народной поэзии. Активная собирательская деятельность проводилась Киуру в период 1965–1968 гг., часто совместно с Э. Кюльмясу и Т. Коски. В 1968 г. Эйно Киуру приступил на основе собранного материала к составлению сборника народных песен Ингерманландии, который и вышел в издательстве «Наука» в 1974 году.

Фиксируя ингерманландский фольклор, Эйно Киуру особенно интересовался свадебными песнями и другими поэтическими жанрами, имеющими отношение к ритуалу свадьбы. Однако исследование по свадебной поэзии ингерманландских финнов так и осталось незавершенным.

Соавтором сборника была **Элина Павловна Кюльмясу** (в дальнейшем Кемпинен). Коллега по собирательской деятельности, расшифровке полевых

² Народные песни Ингерманландии / Сост. Э. Киуру, Т. Коски, Э. Кюльмясу. Л., 1974.

записей и составлению сборника, тоже ингерманландка.

Э. П. Кемшинен
(Кюльмясу). 1980-е гг.
Фотоархив ИЯЛИ

Родилась Элина Павловна на древней ингерманландской земле, в семье рабочего. По воспоминаниям Елены Ивановны Марковой: «Ей не надо было размышлять по поводу своей идентичности. Она всегда говорила: “Я — крестьянка. Ингерманландка”. Хотя финскую грамоту осваивала по молитвеннику в годы эвакуации в Сибири». Э. П. Кюльмясу в 1961 г. окончила Петрозаводский университет по специальности «финский и русский языки и литература». Учительствовала в Ламбасручейской восьмилетней школе Медвежьегорского района. В 1969 г. окончила аспирантуру КФ АН СССР по специальности «фольклористика», тема её диссертационного исследования «Ингерманландские руны о Куллерво», но диссертация, к сожалению, так и не была защищена. Ещё в годы учебы в аспирантуре начались её экспедиционные выезды,

в том числе с Эйно Семёновичем. Элина Павловна занималась обработкой материала: расшифровывала записи, систематизировала их, печатала и сдавала в Научный архив, в котором она провела многие годы своей трудовой деятельности (составлены внутренние описи более 100 коллекций прибалтийско-финских фольклорных материалов, это около 12 тыс. единиц хранения). Ею были подготовлены "Каталог карельских эпических песен" (1999) «Каталог ингерманландских эпических и лирических песен» (не издан, рукопись обнаружить не удалось). В соавторстве с Киуру велась работа над сборником «Прозаические жанры ингерманландского фольклора» (1975), который остался ждать своего часа³.

Особую ценность книге придают нотные записи песен, выполненные музыковедом **Тертту Арвовой Коски**. Как писал финский исследователь П. Виртаранта, «эти записи были использованы эстонским композитором Вельо Тормисом в его хоровой музыке»⁴. Тертту Арвовна родилась в Хельсинки (Финляндия) в семье рабочего. В 1932 г. семья переехала в СССР. Коски поступила учиться в Петрозаводское музыкальное училище, но Великая Отечественная война и эвакуация в Сибирь прервали обучение. После возвращения проживала в Беломорске. С 1947 по 1954 г. была артисткой оркестра в ансамбле «Кантеле», затем около

Т. А. Коски. 1980-е гг.
Фотоархив ИЯЛИ

³ Научный архив Карельского научного центра РАН (далее — НА КарНЦ РАН). Ф .1. Оп. 50. Д. 914.

⁴ Виртаранта П. Этюды о карельской культуре. Петрозаводск, 1992. С. 127.

десяти лет — в Республиканском доме народного творчества. Только в 1960 г. удалось продолжить обучение на теоретическом отделении Петрозаводского музыкального училища, которое Терту Арвовна окончила в 1964 г. и была зачислена ИЯЛИ музыковедом, где работала до 1984 г. «Являясь единственным специалистом в этой области, она занималась музыкальной расшифровкой огромного количества полевых магнитофонных записей, сделанных фольклористами института. Особенно большого труда стоило, например, переложение на ноты напевов карельских плачей, выполненное для сборника «Карельские причитания»⁵. Терту Арвовна и сама была участником многочисленных экспедиций по сбору материала. За время работы ею было подготовлено музыкальное оформление нескольких фольклорных сборников, в том числе «Песни Карельского Поморья»⁶, «Русская свадьба Карельского Поморья»⁷. «Подлинно исследовательский интерес проявляла Терту Коски к карельским частушкам — ляхютпаё (букв. “короткая песня”): она их записывала, расшифровывала напевы и наконец составила сборник»⁸, который вышел в свет в 1985 г.⁹

В работе над сборником «Народные песни Ингерманландии» принял участие **Арво Хансович Лаанест**, эстонский лингвист, специалист по ижорскому языку. Он предоставил в распоряжение составителей свои записи, сделанные в 1957–1965 годов, а также был редактором ижорских текстов. Как он сам пишет в своем кратком сообщении «От редактора ижорских текстов»: «тексты были тщательно проверены редактором путем прослушивания магнитофонных записей»¹⁰.

А. Х. Лаанест

Переиздание книги обусловлено интересом к песенной культуре финнов-ингерманландцев и ижор. Со времени первого издания вышли в свет лишь две книги, посвященные фольклору этих народов — антология «Ингерманландская эпическая поэзия»¹¹ и сборник «Причитания Ингерманландии»¹².

История собрания ингерманландского фольклора подробно описана в книге. В приложении ко второму изданию помещен полный список собирателей, информантов и населенных пунктов, где производились записи. В Научном архиве

⁵ Карельские причитания / изд. подгот. А. С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск, 1976.

⁶ Русские народные песни Карельского Поморья. Л., 1971.

⁷ Русская свадьба Карельского Поморья. Петрозаводск, 1980.

⁸ *Виртаманта П.* Этюды о карельской культуре. С. 148.

⁹ Карельские частушки. Петрозаводск, 1985.

¹⁰ Народные песни Ингерманландии. С. 34. Фотография А. Лаанеста позаимствована из открытых источников сети «Интернет».

¹¹ Ингерманландская эпическая поэзия. Петрозаводск, 1990.

¹² *Nenola A.* Inkerin itkuvirret = Ingrian laments. Helsinki, 2002.

хранится подробный отчёт Э. С. Киуру о первой экспедиции 1965 г. в Колтуши¹³. К сожалению, в архивных материалах не удалось обнаружить фотографий экспедиций.

Свои первые записи от ингерманландских исполнителей Киуру сделал в Петрозаводске, а затем объездил всю Ингерманландию (посетив, в частности, такие населенные пункты как Токсово, Колтуши, Питкелево, Гатчина, Глинки), но особенно много он поработал в сойкинских деревнях (Ломоносовский район Ленинградской области) и в устье реки Луги — среди проживающих там ижоров. Им было записано около 50 магнитофонных пленок (т. е. около 20 часов звучания).

В отчете об экспедиции в Колтуши Киуру пишет: «Совершенно изменился национальный состав населения. Даже там, где до войны население было сплошь финским, теперь преобладают русские, белорусы и другие национальности. Изменилось и социальное положение населения деревень. Подавляющее большинство населения уже не связано с сельским хозяйством, а работает в городе на промышленных предприятиях. <...> Возвращение на родину ингерманландцев началось с 1954 года. <...> Процесс, так сказать, репатриации ингерманландцев не прекратился полностью еще и теперь. На прежние места приезжают ингерманландцы из Карелии и других областей России. Однако, прежней этнической общности у ингерманландцев уже нет и восстановлена она, очевидно, не будет: изменились условия жизни, слишком далеко зашел процесс обрусения. Молодежь до 30 лет уже редко говорит по-фински, многие даже не понимают языка своих родителей. И тем не менее среднее и старшее поколения сохранили чувство национальной общности, взаимной близости ингерманландцев. Практически это находит свое конкретное выражение в том, что ингерманландцы часто собираются компаниями друг у друга, поют „старинные“ песни, вспоминают былое и былую жизнь»¹⁴.

В этом же отчете сохранились сведения о том, как относились те, уже немногочисленные носители национальной культуры, к записыванию от них песен. К примеру, об исполнительнице Лийзе Раутанен собиратель пишет: «К записыванию песен на пленку она отнеслась с подкупающей серьезностью и доброжелательностью. Здесь не было никаких мотивов личного характера. Ей важно было не то, что именно ее голос, ее исполнение остается жить долго после нее, а то, что любимые народные песни сохранятся надолго как свидетельство некогда живой народной культуры, народного духа. И в самом деле, репертуар Л. Раутанен, состоящий главным образом из игровых (пийрилейккилаулу), лирических, танцевальных (röntyskä) песен и частушечных куплетов свидетельствует не только о богатстве народной лирики («токсовская традиция»), но и о высоком мастерстве и художественном такте и чутье самой прекрасной исполнительницы»¹⁵.

¹³ НА КарНЦ РАН. Ф.1. Колл. 159. Ед. хр. 1.

¹⁴ Там же. Л. 4–6.

¹⁵ Там же. Л. 9–10.

Собиратель отмечает сведения о бытовании песенной культуры: «В беседах с исполнительницей Екатериной Хипель и другими женщинами, ее подругами, выяснилось, что, работая на поле или других сельскохозяйственных работах (женщины работают в совхозе), они часто поют народные песни. Так что песня еще живет у них живой полнокровной жизнью, удовлетворяя эстетические потребности и национальное чувство своих исполнительниц»¹⁶.

Последние аудиозаписи ингерманландского фольклора, хранящиеся в фонограммархиве, датированы началом 1990-х гг., в Научном архиве хранятся рукописные записи, сделанные Э. П. Хуттер (1992, 1997 гг.) от своих родных и знакомых ингерманландцев.

В. П. Миронова
Н. А. Шибанова

¹⁶ Там же. Л. 11.

НУЖЕН ЛИ РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ ФИНСКИЙ ЯЗЫК?

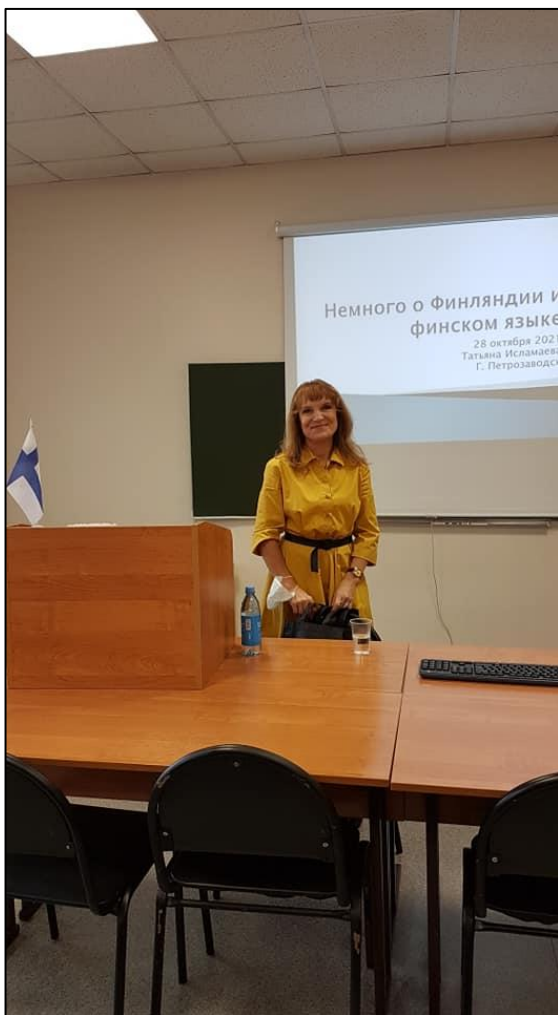
DOES THE REPUBLIC OF KARELIA NEED FINNISH LANGUAGE?

Что имеем не храним

В последние тридцать лет не принято было обсуждать ситуацию, сложившуюся в Республике Карелия с некогда популярным финским языком. Массовый отток из республики в Финляндию людей с финскими корнями по программе репатриации 1990-х гг. привёл к тому, что уверенно существовавший в нашем крае язык, сдал свои позиции и стал постепенно уходить из всех сфер деловой жизни кроме досуга. Лишившись большинства носителей языка и его потенциальных пользователей, Карелия потеряла свой статус главного поставщика квалифицированных кадров в области развития экономических, политических, культурных связей России и Финляндии.

Это становится очевидным на расстоянии. Работая некоторое время в Торговом представительстве Российской Федерации в Финляндской Республике, я обратила внимание, как «ослабла» Республика Карелия во взаимодействии с Финляндией без специалистов, владеющих финским языком. Практически ни в одной государственной организации уже нет своих финноговорящих сотрудников, не говоря уже о компаниях, производственных предприятиях, которые достаточно активно сотрудничали и продолжают сотрудничать с финнами. «Армия» переводчиков, которой некогда славилась Карелия, сократилась до «отделения». На высокий уровень стали привлекать наших бывших соотечественников, которые когда-то покинули Карелию.

Чем ещё вызвано постепенное исчезновение финского языка в Карелии? На фоне резкого уменьшения количества носителей языка и знающих финский специалистов происходит резкое сокращение его преподавания во всей образовательной сфере. В 2013 г. были уничтожены бренды Петрозаводского университета — факультет Прибалтийско-финской филологии и культуры и старейшая в нашем вузе кафедра финского языка и литературы (образована в 1940 г.), являвшаяся сильнейшей в стране школой по подготовке финских филологов. Сильно сократился и приём на востребованную до сих пор среди абитуриентов специальность. В 2021 г. кафедру прибалтийско-финской филологии Института филологии ПетрГУ по направлению «Зарубежная филология (финский язык и литература)» было принято 13 студентов. На втором курсе по этому направлению обучается 14 человек, на третьем 7 и на четвёртом 8.

Следует отметить, что часть выпускников кафедры финского языка и литературы начала активно уезжать в Финляндию с конца 1980-х, но, как мне кажется, это лишь поднимало престиж нашего вуза: наши специалисты-переводчики до сих пор высоко ценятся в Финляндии. Сегодня выпускники по-прежнему уезжают, но при таком малом наборе республика практически полностью лишается необходимого количества собственных востребованных специалистов.

Педагогический колледж также был также кузницей учителей финского языка для общеобразовательных школ и не только, но с 2021 г. финский язык там больше не преподаётся, что приведёт в скором времени к нехватке учителей финского языка.

В 1995–1996 гг. финский язык преподавался как второй иностранный в 103 школах республики для почти 13,5 тысячи школьников. На сегодняшний

день 4,5 тысячи детей изучает финский, но из них лишь половина учит финский язык в рамках школьной учебной программы.

Мне известно только о трёх детских садах в Петрозаводске, где сегодня идут занятия по финскому языку. Всё это происходит на фоне остающегося повышенным интереса к финскому у населения.

По логике вещей, если уезжает так много специалистов, владеющих финским языком, необходимо усиливать собственную образовательную базу, чтобы не потерять привлекательность и не оказаться в ситуации ведомого. Финляндия по-прежнему наш сосед, наш основной торговый партнёр, преобладающее количество международных проектов реализуется с финскими организациями, наиболее оживлённый туристический поток осуществляется между Карелией и Финляндией.

Возможно, международный кризис 2014 г. и пандемия коронавируса притормозили ненадолго активное взаимодействие между нашими странами, но всякий кризис носит временный характер. Последствия недалёковидности в языковой ситуации могут привести к сокращению взаимодействия в целом.

Один в поле не воин?

В октябре 2018 г. была учреждена карельская региональная общественная организация «Центр финского языка в Республике Карелия», целью которой является развитие, поддержка и сохранение финского языка в республике. Это не национальное сообщество финнов на территории Карелии, это образовательная и просветительская организация, в задачи которой входит обучать, просвещать и

объяснять, зачем и с какой целью финский язык необходимо сохранять на должном уровне в Республике Карелия.

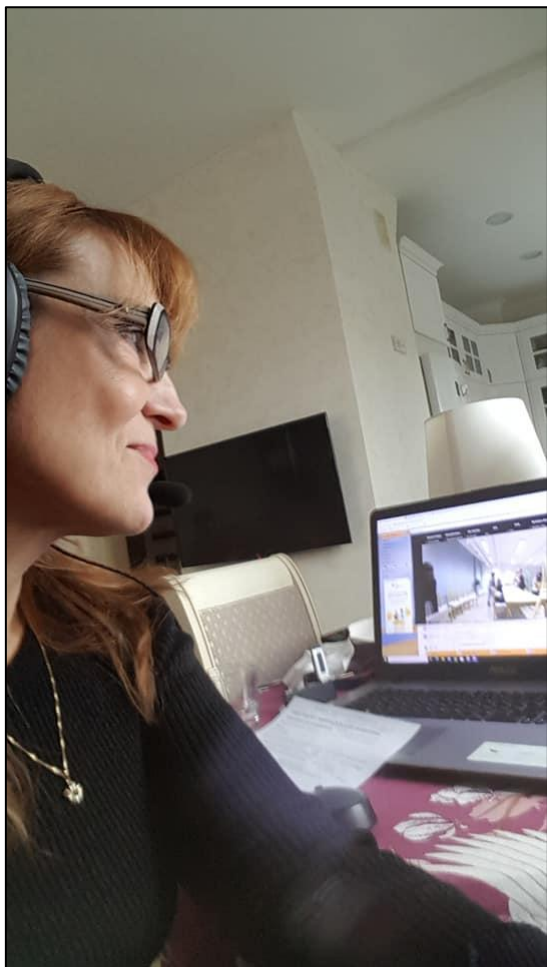
Мероприятия, проводимые обществом, и формы работы с населением самые разные. Но прежде всего — это обучение финскому языку всех

желающих на бесплатной основе. Данная инициатива КРОО была поддержана Министерством по национальной и региональной политике Республики Карелия. Подобные бесплатные курсы при поддержке министерства организованы также по карельскому и вепсскому языкам.

Читаются также лекции о значимости финского языка в Карелии для разных организаций и для молодёжи, ведётся постоянный мониторинг объёма, уровня и качества преподавания финского в сфере образования.

Сейчас главное — достучаться до молодёжи и молодых родителей, чьи дети пойдут скоро в школы. Закон Российской Федерации об образовании даёт большие полномочия родителям, заказ на определённый компонент в обучении должен исходить от них. К сожалению, школы не заинтересованы в финском языке, так как он может «испортить» показатели. Финский не стоит в списке обязательных ЕГЭ, что послужило практически полному уничтожению его в школьных программах. Но при этом, родители платят огромные деньги частным школам, репетиторам за обучение финскому, желая, чтобы их дети выучили язык.

Причин для этого много, одной из важных является намерение отправить ребёнка учиться за границу (в случае с Карелией — отправить в Финляндию). Многие родители до сих пор убеждены, что за границей жизнь лучше. Это болезненные последствия советской эпохи: не пересмотренные, не переосмысленные. Одной из задач нашего Центра является знакомство жителей Карелии с современной Финляндией, не только с её успехами, но и проблемами. Мы хотим объяснить людям, что лишь единицы из тех, кого отправили с неполным общеобразовательным багажом знаний в Финляндию, добиваются там хоть

малейшего успеха в современных условиях, в то время как наш край отчаянно нуждается в квалифицированных специалистах, знающих финский язык.

КРОО «Центр финского языка в Республике Карелия» уже третий год организует и проводит со своими партнёрами широкомасштабное просветительское мероприятие под названием «Неделя финского языка и культуры в Карелии». Цель — обратить внимание общественности на положение финского языка в республике при помощи различных мероприятий в детских садах, в школах, университете, посредством лекций, экскурсий, конкурсов и языковых занятий. В этом году в рамках Недели была организована российско-финляндская дискуссия (Круглый стол) о возможностях дальнейшего развития побратимских связей между городами Карелии и Финляндии.

Популярность Недели с каждым годом становится всё больше, несмотря на ограничения последних двух лет. Современные технологии позволяют объединить людей в виртуальном пространстве, и аудитория наших мероприятий постоянно растёт. Неделя становится форумом, на котором поднимается проблема изучения иностранных языков в целом. В самой Финляндии положение с русским языком в образовательной сфере можно назвать не менее плачевным, чем у нас финским. Эта тема обсуждалась на Круглом столе году в рамках Недели 2020 г.

Если исключить политический подтекст в изучении иностранных языков и дать обучению языкам социально-культурную направленность, то это существенно повлияет на экономическое, социальное и культурное взаимодействие между странами, особенно на приграничных территориях, где контакты между соседями наиболее активны. Ведь всем людям прежде всего важно, чтобы развивались территории, на которых они живут, процветали, были здоровы и имели будущее их дети.

Через языки к пониманию — это лозунг КРОО «Центр финского языка в Республике Карелия». Надеюсь, что событий и мероприятий будет ещё больше и в дальнейшем они принесут свои плоды.

Т. И. Исламаева
председатель КРОО «Центр финского языка в Республике Карелия»

IN MEMORIAM

**«САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ — ЭТО СОЗДАВАТЬ!»
ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВИЧА КОЖАНОВА
(1.09.1949–29.05.2021)**

**‘THE MOST INTERESTING THING IS TO CREATE!’
IN MEMORY OF ALEXANDER ALEXEEVICH KOZHANOV
(1.09.1949–29.05.2021)**

29 мая 2021 г. ушёл из жизни Александр Алексеевич Кожанов.

Он родился 1 сентября 1949 г. в Эстонии. Как он сам рассказывал: «В г. Таллине, где прошло моё детство, всё пропитано историей, его улочки, дворики... Поэтому мой профессиональный выбор был предопределён». В 1966 г. Александр Кожанов окончил школу и отправился поступать на исторический факультет Ленинградского университета. Попытка оказалась неудачной из-за двойного выпуска 10 и 11 классов в тот год. Конкурс на место превышал 25 человек. В 1968 г. Александр Алексеевич поступает на исторический факультет Петрозаводского государственного университета, и с тех пор его жизнь навсегда оказалась связанной с Петрозаводском.

Будучи студентом, Александр Алексееви не только отлично учился, но и работал в редакционной коллегии стенгазеты, участвовал в фестивалях студентов, исполняя различные драматические роли. Все летние каникулы были

Альманах северо-европейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2021. Issue 6

заняты: этнографическая практика, съёмки фильма «А зори здесь тихие», этносоциологические экспедиции.

Во многом под влиянием экспедиций, руководителем которых был Е. И. Клементьев, по окончании университета в 1973 г. Александр Алексеевич поступает по направлению ИЯЛИ в аспирантуру в Институт этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая (1973–1976 гг.). По её окончании он начинает работать в секторе этнографии и этносоциологии Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

В 1978 г. Александр Алексеевич защитил кандидатскую диссертацию по проблемам этнической идентичности карелов и вепсов Карелии и совместно с Е. И. Клементьевым много и плодотворно работает над развитием нового этносоциологического направления, проводит полевые исследования, обрабатывает большие объёмы статистической информации. В 1979 г. стартовал проект «Образ жизни сельского населения Карелии». По его итогам были подготовлены две монографии, дающие развёрнутое представление о сельской среде в нашей республике.

В 1988 г. Александр Алексеевич перешёл на работу на исторический факультет Петрозаводского государственного университета, в котором проработал до 2013 г. Он преподавал множество учебных курсов: историю Карелии, историю СССР (послевоенный период), математические методы в исторических исследованиях, историю первобытного общества, этнографию, историческую географию, историю архивоведческой мысли, регионоведение и др. Студенты с большим пиететом относились к нему, ценили его принципиальность, чувство юмора, умение посмотреть на ситуацию с необычной стороны.

В 1991 г. Александр Алексеевич возглавил кафедру истории дореволюционной России, а в 2004 г. — кафедру архивоведения и специальных исторических дисциплин, преемницей которой была основанная в 1996 г. на историческом факультете специальность «делопроизводство и ведомственные архивы», которую он растил и пестовал вплоть до своего выхода на пенсию. Несмотря на сложность «лихих девяностых», и как говорил Александр Алексеевич — «благодаря им», новая специальность быстро развивалась: укрепилось сотрудничество с РГГУ, формировались новые учебные планы с комплексом актуальных учебных дисциплин, в 2001 г. дипломы по новой специальности получили первые выпускники. Работа по созданию и развитию этой специальности и кафедры стала для него неожиданно интересным занятием. Идея, родившаяся из необходимости поднять рейтинг исторического факультета, привлечь внимание к новым направлениям его деятельности, обрела новыми обоснованиями нужности этой специальности. Как для организации хранения документов, которые легко могут быть утрачены, так и для повышения качества работы с историческими источниками, включая все этапы их жизни. Сложившийся на кафедре под

руководством Александра Алексеевича коллектив стал клубом единомышленников с признанным лидером и учителем.

Подход А. А. Кожанова к историческим источникам стал ценным вкладом в подготовку серии сборников материалов и документов по этнической мобилизации прибалтийско-финских народов Карелии во время перестройки и по современным этническим процессам в постсоветский период. Совместно с сотрудниками ИЯЛИ Е. И. Клементьевым и З. И. Строгальщиковой, а также В. Н. Бириным А. А. Кожанов, уже работая в ПетрГУ, принимал активное участие в проекте Института этнологии и антропологии РАН «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве», которым руководил зам. директора Института М. Н. Губогло. С 2005 по 2018 г. в Карелии было издано шесть сборников материалов и документов, освещающих этнические процессы с конца 1980-х и до 2010-х гг. Значительная часть этих материалов не сохранилась в архивах. Их содержание является ценной источниковедческой базой для последующих поколений исследователей. М. Н. Губогло назвал публикацию сборников по прибалтийско-финским народам «завершающим аккордом серийного издания», включающего в целом 140 томов. К особым достоинствам работы карельских исследователей он отнёс подготовленные ими обстоятельные вводные статьи, неизменным автором которых был А.А.Кожанов.

Отношение Александра Алексеевича к историческому источнику, просвещению, независимости и свободе мнений нашло своё отражение и в его деятельности в 1980–1990-е гг. по созданию и развитию Историко-культурного клуба (СКИФ). Главной задачей клуба стало распространение информации о самых разных общественно-политических движениях в СССР, формировавшихся партийных платформах. Основным инструментом стали журналы, статьи, книги (самиздат и тамиздат), а также библиотека, которая давала жителям Петрозаводска возможность познакомиться и сформировать своё мнение о различных направлениях общественной мысли.

Широкий кругозор; независимость и неординарность мысли; умение аргументированно и спокойно отстаивать свою позицию; желание слушать и слышать, что говорит собеседник; неизменная внутренняя собранность и подтянутость; чувство юмора и добрый сарказм — вот те качества Александра Алексеевича, о которых мы всегда будем помнить.

**Ученица, коллега С. Э. Яловицына
21.10.2021**

ПАМЯТИ ЮРИЯ НИКОЛАЕВИЧА БЕСПЯТЫХ (1949–2021)
IN MEMORY OF YURI NIKOLAEVICH BESPYATYKH (1949–2021)

3 июля 2021 г. ушёл из жизни ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН доктор исторических наук Юрий Николаевич Беспятых. Выдающийся историк и источниковед, признанный специалист по истории России Петровской эпохи, Ю. Н. Беспятых внёс огромный вклад в развитие отечественной исторической науки.

Юрий Николаевич родился 6 июня 1949 г. в деревне Круглята Макарьевского района Кировской области. В 1971 г. он закончил филологический факультет Ленинградского государственного университета, где специализировался в области скандинавистики. После окончания университета Юрий Николаевич не сразу пришёл в «большую науку». Он преподавал немецкий язык в Папозерской школе Тихвинского района Ленинградской области, затем работал переводчиком в институте «Ленгипроводхоз», откуда был призван в ряды Советской армии (служил командиром взвода). В 1975–1976 гг. Ю. Н. Беспятых работал старшим инженером (переводчиком) в Ленинградском зональном научно-исследовательском

и проектном институте типового и экспериментального проектирования жилых и общественных зданий Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР.

В декабре 1976 г. Юрий Николаевич Беспятых поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории (далее — ЛОИИ) СССР АН СССР, где его научным руководителем стал выдающийся учёный-скандинавист д. и. н. Игорь Павлович Шаскольский (1918–1995). Спустя годы Юрий Николаевич с неизменной теплотой вспоминал своего учителя. Игорь Павлович помог молодому учёному сделать первые шаги в науке и повлиял на выбор направления исследования.

В 1960–1970-х годах в ЛОИИ стала формироваться научная школа ленинградских скандинавистов, в центре внимания которых находились проблемы взаимоотношений России и стран Северной Европы в Средневековье и Новое время. Вокруг И. П. Шаскольского объединились исследователи, занимавшиеся изучением истории стран Северной Европы. В разные годы учениками Игоря Павловича были В. Е. Возгрин, П. А. Кротов, Т. А. Шрадер, Г. М. Коваленко. Под руководством И. П. Шаскольского Юрий Николаевич написал и в 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию «Россия и Финляндия во время Северной войны»¹.

В том же году Ю. Н. Беспятых был принят на должность младшего научного сотрудника ЛОИИ, исполнял обязанности учёного секретаря (до 1984 г.) сектора истории СССР периода феодализма. В июле 1986 г. он был переведён на должность научного сотрудника, а в мае 1989 г. — старшего научного сотрудника того же отдела. В 1989 г. Юрий Николаевич начал преподавать историю скандинавских стран на филологическом факультете Ленинградского государственного университета. В 1990 г. он защитил докторскую диссертацию «Западноевропейские источники по истории России первой четверти XVIII в.: (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмальм)»². Она была дополнена и опубликована в 1998 г. в виде монографии³.

В научном творчестве Юрий Николаевич особое внимание уделял изучению и введению в научный оборот иностранных источников (дневников, записок, мемуаров) по истории России первой трети XVIII в. Из-под пера Ю. Н. Беспятых вышло более 150 научных работ: статей, монографий, публикаций документов.

¹ *Беспятых Ю. Н.* Россия и Финляндия во время Северной войны 1700–1721 гг.: Автореф. дисс. ... канд. исторических наук. Л., 1980.

² *Он же.* Западноевропейские источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмальм): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Л., 1990.

³ *Он же.* Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в.: (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмальм). СПб., 1998.

Его первые статьи были посвящены военным действиям на территории Финляндии в годы Северной войны, а также социально-экономическим проблемам приграничных территорий. В середине 1980-х годов на страницах научных и научно-популярных изданий появляются подготовленные Ю. Н. Беспятых фрагменты записок и мемуаров иностранцев о России петровского времени. Он также публикует статьи, сборники документов и монографии по истории Карелии, Архангельска и Великого Новгорода. В те же годы в сферу научных интересов Юрия Николаевича входит история раннего Санкт-Петербурга.

Научная публикация исторических источников — сложная, кропотливая и часто неблагодарная работа. Особенно трудно работать историкам с нарративными источниками иностранного происхождения. Юрий Николаевич свободно читал, переводил и комментировал труды современников Петра I, написанные на английском, шведском, голландском, немецком, датском, польском языках. В работе с источниками Ю. Н. Беспятых органично сочетал опыт и навыки филолога и историка-источниковеда. Он твёрдо придерживался принципов классического источниковедения. Ни одна из подготовленных им публикаций источников не выходила в свет без скрупулёзной внешней и внутренней критики. В своих трудах Юрий Николаевич также поднимал вопрос о принципах и приёмах перевода иностранных сочинений, поскольку только адекватный перевод обеспечивал успешную работу с источником.

В 1991 г. в издательстве «Наука» увидела свет его книга «Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии»⁴. Публикация записок, дневников и мемуаров иностранных путешественников и дипломатов ознаменовала начало нового этапа изучения описаний российской столицы и стала важным событием для историков Санкт-Петербурга. Иностранные описания города на Неве первых лет существования — это ценнейшие и многогранные источники, позволяющие восстановить облик будущей российской столицы, её топографию, особенности быта и нравов жителей. Ю. Н. Беспятых не только перевёл на русский язык ранее не знакомые широкому кругу читателей описания петровского Санкт-Петербурга, он также выполнил новые переводы и уточнил авторство и датировку уже известных источников. Сравнив тексты двух немецких анонимных описаний Северной столицы по состоянию на 1710–1711 гг. и 1716–1717 гг., Ю. Н. Беспятых предположил, что у них мог быть один автор — немецкий путешественник Геркенс. По мнению Ю. Н. Беспятых, Геркенс имел задание русских властей познакомить Западную Европу с ходом строительства Санкт-Петербурга. Через шесть лет Юрий

⁴ *Он же.* Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991.

Николаевич опубликовал «Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии»⁵. За эту книгу Юрий Николаевич получил в 1998 г. Анциферовскую премию в номинации «Лучшие научно-исследовательские работы». Ни одно из исследований истории Санкт-Петербурга времён Петра Великого и Анны Иоанновны уже не может состояться без обращения к введённым им в научный оборот запискам, дневникам и мемуарам иностранных путешественников и дипломатов.

В 1999–2001 гг. Юрий Николаевич вместе с С. В. Цветковым (1952–2012) организовал и провёл три международных конференции «Феномен Петербурга». В них принимали участие не только историки, но и филологи, литературоведы, искусствоведы, писатели и журналисты из Москвы и Санкт-Петербурга, а также зарубежные ученые. В актовом зале Всероссийского музея А. С. Пушкина на набережной Мойки, 12 звучали доклады и разворачивались дискуссии о роли Санкт-Петербурга в истории России XVIII–XX вв., его влиянии на различные сферы российской и европейской жизни. Юрий Николаевич был ответственным редактором трёх сборников статей участников конференций.

«Петербургская тема» никогда не уходила из научного творчества Ю. Н. Беспятых. Написанные в середине 1980-х годов в соавторстве с Н. Л. Сухачёвым две статьи о наводнениях ознаменовали начало многолетней работы, связанной с изучением литературы, анализом источников и поисков новых фактов. Её итоги нашли отражение на страницах монографии «Наводнения в Петербурге Петра I»⁶, в которой на основе свидетельств современников воссоздана картина буйства водной стихии при Петре I и причиняемого ей ущерба первым строениям и жителям Санкт-Петербурга. Составленный Юрием Николаевичем список наводнений остаётся самым полным в современной историографии.

Благодаря его переводам широкий круг российских учёных получил возможность ознакомиться с трудами зарубежных исследователей истории и культуры Санкт-Петербурга: шведа Б. Янгфельдта, англичанина Э. Г. Кросса, поляка Л. Базылева.

В начале 2000-х годов в фокусе внимания Ю. Н. Беспятых оказалась биография первого петербургского губернатора Александра Даниловича Меншикова. В монографии «Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность»⁷ Юрий Николаевич сфокусировал внимание на двух

⁵ *Он же*. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997.

⁶ *Он же*. Наводнения в Петербурге Петра I. СПб., 2013.

⁷ *Он же*. Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. СПб., 2005; Изд. 2-е, доп. СПб., 2008.

основных вопросах: грамотность и происхождение А. Д. Меншикова. Сделанные выводы существенно отличались от устоявшихся представлений. Ю. Н. Беспятых подверг критике миф о «худородном» происхождении А. Д. Меншикова. По мнению учёного, родоначальником династии Меншиковых являлся «пресветлый пан» Станислав Менжик, взятый в плен в Смоленске в 1654 г. Юрий Николаевич утверждал, что А. Д. Меншиков не просто был грамотен (умел читать и писать), но также знал математику, мог работать с различными чертежами, был специалистом в области судостроения и мореплавания.

Живой отклик у специалистов и любителей истории вызвала дискуссия Ю. Н. Беспятых с Н. И. Павленко о грамотности А. Д. Меншикова, которая развернулась на страницах научных и научно-популярных изданий, а также в средствах массовой информации. По мнению Н. И. Павленко, слова и выражения «читал» или «изволил прочесть» употреблялись не только, когда адресат лично знакомился с посланием, но и когда текст ему зачитывало иное лицо. В качестве примера учёный приводил ответы неграмотной Екатерины Алексеевны своему венценосному супругу: «я не часто пишу» или «прежде к вашей милости писала». Отстаивая свою позицию, в ходе полемики Ю. Н. Беспятых приводил выявленные им многочисленные свидетельства современников, а также рассредоточенные в различных источниках факты в доказательство грамотности А. Д. Меншикова. «А я ещё научу читать и писать Екатерину», — шутливо обещал своим коллегам Юрий Николаевич.

С 1994 по 1997 г. Ю. Н. Беспятых возглавлял Отдел источниковедения и архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН. Это были сложные для института годы. Происходила смена поколений: ведущие специалисты в области источниковедения и скандинавистики уходили на пенсию или на преподавательские должности в вузах. Юрий Николаевич приложил немало усилий, чтобы привлечь к работе в архиве молодых историков. Он постоянно поощрял и поддерживал их интерес к научным исследованиям. Ю. Н. Беспятых чрезвычайно ответственно относился к работе с аспирантами и соискателями. Юрий Николаевич внимательно читал их первые научные сочинения, указывал на фактические ошибки, безжалостно исправлял стиль, орфографию и пунктуацию. Нередко статья или глава диссертации возвращалась молодому автору вся в карандашных или чернильных пометах, зачёркиваниях и исправлениях, под которыми с трудом можно было разобрать первоначальный текст. Юрий Николаевич терпеливо, но настойчиво развивал в своих учениках чувство научного стиля. Он постоянно повторял, что «жорявым», плохим русским языком нельзя выразить блестящую идею, обосновать научное открытие, что форма должна соответствовать содержанию.

Вокруг Юрия Николаевича сформировалась школа петербурговедов и историков России петровского времени. Под его руководством успешно защитили кандидатские диссертации И. В. Саверкина, И. А. Голубева, Е. А. Андреева, Е. А. Кулакова и др. Юрий Николаевич был научным консультантом защитившего докторскую диссертацию А. Э. Алакпина. В настоящее время ученики Ю. Н. Беспятых работают в научно-исследовательских институтах, университетах и музеях Санкт-Петербурга, Москвы и других городов России. К 70-летию Юрия Николаевича его ученики, друзья и коллеги подготовили сборник статей «Петр Великий, российская власть и общество в эпоху перемен», который вышел в серии «Труды СПбИИ РАН» (СПб.: Историческая иллюстрация, 2019)⁸.

В 2021 г. Ю. Н. Беспятых стал лауреатом премии Правительства Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургского научного центра РАН в номинации «исторические науки» (премия академика Е. В. Тарле) — за выдающиеся научные результаты в области изучения связей России и Европы в XVIII веке.

Юрий Николаевич Беспятых навсегда останется в памяти коллег и учеников не только выдающимся учёным, но и принципиальным, открытым и доброжелательным человеком.

Т. А. Базарова (СПБИИ РАН)

⁸ Петр Великий, российская власть и общество в эпоху перемен: Сборник статей к 70-летию Юрия Николаевича Беспятых / Отв. ред. Т. А. Базарова, М. Е. Проскуракова. СПб., 2019.

ПАМЯТИ ОЛЬГИ ВАСИЛЬЕВНЫ ЧЕРНЫШЕВОЙ (1934–2021)

IN MEMORY OF OLGA VASIL'EVNA CHERNYSHOVA (1934–2021)

3 сентября 2021 г. на 87 году жизни скончалась Чернышева Ольга Васильевна, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук, крупный специалист по новейшей истории Швеции. Она с детства увлекалась историей и после окончания школы поступила на исторический факультет МГУ, который закончила в 1958 г. На студенческой скамье начала заниматься историей Швеции, сперва — средневековой. Ей сразу повезло с научным руководителем. Им оказался молодой, амбициозный и требовательный Александр Кан, только что окончивший аспирантуру и защитивший диссертацию. Спецкурс по средневековой истории Скандинавских стран был его первым опытом университетского преподавания, и надо сказать, удачным. Среди тех, в ком он сумел возбудить желание заниматься исследовательской академической работой, оказалась и Ольга Чернышева. И хотя, как это часто случается, через недолгое время увлечение средневековой тематикой уступило место занятием историей XX века, изучение древних шведских законов, сама работа с источником, чем отличались университетские медиевисты, сыграли свою, несомненно, позитивную роль в становлении Ольги Васильевны как учёного. А. С. Кан сам отошёл от медиевистики (сейчас сказали бы — от истории раннего Нового времени), но двинулся несколько другими путями: он наращивал свой научный потенциал последовательно осваивая один за другим пласты шведской истории, а затем и истории других скандинавских

стран. Всё это явилось залогом плодотворного многолетнего сотрудничества молодого историка, весьма скоро превратившегося в настоящего мэтра исторической скандинавистики и его бывшей ученицы, ставшей высококлассным специалистом по новейшей истории Швеции.

Кандидатская диссертация, посвящённая проблемам шведского рабочего движения в 1930-е годы — ключевому периоду в истории Швеции, была защищена Ольгой Васильевной в 1965 г.¹ Докторская диссертация «Швеция в годы второй мировой войны: экономика, политика, рабочее движение», защищённая в 1982 г.², отчасти была посвящена тем же проблемам, но решённым при значительно более широком подходе, где изучение социальной проблематики шведской истории подкреплялось серьёзным анализом политических, особенно внешнеполитических, а также экономических вопросов той эпохи. В те же годы О. В. Чернышева принимала активное участие в издании коллективных трудов, посвящённых истории Скандинавских стран, в монографии «История Швеции» ею написаны главы по различным сюжетам новейшей истории страны³, она была ответственным редактором коллективной монографии «История Дании»⁴. Ольга Васильевна всегда была активным участником и организатором конференций по истории Скандинавских стран и Финляндии, проводившихся регулярно в различных городах нашей страны вплоть до 2008 г., а также встреч шведских и российских историков (с 1976 по 1993 годы). Она была горячим поборником укрепления международного научного сотрудничества учёных, выступала за широкий обмен мнениями, участвовала в организации научных дискуссии. Контакты со шведскими историками позже переросли в дружбу со многими из них. Эта так называемая научная дипломатия имела и имеет огромное значение, ибо даже в самые трудные годы, когда официальные отношения между нашими странами оставляли желать лучшего, контакты учёных продолжались и приносили свои плоды. И Ольга Васильевна была в этом смысле достойным «посланником» отечественной науки: компетентным, знающим, доброжелательным, интересующимся самым широким кругом научных проблем, плодотворным исследователем. В 1990-е гг. её внимание привлекли проблемы истории шведской церкви. Фактически она занималась и интересовалась этой темой до конца жизни, уделяя внимание самым разным ее аспектам. В 1994 г. выходит её книга «Церковь и демократия. Опыт Швеции»⁵, а в 2015 г. коллективный труд «Религия и церковь Швеции. От эпохи викингов до начала XXI века»⁶, где она была ответственным редактором и автором глав по истории шведской церкви

¹ См. изданную позднее на её основе монографию: *Чернышева О. В.* Рабочее движение в Швеции накануне второй мировой войны: (1929–1939 гг.). М., 1971.

² См. монографию: *Она же.* Швеция в годы второй мировой войны: Экономика, политика, рабочее движение. М., 1980.

³ История Швеции / Отв. ред. А. С. Кан. М., 1974. С. 439–452, 463–488.

⁴ История Дании с древнейших времен до начала XX века / Отв. ред. О. В. Чернышева. М., 1996.

⁵ *Чернышева О. В.* Церковь и демократия: Опыт Швеции. М., 1994.

⁶ Религия и церковь Швеции: От эпохи викингов до начала XXI века / Отв. ред. О. В. Чернышева. М., 2015.

в XIX и XX веках. Казалось бы, в секуляризованной Швеции религиозные проблемы уже не занимают значимого места. Однако для понимания национального характера, идентичности шведов, становления демократии в этой стране изучение шведской церкви, как показала Ольга Васильевна, представляется необходимым. Особенно интересовали Ольгу Васильевну религиозные народные движения, взаимоотношения государственной церкви и свободноцерковного движения. Она не ограничивалась изучением литературы по данной проблеме, ей было важно живое общение с деятелями церкви, их рассказы, взгляды, их деятельность в современной Швеции. Во время командировок она обязательно посещала приходы, общалась с церковнослужителями, которые охотно делились с ней информацией, дарили книги, рассказывали о жизни паствы и проблемах, возникающих с появлением в стране «новых шведов». Недаром одну из глав в последней книге Ольги Васильевны, где мне случилось быть ее соавтором⁷, она специально посвящает этой проблеме.

Следующим этапом в научной биографии Ольги Васильевны стало изучение шведского национального характера и того, как он воспринимается русскими. Книга на эту тему вышла в 2000 г. и была переведена на шведский язык⁸. Ольга Васильевна опиралась в своем исследовании как на собственный опыт и знания, так и на обширную литературу, в том числе и художественную, что обогатило книгу. Продолжением ее стала вторая часть — «Шведы и русские», вышедшая в 2004 г.⁹ Думается, что Ольга Васильевна, жизнь которой тесно связана с этой страной, которую она любила, где оставила много друзей и соратников, внесла немалый вклад в то, что между шведскими и российскими историками в целом сложились добрые и уважительные отношения. Её научный метод отличался глубоким проникновением в суть явлений, стремлением к честности и объективности, покоившимся на прекрасном знании фактов скандинавской и отечественной истории.

Память об Ольге Васильевне, учёном, специалисте, порядочном человеке, наверняка, останется не только у ее российских коллег, но и у коллег-шведов. Кончина Ольги Васильевны Чернышевой — потеря для многих, кто её знал, и от их лица мы приносим глубокие соболезнования семье Ольги Васильевны: её детям, внукам и правнукам.

Н. С. Плевако
руководитель Центра Северных стран Института Европы РАН

⁷ Плевако Н. С., Чернышева О. В. Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после Второй мировой войны. 2-е изд., доп. М., 2019.

⁸ Чернышева О. В. Шведский характер в русском восприятии (по свидетельствам XIX–XX вв.). М., 2000; *Tjernysjova O. Ärlig och arbetsam: Bilden av Sverige och svenskarna i 1800- och 1900-talets Ryssland* / [Övers. B. Samuelson]. Stockholm, 2001.

⁹ Чернышева О. В. Шведы и русские: Образ соседа. М., 2004.

ПАМЯТИ РОСТИСЛАВА НАУФАЛЬДОВИЧА ДУСАЕВА (1949–2021)

IN MEMORY OF ROSTISLAV DUSAEV (1949–2021)

30 ноября 2021 года не стало Ростислава Науфальдовича Дусаева, доктора юридических наук, профессора — яркого специалиста-исследователя и преподавателя, человека широкого кругозора и разносторонних интересов.

Р. Н. Дусаев в 1972 г. окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета. Здесь же спустя некоторое время началась его преподавательская и научная карьера. Довольно рано в сфере научных интересов молодого исследователя оказалась проблематика, связанная с историей государственно-правового статуса Финляндии в составе Российской империи. По сути, Ростислав Науфальдович был едва ли не единственным советским исследователем, обратившимся к этой теме. В какой-то степени его работа стала продолжением традиций научных изысканий в этой области, заложенной видными финляндскими и российскими правоведами в конце XIX — начале XX в.

Соединение фундаментальной научной компетентности в области правоведения с тщательной работой с историческими источниками привело к появлению целого ряда научных публикаций высокого качества и к успешной защите в 1992 г. докторской диссертации на тему «Кодификация уголовного законодательства Финляндии XIX века».

С начала 1990-х годов жизнь Ростислава Науфальдовича была связана с Петрозаводском. Открытие юридического факультета ПетрГУ и вообще петрозаводский период в жизни Ростислава Науфальдовича пришлось на довольно трудное время в истории страны. С другой стороны, это было время открывавшихся возможностей, надежд и ожиданий. Становление и развитие юридического образования и создание юридического факультета в Петрозаводском государственном университете — в значительной степени результат энергичных усилий и заслуженно приобретённого авторитета профессора Р. Н. Дусаева. Он стал первым деканом молодого факультета, возглавлял кафедру теории и истории государства и права юридического факультета ПетрГУ.

Научная, преподавательская и организаторская деятельность в жизни Ростислава Науфальдовича составляли единое целое. Выходили новые научные труды и учебные пособия, разрабатывались лекционные курсы. Наряду с подготовкой юристов-практиков началась подготовка научно-педагогических кадров высшей квалификации. Расширились научные и профессиональные контакты с отечественными и зарубежными коллегами.

В этот период при юридическом факультете появляется юридическая клиника — новая форма оказания профессиональной помощи населению и одновременно школа практической работы для начинающих юристов.

В 1999 г. Р. Н. Дусаев возглавил Северный (г. Петрозаводск) филиал Российской правовой академии Министерства юстиции РФ и руководил им до 2005 г., одновременно возглавляя кафедру государственно-правовых дисциплин.

Правовые аспекты истории финляндской государственности по-прежнему оставались в фокусе внимания Ростислава Науфальдовича как учёного. Свыше двухсот печатных работ, полтора десятка монографий стали ценным вкладом в науку, который оказался востребован специалистами в области государственного права, истории государственного и муниципального устройства Финляндии XIX–XXI веков¹.

Знаком общественного и профессионального признания заслуг профессора Р. Н. Дусаева в области науки и образования стали государственные награды и звания, среди них Орден почёта, звание заслуженного юриста России, почётного

¹ См., например: *Дусаева М. Р., Дусаев Р. Н.* Административная система Великого княжества Финляндского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. Ч. 1. Императорский финляндский сенат; 2015. Ч. 2. Реформы высших правительственных органов Финляндии 80-х гг. XIX в.; 2016. Ч. 3. Учреждение Императорского финляндского сената 1892 г.; Ч. 4. Эволюция компетенции Финляндского сената и его подразделений в XIX в.; *Дусаев Р. Н., Сюльберг К. К.* Преобразование финляндской муниципальной системы // *Правовая культура.* 2019. № 1(36). С. 85–98; *Они же.* Попечение о несовершеннолетних в Финляндии // *Актуальные проблемы экономики и права: Сб. трудов.* Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2019. С. 122–130.

работника высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженного деятеля науки Республики Карелия.

Профессор Р. Н. Дусаев запомнился не только как видный учёный и блестящий преподаватель, но и как человек необычайно широких жизненных интересов и увлечений. Его разносторонняя эрудиция, простиравшаяся далеко за пределы профессиональных занятий, критический склад ума, тонкое чувство юмора, умение слушать и слышать собеседника, талант создания вокруг себя атмосферы дружелюбности и доброжелательности — ценные человеческие качества Ростислава Науфальдовича, которые сохранятся в нашей памяти.

Редколлегия

ПАМЯТИ ПЕККИ НЕВАЛАЙНЕНА (7.X.1959–3.XII.2021)
IN MEMORY OF PEKKA NEVALAINEN (7.X.1959–3.XII.2021)

Из Финляндии пришло печальное известие: 3.12.2021 г. на 63 году жизни скончался известный финский историк, доктор философии, доцент Университета Восточной Финляндии Вяйнё Пекка Невалайнена.

Его творческий путь был неразрывно связан с университетом Йюэнсуу (с 2010 г. — Университет Восточной Финляндии), в котором он в 1989 г. защитил докторскую диссертацию об ингерманландских финнах, находившихся в годы Второй мировой войны на территории Финляндии. Ингерманландская проблематика, оказавшаяся в 1990-е годы на пике общественного внимания как в Финляндии, так и у финского населения России, стала одним из основных, но не единственным направлением в исследованиях П. Невалайнена.

В своих семи монографиях П. Невалайнена также обращался к малоизученным страницам российской эмиграции, уехавшей в 1918–1920 гг. на Запад через территорию Финляндии; к возвращению финнов из бывшей Российской империи на родину; к карельским переселенцам в Финляндии. Благодаря переводам некоторых работ Пекки Невалайнена и у российского читателя появилась возможность познакомиться с новыми страницами общей истории наших стран¹.

Создав свои исследования на богатом архивном материале с привлечением опубликованных документов и воспоминаний современников тех далеких событий, являвшийся помимо прочего составителем и редактором многих изданий по названной тематике, Пекка Невалайнена оставил свой, неповторимый след в исторической науке Финляндии.

Редколлегия

¹ См.: *Киркинен Х., Невалайнена П., Сихво Х. История карельского народа / Пер. с фин. Л. В. Суни. Петрозаводск, 1998; Невалайнена П. Изгой: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939) / Сокр. авториз. пер. с фин. М. Лешя. СПб., 2003; Он же. Исход: Финская эмиграция из России, 1917–1939 гг. / Авториз. пер. с фин. М. Лешя. СПб., 2005.*

ПАМЯТИ ВИЕНО ЗЛОБИНОЙ / VIENO ANOKAS 18.09.1919–27.12.2020
IN MEMORY OF VIENO ZLOBINA / VIENO ANOKAS 18.09.1919–27.12.2020

Фото из архива семьи Злобиных, 2015 г.

В один из последних дней 2020 г., 27 декабря, на 102-м году в Эстонии ушла из жизни Виено Елисеевна Злобина / *Vieno Anokas*. Не ошибусь, если скажу, что Виено была последней из поколения уроженцев североамериканского континента, иммигрировавших вместе со своими семьями в Советскую Карелию. Её долгая жизнь объединила собой разные страны и континенты.

Она родилась 18 сентября 1919 г. в небольшом городке Кобальт в Канаде, куда её родители Элис и Эмма Ахокас эмигрировали из Финляндии в 1917 г. Поначалу отец Виено Элис работал шахтёром, а позже родители вступили в организованную в этом городе сельскохозяйственную коммуну «Сяде» («Луч»). В 1926 г. семья Ахокас вместе с другими коммунарами переехала в Советский Союз. Коммунары поселились недалеко от города Олонец в Советской Карелии.

Члены коммуны «Сяде» были в числе первых из иммиграционного потока американцев и канадцев, приехавших в Советскую Россию в период 1920–1925 гг. Позже, в 1930-е годы, начнётся массовая иммиграция североамериканцев в Карелию. Как установлено историками сегодня, от шести до шести с половиной тысяч человек иммигрировало в Карелию для участия в грандиозном социальном эксперименте —

строительстве справедливого социалистического общества¹. Примерно 1300–1500 человек, сохранивших свои паспорта, покинули республику в 1931–1935 гг. и вернулись в Канаду и США². Оставшиеся, как представители старшего поколения, те, кому удалось избежать репрессий в 1930-е годы, так и их дети, стали частью народа своей новой родины и его истории.

Более полувека жизни Виено Елисеевны связано с Советской Карелией. Здесь прошли ее детство и юность, ее школьные годы, так ярко и обстоятельно описанные автором в мемуарах, которые будут опубликованы через девять десятилетий после прибытия в Советский Союз³. Удивительно, как детская память «цепляет» детали новых реалий увиденного. Например, 1926 г., гостиница «Москва» в Ленинграде, откуда переселенцы отправлялись в Карелию, поражает богатым убранством: ковры, бархатные занавески, в комнате камин. Любопытство шестилетнего ребёнка вызывают спешащие на улицах люди, что-то несущие подмышками. На свой вопрос девочка получает предположительный ответ отца, что это, вероятно, кирпичи, которые рабочие несут на строительную площадку поблизости. Утром за завтраком ситуация разъяснилась: «кирпичи» оказались ржаным хлебом или по-русски просто-напросто буханками, по форме напоминающими кирпичи. Дорога от Лодейного Поля до Олонца на запряженных лошадьми повозках — настоящее приключение для канадской девочки; а вот примитивный паром через Свирь, который мужчины тянули за верёвку, перекинутую с одного берега на другой, особой радости путешествию не добавлял⁴.

Учиться в школе пришлось на двух языках — русском в Олонце и на финском в Петрозаводске. Годы учёбы в начальной школе в Олонце были непростыми из-за обучения на русском языке, но здесь не обходилось без помощи карельских друзей, которые хорошо говорили по-русски. Адаптация канадской девочки к новой жизни была настолько успешной, что ко времени перехода в среднюю школу в Петрозаводске, где обучение велось на финском языке, она скорее идентифицирует себя с карельской девочкой. Она вспоминает, каким сложным оказался переход из русской начальной школы в городскую среднюю *для деревенской девочки*, как они, «местные дети», удивлялись и завидовали американцам, которые отличались от других учеников, носили красивую одежду, в том числе яркие свитера, джинсовые куртки и синие джинсы⁵.

В 1938 г. Виено Ахокас становится студенткой кафедры финноугроведения Карельского государственного педагогического и учительского института, на базе которого в 1940 г. был открыт Карело-Финский государственный университет

¹ Голубев А. В., Такала И. Р. В поисках социалистического Эльдорадо: Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / Авт. пер. с англ. А. С. Роговой. СПб., 2019. С. 128.

² Там же. С. 134

³ Zlobina V. Heidän ihanteensa murskattin: Tyttären tarina Säde-kommuunasta Neuvosto Karjalassa. Turku, 2017.

⁴ Ibid. S. 29–30.

⁵ Ibid. S. 73 – 74.

(далее — К-ФГУ). Однако учёба была прервана войной и эвакуацией в Казахстан. В 1944 г. после возвращения К-ФГУ в Петрозаводск из Сыктывкара она смогла завершить обучение.

Я помню Виено по кругу моих родителей и их друзей, американских и канадских финнов, среди которых я выросла в послевоенном Петрозаводске.

Трудовая деятельность Виено Елисеевны была связана с высшей школой Республики Карелия. После окончания К-ФГУ последовала учёба в аспирантуре на кафедре финно-угорских языков. Её научным руководителем стал член-корреспондент АН СССР Д. В. Бубрих. Под его руководством была написана и в 1948 г. защищена кандидатская диссертация «Фонетика ливвиковского диалекта карельского языка». Кроме того, проблемы словообразования современного финского и карельского языков были в числе основных исследовательских интересов Виено Елисеевны. После защиты диссертации она работала преподавателем кафедры финно-угорских языков, а с 1950 г. возглавила её. В сентябре 1955 г. она была утверждена в учёном звании доцента и продолжала заведовать кафедрой до 1960 г., то есть вплоть до закрытия кафедры.

Виено занималась также переводческой деятельностью с русского языка на финский, а также с финского на русский. Одним из её наиболее значительных переводов стал перевод на финский язык романа А. Н. Толстого «Аэлита», вышедший в 1961 г.⁶ Её преподавательский опыт был востребован при написании учебно-методических пособий, в частности, при создании учебника финского языка⁷. К преподавательской работе она вернулась в 1964 г., когда возглавила кафедру иностранных языков в Карельском педагогическом институте. На этой должности Виено Елисеевна оставалась до 1976 г.

После выхода на пенсию в 1976 г. она переезжает с семьёй сначала в Эстонию, а позже, по возвращении ей канадского гражданства, в Канаду. Здесь, в Торонто, уже в возрасте 80 лет она начинает осваивать компьютер, позже интернет, которые стали помощниками в общении с близкими, друзьями, бывшими коллегами, живущими в разных странах: Эстонии, России, Финляндии, Канаде и США. В Торонто она также приступает к сбору материала и написанию книги воспоминаний, так давно уже жившей в ней. Для нее было важно отдать дань памяти своим родителям, рассказать о том, кто были эти люди, канадские коммунары, которым удалось на болотистых, малопродуктивных землях Карелии создать высокопродуктивное сельскохозяйственное предприятие «Сяде», а также о том, как оно было окончательно уничтожено в 1937 году после ареста руководителей коммуны и принудительного превращения её в колхоз. Подступом к этим мемуарам стала небольшая статья, опубликованная в журнале «Север», названием которой стала меткая метафора «Как погасили луч»⁸.

⁶ *Tolstoi A. N. Aelita / Suom. V. Zlobina. Moskova, 1961.*

⁷ *Zlobina V. Suomen kielen oppikirja: 6. Luokka. Petroskoi, 1976.*

⁸ *Злобина В. Как погасили луч // Север. 1990. № 7.*

Мой контакт с Виено Елисеевной продолжался и в канадский период, но, к великому сожалению, дистанционно. В основном это были долгие телефонные разговоры. После смерти мужа Михаила Злобина она принимает решение вернуться в Эстонию, где живут её самые близкие люди — семья внука и бывшая невестка. Наша долгожданная встреча с Виено наконец-то состоялась в 2015 г. в Пярну.

Всё было прекрасно обустроено в её жизни в Пярну, она была окружена заботой и вниманием близких, но одно обстоятельство мешало радоваться жизни в этом почтенном возрасте: её мемуары так и не удалось опубликовать к этому времени. Уже тогда я поняла, что о спокойной старости Виено Елисеевны не могло быть и речи. Она не собиралась отказываться от своей идеи. Будучи открытым для общения человеком, она стала изучать новые возможности издания своей рукописи. В апреле 2017 г. я получила в подарок книгу с автографом. Автору на этот момент уже исполнилось 97 лет. Главный проект её жизни был реализован.

Её родители так же, как и большинство североамериканских финнов, наивно, но глубоко и искренне верили в идеалы коммунизма, верили в то, что созданная ими сельскохозяйственная коммуна будет вкладом в строительство справедливого общества в Карелии. Неслучайно в опубликованном в 2017 г. в сети интервью с журналисткой *Helsingin Sanomat* Кайей Куннас она говорит: «Пропаганда — худший враг человека. Ей верить»⁹.

Стелла Севандер

⁹ *Kunnas K.* Vieno Zlobinan, 97, perhe lähti rakentamaan sosialismia Neuvostoliittoon, joka lopulta tuhosi heidät vihollisinaan // *Helsingin Sanomat*. 15.03.2017. URL: <https://www.hs.fi/paivanlehti/15032017/art-2000005126871.html> (07.11.2021).